

НОВЫЙ МИР

12

МОСКВА 1939

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ДЕКАБРЬ

МОСКВА
1939

В. И. Ленин и И. В. Сталин в Горках. 1922 г.

С картины художника Сварога (Центральный музей В. И. Ленина)

К шестидесятилетию со дня рождения товарища Сталина

М. И. КАЛИНИН

★

«Можете не сомневаться, товарищи, что я готов и впредь отдать делу рабочего класса, делу пролетарской революции и мирового коммунизма все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей».

И. Сталин.

Исполнилось 60 лет со дня рождения товарища Сталина. Народы Советского Союза горячо приветствуют своего великого вождя. Борющийся пролетариат капиталистических стран и угнетенные всего мира с великой гордостью взирают на товарища Сталина, связывая с ним лучшие свои надежды и чаяния.

В связи с этим событием я позволю себе остановиться на некоторых важнейших моментах политической деятельности товарища Сталина.

I

Общественно-политическая деятельность человека может быть освещена более или менее правильно лишь с учетом существующих факторов общественной жизни и условий, в которых протекала его деятельность.

Товарищ Сталин рано выступил на политическую арену. Уже в Горийском духовном училище у него сложилось отрицательное отношение ко всему строю царского самодержавия.

По окончании Горийского духовного училища в 1894 году товарищ Сталин, как лучший ученик, поступил в Тифлисскую духовную (православную) семинарию, где в 15-летнем возрасте всту-

пил в революционное движение. Он участвовал в ученических социал-демократических кружках — и не случайно, не пассивно, а как инициатор, организатор и руководитель, связавшись с подпольными группами русских марксистов, высланных тогда в Закавказье. Эти группы имели на него большое влияние и привили ему вкус к подпольной марксистской литературе.

В 1897 году товарищ Сталин связался с нелегальной социал-демократической организацией в Тифлисе, как представитель нелегальных кружков семинарии. В 1898 году он уже формально вступил в тифлисскую организацию Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Теперь его нелегальная работа расширяется: он ведет пропаганду марксизма в рабочих кружках железнодорожного и фабричного районов.

Семинарское начальство, — поняв, что имеет дело с вполне определившимся человеком, возратить которого на стезю лояльности по отношению к царскому правительству нет надежды, — исключило товарища Сталина из семинарии.

Это было первое крупное столкновение его с тогдашней общественно-политической действительностью. Но исключение его из семинарии не поставило пе-

ред ним остро вопроса, — куда итти. Выбор дороги сознательно был решен еще в семинарии. Это — путь революционной борьбы, борьбы под знаменем марксизма. Почва для нее в Грузии была довольно подготовленной.

Хотя формально Грузия считалась не завоеванной русским оружием, а добровольно воссоединившейся с Россией страной, все же ею управляли царские наместники со своим чисто русским чиновничьим аппаратом. Разумеется, они не только не защищали народных интересов Грузии, но и не понимали этих интересов. Даже высшую грузинскую знать, которая честно, вопреки грузинским интересам, служила царскому самодержавию, они толкали своими действиями в оппозицию. И потому все революционное и оппозиционное находило живой отклик в массах грузинского народа.

В конце XIX и начале XX века в России подул революционный ветер. Недовольство существующим положением стало проявляться в революционных действиях рабочих: усилились забастовки на фабриках и заводах, начались политические демонстрации, во многих местах отмечалось нелегальное празднование 1 Мая. Под влиянием революционной борьбы пролетариата начались студенческие волнения. Усиливалось брожение среди крестьян. Они все чаще бунтовали против помещиков и нередко жгли барские усадьбы.

Активная часть рабочих объединялась в нелегальные кружки под знаменем социал-демократии. Налицо было общее, хотя, может быть, и не вполне осознанное стремление к созданию единой революционной организации и острое желание иметь нелегальный центр. В это время в Петербурге довольно широко развернул свою деятельность «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», основанный Лениным.

Тот же процесс происходил и в Грузии. Рабочие, особенно в Тифлисе, были настроены революционно. Создавались нелегальные пропагандистские кружки, проводились собрания в горах в 100 и более человек, распространялись прокламации, устраивались стач-

ки. В конце 90-х и в начале 900-х годов прокатилась волна крупных забастовок на фабрике Бозарджянца, кожевенном заводе Адельханова, конном грамае, в типографиях, железнодорожных мастерских и т. д.

В деревне тоже было беспокойно. Тяжелое положение крестьян — малоземелье, бедность, отходничество на заработки и т. д. — настраивало их отрицательно по отношению к существующим властям и порядкам, толкало к революционным действиям. Связь рабочих с деревней, несомненно, помогала распространению революционных идей среди крестьян.

Все это создавало большие возможности для революционной работы не только среди рабочих, но и среди крестьян. И потому в Грузии сравнительно рано началось распространение идей марксизма. «...Особые условия социально-политической жизни Кавказа, — говорит Ленин, — благоприятствовали созданию там наиболее боевых организаций нашей партии...»¹ У меня лично сохранилось впечатление, что даже внешне революционные действия рабочего класса и крестьянства в Грузии всегда выливались в более яркие формы, чем в других местах России.

В 1893 году в Грузии возникла первая марксистская социал-демократическая организация «Месаме-даси», которая по своему политическому направлению была неоднородна. Эта организация страдала основным пороком, который был присущ тогдашнему революционному движению и во многих других частях России. Месамедасисты подчеркивали только прогрессивную роль капитализма и не видели его отрицательных сторон, искажали учение марксизма о классовой борьбе, ограничивали революционные перспективы частными достижениями, местными успехами, узко националистическими интересами буржуазии. Они не ставили перед собой задачу создания партии, как боевой организации пролетариата. Они не учили, не подготовляли рабочих к революционным

¹ Ленинский сборник XXVI, стр. 237.

действиям, не воспитывали их в духе пролетарского интернационализма.

Рабочие-революционеры, активисты сознавали необходимость партии. Но даже у них это сознание было ограниченным. Все зиждилось на авторитете идей. Революционность действий, смелость, дерзость и беззаветность в практической борьбе как-то уживались с ограниченностью в организационных перспективах. Сознывая необходимость партии, они имели смутное представление о центре. Понятие о центре они не мыслили, как понятие о *полновластном* партийном центре, который должен руководить всей партийной работой, всеми проявлениями и формами борьбы рабочего класса. Если и думали тогда о центре, то скорее всего, как о подсобном органе взаимной связи и информации, конспиративной техники (явки, паспорта, шифр и т. п.), заготовки и распространения нелегальной литературы, распределения пропагандистов и т. д. Но люди с такими взглядами на центр походили более на «рабочих политиков», чем на бойцов революционной партии пролетариата. Отсюда уже недалеко и до оппортунизма.

И вот появление товарища Сталина в рабочем движении, вступление его в группу «месамедасистов» сразу вносит в социал-демократическую работу принципиально новую струю и целеустремленность в революционные действия.

В 1898 году товарищ Сталин организует внутри «Месаме-даси» революционную марксистскую группу меньшинства. Эта группа была единственной в Грузии, поставившей себе задачу: направить революционное движение рабочих в общероссийское русло политической борьбы с самодержавием.

Решительно преодолевая сопротивление оппортунистического большинства, товарищ Сталин поворачивает тифлисскую социал-демократическую организацию на путь массовой политической агитации, на путь открытой борьбы с царским самодержавием. Он создает центральную социал-демократическую группу тифлисской организации в качестве руководящего центра, который проводит большую работу по созданию неле-

гальной социал-демократической организации в Закавказье. Он понял значение централизованной революционной партии пролетариата, рассматривая революционное движение в Грузии, как часть общероссийского движения. Он становится революционным пролетарским вождем в широком смысле слова.

Историкам будет нелегко составлять биографию товарища Сталина, несмотря на ее простоту, а вернее — вследствие ее простоты.

Товарищ Сталин с самого начала выступает в роли руководителя, хотя сам он в речи на собрании тифлиссских железнодорожников называл этот период своей работы ученическим. Дело в том, что он не только учился у масс, — что является одним из обязательных признаков пролетарских вождей, — но и руководил массами.

Свою работу товарищ Сталин начал с подполья. Это — не случайно. В этом — принципиальное отличие от легальных и полуполегальных марксистов.

Можно сказать, что с первого своего общественного выступления (разумеется, в узком, нелегальном или полуполегальном обществе) товарищ Сталин довольно четко определил революционно-марксистскую линию и противопоставил ее оппортунистической линии «месамедасистов». Он положил первый камень в строительстве революционной социал-демократии в Закавказье, сделав практический шаг по пути соединения научного социализма с рабочим движением.

1900 — 1901 годы были годами дальнейшего подъема революционного движения по всей России. В обществе чувствовалась энергия к борьбе. «Буревестник» Горького как бы обобщил настроение, желание бороться с самодержавием, с его порядками.

В декабре 1900 года за границей вышел первый номер ленинской «Искры».

С выходом в свет «Искры» для революционеров стали, несомненно, яснее цели рабочего класса, разумеется, в большей степени для тех, кто эти цели уже ставил перед собой. Вместе с этим и оппортунизм многих руководителей местных партийных организаций, особенно «экономистов», стал виднее.

Руководимая товарищем Сталиным тифлисская центральная группа без колебания становится под знамя ленинской «Искры» и разворачивает работу в ее духе.

Для товарища Сталина статьи «Искры», мне кажется, были не столько открытием, сколько авторитетным подтверждением сложившихся уже у него взглядов на революционное движение.

Товарищу Сталин глубоко оценил значение нелегального печатного органа в деле строительства партии, собирания сил рабочего класса и пропаганды идей революционного марксизма. Созданная по его инициативе в 1901 году газета «Брдзола» (печатавшаяся по конспиративным соображениям в Баку) сыграла огромную роль в борьбе с грузинскими оппортунистами, защищая в духе ленинской «Искры» теоретические основы революционного марксизма и задачи классовой борьбы пролетариата. Об этом можно судить по тем принципиальным вопросам, которые поднимались на ее страницах, по вопросам, которые волновали умы передовых людей социал-демократического рабочего движения всей России. Они касались прежде всего характера предстоящей революции, роли и значения рабочего класса в ней, стратегии и тактики его партии.

Развивая ленинскую идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, «Брдзола» писала: «Достаточно окинуть взглядом общественную жизнь России, взаимоотношения различных классов ее, чтобы убедиться, что в России главную силу представляет соединенная сила революционного пролетариата. Буржуазия, опирающаяся на свой бездонный карман, прекрасно себя чувствует под самодержавным скипетром.

Пролетариат—вот та стойкая сила, которая должна разрушить самодержавие»¹

¹ Газета «Брдзола» № 1, сентябрь 1901 г. Должен отметить, что фактические данные о работе товарища Сталина в Закавказье и принципиальное освещение вопросов истории большевистских организаций Закавказья наиболее полно даны в книге Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье».

Приводимые мною цитаты—из газет «Брдзола», «Пролетариатис брдзола», «Кавказский ра-

«Брдзола» воспитывала рабочих и трудящихся Закавказья в духе пролетарского интернационализма и отстаивала общность принципов рабочего движения всей России. «Грузинское социал-демократическое движение, — писала газета, — не представляет собой обособленное, только лишь грузинское, рабочее движение, с собственной программой. Оно идет рука об руку со всем российским движением и, следовательно, подчиняется российской социал-демократической партии»².

Большую роль сыграла «Брдзола» в идейно-организационном укреплении тифлисской социал-демократической организации. В ноябре 1901 года созывается первая тифлисская конференция социал-демократической организации, на которой были представлены почти все социал-демократические кружки. Конференция избрала Тифлиссский комитет РСДРП искровско-ленинского направления. Это явилось огромным завоеванием революционной социал-демократии Грузии. Руководящая роль в этом завоевании принадлежит товарищу Сталину.

Подпольная работа имеет свои особенности. Она вынуждает политического деятеля скрываться. Она редко дает ему возможность сформулировать свои воззрения легально, особенно в печати. Поэтому вполне естественно, что первые годы подпольной работы товарища Сталина освещены далеко еще недостаточно. Но даже и те немногие факты, которые мы знаем, говорят об очень многом.

Вот один факт. «Месамедасисты» создавали воскресные школы и преподавали там начатки общих знаний. Однажды в такую школу зашел товарищ Сталин и на двух-трех собраниях рассказал рабочим о классовой борьбе пролетариата. Потом он спросил одного рабочего: «Чему учат вас в воскресной

бочий листок», «Бакинский пролетарий», «Дро», «Ахали цховреба» и «Тифлиссский пролетарий», затем из прокламаций Тифлиссского комитета Кавказского союза РСДРП и, наконец, из работ товарища Сталина: «Две схватки», «Вскользь о партийных разногласиях», «Ответ Социал-Демократу»—даны по указанной книге Л. Берия. — М. К.

² Газета «Брдзола» № 1, сентябрь 1901 г.

школе?». И когда тот ответил, что там объясняют, как движется солнце, он с улыбкой сказал: *«Слушай! Солнце, не бойся, не собьется с пути. А вот ты учись, как должно двигаться революционное дело, и помоги мне устроить маленькую нелегальную типографию»*¹.

Как солнце в капле воды, так в этом факте виден образ руководителя пролетарских масс.

Возьмите теперь в целом весь начальный период деятельности товарища Сталина: исключение из Тифлисской духовной семинарии за политическую неблагонадежность; непосредственный переход на нелегальную работу; практические усилия сделать нелегальные кружки рабочих политическими очагами революционно-классовой борьбы; руководство забастовками; составление прокламаций; создание центральной социал-демократической группы тифлисской организации; организация нелегальной газеты «Брдзола» и т. д. Даже эти немногие, бесспорно исторические факты ясно говорят о том, что товарищ Сталин с самого начала своей революционной деятельности шел по ленинскому пути. Его революционные действия в Тифлисе вполне совпадали с политическими установками Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» при ленинском руководстве.

II

В конце ноября 1901 года Тифлисский комитет РСДРП командирует товарища Сталина в Батум на нелегальную работу.

Батум представлял для того времени значительный промышленный центр по переработке нефти.

Рабочих эксплуатировали без зазрения совести, в особенности аджарцев.

Общий подъем революционного движения в России захватил и Батум.

«С 1893 года, — рассказывает Осман Гургенидзе, — я работал на заводе Ротшильда в Батуме...

...До приезда товарища Сталина в Батум никакой подлинно революционной работы среди рабочих завода не велось.

Только в 1901 году рабочие завода почувствовали чью-то крепкую организующую руку, которая умело направляла рабочих, объединяла их выступления.

Это была рука товарища Сталина, с первого же дня после приезда в Батум проводившего огромную работу по организации революционной борьбы рабочего класса.

Товарищ Сталин в короткое время организовал целый ряд социал-демократических кружков, в которые вовлек передовых рабочих заводов Манташева и Сидеридиса. Входил в эти кружки и ряд рабочих нашего завода. При этом товарищ Сталин особо подчеркивал необходимость вовлечения в кружки рабочих различных национальностей, задачу интернационального воспитания трудящихся»¹.

31 декабря 1901 года на собрании представителей кружков товарищ Сталин оформил батумскую социал-демократическую организацию.

«Накануне нового года, — рассказывает Куридзе, — товарищ Сталин собрал всех старост кружков и предложил устроить товарищескую встречу нового года. Предложение было встречено с радостью.

В ночь под новый год мы собрались на квартире у Силибистро Ломджария.

Шутки Сталина вызывали взрывы смеха. Все чувствовали себя превосходно. Как-то незаметно беседа наша перешла на политические темы, и тут снова в наступившей тишине взволнованно звучал сталинский голос.

Так просидели мы до рассвета. Когда в окна проник розовый свет зари, Сталин поднял бокал и сказал:

— Ну, вот и рассвет! Скоро встанет солнце. Это солнце будет сиять для нас»².

На этом собрании была выделена руководящая партийная группа, которая

¹ Цитирую по сборнику «Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине», стр. 42—45. Изд-во «Молодая Гвардия», 1937 г.

¹ «Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине», стр. 61—62.

² Там же, стр. 96—97.

по существу представляла собою Батумский комитет РСДРП.

«В январе 1902 года, — как рассказывает Даракхелидзе, — товарищ Сталин на несколько дней уехал в Тифлис. Оказывается, он ездил в Тифлис за частями типографского станка и шрифтами на трех языках: русском, грузинском и армянском. С помощью рабочих завода Ротшильда станок был собран и «производство» пущено на полный ход. Сталин писал прокламации, некто Георгий (фамилии не помню) набирал, а все мы со Сталиным вместе печатали: поочередно крутили колесо пресса»¹.

В январе 1902 года товарищ Сталин организовал первую в Батуме крупную забастовку рабочих на заводе Манташева, а в феврале — две крупные забастовки на заводе Ротшильда, которые окончились победой рабочих.

Царское правительство всполошилось организованностью и упорством бастующих рабочих. И не без основания. Еще незадолго до стачки батумская охранка писала, что развитие социал-демократического движения сделало большие успехи, когда «Осенью 1901 г. Тифлисский комитет РСДРП командировал в гор. Батум для пропаганды между заводскими рабочими одного из своих членов — Иосифа Виссарионовича Джугашвили, бывшего воспитанника 6-го класса Тифлисской духовной семинарии. Благодаря деятельности Джугашвили... стали возникать на всех батумских заводах социал-демократические организации, вначале имевшие главой Тифлисский комитет»².

В Батум приехал кутаисский военный губернатор, чтобы полицейскими мерами прекратить забастовку.

В ответ на арест 32 рабочих-забастовщиков товарищ Сталин организовал 8 марта массовую манифестацию рабочих, в которой приняли участие 400 человек. Манифестанты подошли к

полицейскому управлению, требуя освобождения арестованных рабочих. Полиция арестовала из числа манифестантов больше 300 человек.

На следующий день товарищ Сталин организовал огромную политическую демонстрацию батумских рабочих, в которой приняло участие около 6 тысяч человек.

«Мы тогда, — рассказывает Инжерабян, — еще не знали, что эту демонстрацию организовал товарищ Сталин. Но по тому, как быстро передали нам сообщение о демонстрации, как она готовилась, мы поняли, что руководит ею очень сильный, опытный организатор, который лучше всех знает, куда и как вести дело...

Демонстрации 9 марта 1902 года я никогда не забуду. Огромные массы рабочих загрохотали улицу по направлению к пересыльным казармам, где находились арестованные рабочие. Впереди группы рабочих в демонстрации шел товарищ Сталин.

Демонстрация вплотную приблизилась к солдатам, державшим наготове винтовки, направленные на нас.

Их начальник, офицер Антадзе, потребовал, чтобы демонстрация разошлась, иначе он прикажет стрелять.

Первое мгновение некоторые рабочие, среди которых был и я, заколебались. Но над демонстрацией пронесся громкий голос, призывавший нас не расколоться, еще решительнее требовать освобождения арестованных.

С этим призывом обратился к демонстрантам товарищ Сталин.

Его огненные слова сцементировали демонстрацию, и никто не отошел.

Наоборот, многие рабочие стали бросать в офицера и солдат камни, решительно требуя освобождения арестованных...

Эта демонстрация, организованная и руководимая Сталиным, лишней раз убедила нас в том, что только решительная борьба с самодержавием с оружием в руках приведет трудящихся к победе»¹.

¹ «Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине», стр. 80.

² Центрархив Грузии, донесение пом. нач. кутаисского губернского жандармского управления по Батумской области, дело № 1011.

¹ «Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине», стр. 88—91.

Развернувшиеся батумские события, идейным вдохновителем и непосредственным руководителем которых был товарищ Сталин, должны были ярко запечатлеться в сознании рабочих. Ведь здесь на конкретных действиях была продемонстрирована революционная тактика большевизма, когда еще большевизма, как определенного политического течения, не было.

В самом деле, товарищ Сталин в короткое время организует на всех значительных заводах Батума нелегальные кружки; связывает их в единую организацию под знаменем социал-демократии; создает нелегальный орган, воздействие которого распространяется на широкие массы рабочих. Сплоченную идейно и организационно силу направляет против капитала, на борьбу за улучшение жизни рабочих.

Вполне естественно, что по тогдашним условиям хорошо организованная забастовка сталкивала рабочих лицом к лицу с самодержавием. Забастовка, где преобладающими были экономические требования, переросла в высшую фазу — в политическую демонстрацию всех батумских рабочих, то-есть в непосредственную борьбу с царским режимом.

Какой гигантский политический путь прошли батумские рабочие в столь короткий срок под руководством товарища Сталина! А ведь это руководство было нелегальным, формально никого не обязывающим.

Батумские события мощным эхом отозвались по всей стране. Они приобрели всероссийское политическое значение.

В апреле 1902 года товарища Сталина арестовали и заключили в батумскую тюрьму. Но и отсюда он продолжал направлять работу созданной им батумской социал-демократической организации. В апреле 1903 года, — когда полиция узнала об этом, — его перевели в кутаисскую тюрьму. Здесь товарищ Сталин, сталкиваясь с представителями разных политических течений, отстаивал и пропагандировал ленинско-искровские идеи.

В середине ноября 1903 года товарища Сталина перевели обратно в батумскую тюрьму, а отсюда в конце ноября 1903 года его сослали на три года в Восточную Сибирь, в Балаганский уезд Иркутской губернии, в село Новая Уда.

В январе 1904 года, то-есть через месяц по прибытии в Новую Уду, товарищ Сталин бежал из ссылки и возвратился в Тифлис. Он возглавил большевистские организации Закавказья и повел ожесточенную борьбу с меньшевизмом.

Товарищ Сталин систематически наезжал в Батум, Чиатуры, Кутаис и Баку, организуя и сплачивая большевистские ряды, ведя устную и печатную дискуссию против меньшевиков, а также против эсеров, анархистов и националистов.

В конце 1904 года товарищ Сталин оформил ленинско-искровскую организацию Закавказья в большевистскую организацию, которая повела борьбу за созыв III съезда партии.

В ноябре 1904 года в Тифлисе состоялась большевистская конференция кавказских комитетов, которая приняла решения об организации борьбы и широкой агитации за созыв III съезда партии.

В конце 1904 года Кавказский комитет РСДРП командировал товарища Сталина в Баку для усиления кампании за созыв III съезда партии.

В декабре этого года под руководством товарища Сталина в Баку была проведена большая забастовка рабочих нефтепромыслов. Она закончилась победой рабочих: впервые в истории рабочего движения России был заключен коллективный договор между рабочими и нефтепромышленниками. «Бакинская стачка, — писал впоследствии товарищ Сталин, — послужила сигналом славных январско-февральских выступлений по всей России»¹.

III

В связи с начавшейся русско-японской войной большевики Закавказья последо-

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 54.

вательно и неуклонно проводили ленинскую линию «поражения царского правительства», призывали рабочих и крестьян к усилению революционной борьбы, к свержению царизма. Кавказский союзный комитет, Тифлисский и Бакинский комитеты РСДРП выпустили ряд прокламаций, писанных главным образом товарищем Сталиным. Эти прокламации будили рабочих и крестьян: «Так проснемся же и мы, товарищи, проснемся и будем действовать! Время не терпит!»¹ Они призывали солдат перейти на сторону рабочих и крестьян, направив оружие против царя и помещиков: «Ведь вы тоже рабочие, только временно одетые в военные мундиры! Знайте же, братья, если мы освободимся, будете свободны и вы»².

Ряд поражений, понесенных царской армией в Манчжурии, усилил рост революционного и оппозиционного движения по всей России.

Бойня 9 января (22 января) 1905 года в Петербурге послужила новым толчком к усилению революционной борьбы народа по всей России. Стачки рабочих в городах и в рабочих поселках, крестьянские выступления, забастовки студентов, столкновения народа с полицией и войсками, — все это ослабляло скрепы самодержавия. Революционные силы вырвались на улицу.

В начавшейся революции товарищ Сталин принимает участие, как руководитель большевистской организации Закавказья. Он разворачивает огромную теоретическую работу по защите ленинских идеологических, организационных и тактических принципов марксистской партии рабочего класса.

К этому времени относится, например, замечательная брошюра товарища Сталина «Вскользь о партийных разногласиях», в которой он отстаивал и развивал ленинский тезис о внесении социалистического сознания в стихийное рабочее движение, о необходимости соединения революционной теории с массовым рабочим движением, о руководя-

щей роли революционной социал-демократии.

«Рабочее движение, — писал товарищ Сталин, — должно соединиться с социализмом, практическая деятельность должна тесно связаться с теорией и тем придать стихийному рабочему движению социал-демократический смысл и физиономию...

Мы, социал-демократы, должны помещать стихийному рабочему движению итти по тред-юнионистскому пути, должны вводить его в социал-демократическое русло, *вносить* социалистическое сознание в это движение и сплачивать передовые силы рабочего класса в централизованную партию. Наш долг — всегда и везде руководить движением, энергично бороться со всеми — будет ли то враг, или «друг» — кто становится на пути к осуществлению нашей святой цели»¹.

Вопрос о сознательности и стихийности в рабочем движении товарищ Сталин освещал, кроме того, в статье «Ответ Социал-Демократу», в которой писал: «Современная жизнь устроена капиталистически. Здесь существуют два больших класса: буржуазия и пролетариат, и между ними идет борьба не на жизнь, а на смерть. Первого его жизненное положение вынуждает укреплять капиталистические порядки. Второго же то же положение вынуждает подорвать и уничтожить капиталистические порядки. Соответственно этим двум классам и сознание вырабатывается двойное: буржуазное и социалистическое. Положению пролетариата соответствует сознание социалистическое...

Но какое значение имеет одно социалистическое сознание, если оно не имеет распространения в пролетариате? Оно останется лишь пустой фразой и больше ничем! Совершенно по-другому повернется дело, если это сознание найдет распространение в пролетариате: пролетариат осознает свое положение и ускоренным шагом устремится к социалистической жизни. Вот здесь и появляется социал-демократия (а не только интеллигенты

¹ Прокламация «Товарищи!» Тифлисского комитета Кавказского союза РСДРП.

² Прокламация «Братья солдаты» Тифлисского комитета Кавказского союза РСДРП.

¹ И. Сталин. «Вскользь о партийных разногласиях», стр. 15 — 16. 1905 г.

социал-демократы), которая вносит в рабочее движение социалистическое сознание...»¹.

Ленин полностью солидаризировался с этой статьей товарища Сталина, особо отметив «...прекрасную постановку вопроса о знаменитом «внесении сознания извне».

В противоположность меньшевистской расплывчатости в понимании партии товарищ Сталин указывал, что партия пролетариата «...должна быть классовой партией, совершенно независимой от других партий, и это потому, что она есть партия класса пролетариев, освобождение которых может совершиться только их же собственными руками.

Эта партия должна быть революционной партией, и это потому, что освобождение рабочих возможно только революционным путем, при помощи социалистической революции.

Эта партия должна быть интернациональной партией, двери партии должны быть открыты для каждого сознательного пролетария, и это потому, что освобождение рабочих — это не национальный, а социальный вопрос, который одинаковое значение имеет как для пролетария-грузина, так и для русского-пролетария и пролетариев других наций.

Отсюда ясно, что чем теснее сплотятся пролетарии разных наций, чем основательнее разрушатся воздвигнутые между ними национальные стены, тем сильнее будет партия пролетариата, тем более облегчится организация пролетариата в один неделимый класс»².

Товарищ Сталин подверг резкой критике попытку дашнаков организовать партийные, то-есть, по существу, националистические профсоюзы, наглядно показав, какой вред может принести лозунг «партийных профсоюзов». Со всей силой он подчеркивал, что «...партийные профессиональные союзы вырывают яму между сознательными и несознательными рабочими... Тогда как все фабриканты объединяются... в один со-

юз, дашнакцаканы нам советуют разбиться на отдельные группы...»¹.

Ясно, что это была серьезная угроза для рабочего движения. Эту угрозу своевременно предотвратил товарищ Сталин.

Рабочие Закавказья шли в передовых рядах народной революции. 18 января 1905 года вспыхнула всеобщая забастовка тифлиских рабочих. Затем всеобщие забастовки разразились в Баку, Батуме, Чиатурах, Кутаисе и других городах, сопровождаясь массовыми демонстрациями и столкновениями с полицией и войсками.

Волна революционного движения пролетариата широко захватила и крестьянство Грузии. Происходят вооруженные восстания в Озургетском, Зугдидском, Сенакском, Горийском, Душетском, Тифлисском и Телавском уездах. Крестьяне организуют революционные комитеты, захватывают помещичьи земли, отменяют налоги, бойкотируют органы царской власти.

Революционную борьбу рабочих и крестьян Закавказья возглавлял Тифлиссский комитет РСДРП, руководимый товарищем Сталиным.

III съезд нашей партии высоко оценил революционное движение в Закавказье, а значит, и руководство большевиков Закавказья. По предложению Ленина III съезд РСДРП от имени сознательного пролетариата России послал горячий привет героическому пролетариату и крестьянству Кавказа и поручил Центральному и местным комитетам партии «...принять самые энергичные меры к наиболее широкому распространению сведений о положении дел на Кавказе путем брошюр, митингов, рабочих собраний, кружковых беседований и т. д., а также к своевременной поддержке Кавказа всеми имеющимися в их распоряжении средствами»².

Закавказская большевистская организация, руководимая товарищем Сталиным, показала глубокое понимание задач ре-

¹ Газета «Пролетариатис брдзола», № 11, от 15 (28) августа 1905 г.

² И. Сталин. «Анархизм или социализм». Газета «Дро», № 21 от 4 апреля 1907 г.

¹ Газета «Ахали цховреба», № 12 от 15 августа 1906 г.

² ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, стр. 52, Партиздат, 1932 г., изд. 4-е.

волюции и дала лучшие образцы выполнения ленинской линии по подготовке вооруженного восстания. Товарищ Сталин прямо говорил, что революция не может победить без оружия, и тот революционер, который говорит: «дойлой оружие», тот не революционер, а толстовец, — он враг революции и свободы народа. «Что нужно нам, — спрашивал товарищ Сталин, — чтобы действительно победить? Для этого нужны три вещи: первое — вооружение, второе — вооружение, третье — еще и еще раз вооружение»¹.

В конце 1905 года товарищ Сталин был на общерусской большевистской конференции в Таммерфорсе (Финляндия), где впервые встретился с Лениным. На этой конференции товарищ Сталин был избран в политическую комиссию по редактированию резолюций и работал вместе с Лениным, как один из выдающихся строителей и руководителей революционной марксистской партии.

Во время конференции было получено сообщение о начале вооруженного восстания в Москве. По предложению Ленина все делегаты немедленно разъехались на места, чтобы принять активное участие в организации и руководстве вооруженным восстанием.

В эти дни большевистская газета «Кавказский рабочий листок» опубликовала решение Совета Тифлисского большевистского комитета: «Совет высказывается за то, что тифлисская пролетариат должен примкнуть к всероссийской политической забастовке»².

Стачечный комитет захватил почту, телеграф, управление Закавказской железной дороги. Надзаладеви (Нахаловка), рабочий район Тифлиса, находилась в руках вооруженного пролетариата.

Товарищ Сталин возвратился в Закавказье, когда правительство перешло в наступление, двинув в ход вооруженные силы.

18 декабря 1905 года войска напали на Надзаладеви, где ранили трех и убили девять рабочих-революционеров. Ар-

тиллерия пала прямо по домам, чтобы навести панику на все население.

Разгромив Тифлис, царские войска двинулись на периферию Грузии, завоеывая почти каждую пядь территории. Повсюду свирепствовал кровавый террор. Царские палачи вешали и расстреливали отважных борцов за свободу. Полицейские и жандармы громили революционные организации.

После подавления декабрьского вооруженного восстания в Москве эта расправа прокатилась кровавой волной по всей России.

Но значит ли это, как трубили меньшевики, что пролетариат побежден. «...Пролетариат, слава богу, — писал товарищ Сталин, — живет и растет политически; он только отступил, чтобы, набравшись сил, последний раз напасть на царское правительство»¹.

Меньшевики поносили декабрьское вооруженное восстание, как «продукт отчаяния», как «роковую ошибку». Устами Плеханова они заявляли, что «не надо было браться за оружие». Они требовали полного отказа от вооруженного восстания вообще, осуждая его как метод борьбы.

Наступление контрреволюции усилило среди рядовых социал-демократических рабочих по всей России, и в том числе в Закавказье, требование объединения большевиков и меньшевиков. Большевики видели в объединении с меньшевиками одно из средств разоблачения меньшевизма и завоевания меньшевистских рабочих на свою сторону.

Именно в этом духе закавказские большевики разрешали вопрос о возможности объединения с меньшевиками. Уже в конце 1905 года на своей IV конференции закавказские большевики высказались за объединение на основе обязательного признания и проведения в жизнь ленинских организационных принципов. «...Основным условием слияния, как на местах, так и в «верхах» Партии, — говорилось в резолюции этой конференции, — должно быть признание § 1 устава, принятого на

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 78.

² Газета «Кавказский рабочий листок», № 15 от 11 (24) декабря 1905 г.

¹ И. Сталин. «Две схватки». Изд. Кавказского союзного комитета РСДРП, 1906 г.

III съезде Партии, с вытекающим из этого § организационным централизмом». Что касается существующих тактических разногласий, которые могут быть разрешены съездом объединенной партии, то они «не могут и не должны мешать слиянию в единую Партию». Конференция признала необходимым «немедленно взяться, где только это возможно, за дело слияния на местах на почве вышеупомянутого основного условия, а где это невозможно, пойти на соглашение с меньшевиками на почве единства практических лозунгов при открытом выступлении пролетариата»¹.

На основе этой линии в 1906 году состоялась «объединительные» конференции тифлисской и бакинской организаций большевиков и меньшевиков, а потом «объединительный» Закавказский съезд, на котором было проведено формальное объединение обеих частей организации. В результате появились «объединенные» Тифлисский, Бакинский и Закавказский областной комитеты РСДРП.

Наряду с «объединенным» Закавказским комитетом существовал и работал большевистский центр в виде областного бюро большевиков под руководством товарища Сталина.

В апреле 1906 года в Стокгольме (Швеция) состоялся IV съезд РСДРП (Объединительный).

Товарищ Сталин представлял на этом съезде большевистскую часть тифлисской организации. Вместе с Лениным он боролся против меньшевиков, беспощадно разоблачая их антипролетарское, оппортунистическое нутро.

В одном из своих выступлений товарищ Сталин говорил: «...мы накануне нового взрыва, революция подымается, и мы должны довести ее до конца. В этом все сходится. Но в какой обстановке мы можем и должны сделать это: в обстановке гегемонии пролетариата или в обстановке гегемонии буржуазной демократии? Вот где начинается основное расхождение. Тов. Мартынов еще в «Двух диктатурах» говорил, что геге-

мония пролетариата в текущей буржуазной революции — вредная утопия. Во вчерашней его речи сквозит та же мысль. Товарищи, аплодировавшие ему, должны быть согласны с ним. Если это так, если, по мнению товарищей-меньшевиков, нам нужна не гегемония пролетариата, а гегемония демократической буржуазии, тогда само собой ясно, что ни в организации вооруженного восстания, ни в захвате власти мы не должны принимать непосредственного активного участия. Такова «схема» меньшевиков. Наоборот, если классовые интересы пролетариата ведут к его гегемонии, если пролетариат должен идти не в хвосте, а во главе текущей революции, то само собой понятно, что пролетариат не может отказаться ни от активного участия в организации вооруженного восстания, ни от захвата власти. Такова «схема» большевиков. Или гегемония пролетариата, или гегемония демократической буржуазии — вот как стоит вопрос в партии, вот в чем наши разногласия»¹.

Стокгольмский съезд еще резче выявил разногласия между большевиками и меньшевиками.

Вернувшись с Стокгольмского съезда, товарищ Сталин организовал борьбу против закавказских меньшевиков, разоблачая их отречение от революции и переход на рельсы конституционной монархии. Под его руководством закавказская организация большевиков одной из первых в России высказалась за созыв экстренного съезда партии.

На второй общероссийской партийной конференции в ноябре 1906 года было принято решение созвать V съезд партии.

В противовес этому решению меньшевики повели агитацию за созыв беспартийного рабочего съезда, чтобы создать «широкую рабочую партию». Эту идею подхватили и закавказские меньшевики. Они считали, что подпольную революционную партию надо ликвидировать, что она не нужна пролетариату, что вместо нее надо создать мирную парламентскую рабочую партию, которая мог-

¹ Газета «Кавказский рабочий листок», № 8 от 3 (16) декабря 1905 г.

¹ Протоколы четвертого (Объединительного) съезда РСДРП, стр. 235, Партиздат. 1934 г.

ла бы существовать открыто на основе «куцой конституции», приспособляясь к мирному сотрудничеству с буржуазией.

Закавказские ликвидаторы встретили решительный отпор со стороны товарища Сталина, который в это время направлял усилия большевиков на укрепление нелегальной партии пролетариата.

Ликвидаторская идея о созыве «рабочего съезда» провалилась.

В мае 1907 года в Лондоне состоялся V съезд РСДРП, на котором товарищ Сталин опять представлял большевистскую часть тифлисской организации. На этом съезде большевики имели большинство и потому решения по основным вопросам были приняты в большевистском духе. V съезд означал крупную победу большевиков в рабочем движении.

В своих статьях о Лондонском съезде товарищ Сталин прежде всего показал банкротство меньшевистского руководства «объединенной» партии. Он писал: «меньшевизм, наполнивший тогда ЦК, не способен руководить партией. Он окончательно обанкротился как политическое течение. С этой точки зрения вся история ЦК является историей провала меньшевизма. И когда нас упрекают тов. меньшевики, говоря, что мы «мешали» ЦК, мы «приставали» к нему и т. д. и т. д., мы не можем не ответить этим морализирующим товарищам: да, товарищи, мы «мешали» ЦК нарушать нашу программу, мы «мешали» ему приспособлять тактику пролетариата ко вкусам либеральной буржуазии и будем мешать впредь, ибо в этом наша священная обязанность...»¹.

Самую сущность меньшевизма товарищ Сталин характеризовал так: «Меньшевизм — это сброд течений, незаметных во время фракционной борьбы с большевизмом, но сразу же прорывающихся при принципиальной постановке вопросов текущего момента в нашей тактике»².

Разоблачая ликвидаторство меньшеви-

ков, товарищ Сталин показал, что их идея беспартийного рабочего съезда есть прямая измена рабочему классу, что меньшевики «по заданию» либеральной буржуазии пытаются обезглавить рабочее движение. «Не даром, — указывал он, — все буржуазные писатели, от синдикалистов и эсеров до кадетов и октябристов, не даром все они так горячо высказываются за рабочий съезд: ведь все они враги нашей партии, а практическая работа по созыву рабочего съезда могла бы значительно ослабить и дезорганизовать партию — как им не приветствовать «идею рабочего съезда?»¹.

V съезд РСДРП закончился победой большевизма над меньшевизмом. Непокоримая вера товарища Сталина в силу большевизма еще и еще раз оправдалась.

Общий характер и смысл Лондонского съезда заключается — по словам товарища Сталина — в том, что произошло «фактическое объединение передовых рабочих всей России в единую всероссийскую партию под знаменем революционной социал-демократии...»².

IV

После V съезда партия послала товарища Сталина на «постоянную» работу в Баку.

На «постоянную» работу... Но вообще это «постоянство» измерялось тогда, в среднем, годом работы, а затем следовали аресты.

Товарищ Сталин проработал в Баку около полутора лет (значительно выше среднего) и провел 8 месяцев в тюрьме, откуда не переставал руководить организацией. При столь активной работе в массах, какую вел товарищ Сталин, такой сравнительно долгий срок пребывания на «свободе» можно объяснить только его опытом подпольной работы и широким содействием рабочих, которые помогали ему скрывать-ся от жандармерии.

¹ Газета «Бакинский пролетарий», № 1 от 20 июня 1907 г.

² Там же.

¹ Газета «Бакинский пролетарий», № 2 от 10 июля 1907 г.

² «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 87.

Переезд товарища Сталина в Баку диктовался политической целесообразностью. Баку являлся огромным рабочим центром, куда понаехало много всякого меньшевистского сброда, вроде братьев Шендриковых, известных авантюристов и демагогов (не исключена их связь с охранкой), которые являлись здесь лидерами меньшевиков. И вот на товарища Сталина пала задача очистить Баку от этого сброда, сделать Баку крепостью большевизма. С этой задачей товарищ Сталин справился великолепно.

Один из активных членов тогдашнего Бакинского комитета П. Сакварелидзе рассказывает в своих воспоминаниях: «Руководителем всей работы был Бакинский комитет и его исполнительное бюро во главе с товарищем Сталиным... В районах работали районные комитеты... Центр тяжести всей идейной и организационной борьбы по укреплению и сплочению большевистской организации лежал на товарище Сталине. Он во всю работу вкладывал душу. Одновременно он руководил нелегальной газетой «Бакинский рабочий», издание которой в этот период представляло большую трудность... организовывал работу среди мусульманских рабочих (с помощью организации «Гуммет»), руководил забастовками нефтяников и т. д. Он вел интенсивную борьбу за изгнание меньшевиков и эсеров из рабочих районов. Товарищ Сталин в первую очередь отправлялся в те районы, где меньшевики и эсеры усиливали свою работу. Наконец, он засел в Биби-Эйбате, который представлял цитадель меньшевиков в Баку. Тогда же на Биби-Эйбате было больше всего остатков шендриковщины — своеобразная разновидность полицейского социализма. Под руководством товарища Сталина большевики сломали влияние меньшевиков и эсеров и превратили Биби-Эйбат в большевистский район»¹.

Бакинская большевистская организация выросла, укрепилась и закалилась в борьбе с меньшевиками, эсерами и на-

ционалистами, завоевав на свою сторону подавляющее большинство рабочих. Особенно показательна в этом отношении большая кампания по заключению коллективного договора между рабочими и нефтепромышленниками.

Бакинские большевики, руководимые товарищем Сталиным, развернули огромную работу по политическому просвещению рабочих масс и сумели перевести борьбу рабочих с нефтепромышленниками на рельсы классово-сознательной политической борьбы против царизма и буржуазии. В результате специального опроса о тактике проведения этой кампании большинство рабочих высказалось за сталинскую тактику большевиков, а эсеры, дашнаки и меньшевики позорно провалились. В конце 1907 года, когда по всей России свирепствовала реакция, в Баку около двух недель заседал своеобразный рабочий парламент в лице собрания уполномоченных нефтепромыслов и заводов под председательством рабочего-большевика тов. Тронова. Здесь большевики, разрабатывая требования рабочих к нефтепромышленникам, широко развернули агитацию за неурезанные лозунги партии: за восьмичасовой рабочий день, конфискацию помещичьих земель и демократическую республику.

Товарищ Сталин привил бакинскому пролетариату славные традиции большевизма, благодаря которым он, бакинский пролетариат, выдвинулся в передовые ряды борцов за победу революции, за диктатуру пролетариата и социализм.

Но и сам товарищ Сталин получил очень много в этот период.

«Два года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности, — говорит он, — закалили меня, как практического борца и одного из практических руководителей. В общении с такими передовыми рабочими Баку, как Вацек, Саратовец и др., с одной стороны, и в буре глубочайших конфликтов между рабочими и нефтепромышленниками, — с другой стороны, я впервые узнал, что значит руководить большими массами рабочих. Там, в Баку, я получил, таким образом, второе свое боевое революционное креще-

¹ Цитирую по книге Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 106—108, 1938 г., изд. 3-е.

ние. Здесь я стал подмастерьем от революции»¹.

Работая непосредственно в Баку, товарищ Сталин часто наезжал в Тифлис и направлял борьбу большевистской организации Грузии.

В наступившие мрачные годы реакции закавказские большевики под руководством товарища Сталина отступили в наибольшем порядке. Они развернули огромную работу по строительству и укреплению нелегальной партийной организации и повели борьбу за подготовку нового штурма царского самодержавия, сообразуясь с новыми условиями, с новой обстановкой в стране, используя легальные и полуперегальные возможности для марксистско-ленинского социал-демократического просвещения и организации пролетариата.

В марте 1908 года царская охранка выследила товарища Сталина, и он был арестован. Почти восемь месяцев просидел тогда товарищ Сталин в баилловской тюрьме. Но, и находясь в тюрьме, он продолжал руководить Бакинским комитетом партии и нелегальной большевистской газетой «Бакинский рабочий».

«...В политической коммуне, — рассказывает т. Сакварелидзе, — перманентно устраивались дискуссии, на которых обсуждались вопросы революции, демократии и социализма. Дискуссионные собрания в большинстве случаев устраивались по инициативе большевиков. Товарищ Сталин часто выступал на этих собраниях от большевистской фракции, иногда докладчиком, иногда оппонентом... Товарищу Сталину и его товарищам приходилось руководить работой организации в тюрьме. Большевистская фракция сумела упорядочить связь с бакинской организацией, откуда получала точную информацию о текущей работе и давала ей свои советы и указания... товарищ Сталин из тюрьмы руководил изданием органа бакинской организации — газеты «Бакинский рабочий». Был случай,

когда весь редакционный материал газеты был заготовлен в баилловской тюрьме»¹.

После почти восьми месяцев тюремного заключения товарища Сталина выслали на два года в Вологодскую губернию, в Сольвычегодск.

Летом 1909 года товарищ Сталин бежал из ссылки и возвратился в Баку, где продолжал вести нелегальную работу, одновременно укрепляя большевистские организации Закавказья.

Это был период напряженной борьбы с ликвидаторским течением в партии, и товарищ Сталин направил всю свою революционную энергию на разоблачение и разгром меньшевиков, попутно нанося удары по эсерам и другим враждебным пролетариату политическим течениям.

В октябре 1909 года товарищ Сталин приезжает в Тифлис, где проводит большую работу по организации борьбы тифлиссских большевиков против ликвидаторов.

В этот период товарищ Сталин подготовил созыв Тифлиссской конференции большевиков и издание большевистской газеты «Тифлиссский пролетарий».

В статье, помещенной в первом номере этой газеты, товарищ Сталин писал: «Великая русская революция не умерла — нет, она жива! — она только отступила и накапливает силы для будущих мощных выступлений.

Ибо двигатели революции, пролетарии и крестьяне, — живы и невредимы, и они не хотят, не могут отказаться от своих кровных требований...

Мы живем накануне новых взрывов, мы стоим перед старой задачей свержения царской власти...

Нашей обязанностью, обязанностью передовых рабочих, является — достойно встретить грядущие славные сражения за республику, за права пролетариата.

Нам, и только нам, передовым рабочим, придется, как и в 1905 году, руководить революцией, направлять ее по

¹ Доклад товарища Сталина на собрании рабочих Главных железнодорожных мастерских в Тифлисе 8 июня 1926 г. (Газета «Правда» от 16 июня 1926 г.).

¹ Цитирую по книге Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 120.

пути к полной победе... Нам, и только нам, передовым рабочим, придется, как и в 1905 году, сплачивать крестьян вокруг революционных требований...

Для всего же этого необходима единая и сильная партия, могущая взять на себя дело подготовки всех живых сил пролетариата к грядущим битвам...

Итак, к делу, товарищ читатель, к дружной работе по подготовке сил тифлисского пролетариата к будущим решительным выступлениям!»¹.

Бакинский период имеет большое значение в политической деятельности товарища Сталина. Недаром он его характеризует как период, когда он стал «подмастерьем от революции».

Бакинский пролетариат — индустриальный и, вместе с тем, многонациональный: русские, азербайджанцы, грузины, армяне. Много работало иранцев. Город, вернее нефтяные промыслы, были окружены азербайджанским крестьянским населением, ненавидевшим русских колонизаторов. Царские чиновники на травливали азербайджанцев на армян, а армян на азербайджанцев, от времени до времени устраивая взаимную резню.

Хозяевами промыслов являлись международные акулы, как-то: Ротшильд, Нобель, Шибает (английская компания), Манташев и т. д. Фактически бакинская промышленность находилась в руках иностранного капитала.

Несомненно, что многие вожаки оппортунистических течений и националистических партий, работая на предприятиях, состояли тайными агентами иностранного капитала.

В этом сложнейшем клубке противоречий мог ориентироваться лишь высокоодаренный политический деятель, который знает, чего он хочет, и умеет показать массам рабочих, что его цель есть именно то, что нужно пролетариату, а его средства — наиболее целесообразны в борьбе.

Таким политическим деятелем и явился товарищ Сталин. Потому-то бакинский пролетариат в борьбе против царизма и капитализма пошел за

товарищем Сталиным, сделав его своим любимцем. Под его руководством бакинский пролетариат прошел славный путь героической борьбы, находясь в передовых рядах общероссийского революционного движения.

В марте 1910 года товарища Сталина опять арестовали и через несколько месяцев тюремного заключения отправили в ссылку обратно в Сольвычегодск.

В самые трудные годы реакции и спада революционного движения, несмотря на частые аресты и высылки, товарищ Сталин принимает все большее участие в руководстве всей фракцией большевиков.

Товарищ Сталин целиком поддерживал план Ленина о возрождении и укреплении партии посредством создания принципиального блока большевиков с меньшевиками-плекхановцами, которые боролись тогда с ликвидаторами и отстаивали нелегальную партию. В своем письме из сольвычегодской ссылки 31 декабря 1910 года он писал: «По моему мнению линия блока (Ленин—Плекханов) единственно нормальная: 1) она и только она отвечает действительным интересам работы в России, требующим сплочения всех действительно партийных элементов; 2) она и только она ускоряет процесс освобождения легальных организаций из-под гнета ликвидаторов, вырывая яму между рабочими-меками и ликвидаторами, рассеивая и убивая последних»¹.

В противовес принципиальному партийному блоку Ленина — Плеханова, большевиков и меньшевиков-партийцев Троцкий начал сколачивать свой блок врагов нелегальной революционной партии, беспринципный, антипартийный Августовский блок ликвидаторов всех мастей.

Товарищ Сталин решительно выступил на поддержку Ленина в борьбе с троцкистской авантюрой. В том же письме из сольвычегодской ссылки он писал: «Троцкий блок... — это тух-

¹ Газета «Тифлисский пролетарий», № 1 от 5 января 1910 года.

¹ Журнал «Большевик», № 1—2 за 1932 г., стр. 11.

лая беспринципность, маниловская амальгама разнородных принципов, беспомощная тоска беспринципного человека по «хорошему» принципу. Логика вещей строго принципиальна по своей природе и она не потерпит амальгам»¹.

Поддерживая Ленина, полностью с ним солидаризируясь, товарищ Сталин в «Письме с Кавказа», напечатанном в номере 11-м «Социал-Демократа», центральном органе партии, громит ликвидаторов, троцкистов и «примирителей», призывая покончить с ненормальным положением, которое создано в большевистской фракции вследствие предательского поведения Каменева, Зиновьева и Рыкова.

Наряду с этим товарищ Сталин выдвинул ряд очередных задач в целях осуществления ленинской линии партии, а именно: созыв общепартийной конференции, издание в России легальной общероссийской партийной газеты и создание нелегального практического партийного центра в России.

В 1911 году товарищ Сталин снова бежал из ссылки и на этот раз по решению ЦК партии обосновался в Петербурге. Скоро его вновь арестовали и выслали в Вологодскую губернию.

В «верхах» РСДРП был основательный разброд. В руководящих центрах партии Ленин часто оставался в меньшинстве. В этих трудных условиях напряженной борьбы Ленина с оппортунистами и «примиренцами» товарищ Сталин был постоянным и неизменным сторонником Ленина во всех партийных перипетиях; на протяжении всей своей деятельности он ни разу не отступал от Ленина как в своих теоретических, принципиальных позициях, так и во всей своей практической работе. Своей идейной и организационной работой он сильно облегчал борьбу Ленина с колеблющимися, потерявшими веру в большевизм и по существу руководил большевистскими организациями в России.

После того как ликвидаторы сбросили маски, начав открыто разрушать

партию и легализоваться, после того как «примирители» всех мастей и троцкизм были разоблачены, — дело восстановления и укрепления нелегальной революционной партии быстро пошло вперед. Образовалась Российская организационная комиссия во главе с Серго Орджоникидзе, которая развернула по-ленински подготовительную работу по созыву общепартийной конференции, осуществляя, таким образом, задачу, которую товарищ Сталин выдвинул еще в начале 1910 года. Ленин с полным удовлетворением отмечал, что теперь «паровоз поднят и поставлен на рельсы»¹.

В своем письме из Сольвычегодска товарищ Сталин писал: «Мне остается шесть месяцев. По окончании срока я весь к услугам. Если нужда в рабочих в самом деле острая, то я могу сняться немедленно»². И действительно, через некоторое время товарищ Сталин «снялся».

Пражская конференция (январь 1912 года) подвела итог всей борьбы с ликвидаторами разных мастей. Покончив с остатками формально сохранявшегося еще объединения с меньшевиками-ликвидаторами, изгнав их из партии, конференция оформила самостоятельное существование большевистской партии. «...Эта конференция, — говорил товарищ Сталин на XV съезде ВКП(б), — имела величайшее значение в истории нашей партии, ибо она положила между между большевиками и меньшевиками и объединила большевистские организации по всей стране в единую большевистскую партию»³.

V

Пражская партийная конференция заочно избрала товарища Сталина в Центральный Комитет РСДРП. Теперь он возглавил Русское бюро ЦК партии — практический центр по руководству всей партийной работой в России. Товарищ Сталин объехал по поручению

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. XV, стр. 293.

² Журнал «Большевик», № 1—2 за 1932 г., стр. 13.

³ И. Сталин. «Политический отчет ЦК XV съезду ВКП(б)», стр. 63, Партиздат, 1936 г.

¹ Журнал «Большевик», № 1—2 за 1932 г., стр. 11.

ЦК важнейшие районы России и организовал на местах борьбу за осуществление решений Пражской конференции. Он развернул подготовительную работу к очередной маевке, руководил еженедельной газетой «Звезда», которая стала издаваться по его инициативе, организовал политическое забастовочное движение в связи с ленинскими событиями и подготовил основные массы ежедневной большевистской газеты «Правда».

«Правда» растила кадры революционных бойцов, за ней стояли десятки и сотни тысяч рабочих. «Правда» 1912 года,—говорил товарищ Сталин,—это закладка фундамента для победы большевизма в 1917 году». И первыми каменщиками по созданию этого фундамента были Ленин и Сталин.

Охранка тщательно искала товарища Сталина. Когда он в апреле 1912 года вместе с Серго Орджоникидзе направлялся из Москвы в Петербург, жандармский полковник телеграфировал в департамент полиции: «9 апреля с Николаевского вокзала поездом № 8 выехали из Москвы в Петербург центровки-эсдеки Серго и кооптированный Коба. Примите наблюдение. Ликвидация желательна, но допустима исключительно лишь по местным связям без указания источников на Москву».

Но и на этот раз товарищ Сталин ускользнул из-под наблюдения царских ищеек. 10 апреля начальник петербургской охранки доносил в департамент полиции: «Прибывший с названным поездом «Серго» был принят в наблюдение, Кобы же с названным поездом не оказалось».

Ленин очень беспокоился о положении товарища Сталина. В своем письме от 28 марта 1912 года он с явной тревогой запрашивал: «От Иванoviча [Сталин] ничего, — что он? Где он? Как он?»¹.

В конце апреля 1912 года товарища Сталина опять арестовали, и теперь уже сослали на три года в Нарымский

край. В сентябре того же 1912 года товарищ Сталин бежал из нарымской ссылки и в сентябре же возвратился в Петербург, где снова возглавил Русское бюро ЦК партии, а также редакцию «Правды».

Под руководством товарища Сталина прошла избирательная кампания партии большевиков в IV Государственной думе. Он написал знаменитый «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату», в котором сформулировал избирательную платформу большевистской партии.

Ленин придавал этому «Наказу» большое значение. Его рукой на одном из экземпляров сделана приписка: «Неприменно вернуть!! Не испачкать. Крайне важно сохранить этот документ».

В связи с так называемыми «разъяснениями» выборов, посредством которых царские власти попытались аннулировать выборы уполномоченных по целому ряду фабрик и заводов, Петербургский комитет, по указанию товарища Сталина, организовал массовую политическую забастовку протеста петербургских рабочих. В результате царское правительство не только отменило свои «разъяснения», но и расширило список предприятий, рабочим которых предоставлялось право участия в выборах. Во время этой забастовки товарищ Сталин, несмотря на свое нелегальное положение, лично выступал на летучих собраниях ряда заводов.

В избирательной кампании большевики одержали победу над ликвидаторами: по всем шести губерниям, где рабочим было предоставлено право выбрать в Думу по одному депутату, прошли кандидаты партии большевиков, которые представляли в общей сложности четыре пятых российского пролетариата.

Эта победа была одержана в очень трудных условиях. Товарищ Сталин осуществлял партийное руководство избирательной кампанией нелегально. Борьба приходилось не только с черносотенцами, октябристами и кадетами, но и с бесчисленными врагами большевизма в рабочем движении: с

¹ «Красный Архив». Том I (шестьдесят второй), стр. 228, 1934 г.

ликвидаторами, троцкистами, впереводцами, плехановцами, анархистами и т. д. Надо было находить людей, подталкивать их, воодушевлять, а главное — организационно направлять и заставить работать. Вот при каких условиях большевики, руководимые товарищем Сталиным, одержали победу в рабочей курии.

Большевистские депутаты IV Государственной думы работали под руководством ЦК партии. Ленин придавал огромное значение деятельности большевистских депутатов. Непосредственно направлял работу большевистских депутатов товарищ Сталин. Он руководил большевистскими депутатами при создании общей социал-демократической фракции, при выработке ее декларации, при подготовке выступлений в Думе и организовал их внедумскую деятельность.

В конце 1912 года, по инициативе товарища Сталина, в Кракове было созвано широкое совещание ЦК с рабочими депутатами Государственной думы и с партийными работниками. Это совещание проходило под руководством Ленина и при самом активном участии товарища Сталина.

В феврале 1913 года, в самый разгар большой работы по осуществлению решения краковского совещания, товарища Сталина вновь арестовали в Петербурге и через несколько месяцев выслали в Туруханский край. В этой ссылке он пробыл четыре года и вырвался на свободу только после Февральской революции, в марте 1917 года.

Революционную работу товарища Сталина хорошо знала царская охранка и жандармерия. Между прочим, еще в марте 1910 года начальник Бакинского жандармского управления писал о товарище Сталине, что «...ввиду упорного его участия, несмотря на все административного характера взыскания, в деятельности революционных партий, в кои он занимал всегда весьма видное положение, и ввиду двукратного его побега из мест административной высылки, благодаря чему он ни одного из принятых в отношении его административных взысканий не отбыл, я полагал бы принять высшую меру взыскания — вы-

сылку в самые отдаленные места Сибири на пять лет»¹.

Мне хотелось, чтобы читатель, в особенности из молодежи, пристально остановился на хронике нелегальной жизни и деятельности товарища Сталина. Нелегальная работа. Арест. Тюрьма. Ссылка. Побег. Снова нелегальная работа, снова арест, тюрьма и ссылка и т. д. и т. д.

Как «просто», «буднично»! А между тем, за этой «прозаической» картиной скрыта ожесточенная классовая борьба.

Вся царская махина беспощадно обрушивалась на смельчаков, дерзавших противопоставлять ей организованную силу пролетариата. Разумеется, она особенно обрушивалась на тех, кто ставил целью своей жизни свержение царского самодержавия и капитализма.

Если бы товарищ Сталин из своей жизни последовательно рассказал только о своих обычных действиях, о своей бытовой обстановке, встречах с людьми и т. д., — получилась бы интересная повесть, насыщенная революционной романтикой, в которой нередко комические моменты удивительно быстро и неожиданно переходят в трагические, когда от человека требуется не только самообладание, не только железная воля, но и непрерывный героизм, который, по существу, и сохранил товарища Сталина.

Можно смело сказать, что товарищ Сталин является одним из прямых наследников лучших сынов русского народа, как Белинский, Добролюбов, Чернышевский и т. д., и не только в том, что он претворил в жизнь на основе марксизма-ленинизма лучшие мечты и устремления этих людей, но и по строю всей своей жизни — непримиримостью к существовавшему положению, пролетарской ненавистью к господствовавшим классам, непосредственной и непрерывной борьбой с угнетателями.

Разностороннее и глубокое понимание товарищем Сталиным всей общественной жизни во всех ее проявлениях, включая литературу и искусство, находило непосредственное отражение в его нелегаль-

¹ Материалы Единого партархива ЦК АКП(б), дело № 430.

ной работе—в борьбе с царизмом и капитализмом.

Вот что скрыто под сухой и бесстрастной «хроникой». Вот почему эта «хроника» нам так дорога. Ведь она говорит о вершинах человеческого благородства, в ней мы видим лучшие черты человека — русского революционера.

После ленских событий волна революционного движения пролетариата нарастала. В первой половине 1914 года демонстрации стали обыденным явлением. В Петербурге и целом ряде крупных городов появились баррикады. Реакционной газетой «Новое время» с тревогой писала: «В июльские дни 1914 года всюду наблюдается необыкновенное возбуждение, чувствуется большая глубина переживаемого, напоминающая красные 1905—1907 гг.». Но в 1914 году подъем революции был прерван начавшейся мировой империалистической войной. Царское правительство, воспользовавшись войной, обрушилось на большевистскую партию и рабочее движение.

VI

Все оппортунистические партии как в Западной Европе, так и в России с самого начала империалистической войны открыто перешли на сторону своих правительств. И в этот момент всеобщего шовинистического угара только Ленин, только партия большевиков высоко подняли знамя интернационализма. Товарищ Сталин, находясь в ссылке, целиком и полностью поддерживал и защищал позицию Ленина по вопросам войны, мира и революции как в области теории, так и в области тактики, давая из ссылки отпор оппортунистическим настроениям отдельных членов нашей партии.

Товарищ Сталин пишет из ссылки письмо Ленину (1915 г.), выступает на собрании ссыльных большевиков в селе Монастырском (1915 г.) и клеймит позором трусливое и предательское поведение Каменева на суде над большевистскими депутатами IV Государственной думы. Приветствуя вместе с группой ссыльных большевиков легальный большевистский журнал «Вопросы страхования», товарищ Сталин писал в 1916 го-

ду, что задачей этого журнала является приложить «все усилия и старания и к делу идейного страхования рабочего класса нашей страны от глубоко развращающей, антипролетарской и в корне противоречащей принципам международной проповеди г.г. Потресовых, Левицких и Плехановых».

Империалистическая война показала экономическую слабость России, ее техническую отсталость и полную неспособность царского правительства руководить военными действиями. Несмотря на огромную стойкость и героизм русской армии, она систематически терпела поражения.

Дезорганизация и развал народного хозяйства все увеличивались, ставя в очень тяжелое положение армию, где недостаток боеприпасов стал хроническим.

Теперь уже не только партия Ленина — Сталина, партия большевиков, но и господствующие классы видели, что царский режим полностью обанкротился.

Положение рабочего класса, в особенности в области продовольствия, сильно ухудшилось. Росло его недовольство.

Все это сильно подрывало царский режим, сделало его неустойчивым.

И вот здесь сказалась многолетняя работа партии большевиков. Партии, которую создавали и любовно растили Ленин и Сталин.

Первым поднялся петроградский пролетариат. Началась Февральская революция. Борьбой масс на улицах непосредственно руководили большевики.

В марте приезжает из ссылки товарищ Сталин и не только по существу, а и формально, как член Центрального Комитета, становится во главе партии, двигающей революцию вперед.

К этому времени в стране сложилось двоевластие: рядом с Временным буржуазным правительством существовало другое правительство — Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

На второй день после своего приезда товарищ Сталин на страницах «Правды» писал: «Для того, чтобы разбить старую власть, достаточно было временно-го союза восставших рабочих и солдат. Ибо ясно само собой, что сила русской

революции — в союзе рабочих и крестьян, переодетых в солдатские шинели.

Но для того, чтобы *сохранить* добытые права и *развернуть* дальше революцию—для этого одного лишь *временного* союза рабочих и солдат отнюдь недостаточно.

Для этого необходимо союз этот сделать сознательным и прочным, длительным и устойчивым, достаточно устойчивым для того, чтобы противостоять провокаторским вылазкам контр-революции. Ибо ясно для всех, что залог окончательной победы русской революции — в упрочении союза революционного рабочего с революционным солдатом.

Органами этого союза и являются Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

И чем теснее сплочены эти Советы, чем крепче они организованы, тем действительнее выраженная в них революционная власть революционного народа; тем реальнее гарантии против контр-революции.

Укрепить эти Советы, сделать их повсеместными, связать их между собой во главе с Центральным Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, как органом революционной власти народа, — вот в каком направлении должны работать революционные социал-демократы»¹.

VII

3 (16) апреля 1917 г. приехал в Россию Ленин, а 7 (20) были опубликованы его Апрельские тезисы, которые открыли широкие перспективы дальнейшего углубления революционной борьбы. Впервые в истории на очередь был поставлен, как практическая задача, переход от буржуазной революции к пролетарской, к борьбе за социализм.

24 апреля VII Всероссийская (Апрельская) конференция большевиков подавляющим большинством одобрила линию Ленина.

На этой конференции товарищ Сталин сделал доклад по национальному вопро-

су. Разоблачая грабительскую политику Временного правительства и меньшевистско-эсеровских соглашателей, стремившихся увековечить великодержавный шовинизм, он развернул марксистско-ленинскую программу по национальному вопросу: «...наша точка зрения на национальный вопрос сводится к следующим положениям: а) признание за народами права на отделение; б) для народов, остающихся в пределах данного государства,—областная автономия; в) для национальных меньшинств—особые законы, гарантирующие им свободное развитие; г) для пролетариев всех национальностей данного государства — единый нераздельный пролетарский коллектив, единая партия»¹.

На Апрельской конференции товарищ Сталин решительно отстаивал ленинские принципы по всем вопросам революции, давая жестокий отпор Каменеву, Зиновьеву, Рыкову, Пятакову, Бухарину и другим оппортунистам, пытавшимся свалечь партию с ленинских позиций.

Апрельская конференция поставила перед большевистской партией огромной важности задачи: терпеливо, систематически, настойчиво разъяснять массам империалистический характер Временного правительства, разоблачать предательскую тактику эсеров и меньшевиков, доказывая массам, на опыте их собственной борьбы, что без установления власти Советов народу не добиться ни мира, ни земли, ни хлеба.

Большевистская агитация открывала глаза рабочим и солдатам, помогала им разбираться в происходящих событиях и осмысливать свое отношение к войне и ее истинным вдохновителям.

Демонстрации в апреле, мае и июне 1917 года, направленные против войны, выражали недовольство политикой Временного правительства. Партия большевиков возглавляла это движение масс, придавая ему сознательный, организованный характер.

Перед июньской демонстрацией Петроградский комитет нашей партии вы-

¹ Ленин и Сталин. Избранные произведения 1917 года, стр. 9—10, изд. 1938 г.

¹ И. Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос». Сборник статей и речей, стр. 67, 1939 г.

пустил следующую прокламацию, написанную товарищем Сталиным:

«Пусть завтрашний день (18 июня), день мирной манифестации, превратится в день грозного протеста революционного Петрограда против возрождающегося гнета и произвола!

Пусть взвоятся завтра победные знамена на страх врагам свободы и социализма!

Пусть ваш клич, клич борцов революции, облетает весь мир на радость всем угнетенным и поработенным!

Там, на Западе, в воюющих странах, уже занимается заря новой жизни, заря великой рабочей революции. Пусть узнают завтра ваши братья на Западе, что вы несете им на ваших знаменах не войну, — а мир, не порабощение, — а освобождение!

Рабочие! Солдаты! Подайте друг другу братскую руку и — вперед под знамя социализма!

Все на улицу, товарищи!

Тесным кольцом смыкайтесь вокруг ваших знамен!

Стройными рядами шествуйте по улицам столицы.

Спокойно и уверенно заявляйте о своих желаниях:

Долой контр-революцию!

Долой царскую Думу!

Долой Государственный Совет!

Долой десять министров-капиталистов!

*Вся власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов!»*¹.

Июньская демонстрация прошла под большевистскими лозунгами, сформулированными товарищем Сталиным в этой прокламации.

Партия развернула большую работу среди солдат на фронте и в тылу. Были созданы военные организации партии при ЦК и во многих крупных городах. Были организованы специальные газеты: «Солдатская правда» и «Окопная правда». Они вносили сознательность и организованность в борьбу солдатских масс.

Товарищ Сталин уделял много вни-

мания этим газетам не только в смысле общего направления, но и непосредственным участием в них. Особенно много он писал в «Солдатской правде».

Популярность большевистских газет на фронте и в тылу была очень велика. Солдатские массы быстро освобождались от оборонческих иллюзий.

Труднее было большевикам вести работу в национальных частях. Здесь им приходилось выступать не только против великодержавного шовинизма, но и против местного национализма, что требовало четкой большевистской линии в национальном вопросе.

Товарищ Сталин эту линию развил в своем докладе на Всероссийской конференции военных организаций партии в июне 1917 года. В резолюции, принятой конференцией по предложению товарища Сталина и послужившей основой для дальнейшей работы партии в национальных частях, говорится: «Конференция твердо убеждена, что только решительное и бесповоротное признание права наций на самоопределение, признание на деле, а не на словах только, могло бы укрепить братское доверие между народами России и тем проложить дорогу действительному их объединению, объединению добровольному, а не насильственному, в одно государственное целое»¹.

Временное правительство, при поддержке меньшевиков и эсеров, продолжало вести империалистическую войну. Оно погнало солдат в наступление, рассчитывая при любом исходе этой авантюры добиться установления единовластия буржуазии.

Разговоры о подготовке наступления, о введении смертной казни на фронте, о разгрузке Петрограда от революционных рабочих и солдат и т. д., — все эти мероприятия, направленные на укрепление контр-революционного Временного правительства, вызвали снова рабочих и солдат на улицу. Сотни тысяч демонстрантов в июльские дни направились к Петроградскому Совету и ВЦИК Советов, требуя взять власть в свои ру-

¹ Ленин и Сталин. Избранные произведения 1917 года, стр. 154.

¹ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, стр. 280, изд. 4-е.

ки, прекратить империалистическую войну.

Трудящиеся массы ясно видели, что буржуазия, а вместе с ней меньшевики и эсеры стремятся с помощью царских генералов ликвидировать революцию. Большевики прямо и резко поставили перед революционными массами вопрос: «Либо полная победа контр-революции, либо новая революция».

Рабочая и солдатская демонстрация 3 — 5 июля в Петрограде была расстреляна. Партия большевиков, по существу, была объявлена вне закона. Период двоевластия кончился.

26 июля — 3 августа состоялся VI съезд большевистской партии. Он проходил нелегально. Ленина на съезде не было. Преследуемый правительством Керенского, он вынужден был скрываться в подполье. Съездом непосредственно руководил товарищ Сталин на основе ленинских директив.

VI съезд партии имеет огромное историческое значение. Он направил деятельность партии в русло практической подготовки вооруженного восстания. В центре внимания съезда были два доклада товарища Сталина: политический отчет ЦК и доклад о политическом положении.

«Прежде чем перейти к докладу о политической деятельности ЦК за последние 2½ месяца, — говорил товарищ Сталин, — я считаю нужным отметить основной факт, определивший деятельность ЦК. Я имею в виду факт развития нашей революции, ставящей вопрос о вмешательстве в область экономических отношений в форме контроля над производством, о передаче земли в руки крестьянства, о передаче власти из рук буржуазии в руки Советов Р. и С. Д. Все это определяет глубокий характер нашей революции. Она стала принимать характер социалистической, рабочей революции»¹.

В докладе о политическом положении товарищ Сталин развил вопросы тактики партии в связи с изменившейся в

стране политической обстановкой после 3—5 июля. Конец двоевластия, приказ об аресте Ленина и исключительные законы против большевиков, расформирование революционных частей Петроградского гарнизона и роспуск Красной гвардии, — все это говорило о том, что мирное развитие революции кончилось.

«...До (16) 3 июля, — говорил товарищ Сталин, — была возможна мирная победа, мирный переход власти к Советам. Если бы Съезд Советов решил взять власть в свои руки, кадеты, я полагаю, не осмелились бы выступить открыто против Советов, ибо такое выступление было бы обречено заранее на гибель. Но теперь, после того, как контр-революция организовалась и укрепилась, говорить, что советы могут мирным путем взять власть в свои руки, — значит, говорить впустую. Мирный период революции кончился, наступил период немирный, период схваток и взрывов...»¹.

На VI съезде партии товарищ Сталин дал решительный отпор троцкистской вылазке Преображенского о невозможности победы социализма в России без пролетарской революции на Западе. «Не исключена возможность, — указывал тогда товарищ Сталин, — что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась такой свободой, какая была в России, не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в Э. Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»².

Выступивший на этом съезде Бухарин в свою очередь развил троцкистские взгляды и утверждал, что крестьяне настроены оборончески, находятся в

¹ Протоколы шестого съезда РСДРП(б), стр. 14—15, 1934 г.

¹ Протоколы шестого съезда РСДРП(б), стр. 111.

² Там же, стр. 233—234.

блоке с буржуазией и ни за что не пойдут за рабочим классом.

Давая решительный отпор этим взглядам, товарищ Сталин говорил, что крестьяне бывают разные: есть зажиточные крестьяне, которые действительно поддерживают империалистическую буржуазию и которым есть что терять в социалистической революции, и есть крестьянская беднота, которая идет в союзе с рабочим классом и поддерживает его в борьбе за победу социалистической революции.

Съезд отверг все поправки Преображенского, Бухарина и других оппортунистов и утвердил резолюцию товарища Сталина.

Таким образом, проводя в жизнь указания Ленина, товарищ Сталин сплотил съезд партии вокруг основной задачи — свержения буржуазного правительства и установления власти рабочих и беднейших крестьян.

Буржуазная контрреволюция, выросшая под крылышком меньшевиков и эсеров, все больше нагнала. Однако росли и силы революции.

Революционная атмосфера в стране все больше накалялась. Петроградский и Московский Советы рабочих и солдатских депутатов большевизировались.

«...Революция не умерла, — писал товарищ Сталин в обращении ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда, — она только притаилась для того, чтобы, собрав новых сторонников, с новой силой ринуться на врагов...

Будут еще битвы!

Будут еще победы!

Все дело в том, чтобы достойно и организованно встретить грядущие битвы.

Рабочие! На вас выпала почетная роль вождей русской революции. Сплачивайте массы вокруг себя и собирайте их под знамя нашей партии. Помните, что в тяжелые минуты июльских дней, когда враги народа стреляли в революцию, партия большевиков была единственная, которая не покинула рабочих кварталов. Помните, что в те тяжелые дни меньшевики и эсеры были в лагере тех, которые громили и разоружали рабочих.

Под наше знамя, товарищи!

Крестьяне! Ваши вожди не оправдали ваших надежд. Они поплелись за контр-революцией, а вы остаетесь без земли, ибо пока господствует контр-революция вам не получить помещичьих земель. Рабочие — вот ваши единственные верные союзники. Только в союзе с ними добьетесь земли и воли. Сплачивайтесь же вокруг рабочих!

Солдаты! Сила революции в союзе народа и солдат. Министры приходят и уходят, а народ остается. Будьте же всегда с народом и боритесь в его рядах!»¹.

Партия большевиков спланировала рабочие и крестьянские массы, она направляла их на углубление революции, систематически разоблачая замыслы и действия контр-революции.

В статье «Против Московского совещания» товарищ Сталин разъяснял, чего добивается буржуазия созывом этого совещания. «Созвать совещание из купцов и промышленников, помещиков и банкиров, членов царской Думы и прирученных уже меньшевиков и эсеров с тем, чтобы, объявив это совещание «общенациональным сбором», добиться от него одобрения политики империализма и контр-революции, переложения тягот войны на плечи рабочих и крестьян, — вот где «выход» для контр-революции...

Нетрудно понять, что при таких условиях совещание, созываемое в Москве на 12 августа, неминуемо превратится в орган заговора контр-революции против рабочих, которым угрожают локаутами и безработицей, против крестьян, которым «не дают» земли, против солдат, которых лишают свободы, добытой в дни революции, в орган заговора, прикрываемого «социалистическими фразами» эсеров и меньшевиков, поддерживающих это совещание.

Поэтому задача передовых рабочих:

1) Сорвать с совещания маску народного представительства, выставив на свет его контр-революционную, противонародную сущность.

¹ Ленин и Сталин. Избранные произведения 1917 года, стр. 200.

2) Разоблачать меньшевиков и эсеров, прикрывающих это совещание флагом «спасения революции» и вводящих народы России в обман.

3) Организовать массовые митинги протеста против этой контр-революционной махинации «спасателей»... барышей помещиков и капиталистов.

Пусть знают враги революции, что рабочие не поддадутся обману, что они не выпустят из рук боевое знамя революции»¹.

И действительно, московские пролетарии ответили на призыв партии всеобщей забастовкой протеста, в которой участвовало свыше 400 тысяч человек.

«Москва бастует. Да здравствует Москва!» — писал в те дни товарищ Сталин.

За кулисами Московского совещания, при участии Керенского, с ведома Церетели и при содействии меньшевиков и эсеров подготовлялся корниловский мятеж, который грозил залить Россию кровью рабочих и крестьян. В эти критические дни партия мобилизовала все свои силы для отпора контр-революции.

В статье «Мы требуем» товарищ Сталин писал: «В происходящей теперь борьбе между коалиционным правительством и партией Корнилова выступают не революция и контр-революция, а два различных метода контр-революционной политики, причем партия Корнилова, злейший враг революции, не останавливается перед тем, чтобы, сдав Ригу, открыть поход против Петрограда для того, чтобы подготовить условия для восстановления старого режима...»².

Партия требует:

«1) Немедленного удаления контр-революционных генералов в тылу и на фронте, замены их выборными от солдат и офицеров и проведения, вообще, снизу доверху полной демократизации армии.

2) Восстановления революционных солдатских организаций, единственно способных установить демократическую дисциплину в армии.

3) Отмены всех и всяких репрессий, и в первую голову смертной казни.

4) Немедленной передачи всех помещичьих земель в распоряжение крестьянских комитетов с обеспечением беднейших крестьян инвентарем.

5) Законодательного установления 8-часового рабочего дня и организации демократического контроля над фабриками, заводами, банками с преобладанием представителей от рабочих.

6) Полной демократизации финансового хозяйства, и в первую голову — беспощадного обложения капиталов и имущества и конфискации скандальных военных барышей.

7) Организации правильного обмена между городом и деревней с тем, чтобы город получал нужные припасы, а деревня необходимые товары.

8) Немедленного провозглашения права народов России на самоопределение.

9) Восстановления свобод, декретирования демократической республики и немедленного созыва Учредительного Собрания.

10) Отмены тайных договоров с союзниками и предложения условий всеобщего демократического мира.

Партия заявляет, что без осуществления этих требований невозможно спасение революции, полгода задыхающейся в тисках войны и общей разрухи.

Партия заявляет, что единственным путем, необходимым для осуществления этих требований, является разрыв с капиталистами, полная ликвидация буржуазной контр-революции и переход власти в стране в руки революционных рабочих, крестьян и солдат.

Таков единственный выход, могущий спасти страну и революцию от краха»¹.

На опыте корниловщины широкие слои трудящихся убедились в правоте большевиков. Они увидели, что спасти революцию может только борьба за уничтожение власти капиталистов и помещиков, борьба за установление диктатуры пролетариата. Наступление контр-революции подняло и привело в движение весь рабочий класс, всех трудящихся.

¹ Ленин и Сталин. Избранные произведения 1917 года, стр. 253—254.

² Там же, стр. 305.

¹ Ленин и Сталин. Избранные произведения 1917 года, стр. 305—306.

Партия большевиков деятельно готовила рабочих, солдат и беднейшее крестьянство к вооруженному восстанию, Ленин говорил, что, получив большинство в Петроградском и Московском Советах, большевики могут и должны взять государственную власть.

10 (23) октября при участии Ленина состоялось историческое заседание Центрального Комитета партии, на котором было решено в ближайшие дни начать вооруженное восстание.

16 (29) октября вопрос о вооруженном восстании обсуждался на расширенном заседании ЦК партии совместно с исполнительно-комиссией Петроградского комитета, большевистской фракцией Петроградского Совета, военной организацией, фракциями профсоюзов, фабзавкомов и Петроградским окружным комитетом партии.

На обоих этих заседаниях против вооруженного восстания выступали Каменев и Зиновьев.

Товарищу Сталин, защищая предложение Ленина, говорил: «То, что предлагают Каменев и Зиновьев, объективно приводит к возможности для контр-революции сорганизоваться. Мы без конца будем отступать и проиграем всю революцию...»

Тут две линии: одна линия держит курс на победу революции и озирается на Европу, вторая — не верит в революцию и рассчитывает быть только оппозицией. Петроградский Совет уже встал на путь восстания, отказав санкционировать вывод войск. Флот уже восстал, поскольку пошел против Керенского»¹.

На закрытом заседании ЦК партии от 16 (29) октября был создан Партийный центр по руководству восстанием во главе с товарищем Сталиным. Партийный центр являлся ядром военно-революционного комитета и практически руководил восстанием.

Накануне вооруженного восстания 24 октября (6 ноября), в тот день, когда Ленин писал в письме членам ЦК «Промедление в выступлении смерти подобно», товарищу Сталин в передовой

статье газеты «Рабочий путь» обратился с горячим призывом к трудящимся: «Настал момент, когда дальнейшее промедление грозит гибелью всему делу революции.

Нужно нынешнее правительство помещиков и капиталистов заменить новым правительством рабочих и крестьян...

Власть должна перейти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

У власти должно быть новое правительство, избранное Советами, сменяемое Советами, ответственное перед Советами»¹.

25 октября (7 ноября) вооруженные рабочие и солдаты под руководством партии Ленина—Сталина свергли контрреволюционное Временное правительство.

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов официально объявил всем гражданам России, что государственная власть перешла в его руки, как органа, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона, что «дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства — это дело обеспечено»².

В этот же день выступил на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Владимир Ильич и сказал:

«Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат, и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

¹ И. Сталин. «На путях к Октябрю». Статьи и речи, стр. 268, Госиздат, 1925 г.

¹ Ленин и Сталин. Избранные произведения 1917 года, стр. 492—493.

² Там же, стр. 494.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Одной из очередных задач наших является необходимость немедленно закончить войну. Но для того, чтобы кончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, — ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал»¹.

Вечером того же дня открылся II Всероссийский съезд Советов и подавляющим большинством голосов принял воззвание о переходе власти к Советам:

«Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, Съезд берет власть в свои руки»².

Образовалось первое Советское правительство во главе с Лениным и при участии товарища Сталина в качестве народного комиссара по делам национальностей.

Чем же объяснить, что партия, несмотря на все трудности, в которых она отдавала себе ясный отчет, несмотря на панические вопли и прямую измену двух членов ЦК, капитулянтов Каменева и Зиновьева, столь единодушно поддержала Ленина и Сталина в подготовке и проведении вооруженного восстания?

Это можно объяснить тем, что Ленин неустанно готовил партию к социалистической революции. Тем, что Ленин в течение всей истории партии готовил ее к вооруженному восстанию. Тем, что товарищ Сталин в продолжение всей своей революционной деятельности практической работой, агитацией и пропагандой укреплял в мыслях членов партии убеждение, что только победоносное вооруженное восстание может привести к установлению диктатуры пролетариата. Тем, наконец, что лозунг вооруженного восстания, будучи наиболее постоянным лозунгом партии во всей ее агитации и пропаганде, сделался прочным достоянием масс.

¹ Ленин и Сталин. Избранные произведения 1917 года, стр. 497.

² Там же, стр. 499.

Итак, окидывая взглядом всю деятельность товарища Сталина по подготовке и проведению Октябрьского вооруженного восстания, можно сказать, что это был период, когда он стал, выражаясь его словами, мастером от революции.

«Наконец, — рассказывает он, — я вспоминаю 1917 год, когда я волей партии, после скитаний по тюрьмам и ссылкам, был переброшен в Ленинград. Там, в кругу русских рабочих, при непосредственной близости с великим учителем пролетариев всех стран — т. Лениным, в буре великих схваток империалистической войны, я впервые научился понимать, что значит быть одним из руководителей великой партии рабочего класса. Там, в кругу русских рабочих — освободителей угнетенных народов и застрельщиков пролетарской борьбы всех стран и народов, я получил свое третье боевое революционное крещение. Там, в России, под руководством Ленина, я стал одним из мастеров от революции»¹.

VIII

Ленин с предельной ясностью сформулировал задачи, вставшие перед партией и пролетариатом после захвата власти. Он говорил о трудностях, которые надо было преодолеть, чтобы успешно разрешить эти задачи.

Страну, изнуренную до последней степени империалистической войной, с дезорганизованным народным хозяйством и голодную; страну многонациональную, в которой вследствие векового угнетения царизмом почти половина населения с огромным недоверием относилась ко всему русскому; страну с еще недобитой контр-революцией, готовой продать свою родину любому врагу, лишь бы свергнуть власть большевиков, — эту страну Ленин противопоставил всему капиталистическому миру.

Тем самым он дал наглядный урок пролетариям всех стран, как должна

¹ Доклад товарища Сталина на собрании рабочих Главных железнодорожных мастерских в Тифлисе 8 июня 1926 г. (Газета «Правда» от 16 июня 1926 г.).

революционная партия выполнять свои интернациональные задачи.

В этой титанической борьбе товарищ Сталин являлся правой рукой Ленина.

Первые политические действия Ленина и Сталина теперь были направлены на то, чтобы привлечь и закрепить на стороне Советской власти крестьянские массы всех народов России.

«Мир, аграрный переворот и свобода национальностей, — писал впоследствии товарищ Сталин, — таковы три основных момента, собравшие вокруг красного знамени русского пролетариата крестьян более чем двадцати национальностей необъятной России»¹.

26 октября (8 ноября) 1917 года II съезд Советов издал декреты о мире и о земле, написанные Лениным.

16 (3) ноября 1917 года была опубликована «Декларация прав народов России», написанная товарищем Сталиным. Декларация провозгласила следующие принципы национальной политики Советской власти:

1. Равенство и суверенность народов России.

2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Как народный комиссар по делам национальностей, товарищ Сталин последовательно и на деле осуществлял полное равноправие наций, уничтожение всех форм национального гнета и неравноправия.

Закладывая вместе с Лениным основы Советского государства и укрепляя его, товарищ Сталин вместе с тем развернул огромную практическую работу во всех сферах административно-хозяйственной деятельности, и особенно на так называемых прорывных участках. Эта работа была столь многообразной,

что перечислить ее нет возможности. Приведу только один пример: летом 1918 года, когда борьба за хлеб стала борьбой за социализм, Ленин направил товарища Сталина в Царицын, и вот в кратчайший срок, преодолевая невероятные трудности, он начал гнать оттуда эшелоны с продуктами для Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска и других промышленных центров. К этому времени относится его чрезвычайно характерная телеграмма Ленину, Свердлову, Цюрупе, Революционному Военному Совету и наркому путей сообщения, в которой до известной степени отразился сталинский стиль работы:

«На немедленную заготовку и отправку в Москву десяти миллионов пудов хлеба и тысяч десяти голов скота необходимо прислать в распоряжение Чекпрода 75 миллионов деньгами, по возможности мелкими купюрами, и разных товаров миллионов на 36: вилы, топоры, гвозди, болты, гайки, стекла оконные, чайная и столовая посуда, косилки и части к ним, заклепки, железо шинное круглое, лобогрейки, катки, спички, части конной упряжи, обувь, ситец, трико, коленкор, бязь, модеполам, нансук, грибон, ластик, сатин, шеввет, марин сукно, дамское и гвардейское, разные кожи, заготовки, чай, косы, сеялки, подойники, плуги, мешки, брезенты, галоши, краски, лаки, кузнечные, столярные инструменты, напильники, карболовая кислота, скипидар, сода. У Чекпрода всего денег миллионов 15 и товаров разных на 10 миллионов. Деньги и указанные товары должно выслать без промедления. Пусть Троцкий даст телеграфные распоряжения всем начальникам отрядов на фронте и штабу Снезарева не захватывать продовольственных грузов и мануфактуры, беспрепятственно пропускать наши маршрутные поезда, оказывать содействие нашим продовольственным комитетам. Копию Сталину. Пусть ЦИК немедленно телеграфно обяжет Кубанский, Терский, Ставропольский советы не ломать твердых цен, не способствовать самостоятельным заготовкам и вывозу отдельными губерниями, уездами и волостями, а всемерно содействовать агентам Сталина

¹ И. Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», сборник статей и речей, стр. 115. 1939 г.

и Чекпрода. Копию Сталину. Пусть Кобозев и Невский немедленно по телеграфу обяжут железнодорожных агентов по всем линиям юга России под строгой ответственностью не принимать хлебных грузов, не адресованных Начекпрод и Компрод, не принимать пассажиров с мешками с хлебом. Копию Сталину. Пусть Кобозев и Невский в том же порядке обяжут к тому же всех агентов пароходства по Волге. Копию Сталину. Пусть Наркомпрод разошлет циркулярный приказ всем губпродкомам и советам, особенно же Орехово-Зуеву и прочим промышленным городам, не присылать своих агентов на юг за хлебом, так как весь заготовленный хлеб будем посылать в Москву сухим путем, в Нижний — водой. Копию Сталину. Мы настаиваем на обезличении продовольственных грузов с юга, снимаем с себя функцию распределения, отдавая ее всецело волпроду, ограничиваемся заготовкой и транспортированием в два пункта: Москву и Нижний, где предлагаем Компроду создать базисные склады и распределительные конторы в общерусском масштабе. Исключены близкие к югу Баку, Туркестан и Астраханская губерния, которые берем за удовлетворить непосредственно. Постройка Кизлярской линии началась. Нарком Сталин».

Особо стоит военная деятельность товарища Сталина в период гражданской войны. Ее значимость заключается не только в победах, но и в высоком качестве его стратегических и тактических замыслов, в его умении организовать и направить боевую силу с наибольшими результатами разгрома врага.

Военная деятельность товарища Сталина требует самостоятельной работы большого человека. Знаменательна телеграмма Ленина защитникам Царицына в мае 1919 года, показывающая, как высоко ценил он военную работу товарища Сталина. Ленин писал: «Немедленно выделите группу ответственных и энергичнейших царицынских работников, участвовавших в проведении назначаемых Сталиным мер при обороне Царицына, и поручите им начать

проведение всех этих мер с такой же энергией»¹.

Товарищ Ворошилов так характеризует работу товарища Сталина на фронтах гражданской войны: «В период 1918—1920 гг. товарищ Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого Центральный комитет бросал с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места. Там, где было относительно спокойно и благополучно, где мы имели успехи, — там не было видно Сталина. Но там, где в силу целого ряда причин трещали красные армии, где контрреволюционные силы, развивая свои успехи, грозили самому существованию советской власти, где смятение и паника могли в любую минуту превратиться в беспомощность, катастрофу, — там появлялся товарищ Сталин. Он не спал ночей, он организовывал, он брал в свои твердые руки руководство, он ломал, был беспощаден и — создавал перелом, оздоравливал обстановку»².

Одним словом, роль товарища Сталина в победе над белогвардейскими бандами и иностранными интервентами стоит неизмеримо высоко.

IX

С окончанием гражданской войны Страна Советов перешла на путь мирного хозяйственного строительства.

Этот переход осуществлялся в чрезвычайно трудной обстановке: хозяйственная разруха, недовольство крестьян продразверсткой, усталость рабочих в связи с войной и голодом и т. д., что не преминуло использовать враги народа. Происходят руководимые эсерами и другими белогвардейскими организациями кулацкие восстания в Сибири, на Украине и в Тамбовской губернии. Вспыхивает мятеж в Кронштадте.

Перед партией встала задача — выработать новую линию в хозяйственной политике, соответствующую мирным условиям. Теперь уже отпала необходи-

¹ «Пролетарская революция», № 3 за 1934 г., стр. 152.

² К. Воооцилов. «Сталин и Красная Армия», стр. 11, Воентиз, 1937 г.

И. В. Сталин 1920 г.

Рисунок Н. Аввакумова

мость в военном коммунизме, навязанном обстановкой войны и блокады. Продразверстка стала тормозом в развитии производительных сил деревни. Восстановление промышленности стало важнейшей задачей социалистического строительства. Необходимо было создать новую хозяйственную основу для союза рабочих с крестьянством.

В этот тяжелый период жизни партии и Советского государства Троцкий, Бухарин, Шляпников и другие снова повели ожесточенную борьбу против Ленина и Центрального Комитета, стремясь к тому, чтобы взорвать единство партии, чтобы восстановить крестьян против рабочих и погубить советскую власть.

Начали они с дискуссии о роли профсоюзов, хотя вопрос этот не был в 1920 году главным вопросом партийной политики. На деле же спор шел об отношении к крестьянству, об отношении к беспартийной массе рабочего класса при переходе на рельсы мирного хозяйственного строительства.

В борьбе с этими оппозиционными группировками партийные организации сплотились нерушимой стеной вокруг Ленина и Сталина. X съезд партии, происходивший в марте 1921 года, закрепил эту победу и принял важнейшее решение о переходе к новой экономической политике, которая укрепляла союз рабочего класса с крестьянством.

На этом же съезде по докладу товарища Сталина партия впервые поставила на очередь вопрос об объединении Советских республик в союзное государство.

В осуществление этого решения X съезда партии товарищ Сталин провел большую подготовительную работу.

На X Всероссийском съезде Советов (26 декабря 1922 года) и I съезде Советов Союза Советских Социалистических Республик (30 декабря 1922 года) по докладам товарища Сталина были утверждены декларация и договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

Товарищ Сталин в своем докладе так охарактеризовал этот период развития страны: «В истории советской власти сегодняшний день является переломным.

Он кладет вехи между старым, уже пройденным периодом, когда советские республики хотя и действовали вместе, но шли врозь, занятые прежде всего вопросом своего существования, и между новым, уже открывшимся периодом, когда отдельному существованию советских республик кладется конец, когда республики объединяются в единое союзное государство для успешной борьбы с хозяйственной разрухой, когда советская власть думает уже не только о существовании, но и о том, чтобы развиться в серьезную международную силу, могущую воздействовать на международную обстановку, могущую изменить ее в интересах трудящихся»¹.

XI съезд партии был последним съездом, которым непосредственно руководил Ленин.

На первом пленуме ЦК, после XI съезда партии, в апреле 1922 г., была учреждена должность генерального секретаря ЦК партии, и по предложению Ленина товарищ Сталин был избран генеральным секретарем ЦК.

На XII съезде партии в апреле 1923 года Ленин уже не мог присутствовать: он тяжело заболел. Поэтому руководство съездом в значительной степени пало на товарища Сталина, который объединил съезд на основе ленинской политики, борясь против постоянных путаников, оппозиционеров в партии, не понимавших и извращавших линию Ленина.

Но авторитетные решения съезда и единодушная поддержка всей партией линии Ленина — Сталина не надолго укрепили спокойную работу в партии. Товарищу Сталину, защищая линию партии, пришлось уже осенью 1923 года отразить новые нападки троцкистов на партию. XIII партийная конференция, собравшаяся в январе 1924 года, осудила троцкистскую оппозицию, как мелкобуржуазный уклон от марксизма.

На партию, на рабочий класс и на все прогрессивное человечество обрушился тяжелый удар. 21 января 1924 года умер Ленин.

¹ И. Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос». Сборник статей и речей, стр. 126, 1939 г.

В траурные дни на II съезде Советов СССР товарищ Сталин от имени партии перед прахом Ленина дал великую клятву:

«Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является товарищ Ленин...

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!..

Товарищ Ленин неустанно говорил нам о необходимости добровольного союза народов нашей страны, о необходимости братского их сотрудничества в рамках Союза Республик.

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять и расширять Союз Республик. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь!..

Ленин не раз указывал нам, что укрепление Красной армии и улучшение ее состояния является одной из важнейших задач нашей партии... Поклянемся же, товарищи, что мы не пощадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную армию, наш Красный флот...

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам верность принципам Коммунистического Интернационала. Клянемся тебе,

товарищ Ленин, что мы не пощадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический Интернационал!»¹.

Смерть Ленина глубокой болью отзывалась в сердцах трудящихся масс всего мира. В особенности эту боль и чувство великой ответственности испытывали народы советских республик. Каждый человек с тревогой ставил перед собой вопрос — справится ли партия большевиков со всеми предстоящими трудностями без Ленина.

Перед партией практически встал вопрос о руководстве. Принимая во внимание, что к руководству тянулись люди, которые почти всю свою политическую жизнь боролись с Лениным, с большевизмом, — партия с этой задачей справилась блестяще. Товарищ Сталин был переизбран генеральным секретарем Центрального Комитета партии. Единодушие партии было настолько сильно, что явные и тайные враги ленинизма в партии на этот момент как бы «присмирели», продолжая в то же время скрыто готовить свои козни против партии.

В сущности, переизбрание товарища Сталина генеральным секретарем означало переход к нему руководства партией. На товарища Сталина легла величайшая ответственность, как на вождя партии, за укрепление единства партии на базе ленинизма, за развитие и укрепление советской власти, за построение социализма в Стране Советов.

Разоблачая троцкистские крики об опасности бюрократизации партийного аппарата, товарищ Сталин говорил на XIII съезде партии:

«Опасность состоит не в этом, а в возможности реального отрыва партии от беспартийных масс. Вы можете иметь партию, построившую аппарат демократически, но если она не связана с рабочим классом, то демократия эта будет впустую, грош ей цена. Партия существует для класса. Поскольку она связана с классом, имеет контакт с ним, имеет авторитет и уважение со стороны бес-

¹ И. Сталин, «О Ленине», стр. 12—16, изд. 1939 г.

партийных масс, — она может существовать и развиваться даже при бюрократических недочетах. Если всего этого не имеется, то поставьте какую-угодно организацию партии, — бюрократическую, демократическую, — партия погибнет наверняка. Партия есть часть класса, существующая для класса, а не для себя самой»¹.

Великолепную отповедь дал товарищ Сталин троцкистским попыткам противопоставить молодежь старым кадрам партии.

«Вопрос о поколениях есть второстепенный вопрос. Цифры из жизни нашей партии говорят, жизнь нашей партии говорит о том, что молодое поколение партии шаг за шагом внедряется в кадры, — кадры расширяются за счет молодежи. Партия всегда стояла и будет стоять на этом пути. Только тот, кто рассматривает кадры, как замкнутое целое, как привилегированное сословие, не впускающее в свою среду новых членов, только тот, кто рассматривает эти кадры, как офицерскую гвардию старого времени, которая всех остальных членов партии считает «ниже своего достоинства», только тот, кто хочет образовать щель между кадрами и партийным молодняком, — только тот может заострить вопрос о демократии на вопросе о партийных поколениях. Существование демократии сводится не к вопросу о поколениях, а к вопросу о самостоятельности, об активном участии членов партии в партийном руководстве. Так и только так может быть поставлен вопрос о демократии, если, конечно, речь идет не о формально-демократической партии, а о действительно пролетарской партии, связанной неразрывными узами с массами рабочего класса»².

Не случайно Ленин называл Троцкого «переметной сумой». Троцкий легко переметывался от одного политического течения к другому. Для Троцкого и иже с ним большевистский взгляд на партию, как на монолитное целое, был нетерпим. И потому троцкисты пытались навязать партии свой взгляд, по

которому в партии могут быть разные течения и фракции.

Каждому большевику понятно, что для партии и для пролетарской диктатуры это было величайшей угрозой, ибо допущение фракций и группировок в партии открывало путь к разрыванию борьбы контрреволюционных элементов, которые не замедлили бы использовать эти фракции и группировки в своих целях. «Расположение сил в международном масштабе, — говорил товарищ Сталин, — таково, что всякая попытка ослабить авторитет нашей партии и прочность диктатуры в нашей стране обязательно будет подхватываться врагами революции, как плюс для себя, — все равно, делает ли эту попытку наша оппозиция, или эс-еры с меньшевиками»¹. Так впоследствии и произошло со всеми оппозициями.

Товарищ Сталин, верный своей клятве перед прахом Ленина, со всей страстью большевистского бойца встал на защиту ленинизма. Он первый решительно вскрыл и разоблачил меньшевистскую контр-революционную сущность троцкизма и поднял всю партию на беспощадную борьбу со всеми попытками подменить ленинизм троцкизмом.

В своей речи на пленуме фракции ВЦСПС 19 ноября 1924 года товарищ Сталин говорил:

«...Троцкий в своих литературных выступлениях делает еще одну (еще одну!) попытку подготовить условия для подмена ленинизма троцкизмом. Троцкому «до зарезу» нужно развенчать партию, ее кадры, прошедшие восстание, для того, чтобы от развенчания партии перейти к развенчанию ленинизма. Развенчание же ленинизма необходимо для того, чтобы протащить троцкизм, как «единственную», «пролетарскую» (не шутите!) идеологию. Все это, конечно (о, конечно!), под флагом ленинизма, чтобы процедура протаскивания прошла «максимально безболезненно»².

Вызывает удивление колоссальная энергия, проявленная товарищем Сталиным за эти годы. Будучи вождем

¹ И. Сталин. «Об оппозиции», стр. 89—90.

² Там же, стр. 89.

¹ И. Сталин. «Об оппозиции», стр. 93.

² Там же, стр. 118.

партии, возрождавшей великую страну, нуждающуюся в идеальном руководстве, направляя работу всех советских и партийных кадров, давая им повседневно практические указания,—товарищ Сталин в то же время развернул огромную теоретическую работу.

Сюда относятся прежде всего его знаменитые лекции «Об основах ленинизма», прочитанные в апреле 1924 года в Свердловском университете. Надо сказать, что это были не обычные лекции, это была страстная защита ленинизма, смелое противопоставление его перед массами всем враждебным теориям.

Товарищ Сталин двинул далеко вперед марксистско-ленинскую революционную теорию; обогатил новым содержанием все основные вопросы марксизма-ленинизма применительно к новым условиям; поднял на новую ступень ленинское учение об империализме; разработал вопрос о государстве пролетариата, крестьянский вопрос, национальный вопрос, вопрос о партии и ее роли в системе диктатуры пролетариата, вопросы стратегии и тактики и, наконец, вопрос о победе социализма в одной стране и о путях строительства социализма.

К этому периоду относится большая статья товарища Сталина «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», написанная в декабре 1924 года в качестве предисловия к книге «На путях к Октябрю», и брошюра «К вопросам ленинизма», опубликованная в январе 1926 года.

На этих произведениях учатся марксизму-ленинизму миллионы людей не только у нас, но и за рубежом. Они являются неоценимым пособием в развитии политической мысли и в борьбе за пролетарские интересы.

Теоретические работы товарища Сталина — образец применения марксистской диалектики. Они показывают великолепное умение исследовать процесс развития, отразить все особенности развивающегося процесса и, на основе этого, — предвидеть.

Огромная сила теоретических обобщений товарища Сталина состоит в том, что они всегда увязаны с практическим действием масс. В этой связи мне хо-

чется привести в качестве примера вопрос о возможности построения социализма в одной стране. Поднимая партию на борьбу с троцкизмом, товарищ Сталин заострил этот вопрос не случайно, а как перспективу дальнейшего движения вперед.

Тогда наша страна заканчивала восстановление народного хозяйства. Опортунисты видели в начавшейся частичной стабилизации капитализма конец революции в России.

«Мы имеем, таким образом, — говорил товарищ Сталин, — две стабилизации. На одном полюсе стабилизируется капитализм, закрепляя достигнутое положение и развиваясь дальше. На другом полюсе стабилизируется советский строй, закрепляя за собой завоеванные позиции и двигаясь вперед по пути к победе.

Кто кого — в этом вся суть.

Почему одна стабилизация идет параллельно с другой, откуда эти два полюса? Потому, что единого и всеохватывающего капитализма нет уже больше в мире. Потому, что мир раскололся на два лагеря — на лагерь капитализма, во главе с англо-американским капиталом, и лагерь социализма, во главе с Советским Союзом. Потому, что международное положение все больше и больше будет определяться соотношением сил между этими двумя лагерями»¹.

Во всей остроте встал вопрос — куда двигаться? Можем ли мы построить социализм в нашей стране?

Товарищ Сталин в противовес всем маловерам, нытикам и ликвидаторам дал прямой и решительный ответ, что наша страна, страна диктатуры пролетариата, имеет все необходимое и достаточное для построения полного социалистического общества, что мы можем построить социализм в одной, отдельно взятой стране.

«Что будет,—писал товарищ Сталин,—если будут нарастать в СССР успехи социалистического строительства? Это коренным образом улучшит революционные позиции пролетариев всех стран в

¹ И. Сталин. «Об оппозиции», стр. 172—173.

их борьбе с капиталом, подорвет позиции международного капитала в его борьбе с пролетариатом и подымет шансы мирового коммунизма до высшей степени...

Поэтому строить социализм в СССР — это значит делать общее дело пролетариев всех стран, это значит ковать победу над капиталом не только в СССР, но и во всех капиталистических странах, ибо революция в СССР есть часть мировой революции, ее начало и база ее развертывания»¹.

Выдвигая индустриализацию страны в центр всей хозяйственной политики Советского государства, товарищ Сталин, как великий преобразователь, все материальные и творческие силы страны направил на выполнение этой узловой, главной задачи. Малочислам, нытикам, не видящим социалистической цели этой грандиозной работы, товарищ Сталин говорил: «Без ясных перспектив, без ясных целей партия не может руководить строительством. Мы не можем жить по рецепту Бернштейна: «Движение — все, цель — ничто». Мы, наоборот, как революционеры, должны подчинять свое движение вперед, свою практическую работу — основной классовой цели пролетарского строительства. Без этого — в болото оппортунизма, неминуемо и безусловно.

Далее. Без ясных перспектив нашего строительства, без уверенности построить социализм рабочие массы не могут сознательно участвовать в этом строительстве, они не могут сознательно руководить крестьянством. Без уверенности построить социализм не может быть воли к строительству социализма. Кому охота строить, зная, что не построишь? Отсутствие социалистических перспектив нашего строительства ведет поэтому к ослаблению воли пролетариата к этому строительству неминуемо и безусловно»².

XIV партконференция в апреле 1925 года утвердила эту ленинско-сталинскую установку, как закон партии. Зиновьев-

цы, будучи приперты к стене, голосовали на конференции для отвода глаз за этот закон партии, решив дать бой на XIV съезде партии.

Исходя из принципа возможности построения социализма в одной стране, товарищ Сталин вполне последовательно выдвинул на очередь вопрос об индустриализации страны, как основу генеральной линии партии.

Этот вопрос был поставлен им на XIV съезде партии в декабре 1925 года. В политическом отчете товарищ Сталин нарисовал яркую картину политического и хозяйственного роста Советского Союза, достигнутого благодаря преимуществам советской системы хозяйства. Вместе с этим товарищ Сталин призывал не успокаиваться на успехах, иметь в виду, что наша страна является отсталой страной, находящейся во враждебном капиталистическом окружении.

«Мы работаем и строим, — говорил он, — в обстановке капиталистического окружения. Это значит, что наше хозяйство и наше строительство будут развиваться в противоречии, в столкновениях между системой нашего хозяйства и хозяйства капиталистического. Этого противоречия нам не избежать никак. Это есть рамки, в пределах которых должна протекать борьба двух систем, системы социалистической и системы капиталистической. Это значит, кроме того, что наше хозяйство должно строиться не только в его противопоставлении вовне хозяйству капиталистическому, но и в противопоставлении различных элементов внутри нашей страны, в противопоставлении социалистических элементов элементам капиталистическим.

Отсюда вывод: мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития, как ее подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок, опирающаяся на

¹ И. Сталин, «Об оппозиции», стр. 457.

² Там же, стр. 361—362.

смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны»¹.

Центральная задача, которую поставил товарищ Сталин перед партией, заключалась в том, чтобы «превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование». В этом, говорил он, «суть, основа нашей генеральной линии»².

Ленинско-сталинскому плану социалистической индустриализации «новая оппозиция» зиновьевцев противопоставила буржуазный план «дауэсизации» СССР, отрицая вслед за троцкистами возможность построения социализма в одной стране. По этому плану Советский Союз должен был остаться земледельческой страной и служить придатком к высококоразвитым капиталистическим странам.

Товарищ Сталин разоблачил этот предательский план зиновьевцев, как план закабаления СССР, и вскрыл троцкистско-меньшевистскую сущность «новой оппозиции», стремившейся расколоть партию и поставить под удар диктатуру пролетариата.

Съезд партии дал отпор попыткам всех оппозиций разрушить союз рабочего класса с трудящимся крестьянством. Разоблачая правых оппортунистов (бухаринцев), стремившихся преуменьшить кулацкую опасность, и «левых» оппортунистов (зиновьевцев), испугавшихся кулака и недооценивавших роли среднего крестьянства, — товарищ Сталин на вопрос — какой уклон хуже — ответил: «Оба они хуже, и первый и второй уклоны. И если разовьются эти уклоны, они способны разложить и загубить партию. К счастью, у нас в партии есть силы, которые могут отсечь и первый и второй уклоны»³.

«Историческое значение XIV съезда ВКП(б), — писал впоследствии товарищ Сталин, — состоит в том, что он сумел вскрыть до корней ошибки новой оппо-

зиции, отбросил прочь ее неверие и хныканье, ясно и четко наметил путь дальнейшей борьбы за социализм, дал партии перспективу победы и вооружил тем самым пролетариат несокрушимой верой в победу социалистического строительства»¹.

Х

Индустриализация страны и весь последующий процесс социалистического строительства неразрывно связаны с именем товарища Сталина. Он глубоко и всесторонне развил ленинскую идею индустриализации, как основы социалистической реконструкции всего народного хозяйства. В этой цели он видел перспективу величайшей созидательной работы.

Товарищ Сталин разъяснял, что «не всякое развитие промышленности представляет собой индустриализацию. Центр индустриализации, основа ее состоит в развитии тяжелой промышленности (топливо, металл и т. п.), в развитии, в конце концов, производства средств производства, в развитии своего собственного машиностроения. Индустриализация имеет своей задачей не только то, чтобы вести наше народное хозяйство в целом к увеличению в нем доли промышленности, но она имеет еще ту задачу, чтобы в этом развитии обеспечить за нашей страной, окруженной капиталистами, хозяйственную самостоятельность, уберечь ее от превращения в придаток мирового капитализма»².

Выполнить задачу индустриализации, а следовательно, и всего социалистического строительства — означало поднять рабочий класс и всех сознательных тружеников, вселить в них веру в победу, разбудить и направить их творческие силы в русло созидательной работы.

«Можно ли осуществить эти задачи (задачи индустриализации. — М. К.), — говорил товарищ Сталин, — без прямой

¹ И. Сталин. «Политический отчет ЦК XIV съезду ВКП(б)», стр. 29—30, изд. 1926 г.

² Там же, стр. 70—71.

³ Там же, стр. 58.

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 156, изд. 11-е.

² И. Сталин. «О хозяйственном положении Советского Союза», стр. 6, изд. 1937 г.

помощи, без прямой поддержки рабочего класса? Нет, нельзя. Двинуть вперед нашу промышленность, поднять ее производительность, создать новые кадры строителей индустрии, вести правильно социалистическое накопление, использовать разумно накопление на нужды промышленности, установить строжайший режим экономии, подтянуть государственный аппарат, сделать его дешевым и честным, очищать его от скверны и грязи, которые пристали к нему в период нашего строительства, вести систематическую борьбу с расхитителями и расточителями государственного добра,— все это такие задачи, которые неспособна осилить никакая партия без прямой и систематической поддержки миллионов масс рабочего класса. Поэтому задача состоит в том, чтобы втянуть миллионные массы беспартийных рабочих во всю нашу строительную работу»¹.

Социалистическая индустриализация требовала многочисленных квалифицированных кадров. Без этого не могла быть решена задача социалистического строительства. И товарищ Сталин с исключительным напором ставит вопрос о кадрах, требуя от партии быстрейшего решения этой проблемы.

«Никакая задача, а особенно такая большая задача, как индустриализация нашей страны,—говорил товарищ Сталин на активе Ленинградской организации в 1926 г., — не может быть проведена без живых людей, без новых людей, без кадра новых строителей...

Поэтому задача состоит в том, чтобы создать многочисленные кадры строителей индустрии из рядов рабочих и советской интеллигенции, той самой советской интеллигенции, которая связала свою судьбу с судьбой рабочего класса и которая строит вместе с нами социалистический фундамент нашего хозяйства»².

Усилия товарища Сталина в области социалистической индустриализации страны более чем оправдались. Наша партия и рабочий класс успешно пре-

одолевали главные трудности, связанные с индустриализацией страны, и неуклонно продвигались вперед по намеченному пути.

Уже на XV съезде партии в декабре 1927 года товарищ Сталин, подводя итог более чем двухлетней работы партии по выполнению задач, поставленных XIV партийным съездом, говорил:

«...мы подняли нашу социалистическую индустрию, установив для ее развития рекордный темп и утвердив ее гегемонию во всем народном хозяйстве;

мы установили смычку социалистической индустрии с крестьянским хозяйством;

мы укрепили союз рабочего класса с середняком при опоре на бедноту;

мы укрепили диктатуру пролетариата в нашей стране, несмотря на враждебное международное окружение, показав рабочим всех стран, что пролетариат умеет не только разрушать капитализм, но и строить социализм;

мы укрепили партию, отстаивали ленинизм и разбили наголову оппозицию.

Таков общий итог.

Вывод какой? Вывод один: мы стоим на правильном пути, политика нашей партии правильна»¹.

Удивительные свойства имеют печатные труды и речи товарища Сталина!

Литературные правила требуют умеренности в использовании цитат, тем более цитат из произведений товарища Сталина, которые, без сомнения, известны читателям. Но когда перечитываешь труды товарища Сталина, то не можешь от них оторваться: они захватывают, волнуют тебя глубиной мысли, увлекают своей логикой, они покоряют своей последовательностью, своей неизменной принципиальностью, своей ненавистью, ненавистью Маркса—Энгельса—Ленина, ко всем врагам пролетариата, ко всем врагам народа. Нет ни одного практического вопроса, который бы поднимал товарищ Сталин оторванно, вне связи с марксизмом-ленинизмом, со строительством социализма.

¹ И. Сталин. «О хозяйственном положении Советского Союза», стр. 19.

² Там же, стр. 17—18.

¹ И. Сталин. «Политический отчет ЦК XV съезду ВКП(б)», стр. 57.

Вот пример такого метода разрешать вопросы. Страна наша земледельческая и отсталая, — твердили оппортунисты, — и поэтому в ней нельзя построить социализм. Товарищ Сталин подошел к этому вопросу по-ленински: да, страна наша земледельческая, отсталая, значит, ее нужно индустриализировать, сделать передовой. И он поднял партию, рабочий класс на осуществление этой задачи, рассматривая ее, как необходимую ступень, которую мы должны пройти по пути к социализму.

Блестящие выступления товарища Сталина в защиту индустриализации всегда будут волновать читателей не только своими мыслями, не только своей формой, но и глубокой убежденностью, непоколебимой верой в победу социализма, то-есть в осуществление той цели, которой он отдал себя всего без остатка.

Слова товарища Сталина не только призыв, пропаганда, агитация, а это еще и директива, распоряжение, приказ к действию. И он сам, в первую очередь, показывает, как надо действовать. Ведь не найдешь ни одной мало-мальски известной стройки, куда бы он не приложил свою руку.

Народ понял значение индустриализации, как единственного пути к коммунизму, и проявил небывалый в истории человечества энтузиазм в социалистическом строительстве.

Товарищ Сталин видел трудности, стоявшие перед рабочим классом. Но он видел и силы масс, способные преодолеть эти трудности.

Невольно вспоминаешь ответ товарища Сталина нытикам и маловеерам:

«Видали ли вы рыбаков перед бурей на большой реке, вроде Енисея? Я их видал не раз. Бывает, что одна группа рыбаков перед лицом наступившей бури мобилизует все свои силы, воодушевляет своих людей и смело ведет лодку навстречу буре: «Держись, ребята, крепче за руль, режь волны, наша возьмет!» Но бывает и другой сорт рыбаков, которые, чуя бурю, падают духом, начинают хныкать и деморализуют свои же собственные ряды: «Вот беда, буря наступает, ложись, ребята, на дно лодки, за-

крой глаза, авось как-нибудь вынесет на берег»¹.

Товарищ Сталин всегда возглавлял и возглавляет тех, кто не боится бури, кто крепко держится за руль, смело режет волны и уверенно идет к коммунизму. И потому-то все активное, передовое, молодое, рвущееся к борьбе за коммунизм, стремится к нему.

Товарищ Сталин, как великий преобразователь человеческого общества, поставил перед XV съездом партии, а тем самым перед всей страной, новую задачу: чтобы подняться на ступень еще выше, сделать еще шаг к социализму — коллективизировать крестьянское хозяйство.

Эта задача куда более трудная, чем задача индустриализации страны, как в организационно-техническом, так и, в особенности, в политическом отношении. Ведь рабочий класс проводил в жизнь свои пролетарские идеи в отношении класса, хотя ему близкого, родственного по труду, многолетнего союзника в борьбе с царизмом, помещиками и капиталистами, но все же класса не пролетарского.

В этом вопросе, более чем в каком-либо другом, применим сталинский принцип: чтобы эффективно провести в жизнь принятые партией решения, необходима поддержка масс или, по крайней мере, значительного большинства, понимающего необходимость и важность этого решения, сочувствующего ему. Но нельзя и отставать от потребности времени, иначе легко можно оказаться в хвосте масс. А «хвостизм» наиболее унижительное слово в большевистской партии.

Все решения партии и советского правительства, принятые по инициативе, под воздействием товарища Сталина, служат образцом руководства, идущего впереди масс и никогда не отрывающегося от них.

Коллективизация индивидуального крестьянского хозяйства представляет собой одну из блестящих страниц общественно-политической деятельности товарища Сталина.

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 245, изд. 10-е.

Естественно, раньше в марксистской литературе переход единоличного крестьянства к коллективным формам хозяйства мыслился в самых общих чертах. Здесь мысль товарища Сталина развернулась во всю ширь. Он дал гениальное понимание и теоретическое обоснование этого вопроса, связь его со всей экономикой страны, учет материальных ресурсов и способности крестьянства на коллективизацию, степени противодействия кулачества, сопротивляемости инертных масс и, наконец, политической подготовленности партии, способности ее поднять массы на это великое дело.

Только человек, в совершенстве владеющий марксизмом-ленинизмом, марксистской диалектикой, умеющий учитывать все элементы окружающих условий и использовать их в интересах коммунизма,—только такой человек мог справиться с этой грандиозной задачей, являющейся одной из важнейших проблем строительства коммунизма.

По инициативе товарища Сталина XV съезд партии принял решение о коллективизации сельского хозяйства, чем положил начало новой истории крестьянства Страны Советов. Мотивируя необходимость коллективизации сельского хозяйства, товарищ Сталин на этом съезде говорил: «...наше распыленное сельскохозяйственное производство не имеет тех преимуществ, которыми обладает наша крупная, объединенная национализированная промышленность. Сельскохозяйственное производство прежде всего не национализировано и не объединено, а распылено и разбросано по кусочкам. Оно не ведется в плановом порядке и подчинено пока что в огромной своей части стихии мелкого производства. Оно не объединено и не укрупнено по линии коллективизации, ввиду чего представляет еще удобное поле для эксплуатации со стороны кулацких элементов. Эти обстоятельства лишают распыленное сельское хозяйство тех колоссальных преимуществ крупного, объединенного и в плановом порядке ведомого производства, какими обладает наша национализированная промышленность...»

Где же выход? Выход в переходе мелких и распыленных крестьянских хозяйств в крупные и объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли, в переходе на коллективную обработку земли на базе новой, высшей техники. Выход в том, чтобы мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства постепенно, но неуклонно, не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения, объединять в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, коллективной обработки земли, с применением сельскохозяйственных машин и тракторов, с применением научных приемов интенсификации земледелия. Других выходов нет. Без этого наше сельское хозяйство не в состоянии ни догнать, ни перегнать наиболее развитые в сельскохозяйственном отношении капиталистические страны (Канада и т. п.)»¹.

На очередь товарищ Сталин поставил вопрос об организации планомерного наступления социализма против капиталистических элементов по всему фронту. В соответствии с этой задачей XV съезд партии дал директиву о составлении первого пятилетнего плана народного хозяйства.

В апреле 1929 года XVI партийная конференция приняла оптимальный вариант первого пятилетнего плана.

Первая Сталинская пятилетка стала знаменем борьбы за социализм. В рабочем классе развернулся широкий трудовой подъем на основе социалистического соревнования и ударничества.

XI

Со второй половины 1929 года начался массовый переход трудового крестьянства от единоличного хозяйства к хозяйству коллективному. Партии и рабочему классу удалось повернуть основную массу крестьянства от старого, капиталистического, к новому, социалистическому пути развития.

В связи с переходом партии в наступ-

¹ И. Сталин. «Политический отчет ЦК XV съезду ВКП(б)», стр. 25—26.

ление против кулачества право-оппортунистическая группа Бухарина-Рыкова-Томского открыто выступила на защиту кулаков, против линии партии.

Место троцкистской оппозиции заняли правые, которые по существу представляли весь антипартийный сброд. Это и естественно, ибо ленинская линия партии, — линия индустриализации, коллективизации, построения социализма, — для правых, стремившихся к реставрации капитализма, была так же неприемлема, как и для троцкистов.

1929 год товарищ Сталин назвал «годом великого перелома».

В политическом отчете XVI съезду партии товарищ Сталин дал глубокое и всестороннее обоснование историческому повороту крестьянства. «Поворот крестьянства в сторону коллективизации, — говорил он, — начался не сразу. Он, этот поворот, и не мог начаться сразу. Правда, лозунг коллективизации был провозглашен партией еще на XV съезде. Но для массового поворота крестьянства в сторону социализма недостаточно еще провозглашения лозунга. Для поворота требуется, по крайней мере, еще одно обстоятельство, а именно, чтобы сами крестьянские массы убедились в правильности провозглашенного лозунга и приняли его как свой собственный лозунг. Поэтому поворот этот подготовлялся исподволь. Подготовлялся он всем ходом нашего развития, всем ходом развития нашей индустрии, и прежде всего развитием индустрии, поставившей машины и тракторы для сельского хозяйства. Подготовлялся он политикой решительной борьбы с кулачеством и ходом наших хлебозаготовок в их новых формах за 1928 и 1929 гг., ставящих кулацкое хозяйство под контроль бедняцко-средняцких масс. Подготовлялся он развитием с.-х. кооперации, приучающей индивидуального крестьянина к коллективному ведению дела. Подготовлялся он сетью колхозов, где крестьянин проверял преимущество коллективных форм хозяйства перед индивидуальным хозяйством. Подготовлялся он, наконец, сетью разбросанных по всему СССР и вооруженных новой техникой совхозов, где крестьянин получал

возможность убедиться в силе и преимуществах новой техники»¹.

Массовое вступление крестьян в колхозы изменило и соотношение классовых сил в экономике страны. В деревне уже была создана достаточная материальная база для того, чтобы сломить сопротивление кулачества, ликвидировать его, как класс, и заменить кулацкое хлебное производство производством колхозов и совхозов. В связи с этим советская власть в конце 1929 года, при полной поддержке бедняцко-средняцких масс крестьянства, сделала крутой поворот в отношении кулачества. От политики ограничения и вытеснения она перешла к политике ликвидации кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации.

Коллективизация сельского хозяйства и ликвидация кулачества, как класса, справедливо называется революционным переворотом, равнозначным по своим последствиям Октябрьскому перевороту в 1917 году.

Это была всемирно-историческая победа. Рухнули утверждения врагов партии — троцкистов и бухаринцев о неспособности рабочего класса организовывать крестьянство и повести его за собой по социалистическому пути.

Рухнула «последняя надежда капиталистов всех стран, мечтающих о восстановлении капитализма в СССР, — «священный принцип частной собственности». Крестьяне, рассматриваемые ими как материал, унаваживающий почву для капитализма, массами покидают хваленое знамя «частной собственности» и переходят на рельсы коллективизма, на рельсы социализма. Рухнет последняя надежда на восстановление капитализма»².

Большую роль в победе колхозов сыграли машинно-тракторные станции. Можно без преувеличения сказать, что товарищ Сталин открыл в МТС ключ к технической реконструкции сельского хозяйства на социалистических началах. Именно через МТС рабочий класс ока-

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 373, изд. 10-е.

² И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 273, изд. 11-е.

зывает и оказывает крестьянству производственную помощь, осуществляя свое преобразующее воздействие на деревню.

Товарищ Сталин внимательно следил за развитием коллективизации. Заметив в ряде районов искривление партийной линии и перегибы, к чему, несомненно, приложили руку и враги народа, товарищ Сталин мобилизовал партию на борьбу с этой антипартийной линией в колхозном строительстве. Его статья «Головокружение от успехов» помогла партийным организациям исправить допущенные ошибки и нанесла сокрушительный удар по врагам, надеявшимся использовать перегибы, чтобы возбудить крестьянство против советской власти.

«Что может быть общего, — спрашивал товарищ Сталин, — между этой «политикой» унтера Пришибеева и политикой партии, опирающейся на добровольность и учет местных особенностей в деле колхозного строительства? Ясно, что между ними нет и не может быть ничего общего.

Кому нужны эти искривления, это чиновничье декретирование колхозного движения, эти недостойные угрозы по отношению к крестьянам? Никому, кроме наших врагов!

К чему они могут привести, эти искривления? К усилению наших врагов и к развенчанию идей колхозного движения.

Не ясно ли, что авторы этих искривлений, мнящие себя «левыми», на самом деле льют воду на мельницу правого оппортунизма?»¹

Через месяц товарищ Сталин выступил с новой статьей «Ответ товарищам колхозникам», в которой вскрыл главные ошибки в колхозном движении и самый корень этих ошибок.

Вот это неуклонное проведение товарищем Сталиным партийной политики, исправление разных искривлений и ошибок, соответствующие указания с его стороны партийным и советским органам — способствовали дальнейшему развитию колхозного движения.

Состоявшийся в июне-июле 1930 года XVI съезд партии был съездом развернутого наступления социализма по всему фронту.

Успехи социалистической индустриализации к этому времени были таковы, что СССР уже находился накануне преобразования из страны аграрной в страну индустриальную. В массах зародился боевой лозунг о выполнении пятилетки в четыре года.

Значительный перелом был достигнут и в развитии сельского хозяйства. Колхозы и совхозы становились решающей силой в сельскохозяйственной экономике, а колхозное крестьянство стало прочной опорой советской власти в деревне.

Все это означало, что Советский Союз под руководством товарища Сталина вступил в период социализма.

XVI съезд партии закрепил достигнутые победы и обеспечил в дальнейшем большевистские темпы социалистического строительства.

В своей речи на конференции работников промышленности в феврале 1931 года товарищ Сталин намечает перед партией и страной новые задачи:

«Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут...

Большевики должны овладеть техникой. Пора большевикам самим стать специалистами. Техника в период реконструкции решает все»¹.

Этим своим выступлением товарищ Сталин положил начало борьбе за овладение техникой силами большевиков и тем самым указал партии и рабочему классу решающее звено в социалистической реконструкции всего народного хозяйства.

Социалистическая реконструкция развернулась как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Колхозы, как социалистическая форма сельского хозяйства, были делом новым. Требовалось исключительное внимание и искусное руководство со стороны партии в налаживании трудовой дисциплины

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 301—302, изд. 11-е.

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 329, 330, изд. 11-е.

ны, в организации труда, в распределении доходов, в борьбе с уравниловкой и обезличкой. Но особенно пристально надо было смотреть за происками кулацких элементов, которые пролезали в колхозы с целью подрыва и разложения их изнутри.

Товарищ Сталин выдвинул задачу организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Чтобы положить конец кулацкому вредительству и оказать колхозам помощь людьми, советами и руководством, он поставил вопрос о создании политотделов при МТС.

На I Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1933 года товарищ Сталин развернул программу борьбы за большевистское укрепление колхозов и зажиточную колхозную жизнь. Чтобы поднять всех колхозников на уровень зажиточной жизни, а все колхозы сделать большевистскими, «...для этого,— говорил он, — требуется теперь только одно — работать в колхозе честно, правильно использовать тракторы и машины, правильно использовать рабочий скот, правильно обрабатывать землю, беречь колхозную собственность»¹. Эта программа стала боевым знаменем колхозников.

В результате успешного выполнения первой Сталинской пятилетки Советский Союз превратился из аграрной страны в индустриальную. Социалистическая система хозяйства ликвидировала капиталистические элементы как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства. Положен конец безработице в городе и нищете в деревне. Уничтожена эксплуатация человека человеком. Открыта всем трудящимся СССР дорога к зажиточной и культурной жизни.

Это была громадная, всемирно-историческая победа рабочего класса и крестьянства СССР, одержанная в жестокой борьбе под руководством товарища Сталина.

«...Все это, — как указывал товарищ Сталин на объединенном пленуме ЦК и ЦКК 7 января 1933 года, — привело к

тому, что из страны слабой и не подготовленной к обороне Советский Союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне»¹.

Состоявшийся в январе 1934 года XVII съезд ВКП(б) констатировал полную победу ленинско-Сталинской генеральной линии партии и отметил решающие успехи социализма во всех отраслях хозяйства и культуры. На этом съезде была утверждена вторая Сталинская пятилетка, обеспечившая завершение технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства и ликвидацию последних остатков эксплуататорских классов в нашей стране.

В современных капиталистических странах политика правительства раздвигается противоречивыми интересами монополистических групп капитала, частные интересы этих групп все более и более преобладают не только над общегосударственными интересами, но и над интересами всего господствующего класса.

Люди, стоящие у власти в капиталистических странах, редко имеют более или менее отдаленные перспективы не только в отношении социального развития своего государства, но и общенациональных интересов. Обычно там государственные деятели лавируют, стремясь срезать резкие углы противоречий разных интересов, найти компромисс. В руководстве более преуспевают ловкачи, умеющие купить, продать, согласовать противоположные интересы. Разумеется, такая «политика» подвержена для самих политиков неожиданным случайностям.

Единственно, в чем солидарны все борющиеся между собой группы буржуазии, это животный страх и ненависть к пролетариату, жажда его большей эксплуатации. «Буржуазия, — писал Ленин, — только тогда признает госу-

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 418, изд. 11-е.

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 375, изд. 11-е.

дарство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители»¹.

Государство диктатуры пролетариата — принципиально иное. Оно — антипод капиталистическому государству, создавшемуся в результате борьбы стихийных, слепых классовых сил. Государство диктатуры пролетариата создано в результате победы пролетариата. Оно создано сознательной волей пролетариата и трудящихся масс в целях подавления и ликвидации всех эксплуататорских классов, уничтожения всякой эксплуатации человека человеком, построения социализма.

Перед нашим правительством ясна цель его деятельности — претворить в жизнь программу коммунистической партии, сделать государство сильным. И поскольку государство диктатуры пролетариата является единственным в мире государством, окруженным капиталистическими странами, то важнейшей задачей руководства является обеспечение его обороноспособности.

Руководство нашего государства вынуждено вести очень сложную политику, быть всегда готовым ко всяким случайностям, ибо мировые заправилы жаждут его гибели и, как охотники, расставляют на путях его развития и укрепления всякие засады, капканы и ловушки. Наше руководство должно быть на очень высокой ступени совершенства.

Товарищ Сталин и показывает образцы такого руководства. Все приведенные выше сухие факты из его общественно-политической деятельности ярко иллюстрируют его огромную способность к ориентировке в общественно-политических явлениях, способность правильного предвидения процессов развития событий. А это и есть самый ценный дар руководителя, вождя.

Окиньте взглядом его жизнь. Юноша дает ганнибалу в клятву отдать себя всего без остатка делу рабочего класса, борьбе за его интересы, за интересы трудящихся масс. Свыше со-

рока лет он непрерывно стоит в передовых рядах борющегося пролетариата.

Вместе с Лениным товарищ Сталин создает и растит коммунистическую партию. Вместе с Лениным ведет ее во главе рабочего класса в бой. Отступая при поражениях, ободряет и воодушевляет ее — окончательная победа за нами! Употребляет все силы для того, чтобы сохранить ее боеспособность, ее связь с массами и подготовить для новых боев с капитализмом.

Капитализм в стране побежден, очищена дорога к строительству коммунизма. И вместе с трудовыми массами, руководя ими, товарищ Сталин строит коммунизм.

Его руководство не случайно, а органически выросло из трудовых масс, из борющегося авангарда рабочего класса — коммунистической партии, из многолетней борьбы за идеалы пролетариата, из постоянной его спаянности с массами. В этом — органическое единство сталинского руководства с массами. Недаром массы провозглашают: «Великий Сталин! Родной Сталин!».

Великий и родной... Как это связать в одно целое? Ведь когда жена или сестра говорит «родной», — не прибавит «великий». А массы связывают. И они имеют на это моральное право. Ведь он политически рос, закалялся в среде рабоче-крестьянских масс. Ведь массы-то, рабочий класс, крестьянство боролись с ним плечо к плечу. Ведь его-то идеи, стремления и цели есть идеи, стремления и цели народа, рабочего класса, коммунистической партии. Так как же он не родной! Именно родной, великий!

История — нелюбезный судья. Но перед ее лицом, не смущаясь, может встать руководство Советской страны, руководство партии. Товарищ Сталин, как опытный капитан, смело ведет государственный корабль по намеченному пути к коммунизму.

Недаром один из талантливых деятелей нашей партии покойный Сергей Миронович Киров в ораторском вдохновении сказал: «Трудно представить себе фигуру гиганта, каким является Сталин. За последние годы, с того вре-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. XXII, стр. 18

мени, когда мы работаем без Ленина, мы не знаем ни одного поворота в нашей работе, ни одного сколько-нибудь крупного начинания, лозунга, направления в нашей политике, автором которого был бы не товарищ Сталин, а кто-нибудь другой. Вся основная работа — это должна знать партия — проходит по указаниям, по инициативе и под руководством товарища Сталина. Самые большие вопросы международной политики решаются по его указанию, и не только эти большие вопросы, но и, казалось бы, третьестепенные и даже десятистепенные вопросы интересуют его, если они касаются рабочих, крестьян и всех трудящихся нашей страны»¹.

Здесь все верно от начала и до конца.

ХII

Взор вождя — советского капитана — устремлен далеко вперед, в предельные глубины будущего; но вместе с тем он все видит вокруг, бдительно следит за прочностью государственного корабля. Он великолепно умеет замечать большое в самом малом и ростки нового в старом. Он в совершенстве владеет ленинским искусством определять в данный момент решающее звено в политической цепи.

Так, в своей речи на выпуске академиків Красной армии в мае 1935 года товарищ Сталин сказал: «Раньше мы говорили, что «техника решает все». Этот лозунг помог нам в том отношении, что мы ликвидировали голод в области техники и создали широчайшую техническую базу во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой. Это очень хорошо. Но этого далеко и далеко недостаточно. Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства. Техника без людей, овладевших техни-

кой, — мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса. Если бы на наших первоклассных заводах и фабриках, в наших совхозах и колхозах, на нашем транспорте, в нашей Красной армии, имелось достаточное количество кадров, способных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она имеет теперь. Вот почему упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой. Вот почему старый лозунг — «техника решает все», являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, — должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все». В этом теперь главное...

Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях «кадры решают все». Будут у нас хорошие и многочисленные кадры в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в армии, — наша страна будет непобедима. Не будет у нас таких кадров — будем хромать на обе ноги»¹.

Едва ли можно переоценить значение этой речи товарища Сталина. Она явилась могучим толчком замечательного движения современности — стахановского движения, которое по праву называется детищем товарища Сталина.

На I Всесоюзном совещании стахановцев в ноябре 1935 года товарищ Сталин замечательно определил роль и значение стахановского движения в борьбе за коммунизм. Он говорил, что стахановское движение «...выражает новый подъем социалистического соревнования, новый, высший этап социалистического соревнования...

Значение стахановского движения состоит в том, что оно является таким движением, которое ломает старые технические нормы, как недостаточные, перекрывает в целом ряде случаев произ-

¹ С. М. Киоов. «Избранные статьи и речи», стр 609—610, Госполитиздат, 1939 г.

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр 490, 491, изд. 11-е.

водительность труда передовых капиталистических стран и открывает, таким образом, практическую возможность дальнейшего укрепления социализма в нашей стране, возможность превращения нашей страны в наиболее зажиточную страну.

Но этим не исчерпывается значение стахановского движения. Его значение состоит еще в том, что оно подготавливает условия для перехода от социализма к коммунизму... что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим»¹.

Товарищ Сталин уделяет много внимания развитию стахановского движения, и оно стало глубоко проникать во все сферы хозяйственной и научной деятельности. Сейчас нет ни одной отрасли в промышленности, сельском хозяйстве и науке, где бы не разливалось широкой волной это великое движение нашей эпохи, не захватывало все новые и новые слои трудящихся, изменяя их отношение к труду, к общественной социалистической собственности.

Товарищ Сталин не только умеет ленински приковывать внимание партии и широких народных масс к тому или иному узловому в данный момент вопросу, но вместе с тем он умеет ленински глубоко анализировать социально-экономическое развитие страны и на основе этого анализа предпринимает смелые политические действия. Самым характерным в этом отношении примером является новая Конституция СССР.

Говорят, что великие истины просты. И действительно, когда сталинская мысль облеклась в блестящую сталинскую форму Основного закона Страны Советов, то все увидели, как это просто и вместе с тем разумно, целесообразно и политически необходимо. Вот здесь и

проявилось величие пролетарского вождя.

Сталинская Конституция явилась итогом борьбы и побед народов СССР. А кроме того, она стала знаменем для всех трудящихся и эксплуатируемых капиталистического мира. Об этом великолепно сказано товарищем Сталиным на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов при обсуждении Конституции:

«Если для народов капиталистических стран Конституция СССР будет иметь значение программы действий, то для народов СССР она имеет значение итога их борьбы, итога их побед на фронте освобождения человечества. В результате пройденного пути борьбы и лишения приятно и радостно иметь свою Конституцию, трактующую о плодах наших побед. Приятно и радостно знать, за что бились наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты. Это вооружает духовно наш рабочий класс, наше крестьянство, нашу трудовую интеллигенцию. Это двигает вперед и поднимает чувство законной гордости. Это укрепляет веру в свои силы и мобилизует на новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма»¹.

Принятием Сталинской Конституции завершилась целая историческая полоса строительства бесклассового социалистического общества. Начался период борьбы за построение коммунизма.

В марте 1939 года состоялся XVIII съезд партии. В отчетном докладе ЦК товарищ Сталин развернул программу борьбы за переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе. Он говорил: «Мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства и темпов развития промышленности. Это очень хорошо. Но этого мало. Нужно перегнать их также в экономическом отношении. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать. Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 493, 494—495, 496, изд. 11-е.

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 534, изд. 11-е.

страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет избыток продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе»¹.

Товарищ Сталин проторил новые пути в понимании государства, как могучего орудия рабочего класса в строительстве коммунистического общества.

Если собрать и систематизировать все сказанное товарищем Сталиным о государстве вообще и, в особенности, о государстве диктатуры пролетариата, то составилась бы капитальная трудящая теория социалистического государства, его роли в борьбе за коммунизм и роли капиталистического государства в борьбе с государством диктатуры пролетариата.

Товарищ Сталин принадлежит к тем людям, которые не только пишут историю, но и делают ее. Он не только создал, завершил теорию социалистического государства, но вместе с Лениным он и построил его. В соответствии с этим его теоретические работы не только освещают дальнейшие пути развития социалистического государства, но вместе с тем они как бы являются рабочими чертежами строителя. В них вы постоянно встречаете и непосредственные практические указания, что надб сделать сегодня в той или иной части строительства. Ярко выраженное единство теории и практики.

В последние годы он неустанно на каждом съезде партии внедряет в сознание масс значение и роль пролетарского государства в строительстве коммунистического общества. На XVI съезде партии в отчете ЦК товарищ Сталин говорил: «Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти — вот марксистская формула»².

В связи с путаницей в головах отдельных членов партии по вопросу об отмирании социалистического государ-

ства товарищ Сталин на XVII съезде партии говорил:

«Тезис о нашем продвижении к бесклассовому обществу, данный, как лозунг, они поняли, как стихийный процесс. И они прикидывали: ежели бесклассовое общество, то значит — можно ослабить классовую борьбу, можно ослабить диктатуру пролетариата и вообще покончить с государством, которое все равно должно отмереть в ближайшее время. И они приходили в телеший восторг в ожидании того, что скоро не будет никаких классов, — значит не будет классовой борьбы, — значит не будет забот и тревожений, — значит можно сложить оружие и пойти на боковую — спать в ожидании пришествия бесклассового общества»¹.

Отсюда он снова делает вывод: необходимо укреплять государство диктатуры пролетариата, через его укрепление лежит путь к коммунизму.

На XVIII съезде партии товарищ Сталин еще шире и глубже поставил вопрос о социалистическом государстве. Он проанализировал известную формулу Энгельса об отмирании государства, в результате чего сделал следующий вывод: социалистическое государство сохранится и при коммунизме, пока не будет ликвидировано капиталистическое окружение. Он указал на опасность недооценки роли и значения нашего социалистического государства, равно как и недооценки роли и значения буржуазных государств. И в связи с этим он выдвинул актуальную задачу — изучать государственный аппарат буржуазных стран, его структуру и механизм, и всячески совершенствовать аппарат социалистического государства, чтобы эффективно суметь его противопоставить капиталистическому окружению.

«Разве не удивительно, — спрашивал товарищ Сталин, — что о шпионской и заговорщической деятельности верхушки троцкистов и бухаринцев узнали мы лишь в последнее время, в 1937—1938 годах, хотя, как видно из материалов, эти господа состояли в шпионах иностран-

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 578—579, изд. 11-е.

² И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 427, изд. 10-е.

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 467, изд. 11-е.

ной разведки и вели заговорщическую деятельность уже в первые дни Октябрьской революции? Как мы могли проглядеть это серьезное дело? Чем объяснить этот промах?.. Объясняется этот промах недооценкой силы и значения механизма окружающих нас буржуазных государств и их разведывательных органов, старающихся использовать слабости людей, их тщеславие, их бесхарактерность для того, чтобы запутать их в свои шпионские сети и окружить ими органы Советского государства. Объясняется он недооценкой роли и значения механизма нашего социалистического государства и его разведки, недооценкой этой разведки, болтовней о том, что разведка при Советском государстве — мелочь и пустяки, что советскую разведку, как и само Советское государство, скоро придется сдать в музей древностей»¹.

Товарищ Сталин, мастерски применяя метод марксизма-ленинизма, глубоко проник в сущность государства. Анализируя функции социалистического государства на различных этапах, он показал его исключительную важность в построении коммунизма и в защите Стран Советов от вражеских действий.

Товарищ Сталин видит в социалистическом государстве могучий рычаг в борьбе за коммунизм, но этот рычаг можно использовать лишь при огромном умении. И товарищ Сталин показывает своей деятельностью образцы этого умения. Он настойчиво прививает это умение советским людям.

★

Товарищ Сталин — счастливый человек. Он может гордиться. К его шестидесятилетию под его руководством огромная страна, одна шестая часть мира, пришла к социализму.

Огромны заслуги товарища Сталина перед трудящимися всего мира, перед народами Советского Союза и, в особенности, перед русским народом. Его общественно-политическая деятельность должна сделаться достоянием широчай-

ших масс, ибо она служит примером глубоко-идейной жизни человека.

Даже простое, хронологическое изложение фактов внешней, видимой всеми, практической деятельности товарища Сталина говорит об огромной работе, проделанной им в развитии революционного движения в России, а значит и во всем мире. Сухость изложения фактов не может укрыть напряженной жертвенности товарища Сталина, его героизма, целеустремленности, глубокого понимания объективных законов развития общества.

Семнадцатилетний юноша поставил задачей своей жизни освобождение угнетенных от цепей капитализма, от всех видов угнетения. И этой идее он отдался без остатка. Вся его дальнейшая жизнь была подчинена этой идее, и только ей.

Честолюбивые люди иногда принижают простую работу, говоря, что она, эта простая работа, в особенности техническая, мешает им, тормозит их рост, суживает их кругозор. Общественная деятельность товарища Сталина служит яркой иллюстрацией того, что идейность превращает самую простую работу в огромное политическое дело.

Покидая семинарию, порывая связь со всем легальным окружением, с семьей, уходя в подполье, — разве товарищ Сталин преследовал какие-либо личные цели, разве он стремился заниматься работой, способствующей развитию только собственного кругозора (такие «революционеры» быстро уходили из подполья, оно их не удовлетворяло своей «черновой» работой)? Нет, задачей товарища Сталина было принести максимальную пользу революционному рабочему движению.

Всякая работа, помогающая этому движению, была для него ценной, а тем самым и высокоидейной. И поэтому мы видим товарища Сталина во всех видах и формах революционной работы. Товарищ Сталин — организатор подпольных кружков, пробуждающий и направляющий революционную энергию рабочих в русло общей революционной борьбы. Он — автор прокламаций, он же их печатает и раздает. Он руково-

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 601, изд. 11-е.

дит стачками рабочих, идет во главе демонстрации, подвергаясь наибольшей опасности, как руководитель. Он пишет руководящие статьи с призывом к строительству революционной рабочей партии, статьи, разоблачающие, бичующие оппортунизм во всех его видах и проявлениях.

И так всю свою жизнь, скитаясь по тюрьмам и ссылкам, переезжая по воле партии из города в город, туда, где партия особо нуждалась в беззаветных рабочих, товарищ Сталин вместе с Лениным создавал, строил и растил нашу партию. Вместе с Лениным он руководил партией, революционным движением и вооруженным восстанием в Октябрьские дни.

Товарищ Сталин бесконечно любит Ленина. Эта любовь является органической, вытекающей из общности их целей и стремлений. Авторитет Ленина для него непререкаем.

Если обратиться к историческим аналогиям, то отношение товарища Сталина к Ленину напоминает отношение Ленина к Марксу, с той лишь поправкой, что товарищ Сталин непосредственно много лет работал с Лениным. Этим я хочу сказать, что его отношение к Ленину ближе, интимнее.

Товарищ Сталин великолепно изучил Ленина, он в совершенстве знает не только все его произведения, но и причины появления каждого из них. Затем не подлежит сомнению, что товарищ Сталин имел немалое влияние на Ленина.

После смерти Ленина, в жестокой борьбе с врагами партии и ленинизма товарищ Сталин отстаивал целостность партии и крепко сцементировал ее ряды на идеях марксизма-ленинизма. Он высоко поднял знамя Ленина, которое справедливо называют знаменем Ленина — Сталина, и под этим знаменем советский народ строит коммунизм.

Невольно вспоминаешь слова Герцена о людях 14 декабря, что это была фаланга героев, «какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, вичны-сподвижники...»¹.

¹ Цитирую по сочинениям Ленина, том XV, стр. 464.

К числу таких людей принадлежит товарищ Сталин.

Но он рос и политически закалялся в среде революционного авангарда рабочего класса. Интересы этого класса и его идеи, то-есть идеи научного социализма, он защищает. Делу международного пролетариата он всегда отдавал и готов впредь отдать все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь каплю за каплей. А все это возможно и доступно лишь человеку, обладающему всей мудростью марксизма-ленинизма.

Теоретические работы товарища Сталина представляют собой огромный вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма, изучение которых открывает широкие перспективы. Достаточно напомнить лекции товарища Сталина «Об основах ленинизма». По сжатости, ясности, цельности и глубине понимания марксизма-ленинизма — это единственное в марксистско-ленинской литературе произведение. Недаром оно является настольной книгой миллионов.

Огромное продвижение вперед марксистско-ленинской теории — это учение товарища Сталина о государстве пролетарской диктатуры, его роли, как могучего инструмента в руках пролетариата в построении коммунистического общества.

Очень важной частью марксистско-ленинской теории диктатуры пролетариата и социалистической революции является национальный вопрос. Большевицкая школа по национальному вопросу создана Лениным и Сталиным задолго до Октября. В январе 1913 года товарищ Сталин написал знаменитую брошюру «Марксизм и национальный вопрос», в которой классически обосновал большевицкую теорию национального вопроса и большевицкий лозунг о праве наций на самоопределение. Эти положения до сих пор являются руководящими принципами национальной политики в нашей партии.

Совсем недавно, по инициативе и при самом непосредственном участии товарища Сталина, был создан «Краткий курс истории ВКП(б)». Ценность этой теоретической работы для развития мар-

ксистской мысли очевидна для всех стремящихся понять и усвоить марксизм-ленинизм.

Товарищ Сталин в совершенстве владеет методом марксизма-ленинизма, который он защитил и обосновал в борьбе с многочисленными врагами, который он конкретизировал и развил дальше на богатейшем опыте строительства социализма в капиталистическом окружении, в борьбе за переход к коммунизму.

Свыше сорока лет товарищ Сталин является несокрушимым бойцом за дело пролетариата. Вместе с Лениным он прорвал капиталистический фронт и создал государство диктатуры пролетариата. С 1924 года он стоит во главе коммунистической партии и советского народа. Он — надежда, маяк для миллио-

нов трудящегося человечества. В народном торжественном возгласе «Ленин — Сталин» мы слышим единство их великих мыслей.

Человечество имеет в своей истории немало великих, гениальных людей. Но Ленин и Сталин — единственные в своем роде. Они великие люди не только сами по себе. Они уходят своими корнями в массы, с ними кровно связаны лучшие идеалы и стремления трудящихся мира. Массы хотят, чтобы они были велики, в их величии массы видят свое величие. Вот почему весь советский народ, трудящиеся массы капиталистических стран и все прогрессивное человечество с гордостью произносят: «Великий Ленин!», «Великий Сталин!», «Да здравствует и живет многие годы родной и великий товарищ Сталин!».

СТАЛІНУ

☆

Встав день, як райдуга, над краєм,
І край наш — вишня у цвіту.
Щасливі нині ми — і знаєм
Щасливу завтрашню мету.

Тож недарма в Дніпровій хвилі
Рокоче струнами хвала:
Безсмертен геній Джугашвілі,
Безсмертні Сталіна діла!

МАКСИМ РИЛЬСЬКИЙ

Київ, 1939.

☆

Яркой зімою, шумлівым прадвеснем,
У ясных ночкі, ў заранкі
Песню ўсім сэрцам складаем аб песні—
Аб Сталіне песні-вяснянкі.

Песняю, думкай тваё імя славіць
Народ беларускі, свабодны,
За беларускую нашу дзяржаву,
Якую стварыў ты нам, родны!

ЯНКА КУПАЛА.

Мінск, 1939.

☆

Рассказы

С. ДИКОВСКИЙ

★

БЕРИ-БЕРИ

I

Предупреждаю заранее: тот, кто ждет занятных морских приключений, пусть не слушает эту историю. Я не могу обещать ни тумана, ни шторма, если в вахтенном журнале сказано ясно: солнце, штиль, температура + 20 в тени.

Да, было так жарко, что смола выступала из палубы. Мы медленно входили в бухту Медвежью, лавируя между островков и камней. Люди отдыхали на баке, еле шевеля языками. Тень от мачты, короткая, синяя, неподвижно лежала на палубе. Корабельная медь слепила глаза. Только плеск воды да белые крылья чаек напоминали нам о прохладе.

Мы надеялись пополнить в бухте запасы воды. Снег на сопках здесь держится долго — до конца июля, даже до августа, и десятки горных ручьев, разогнавшись в ущельях, с огромной высоты падают в бухту. Самые слабые никогда не долетают до берега, ветер подхватывает их на лету и превращает в белую пыль, но два или три водопада соединяют сопки и море высокими дугами. Право, я не видел более сильной картины, чем эти светлые, грохочущие столбы, врезанные в зеленую воду до самого дна. Был уже слышен шум ручьев, когда вахтенный крикнул:

— Японец! Слева по носу!

Возле самого берега стояла двухмачтовая черная шхуна.

Колосков, мельком глянув на шхуну, твердо сказал:

— Полкорпуса влево... так держать!

В таких случаях счет идет на секунды. Не успели хищники выбрать якорь, как двое бойцов разом прыгнули на палубу.

Она была пуста. «Гензан-мару» (Колосков разобрал надпись за десять кабельтовых) даже не пыталась бежать, точно к ней подошел не пограничный катер, а собственный тузик.

А между тем в воздухе пахло крупным штрафом, на бамбуковых шестах вдоль борта висели еще влажные сети.

Сачков заглушил мотор и выглянул из люка.

— Стоило гнать! — сказал он с досадой. — Вот мухобой! Бабушкин гроб!

Судя по мачтам, слишком массивным для моторного судна, во времена Беринга это был парусник с хорошей оснасткой. Плавные, крутые обводы говорили о мореходности корабля, четыре анкерка с пресной водой — о дальности перехода. Под бушпритом шхуны, вынесенным метра на три вперед, была прикреплена грубо вырезанная из какого-то темного дерева фигура девушки с распущенными волосами. Наклонив голову, красавица устала на нас обведенные суриком слепые глаза. Время, соль и толстые наслоения масляной краски безобразно исказили ее лицо.

Мы молча разглядывали шхуну.

Видимо, хозяева рассчитывали на страховую премию больше, чем на улов рыбы; сквозь дыры в бортах могли пролезть самые жирные крысы.

— Эй, аната¹! — крикнул Колосков.

Цыновка на кормовом люке приподнялась. Тощий японец, с головой, повязанной синим платком, равнодушно взглянул на нас.

— Бьонин дес², — сказал он сипло.

— Эй, вы, кто синдо³?

— Бьонин дес, — повторил он монотонно, и крышка снова захлопнулась.

*Колосков спустился в каюту, чтобы надеть свежий хитель. Наш командир был особенно щепетилен, когда дело доходило до официальных визитов.

— Товарищ Широких, — сказал он, — найдите синдо, выстройте японскую команду по правому борту.

— Есть выстроить! — ответил Широких.

Это был серьезный, очень рассудительный сибиряк, с лицом, чеканенным оспой, белыми бровями и славной, чуть сонной улыбкой, которой он встречал остроты Сачкова и кока. Кроме медлительности, он отличался бычьей силой, которой, впрочем, никогда не хвастался.

(Помню случай, когда, погрузившись в воду по пояс, Широких переносил со шлюпки на берег 12-пудовый якорь. И это в свежую погоду, на осклизлых, крупных камнях.)

На «Смелом» он служил рулевым.

Громыхая сапогами, Широких прошел по палубе шхуны, поднял цыновку и присел на корточках перед люком.

— Ваша который синдо? — спросил он деловито. — Ваша бери люди, ходи быстро на палубу.

В ответ из кормового люка вырвался стон.

Мы видели, как Широких перекинул ноги и с трудом протиснулся в узкое отверстие. В трюме загалдели, затем сразу стихло.

— Уговорил! — сказал Сачков, посмеиваясь.

Но Широких не показывался. Шхуна

попрежнему казалась мертвой. На палубе ее блестела сухая тресковая чешуя. Только несколько ярких фундоси¹, подвязанных бечевками к вантам, напоминали о жизни на корабле.

Наконец из трюма вылез Широких. Он был краснее обычного и осторожно, точно ядовитую гадину, держал в вытянутой руке какую-то бумажку.

— Товарищ лейтенант, — загудел он еще с палубы шхуны. — Разрешите доложить. Произведен досмотр кормового трюма. Обнаружено одиннадцать хищников, в том числе синдо. Трое показывают заразные признаки. Остальные чирьев на спине не имеют... Вступают в пререкания. Лежат нагишом.

— Какие чирьи... Вы что?

— Надо полагать, чумные... Стонут ужасно.

— Что вы болтаете? — возмутился Колосков (он был в новой форме, с двумя золотыми нашивками, и фуражка со свежим чехлом). — Идите сюда... Нет, стойте. Покажите письмо.

Широких передал клочок, на котором печатными русскими буквами было выведено:

«Помогитце. Заразно. Сибировска чумка. Весьма просим русскэ доктор».

Если бы японцы специально задались целью смутить Колоскова, лучшего средства они бы не придумали. Бравый балтиец, человек зрелого мужества, он подетски боялся всего, что пахнет больницей. В двадцать лет на фронте Колосков впервые узнал от ротного фельдшера о бациллах — возбудителях тифа. Здоровяк и остряк, он всенародно поднял лектора насмех (в те годы Колосков был твердо уверен, что все болезни заводятся от сырости). Но, когда упрямец увидел в микроскоп каплю воды из собственной фляжки, он заметно опешил. По собственному признанию Колоскова, его точно «снарядом шарашнуло». Странные полчища палочек, шариков, точек поразили воображение моряка. С прямолинейностью военного человека Колосков решил действовать, прежде чем «гады», кишевшие всюду, доведут моряка до соснового бушлата.

¹ Эй, вы!

² Больной.

³ Синдо — шкипер.

¹ Фундоси — набедренная повязка.

Он привил себе оспу на обе руки, завел бутылку иода и принялся старательно мазать свои и чужие царапины. Гадюка над рюмкой¹ стала в его глазах знаком высшей человеческой мудрости.

С тех пор прошло 20 лет, но, если вы увидите когда-нибудь моряка, который пьет кипяченую воду или снимает с яблока кожуру, — это будет, наверняка, Колосков.

Понятно, что при слове «чума» командир немного смутился. Если бы хищники открыли огонь или попытались уйти у нас из-под носа, Колосков мгновенно нашел бы ответ. Но тут, глядя на пустынную палубу шхуны, командир невольно задумался. Опыт и природная осторожность не позволяли ему верить записке.

— Доложите... Какие признаки вы заметили?

— Очень дух тяжелый, товарищ начальник.

— Это рыба... Еще что?

— На ногах черные бульбочки... Кроме того, в глазах воспаление.

Но Колосков уже поборол чувство робости.

— От тухлой трески чумы не бывает... Растравили бульбочки... Симулянты... Впрочем, ступайте на бак. Возьмите зеленое мыло, карболку... Понятно? Чтобы ни одного микроба...

...Открыв аптечку, я нашел сулему и по приказанию командира смочил два платка. Он приказал также надеть желтые комбинезоны с капюшонами, которые применяются во время химических учений.

Прикрывая рот самодельными масками, мы поднялись на борт «Гензан-мару» и внимательно осмотрели всю шхуну.

Это была посудина тонн на триста с высоким фальшбортом, переходящим на корме в нелепые перильца с балясинами, какие попадаются только на провинциальных балконах.

Японские шхуны никогда не отличаются свежестью запахов, но эта превосходила все, что мы встречали до сих пор. Палуба, решетки, деревянные стоки, ка-

залось, насквозь пропитались жиром и слизью. Сладкое зловоние отравляло воздух на полмили вокруг.

Все здесь напоминало о трудной, жалкой старости корабля. Голубая масляная краска, покрывавшая когда-то надстройки, свернулась в сухие струпья. Медный колокол принял цвет тины. Всюду виднелось серое, омертвелое дерево, рыжее железо, грязная парусина. Дубовые банкетки, прикрывавшие палубу, крошились под каблуками.

Зато лебедка и блоки были только-что выкрашены суриком, а новые тросы ровненько уложены в бухты. Сказывалось старое правило японских хозяйчиков: не скупиться на снасти.

Два носовых трюма, прикрытых цыновками, были доверху набиты камбалой и треской. Окоченелость и влажный блеск чешуи говорили о том, что улов принят недавно.

— Ясно, симуляция, — зло сказал Колосков.

Мы заглянули в кормовой кубрик и позвали синдо. Нам ответили стоном. Кто-то присел на корточки и завыл, схватившись обеими руками за голову. Вой подхватили не меньше десятка глоток. Трудно было понять: то ли японцы обрадовались появлению живых людей, то ли жаловались на жару и зловоние в трюме.

Тощий японец, в вельветовой куртке, с головой, обмотанной полотенцем, кричал сильнее других. Упираясь лопатками и пятками в нары, он выгибался дугой и верещал так, что у нас шумело в ушах.

В полутьме мы насчитали девять японцев. Полуголые, мокрые от пота парни лежали вплотную. Несколько минут мы видели разинутые рты и слышали завывание, способное смутить любого каюра¹. Затем Колосков кашлянул и твердо сказал:

— Эй, аната! Однако довольно.

Хор зачумленных грянул еще иступленнее. Казалось, ветхая посудина заколебалась от крика. Многие даже забарабанили голыми пятками.

Это взорвало Колоскова.

¹ Змея и чаша — значок медицинских работников.

¹ Погонщика собак.

Он крикнул в трюм, точно в бочку:

— Эй, вы... Смир-рно!

И все разом стихли. Стало слышно, как в трюме плещет вода.

— Где синдо?

Крикун в вельветовой куртке вылез из кубрика и, путая японскую, английскую и русскую речь, пояснил, что самые опасные больные изолированы от остальных. Продолжая скулить, он повел нас к носовому кубрику.

В узком, суженном книзу отсеке лежали на цыновках еще три японца.

— Варуй дес! Тайхен варуй дес¹, — сказал синдо довольно спокойно.

С этими словами он взял бамбуковый шест и бесцеремонно откинул тряпье, прикрывавшее больных.

Мы увидели мертвенную, покрытую чешуйками грязи кожу, черные язвы, чудовищно раздутые икры, оплетенные набухшими жилами. Ребра несчастных выступали резко, точно обнаженные шпангоуты шхуны. Видимо, больные давно мочились под себя, так как резкий запах аммиака резал глаза.

Люди заживо гнили в этом душном логовище с грязными иллюминаторами, затянутыми зеленой бумагой.

Возле больных, на цыновках, усыпанных рыбьей чешуей и зернами сорного риса, стояли чашки с кусками соленой трески.

— Бедный рыбачка! Живи — нет. Помирай — есть, — сказал провожатый.

Точно по команде, трое японцев протянули к нам ужасные руки, почерневшие, скрюченные, изуродованные странной болезнью. Не знаю, как выглядят чумные, но более грустного зрелища я не встречал никогда.

Синдо знал полсотни русских и столько же английских фраз. Путая три языка, он пытался рассказать нам о бедственном положении шхуны.

— ...Это было в субоцу... Сильный туманка. Ходил туда, ходил сюда... Скоси мо мимасен². Наверно, компас есть ложный... Немного брудили. Вдруг падай Арита... Одна минуца — рыбачка чернеет... Like coal³. Другая минуца —

падай Миура... Третья минуца—Тоямо. Каммата нэ¹. Вдруг берет! Что? Разве это рускэ земля? Вот новость!

Колосков спокойно выслушал бредовое объяснение и, глядя через плечо синдо на больных, сухо сказал:

— Хорошо... Где поймана рыба?

— Са-а... Он всегда был здоровячка, — ответил грустно синдо. — Что мы будем рассказывать его бедный отце и мать?

— Я спрашиваю, когда и где поймана рыба?

— Да, да... Арита горел, как огонь. Наверно, есть чумка.

— Не понимаете? Рыба откуда?

— Ей-бога, не понимаю, — сказал шкипер, кланяясь в пояс. — Мы так боялся остаться один.

Он махнул рукой, и зачумленные дикими воплями подтвердили безвыходность положения.

Мы вышли на палубу, провожаемые стоном больных и бормотаньем синдо. Колосков сердито сорвал сулемовую маску.

— Вы когда-нибудь видели чуму?

— Только на картинках, — признался я.

— Любопытно.

— Да... рыба свежая.

Я хотел на всякий случай отобрать у японцев лампу для нагрева запального шара мотора, но Колосков не разрешил мне спуститься в машинное отделение.

— Понимать надо, — сказал он строго. — Чума не репейник, — с рукава не стряхнешь.

II

Вести шхуну в порт было нельзя. Мы запросили отряд и через десять минут получили ответ. «Врач, санитары высланы. Снимите, изолируйте наш десант. Отойдите шхуны, наблюдение продолжайте...».

И мы стали ждать.

Нам предстояло провести с глазу на глаз с зачумленной шхунной шесть часов.

Был полдень, солнечный, душный, несмотря на окружавшие бухту снежные сопки. Вокруг шхуны островками плава-

¹ Плохо, очень плохо.

² Ничего не видно.

³ Как уголь.

¹ Беда.

ла пена и раздувшиеся от жары кишки кашалотов, — верный признак, что китобойная флотилия находится недалеко. Издали кишки походили на связки ржавых, очень толстых корабельных цепей. На островках — желудках — сидели нарядные и крикливые чайки.

Палуба «Гензан-мару» кишела мухами. Вскоре они стали попадаться в кубриках «Смелого». Колосков велел отойти от шхуны на два кабельтовых.

Обедали плохо. Борщ, хлеб, жаркое, даже горчица пахли карболкой. По приказанию командира наш кок Костя Скворцов обходил корабельные помещения с пульверизатором, ежеминутно наполняя бутылку свежим раствором.

— Все по порядку, — объяснял он, сияя голубыми глазами, — сначала карболка, потом хлор. Белье в печку... Прививка... Потом карантин на три недели...

Костя был немного паникёр, но на этот раз многие разделяли его опасения. Шхуна стояла рядом, безлюдная, тихая, — и в тишине этой было что-то зловещее.

Хуже всех чувствовал себя Широких. Вымытый зеленым мылом и раствором карболки, он сидел на баке притихший, голый по пояс, а мы наперебой старались ободрить товарища.

Все мы искренно жалели Широких. Он был отличный рулевой, а на футбольной площадке левый бек. Что теперь ждало парня? Терпеливый, толстогубый, очень серьезный, он бил слепней и, вздыхая, смотрел на товарищей.

Мы утешали Широких, как могли.

— Мой дядя тоже болел в Ростове холерой, — сказал рассудительно кок. — Он с'ел две дыни и глечик сметаны... Ну, так эта штука страшнее чумы. Три дня его выворачивало наизнанку. Он стал тоньше куриной кишки и так ослаб, что едва мог показать родным дулю, когда его вздумали причастить... Потом приехал товарищ Грицай... Не слышали? Это наш участковый фельдшер. Он промыл дяде желудок и впрыснул сочащую сыворотку.

— Телячью...

— Это все равно. Наутро он помер.

— Иди-ка ты, — сказал Широких, поевжившись.

— Так то холера... Думаешь, уже заболел. Посмотри на себя в зеркало.

Широких снова дали термометр. Он неловко сунул его подмышку и совсем нахохлился.

— Знобит?

— Есть немного.

Митя Корзинкин — наш радист — принес и молча (он все делал молча) сунул Широких пачку сигарет «Тройка», которые хранил на случай увольнения на берег.

— В крайнем случае можно перелить кровь, — сказал боцман, — Сложимся по пол-литра.

— Главное, Костя, не поддавайся.

— Ты не думай о ней... Думай о девочках.

— Это верно, — сказал Широких покорно. — Надо думать.

Он сморщил лоб и стал смотреть в воду, где прыгали зайчики.

Обедал Широких в одиночестве. Он с'ел миску каши, двойную порцию бефстроганов и пять ломтей хлеба с маслом. Кок, с которым Широких постоянно враждовал из-за добавок, принес литровую кружку какао.

— Посмотрим, какой ты больной, — заметил он строго.

Широких подумал, вздохнул и выпил какао. Это немного всех успокоило.

— Видали чумного? — спросил коксехидно.

В конце-концов, видя, что общее сочувствие нагоняет на парня тоску, Колосков запретил всякие разговоры на баке.

Все занялись своим делом. Радист принялся отстукивать сводки, Сачков — чинить донку, Косицын — драить решетки на люках.

Один Широких с тоской поглядывал по сторонам. У парня чесались руки.

— Дайте мне хоть марочки делать.

Боцман дал ему кончик дюймового троса, и Широких сразу повеселел, заулыбался, даже замурылькал что-то под нос.

Колосков ходил по палубе, надвинув козырек фуражки на облупленный нос, и изредка метал подозрительные взгляды на шхуну.

Наконец он подошел к Широких и спросил тоном доктора:

— Колики есть?

— Нет... то-есть немного, товарищ начальник.

— Судороги были?

— Нет еще...

— Ну и не будут, — объявил неожиданно Колосков и сразу гаркнул: — Бак-овые на бак... С якоря сниматься!

Мы развернулись и, сделав круг, подошли к шхуне поближе. Синдо тотчас высунул из люка обмотанную полотенцем голову.

— Эй, аната! — крикнул Колосков громко. — Ваша стой здесь... Наша ходи за доктором.

Услышав, что мы покидаем шхуну, больные подняли было оглушительный вой. Видимо, все они боялись остаться одни в далекой, безлюдной бухте. Но синдо сразу успокоил испуганных рыбаков.

— Хорсо-о... Хорсо-о, — пропел он печально, — рускэ доктору... Хорсо-о.

Он повесил голову, согнул ноги в коленях и застыл в робкой позе, — живая статуя отчаяния.

★

Бухта, в глубине которой стояла «Гензан-мару», изгибалась самоварной трубой. Когда мы миновали одно колено и поровнялись с невысокой скалой-островом, я невольно взглянул на командира.

— Здесь?

— Ну, конечно, — сказал Колосков.

Скала прикрывала нас с мачтами. Лучшее место для засады трудно было найти. На малых оборотах мы проползли между каменными зубами, торчавшими из воды, и стали в тени островка.

— Значит, симуляция? — спросил боцман. — Так я и думал...

Широких заулыбался и натянул тельняшку.

— Могу быть свободным?

— После осмотра врача, — ответил неумолимый Колосков.

Мы заглушили мотор и стали прислушиваться. Спугнутые катером чайки носились над мачтами, чертыхаясь хуже базарных торговки. Сквозь птичий гвалт

и плеск волны, обегающей остров, долетали временами прерывистый стук мотора. Видимо, японцы пытались запустить остывший болиндер.

Услышав знакомые звуки, Колосков втянул шею, заулыбался и зашевелил усами. Он стал похож на заядлого удильщика, у которого вдруг затанцовал поплавок.

На островок набежала волна. Стук мотора стал ближе и резче. Вдруг мотор поперхнулся... Помолчал полминуты... Застучал снова — на этот раз неровно и глухо.

Мы завели мотор. Люди стали по местам. «Смелый» дрожал, готовый кинуться за наглецами в погоню.

И вдруг боцман разочарованно крикнул с кормы:

— Фу ты, чорт! Смотрите...

В десяти метрах от нас, в расщелине между камнями лежал перевернутый бат¹, видимо, унесенный из поселка рекой. Каждый раз, когда набегала волна, лодка билась о стены, издавая отрывистые и ритмичные звуки.

Мы были так раздосадованы неожиданной шуткой моря, что не поверили ушам, когда за поворотом послышалось знакомое всем морякам «таб-бак, таб-бак».

Но это была «Гензан-мару». Она вылетела из-за мыска метрах в пятидесяти от нас, поплеывая горячей водой, и помчалась к открытому морю. Из трубы шхуны кольцами летел дым, винт свирепо рвал воду, а вся команда толпилась на палубе. Чумный синдо рысцой бегал по палубе, подгоняя чумных матросов, чумный боцман, лежа на животе, доставал крючком якорь, цеплявшийся за волну.

Заметив нас, «Гензан-мару» вильнула в сторону, но Колосков спокойно приказал лечь на параллельный курс. Мотор шхуны был слишком слаб для тяжелого корпуса, а наш движок работал чудесно.

Через десять минут японцы заглушили болиндер, и Колосков, захватив меня и Косицына, поднялся на палубу

¹ Бат — лодка, выдолбленная из цельного ствола.

шхуны. Он был взбешен японским нахальством и, стараясь сдержаться, говорил очень тихо. Синдо шипел и пятился, кланяясь, как заведенный.

— Как ваши... очумелые? — спросил Колосков.

— Благодарю... Наверное, очень плохо...

— Что-то не дождался доктора?

— Са-а... Помирай здесь, помирай дома. Бедный рыбацка думай все равно.

Он начал было снова скулить, но Колосков разом успокоил синдо.

— Ну-ну, — сказал он сухо, — я думаю, до тюрьмы все ближе, чем до могилы.

Вскоре подошел катер с доктором, и все сомнения наши рассеялись. Чумных на шхуне было столько же, сколько на нашем катере архиереев.

Сам синдо признался в мошенничестве. Шхуна заметила катер слишком поздно, а скорость старой посудины, до отказа набитой треской, была смехотворна. Тогда на шхуне молниеносно возникла чума. Хор и записка были только трюком, рассчитанным на простаков. По словам синдо, они дважды повторили этот прием у берегов Канады, и оба раза катер рыбного надзора поспешно уходил от «Гензан-мару».

Трое рыбаков во время проверки не вышли на палубу. Но это не были симулянты. Бери-бери — болезнь бедняков, частый гость рыбацких поселков и шхун — свалила ловцов на цыновки. Эта болезнь — сестра голода.

Ловцы «Гензан-мару» заболели еще весной. Сначала они пытались скрыть признаки бери-бери, выполняя нелегкие обязанности наемных ловцов наравне с прочими рыбаками. Но люди на шхунах спят на общих цыновках, почти нагишом...

По правилам, больных следовало не-

медленно высадить на берег, однако синдо рассудил, что до конца сезона рыбаки смогут хотя бы отработать аванс.

Им дали «легкую» работу: наживку крючков и резку пойманной рыбы (разумеется, за половинную плату).

Они честно отработали хозяину полсотни иен и сухую треску и куртки из синей дабы, а теперь терпеливо ждали конца. Судя по запавшим глазам и омертвевшим конечностям, он был недалек. У одного из рыбаков уже началась гангрена, обе ноги до колен были пельного цвета.

Пройдоха синдо отлично использовал зловещие признаки бери-бери. Нарывы и язвы, покрывавшие тела рыбаков, он выдал за приметы чумы.

Колосков приказал подать больным макароны, кофе и масло. Они не притронулись к пище. А когда санитар снова навестил больных, тарелок уже не было: каким-то чудом они оказались в подшкиперской.

— Эти люди не привыкли к высокой пище, — сказал спокойно синдо.

Вечером мы снялись с якоря и повели «Гензан-мару» в отряд. Шхуна шла вслед за «Смелым» своим ходом. Носовой люк был открыт — на потолке горела «летучая мышь». Стоя у неуклюжего штурвала, я видел безнадежно покорные лица больных.

Они ждали. Им было все равно.

Набежал ветер. «Гензан-мару» стала раскачиваться и клевать носом.

Черная мачта шхуны выписывала в небе восьмерки, задевая концом за звезды, — то одна, то другая срывалась с места и, оставив трепетный след, падала в темное, смутно шипящее море.

На рассвете приблизился «Смелый». Я сдал вахту Широких и перебрался на катер.

КОМЕНДАНТ ПТИЧЬЕГО ОСТРОВА

I

Э то была наредкость упрямая шхуна. Прежде чем заглушить мотор и вывесить кранцы, «Кобе-мару» предложила игру в прятки, встав в тени за скалой. Когда этот фокус сорвался, она стала метаться по бухте, точно треска на крючке... Затеяла глупую гонку вокруг двух островков, пыталась навести «Смелый» на камни, ударить форштевнем, подставить корму, — словом, повторила все мелкие подлости, без которых эти господа никогда не обходятся.

Оберегая корпус «Смелого» от рискованных встреч, Колосков долго водил катер параллельными курсами.

Мы были мокры, злы и от всего сердца желали шхуне напороться на камни. Боцман Гуторов, уже полчаса стоявший на баке с отпорным крюком, высказал это резонное желание вслух и немедленно получил замечание от командира.

— А допрашивать эпроновцы будут? — ворчливо спросил Колосков. — Эк жмет! Чует кошка...

Увлеченный погоней, он не пытался даже вытирать усеянное брызгами, свежее от холода и ветра лицо. Стоял на ходовом мостике, шурысь, посыпаемая, не отрывая глаз от низкой кормы, на которой, точно крабы, выделялись два больших иероглифа.

Наконец ему удалось подойти к японцу впритирку, и двое бойцов разом вскочили на палубу шхуны.

— Коннице ва! Добру ден! — сказал присмиривший синдо.

Он стоял на баке возле лебедки и кланялся, точно заведенный.

Сети были пусты. В трюмах блестела чешуя давних уловов. Зато вся команда была, как по форме, одета в свежую, еще не обмятую работой спецовку. Высокие резиновые сапоги (без единой заплатки), подтянутые шнурками к поясам, придавали ловцам бравоый, даже воинственный, вид.

В пристройке, рядом со шкиперской, мы отыскивали радиста, маленького злого упрямаца в полосатой фуфайке. Он за-

перся на ключ и сыпал морзянкой с такой быстротой, точно «Кобе-мару» погружалась на дно.

Уговаривать радиста взялся Широких. Он быстро снял дверь с петель и вынес упрямаца на палубу, рассудительно приговаривая:

— Отойди... Постучал — и довольно. Я ж вам об'ясню по-русски.

После этого мы выстроили японцев вдоль борта и подивились славной выправке «рыбаков». Судя по развороту плеч и строевой точности жестов, они были знакомы с арисаки¹ не хуже, чем с кавасаки.

Мы обыскали кубрик, трюм, машину, но, кроме соленой рыбы, риса и бочки с квашеной редькой, ничего не нашли. Тогда Колосков приказал поднять линолеум в каюте синдо, а сам взял циркуль, чтобы промерить расстояние шхуны от берега.

Вскрывая вместе с Широких линолеум, я видел, как юлит пройдоха синдо. Едва Колосков доказал, что шхуна задержана в наших водах, шкипер уткнул нос в словарь и вовсе перестал понимать командира.

— Ровно милая, — сказал Колосков. — Что вы тут делали, господин рыбоволов? — Благодарю, — ответил синдо. — Мое здоровье есть хорошо.

— Не интересуюсь.

Синдо наугад ткнул пальцем в страницу.

— Хоцице немного русска водка? Вы, наверно, зазябли?

Колосков отвернулся и стал терпеливо разглядывать картинку над койкой синдо. Трюк со словарем был стар, как сама шхуна.

Между тем синдо продолжал бормотать:

— Вчера шел дождик... Морская погода, как сердце красавицы — есть холодна и обманчива... Пятница опасный день моряков...

— Кончили? — спросил Колосков.

— Не понимаю... Чито?

¹ Винтовка, принятая на вооружение в японской армии.

Тут командир взял из рук синдо словарик и, захлопнув, сказал прямо в лицо: «Ну, довольно шуток, я намерен поговорить серьезно».

Нужно было видеть, как повело шкипера при этих словах. Он выпрямился, задрал нос и заскрипел, точно сухое дерево на ветру.

— Хорсо... Я отказываюсь говорить младшим лейтенантом.

— Понятно, — сказал Колосков, пряча карту. — Понятно, господин старший рыболов.

В это время командира позвали на палубу, и тут открылась занятая картина.

Возле шлюпки лежал аварийный дубовый анкерок ведер на пять пресной воды. Боцман шхуны вздумал походя накинуть на бочку брезент, а эту запоздалую заботу подметил Широких. Любопытства ради он выбил втулку из бочки и сильно удивился, почему вода плещется, а не льется на палубу.

Теперь, багровый от волнения, он стоял на коленях, возле анкерка и, запустив руку по локоть, что-то нащупывал.

Увидев Колоскова, он застеснялся и сказал:

— Что-то плещется, товарищ лейтенант, а шо — неизвестно.

Он пошарил заботливо, как рыбак в вентере, и прибавил:

— Будто щука.

И вытащил новенький маузер.

Потом он воскликнул:

— Лещ, товарищ лейтенант! Окунь, карась!

И на палубу, рядом с маузером, легли фотоаппарат, индуктор, связка биффорова шнура, корбочка капсюлей и еще кое-что из «рыбацкого» ширпотреба. Последней была вынута калька со схемами, нанесенными бегло, но искусной и твердой рукой.

Итти в отряд своим ходом японцы наотрез отказались. К тому же они успели забить в нескольких местах топливную магистраль кусками пробки и войлока. Тогда мы загнали команду в кубрики и, закрепив буксирный конец, с трудом вытащили шхуну из бухты.

Заметно свежело. Волны стали острее и выше. Всюду осыпались и дымились

на ветру белые гребни. Временами волна, разбитая «Смелым», пролетала над ходовым мостиком, осыпая нас шумными злыми осколками.

Багровое небо обещало тяжелый поход. Дул лобовой шквалистый ветер, и трос, слишком короткий для буксировки, вибрировал за кормой.

На полдороге к отряду «Смелый» стал зарываться в волну. Вода кипела и металась по палубе, не успевая уйти за борт.

Колосков все чаще и чаще поглядывал назад, на смутно белевшую шхуну. Потеряв самостоятельность, на жесткой буксирной узде она плелась за нами, раскачиваясь, спотыкаясь о гребни. Вероятно, «Кобе-мару» было еще труднее, чем нам, потому что трос не давал ей свободно взбегать на волну.

Вскоре стал заметен только бурун, волочившийся у нас на буксире. Берег, черневший по правому борту, исчез. Низкий рев моря, шипение бескрайной воды глушили перестуки мотора. Шквал навалился на катер с такой силой, что разорвал на мостике парусиновый козырек и сорвал со шлюпки чехол.

«Смелый» шел шажком в темноте, вздрагивая и кряхтя от крепких ударов. Ни звезды, ни огня. Только бледная картушка компаса плясала под мокрым стеклом. Командир отправился на корму, чтобы осмотреть буксировочный трос.

Я стоял на руле и слышал, как, вернувшись на мостик, Колосков отдувался и убеждал себя самого:

— Чорт. Не размокнет... Ну, ясно.

Мы думали об одном. Позади нас, на пустынной палубе шхуны были двое: боцман Гуторов и ученик моториста Косицын. Гуторов был надежен. Подвижной, грубоватый, смекалистый, он держался на палубе прочнее, чем кнехт¹. Но Косицын... сколько раз мы вытаскивали его из машины на палубу — зеленого, мутноглазого, вялого. На земле он был весел, по-крестьянски деловит и упрям, а в море размокал, как галета. Что сделаешь, если степная кровь не терпит ни качки, ни сырости.

Чтобы успокоить командира, я сказал:

¹ Тумба для крепления канатов.

— Устоит... На воздухе все-таки легче.

— Да? Я тоже так думаю, — ответил Колосков и тут же возмутился: — Разговорчики! Да вы что? На компасе или в пивной?

Был виден уже маяк Угловой, когда краснофлотец, следивший за тросом, резко вскрикнул.

Я сразу почувствовал, что катер пошел подозрительно ходко, обернулся и увидел, как позади нас быстро гаснет бурун. Из темноты долетел, смятый шквалом, голос Косицына:

—...варищ командир... ..аварищ андир!

Что он кричал еще, разобрать было нельзя, да мы и не вслушивались. Круто развернувшись, «Смелый» пошел на выручку шхуны.

Прожектор быстро нашел «Кобе-мату» (среди черной воды она блестела, как моль), обшарил шхуну с обоих бортов, лег на волну... и тут Колосков, сигнальщик и я разом закричали — полундра!

В штормовой ошалелой воде барахтались двое. Они дрались. Оглушенные ударами гребней, они подминали, душили, топили друг друга, разевая рты, чтобы забрать воздух, и задыхались и слепли в прожекторном свете, не выпуская, однако, горла противника.

То-и-дело пловцы взлетали высоко над нами, над всем глухо стонущим морем и рушились вниз вместе с гребнями.

Их разбило. Они снова кинулись на встречу друг другу. А когда мы приблизились к месту схватки и бросили лить, за конец схватился один только пловец...

То был Гуторов.

Окровавленный, ослабевший, он лег ничком, бормоча:

— Там на шхуне... Косицын... один.

— Самый полный! — скомандовал Колосков.

— Есть... амы полны...—ответили из машины.

«Смелый» вздрогнул и не двинулся с места.

— В машине!

Сачков ответил что-то невнятное. Во-да за кормой побелела, корпус затрясся,

заскрипел от рывков, и мы поползли со скоростью пловучего крана.

Колосков приказал осмотреть винт. Нас держал трос. Огромный, разбухший ком ворочался за кормой «Смелого», отнимая у нас ход и маневренность. Вероятно, с палубы шхуны смыло целую бухту манильского троса, и катер, налетев с размаху на снасть, перепутал и намотал на винт метров сто крепчайшего волокна.

Застопорив машину, мы полезли в воду рубить и распутывать петли, а боцман тем временем, клацая зубами, рапортовал командиру, что случилось на шхуне.

...Косицын был на руле. Гуторов осматривал трос. В это время вода разбила стекло штурманской рубки. Услышав звон, японцы стали ломиться на палубу. Гуторов подбежал к кубрику и укрепил дверцу веслом (задвижка была слабовата). И тут из какой-то щели, возможно из канатного ящика, вылез «рыбак». Он успел рубануть трос ножом и кинулся боцману под ноги, а шхуну какраз положило на борт...

Что было с Косицыным, Гуторов не знал. Он выпил стакан спирта и, обвязавшись канатом, снова влез в воду.

Скучное дело. Мы очистили винт, но продолжали болтаться на месте, вал был согнут, муфта разболтана, мотор дышал, как затравленный, и «Смелый» не мог даже выгрести против ветра...

Мы превратились в буюк, а шхуну уносило все дальше и дальше. Прожектор резал только мачты по клотик. Они долго кланялись морю на все четыре стороны — маленькие, светлые травинки среди гневной воды — и наконец пропали из глаз.

Как мы провели ночь, вспоминать скучно. Скажу только, что, несмотря на десятибалльный ветер, на палубе было довольно жарко, а в трюме, кроме моторной помпы, беспрерывно работали четыре ручных донки.

Море разворотило фальшборт от мостика до шпигля, смыло тузик и в довершение всего выдавило стекло у прожектора, сильно порезав осколками сигнальщика Сажина.

Когда рассвело, мы увидели изуродованный катер и злобную тусклосерую воду.

Захлебываясь сиреной, к нам подходил ледокол «Трувор». Колосков был мрачнее моря (если бы только можно было дохромать до порта самим!). Отвернувшись от «Трувора», он велел готовить буксир.

В тот день, сменив гребной вал и винт, мы снова вышли в море. Шторм утих. Горизонт был чист. Никто из рыбаков на сто миль к югу от Соболиного мыса не видел огней гибнущей шхуны.

Только на четвертые сутки мы узнали о грустной судьбе «Кобе-мару».

II

— Товарищ командир! — крикнул Косицын.

Никто не ответил. Корпус шхуны гудел от ударов. На палубе, сливаясь с морем, шипела вода.

Он сложил руки рупором и крикнул еще раз в темноту, где вспыхивали на ветру гребни волн.

— Товарищ команди-ир!

Он был один на мокрой палубе, освещенной только белизной пены. Желание услышать товарищей, увидеть хотя бы издали силуэт пограничного катера охватило его с удвоенной силой. Косицын продолжал кричать, поворачиваясь в разные стороны, так как потерял всякую ориентировку. Временами он делал паузы, чтобы перевести дыхание и прислушаться, но бесконечный низкий рев моря глушил посторонние звуки.

Внезапная вспышка света заставила Косицына обернуться. Справа по носу шхуны прыгал с волны на волну прожекторный луч. Свет был на излете. Далекий, ослабленный водяной пылью, носившейся в воздухе, он терпеливо нащупывал шхуну. И Косицыну, несмотря на холод и мокрый бушлат, сразу стало веселее и теплее: широко море, а не пропадешь.

Он вернулся к штурвалу и попытался поставить шхуну носом к волне. Это не удалось. Лишенная хода «Кобе-мару» рыскала из стороны в сторону, подставляя ударам борта.

Между тем расстояние увеличивалось. Гребни стали беспокойней, острее. Прожектор захватывал только концы мачт. Видимо, «Смелый» не мог одолеть волну. Сузив глаза, озябший Косицын силился разобрать сигнальные вспышки, мигающие на клотике «Смелого». Они были отрывочны... почти бессвязны.

«...Исправим... пойдём вами... зажгите бортовые... кливер... крайнем случае... берег».

— Есть, так держать! — ответил по привычке Косицын, и снова в море стало темно.

Шхуна мчалась, не слушая руля, без бортовых огней, вздрагивая и раскачиваясь, точно пьяная.

Она неслась мимо мыса Шипунского, окаймленного полосой бурунов, мимо отвесной скалы с маяком, бросавшим в море короткие вспышки, мимо ворот в бухту, где находился отряд, все дальше и дальше на юг.

Он снял бортовые фонари и попытался зажечь их, прикрывая бушлатом. Вода барабанила по спине, спички гасли от ветра и брызг. В конце-концов, ему удалось зажечь фитилек, но волна неожиданно ударила сбоку, залила масленку и выбила коробок. С тяжелым сердцем он повесил на место темные фонари.

Приближался рассвет. Волны продолжали толпиться вокруг беспомощной шхуны.

Косицын то-и-дело бегал к борту. Он никак не мог привыкнуть к морским ухабам и каждый раз, возвращаясь к штурвалу с бледным лицом и затуманенными глазами, твердил про себя: «Довольно. Чорт! Ну, хватит, я говорю».

И снова склонялся над морем. Когда рассвело, он взял ведро и смыл с дубовой решетки следы своей слабости. К счастью, палуба была пуста.

Вместе со светом к Косицыну постепенно вернулась решительность. Надо было как-то действовать, распоряжаться беспомощной шхунной.

Он расстегнул кобур, осторожно поднял подпорку-весло и жестами пригласил на палубу шкипера. Из осторожности он сразу захлопнул и укрепил дверцу в кубрик.

— Аната¹, — сказал он как можно тверже. — Надо мотор запустить, слышь, аната?

— Кому надо? Нам не надо.

Шкипер даже не глядел на бойца. Стоял, почесываясь, и зевал. Это возмутило Косицына.

— Пререкания? Я приказываю!

— Осен приятно... Я отказываю.

Машина была испорчена мотористом еще вчера. Косицын взглянул на фок-мачту, на темный жгут скатанной парусины, подумал и вынул наган:

— Чито? — спросил быстро синдо. — Чито вы хотите?

— Это дело мое. А ну, ставь кливер!

Они посмотрели друг другу в глаза, потом синдо повернулся и неспеша пошел к мачте. Косицын спрятал наган.

По правому борту, сливаясь с горизонтом, тянулась низкая полоса тумана. Изредка долетали дальние пушечные залпы прибора. Как всегда на мелких местах, накат был огромен.

— Разобьет, — определил Косицын. — Обязательно разобьет. — Однако, как только кливер вырвался вправо и «Кобе-мару» стала послушной рулю, Косицын решительно направил шхуну в туман.

Он так озяб, истосковался по твердой земле, что рад был сесть на камни, на мель, чорту на спину, лишь бы спина эта была твердой. К тому же с рассветом увеличился риск встретить какую-нибудь японскую шхуну.

Шкипер отвел шкот к корме и сел на фальшборт напротив Косицына. Он был сильно встревожен: вертел шей, прилащивался к шуму прибора, даже снял платок, прикрывавший уши от ветра. Наконец он не выдержал и заметил:

— Наверно, это опасно?

Косицын не ответил. Туман разорвало. Стал виден высокий накат и берег, и темная зелень сопки. Сильно накренившись, шхуна шла прямо на камни.

— Благорозуйность оружие храбрых, — сказал шкипер отрывисто. — Как это? Худой мир лучше доброго сора? Вы есть храбры... Мы тоже доволь-

но сильны... — Он помедлил. — Хоцице имец... как это... магарыч?

— Магарыч? Я по-японски не обучен.

— Кажется, я говорю вам по-русски.

— А мне не кажется. Слова русские, мысль японский.

— Мы спустим шлюпку, — сказал быстро синдо. — Хорсо? В иенах береце?

Косицын глядел поверх шляпы синдо на сопку, думая о своем. Земля была близко, а саженные буруны на камнях еще ближе. Жалко—мал ход. Развернет к берегу лагом, обязательно развернет. «Ну, держись!»—сказал он себе самому. Всем сердцем он почуял близкий конец и, как часто бывает с людьми простодушными и отважными, разом захмелел от опасности, от сознания своей дерзкой, отчаянной силы.

— Давай, — крикнул он шкиперу. — Давай золото, давай все.

Ответа он не расслышал. Набежала и оглушила волна, но понял, что шкипер спросил — сколько.

— Мильон! — крикнул Косицын, навалясь на штурвал. — Все будет наше!

Шкипер глянул в молодое, ожесточенное лицо рулевого и разом ослабил шкот.

— Ну-у?! — спросил грозно Косицын, и кливер снова рванулся вперед.

Шкипер подбежал к дверце, выбил весло. Из кубрика хлынули на палубу и загадели японцы. «Кобе-мару» несло прямо на сопку — темнозеленую, курчавую, точно барашек.

Бросили якорь, но шхуну уже развернуло к берегу лагом и било днищем о камни. Через борт, ревя галькой, смытая людей, шла вода.

III

То был Птичий остров — невысокая гряда песка и камней среди хмурой воды. Косицын понял это, едва солнце разогнало туман и за проливом встали пестрые горы материка.

С вершины сопки было видно все: берег, отороченный шумной волной, полоса гальки и водорослей, шесты с мокрым бельем, даже ракушки на дне пере-

¹ Вы.

вернутой «Кобе-мару». Широко и вольно дышало море, облизывая мертвую шхуну, а на пологих валах еще сверкали жирные пятна нефти и качались цыновки.

Внизу дымился костер. Семь полуго- рых японцев сидели возле котла, по оче- реди поддевая лапшу, и косились на сопку.

Косицын снял все, кроме трусов и на- гана. Здесь он чувствовал себя куда крепче, чем в море, хотя царапины на плече еще сильно саднило, а во рту бы- ло горько от соли. Все-таки земля. Го- рячая, твердая! Обдуваемый ветром, он спокойно поглядывал то на пленников, то на море.

Остров был свой, знакомый по преж- ним походам. Здесь иногда проводили стрельбы, рвали черемшу, собирали в бескозырки яйца чаек. Пусть шушукать у котла, шхуна разбита, на шлюп- ке далеко не уйдешь.

Стойкий запах травы и теплый воз- дух, струившийся над камнями, вызыва- ли сонливость. Чтобы не задремать, Ко- сицын ущипнул себя за руку и, надев еще сыроватый бушлат, решил обойти весь остров по берегу.

Плохая затея! Едва ноги его косну- лись песка, как все мускулы заныли, ослабели, запросили пощадки. Утомлен- ный качкой Косицын готов был растя- нуться у подножья сопки. Как? Лечь? Он наградил себя жестоким щипком и, с трудом вытаскивая ноги, направился дальше.

То был остров без ручьев, без де- реьев, без тени, заросший жесткой кур- чавой травой. И жили здесь только птицы. Черные, жирные топорки отры- вались от воды и, с трудом пролетев сотню метров, ныряли прямо в дыры, пробитые в склоне горы. Зато чайки но- силась высоко, покачиваясь на упругих крыльях, смело дрались в воздухе и только изредка опускались на самые вы- ские скалы.

Весь восточный берег был завален влажным мусором. Косицын разгляды- вал его с любопытством, по-крестьянски жалея неприканное морское добро. Бы- ли тут измятые ржавые бочки, стеклян- ные шары наплавов в веревочных сетках,

бутыли, бамбук, обрывки сетей, цы- новки, багровые клешни крабов, воню- чие водоросли с темными луковицами на конце каждой плети, куски весел, кана- ты, ветхие позвонки и ребра китов, пемза, доски с названиями кораблей и еще никого не спасшие пояса, шерша- вые звезды, медузы, тающие среди водо- рослей, точно куски позднего льда, истлевшая парусина чехлов, — все мертвое, влажное, покрытое кристалла- ми соли.

Выше этого кладбища белели простор- ные залежи сухого плавника. Это наве- ло Косицына на мысль о костре, высо- ком, дымном сигнале — костре, который был бы виден с моря и ночью, и днем. Но, когда он подошел к японцам и по- требовал перенести сучья с берега на гребень горы, никто не шелохнулся. Шкипер не захотел даже поделиться спичками.

— Скоси мо вакаримасен, — сказал он, смеясь.

Семь рыбаков с присвистом и чмо- каньем глотали лапшу. Они успели снять со шхуны два мешка риса, ящик с лапшой и целую бочку с кашеной редь- кой и теперь иронически поглядывали на голодного краснофлотца.

— Не понимаю, — перевел любезно синдо.

Косицын помрачнел. Он мог сидеть без воды, без хлеба, потому что это ка- салось лично его. Но спички... Костер должен гореть. И он спросил, сузив гла- за, очень тихо:

— Опять р-разговорчики? Ну?!

Только тогда улыбки погасли, и шки- пер кинул бойцу жестяной коробок.

Что делать с «рыбаками» дальше, Ко- сицын не представлял себе. Он прожил всего двадцать два года, знал мотор, разбирался в компасе, но еще ни разу не попадал на остров вместе с японцами.

Впрочем он задумался ненадолго. Природная крестьянская обстоятель- ность и смекалка подсказали ему вер- ную мысль — сразу взять быка за ро- га. В чистой форменке и бушлате, за- стегнутом на все пуговицы, он чувство- вал себя единственным хозяином земли, на которой бесцеремонно расселись и чавкали подозрительные «рыбаки». На-

до было с первого раза поставить японцев на место. Тем более, что «большая земля» лежала всего в двух милях от острова.

Поставить... Но как? Он вспомнил неторопливую речь и манеру боцмана выступать на собраниях (одна рука позади, другая за бортом кителя), приосанился и сурово сказал:

— Эй, старшой! Раз'ясните команде мою установку. Вы теперь на положении острова. Это, во-первых... А, во-вторых, земля тут советская. Понятно? Значит, и порядки будут такие же. Озорства не устраивать, во всем соблюдать сознательность и порядок... Если что, буду карать по всей строгости на правах коменданта... Вопросы будут?

Никто не ответил. Боцман—толстяк в панаме и синей шанхайской спецовке—облизывал пальцы, с любопытством поглядывая на коменданта.

— Понятно? А теперь учтем личный состав.

Тут комендант вынул карандашик и книжку и спросил боцмана, сидевшего крайним:

— Ваша фамилия?

Он спросил очень вежливо, но боцман только хихикнул. За толстяка неожиданно ответил синдо:

— Пожариста... Это господин икс.

— Ваша?

— Пожариста... господин игрек.

Раздались смешки. Игра понравилась всем, кроме коменданта.

— Отставить, — сказал Косицын спокойно. — Эта азбука нам известна.

Он подумал и, старательно оглядев «рыбаков», стал отмечать в книжке приметы: «икс — вроде борова, фуфайка в полоску... игрек — в шляпе, конопатый, косой...». На шкипера примет нехватило, и Косицын записал коротко: «жаба».

Плавник пришлось собирать самому. Девять раз комендант спускался на берег и девять раз приносил на вершину сопки охапки вымытых морем, голых, как рога, сучьев.

Он тотчас разжег костер, но плавник был тонкий, сухой. Пламя быстро обгладывало ветки, почти не давая дыма. Тогда он принес с берега несколько оха-

пок мокрых водорослей, и вскоре над островом за клубился бурый дым.

В каменной выемке на вершине горы Косицын нашел лужу с дождевой теплой водой, напился и даже вымыл чехол бескозырки. Затем он стал шарить в карманах, надеясь найти что-либо съедобное. Закуска оказалась жестковатая: перочинный нож... пуговица... ружейная гильза. Все это было облеплено клочками бумаги и липкой красновато-коричневой массой. Косицын вспомнил, что накануне положил в бушлат два ломтя хлеба с кетовой икрой (известно, что с полным трюмом легче выдержать качку).

Он извлек несколько пригоршней соленого месива и медленно с'ел, запивая водой из лужи. Поблизости от костра комендант отыскал гнезда чаек. В каждом из них лежало по три голубоватых теплых яйца. Он выпил десяток. Чайки носились вокруг, норовя клюнуть в бескозырку Косицына.

После завтрака к нему вернулась сонливость. Солнце светило так ровно, так мягко, что веки смыкались сами собой. Комендант стал разглядывать горизонт. Но море, отдыхая после шторма, сияло голубизной, переливалось, мерцало, ослепляя глаза. Тогда, чтобы не поддаться соблазну, он решил привести в порядок командную точку. Очищая площадку от крупных камней, он уложил их полукруглым барьером, сделал что-то вроде скамьи и протоптал на восточном склоне дорожку к залежкам плавника.

Вечером комендант спустился к японцам. На этот раз «рыбаки» были заняты стальной игрой. Обступив бесстрастного шкипера, они поочередно тянули у него из кулака соломинки. Самая длинная досталась боцману. Увидев Косицына, он отошел в сторону и стал чистить щепочкой ногти.

— Мы выбрали повара, — пояснил шкипер любезно.—Этот человек сварит кашу сегодня.

Косицын оглядел жеребьевщиков. «Рыбаки» стояли полукругом, бормотали и кланялись с подчеркнутым дружелюбием. Маленький радист даже козырнул коменданту. Боцман спохватился, отвел глаза и медленно растянул щучий рот.

— Невеселый какой повар, — заметил Косицын. — Наверно, обжечься боится.

Было ясно — готовят какую-то пакоость. Какую, Косицын не мог догадаться. В раздумьи он обошел лагерь японцев. Цыновки, котел, бочка, резиновые сапоги — все было, как утром. Только шлюпка лежала значительно ближе к воде. Прибой. А почему обмотано бечевой треснувшее весло? Комендант знал десятка два слов, но, вслушиваясь в легкое стрекотанье японцев, похожее на скороговорку, мог уловить только знакомое «со-дес»¹. Уж не собрались ли?..

Подумав, он выдернул из песка оба весла, на которых сушилось белье, и пошел с ними в гору.

Повар забежал вперед и тревожно спросил:

— Эй, Иван, зачем брал?

— Укоротить надо. Велика больно ложка, — ответил сурово Косицын.

И, так как повар стоял, растопырив воинственно руки, добавил, положив руки на кобур:

— Уйди, рассердиться могу!

IV

Наступила ночь, просторная, звездная. Костер на вершине сопки стал гаснуть, и шкипер отдал приказ выступать.

Как удалось выяснить позже, «рыбаки» утаили при обыске два ножа и плоский штык, который боцман умудрился спрятать в брюхе трески. Сначала было решено оружие в ход не пускать, ждать полицейскую шхуну, принявшую вчера сигналы «Кобе-мару». Потом двое «рыбаков» (больше тузик не брал) взялись добраться до ближайшего острова Курильской гряды и вызывать подмогу. Но весла были на сопке, у коменданта. Оставалось ждать, когда на помощь оружию придет сон.

И сон пришел. Было видно, как бледнеет, никнет в траву голодный огонь. Вскоре перестал шевелиться и комендант.

Чтобы не шуметь, японцы оставили на песке гета и резиновые сапоги. Верные

постоянной тактике охвата, они разбились на две группы и осторожно поднялись на сопку. Боцман, вытянувший накануне соломинку, должен был кинуться первым.

Костер погас. Боец спал. На фоне звездного неба чернела сутулая спина коменданта. Бескозырка сехала на нос, голова клонилась к коленям.

Боцман кинулся к спящему и, торопясь, ударил в спину ножом. Раз! Два! Он опрокинул Косицына в траву, а набежавшие из темноты «рыбаки» стали в ярости топтать коменданта.

Шкипер опомнился первым.

— Са-а! — крикнул он.

Вслед за ним вскочили и другие. И тогда «рыбаки» услышали знакомый, сипловатый голос Косицына.

— Ну, чего, а-а? — спросил он неторопливо. — Убили сонного... рады?

Он вышел из-за куста и, сорвав бушлат с чучела, кинул болванку на угли. Вспыхнул ком водорослей, и разом стали видны невеселые лица японцев.

— Дай сюда нож, — сказал Косицын убийце. — Тоже кашевар навязался.

Он хотел сказать еще что-нибудь похлеще про самурайскую подлость, но сразу не мог подобрать нужное слово, а когда подобрал, по склону вслед за японцами уже сыпались камни.

Комендант расправил бушлат и вздохнул. Сукно было совсем свежее, первого года носки. Тем страшнее зияли на нем две дыры.

— Какой бушлат загубил! — сказал с сердцем Косицын. — Чортов икс, наскокое вредное.

Ругаться он совсем не умел.

...Всю ночь Косицын провел в мокрой траве, изредка поднимаясь, чтобы подбросить в огонь плавник. И это было мукой — чувствовать теплоту пламени, слышать прибой, мерный, как дыхание спящего, — и не заснуть самому.

К утру рука коменданта посинела от крепких щипков. Он обтерся до пояса ледяной водой и снова принялся за работу. У него хватило сил запасться хворостом, вымыть тельняшку и даже почистить кусочком пемзы пряжку и потемневшие пуговицы. Он был комендан-

¹ Так ли?

том, хозяином Птичьего острова и каждый раз, проходя мимо молчаливой враждебной кучки японцев, с усилием поднимал веки и старался ставить ногу твердо на каблук.

А песок был ласков, горяч. Сухие, пружинистые водоросли цеплялись за ноги, звали лечь. И так настойчив был этот призыв, что Косицын стал обходить стороной опасное место, выбирая нарочно большие неровные камни.

В обед он снова отправился за яйцами. На этот раз все гнезда были пусты. Зато на песке возле «рыбаков» лежала целая груда яиц.

Такое нахальство возмутило Косицына. Он направился к соседям с твердым намерением устроить дележку. Но едва поровнялся с цыновками, как два «рыбака» прыгнули прямо в кучу яиц. Охваченные мстительной радостью, они принялись отплясывать нелепый воинственный танец среди скорлупы.

Отогнать? Пугнуть для порядка? Как ни голоден был комендант, он не хотел пускаться в ход наган.

Косицын просто не заметил двух плясунов. Он развернул плечи и прошел мимо неторопливой походкой только-что пообедавшего человека. При этом он даже отдувался и ковырял спичкой в зубах.

Вероятно, хитрость голодного человека была очень заметна, потому что синдо усмехнулся. Это рассердило Косицына. Он замедлил шаг и сказал шкиперу по-хозяйски увесисто:

— Повар ваш по чужим кастрюлям горазд... Боюсь, свинцовым горохом подавитя.

... Голод снова привел его на птичий базар. Сбросив бушлат, комендант стал шарить в норах, выбитых птицами в песчаном откосе. У топорков были железные клюзы. Они защищались отчаянно. Косицын свернул головы двум топоркам и зажарил птиц на углях. Темное мясо горчило и пахло рыбой.

Что было дальше, он помнил плохо. С раскрытыми глазами комендант сидел у костра. Он ничего не видел, кроме огня и японцев, шевелившихся на песке. Скалы пляли, двоились, волны почему-то набегали на траву, солнце гудело, точно

большая паяльная лампа. Чайки монотонно кричали: зря... зря...

V

Был славный штилевой вечер, когда Косицын спустился с горы и сел напротив японцев. Утомленный непрерывной тревогой, комендант хотел смотреть врагам прямо в глаза.

— Ложись спать, аната, — сказал он устало. — Ложись спать, слышишь, чайки играют отбой.

Странное дело, никто из «рыбаков» не пытался возражать коменданту, точно вся команда молчаливо признала сопротивление бесполезным. Спать — так спать!

Солнце погрузилось в тихую, свеглую воду. Утка спрятала голову под крыло. Дым над костром стоял на тонкой ноге, упираясь кроной в зеленое небо. В тишине было слышно, как гулькают волны, выбегая на отлогий песок.

Семь «рыбаков» ложились на цыновки, потягивались, вкусно зевая. Стоило одному из них открыть рот, как зевота, обжевав всю команду, поражала Косицына. Вскоре это было замечено, и японцы принялись откровенно поддразнивать коменданта. То один, то другой кривил спазмой рот, изображая крайнюю степень усталости. Со всех сторон неслись глубокие блаженные вздохи, похрустывание расправляемых связок, чмоканье, кряхтенье, сонное бормотанье — темная музыка сна, способная свалить даже свежего человека.

Чтобы стряхнуть дремоту, Косицын спустился к берегу и, став на колени, погрузил лицо в темную воду.

Стало немного легче. Он смочил бескозырку и нахлобучил на голову. Только бы просидеть до утра... А там... Должен же «Смелый» заметить огонь.

Он снова вернулся к японцам. Кажется, они теперь спали по-настоящему, без нарочитого храпа и вздохов. Косицын еще раз пересчитал «рыбаков». Семь японцев лежали полукругом — головами к сопке, ногами к костру. Огонь и тот задремал, угли уже подернуло сединой.

Холодная вода стекала с лент бескозырки за шиворот. Комендант даже не пошевелился. Пусть, так лучше. Рука от шипков онемела, а капли все-таки гнали сон.

Как нудно стонет комар, скорей бы рассвет, ветер, птичий базар. На свету как-то меньше слипаются веки.

Кровь сильно токала в царяпину на плече. Промыть бы соленой водой. Завтра лекпом наложит повязку по форме... Он отмахнулся от комара. Звенит, переливается, тянет... Не комар... Провод в степи... Откуда степь? Ерунда! Ветер? Нет, песня. Странная песня.

Он смотрел на угли, стараясь понять, человек то поет или просто гудит усталая голова. А сквозь сонный плеск моря заметно пробивалась песенка, грустная и простая.

Оторвав мокрую голову от колен, комендант взглянул на синдо. Вот оно что. Песня сочится сквозь зубы. Руки шкипера закинута в сонной истоме. Лицо неподвижно, а под ресницами настороженно тлеют глаза.

Прежде чем Косицын догадался, в чем дело, он почувствовал вкрадчивое прикосновение песни: душит, гнет, качает, баюкает... Что за чорт: кружатся звезды, качается берег... точно палуба. Ерунда! А быть может, почудилось.

То была песня-петля, песня-удавка. Прозрачная, безобидная, цепкая, она незаметно обволакивала тело и усталую волю бойца.

Он сквозь зубы сказал себе самому:

— Я не хочу спать... Я не хочу спать. Не хочу.

Но песня была сильнее. Она сомкнула веки бойца, пригнула к коленям горячую голову. Спать... Все равно.

И вдруг комендант понял: вяжут! сонного! Еще минута, и песня шаг за шагом уведет его в темноту... Сволочи! Как быка!

Он рванулся, крикнул, что было сил:

— Врешь! Не выйдет... Молчи!

И песня оборвалась. Стал слышен ленивый плеск моря.

— Хорсо, — сказал шкипер. — Я буду не петь.

Он оплел руками колени и добавил, мечтательно сузив глаза:

— Извинице... я думал делать приятность. Сибираки любят красивые песни.

— Не сибиряк я... Молчи.

— Извинице, а кто?

— Не видите, — сказал Косицын угрюмо. — Теткин племянник.

— Теткин? Ах, так. Интересно... Я думаю, вы, наверно, волжаник. Это тоже хорсо. Волжанские песни довольно приятны. Как это? Вы есть жив еще, моя старушек. Жив иа, привец тебе, привец... Наверно, так? Очень хорсо! — Шкипер подумал и сказал почти шопотом: — Признаюсь между нами, я тоже уважаю... свой добру старушек. Интересно, что думает счас моя стару, моя добру матерка?

Комендант пригорюнился, подпер кулаком небритую щеку.

— Думает... Известно, что думает.

— Да? Очень интересно. Скажите, пожариста.

— Эх, и какую хитрую шельму я родила.

Они помолчали.

— Да... Ах, так, — сказал шкипер отрывисто. — Хорсо. Вы знаете правила: смеется, кто сильный.

— Вот я и смеюсь.

— Оставьте это. Кто вы? Командир? Нет. Хозяин? Нет. Просто солдат. Мы все одинаково Робинзоны.

— А я полагаю, Робинзон тут нет, — заметил боец рассудительно, — одни жулики, а я при вас комендант. Понятно?

Он с трудом поднял голову и добавил, зевнув:

— Волжские песни не пойте. Боюсь... рыбы подохнут.

VI

Дружный крик японцев вывел коменданта из дремы. Возбужденные «рыбаки» толпились на песке возле самой воды, громко приветствуя белую шхуну. Радист, оравший громче других, сорвал желтую куртку и размахивал над головой, хотя на шхуне и без того заметили группу, — до корабля было не больше десяти кабельтовых.

Шхуна шла прямо к острову, и японцы наперебой объясняли Косицыну неве-

целую картину близкой расправы. Больше всех старался боцман, самолюбие которого было сильно уязвлено комендантом. Встав на цыпочки, он обвел рукой вокруг коротенькой шеи и высунул язык: «Что, дождался пенькового галстука?». Шкипер тут же любезно пояснил:

— Это нас... Это императорски кобрабр. Скоро вы можете совсем отдохнуть, господин комендант.

— Вижу, — сказал Косицын невесело.

Он молча вынул наган, пересчитал пальцем японцев и, заглянув в барабан, заметил в тревожном раздумьи:

— Семь на семь... как-раз.

С этими словами он еще раз взглянул на корабль и отвернулся от моря.

Комендант не нуждался в бинокле. То была знаменитая «Кайри-мару», голубовато-белая, очень длинная шхуна с надстройками на самой корме, что делало ее похожей на рефрижератор. Официально она принадлежала министерству земли и леса, но выполняла различные деликатные поручения, оценить которые можно только с помощью уголовного кодекса. Стоило задержать в наших водах краболов или хищную шхуну, как на почтительном расстоянии от катера появлялась «Кайри-мару» и затевала длинный разговор, полный намеков и прозрачных угроз. Не раз мы встречали ее по соседству с нашими верфями или возле лежбищ морского бобра, и Сачков, сердясь, обещал отдать один глаз, чтобы увидеть другим «бычка на веревочке». Он горячился напрасно. Оба глаза нашего моториста были в полной сохранности, а нахальная «Кайри-мару» третий год бродила вдоль побережья Камчатки, перемигиваясь по ночам с заводами арендаторов.

...Все было кончено. Косицын повернулся и пошел вдоль берега, стараясь определить место, к которому подойдет шлюпка с десантом.

На что он надеялся, трудно сказать. Да и сам он не мог бы ответить на этот вопрос. Тяжелый кобур с дружеской неловкостью похлопывал его по бедру, точно желая в последний раз ободонить бойца.

Следом за Косицыным шли «рыбаки». Им надоело ждать, когда комендант свалится сам. А вид «Кайри-мару» и шипение шкипера подогревали решимость покончить с Косицыным прежде, чем шхуна выбросит на берег десант.

Если бы на месте коменданта был Сачков или Гуторов, развзяка наступила бы гораздо скорее: трудно сохранить патроны (и свою голову), когда палец так и тянется к спусковому крючку. Но Косицын был слишком нетороплив, чтобы ускорить события.

Он прибавил шаг, но и «рыбаки» зашагали напористой. Упрямые, легкие на ногу, они не произносили ни слова. Был слышен только быстрый скрип гальки да крики чаек, провожавших людей.

В молчании пересекли они ломкий плавниковый навал, перелезли через грядку камней и, спустившись вслед за Косицыным к морю, пошли по мокрой твердой кромке песка.

Он обернулся и устало сказал:

— Эй, аната! Мне провожатых не надо.

Шкипер, со свистом вобрав воздух, ответил учтиво:

— Прощальная прогулка, господин комендант.

Они пошли дальше. Это была странная прогулка. Впереди рослый, чуть сутулый краснофлотец, с угрюмым и сонным лицом, за ним семь нахрапистых, обозленных «рыбаков» в костюмах из синей дабы и пестрых фуфайках. Когда шел комендант, шли «рыбаки», когда комендант останавливался, делали стойку японцы.

Так они обогнули остров и вышли на северо-западный берег — единственно удобное для высадки место. Маленькая бухта, которую пограничники окрестили впоследствии бухтой Косицына, изгибается здесь в виде подковы с высоко поднятыми краями, которые отлично защищают воду от ветра.

Тут Косицын заметил впереди себя две длинные тени. Радист и боцман, забежав вперед, стали на пути коменданта. Остальные зашли с левого фланга, и все вместе образовали мешок, открытый в сторону моря. В руках радиста был

гаечный ключ, боцман размахивал румпелем, остальные вооружились просто голышами и сучьями.

Стрелять на близкой дистанции было неловко. Комендант попятился в воду и поднял наган. «Рыбаки» наступали полукругом. Позади них, на голой вершине, еще шевелился огонь. Дым стоял, точно дерево с толстым стволом, и его широкая крона бросала тень на песок.

Шкипер крикнул что-то по-своему коротко. На этот раз Косицын понял obviously: смерть будет трудной.

Семь на семь... Ну, что ж! Он стал тверже на скользких камнях и выстрелил в крайнего «рыбака». Боцман лег в воду, остальные рванулись вперед. Голыш ударил Косицына в локоть, стгубив верную пулю.

— Кто еще?

Целясь в синдо, он ждал удара, прыжка. Но «рыбаки» неожиданно замерли. Один шкипер, зажмурившись, сжавшись от страха и злости, еще продвигался вперед.

В море выла сирена. Вытянув шею, «рыбаки» смотрели через голову коменданта на шхуну, и лица их скучнели с каждой секундой. Шкипер осторожно открыл один глаз, зашипел и разжал кулаки.

Косицын не мог обернуться: «рыбаки» были в двух шагах от него. Он смотрел на противников, сияясь угадать, что случилось на шхуне, и понял только одно: терять времени нельзя.

★

ГЛАВНОЕ — ВЫДЕРЖКА

I

Жизнь на берегу проще, чем в море. В ней меньше тумана, не так рискуешь сесть на мель, а главное, нет многих досадных условностей, что расставлены на пуги корабля, словно вешки.

Во всяком случае, в море не так уж просторно, как можно подумать, глядя с берега на пароходный дымок.

И вот пример.

Он поправил бескозырку, опустил наган и пошел из воды на противника.

Радист попятился первым, за ним остальные. «Рыбаки» отходили от моря все быстрее и быстрее. Потом побежали.

На берегу комендант обернулся. «Кайри-мару» шла под конвоем пограничного катера, закрытого прежде высоким бортом. Теперь шхуна медленно разворачивалась, открывая маленький серый катер и зеленый флаг, и краснофлотцев, уже прыгавших в шлюпку.

Как «Смелый» встретил «Кайри-мару», рассказывать долго. Мы задержали ее в шести милях от Птичьего острова и сразу пошли на дымный сигнал (Сачков клялся, что на острове проснулся вулкан).

Выскочив на берег, мы кинулись навстречу Косицыну. Но комендант, как всегда, не спешил. Славный увалень! Он хотел встретить нас по всей форме на правах коменданта Птичьего острова.

Мы видели, как Косицын растопырил руки, приглашая японцев построиться, как переставил маленького шкипера на левый фланг и велел подобрать животы. После этого он отошел на три шага, критически осмотрел «рыбаков» и, скомандовав «смирно», направился к шлюпке.

Застегнув бушлат на все пуговицы, он степенно шел нам навстречу, отщавший, заросший медной щетиной.

Глаза коменданта были закрыты. Он спал на ходу.

В пределах трех миль здесь все называется настоящими именами — вор есть вор, закон есть закон, и пуля есть пуля. Возле берега командуем мы, — стоп машину! Примите конец! Но стоит только хищнику покинуть запретную зону, как вор превращается в господина промышленника, а украденная камбала в священную собственность.

Все, что дальше.—это уже наркоминдел: меморандумы, пакты и ноты.

Я лично избегал бы бумаги. Когда имешь дело с господами Пройдоку или Украдо-риба, лучше рассматривать политику в прорезь прицела.

...Короче говоря, «Осака-мару» стоял ровно в четырех милях от берега. Только издали мы могли любоваться черными мачтами и голубой фирменной маркой на трубе парохода. То была солидная посудина — тысяч на восемь тонн, с просторными площадками для разделки сырца, глубокими трюмами и огромным количеством лебедек и стрел, склоненных наготове над бортами, — целый крабовый завод, дымный и шумный, на котором жило не меньше пяти-сот ловцов и рабочих.

Возле «Осака-мару», едва доставая трубой ходовой мостик, стоял пароход-снабженец. Он только-что передал уголь и теперь принимал с краболова консервы.

Увидев пароходы, Колосков обрадовался им, как старым знакомым.

— Как-раз к обеду, — сказал он, подмигивая, — крабы ваши, компот наш!

Да мы и в самом деле были знакомы. Каждую весну, между 15—20 апреля, краболов появлялся в Охотском море и бросал якорь на почтительном расстоянии от берега. Он обзоровывал западное побережье Камчатки неутомимо, старательно, деловито, из года в год пользуясь одним и тем же методом.

Вечером, видя, что в море нет пограничного катера, «Осака-мару» спускал с обоих бортов целую флотилию кавасаки и лодок. Около сотни вооруженных снастью суденышек, мелких и юрких, точно москиты, шли к берегу наперерз косякам крабов и сыпали сети с большими стеклянными наплавами. А на рассвете флотилия снимала улов — тысячи крабов, застрявших колючими панцырями и клешнями в ячеях. То было воровство по конвейерной ленте, — прямо от подводных камней к чанам с кипятком. И в то время, как вся эта хищная мелочь копошилась у берега, их огромный хозяин спокойно дымил вдалеке.

Понятно, что в бочке над краболовом торчал наблюдатель.

Едва «Смелый» показал кончики мачт, как «Осака-мару» тревожно взревел. И сразу, как стрелки в компасах, лодки повернули в открытое море ногами.

Это было занятное зрелище: всюду белые гребни, перестуки моторов, командные выкрики шкиперов, подгонявших ловцов. Крабы летели за борт, моторы плевались дымками: «Дело таб-бак! Дело таб-бак!». А тот, кто не успел вытащить сеть, рубил снасть ножом, не забывая отметить доской или цыновкой место, где утоплена сеть.

Кавасаки шли наперегонки, ломаной линией, сжимавшейся по мере приближения к кораблю, за ними тащились на буксире плоскодонные, опустевшие сампасены, а дальше, замыкая москитный отряд, рывками мчались гребные исабунэ, с полуголыми азартно вопящими рыбаками.

Мы нацелились на две кавасаки. Одна из них отрубила буксир и успела уйти за три мили от берега, а другая стала нашей добычей.

Шкипер ее, позеленевший от досады и злости, оказался малосговорчивым. Видя, что соседняя кавасаки показала корму, он кинулся с железным румпелем навстречу десанту и наверняка отправил бы кого-нибудь вслед за крабами, если бы наш спокойнейший боцман не положил руку на кобур.

После этого все пошло, как обычно. Шкипер опустил румпель, а команда стала кланяться и шипеть. Мы обыскали кавасаки и в носовом трюме нашли мокрую сеть, в которой копошилось десятка два крабов. Этого было вполне достаточно, чтобы привлечь к суду пловучий завод, — «Смелый» сразу повернул к «Осака-мару».

Между тем москиты успели выйти из погранполосы. Вдоль берега над водой висел только керосиновый дым — единственный след краболовной флотилии, а вдали, окруженная лодками, точно квочка цыплятами, высилась железная громада завода.

Мы подошли к «Осака-мару» и подняли по международному коду сигнал: «Спустить трап». Никто не ответил, хотя на палубе было много ловцов и

матросов. Не меньше полутораста здоровенных парней, еще разгоряченных гонкой, с любопытством поглядывали на катер.

Над ними, на краю ходового мостика, стоял капитан краболова—важный сухонький старичок с оттопыренными ушами и приплюснутым носом. Он не считал нужным хотя бы надеть китель и, придерживая на груди цветистый халат, демонстративно позевывал в кулачок.

— What do you want? ¹ — спросил он, свесившись вниз.

— Спустите трап. Мы задержали вашу моторку.

— I can not understand you! ².

Это был обычный трюк. Если бы мы заговорили по-английски, он ответил бы по-японски, мексикански, малайски, — как угодно, лишь бы поиграть в прятки.

Из всей команды «Смелого» один Сачков знал десяток английских фраз. Лейтенант вызвал его из машины и предложил передать капитану, чтобы тот спустил трап и не валял дурака.

Славный малый! Он мог выжать из шестидесяти лошадиных сил девяносто, но построить английскую фразу... Это было выше сил нашего моториста.

Он застегнул бушлат, взял мегафон и закрычал, напирая больше на голосовые связки, чем на грамматику.

— Allo! Эй, аната! Give me trap! Allo! Do you speak? Я же и говорю, трап спустите... Понятно? Ну вот это... the trap! Вот чорт! Алло!

Он кричал все громче и громче, а капитан, вначале слушавший довольно внимательно, стал откровенно позевывать и наконец отвернулся.

— Вот дубина! — определил Сачков, рассердясь. — Прикажите снять пулемет чехол. Сразу поймет.

— Это не резон, — сказал Колосков. — Если снимешь, надо стрелять.

— Разрешите тогда продолжать?

— Только не так.

На «Смелом» подняли два сигнала. Сначала: «Спустить трап. Ваши лодки нарушили границу СССР», а затем

и второй: «Отвечайте. Вынужден решительно действовать». Только тогда капитан подозвал толстяка в фетровой шляпе (как оказалось, переводчика) и заговорил, тыкая рукой то на палубу, то на берег.

— Господин капитан возражайт! — объявил толстяк. — Господин капитан находится достаточно далеко от берега.

— Ваши кавасаки проникли в запретную зону.

— Господину капитану это неизвестно.

— Вы произвели незаконный улов.

— Извините. Господин капитан не понимает вопроса.

— Захочет, поймет, — спокойно сказал Колосков. — Передайте ему так: кавасаки арестована. Подпишите акт осмотра.

Капитан улыбнулся и покачал головой, а толстяк, не ожидая ответа, закричал в мегафон:

— Господин капитан отрицает. Господин капитан не знает этого судна.

На палубе грянул смех. Ловцы, восхищенные находчивостью капитана, барабанили по железу деревянными гета и орала во всю глотку, выкликая по именам приятелей с кавасаки.

— Как это не ваша? — возмутился Сачков. — Товарищ лейтенант, разрешите, я клеймо покажу?

Он стал подтягивать кавасаки, чтобы показать надпись на круге, но Колосков тихо сказал:

— Отставить. Все равно, зона не наша. Малый вперед!

Мы молча отошли от высокого борта, а свежак, сильно накренивший японские пароходы, понес нам вдогонку крики и хохот. На носу «Осака-мару» загромыкала лебедка: травили цепь, чтобы якорь плотней лег на дно.

Колосков смотрел мимо краболова на берег. Дымка, почти всегда скрывавшая глубинные хребты, исчезла. Открылись дальние иссиня-белые конусы сопок — верный признак близкого шторма.

— Эк метет! — сказал Колосков, думая о чем-то другом. — А ведь, пожалуй, раздует. Баллов на восемь... А?

¹ Вам что угодно?

² Я не могу понять вас.

— Проскочим, — ответил боцман спокойно.

— А если на якорь?

— Однако выкинет. Грунт очень подлый.

— Именно... В ноль минут. Приготовьте десантные группы.

Гуторов все еще не мог понять, куда гнет командир.

— Одну?

— Нет, три. Все свободные от вахты могут отдыхать. Домино отберите, пусть спят.

И Колосков, утопив щеки в сыром воротнике, снова нахохлился, не замечая, что даже мартины, тревожно курлыча, потянулись в дальние бухты, прочь от угрюмого моря.

II

В шесть часов вечера на кавасаки сорвало крышку машинного люка. Мотор захлебнулся, мотопомпа заглохла, и «Смелый» взял арестованных на буксир.

Маленькая низкобортная посудина поплелась за ними, дергая трос, точно норовистая лошадь узду, — трое японцев едва успевали откачивать воду ковшами и донкой.

Буксировка сразу сбила нам ход. Легче проплыть сто метров в сапогах и бушлате, чем тащить кавасаки в штормовую погоду. Мы ползли, как волны, как баржа, как время в больнице, а ветер тормозил Охотское море и рвал парусину на шлюпках.

Было уже довольно темно, когда мы сдали кавасаки на морской пост возле реки Оловянной. Люди устали и озябли. Плащи, камковые бушлаты, даже тельняшки были мокры. За ужином один только Широких, вздыхая от сочувствия к ослабевшим, попросил добавочную банку консервов. Остальные по очереди отказались от холодной свинины с бобами.

— Баллов восемь верных, — грустно определил кок, убирая тарелки.

...Море пустело на наших глазах. Пароходы, принимавшие первую весеннюю сельдь, бросали погрузку и уходили штормовать. Лодки наперегон-

ки мчались к заводам. Всюду на мачтах чернели шары—знаки шторма, и отчаянные камчатские курбаны¹, стоя по горло в воде, удерживали на растяжках кунгасы.

Нам предстояло провести всю ночь в море, так как западный берег Камчатки отличается отсутствием бухт и удобных заливов. На сотни километров размахнулся здесь низкий, тундровый берег с галечной кромкой, усеянный остатками шхун и позвонками китов.

Однако Колосков решил иначе. потушив ходовые огни, мы снова повернули на юг и вскоре увидели огни пароходов. «Осака-мару» третью корпуса заслонял снабженца, поэтому казалось, что у берега стоит пароход необычайной длины. Все огни на «Осака-мару» были погашены, только на мачте, освещающая то барабаны лебедек, то фигурки матросов, раскачивалась лампа в железном наморднике. «Осака-мару» поднимал на борт последние кунгасы своей огромной флотилии.

Темнота скрадывает расстояние, — вероятно, поэтому мне показалось, что пароходы подошли к берегу значительно ближе, чем прежде.

Я поделился своими соображениями с Колосковым.

— Так оно и есть, — сказал он одобрительно, — хомут спасли, а кобыла сгорела...

И тут же пояснил:

— ... на ходу флотилию на борт не взять... Вот и решили сползти ближе к берегу. Благо, грунт крепче, да и мыс прикрывает.

— Значит?

— Только не спешите, — сказал Колосков, — определимся сначала...

На малых оборотах мы подошли еще ближе к заводу, и пока радист определялся по береговым ориентирам, лейтенант объяснил десанту задачу. На катере остается только бессменная вахта. Остальным предстояло подняться на пароходы, отобрать управление и, обещав командные точки, ждать дальнейших распоряжений со «Смелого» — ночью фонарем, днем флажками.

¹ Приемщики кунгасов.

Предстояло захватить целый завод — человек пятьсот ловцов и матросов, возбужденных арестом кавасаки и, несомненно, чувствующих себя в безопасности на палубе корабля. Попытки арестовать краболовы были и прежде, но каждый раз они заканчивались односторонними актами, судом над каким-нибудь шкипером и долгой дипломатической перепиской. Это была нелегкая операция даже днем, а темнота сильно затрудняла задачу.

Мы решили подойти сначала к краболову и высадить десант с подветренного борта, пользуясь штормтрапами, по которым поднимались ловцы.

— Зря за оружие не хватаетесь, — сказал Колосков. — Стойте лицом. Помните, что японцы всегда на спину бросаются. А главное — выдержка. Пуля не гвоздь, — клещами не вытаскишь.

III

Колосков был прав: ветер оказался нашим союзником. Краболов мог выйти в море, только подняв на борт флотилию, а сделать это при сильной волне и шквалистом зюйде было трудно даже для опытных моряков. Лодки жались к наветренному борту, тросы трещали и рвались, а те, кому удалось оторваться от воды раньше других, расщеплялись в воздухе, вырывая из рук матросов оттяжки. На наших глазах погибли два больших пятитонных кунгаса. Один затонул, ударившись о борт «Осака-мару», другой, поднятый до уровня палубы, сорвался с гака и рухнул в воду с десятиметровой высоты.

Мы подошли к «Осака-мару» с наветренного, ничем не освещенного борта. Шквал накренил пароход с такой силой, что наружу вышла крашеная суриком подводная часть. Оголенный винт медленно хлестал по воде, — видимо, капитан, не надеясь на якоря, удерживал «Осака-мару» машиной.

Когда мы подошли к краболову, погрузка ловцов была уже закончена и штормтрапы подняты на борт.

Лейтенант приказал подняться по выброске. Нас то подбрасывало так,

что открывалась вся палуба краболова, то уносило далеко вниз к подножию борта, глухого и высокого, точно крепостная стена.

Все кранцы были вывешены вдоль причального бруса, шесть краснофлотцев веслами и футштоками отталкивали «Смелый» от краболова. И все-таки временами наш катер вздрагивал и трещал так, что поеживался даже Широких.

Наконец боцману удалось закинуть на тумбу петлю.

Прыжок вверх. Удар плечом о борт. Море, взлелевшее за нами вдогонку, и мы вдвоем с Гуторовым уже вытаскивали на палубу «Осака-мару» старательно пыхтящего мокрого Косицына... Зимин и Широких поднялись последними. «Смелый» — ореховая скорлупа рядом с «Осака-мару» — прыгал далеко внизу.

— Следить за семафором! — крикнул Колосков. — Якоря не снима-а...

Больше мы ничего не слышали. Катер отлетел куда-то в сторону. Рывкнула и обдала пылью волна. Мы кинулись наверх, на ходовой мостик, чтобы захватить радиорубку и управление кораблем.

Все это произошло настолько быстро, что некогда было даже перевести дыхание. Когда капитан поднялся на мостик, все было кончено: Широких скручивал проволокой петли на дверях радиорубки, а переговорная труба доносила голос Косицына, наводившего порядок в машине. Он сообщал, что главный механик от непривычки немного психует, а все остальные в порядке. Пару хватает, кочегары на месте.

Капитан бегал рысцой от борта к борту, ожидая конца разговора. Я с трудом узнал старичка — он был затянут в черный китель с поперечными эпюлетами, а два ремня вперехлест и сбившаяся набок большая фуражка придавали ему несуразно воинственный вид.

— А вам что здесь нужно? — спросил боцман и закрыл трубу пробкой.

Капитан был испуган и взбешен. Он открыл штурманский столик и, ворча, стал тыкать в карту длинным ногтем. Выходило, что «Осака-мару» стоит чуть ли не в десяти милях от берега.

— Господин капитан считает поведение пограничной стражи ошибочным, — пояснил переводчик.

— Дальше, дальше, — сказал Гуторов скучным голосом, — это нам известно.

— Господин капитан предупреждает о тяжелых последствиях.

— Благодарю... Это каких же?

— Господин капитан приказывает оставить корабль...

— Ну, так вот что, — сказал Гуторов, рассердясь, — приказываю тут я. Юкинасайте в кубрик... Айда назад... Подпишем без вас.

Краболов спал, когда мы спустились на заводскую площадку. Низкий железный зал без иллюминаторов, с чугунными столбиками посередине, казался бескрайным. Резиновые ленты, уставленные консервными банками, тянулись от чанов к закаточным станкам-автоматам. В глубине зала высились черные, еще горячие автоклавы, похожие на походные кухни.

Всюду виднелись следы только-что обработанного улова: в стоках, вдоль бортов, краснела крабовая скорлупа, из темноты тянуло острым, чуть терпким запахом сырца, а на шестах в сушилке висели сырые халаты.

Вслед за нами, бормоча что-то непонятное, шел переводчик. Но мы и не нуждались в объяснениях, — тысячи полуфунтовых банок, готовых к отправке, лежали на складе.

Широких взял одну из них и стал разглядывать этикетку. Огненный краб карабкался на снежную сопку, держа в клешне медаль с названием фирмы. Ниже было написано: «Made in Japan».

Видя, что Широких с трудом разбирает незнакомую надпись, переводчик помог:

— Это... сделано в Японии...

— Украдено в СССР, — поправил Гуторов сухо.

— Извините... не понимаю... Чито?

— А это вам судья разъяснит...

Мутное, теплое зловоние просачивалось в цеха из трюмов корабля. И чем дальше отходили мы от железной, чисто вымытой коробки завода, тем навязчивей становился густой смрад.

Два крытых перехода, устланных деревянными решетками, соединяли завод с кормовыми трюмами. Конец правого коридора замыкала подвешенная на рельс железная дверь. Гуторов отодвинул ее в сторону, и мутная, застарелая вонь хлынула нам навстречу.

Мы стояли на краю кормового трюма, превращенного в общежитие рыбаков. Четыре яруса опоясывали глубокий колодез, на дне которого смутно проступали бочки и ящики.

Люди спали вповалку на нарах, прикрытые пестрым тряпьем. Всюду виднелись разинутые рты, усталые руки, голые торсы, блестящие от испарины. Сон был крепок. Даже рев вентиляторов, даже тяжкие удары воды, от которых гудела громада завода, не могли разбудить рыбаков. Очевидно, хозяева экономили свет—два карбидовых фонаря мерцали далеко, на дне корабля. А все этажи, наполненные храпом, бормотаньем, влажным теплом согретых людей, и бочки в глубине трюма, и тусклые огни, и тряпье на шестах раскачивались мерно и сильно, точно железная люлька, которую с присвистом и хохотом качает штормяга.

Мы вернулись на мостик и стали ждать семафора со «Смелого». Между тем ветер повернул «Осака-мару» кормой к берегу. Море с шумом мчалось мимо нас, гребни с разбегу взлетали на палубу, и брызги, твердые, как пригоршни камней, стучали по брезентовому козырьку перед компасом.

Справа, в пяти кабельтовых от краболова, чернел низкий корпус снабженца, слева, вдоль берега, далеко на север уходили огни рыбалок и консервных заводов. На шестах у приемных площадок тревожно светились красные фонари — берег отказывался принимать катера и кунгасы. Ходовых огней «Смелого» мы никак не могли различить, — очевидно, катер укрылся от ветра за бортом пароход.

— Интересно, во сколько тут побудка? — спросил Гуторов.

— Вероятно, в шесть, — сказал я, — а какая нам разница?

— Вопить будут... А может, и хуже, если спирта дадут. Народ дикий, шальной...

— А если не выпускать?

— Нельзя... Гальюн на корме.

Я разделял опасения боцмана. Одно дело, когда на крючок попадает плотва, и другое, когда удилице гнется и трещит под тяжестью пудового сома. Никогда еще «Смелый» не задерживал краболовов. Целый поселок — полтысячи голодных, озлобленных качкой и нудной работой парней — дремал в глубине «Осака-мару», готовый высыпать на палубу по первому гудку парохода.

Один Широких не выказывал признаков беспокойства. Он стоял за штурвалом и медленно жевал хлебную корку. Вероятно, он нисколько не удивился бы, попав в боевую рубку японского крейсера.

— Как-нибудь сговоримся, — сказал он спокойно.

IV

На рассвете подошел «Смелый». Нырять в воде, словно чирок, он приблизился к нам на полкабельтовых и подал флажками приказ: «Снимитесь якоря. Следуйте мной. Случае тумана держитесь зюйд 170°. Траверзе мыса Сорочьего встретите «Соболя». Будьте осторожны командой».

Боцман «Осака-мару» нехотя вызвал матросов. Пятеро парней в белых перчатках шевелились так, точно в жилах у них вместо крови текла простокваша. Боцман зевал, матросы почесывались. Через каждые пять минут цепь останавливалась, и лебедчик, чмокая языком, ощупывал поршень. Глядя на эту канитель, Гуторов возмущенно сопел. Наконец якорь был выбран, и боцман командовал: «Малый вперед!».

...Через два часа мы подошли к мысу Сорочьему. Шторм стих так же внезапно, как начался. Сразу погасли гребни. Свист, улюлюканье, хохот ветра, стоны дерева, треск тугой паруси-

ны, хлеставшей железо наотмашь, стали смолкать, и вскоре дикий джаз заиграл под сурдинку. Славный знак: березы на сопках расправили ветви, голодные топорки и мартышки смело летели из бухт в открытое море.

Возле мыса Сорочьего к нашему каравану примкнул катер «Соболь». Это дало нам возможность усилить десант. Трое краснофлотцев были переброшены на снабженец, пять — на «Осака-мару». Кроме того, Колосков высадил на краболов нашего кока, исполнявшего во время операций обязанности корабельного санитаря. По правде сказать, мы не ждали пользы от Кости Скворцова. То был маленький, безобидный человечек, разговорчивый, как будильник без стопора. С одинаковой страстью, схватив собеседника за рукав, рассуждал он о звездах, о насморке, о политике Чемберлена или собачьих глистах. Нашпигованный разными историями до самого горла, кок болтал даже во сне.

— Вот это посудина! — закричал он, вскарабкавшись на борт «Осака-мару». — А где капитан? Молчит? Ну, понятно... Знает кошка... Лейтенант здорово беспокоился, как бы чего не вышло с ловцами... Сколько их? Тысяча? А? Я полагаю, не меньше... Кошущин в машине? Травит, конечно! Бедный парень!.. Я думаю, из него никогда не выйдет моряка...

Увидев в руках кока тяжелую сумку, Широких сразу оживился.

— Значит, кое-что захватил?

— Для тебя? Ну, еще бы, — ответил с гордостью Костя.

Он открыл сумку и показал нам пачку бинтов, бутылку с иодом и толстый резиновый жгут.

— Ешь сам! — сказал Широких, обидясь.

К счастью, у Скворцова отлично работали не только язык, но и руки. Быстро отыскав камбуз, он потеснил японского кока и принялся колдовать над плитой.

V

Наш караван растянулся миль на пять. Впереди, отряхиваясь от воды,

точно утка, шел «Смелый», за ним ползли черные утюги пароходов, и в конце кильватерной колонны, чуть мористее нас светился бурун катера «Соболь».

Туман, провожавший нас от Оловянной, перешел в дождь. Радужная мельчайшая изморось оседала на палубу, на чехлы шлюпок, на брезентовые, сразу задубевшие, плащи. Слева по борту тянулся ровный западный берег Камчатки с тонкими черными трубами заводов и крытыми толем навесами. Справа лениво катились к горизонту рябые от дождя складки воды.

Мы двигались вдоль самого оживленного участка Камчатки. Шторм стих, и тысячи лодок спешили в море, к неводам, полным сельди. Некоторые проходили так близко, что видно было простым глазом, как ловцы машут руками, приветствуя нас.

На одной из кавасаки рулевой, служивший, видимо, прежде во флоте, бросил румпель и передал нам ручным телеграфом:

«Поздравляем богатым уловом».

В самом деле, улов был богат. Первый раз мы вели в отряд не воришку-кавасаки, не рыбацкую шхуну, а целый заводиче, на палубе которого разместится сто таких катеров, как «Смелый» и «Соболь».

Мокрая палуба «Осака-мару» по-прежнему была пуста. Видимо, японцы свыклись с мыслью об аресте и решили не обострять отношений; только матрос и второй помощник капитана — оба в желтых зюбвестках и резиновых сапогах — прохаживались вдоль правого борта, поглядывая то на катер, то на белый конус острова Шимушу, едва различимый в завесе дождя. Чего они ждали? Встречного японского парохода, кавасаки, полицейской шхуны, которая постоянно бродит вблизи берегов Камчатки, или просто следили за нами? Время от времени матрос подходил к рынде, укрепленной на фокмачте, и отбивал склянки.

За всю вахту офицер и матрос не обменялись ни одним словом. Оба они держались так, как будто на корабле ничего не случилось. Офицер позевы-

вал, матрос стряхивал воду с брезентов и поправлял на лодках чехлы.

Равнодушие японцев, шум винта, ровный, сильный звук колокола — все напоминало о спокойной, размеренной жизни большого корабля, которую ничто не может нарушить. Но каждый раз, точно отвечая «Осака-мару», к нам долетал ясный стеклянно-чистый звук рынды нашего катера.

... Было шесть утра, когда мы наконец подошли к мысу Лопатка и стали огибать низкую каменистую косу, отделяющую Охотское море от Тихого океана.

Сквозь шум моря и дождя доносилось нудное завывание сирены. Берег был виден плохо, и я, чтобы не наломать дров, стал отводить «Осака-мару» в сторону от камней.

В этот момент Широких толкнул меня под локоть.

Справа по носу, наперерез нам, шли два японских эсминца. Они выскочили из-за острова Шимушу, где, очевидно, караулили нас после депеши краболова, и теперь неслись полным ходом, точно борзые по вспаханному полю.

Одновременно с появлением военных кораблей на палубу «Осака-мару» стали высыпать рыбаки. Никогда я не думал, что краболов может вместить столько народу. Они лезли из трюмов, бортовых надстроек, спардека, изо всех щелей и вскоре заполнили всю палубу от каюткомпания до носового шпиля. Передние махали эсминцу платками, задние становились на цыпочки, влезали на лебедки, винты, на плечи соседей. И все вместе орало что было мочи... Палуба походила бы на базар, если бы не обилие коротких матросских ножей и угрожающие лица ловцов. Все они, задрав головы, с любопытством поглядывали на нас.

Я взглянул на свой катер. Скорлупа, совсем скорлупа, а пушчонка — игла. Но сколько достоинства! Он шел, не прибавляя и не убавляя хода, и как будто вовсе не замечал сигналов, которые ему подавал головной миноносец. (Что делалось на «Соболе», я не видал, так как его закрыл правый борт мостика.)

Гуторов, обходивший посты, быстро поднялся наверх и теперь старался разобратить сигналы с эсминца.

«Стоп машину... Лягте... Лягте... немедленно дрейф!».

— Вот пижоны! — сказал с возмущением Костя. — Смотрите! Да что они, спятили?

На обоих эсминцах с носовых орудий снимали чехлы.

Узкие с косо срезанными, мощными трубами, острыми форштевнями, с бурнами, поднятыми выше кормы, хищники выглядели весьма убедительно. Ловко обойдя наш небольшой караван, они сбавили ход и пошли рядом, продолжая угрожающий разговор:

— Почему захватили пароходы? Считаете своим призом?

Я взглянул на «Смелый». Молчание. Палуба пуста. На пушке чехол. Колосков расхаживал по мостику, заложив руки за спину.

— Почему мы не отвечаем? — спросил Костя, волнуясь. — Смотрите, орудийный расчет на местах...

— Правильно не отвечаем, — сказал боцман.

— Почему же? Ведь у нас даже не сыграли тревоги.

— Правильно не сыграли, — повторил боцман.

Эсминец подошел к «Смелому» на полкабельтовых. Были отлично видны лица матросов, стоявших у пушек и торпедных аппаратов.

— Это же очень серьезно, — сказал Костя, волнуясь. — Что они делают? Это пахнет Сараевым. (Весною он прочел мемуары Пуанкаре и теперь напоминал об этом на каждом шагу.)

— То Сараево, а то Камчатка, — резонно ответил Широких.

— Это выстрел Принципа. Конфликт! Боюсь, мы развяжем такое...

— А ты не бойся.

Не получив ответа, эсминец вышел вперед, на наш курс, и попытался подставить корму под удар «Смелого». Колосков, повернув влево, сбавил ход, эсминец оторвался, потом снова встал на дороге. «Смелый» повернул вправо.

Так зигзагами, то делая резкие развороты, то почти застопоривая маши-

ны, они прошли девять миль. На нашем языке это называлось игрой в поддавки.

В это время второй миноносец шел рядом с «Осака-мару», непрерывно подавая один и тот же сигнал: «Возвращать пароход», «Возвращать пароход».

Все население «Осака-мару» толпилось на палубе. Матросы в ярко желтых спецовках, подвижные горластые кунгасники, ловцы в вельветовых куртках и резиновых сапогах, мотористы флотилии, лебедчики, рулевые, щеголеватые кочегары, резчики крабов с ружьями, изъеденными кислотой, — все они, одуревшие в душном трюме, азартно обсуждали шансы катеров и эсминцев.

Игра в поддавки не дала результата. Тогда, сбавив ход, эсминцы подошли к «Смелому» с обоих бортов и так близко, как будто собирались сплоснуть маленький катер.

«Соболь» все время замыкал караван. Увидя новый маневр японцев, он тотчас вышел вперед и сыграл боевую тревогу.

На правом эсминце подняли сигнал: «Предлагаю командирам катеров явиться для переговоров». «Смелый» ответил: «Разговаривать не уполномочен».

Минут десять все четверо шли кучно, образовав что-то вроде креста с отпиленной вершиной, за которым зигзагами тянулась ленистая дорога. Затем эсминцев точно пришпорили. Они рванулись вперед и, сильно дымя, пошли к северу.

Костя, заметно притихший во время эволюций эсминцев, снова оживился.

— Ага! Ваша не пляшет! — закричал он, торжествуя. — А что я говорил? Главное — выдержка! Уходят... Чес... слово, уходят!

— Не думаю, — сказал боцман серьезно.

Толпа стала нехотя расходиться.

Набежал туман и закрыл буруны миноносцев. Вскоре исчез и «Смелый». Нос краболова с массивными лебедками и бортовыми надстройками лежал перед нами, неподвижный и черный, точно гора.

Сбавив ход, мы стали давать сигналы сиреной. Судя по звуку, берег был не дальше двух миль, — эхо возвращалось обратно на девятой секунде.

...Обедали плохо. Консервы, которые Скворцов разогрел в камбузе, издавали резкое зловоние. В одной из банок Широких нашел кусок тряпки и стекло, я вытащил обмылок.

— Вы отходили от плиты? — спросил Гуторов.

— Нет... то-есть я только воды накачал.

— Тогда ясно... Выкиньте за борт.

Днем мы ели шоколад и галеты, вечером галеты и шоколад. Никто не чувствовал голода, но всем сильно хотелось спать: сказывались качка и тридцать часов вахты.

Караван продолжал подвигаться на север. Через каждый час «Смелый» возвращался назад и заботливо обходил пароходы. Я все время видел на мостике клеенчатый капюшон и массивные плечи Колоскова. Когда он отдыхал, неизвестно, но силовый басок его звучал попрежнему ровно. Лейтенант все время интересовался работой машины и предлагал почаще вытаскивать Кэсицына на свежий воздух.

VI

Эсмийцы ждали нас возле острова Уташут. Заметив караван, они разом включили прожекторы. Два голубых, длинных шлагбаума легли на воду поперек нашего курса. Миновать их было нельзя. Один из прожекторов встретил «Смелого» и тихонько пошел вместе с катером к северу, другой стал пересчитывать суда каравана. Добежав до «Соболя», он вернулся обратно и ударил в лоб «Осака-мару».

Свет был так резок, что я схватился рукой за глаза. Вести корабль, ориентируясь на головной катер, стало почти невозможно. Я не видел ни берега, ни сигнальных огней. Все по сторонам дымного голубого столба почернело, обуглилось. Передо мной, на уровне глаз, вызывая резкое раздражение, почти боль, висел зеркальный, нестерпимо сверкающий диск.

Весь корабль был погружен в темноту. Один только мостик, накалиенно-белый, высокий, выступал из мрака. Это сразу поставило десантную группу в тяжелое положение. Каждое наше движение, каждый шаг были на виду миноносцев и населения «Осака-мару».

Японцы это отлично учитывали. В течение получаса они разглядывали нас в упор, изредка отводя луч на корму или на нос. От сильного света у меня стали слезиться глаза. Тогда Гуторов приказал бросить управление и перейти на корму к запасному штурвалу. На мое место, чтобы не вызывать подозрения, стал Широких. Минут десять мы радовались, что перехитрили эсминец, но луч быстро перебежал на корму и нащупал меня за штурвалом. Я был вынужден снова вернуться на мостик под конвоем луча.

Так возникла у нас маленькая маневренная война с перебежками, маскировками, взаимными хитростями и уловками, война, в которой огневую задачу заменял свет прожектора.

Прячась за шляпки, скрываясь между вентиляционными трубами и надстройками, я перебегал от штурвала к штурвалу, и вслед за мной огромными прыжками мчался голубой мутный луч.

Вскоре мне стало казаться, что эсминца видны мои позвонки под бушлатом. Свет бил навывлет. Он заглядывал в глаза сквозь сомкнутые веки, искал, преследовал, жег. В течение нескольких часов десантную группу не покидало мерзкое ощущение дула, направленного прямо в лоб.

Сияясь рассмотреть картушку компаса, я невольно думал, как славно было бы дать пулеметную очередь... одну... коротенькую... прямо по зеркалам, в наглый, пристальный глаз.

В два часа ночи прожектор погас, и мы услышали стук моторки. Два офицера эсминца пытались подняться по штурмтрапу, который им выбросил кто-то из команды. Их отогнали от левого борта, но они тотчас перешли на правый и стали кричать, вызывая капитана «Осака-мару».

Мы не могли сразу помешать разговору, так как капитан отвечал офицерам через иллюминатор своей каюты. «Гости» на чем-то настаивали, старичок говорил односложно:

— А со-дес... со-со... А со-дес со-со...

Катер отошел только после трехкратного предупреждения, подкрепленного клацаньем затвора.

— Эй, русске! — закричали с кормы. — Эй, русске, худана! Иди, дурака, домой...

— Дикой однако народ, — сказал Широких с презрением, — ни тебе деликатности, ни понятия...

Наступила тишина. Караван двигался в темноте, казавшейся нам особенно густой после резкого света прожекторов.

Море слегка флуоресцировало. Две бледнозеленые складки расходились от форштевня «Осака-мару» и гасли далеко за кормой. От мощных взмахов винта далеко вниз, в темную глубину, роями убегали быстрые искры. Млечный путь рождался из моря, полного искр, движения, пены, слабых летучих огней, пробегающих в глубине.

Впечатление портили японские миноносцы. Потушив огни, хищники настойчиво шли вместе с нами на север. Впрочем, теперь они не пытались завести разговор с краболовом.

Мы уже начали привыкать к опасным соседям, как вдруг с головного эсминца взлетела ракета. Одновременно на краболове и снабженце потух свет.

— В чем дело? — крикнул вниз Гурторов.

Никто не ответил.

— В машине!

— Уо.. а-га-а-а.. — ответила трубка.

Что-то странное творилось внизу. Кто-то громко приказывал. Ему отвечали нестройно и возбужденно сразу несколько человек...

Пауза... Резкий оклик... Два сильных удара в гулкую бочку... Крик, протяжный, испуганный, почти стон... Грохот железных листов под ногами. И снова долгая пауза.

— В машине!

На этот раз трубка ответила голосом нашего моториста.

— Ушли, — объявил Косицын.

— Кто?

— Все ушли... сволочи...

Мы кинулись вниз, в темноту, по горячим трапам, освещенным сбоку «летучей мышью».

Внизу было тихо. Из темноты тянуло кислым пороховым дымком.

— Я здесь, — объявил Косицын.

Сидя на корточках около трапа, он стягивал зубами узел на левой руке. Возле него на полу лежал наган.

— Ушли, — сказал он, морщась, — через бункер ушли.

Дверь в кочегарку была открыта. Четыре топки, оставленные японскими кочегарами, еще гудели, бросая отблески на большие вертикальные шатуны, уходившие далеко в темноту.

Зимин, голый по пояс, бегал от одной топки к другой, подламывая ломом раскаленную корку.

На куче угля лежал мертвый японец в короткой синей куртке с хозяйским клеймом на спине. Минут пять назад он спустился на веревке по вентиляционной трубе и напал на Косицына сбоку, в то время как тот пытался уговорить кочегаров.

Удар локтем пришелся в левую руку: от кости к локтю тянулась рваная, еще мокрая рана...

— Что я мог сделать? — спросил Косицын, тихо оправдываясь.

— Правильно, правильно, — сказал боцман, хотя было видно, что и он смущен неожиданным оборотом.

Я закрыл мертвого брезентом, а Гурторов перевязал Косицыну руку.

— Один ушел... видно, раненый...

— Вот это ты зря, — сказал боцман.

Посоветовавшись, мы решили не убирать труп из кочегарки. Вынести мертвого наверх, на палубу, означало взорвать всю массу рыбаков и матросов, возбужденных водкой и грозным видом эсминцев.

После этого мы вызвали «Смелый», и лейтенант на ходу поднялся на борт «Осака-мару».

Разговор продолжался не больше минуты, потому что эсминцы снова включили прожекторы, а на палубе стали появляться группы враждебно настроенных ловцов.

Лейтенант сказал, что наша тактика правильная, и предложил перебросить с палубы в кочегарку двух краснофлотцев. Сам он людей дать не мог, потому что «Смелый» был оголен доотказа.

— А собак не дразните, — сказал он, уже висая на штормтрапе. — Будут хамить, не замечайте: главное — выдержка.

Катер фыркнул и скрылся, а мы снова остались одни.

Палуба «Осака-мару», пустынная еще минут десять назад, быстро заполнялась ловцами. Люди выбегали с такой стремительностью, точно по всему кораблю сыграли тревогу. Всюду мелькали карбидные фонарики и огоньки коротеньких трубок. Слышались возбужденные голоса, свистки, резкие выкрики.

Японские рыбаки — подвижной, легко возбудимый народ. Достаточно угрожающего движения, грубого окрика, даже просто неловкого, неуверенного движения, чтобы толпа, сознающая свою силу, перешла от криков к активному действию.

Вскоре появились пьяные: вынужденный простой лишал рыбаков грошевого заработка, толпа видела в нас источник всех бед, — поэтому шум на палубе возрастал с каждой минутой. Многие бросали на нас угрожающие взгляды и даже откровенно показывали ножи.

Ловцы группировались кружками, в центре которых на лебедках, кнехтах или бухтах канатов стояли крикуны. Я заметил, что в середине самой шумной и озлобленной группы мечется окровавленный человек с повязкой на голове. Он вопил по-женски пронзительно и все время тыкал рукой в нашу сторону.

Пройти по палубе на нос или корму, где находились четверо краснофлотцев, уже было нельзя. Наши посты превратились в островки, отрезанные от срединной части корабля.

Стало светать. Кучки ловцов слились в одну глухо шумящую толпу, — она беспокойно ворочалась, сжатая мостиком и высокой надстройкой на баке.

Ловцы, вылезавшие из трюмов, направили на стоящих впереди, некоторые вскакивали даже на плечи соседей, а все вместе, подогреваемые крикунами, вели себя все более и более угрожающе.

Кто-то застучал по палубе деревянными гета — толпа поддержала обструкцию грохотом, от которого загудела железная коробка парохода.

Смутное чувство большой, неотдалимой опасности охватило меня. Так бывает, когда вдруг темнеет вода и зыбкая дрожь — предвестница шквала — пробегает по морю.

Я взглянул на товарищей. Боцман упрямо разглядывал берег, мрачноватый Широких — компас, Костя — пряжку на поясе.

Все они делали вид, что не замечают толпы.

VII

— Что же теперь будет? — спросил Костя тревожно. — Ведь это очень серьезно... Надо как-то их успокоить... сказать... Смотрите — ножи... Это бунт.

Был виден уже маяк Поворотный, когда головной эсминец поднял сигнал:

«Руки назад держать не могу. Принимаю решительные меры от имени императорского правительства».

Одновременно второй эсминец поставил дымовую завесу и дал выстрел из носового орудия. На обоих катерах сыграли боевую тревогу. «Смелый» стветил: «В переговоры не вступаю. Немедленно покиньте воды СССР».

С этими словами он развернулся и полным ходом пошел навстречу эсминцу. Не знаю, на что надеялся лейтенант, но чехол с единственной пушки был снят и орудийный расчет стоял на местах. Следом за «Смелым», осев на корму, летел «Соболь».

Больше я ничего разглядеть не успел. Едкое желтое облако закрыло катера и скалу с чугунной башенкой маяка.

— Надо действовать! Смотрите, они лезут на бак!

— Тише, тише, — сказал Гуторов.

Он глядел мимо заводской площадки на бак, где находились краснофлотцы Жуков и Чашин. Утром мы еще общались с носовым постом, пользуясь перекидным мостиком, укрепленным над палубой двумя штангами. Теперь мостик был сброшен возбужденной толпой. Человек полтора, подбадривая друг друга свистом и криками, напирали на высокую железную площадку, где стояли двое бойцов.

Им кричали:

— Худана. Руске собака!

— Эй, баршевика!.. Слезай!

Какой-то ловец в матросской тельняшке и ярко желтых штанах влез на ванты и громко выкрикивал односложное русское ругательство.

— Ссадил бы я этого попугая, — объявил Костя, — да жалко патрона...

— Тише, тише... — сказал боцман. — Эх, зря...

Случилось то, чего все мы одинаково опасались. Жуков не выдержал и ввернул крепкое слово с доплатой. Это было ошибкой! Несколько массивных стеклянных наплавов, на которых кобзаводы ставят сети, полетело в бойцов. Один шар разбился, попав в мачту, другой ударил Жукова в ногу. Не задумываясь, он схватил шар и кинул его в самую гущу ловцов. Толпа ответила ревом.

Я увидел, как стайка вертких сверкающих рыбок взметнулась над палубой. Жуков схватился за плечо, Чашин — за ногу. Короткие рыбацкие ножи со звоном скакали по палубе вокруг краснофлотцев.

По правде сказать, я уже давно не смотрел на компас. Жуков, сидя на корточках, расстегивал кобур левой рукой. Чашин, задетый ножом слабее, стоял впереди товарища и целился в толпу, положив наган на сгиб руки.

Костя схватил боцмана за рукав:

— Что ж это, товарищ начальник?.. Скорее... надо стрелять!

Нас окатили горячие брызги... Раздался рев, низкий, могучий, от которого задрожали надстройки.

Гуторов не выпускал из рук оттяжку гудка, «Осака-мару» ревел, давясь паром, и скалистый берег отвечал пароходу тревожными голосами.

Толпа замерла. Оторопелые рыбаки смотрели наверх, на облако пара, на коротенькую, решительную фигуру нашего боцмана, как будто кричащего басом на весь океан.

— Полу-ундра... Ух, вы!.. А ну, берегись!

Это было как-раз то, что нужно. Выстрел только бы подхлестнул рыбаков, а гудок, неистовый, не терпящий никаких возражений, хлынул сверху, затопил палубу, море, сразу сбив у нападавших азарт, и гудел в уши — угромо, тревожно, настойчиво: «Полу-ундра, полу-ундра, полу-ундра».

Когда пар иссяк, на палубе стало совсем тихо. Так тихо, что слышно было, как плещет вода.

Сотни ловцов смотрели на боцмана, а Гуторов, одернув бушлат, подошел к трапу и сердито сказал:

— Вы эти босяцкие штучки оставьте... Моя думал — ваша есть люди. А ваша есть байстрюки, тьфу! Просто сволочь. Тихо! Слушай мою установку. Ваша гуляй в трюм, мало-мало спи-спи... Наша веди корабль. Ежели что, буду карать без суда.

Вероятно, никогда в жизни боцман не говорил так пространно. Кончив речь, он неспеша высморкался в платок и, обернувшись к Скворцову, сказал:

— Ступайте на бак, пока не очухались... Быстро!

С той стороны не звали на помощь, но видно было, что одному Чашину с перевязкой не справиться. Он разорвал на раненом форменку и, не выпуская нагана, быстро, точно провод на телефонную катушку, наматывал на Жукова бинт.

— Есть! — ответил Костя. — Я.. я иду!

Он подошел к трапу, который спускался прямо в настороженную враждебную толпу, и нерешительно взглянул вниз.

— Я иду... Я сейчас, — повторил он торопливо, — сейчас, товарищ начальник, вот только...

Он отошел к штурвалу и, присев на корточки, стал рыться в сумке.

Палуба загудела. Ничто не портит дела больше, чем нерешительность. Острым, враждебным чутьем толпа поняла и по-своему оценила колебание санитаря. Кто-то визгливо засмеялся. Парень в желтых штанах снова засуетился сзади ловцов.

Оцепенение прошло. Немыслимо было пробиться на бак сквозь толпу, покрывавшую палубу плотнее, чем семечки подсолнух. Оставался единственный путь — пройти над палубой, по массивной, окованной железом стреле, с помощью которой лебедчики поднимают на борт кунгасы. Прикрепленная одним концом к мачте, она висела почти горизонтально над палубой, упиравшись другим свободным концом в ходовой мостик. Такая же стрела тянулась от мачты дальше к носу, а обе они образовали узкую дорожку, протянутую вдоль корабля на высоте 10—12 футов.

— Да-да... я сейчас, — бормотал Костя. — Где же он... Вот... нет, не то... Я сейчас...

Беспомощными руками он рылся в сумке, хватаясь то за марлю, то за винты. Торопясь, вынул пробку, залил руки иодом и, совсем растерявшись, стал вытирать их о форменку.

— Готово? — спросил Гуторов.

— Да-да... Кажется, все... Как же это? Вот только...

Я не узнал голоса Кости. Он был бесцветен и глух. Губы его дрожали, как у мальчишки, готового заплакать. На парня было стыдно, противно смотреть. Я отвернулся...

Гуторов глядел мимо Кости на мачту.

— Только так, — сказал он себе самому.

— Товарищ начальник... я сейчас объясню... я не мо...

— Можешь, все можешь, — сказал боцман спокойно. Он приподнял Скворцова подмышки, поправил на нем сумку и, прошептав что-то на ухо, подтолкнул парня к барьеру.

— Я не...

— А ты не гляди вниз, — сказал Гуторов громко, — ногу ставь весело,

твердо, гляди прямо на Жукова... Перевяжешь, останешься с ними...

Гуторов ничего не требовал, ничего не приказывал оробевшему санитару. Он говорил ровнее, мягче обычного, с той спокойной уверенностью, которая сразу отрезает пути к отступлению. Боцман даже не сомневался, что размякший, растерянный Скворцов способен пройти узкой двадцатиметровой дорожкой.

Не знаю, что он прошептал Косте на ухо, но деловитое спокойствие боцмана заметно передалось санитару. Он выпрямился, развернул плечи, даже попытался через силу улыбнуться.

— Главное, рассердись, — посоветовал боцман. — Если рассердишься, все возможно.

Костя перелез через барьер и пошел по стреле. Сначала он двигался медленно, боком, придвигая одну ногу к другой. Балка была скользка, сумка тянула набок, и Скворцов все время порывисто взмахивал руками. Лицо его было опущено — он смотрел под ноги на толпу.

На середине балки он поскользнулся и сильно перегнулся назад. Внизу заревели. Костя зашатался сильнее.

Я зажмурился — на секунду, не больше... Взрыв ругани... Чей-то крик, короткий и острый, как нож.

Балка была пуста... Санитар успел добежать до мачты. Обняв ее, он перелез на другую стрелу и пошел тихо, тихо, точно боясь расплескать воду.

Теперь он оторвал глаза от толпы... Он смотрел только на Жукова... Он шел все быстрее и быстрее, потом побежал, сильно балансируя руками, твердо, чуть косолапо ставя ступни...

Взмах руками, прыжок — и Костя нагнулся над Жуковым.

Тут только я заметил, что Гуторов положил пулемет на барьер и держит палец на спусковом крючке.

Увидев, что Костя добрался счастливо, боцман сразу отдернул руку и вытер потную ладонь о бушлат.

— А я бы свалился, — признался он облегченно. — Вот чорт, циркач!

— Однако здорово его забрало.

— Что ж тут такого, — сказал Гуторов просто, — и у пулемета бывает задержка... Смотри... Что это?.. А ч-чорт!

«Осака-мару» медленно выползала из дымовой полосы, и первое, что я заметил, были снежные буруны японских эсминцев.

Распарывая море, хищники с ревом удалялись на юго-восток, а следом за ними, перескакивая с волны на волну, лихо неслись «Смелый» и «Соболь».

— Не туда смотришь! — крикнул Гуторов. — Вот они!

Над моей головой точно разорвали парусину.

Тройка краснокрылых машин вырвалась из-за сопки и, рыча, кинулась в море.

И снова гром над синей притихшей водой. Сабельный блеск пропеллеров.

Знакомое замирающее гудение не то снаряда, не то басовой струны.

Шесть истребителей гнали хищников от ворот Авачинской бухты на восток! К чорту! В море!

На палубе «Осака-мару» стало тихо, как осенью в поле. Пятьсот человек стояли, задрав головы, и слушали сердитое гудение машин. Оно звучало сейчас, как напутственное слово бегущим эсминцам. Краболов повернул в ворота Авачинской губы. Бухта с опрокинутым вниз конусом сопки Вилучинской и розовыми клиньями парусов казалась большим горным озером.

Мы обернулись, чтобы в последний раз взглянуть на эсминцы. Они шли очень быстро, так быстро, что вода тела каскадами через палубу.

Вероятно, это были корабли высокого класса.

★

ОСЕЧКА

Если небо красно к вечеру.
Моряку бояться нечего.
Если красно поутру,
Моряку не по нутру.

Не верьте морским поговоркам. Из всех закатов, какие я помню, это был самый ясный, самый тихий, самый красный закат.

Всегда прикрытые дымкой, хребты были на этот раз обнажены, очерчены резко и сильно. Прозрачный воздух открыл глазу дальние сопки с их гранеными вершинами и темными зарослями кедровника у подножий.

В тот вечер «Смелый» получил приказ доставить на Командорские острова жену начальника морского поста, а заодно два ящика лимонов и щипцы для клеймения котиков. Затем, как это всегда бывает, нашлись новые поручения. Нам передали зимнюю почту, сто связок лука, подвесной мотор, два патефона, икру, листовое железо, затем предложили взять глобус, корзину с цыплятами, олифу, коньяк, патроны к винчестеру, а в последнюю минуту вкатили по сходящим шесть бочек кислой капусты.

Мы грузились всю ночь и легли спать

в четвертом часу, когда на той стороне бухты Авачинской губы уже ясно обозначился белый конус Вилучинской сопки.

На рассвете стало свежеть, ванты загудели от ветра, и море подернуло зябкой дрожью.

Мы отдали швартовы, но дальше ворот Авачинской губы уйти не смогли. Море было злое, ярко синее, и белые гребни дымились от ветра, крепчавшего с каждой минутой.

Славный денек! Солнце, снежные горы, пыльные смерчи на улицах, рыбки тугой парусины, девчонки, сжимающие юбки коленям, в то время как ветер расплетает им косы, свист, стон деревьев, громоханье железа и ставен, чья-то рубаха, птицей взлетевшая в синюю вышину, и надо всем — нестерпимо яркое, холодное солнце.

К полудню в Петропавловской бухте стало тесно от кораблей. Пароходы возвращались в порт, точно из боя, — с выбитыми иллюминаторами, погнутыми трубами, сорванными надстройками и фальшбортами. Хлебнув вдоволь страха и холодной воды, они жались к приста-

ни так, что трещали бревна, а те, что не могли найти места в ковше возле города, стояли по ту сторону сигнального мыса, накренысь на подветренный борт, и держались за дно обоими якорями.

Вечером на улицах Петропавловска фуражек с крабами и кителей с золотыми нашивками было вдвое больше, чем кепок и пиджаков. Шквал оборвал провода, в ресторане на всех столиках горели свечи, и загулявшие кочегары тили за тех, кто вернулся счастливо, и за тех, кто уже никогда не вернется: всем было известно, что шхуна «Сибирь» погибла утром со всей командой и грузом весенней сельди.

За пять суток ни один катер не вышел за ворота Авачинской бухты. Мы перебрались на берег и, пока шторм держал нас в осаде, принялись приводить свое хозяйство в порядок. Нужно было сменить дубовые решетки, высушить и залатать парусину, подновить шаровой краской потускневшие в походах борта.

Кроме того, у каждого из нас нашлись личные береговые дела. Боцман и я готовились уйти за гуранами в сопки, кок сел писать под копирку письма на материк. Сачков снова извлек на свет штаны Пифагора, а Колосков, шестой месяц изучавший японский язык, погрузился в дебри учтивых частиц и глаголов.

Каждое утро он садился за стол и, положив на учебник ладони, твердил вслух, как школяр:

— Каша — мамма, берег — кайган, кожа — кава, собака — ину, ка-ки-ку-кэ-ко... На-ни-ну-нэ-но... Га-ги-гу-гэ-го!

Колосков был упрям и клялся, что заговорит по-японски до первого снега. Больше того, он убедил боцмана и меня заниматься ежедневно по часу перед отбоем.

— Ка-ки-ку-кэ-ко! — говорил он, стуча мелком по доске.—Олещук, не зевайте! Вся штука в учтивых приставках. Мерзавец будет почтенный мерзавец... Шпион — господин почтенный шпион...

Он вкладывал в уроки всю душу, но ни боцман, ни я не могли уяснить, почему «простудиться» означает «надуться ветром», а «сесть» — «повесить почтенную поясницу».

Я сам встречал фразы длиной метров по сто, и такие закрученные, что без компаса просто выбраться невозможно. По-русски, например, сказать очень легко: «Я старше брата на два года», а по-японски это будет звучать так: «Что касается меня, то, опираясь на своего почтенного брата, я две штуки вверх».

Сначала дело не клеилось; легче нажать спусковой крючок, чем приставить к слову бандит частицу «почтенный». Но мы были терпеливы и уже к пятому уроку вместо понятного на всех языках: «Стоп! Открою огонь!» — могли сказать нараспев, по-токийски гундося: «О, почтенный нарушитель! Что касается вас, то, опираясь на господин пулемет, прошу остановиться или принять почтенную пулю».

Мы не жалели учтивых частиц и вставляли их после каждого слова, потому что вежливость в разговоре никогда не вредит... Нам с боцманом трудно судить об успехах, однако Колосков всерьез уверял: если говорить скороговоркой и держаться не ближе двух миль, наш язык вполне сойдет за японский.

...Шестой урок не состоялся. Ветер упал так внезапно, точно у Курильских островов закрыли выюшкой трубу. Сразу выпрямились деревья, закричали скворцы, высоко вскинулся дым, и корабли один за другим стали выходить из Авачинской бухты навстречу все еще крупной волне.

...Через два часа мы уже подходили к мысу Шипунскому — черной каменистой гряде, отороченной высокими бурунами. Когда-то здесь спускалось в море несколько горных отрогов, но ветер и волны разрушили камень; теперь по обе стороны мыса торчат только острые плавники, точно на мель села с разбега стая касаток.

В свежую погоду у Шипунского мыса ходить скучно: всюду толчея, плеск, взрывы, шипенье воды. То справа, то слева по носу открываются жернова, готовые размолоть в щепы любую посудину от катера до линкора. В таких случаях не успеешь крикнуть «полундра», как сам катер бросается в сторону.

Зато в штилевую погоду трудно найти более интересное место. Здесь, ме-

жду камнями, видишь, как море дышит, тихо перекаладывая рыжие бороды на камнях. Я знаю грот, выбитый морем в толще базальта, низкий и темный, куда с трудом войдет тузик. Солнце, прорвавшись сквозь трещину купола, входит в воду зеленым столбом до самого дна. Вода вокруг кажется черной и мертвой, но стоит, не шевелясь, посидеть минут пять, как начинаешь кое-что различать.

Киль лодки висит над тайгой... Есть тут широкие волнистые плети морской капусты, пушистые ветви, похожие на рога изюбра весной, огненные нити, нежные, бледнозеленые шары — точная копия омелы, дубовые листья, тонкие плети с луковичками, величиной с кулак, есть кусты, похожие на жимолость, терн, ольшаник, даже на сосну с разбухшими желтыми иглами. Есть пади и тропы, усеянные песком и камнями, по которым, крадучись, движутся обитатели океанской тайги.

Шипунский мыс — заповедное место. Здесь, на обкатанных морем камнях, живут две-три тысячи сивучей — остатки огромного стада морских львов, населявших когда-то побережье Камчатки. Вот уже шесть лет, как охота на сивучей запрещена, но звери никак не могут забыть об опасности и встречаются людьми испуганным ревом.

...Море было голубое маслянисто-спокойное, когда мы на малых оборотах подошли к одному из камней-островков.

В десяти метрах от нас, на вершине замшелой глыбы, спал сивуч, — судя по величине, вожак всего стада. Он был так стар, что шкура приняла цвет сухих водорослей — рыжевато-седой. Сквозь редкую шерсть выднелись складки могучего, жирного тела.

Старый сивуч лежал на боку, закрыв морду огромным ластом. Закаленные чайками бока его мерно вздымались... Мы подошли так близко, что видели восковой, светлый шрам на плече и открытые ветру широкие ноздри и черные иглы усов.

Вода долетала до вершины камня, где лежал старый сивуч. Брызги ложились на шкуру, вокруг зверя, шипя, бежали ручьи. Он спал на голом камне, слишком уверенный в своей силе, чтобы быть

осторожным, и одеялом ему служила легкая мгла.

Возле старика лежали два вахтенных сивуча — молодые, гибкие и точно смазанные маслом от ластов до кончиков носа. Они тоже спали, сунув морды друг другу подмышки. Над ними орали чайки, вода, попадая в расщелины, взрывалась с пушечным гулом, а сивучи даже не шевелились. Можно было подойти и взять их голыми руками, сонных, обсохших на ветру.

Разбудила их не морская канонада, а непривычный уху тихий рокот мотора. Оба они проснулись разом и, подскакивая на упругих лапах, кинулись к вожаку. Они взвыли старику прямо в уши. И надо было видеть, какой оплеухой наградил старый сивуч ротозея-вахтенного.

Он поднялся над скалой, ворочая шейей, раздраженный, испуганный, но в то же время полный достоинства, — то был настоящий хозяин Шипунского мыса, великан с морщинистой грудью, толстой шейей и старческими глазами на выкате.

Переступая с лапа на лап, разинуз пасть, он взвыл на весь океан от гнева и страха. Кошачья круглая голова, жесткие усы и длинная грива делали его похожим на льва.

У старика была октава громового оттенка. И — странное дело — голос его не прерывался, не слабел, а, наоборот, крепчал с каждой секундой. Вероятно, то было эхо, но мне показалось, что вслед за сивучем начинают звучать скалы, темная вода, туман, закрывающий берег, — точно сами камни поднимают против прищельцев свой угрюмый голос.

Такие концерты слышишь в жизни не часто. Трубоч стоял над нами, вскинув голову, и ревел, ревел, ревел так, точно надеялся одним рычаньем разрушить наш катер.

Я так заслушался, что едва не поставил «Смелого» лагом к волне. Скалы зашевелились. Массивные темные глыбы срывались с вершин и беззвучно, почти без брызг, падали в море. То, что издали мы принимали за камни, оказалось сивучами. Сильно работая лапами, они сновали под водой во всех

направлениях, иногда проходя даже под килем. Самые отважные из них обгоняли катер и, подняв длинные, гибкие шеи, увенчанные кошачьими головами, смело разглядывали бойцов, стоявших на палубе.

— Вот это школа! — сказал кок восхищенно. — Ласточкой, без трамплина!

Он сбегал в кубрик и, вытащив «томп», стал прилаживать к треножнику камеру. Но было уже поздно; Шипунский мыс вместе с полосой бурунов и лохматыми островками отодвинулся в сторону, сивучиные головы превратились в черные вешки, чуть заметные среди полуденных бликов, и только густое дрожание гитарной струны — затихающий рев морских львов — напоминал нам о недавнем зверином аврале.

★

Рейс был спокойный. Без приключений, среди полного штиля мы дошли до острова Медного и, передав на берег пассажирку и груз, в тот же день повернули обратно.

На этот раз все побережье к югу от залива Кроноцкого было закрыто туманом. Он медленно сползал в море через черные проходы и, сливаясь в море, образовывал сплошную завесу от трех до пяти миль шириной, над которой поднимались характерные, черно-белые сопки восточного побережья.

В пять утра, двигаясь вдоль кромки тумана, «Смелый» снова поровнялся с мысом Шипунским. И тут мы услышали тугой, очень гулкий удар, умноженный эхом.

— Вероятно, скала оборвалась, — сказал Колосков, — они тут всегда обрываются.

Он перевел телеграф на «тихий», буруны за кормой погасли, и Сачков сразу высунулся из машинного люка.

— Плохой бензин, товарищ командир, — объяснил он поспешно, — оттого и дымит.

— Тише, тише, — сказал Колосков. — Я не о том.

Гулкий пушечный выстрел встряхнул воздух. Эхо медленно скатилось по ка-

менным ступеням, и снова в море стало тихо.

— Я думаю, китобоец, — заметил Сачков. — Звук очень толстый.

— Нет. Это на берегу, — сказал я. — Это охотники бьют гуранов.

— Из пушки?

— Из винчестера. В горах всегда громко.

Мы стояли возле самой кромки тумана и говорили вполголоса. Было очень тихо. Колосков приказал заглушить мотор, и под килем плескалась смиренная и бесцветная вода.

— В туман не охотятся, — заметил боцман.

— Да, но в горах нет тумана.

— Просто рвут камни, — сказал из каюткомпании кок.

И снова горы ответили на одинокий пушечный выстрел раскатистым и беспорядочным залпом. Судя по силе и скорости эхо, берег был недалек.

— Ясно, пушка, — сказал упрямый Сачков.

— Ерунда. Винчестер, и не дальше полумили.

Мы посмотрели на командира, но Колосков сделал вид, что не слышит, о чем идет речь. Надвинув козырек на нос, он прохаживался по палубе маленькими, цепкими шагами, с таким равнодушным видом, точно выстрелы интересовали его не больше, чем прибой, и только время от времени останавливался, чтобы прислушаться.

Наконец он спросил:

— Боцман! Сколько справа по носу?

— Двадцать семь футов, — сказал быстро Гуторов.

— Спускайте шлюпку... Тихо спускайте. Пойдете на выстрелы... Если шхуна, поднимегесь на борт... Курс на ост — шестьдесят градусов. Сигналы сиреной.

— Есть сиреной, — сказал боцман и стал разворачивать в море шлюпбалки.

Кроме Гуторова, в шлюпку спустились двое гребцов, Косицын и я. На всякий случай мы взяли с собой пулемет Дегтярева и ручную сирену.

К тому времени, как мы отчалили, туман подошел еще ближе и стоял от нас на расстоянии полусотни хороших гребков сплошной низкой глыбой.

— Весла на воду! — сказал Гуторов шопотом. — Тише на воду... Пойдем «на цыпочках».

Мы вошли в туман и стали медленно подниматься вдоль берега, к северу, лавируя между бесчисленных рифов, едва прикрытых водой. Был полный прилив, и только самые крупные скалы чернели в тумане. Вся мелочь, зубастая, мохнатая, обсыхающая во время отлива, скрывалась теперь под водой. Мы двигались без футштока, осторожно пересекая рыжие пятна, слушая шорох водорослей под килем. С левого борта тянуло сильным и горьким запахом берега, и, все время чередуя удары с шипением, грохотал прибор.

Шлюпка шла «на цыпочках», совсем тихо, если не считать плеска воды и скрипа кожи в уключине. Косицын положил под весло нитяную обтирку, и стало тихо, как в погребе. Туман, светлея с каждой минутой, полз на берег наперез нашей шлюпки, и все мы надеялись, что скоро увидим солнце и странных артиллеристов, гуляющих у Шипунского мыса.

Да, это была пушка, наверняка! Мяткие, басистые, очень сильные удары следовали с неправильными и долгими интервалами.

Мы шли зигзагами, меняя курс после каждого выстрела, так как эхо откликалось сразу на две стороны и с одинаковой силой.

Потом пушка умолкла. Мы продолжали двигаться на норд-вест, осторожно макая весла в белесую воду. Гуторов сидел на руле, приложив к уху ладонь. Туман шел волнами, то светлея, то сгущаясь до сумерек, — тогда по знаку рулевого гребцы сушили весла, и все слушали шум прибоя и звонкое гульканье воды под килем.

Прошло минут десять-пятнадцать, и вдруг Косицын, сидевший на носу шлюпки, сказал страшным шопотом:

— Звонят. Либо церква, либо корабль...

— Просто рында, — сказал боцман.

Все мы слышали далекое дребезжанье корабельного колокола. И это был посторонний корабль, потому что

рында на «Смелом» звенит светло и тонко.

— Олещук, на нос! — скомандовал Гуторов.

Я сел на переднюю банку, поставив сошки пулемета на борта. Море было спокойное, и дуло почти не шевелилось.

Гребцы стали разворачивать шлюпку на звук, и в этот момент из тумана, справа по носу, немного мористее нас, раздалось протяжное:

— Ани-э-э... О-о-о...

Человек был ближе, чем колокол, и Гуторов решительно повернул шлюпку на голос. Звук перенесся влево. Отвечая кораблю, кто-то, отделенный от нас белой стеной, продолжал монотонно кричать:

— Анэ-э... о-о-о...

Мы сделали сотню гребков, и вдруг метрах в двадцати от нас желтое пламя с грохотом вырвалось из тумана.

— Ходу! — сказал Гуторов, пристав. — А ну, не частить.

... То была кавасаки — грубо сколоченная моторная лодка с острым клинообразным носом и низкой надстройкой на корме. Двое рыбаков в вельветовых куртках и фетровых шляпах осторожно выбирали с кормы туго натянутый трос, а третий, стоя к нам в пол-оборота, держал на-изготовке странное ружье с толстым, коротким стволом, издали похожее на старый пулемет Шоша. Из дула торчала массивная красная стрела, соединенная с тонким канатом.

Услышав плеск шлюпки, стрелок обернулся и, должно быть, со страха, нажал на крючок...

Горячий воздух и свет ударили мне в лицо. Я почувствовал резкую боль в щеке и едва не ответил очередью по стрелку, но Колосков быстро сказал:

— Отставить. Эй, аната... Брось!

Стрела расщепила борт и ушла в воду, увлекая за собою канат. Японец, красивый толстогубый мальчишка, повязанный по-бабьи платком, стоял неподвижно, и из опущенного ствола странного ружья еще тек дым. У ног стрелка вертелась небольшая железная катушка; канат убежал в щель между бортом кавасаки и шлюпкой.

Двое других японцев молча подняли руки. То были зверобои с Хоккайдо, нахальные и, должно быть, тертые парни, потому что один из них гаркнул во всю глотку:

— Конници ва! Эй, здравствуй, гепеу!

— Тише, тише, — сказал боцман. — Так где ваша шхуна?

— Не понимау, — ответили хором японцы.

— Аната — но фуне-га доко-ни юки-мас-ка¹? — спросил Гуторов.

— Вакаримасен².

После этого все трое перестали понимать Колоскова и на все вопросы отвечали односложным «иэ». Стрелок вскоре опомнился и потянулся к свистку, висевшему у пояса на цепочке, но Широких закрыл ему рот ладонью и сказал, насколько мог, убедительней:

— Твоя мало-мало свисти... Моя мало-мало стреляй. Хорошо?

На всякий случай мы сделали кляпы из полотенец и, связав охотников, уложили их на палубе, лицами вниз. Корабельный колокол продолжал твевать в тумане, а всякий крик мог спугнуть судно, пославшее к берегу кавасаки.

Мы отобрали метров двести манильского троса и два широкоствольных, гарпунных ружья, выстрелы которых мы принимали за пушечные. Короткие, очень массивные, они заряжались с дула коваными железными стрелами, соединенными посредством ползунка с крепким и тонким канатом. Охота с такими ружьями очень несложна. Подойдя к сивучам метров на двадцать-двадцать пять, зверобои открывали огонь, а затем с помощью веревочной петли и лебедки вытаскивали тушу на палубу. Возле носового люка лежало восемь молоденьких черновато-коричневых сивучей, а с кормы отвесно уходил в воду невыбранный после выстрела канат. Очевидно, гарпуны употреблялись не первый раз, потому что красный фабричный лак облез, а на раскрылках, которые сминаются при ударе, виднелись следы кузнечной правки.

Гуторов приказал vybrать конец. Канат пошел плавно, но так туго, что затрещали волокна. Лебедка намотала на барабан метров сорок гарпунного каната, и вскоре мы увидели, как, оторвавшись от дна, медленно поднимается огромная глыба, заросшая водорослями.

— Хозяин! Ах, черт! — сказал шопотом Широких.

Мы подтянули убитого сивуча к борту. Там, где шея переходит в грудь, торчал конец ружейного гарпуна. «Хозяин» лежал в зеленой тени, открыв пасть, и вода обмывала ему желтые клыки, ребристую лиловую глотку и выпуклые злые глаза под стариковскими бровями. А на боках и спине зверя, точно водоросли, шевелились густые рыжие волосы. Он был очень красив, даже мертвый.

Рында продолжала тихонько звякать в тумане. Мы вытащили мертвого сивуча, завели мотор кавасаки и пошли прямо на звук, ведя за собой опустевшую шлюпку.

Между тем утренний бриз нажимал с моря все сильнее и сильнее, отгоняя туман в сопки. Над нами появились голубые просветы, и боцман, опасаясь, что захват кавасаки будет обнаружен раньше, чем нужно, приказал прибавить ход.

Мы шли прямо на колокол и вскоре стали различать сквозь гудение меди глуховатый стук мотора, включенного на-холостую. У Гуторова был отличный слух. С закрытыми глазами он без ошибки отличал «Зульцер» от «Мана», или «Икачай» от «Болиндера». Он прислушался и твердо сказал:

— «Фербенкс». Сил девяносто.

Очевидно, на шхуне услышали шум кавасаки, потому что колокол умолк, и кто-то окликнул нас (впрочем, без всякой тревоги):

— Даре дес ка? ¹.

— Тише... тише, — сказал Гуторов.

Мы продолжали идти полным ходом.

— Даре дес ка?!

Широких взял отпорный крюк и перешел на нос, чтобы зацепиться за шху-

¹ Ваш корабль откуда пришел?

² Не понимаем.

¹ Кто это?

ну. Остальные стояли наготове вдоль борта.

Пауза была так длинна, что на шхуне забеспокоились. Кто-то тревожно и быстро спросил:

— Аннэ? Акита?!

Молчать дальше было нельзя. Мы услышали незнакомые слова команды и топот босых ног.

— Ну, смотрите, что будет, — сказал шопотом Гуторов. Он откашлялся, сложил ладони воронкой и крикнул застуженным, сипловатым баском:

— Сорева ватакуси... тете моте!¹

Это было сказано по всем правилам — скороговоркой и слегка в нос, по-токийски. На шхуне сразу успокоились и умолкли.

— Вот и все, — просипел боцман.

Он был очень доволен и подмигивал нам с таинственным и значительным видом бывалого заговорщика.

В эту минуту мы услышали ворчанье лебедки и мерное клацанье якорной цепи. Одновременно свободные перестуки мотора перешли в насадный гул, недалеко от нас сильно зашумела вода. Шхуна уходила от берега, не дождавшись своих зверобоев.

Вода еще выпучивалась и шипела, когда мы подошли к месту, где только что развернулась шхуна.

— Самый полный! — сказал Гуторов. — Дайте сирену!

Мы помчались вслед за беглянкой по молочной, пузырястой дороге. Мотор кавасаки был слишком изношен и слаб, чтобы состязаться с «Фербенксом», но мы знали, что «Смелый» дежурит у кромки тумана, и, непрерывно сигналив, продолжали преследовать шхуну.

Сначала след был отчетливый. Шхуна шла курсом прямо на ост, очевидно, рассчитывая поскорее выбраться из тумана.

Стук мотора становился все глуше и глуше, вода перестала шипеть, и только редкие выпучины отмечали путь корабля. Шхуна заметно отклонялась на юг. И это было понятно; услышав шум «Смелого», который двигался параллель-

но японцам по кромке тумана, хищники медлили выйти из надежного укрытия.

Так мы шли около получаса; «Смелый» — под солнцем, вдоль кромки тумана, шхуна — параллельно катеру, но вслепую, а за хищником, едва различая след, плелась наша кавасаки со шлюпкой на буксире.

Потом мы увидели гладкий широкий полукруг — след крутого разворота; шхуна внезапно повернула на север. В ее положении то был единственно верный маневр. Мы убедились в этом, как только вышли из тумана и увидели большую голубую шхуну с тремя иероглифами на корме.

Прежде чем «Смелый» разгадал хитрость японцев и лег на обратный курс, то-есть на норд, шхуна выгадала десять минут, а если перевести на скорость, — не меньше двух миль. Этого было достаточно, чтобы уйти за пределы запретной зоны.

Тут мы заглушили мотор, и первый раз в жизни стали наблюдать со стороны, как «Смелый» преследует хищника.

Проскочив вперед, катер вскоре повернул обратно и полным ходом пошел наперерез шхуне. Было видно, как у форштевня «Смелого» растут пенистые усы, как наш катер задирает нос и летит так, что чайки стонут от злости, машут крыльями, не могут догнать и садятся отдыхать на волну.

Сачков взял от мотора, что мог. Если представить море в виде шахматного поля, катер мчался, как ферзь, а шхуна ползла, точно пешка. Беда была в том, что пешка уже подходила к краю доски и сама становилась ферзем. За пределами запретной, трехмильной зоны сразу кончалась погоня. И все это потому, что кавасаки спугнула шхуну в тумане.

★

— Это «Майничи-мару», — сказал Гуторов. — «Майничи-мару» из Кобэ.

Боцман хмуро разглядывал палубу. «Смелый», не спеша, вел к Петропавловску кавасаки с тремя японцами, а все свободные от вахты стояли на баке и провожали глазами далекую шхуну.

¹ Это я... одну минутку!

— Благодарю, — сухо сказал лейтенант. — Очень рад, что вы такой зоркий...

— Я, товарищ командир...

— Знаю, знаю, — ворчливо сказал Колосков и стал выколачивать о каблук холодную трубку. — Никто не виноват. Все герои — с крючка шуку снимать. И вообще, что за чорт? На пулемете чехол хуже портянки, лебедка облуплена...

Все мы ждали, что бодмана ждет разнос; у командира медленно багровела шея, но он взял в зубы пустую трубку и, пососав, неожиданно заключил:

— Все отчего? В грамматике дали осечку... Надо бы учтивый глагол... А вы... сразу ватакуси... Эх, жмет!

— А что им за это будет? — спросил Косицын, с любопытством поглядев на зверобоев.

— Лег пять... А скорей всего обменяют, — объяснил Широких. Сидя на корточках, он очищал раскрылки гарпуна от сухожилий и кожи мертвого сивуча.

— Значит, гражданские будут судить, — сказал Косицын с досадой.

— А тебе что?

— Ничего... Эх, какого быка загубили...

И все мы посмотрели на старого сивуча.

«Хозяин» лежал на палубе кавасаки, большой, гладкий, усатый, и смотрел в море злыми глазами.

Он был очень красив, даже мертвый.

★

НА МАЯКЕ

I

Представьте чудо: на спелом, наливном помидоре вдруг выросли обкуренные махоркой усы, засеребрился бобр, взметнулись пушистые брови, потом обозначился мясистый нос, блеснули в трещинках стариковские голубые глаза, и помидор, открыв рот, прошипел застуженным тенорком:

— Со мною, браток, не заблудишься. Маяк моряку, что тропа ходоку.

И, усмехнувшись, добавил:

— Моя звезда рядом с Медведицей.

Таков дядя Костя — отставной комендор, портартурец, смотритель маяка на острове Сивуч.

Фамилии его не помню — не то Бодай-гора, не то Перебий-нос, что-то очень заковыристое, в духе гоголевских запорожцев. Не подумайте, однако, что на острове жил какой-нибудь отставной Тарас Бульба в шароварах шире Японского моря.

Дядя Костя был моряк старого балтийского засола: аккуратный, плотный старичок в бушлате с орлеными пуговицами, обтянутыми черным сукном, и холщевых брюках, заправленных в сапоги.

Хозяйство его было невелико. Побе-

левшая от соли чугунная башенка на кирпичном фундаменте, бревенчатая сторожка под цинковой крышей и на площадке, поросшей жесткой темнозеленой травой, десяток бочек с керосином и маслом, — вот все, что могло удержаться на каменной глыбе, вечно мокрой, вечно скользкой от тумана и брызг.

Дядя Костя драил свой остров, как матрос корабельную палубу. Прибой всегда приносит сюда разный мусор: бамбуковые шесты, доски, бутылки, обрывки канатов, стеклянные наплава от сетей и даже остатки неведомо где разбитых кунгасов. Смотритель неусутомимо сортировал и укладывал эту добычу штабелями вдоль берега. Любо было смотреть на дорожки, обложенные по краям кирпичом, на щегольскую башенку маяка с полукруглым куполом цвета салата, на флигель, крашенный шаровой краской.

Медная рында маяка горела даже в тумане. Прежде колокол висел на столбе, и дядя Костя дергал веревку, как любой пономарь, но в прошлом году он сделал ветряк и присоединил к нему нехитрую машину — подобие тех, что куют гвозди на старинных заводах Урала. Через каждые десять-двенадцать секунд

тяжелый чурбан, вздернутый вверх на веревке, срывался со стопора и дергал сигнальный конец. А так как туманы и ветры постоянно кружатся в море, колокол почти не смолкал.

Свой остров дядя Костя считал кораблем и всерьез называл маяк рубкой, флагель—кубриком, а заросшую жесткой травой площадку у башенки — палубой. Вместе с ним на «корабле» жили сменщик смотрителя, тихий юноша, ростом чуть пониже маяка, сибирская лайка и черная пожилая коза, которая всюду сопровождала хозяина и даже влезала по винтовой лестнице к фонарю.

Последний раз я видел его в августе. Подвижной, багровый от избытка крови и силы, с широким выскобленным лосиным подбородком, он сказал на прощанье:

— Пойду, зажгу свечку японскому богу.

Тридцать лет, поднимаясь на вышку по узкой железной лестнице, он повторял одну и ту же нехитрую шутку, и тридцать лет случайные гости улыбались чудаку. Скорее лопнет скала, чем дядя Костя изменит привычке.

«Две белых вспышки на пятой секунде» — так сказано в лоциях, так знали на всех кораблях, и только один раз дядя Костя не смог зажечь маяка.

Это было в четверг, накануне прихода «Чапаева». «Смелый» встал на текущий ремонт, а команду уволили на берег. Три дня мы могли жить на твердой земле, не слыша плеска моря и шума винтов. Каждый использовал время по-своему: Широких выпил пять кружек какао и лег спать, попросив дневального, чтобы его разбудили на третьи сутки к обеду, Костя начал варить повидло из жимолости, а Сачков и я отправились к Утиному мысу за козами.

Я всегда ходил на охоту вместе с Гуторовым. Легкий на ногу, ясноглазый и тихий, он был родом из Керби — славного поселка рыбаков и охотников. Наладить медвежий капкан, пройти полсотни километров на батах по реке или разжечь костер из мокрого тальника было для него делом знакомым.

На этот раз боцман был занят. Вместо него со мной увязался Сачков.

Как это случилось, не знаю. Я всегда избегал слишком шумных соседей, — тот, кто часто открывает рот, не может удержать в голове что-нибудь путное. К тому же осень в сопках так хороша, так тиха и строга, что совестно нарушить ее покой болтовней или смехом.

Я хотел высказать эти трезвые мысли Сачкову и не смог, пораженный блестящей внешностью друга.

Вообразите колокольню в зеленой войлочной шляпе, лихо загнутой сбоку, в двубортной щегольской куртке, вельветовых брюках и широком поясе с никелированными крючками для дичи. Прибавьте сюда незапятнанный птичьей кровью ягдташ, флагу, нож-кинжал, златоустовский черненый топорик, чайник, рюкзак, бердану, на которой еще блестяла фабричная смазка, скрипучие болотные сапоги, воняющие юфтью и дегтем, великолепные сапоги, способные распугать зверей на шестьдесят миль в скрестности, — и вы поймете, как неотразим был Сачков.

Еле удерживая смех, я спросил:

— Кого же ты ограбил?

Он невозмутимо ответил:

— Лекпома. Он привез эти штуки в прошлом году, но стесняется пойти на охоту в очках.

И спросил с довольной улыбкой:

— Хорошо?!

— Хоть на выставку.

— Ну, еще бы.. Знаешь, Алеша, я давно собрался подбить какую-нибудь росомаху. Мабузо! Ко мне!

Тут только я заметил, что вокруг Сачкова семенит кургузый пес, поросший вместо шерсти какими-то перышками бесстыже розового цвета.

— Это тьер-терье-буль-гордон-лаверик! — сказал гордый Сачков. — Я взял его под расписку. Бурдаст до невозможности. Мабузо! Шерше!

Пес послушно слезил в канаву, вытащил обрывок калоши и взвыл от восторга.

— Видал? Ах ты, жулик! В Голландии такая штука стоит тысячу гульденов... Ну, идем!

И мы пошли. Впереди с калошей в зубах — буль-гордон-тер-терье-лаверок, за ним, сияя зубами и никелем засте-

жек, Сачков, сзади я, озадаченный натиском бравого моториста.

... Конечно, мы никого не убили, хотя прошли по горам не меньше двадцати миль. В это время года на сопках, в ягодниках, постоянно встречаются мирные сытые медведи. Их шерсть густа и остиста, а пасти лиловы от жимолости, которую медведи собирают усерднее, чем мальчишки. Наевшись рыбы, они «полируют кровь» перед спячкой и целыми группами пасутся в невысоких кустах.

Медвежья охота на Камчатке не считается серьезным занятием, но даже в самых верных местах мы не могли достигнуть ни одного лакомки. Буль-гордон мчался впереди нас, тьяквая, точно колокол на пожарной повозке.

Собака должна быть большой, молчаливой, суровой, полной особого собачьего достоинства. Я не люблю визгливых, щенячьих сентиментов, слюнявых языков и ползанья на брюхе перед хозяином. А тут мы оба не успевали вытирать слюни буль-бом-тьера. В жизни я не видел более восторженного вертлявого подхалима.

Время от времени я подзывал пса и затыкал ему пасть куском колбасы. Благодаря этой хитрости нам удалось подойти довольно близко к козуле, но, едва мы прицелились, как буль-лаверок выплюнул затычку и взвыл от восторга.

— Вероятно, он привык брать что-нибудь крупное, — сказал, смутившись, Сачков, — я сам видел золотую медаль. На одной стороне — свинья, на другой — голый грек.

Мы показали буль-терьеру медвежий след. Он задумался, сморщил лоб, потом попятился... и, совестно сказать, раздалось стыдливое журчанье.

...Вскоре пес надоед мне, как больной зуб. Он занозил лапу и поднял такой вой, что сердце разрывалось от жалости. Сачков взял его на руки, пес дышал ему в ухо, пуская слюни на куртку.

Я проклинал себя за слабость духа и готов был вогнать все шестнадцать патронов в розовый бок терье-буля. Удерживала меня только расписка, которую Сачков оставил хозяину.

II

... К вечеру мы снова увидели море. маслянисто-желтое, гладкое, оно облизывало берег с глухим, сытым ворчаньем. Мертвая зыбь — эхо дальнего шторма — неспеша катила на север пологие складки.

Было тихо. Мы сняли мешки и долго стояли на гребне горы, захваченные величавой, грозной картиной.

Огромная туча, грифельно-синяя по середине, раскаленная по краям, прижала солнце к воде. Ее длинное тело походило на крейсер с тяжелыми уступами башен, форштевнем и низкими трубами, из которых косо летел черный дым. Занимая полнеба, туча катилась равномерно и медленно, мрачней с каждой секундой, а солнце, обреченное на смерть, но все еще сильное, сопротивлялось натиску с удивительной стойкостью. Оно взрывало, плавило, прожигало колючими вспышками то башни, то корпус чудовища, и сквозь рваные дыры корабельной брони взлетали в небо пучки живого, дрожащего света.

То была славная короткая схватка над морем. Чем красней становился остывающий диск, тем свежей и моложе казались звезды над тучей. Они зрели, наливались, становились яснее с каждой секундой, а солнце, побежденное, но не умершее, отдавая звездам свой жар и ненависть к мраку, погружалось в холодную воду все глубже и глубже.

Наконец, не выдержав тяжести тучи, оно лопнуло под килем корабля. В последний раз пробежал по морю летучий огонь, и сразу стало темно и скучно.

Я стал увязывать мешок, поглядывая на Сачкова. Несуразный парень, равнодушный ко всему на свете, кроме четырехтактного мотора и футбольной площадки, улыбался мечтательно и застенчиво. Глаза его были закрыты, точно он хотел запомнить грозную картину баталии.

Я тихо дотронулся до плеча моториста, Сачков очнулся и с удивлением взглянул на меня.

— А хорошо... Чорт знает, как хорошо, — сказал он дрогнувшим голосом. — Зажарить бы сейчас яичницу,

можно без колбасы, но лук обязательно... Как ты смотришь, Алеша?

Я молча зашагал вперед. Все механики одинаковы. Они путают сыча с куропаткой и всерьез полагают, что лампа в сто свечей прекраснее солнца.

Вскоре мы сбились с тропы и пошли напрямик по березняку и кустам жимолости, спускаясь к морю все ниже и ниже.

Было время отлива. Прямо перед нами смутно блестела полоса мокрой гальки, налево широким серпом изгибалась бухта Желанная, а справа горбатился остров Сивуч с темной башенкой маяка, да, темной, несмотря на позднее время. Я удивился, почему дядя Костя сегодня так запоздал. Шел восьмой час, и любой корабль, огибающий мыс Зеленый, мог сыграть в жмурки с камнями.

«Две белых вспышки на пятой секунде»... Мы подождали минут пять и снова пошли по кустам. Я надеялся добраться к мысу до прилива, перейти вброд речку Соболинку и берегом вернуться в отряд.

Сачков о маршруте не спрашивал. Он держался мне строго в кильватер, чмокал губами и бормотал всякие глупости, которые ему подсказывал отощавший желудок.

Наконец, промокнув до пояса, исцарапав в кровь руки, мы, почти наощупь, выбрались к заброшенной фанзе у подножия горы.

Два года назад здесь жил «рыбак», имевший скверную привычку перемигиваться фонарем с японскими шхунами. Мы взяли его в дождь, на рассвете, вместе с винчестером и записной книжкой, доставившей шифровальщикам много возни. Старый рыбачий бат, залатанный цинком, еще лежал у ручья.

Боцман, я и Широких изредка охотились в этих местах и каждый раз, когда ночь заставала нас возле мыса Зеленого, ночевали на теплых канах¹ под шум ветра, гремевшего оконной бумагой.

Возле фанзы мы еще раз посмотрели на маяк. Он темен. Даже в окнах

сторожки, обращенных в сторону берега, не было видно огней.

— Табак — их дело, — заметил Сачков, — смотри, как задуло моргалку.

— Нег, не то.

— Ну, значит, спички не в тот карман положил.

Он оглядел море и вкусно зевнул.

— Зажгут... Давай спать, Алеша.

С этими словами он толкнул дверь и вошел в холодную фанзу.

Я нащупал на полочке каганец и спички и осветил комнату. Вязанка сучьев, котелок и чайник были на месте. Кто-то из охотников, ночевавших недавно в фанзе, оставил, по доброму таежному обычаю, полпачки чаю, горсть соли и кусок желтого сала.

Пока мы разжигали печку, буль-террак развязал зубами мешок и погрузился в него до хвоста. Мы вытащили его, растолстевшего вдвое, с куском грудинки в зубах, и, распластав на канах, с наслаждением выдрали.

— Вероятно, медаль не причем, — сказал с досадой Сачков, — я думаю, это помесь.

— Да... курицы с кошкой.

Через полчаса, раздевшись догола, мы сидели на горячих цыновках, пили чай и дружно ругали бом-брам-тьера...

III

«Две белых вспышки на пятой секунде»...

Каждый раз, когда фонарь поворачивался к берегу, промасленная бумага в окнах фанзы вспыхивала на свету.

На этот раз окно было темным. Я смотрел на бумагу, стараясь сообразить, что случилось с дядей Костей. Заболел? Упал с винтовой лестницы? Перевернулся в свежую погоду вместе с моторкой? В городе давно поговаривали, что дядя Костя тайком ездит за водкой. Но тогда что делает сменщик? Спит? А быть может, испортился насос, подающий керосин к фонарю?

Чем больше я думал, тем тревожней становились догадки. Был четверг. В этот день в городе ждали «Чапаева» с караваном тральщиков и двумя пловучими кранами. Все суда шли из Одессы

¹ Горизонтальные дымоходы-лежанки.

незнакомой дорогой... А что, если?.. Ведь уселась на камни «Минни-Галлер» в прошлом году...

Накинув бушлат, я вышел из фанзы. Ни огня, ни звука. Море было пустынно, небо звездно. Слева, из бухты Желанной, медленно надвигался туман, обрывистый край его походил на высокий ледник.

Я вернулся в фанзу и, разбудив Сачкова, предложил немедленно отправиться в город. Идя нижней тропой, за семь часов мы свободно дошли бы до порта.

Против обыкновения Сачков не спорил. Он молча оделся и только в дверях фанзы спросил:

- Значит, «Чапаев» нас подождет?
- Не остро. А что ты предлагаешь?
- Переправиться...
- На чем?
- А на этом... на бате.

Мы осмотрели лодку. Вероятно, она была старше нас, вместе взятых. Борты ее искрошились на целую треть, днище, исшарканное в путешествиях по горной речке, прогибалось под пальцами. Две большие дыры были забиты кусками кровельного цинка. Короче говоря, это был гроб из старого тополя и довольно подержанный.

Я немедленно высказал свои соображения Сачкову, но упрямый малый только мотнул головой:

- Выдержит... Каких-то полмили...
- Однако на тот свет еще ближе...
- Не пугай... Скажи просто — дрейфуй...

Убедил меня не Сачков, а вид беспомощного, притихшего маяка. Скучно было видеть темное море без огней, без веселой звезды дяди Кости, аккуратно моргавшей всем кораблям.

Через десять минут мы были на середине пролива.

Я гроб с кормы коротким веслом, а Сачков сидел на дне бата, вытянув ноги, и потихоньку помогал мне ладонями. Вода плескалась возле самой кромки борта, но бат шел быстро, не хуже шестерки.

Вскоре я заметил, что Сачков как-то странно ерзает в лодке.

— А знаешь, что, — сказал он, поживаясь, — ты, пожалуй...

— Не вертись... Что такое?

— Нет... я так... ничего.

Я нагнулся к Сачкову и увидел, что моторист сидит по пояс в воде. Заплаты отстали — со дна и обоих бортов толстыми струями била вода.

— Вычерпывай, чорт! Что ж ты молчал?

— Н-не могу... подо мной фонта...

Бушлаты и брюки мы снимали в воде. Ух, и свежо было сентябрьское смиренное море! Ледяной обруч сдавил грудь и горло. Захотелось назад, на берег, вон из черной, плотной воды. Но Сачков уже плыл впереди, приплясывая, вертя головой, и лихо крестил море сажонками.

Славный малый! Он шел, как в атаку, не советуясь ни с кем, кроме горячего сердца. Такие размашистые ребята, если их не придержать за пятку, готовы перемахнуть через море.

Впрочем, в то время рассуждать было некогда. Кожа моя горела от подборodka до пяток. Я шел брасом, экономя силы, но стараясь не очень отставать от Сачкова.

Время от времени мы, точно нерпы, поднимали головы над водой, чтобы лучше разглядеть маяк. Он был темен, низкий столбик среди тихой воды и звездного неба, — ни огня, ни звука, которые напомнили бы нам о жизни на острове!

Тревога и холод подгоняли нас все сильнее и сильнее. Не такой дядя Костя был человек, чтобы зажечь свою мигалку позже первой звезды.

Сачков все еще шел сажонками, щеголяя чистотой вымаха и гулками шлепками ладоней. При каждом рывке тельняшка его открывалась по пояс, но вскоре парню надоело изображать ветряную мельницу. Он стал проваливаться, пыхтеть, задевать воду локтями и наконец погрузился в море по плечи.

Мы пошли рядом, изредка, точно по команде, приподнимаясь над водой. Остров казался дальше, чем можно было подумать, глядя с горы.

— Почему он не звонит? — спросил, задыхаясь, Сачков.

— Хорошая видимость, — сказал я.

Набжал ветер и потащил за собой мелкую рябь. Какая-то сонная рыба плеснулась возле меня. Холод стал связывать ноги. Чтобы разогреться, я лег на бок и пошел оверармом, сильно работая ножами.

— Почему он не звонит? — спросил я, задыхаясь.

— Потому что шт-тиль, — ответил Сачков.

— Замерз?

— Эт-то т-тебе п-показалось...

Сачков отставал все больше и больше, бормоча под нос что-то невнятное. Метрах в ста от берега он рассудительно сказал, отделив слова долгими паузами:

— Ты... однако... не жди... я потихоньку.

— Что, Костя, застыл?

Он засмеялся и вдруг, вскинув упрямую голову, легко прошелся сажонками.

— Б-бери правой... З-зайдем с р-разных ст-сторон.

Он говорил спокойно, и я поверил — не подождет, не вернулся к упряму. Остров был близок. Тревога и холод гнали меня к маяку... Как я проклинал себя часом позже.

Я видел полосу пены и темный силуэт ветряка на скале. Крылья не шевелились, колокол молчал. Странная в этих местах, прозрачная, почти горная тишина накрыла маленький остров. Даже волны, обычно размашистые, озорные, взбегали на берег на цыпочках, с тихим шипением.

Вскоре я перестал чувствовать холод. Как автомат, у которого завод на исходе, я медленно поджимал и выбрасывал руки с растопыренными, онемевшими пальцами... Ноги? Я давно потерял власть над ними. Правая по привычке еще сокращалась, левая тащилась за мной на буксире, бесполезная и чужая.

Не знаю, плыл ли я, или превратился в буюк, одетый в тельняшку. Берег перестал надвигаться. Он был рядом, горбатый и темный...

Еще десять взмахов, еще пять...

И вдруг мерзкое, почти судорожное ощущение страха. Что-то длинное, цепкое скользнуло по моему животу и коленям. Я отчаянно рванулся вперед. Еще хуже. До сих пор я не верил рассказам

о нападениях осьминогов. Скользкие, бледные твари с клювами попугаев, которые попадались в сетях рыбаков, были слишком мелки, чтобы внушить страх. Но здесь, рядом с берегом, над камнями... И снова отератительное, ласковое прикосновение к животу и ногам... Кто-то осторожно и тщательно ощупывал меня.

И, только оторвав от горла тонкую плеть, я понял: подо мной были водоросли... Их огромные плети, поднимаясь со дна, образуют сплошные заросли, более высокие и глухие, чем тайга.

Для пловца такие встречи не страшны. Но что делать, если с кровью застыла воля? Никто не был свидетелем финиша. Я мог бы сказать, что моряк отряхнулся и, смеясь над испугом, догреб тихонько до берега. И это будет неверно!

Первым моим чувством был страх. Куда ни шло — захлебнуться волной, чистой, тяжелой. Другое — запутаться в скользких и крепких петлях, воняющих илом, биться и, обессилив, уйти на дно.

Страх, бесстыдный, подлый, жестокий, выбросил меня на поверхность и погнал к берегу, точно ветер. Я забыл о маяке, дяде Косте, даже Сачкове, барахтавшемся позади меня.

Берег! Он вытеснил все, о чем я думал минуту назад. Как собака с камнем на шее, я скулил и рвался к земле, коля воду и гальку неожиданно набравшего берега.

Помню, на четвереньках я вылез на остров, дополз до водорослей и, вырвав жесткий пучок, стал, сдирая кожу, растирать онемевшие ноги.

А потом вместе с теплом вернулись человеческое достоинство и стыд.

Первая мысль была о Сачкове. Он держался левее меня и должен был выбраться на северный край островка.

Я побежал вдоль берега, оклика я Сачкова. Ни звука... темнота... холод... звезды. Быть может, моторист вылез южнее?

Дважды обежав остров, я наконец увидел Сачкова. Он был всего в десяти метрах от берега и, как показалось мне, вовсе не двигался. Я окликнул его... Из

упрямства или от слабости Сачков не ответил на голос, а только мотнул головой.

Я влез в воду и схватил... шар. То, что представлялось в темноте головой моториста, оказалось большим стеклянным поплавком в веревочной сетке. Тысячи таких шаров, смытых штормами, блуждают во время путины у побережья Камчатки... Поплавок медленно подплыл к берегу, покачиваясь на пологой волне.

В это время я услышал скрип гальки. Кто-то низкий, в черном бушлате семенил по камням. Я окликнул смотрителя, но в ответ послышались собачий визг и звяканье бубенца: коза и собака подбегали ко мне одновременно.

Лайка ткнула мне в руку мокрый нос, отбежала и остановилась, проверяя, пойдут ли я следом за ней.

Потом она стала тявкать. Она звала к маяку, на восточную сторону острова, но я, все еще надеясь увидеть Сачкова, снова повернул к берегу.

Собака умчалась в темноту. Я медленно побрел вдоль тихой воды.

Лайка тявкала все настойчивей, все громче.

Она забежала вперед и ждала меня на восточном краю островка, у самой воды. Не видя причины собачьего беспокойства, я хотел направиться дальше, но лайка вцепилась зубами в край тельняшки. Она тащила меня прямо в море.

И тут я заметил Сачкова. Моторист лежал ничком в воде, метрах в пяти от берега. Очевидно, он настолько обессилел, что не смог подняться на скользких камнях.

Бедняга... Он выпил сегодня больше, чем за всю свою жизнь. Минут сорок я вытягивал и складывал ему руки, и с каждым взмахом изо рта моториста, как из хобота помпы, хлестала вода.

Наконец я услышал, как вздрогнуло сердце.

Сачков был холоден, неподвижен, тяжел, но веки уже дергались, и маятник потихоньку вел счет времени.

Я с трудом втащил моториста в створку и, прислонив к стене, стал искать спички.

Кто-то спал на топчане у печи. Я нащупал небритую щеку, пальцы, плечо. В кармане бушлата громыхнул коробок...

... Вспыхнула спичка. Ничего тревожного. Все, как прежде, весной. Фотографии портартурцев меж двух рушников, медная корабельная лампа на проволочке, самодельный, выскобленный добела стол. Чайник, кусок хлеба, две банки консервов. Видимо, хозяева недавно поужинали.

На топчане, уткнувшись носом в подушку, спал сменщик смотрителя. Странное дело — парень не снял даже сапог.

Круглые стенные часы, гордость смотрителя, пробили десять. Я зажег лампу и осмотрелся внимательней. Первое впечатление было, что сменщик пьян: так неестественна, напряженно-неловка была поза спящего... и, только встряхнув фонарщика за плечо, я понял, что он мертв...

Рот его был широко раскрыт, подушка искусана и облита какой-то зеленой, кисло пахнущей жидкостью. Искаженное, точно от удушья, потемневшее лицо и сведенные судорогой пальцы напоминали о тяжелой агонии.

Смотрителя в комнате не было. Спотыкаясь на скользких ступенях, я кинулся наверх.

Дядя Костя лежал на фонарной площадке. Стекла маяка были открыты, и часовой механизм жужжал, поворачивая круглый щиток. Возле смотрителя были рассыпаны спички. Видимо, еще днем, почувствовав себя дурно, дядя Костя пытался зажечь фонарь... А может быть, и зажег, но не смог закрыть ветровое стекло...

Смерть пошутила над дядей Костей, изуродовав усмешкой его доброе лицо. Брови старика были высоко вскинуты, один глаз прищурен, рот широко растянут. Казалось, он вот-вот зашевелится и проспит:

— Пойду, братки, поморгаю японскому богу.

Я наклонился к старику, и снова почувствовал дурной, едкий запах. Пятна высохшей рвоты виднелись на бушлате и железном настиле.

Обеими руками зритель держался за ворот. Пуговица была вырвана с мясом и лежала поблизости. Я сунул ее в карман.

Кровь токала в голову — мне было жарко. После ледяной ванны и возни с мотористом я соображал очень туго. Убиты? Когда, с какой целью? И ни одной царапины... Удушены? Кем? Ерунда.

Я спустился в пристройку, где хранились запасные горелки, флаги, ракеты, и раскрыл вахтенный журнал на 14 сентября.

«... 6 часов. Ясно. Ветер три балла. В четырех милях прошел китобоец. Курс—норд...»

...11 часов. Ясно. Две японские шхуны. Название не установлено. Курс — зюйд-ост...».

Угловатым стариковским почерком, похожим на запись сейсмографа, было отмечено все, что видел дядя Костя в тот день.

Танкер... Кавасаки.. Снабженец. Опять китобоец. Никаких происшествий... Вдруг я увидел запись:

«2 ч. пополудни. Обед обыкновенный. Гречн. каша, две банки рыбн. конс. Урюк. 2.50 — приступлено к текущим работам, как-то: окраска станины ветряка, расчистка двора!»

3 ч. — младший фонарищик Довгалева Алексей лег на койку, сказавшись больным. Резь в желудке. Рвота. Есть подозрение в части рыбн. конс. Приняты меры. Сознание ясное.

3.30 — те же признаки в отношении начальника маяка. Жалобы на огонь в желудке. Рвота. У Довгалева А. Н. — судороги, пена. Сознание ясное.

3.47 — потемнение в глазах. Синюха конечностей. Будучи спрошен о самочувствии, ответил: «Рано хоронишь... не вижу огня». После чего признаков не обнаружено..

Слово «признаков» было зачеркнуто, а сверху аккуратно написано: «пульса».

Дальше я не читал. Мне почудилось, будто вместе с туманом к острову приплыл пароходный гудок. Он звучал нетерпеливо, хрипло, ритмично. Или то жужжал, резонируя в башенке, часовой механизм?..

Маяк был мертв. Слепым, тусклым глазом он смотрел в темноту.

«Две вспышки на пятой секунде... Я помнил только одно: огонь!»

Но легче было зажечь бревно под дождем, чем огромную лампу с какими-то странными колпачками вместо горелок. Оплетенная медными трубками, неприступная и холодная, она отражала всеми зеркалами только свет спички. Из краников на руки брызгал не то керосин, не то смазка.

А гудок ревел все настойчивей, все тревожней... Огонь!

Теперь я уже различал иллюминаторы пароходов, выходявших из-за мыса Зеленого. Временами туман расходился, тогда открывались мерцающие цепи огней.

В коробке оставалось не больше пяти спичек. И вдруг я понял — маяк не зажечь. Возбуждение, охватившее меня при виде огней, сменилось ровным, спокойным упрямством.

Я спустился на площадку и стал складывать в кучу все, что накопил зритель: жерди, цыновки, доски, порожние ящики. Затем я подкатил бочку и старательно облил керосином всю грудку.

Огонь! Он поднялся выше мачт, выше маяка, к самым звездам. Теперь только слепые и спящие не заметили бы сигнала.

Я схватил обрывок смоленой сети, зажег и, поддев на бамбуковый шест, стал размахивать в воздухе куском огня.

IV

Что было дальше, помню плохо. Море стало раскачиваться, точно собираясь опрокинуться на остров. Маяк накренился. В воздухе поплыла какая-то чертовщина из стеклянных палочек и запятых.

Кричали птицы. Море клубилось теплым паром, я лез по винтовой лестнице в рассветное небо. Подо мной громоздились тучи, наверху, по чугунным, исшарканным ступеням, бежали цепкие ноги зрителя. Дядя Костя поднимался все выше и выше над морем, стал виден весь океан с дорогами ветра, с зелеными островами и кораблями, плывущими в разные стороны.

Потом лестница завертелась в башенке, как винт в мясорубке. Ветер сорвал с меня бескозырку. Обеими руками я схватился за перила и закурился в трубе.

Сколько времени длилось это, не знаю. Разбудил меня колокол. А когда я открыл глаза, то долго не мог понять, почему у меня такие длинные ноги. Внизу смутно блестела накрытая туманом вода. Временами клочья редели, тогда у моих ног открывалась полоска пены и черные камни. Постепенно я понял, что лежу ничком на фонарной площадке, просунув сквозь прутья решетки руки и голову. Как это случилось, не знаю до сих пор. Вероятно, под утро я полез на площадку и здесь свалился.

Теперь ветер отжимал туман к берегу. Ветряк кружился, старый колокол спрашивал басом туман:

— Был ли бой? Был ли бой?

Потом, замедлив удары, точно прислушиваясь к шуму моря, он отвечал важно и грустно:

— Дно-о... Дно-о... Дно-о...

Кажется, у меня начиналась горячка.

Помню, я спустился вниз, в сторожку, и стал наваливать на Сачкова одеяла, брезенты, полушубки, плащи — все, что мог найти на вешалке и в кладовой. После этого я надел почему-то резиновые сапоги и, стуча зубами, залез под тряпье. Я обнял Сачкова, соленого, мокрого, и вместе с ним поплыл навстречу «Чапаеву».

Остальное — сплошной винегрет. Стук катера, плеск воды возле уха, горячий дождь, ободок кружки в зубах. Чьи-то прохладные руки на голой спине и нудный запах аптеки. Я забыл имена, лица, время — все, кроме зажатой в кулаке пуговицы от бушлата зрителя. Почему-то мне казалось, что потерять пуговицу — потерять все.

Кто-то пытался уговорить, разжать кулак силой. Я жестоко боролся, ломал пальцы, кажется, даже укусил противника за руку. И победил. Пуговица осталась со мной. Я спрятал ее под матрац и доставал только ночью, оставшись один. Колокол, славный сторож, мой друг, гудел непрерывно, напоминая об опасности, не давая мне спать.

...А когда он умолк, я открыл глаза и увидел возле себя Колоскова. Он сидел на табурете, свежий, холодный, и старался завязать зубами тесемки. Из рукавов больничного халатика на целую четверть вылезали здоровенные красные ручищи.

И Сачков был тут же, серьезный, грустный, надевший впопыхах халат разрезом вперед. Он разглядывал меня с почтительным страхом, как сирота покойного дядю, и при этом громко сопел...

Я хотел спросить, что случилось, но Колосков зашипел и поднял ладонь.

— Все в порядке, — сказал он шопотом, — мы с доктором только-что вас осмотрели.

— Ерунда, — подтвердил Сачков, — мне сдается, ты здоровее, чем был.

— Я хочу знать...

— ...что нового? — подхватил Колосков. — Понятно. Из Владивостока привезли апельсины, кожура толстовата, однако, справляемся. Погода тоже ничего, баллов на шесть. Что еще? Боцман лечит зубы... Во втором экипаже дамы повесили зеленые шторы... Ничего, подходяще...

— А маяк?

— Завтра сборная отряда против сборной порта, — сказал торопливо Сачков.

— Где «Чапаев»? Я видел огни.

— Все в порядке... Левый край пришлось заменить.

— Перестань... Я спрашиваю, что на маяке?

Сачков замолчал, а лейтенант сильно заинтересовался мундштуком трубки. Он долго ковырял его спичкой и разглядывал на свет, потом медленно ответил:

— Занятный сон... Вы простудились на охоте... Помните — перешли вброд реку? Вы и того... А вообще... спать надо, Олещук... спать...

— Когда это было?

— Охота? Месяц назад.

Я молча полез под подушку и достал пуговицу, старую орленую пуговицу дяди Кости, обтянутую черным сукном.

Колосков посмотрел на нее и отвернулся.

— Вам это приснилось, — сказал он упрямо.

„Мир будущего“

НА НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ 1939 ГОДА

АЛЕКСАНДР КАЗАНЦЕВ

★

«ГОРОДА ГРЯДУЩЕГО»

Я огляделся вокруг. Ярко раскрашенные здания самых неожиданных, непривычных форм окружали меня. На их стенах в неестественных позах распластались непонятные фигуры. Каждое здание, каждая статуя, барельеф хотели быть «невиданными». «Мир завтра»! Я на выставке «Мир завтра». То, что окружает меня, — образцы новой архитектуры... Смотрю, и никак не могу почувствовать себя в будущем.

— Нет, сэр! Вы еще не видели самого главного! Трилон и перисфера! Шедевр архитектуры и строительной техники.

Мистер Бронкс, мой новый знакомый, очень ревностно следил за моими впечатлениями.

Мы были уже близко от центральной площади выставки. Гигантский шар, который вместил бы в себе восьмизатяжный дом, висел в воздухе. Построить дом в виде шара, да еще заставить его висеть на фонтанных струях, маскирующих зеркальные колонны, — это действительно ново и здорово, хотя, может быть, и не очень практично.

Если перисферу принять за гигантского Паташона, то трилон будет Патом. Ростом он 200 метров и представляет собой дом в форме трехгранной иглы. Вблизи эти фантастические здания подавляют, становится даже страшно за будущее, которое они олицетворяют...

Мистер Бронкс остался доволен моим растерянным видом. Выразил он это тем, что любовно стукнул меня по затылку. Взмахнув руками, я удержался на ногах и изумленно взглянул на своего нового друга.

Мистер Бронкс был занят теперь извлечением огня из собственной подошвы.

— Я не буду показывать вам всей выставки. Мы отправляемся к будущему.

По узенькому эскалатору мы поднимались в трилоне.

— Закройте глаза и приготовьтесь! Мы поднялись на пятьдесят лет вперед! — выкрикивал мистер Бронкс. — Сейчас выйдем на палубу дирижабля.

Сойдя с лестницы, я почувствовал, что пол перисферы, где мы оказались, движется куда-то вбок. Мы облокотились о перила и поехали вправо.

Вверху горели звезды. В небе — густом, черном — плыли неясные облака.

— Что такое? Ведь на улице был день!

— Это пятьдесят лет назад был день! Я смотрел вниз. В километре под ногами я увидел рассыпанные огни, темносиние воды реки. Слышались музыка и голос. Постепенно светало. Прозрачные облака стали отчетливее.

Внизу, под нами, был город. Он лежал сектором круга между излучинами реки. На другом берегу я различил огромный аэродром. На нем стояли самолеты каплевидной формы. У примыкавшего к аэродрому речного вокзала я за-

метил суда, напоминавшие спины дельфинов.

Центральная площадь города омывалась рекой. К площади примыкал стандартный американский Импайер-стейт бильдинг этажей так в сто. Прямо от него шла широчайшая «парк-авеню», разрезая город пополам. Остальные авеню шли радиусами от центра. Стриты ровными концентрическими дугами пересекали их на другом уровне, исключая задержку движения. В каждом квартале стояло только по одному модернизированному небоскребу. Пригородные шоссе и улицы были усеяны мельчайшими точками. Это были автомобили.

Фантастический город удалялся от нас, утопая в наступающих сумерках. Снова высыпали в небе настоящие звезды. Мистер Бронкс тряхнул меня за плечо. Я вздрогнул. Движущаяся платформа завершила полный круг. Мы проехали всю перисферу. Надо было уходить, а не хотелось...

Мы спустились. У подножья перисферы я увидел изящные электрические тележки. Водители, склоняясь к пассажирам, давали им пояснения. Тележки лавировали между пешеходами. Мне понравились эти своеобразные «такси».

— О! — воскликнул мистер Бронкс. — Сейчас мы это устроим для вас.

Он пронзительно свистнул и замахал рукой. Перед нами выросло кресло на двух колесах. Сзади него стоял молодой человек в роговых очках.

— Садитесь! — сказал мистер Бронкс, взгромождаясь на кресло. Я опешил. У кресла не было мотора. Такое же безмоторное кресло проехало мимо. На нем сидели, развалясь, два толстяка с сигарами в зубах. Кресло толкал перед собой коренастый молодой человек с интеллигентным лицом.

— Позвольте! Это же рикши! — не выдержал я.

Мистер Бронкс непонимающе посмотрел на меня.

— Садитесь! — повторил он. — Мы объедем выставку и не устанем.

— А он? — спросил я, не сдержавшись.

— Так ведь он получает за это деньги. Делает свой бизнес.

— Как китайский или японский рикша?..

— О нет! Там вас везет не больше чем лошадь, а здесь перед вами человек с высшим образованием. Он вам все пояснит, коснется философии, даст полезный совет и в то же время незаметно перенесет вас с места на место. Это сервис, сэр!

Рикша непонимающе слушал нас. Я забыл сказать, что мистер Бронкс, как и многие нью-йоркцы, прилично говорил по-русски.

Из-за моего непонятого Бронксу упрямства так мы и не поехали на «рикше».

— Вы просто не дали человеку заработать, — пожал он плечами.

Мы оказались между двумя фиолетовыми зданиями. По стенам одного из них било несметное количество фонтанов, по стене другого низвергался водопад.

Внутри павильона нас неожиданно поглотила темнота. Я едва разглядел плотную толпу людей, а за ними беспорядочный узор огней. Приглядевшись, я разобрал, что это были светящиеся окна небоскребов. Значит, вот она, знаменитая диорама Нью-Йорка! Мистер Бронкс шепнул, что она занимает целый блок (квартал), что здесь десяток тысяч светящихся окон. Голос через репродуктор непрестанно объяснял, чем станет в ближайшее время Нью-Йорк, какие новые здания появятся в нем, какие новые линии сабвея заменят надоевшую всем надземку, которую нельзя было снять, так как ее владельцы приобрели на много лет право ее эксплуатации.

Тем временем появился свет, настал «день», и я увидел город. Справа был Гудзон (Хэдсон-ривер, как его в действительности зовут нью-йоркцы). Он показался мне непропорционально узким.

Голос смолк, и я услышал скрип. В разрезе массива острова Манхэттен, в туннелях сабвея, двинулись маленькие поезда. Они проходили мимо нас, задерживались на станциях, — мрачных, сырых подземельях, — поднимались, опускались, исчезали. Контакты искрились и поскрипывали. Наконец поезда оста-

новились. На небоскребах стали отодвигаться стены, и мы увидели больницу, спортивный зал, школу... Свет на панораме погас, сеанс закончился.

— Это будущее Нью-Йорка с высоты аэропланного полета. Но Нью-Йорк — старый город. Мы не можем его перепланировать и перестроить, как это вы делаете с Москвой. Ведь дома его принадлежат частным лицам. Сейчас мы посмотрим город, какой нам хотелось бы иметь.

Мы очутились в фантастическом параболоидном здании.

— Человек прикован к месту, дом его неподвижен. Это скучно. Имея прекрасные автосредства, можно перевозить свои дома.

Мистер Бронкс показал мне, как осуществляются эти цыганские идеи в американском будущем. Коттеджи не желающих скучать хозяев утром развозятся по облюбованным местам: на берег речки или в лес (с платой за однодневное пользование специальному землевладельческому концерну). Ночью же, утомленные дневными прогулками, американцы «завтрашнего дня» садятся в удобные кресла около электрических каминов и едут вместе со своими столовыми, кабинетами и спальнями в ночлежное место, где домики их укладываются поленицей, образуя неизменные этажи...

— А вот большой город будущего! В Нью-Йорке небоскребы отнимают много света. Улицы — узкие щели. Стоимость квартир тем дороже, чем выше этаж. Мы решили теперь строить небоскребы по-иному. Располагаем их далеко друг от друга. Смотрите.

Я убедился, что небоскребы отныне будут строиться в узловых точках квадратов, на которые разбивается город. При этом квадраты физически существовали в виде проходящих на разных уровнях эстакадных дорог для автомобилей. Эти дороги пронизывали небоскребы насквозь.

— Там, внутри, на специальных местах кары могут парковаться, не задерживая общего движения.

— То-есть? — переспросил я.

— Автомобили будут там останавливаться, — поправился Бронкс.

Внизу, под эстакадными дорогами, раскинулись парки.

Я вышел из параболоида с полным сознанием того, что американцы ни за что не откажутся от многоэтажности.

— Чтобы почувствовать будущее, чтобы прыгнуть дальше, надо отойти назад. Так? — И мистер Бронкс с присущей ему ловкостью схватил меня за нос.

Ошарашенный, я увидел перед собой часы, с бешеной скоростью вращавшиеся назад!..

Мы миновали ярко освещенный коридор и оказались во мраке. Тишина. Я огляделся. Посетителей не было. Передо мной стоял усатый полисмен, сбежавший с иллюстрации к рассказам Марка Твена. Я попытался и увидел, что вышел из «театра». Так, по крайней мере, гласила вывеска над дверью, в которой стоял еще Бронкс. Я был на мощеной булыжником улице. Напротив торчал старый телеграфный столб. Где-то тихо гудели провода, а над ними чернело небо... Мы оказались в старом-старом городе. Бронкс ткнул пальцем в афишу. «19 сентября 1891 года» — прочел я дату и почувствовал себя, как янки при дворе короля Артура... Откуда-то издали донесся приглушенный лай. Прогромыхла телега, цокали подковы. Пронзительно тоненько засвистел паровоз. Приближался звук поезда... Вот сейчас вынырнет откуда-нибудь первобытный паровозик «Джон Буль»... Я нескромно заглянул в окна домов... Люди прошлого сидели среди старинной обстановки и занимались минувшими делами... Хозяйка готовила пятьдесят лет назад с'еденный обед, ученик зубрил в прошлом веке забытый урок... В витринах магазинов до смешного старомодные вещи. Из полуоткрытых дверей ресторанчика выползает стариннейший вальс. Признаюсь, я был полон очарования ожившей старины.

Мистер Бронкс тянул меня за собой. Мы вошли в дверь какого-то офиса. За древней конторкой сидел человек в старомодных очках и прилежно писал в толстой книге. Мы тихо прошли мимо. Мне было страшно, что он вернет меня в прошлый век...

Узенький коридор. В иллюминаторах с бесконечно отражающимся стеклом видны надписи. 1900-й год. 1905-й... 1914-й... 1920-й... Наконец 1939-й... 1940-й...

Впереди светлое пятно. Мы повернули за угол и оказались на другой улице... на улице будущего. Меня захватили новые звуки. Шорох бесчисленных шин. Непрестанные гудки. Асфальтовая улица зажата стеклянными стенами. Слепящий электрический свет. В перспективе—небоскребы с несущимися во втором этаже улицы машинами. Из туннеля, представляющего собой перекресток улиц, выезжают великолепные обтекаемые автомобили завтрашнего выпуска «Крейслер», «Плимут»... В окнах магазинов вещи, которые будут покупаться в «Мире завтра». Здесь я ожидал увидеть всю широту американской рекламы, но... Все показалось мне бледным в полупустых витринах и мало отличалось от виденного на «сегодняшнем» Бродвее. Однако в витринах было без числа вещей электрифицированного домашнего быта. Разгадка была проста. Оказывается, павильон принадлежал электротехнической компании, заинтересованной в рекламе лишь собственных вещей...

Дома этой улицы будущего мне не понравились. Тем же изживающим себя искусством повеяло от них, как и от разноцветных претенциозных павильонов выставки.

Какая замечательная мысль—сопоставить два города! Как жаль, что город будущего выглядит таким прошлым!..

ТЕХНИЧЕСКАЯ МАГИЯ

— Теперь в павильон фирмы «Дженерал Электрик»! О кэй?

Я покорно отправился за своим гидом. По дороге мы увидели огромную нефтяную вышку. Я остановился восхищенный. Это была подлинная вышка. На территории выставки работали настоящие машины, по-настоящему вгрызались в землю американские замечательные буры... Форсированно шло действительное бурение. Я простоял бы

здесь и час, но мистер Бронкс повлек меня дальше.

Мы вошли в огромный демонстрационный зал. Он был высотой метров в тридцать. Публика находилась на возвышении, отгороженном сетью проводов, игравших роль громоотводов. Почти в самый потолок зала упирались два конденсатора высокого напряжения. Сзади них стояли трансформаторы со светящейся газотронной установкой.

Начиналась демонстрация. С полу, на специальной выдвигающейся площадке, подняли модель трилона и перисферы. Между висевшим под потолком шариком и перисферой с треском проскочила двухметровая молния.

Следующий разряд должен был произойти на расстоянии метров десяти. Публика приготовилась, стараясь не вздрогнуть... Щелчок отдался эхом и прокатился маленьким громом. Американки взвизгнули.

Делались спешные приготовления к самому эффектному номеру. Люди забрались по лестнице в изолированную будочку. С легким, хорошо слышимым треском загорелись газотронные лампы. Мерно жужжали трансформаторы. Голос из репродуктора объявил: «20 миллионов вольт!!!» Прокатился рокот восхищения. Одновременно в трех точках зала стали подниматься металлические стержни с небольшой, металлической же, перекладиной. От каждого из стержней тянулась проволока. Стержни подняли перекладины на высоту метров десяти и остановились. Перекладины имели на концах перпендикулярно поставленные к ним острия. Острия с легким треском стали светиться, а перекладины медленно вращаться. Сказывалось реактивное действие электрического разряда. Отдача срывающихся с острия электронов заставляла его двигаться в противоположном направлении. Шипение усиливалось. Вместе с тем ускорялось вращение перекладин. Теперь я заметил, что светятся не одни только острия. Ведшие к ним провода походили на огненные гирлянды. Все быстрее вращались перекладины, все ярче становилась фантастическая огненная бахрома на проводах, все громче становился несмолкаемый треск.

Первый удар потряс весь огромный зал. Зигзагообразные колеблющиеся молнии сорвались со всех трех переключателей и соединились в одной точке под потолком. В следующую секунду огненные ленты порвались и тотчас появились вновь, соединив переключатели в новой комбинации. Вращение переключателей теперь стало бешеным. Зал трясся от пушечной канонады, сопровождавшей при каждом обороте появление огненных вьющихся змей. Они скакали с одного острия на другое, выписывали ослепительные вензеля, непрестанно соединяя три фазы высокого напряжения то на «звезду», то на «треугольник». Глазам больно было смотреть на эту вакханалию молний, рожденных человеческой техникой.

Последний удар—и все смолкло. Американцы вынимали сигары. Мистер Бронкс многозначительно щелкнул языком.

— А теперь техническая магия!

И мы отправились в другой демонстрационный зал «Дженерал Электрик».

Мы оказались в... театре. Удобные кресла в партере. Сцена с поднятым занавесом. На сцене непонятные приборы. Наконец между ними появляется молодой человек, отрекомендованный, как «доктор технических наук», — и началась демонстрация «технической магии».

Прежде всего «доктор технической магии», изменяя освещение зала, заставил зрителей превращаться то в нормальных людей, залитых солнечным светом, то в бледные привидения, то в фантастические существа со светящимися ногтями. Глаза у милovidных американок горели, как у волков, а сами они взвизгивали от ужаса, по привычке заглянув в глаза своих мирных соседей...

Потом «доктор» занялся диском с нанесенными на нем разноцветными фигурами. Сначала он закрутил его с колоссальным числом оборотов, а потом, освещая его различным светом, заставлял появляться те фигуры, которые можно было видеть только при неподвижном диске. Светом он словно останавливал быстро вращавшийся диск или вызывал

на диске самые разнообразные сочетания линий и красок.

Затем он перешел к телеуправлению (к управлению на расстоянии). На столе стояла маленькая модель электровозика. «Доктор», говоря в телефонную трубку, заставлял его то двигаться назад и вперед, то останавливаться. Он разъяснил, что аппаратура реагирует не на слово, а на количество слогов в нем. Покончив с «магически» послушным электровозиком, «доктор» перешел к «магической» радиоле.

С помощью фотоэлементной передачи он заставлял играть одну радиолу, в то время как пластинка была вставлена в другую. Связью служил пучок света. По желанию перегораживая его, «доктор» прекращал звук, проделывая самые невероятные ритмические фокусы с передаваемой музыкой.

Наконец «доктор» заставил большую серебристую чашу повиснуть в воздухе над электромагнитом. Он словно возродил мечтания Уэльса о «кэворите» — материале, не пропускающем силы тяготения, с помощью которого Уэльс отправлял своих героев на луну, или мечту старых ученых об отталкивающем магните. Серебристая чаша, покачиваясь, парила в воздухе.

На этом «эстрадное» выступление науки закончилось, и мы перешли в следующее отделение павильона.

— Мистер Кэзэнтсэв, выпейте воды.

— Что вы, мистер Бронкс, я не хочу.

— Нет, вы все-таки попробуйте!

Пришлось подчиниться. Я наклонился над фонтанчиком, пытаюсь отыскать кран, но вода сама ударила мне в глаз, едва я приблизил свое лицо.

— Фотоэлемент, — заметил мистер Бронкс.

Потом он провел меня к маленькой сцене, на которой нам предстояло увидеть самых необыкновенных в мире артистов. Это были умывальник (совсем как Мойдодыр), плита и шкаф. Они вели между собой оживленную беседу, наполняя «магическую кухню» гомоном не меньшим, чем бывает на многоквартирной кухне. Затем плита возмущенно повернулась спиной, и вместо нее на сце-

не оказалась самая совершенная электрическая плита. Неудобно ей было как-то в столь старинном обществе, и, спустя несколько минут, умывальник обернулся электрической судомойкой, а шкаф — ослепительно белым электрическим рефрижератором! Они продемонстрировали нам все свои способности: сварили кушанье, вымыли посуду, закрыли свои дверцы и хором исполнили хвалебный гимн всемирной фирме «Дженераль Электрик».

— О, вы не знаете, что такое иметь электрическую плиту! — сказал мне мистер Бронкс, когда мы остановились с ним около новейшего телевизора. — Слушайте, я вам сейчас расскажу. У меня есть такая плита...

И мистер Бронкс исчез. Удивленный, я оглянулся, но его и след простыл. Чтобы не потеряться, я решил стоять на месте и, кстати, стал разглядывать телевизор. Это был изящный шкафчик. На откинутой крышке помещался экран величиной с нормальный лист бумаги.

— Я знаю час, когда вернусь. Я хочу есть горячий домашний обед. Но дома у меня нет никого. Я ставлю кастрюлю, наливаю в нее воды, кладу мясо. Укладываю на сковородку свой бифштекс и ухожу... Придя домой точно в назначенное время, я нахожу свой вкусный обед готовым и горячим.

Что за чертовщина! Что за шутки выкидывает этот Бронкс. Но тут я поглядел на экран телевизора и увидел... Бронкса! Я увидел его улыбающееся лицо и продолжал слышать его голос.

— Это потому, что моя плита снабжена реле времени. Уходя, я поставил его на определенный час, рассчитав, в продолжение какого времени понадобится огонь!

Через несколько секунд смеющийся Бронкс был около меня и, в знак того, что это он сам, а не его изображение, угостил меня затрепанным.

— Ведь здесь есть телевизорная студия для всех, — пояснил он. — А теперь к Вестингаузу! Вы увидите нечто необыкновенное!

В предвкушении необыкновенного я все же никак не мог притти в себя от

столь общей для многих американцев манеры обращения.

— Смотрите! Перед нами «бомба времени»! Через пять тысяч лет наши потомки выкопают ее из-под земли и увидят, чем жили их предки, то-есть мы с вами, мистер Кэзэнтсэв!

Мы подошли поближе к толпе людей, стоявших перед павильоном фирмы «Вестингауз». В застекленной витрине я увидел двойника, копию закопанной «бомбы», разрезанную вдоль, чтобы можно было убедиться, что заключено внутри. Тут была и полная британская энциклопедия, и фотоаппарат, дамская модная шляпа и все издающиеся в Америке газеты. Библия, электрическая бритва, киноаппарат, несколько кинофильмов, инструкция для пользования, патефон, модные сигареты «Кэмел» и еще куча предметов американского обихода, которых не перечтешь. Перед витриной виднелась горловина глубокого колодца, где была погребена подлинная посылка, адресованная нашим потомкам. Американцы посылали в века «предметы роскоши и благополучия», скромно оставив для настоящего нищету, бесправие и эксплуатацию. Неплохо было бы увидеть среди прочих предметов в бомбе макет фанерной конуры — «особняк» безработного, веревку, которой линчуют негров, и белый балахон Ку-Клукс-Клана.

Но зачем думать о неприятном? Выставка создана, чтобы развлекать.

— А теперь вы увидите электромеханического человека, который курит! — радостно заявил мне мистер Бронкс.

Мы вошли в павильон. Прямо на возвышении стояло чудовище с четырьмя конечностями и круглой страшной головой. Это был гибрид водолаза, средневекового рыцаря и цистерны. Грудь была пуста и имела окошечко. За стеклом была лампочка, зажигающаяся каждый раз, как только «робот» получал приказание по телефону. Показывающий это чудовище американец предложил своему питомцу рассказать о себе. Питомец, совсем невпопад открывая рот, принялся рассказывать, что он мотоэлектрический человек, умеет ходить, поднимать руки, сгибать пальцы, разговаривать, различать цвета и, главное, — курить!

Затем способности робота были продемонстрированы. В животе у него загоралась лампочка, после чего он довольно неохотно начинал повиноваться. Поднимал руки, сгибал пальцы с легким пощелкиванием. Потом к его «глазам» подносили разноцветные фонарики, робот громкоговорительным голосом называл их цвета. При этом на красном цвете он заупрямился: так и не сказал ни слова, как ни уговаривал его в телефонную трубку проворный американец. В рот роботу всунули сигаретку, и через определенные промежутки времени он стал выпускать дым через дырки в носу и во рту. Зрители умилились. Сигаретку вынули, но здесь произошел опять казус. Несмотря на отсутствие папиросы, робот продолжал выпускать неизвестно откуда бравшийся дым. Это привело присутствующих в еще больший восторг.

Представление было закончено. Робота повернули, как паровоз на поворотном круге, и он двинулся, перекачивая на колесиках свои тяжелые ноги.

Теперь я заметил, что возвышение представляло собой замаскированное помещение. Там была сосредоточена исключительной сложности автоматика, где все последние достижения телемеханики были поставлены на службу прубому оживлению промоздкого подобия человека, призванного переносить американцев в желанное «завтра» из столь беспросветного «сегодня».

На эскалаторе мы поднялись во второй этаж. Над нашими головами с шумом проносился гигантский маятник, приводимый в движение огромными пещеными часами.

Мы попали в зал всевозможных диковинок. Многие из того, что демонстрировалось у «Дженераль Электрик» в театральном помещении, было выставлено здесь для обозрения, а главное, для непосредственного включения самими зрителями. Известно, что американец ничего так не любит делать, как что-нибудь трогать или включать. Здесь он мог заставить вращаться крохотный двигатель, направив на него свет, вызвать пронзительный звонок, засунув руку в кассирское окошечко, качнуть контакт-

ную пружину, сделанную из особого материала, не имеющего инерции,—пружина возвращалась на место и останавливалась, как вкопанная.

— Спорт, сэр! Его одинаково любят и в Америке, и в России!

Я не понял, к чему клонит мистер Бронкс.

— О-о! Вы увидите состязание сегодняшнего и завтрашнего дня!

На подмостках стоял стол и ослепительно белый электрический прибор вроде шкафа. На сцене находились две дамы — одна была без чулок и в клечатом переднике, другая оделась со всеми претензиями моды. Рядом с ними разбитной молодой человек держал микрофон и пронзительным, за душу хватающим голосом передавал ход состязания.

Каждой даме дали по стопке добросовестно испачканных тарелок, чашек и груды ножей, вилки и ложек. Одна из них должна была мыть все это обыкновенным способом, а другая—сложить в электрический шкаф для мытья посуды.

Дама без чулок развила чудовищные старания, поднимая бурю пены и нещадно колотя, к восторгу зрителей, тарелки. Дама в чулках села читать книжку, изредка поглядывая на прыткого молодого человека, сообщавшего в микрофон, сколько тарелок вымыто и сколько разбито.

В итоге с триумфом победил электрический шкаф и его хозяйка с книжкой. Удовлетворенные зрители расходились, уверенные в победе завтрашнего дня над сегодняшним и в необходимости приобретения электрических шкафов у фирмы «Вестингауз».

Мы спустились еще в один зал. Пользуясь правом каждого посетителя, мистер Бронкс уселся в имитированное кресло вагонного водителя и продемонстрировал открывание дверей, езду, пуск и торможение маленькой модели самого совершенного трамвая в мире—«Писси».

Но действительно интересное было в самой настоящей тележке натурального вагона, копировавшей все задаваемые маленькому трамваю движения. Моторы

автоматически включались, колеса вертелись, и в нужную минуту начинали действовать тормоза.

Мистер Бронкс с увлечением нажимал кнопки. Когда он встал со своего места, его сменил десятилетний малыш.

ДОРОГА И АВТОМОБИЛЬ

— Сегодня мы увидим с вами американский автомобиль! — сказал мистер Бронкс, явившись с опозданием на пятнадцать минут к условленному месту на Пятом авеню, около Амторга. — Хэлло! — И он протянул мне руку.

Поздоровавшись, я многозначительно вынул часы. Мистер Бронкс не смутился. Стукнув меня по плечу, он засмеялся.

— Кажется, я заставил вас ждать?

— Да. Шестнадцать минут.

— Это не так уж много! — И с невозмутимым видом он повлек меня к станции Пенсильвания.

— Десять центов — десять минут! Вместо сорока на сабвее! Заработаем время!

Нас пропустили в поезд без всяких билетов. Ни один контролер не тревожил нас, и через восемнадцать минут, вместо обещанных десяти, как возвещали многочисленные рекламы, мы были на территории выставки.

— Вот павильон фирмы Коти, — говорил на ходу мистер Бронкс. — Здесь посетители бесплатно могут надушиться и познакомиться с производством дуков. Вот павильон медицины. Механический хирург делает операцию механическому пациенту! Блестящее техническое достижение. Пациент дышит и корчится под простыней. Другие экспонаты познакомят вас со строением человека и секретами медицины.

Я готов был уже остановиться, но мистер Бронкс ринулся дальше.

— Сегодня мы начинаем с самого замечательного павильона на выставке — с «Дженераль Моторс»! О кэй, Алэк? — И он вопросительно посмотрел на меня. — Позвольте вас так называть. В Америке это принято.

Несмотря на ранний час, нам пришлось стать в очередь. Хвост тянулся

по длинным наклонным и открытым коридорам, красиво обрамлявшим «обтекаемое» здание «Дженераль Моторс».

— Культура и мощь страны — в ее средствах передвижения! — объяснял мне Бронкс. — Современная Америка — это страна дороги и автомобиля. Когда автомобиль доступен, промышленные центры приближены друг к другу. Благодаря этому страна достигла такого изобилия... такого изобилия, что мы сами не можем его потребить...

Стоявший перед нами американец обернулся.

— Нет, сэр. Право, американцы сумели бы потребить все это «изобилие», если бы только к нему имел доступ каждый.

Бронкс рассмеялся:

— Он прав! Мне не приходила в голову такая мысль!

— Да, да... Один имеет все, другой ничего, а пятнадцати миллионам американцев нечего делать...

— Но как же быть иначе?

— Сходите в советский павильон. Вери найс. Прекрасный павильон. Обязательно сходите.

Разговаривая, мы вошли в фантастически освещенный зал с причудливыми переходами, по которым шли теперь два потока людей. Вдоль стены непрерывным конвейером двигались двухместные кресла. Дюжие американцы в формах павильона «Дженераль Моторс» усадили нас с Бронксом в одно такое кресло, и нас понесло неведомо куда — в темноту. Невольно затаив дыхание, я приготовился к новым сюрпризам и вдруг услышал, что кто-то говорит мне на ухо. Я вздрогнул от неожиданности. Таинственный голос говорил по-английски.

— Это репродуктор в спинке, — шепнул Бронкс и стал быстро переводить.

Перед нами лежал ландшафт Америки. Рельефный, перерезанный великолепными дорогами.

— Вот она, Америка. Вот они, наши знаменитые дороги. Они подобны венам, по которым течет кровь страны непрерывным потоком американских автомобилей.

Не знаю, говорил ли Бронкс от себя или только переводил. Кресла все дви-

гались, а голос рассказывал про замечательные места, которые мы проезжали. Картины менялись: горы, равнины... По великолепным дорогам мчались крохотные машины. Нам встречались городки, заводы, реки с ажурными висячими мостами, возделанные поля, аэродромы, коттеджи, газolinные станции и снова дороги на эстакадах или в форме застывшей бетонной реки, упрямо разрезающей прерии, холмы и горы.

Мы видели перед собой завтрашнюю Америку, где все, что характеризует ее сегодня, было возведено в квадрат, в куб, в десятую степень...

— Сейчас 1960-й год, — тихо сказал Бронкс.

Я смотрел на город будущего, словно пролетая над ним.

Неизменные небоскребы возвышались, как зубья опрокинутой бороны, охватывая четырехугольное пространство, заполненное парками и красивыми водоемами.

Последний раз мелькнул перед нами ландшафт будущей Америки, и мы выехали в Америку сегодняшнюю, где два совершенно осужденных американца недвусмысленно предложили нам сойти с кресел.

Бронкс хлопнул меня по спине и сказал:

— Вы это прочувствуйте, Алэк! В этой футураме Хигвэйса и Горизонса 35 тысяч квадратных футов, 500 тысяч домов и строений, миллион деревьев и 50 тысяч движущихся моделей. Она предвосхищает собой тип будущей дороги, не имеющей пересечений. Она дает нам подлинную картину нашего будущего!

— Послушайте, мистер Бронкс... — начал я после минутного колебания.

— Зовите меня Джим... У нас так принято.

— Ну, хорошо, Джим. А в этой завтрашней Америке... у вас все будут иметь работу?

— Не знаю, — задумчиво сказал Бронкс. — Наши ученые говорят, что без резервной армии рабочих не может существовать промышленность. Хотя

пример вашей страны опровергает это, так же, как и многое другое... Во всяком случае, — перешел он на шутливый тон, — лично я к тому времени рассчитываю получить работу.

— Как, Джим, разве вы не работаете?

Бронкс пожал плечами.

— Работал... временно... Пока строились эти павильоны... Я — механикер-инженер... В течение нескольких месяцев я имел возможность приходить на одно строительство и включать моторы, а остальное время осматривать павильоны. Потом уволили. Профсоюз потребовал замены меня своим членом.

— Разве вы не состоите в профсоюзе?

— О! Это не так легко! Один вступительный взнос 300 долларов, а только через три года рабочий получает право на работу низшей квалификации вне зависимости от того, что умеет он делать... Однако смотрите! Вот перед нами все новейшие марки автомобилей фирм, объединенных «Дженераль Моторс».

Я внимательно посмотрел на Джима. Он был выше меня, широкоплеч. У него было худое, чисто выбритое лицо с выдающимися скулами и умными глазами. Все олицетворяло в нем неиспользованную силу.

— О кэй! Покончим с этим! Фирма «Дженераль Моторс» производит половину всех выпускаемых в Америке автомобилей. Такие прекрасные марки, как «Кадиллак», «Шевролье», «Бюик», доведены сейчас до совершенства. Если бы создатели этих машин могли видеть их сегодня.

— А где они? Разве их нет в живых?

— Таков уж жизненный закон... Инженер Бюик продал свой патент «Дженераль Моторс», сам же умер в нищете... Имя его осталось в одной из лучших марок автомобилей, на которой «Дженераль Моторс» заработал не один миллион долларов... Как это ни странно, но та же участь постигла и инженера Шевролье. Он тоже продал свой патент «Дженераль Моторс», а умер, не имея чем заплатить за квартиру...

Мы прошли в зал, заполненный замечательными автомобилями. «Понтиак», «Ольдсмобиль», «Лассаль», «Шевролье», «Бюик», «Кадиллак»... Все они в своем полированном блеске и обтекаемом великолепии, с рукояткой скорости на руле, со скрытой подножкой, с модными, разрезающими воздух ножевидными радиаторами гордо олицетворяли собой Америку сегодняшнего, завтрашнего и любого другого дня.

Американцы любят познавать вещи, а особенно технические, в их самой сокровенной сущности. В этом салоне автомобилей все было к их услугам. Один из автомобилей был сделан из прозрачной пластмассы. Он стоял, словно просвеченный рентгеновскими лучами, и каждый винтик в нем, каждая пружинка были видны посетителю. Другой автомобиль, имевший спереди и сзади по цапфе, медленно поворачивался вокруг горизонтальной оси, давая возможность изучать себя со всех сторон.

Мы спустились в нижний зал не на эскалаторе, на котором можно было только подниматься, а по обыкновенной лестнице. Над нашими головами медленно вращался пропеллер гигантского авиационного мотора.

Царство дизеля. Здесь главенствует двухтактный дизель. Он завладел морскими судами, лодками, легковыми автомобилями, гороподобными грузовиками и стационарными установками. Завершением всего являлись гигантские красавцы-тепловозы, в одном из которых, через стеклянную стенку, можно было видеть работу разрезанного по оси цилиндров двухтактного дизеля мощностью в четыре тысячи лошадиных сил.

Уходя из павильона, я оглянулся на стоявший на улице обтекаемый гигант. Казалось, что он сейчас ринется за нами вслед со скоростью, превосходящей 100 миль в час, унося американского посетителя из страны беспросветной безработицы и застоя в довольно туманное будущее.

— Теперь, конечно, старик Форд! О кэй?

Мы вошли в вестибюль со стеклянными стенами, вдоль которых стояли ав-

томобили. Я пригляделся и не мог сдерживать улыбки.

— Перед нами весь музей старика Форда!

С интересом я знакомился с эволюцией фордовского автомобиля, начиная со смешной каретки, построенной Генри Фордом еще в прошлом веке. Посреди павильона стоял кроваво-красный обтекаемый «Линкольн». Я удивился.

— Джим! Разве «Линкольн» фордовский?

— Конечно. Старик Форд получил еще и «Меркурия». Он ведь настоящий американец. Он начал с маленькой мастерской, в которой ему помогала миссис Форд. Это он показал Америке, как надо делать настоящий стандарт! О! Генри Форд — американский технический гений! Его даже хотели избрать президентом во времена процветания.

— А сколько получают рабочие на предприятиях Форда?

— Да, хотя старик в теории и проповедует высокую заработную плату, его рабочие все же получают меньше, чем в других компаниях. Он на работу принимает только неорганизованных рабочих. Но зато он делает дешевые автомобили и не прибегает к помощи банков... Он, несомненно, передовой предприниматель и политик...

— Кажется, именно Форд возглавил когда-то антисемитскую кампанию в Соединенных Штатах?

Мистер Бронкс смутился.

— Это верно, Алэк.. Вы рассуждаете, как посторонний наблюдатель. Нам же, американцам, трудно отрешиться от преклонения перед удачей... или способностью разбогатеть...

Мы прошли в главный зал павильона. Слева от нас с грузной медлительностью вращался крупнейший конус; на вершине его стоял, как идол-божество религии американизма, сверкающий, маяющий и доступный фордовский автомобиль!

Склоны конуса были покрыты восхитительными фигурками и макетами. У подножья конуса уморительный негр, налегая на пневматический молоток, добывал руду. Чуть выше по склону, в до-

менных и мартеновских печах, она превращалась в металл. Еще выше—металл в форме раскаленных кусков затягивался валками прокатных станков, превращаясь в нужные для автомобиля профили. Конус поворачивался, и перед нашими глазами, у его подножья, медленно проходил процесс добычи сырья и для резиновых покрышек, и для небьющегося стекла, и для подушек, и для проводов магнето... Последовательные операции технологических процессов всех отраслей промышленности, обслуживающих автомобиль, сходящимися лучами поднимались вверх. Деревянные, сделанные с большим юмором, человечки, перерабатывали сырье в полуфабрикаты. Полуфабрикаты поступали в станки, прессы. Детали шли на конвейеры, стекаясь в конце-концов к подножью великоколенного «форда» выпуска 1939 года.

Напротив «конического автомобильного алтаря» стояли настоящие машины, прессы, станки. Перед посетителями изготовлялись части автомобиля, демонстрировался подлинный технологический процесс. Безукоризненно одетые джентльмены обслуживали эти сверкающие хитроумные машины и рассчитанными движениями демонстрировали их работу.

— Смотрите, Алэк! Старик Форд никогда не боится показывать свои методы и достижения. Он говорит: «Все, что вы видите у меня сегодня, завтра для меня будет только «вчера».

Выйдя из главного зала, мы оказались на галерее, где стояли выпускаемые стариком Фордом автомобили.

Да, старик Форд давно уже оторшился от старых традиций, будто самое главное в автомобиле — его доступность. Современный «форд» не напоминает больше своих славных предков, он не отличается внешне от респектабельных «шевролье», «крейслеров»... У него такая же ласкающая глаз форма. У него модный радиатор, закругляющийся от вертикального ребра. В Америке все качества автомобиля забудутся, если радиатор его устарелой формы. Кажется, единственной фирмой, упорно не считающейся с модой, является «Рольсройс». Эти традиционно-миллионерские

машины попрежнему кичатся своими острыми углами и прямой лобовой плоскостью радиатора. Еще бы! Ведь это английская машина! Англичане же во всем консерваторы.

— Американец только тогда убеждается, что машина хороша, когда сам возьмет ее в руки, — сказал мистер Бронкс. — Хотите, Алэк, сами проехаться вот на этой машине? — И мистер Бронкс похлопал по ослепительному корпусу лимузина. Я замаялся.

— К сожалению... видите ли, Джим... Я не блестяще владею рулем...

Джим не понял меня. Как это так? Человек не умеет управлять автомобилем? Может быть, я скажу еще, что не умею держать в руке карандаш? Словом, мистер Бронкс обязательно хотел, чтобы я поломал этот очаровательный фордик собственными руками, уверяя, что это будет стоить только тридцать центов. За эти незначительные деньги я могу, сидя за рулем, проехаться по специальному спиральному трэку, архитектурно связанному с основным зданием павильона Форда. Надо ли говорить, что я был настолько малодушен, что ограничился лишь созерцанием того, как дотошные американцы пробуют новый форд «на зуб» и сами обкатывают его.

ОТ РАКЕТЫ ДО РЕЗИНЫ

— Мы обойдем павильон Крейсера так, как это рекомендует мистер Крейслер, — заявил Бронкс, когда мы покинули Форда.

Мы вошли в темное помещение, самым странным образом освещавшееся громадными спиралями газосветовых ламп. Свет все время менялся, создавая впечатление, что по обеим сторонам помещения расположены гигантские раскаленные пружины, мерно сжимающиеся и разжимающиеся. При этом свет от этих пружин был необъяснимого свойства. Он способствовал появлению перед глазами синих кругов, галлюцинациям, фантастическому бреду, но отнюдь не освещал помещения. Возможно, что это какраз и входило в задачи талантливых осветителей.

Приглядевшись немного к окружающим предметам, я заметил, что мы находимся в просторном зале, вся центральная часть которого занята неким сооружением.

— Это ракет-порт завтрашнего дня, — шепнул Бронкс.

Мой интерес удвоился.

Прямо передо мной на скалистом берегу моря возвышалась железобетонная коническая башня. Далеко в воду уходили ее стойки-колонны, словно растопыренные лапы. Башня была пуста и походила на гигантскую пушку. Жерло заканчивалось четырьмя направляющими, связанными между собой металлическими скобами. Они странно поблескивали каждый раз, как изменялся свет пружин-ламп. От этой башни к фантастическим ангарам и кранам двумя могучими стенами шла железобетонная дорога.

Голос из репродуктора возвестил, что сейчас в межпланетное пространство будет выброшена ракета! Публика заволновалась, чему всячески способствовали неведомо откуда несшиеся звуки. Что-то пытело, скрежетало. Отдавались команды. Властный голос спросил, готов ли корабль к полету в космос. Голос командира ракеты браво отрапортовал. Звякнул закрываемый люк. Что-то загремело и свистнуло. И вдруг из ангара медленно-медленно поползло длинное веретенообразное тело. Оно было подвешено к арочному крану, тихо двигавшемуся по двум железобетонным стенам. Кран грохотал. Ракета медленно приближалась. Наконец на глазах у молчавшей толпы она скрылась в пушечной башне. На некоторое время все смолкло. Я слышал, как тикали часы на руке у мистера Бронкса. Шли томительные мгновения. Я боялся моргнуть, чтобы не пропустить момента... Глазам было больно от менявшегося света...

Удар был такой, словно рухнул потолок, а молния, как у «Дженераль Электрик», в голове звенело... Перед глазами плыли пятна. В уши влезал неприятный, сначала пронзительный, а потом затихающий вой умчавшейся ракеты... Все было кончено. Народ расходился. Американки пудрились.

Мистер Бронкс торжественно посмотрел на меня. Я продолжал стоять. Наконец я увидел, что в пушку-башню забрался откуда-то снизу человек и унес подмышкой никуда не улетавшую ракету. Удовлетворенный, я пошел следом за Бронксом. Представление действительно закончилось.

— Когда мы с вами, Алэк, окончательно убедимся, что работы нам в этом мире не найти, мы в такой ракете полетим на Марс. — Бронкс расхохотался, потом притих и добавил: — Пожалуй, мне придется лететь одному... без вас, Алэк...

Мы пошли молча.

— А теперь, мистер Кэзэнтсэв, мы увидим с вами чудеса.

Бронкс ввел меня в театральное помещение павильона Крейсера. Мы заняли места. При входе каждому из нас были вручены картонные очки с какой-то одноцветной прозрачной массой вместо стекла.

Я был занят тем, что наблюдал, как моя толстая соседка-американка тщетно пыталась водрузить эти очки на свой нос, занятый тяжеловесным пенсне. Я последовал ее примеру, но прорез в очках был явно не для моего носа. Пришлось придерживать очки руками.

Тем временем в воздухе перед экраном повисла надпись. Затем появился «объемный» джентльмен, рассказавший, как следует пользоваться картонными очками, сделанными на принципе поляризации.

— А я думал, что у вас объемное кино уже без очков, — сказал я Бронксу. Тот пожал плечами.

На экране демонстрировалась сборка автомобиля «Плимут». Но ни один человек не принимал участия в этой «магической сборке». Под звуки лихого фокстрота детали вприпляску, парами или поодиночке, приближались к своим местам и садились, куда им положено. Целые блоки (рама, мотор) изынно неслись по воздуху, с разгону проносились мимо экрана и летели прямо на публику. По залу прокатывался крик испуга, а блок, подразнив еще немного экспансивных зрителей, возвращался на

экран, чтобы спокойно там приземлится. На глазах у публики, действительно, чудесным способом, — тем способом, о котором так мечтают капиталисты, — выросал автомобиль. Без единого рабочего, без прикосновения человеческой руки...

Я снял очки. Весь эффект об'емного изображения исчез. На экране все расплылось, раздвоилось. Каждое из «стекло», будучи одного и того же цвета, тем не менее пропускало только одно из двух проектировавшихся на экран изображений, соответствующих тому, что видит один глаз. В результате каждый глаз видел только одному ему предназначенное, создавалась, таким образом, стереоскопический эффект.

Наконец роскошный «плимут» выпуска 1939 года собран. И вот не изображение автомобиля, а подлинный автомобиль выезжает из плоскости экрана и едет на испуганную публику. Раздаются крики и визг. Американцы срывают с себя очки, счастливо избегая беды.

— Каково? — спрашивал торжествующий мистер Бронкс.

— Когда же вы ликвидируете очки? — в свою очередь спросил я.

Мы прошли по павильону Крейслера. Мистер Крейслер, когда-то бывший вице-президентом «Дженерал Моторс», благополучно конкурирует с ним, а кста-ти и со стариком Фордом.

Мы посмотрели модель его завода, проследив весь технологический процесс изготовления автомобиля последовательно во всех цехах и отделах. Затем перед аэродинамической трубой нас убедили, путем наглядного опыта, что обтекаемая форма автомобиля, принятая у мистера Крейслера, имеет большие преимущества по сравнению со старыми автомобилями с незакругленной лобовой частью. Потом мы попали в необыкновенно уютный зал с пальмами, где жилились великолепные крейслеровские автомобили самого новейшего выпуска. На расставленных тут и там мягких креслах и диванах посетители могли предаваться мечтам о собственном автомобиле фирмы «Крейслер».

— Хороши автомобили? — спросил меня Бронкс.

— Да, новее ничего не придумаешь.

Бронкс захохотал.

— Вы совсем не коммерсант, Алэ! Автомобильные фабриканты не показывают в «Мире будущего» моделей 1940-го года. Они их берегут для нового сезона. Иначе все посетители Всемирной выставки не захотят покупать моделей 1939-го года, а ведь их надо сбывать.

Я не мог скрыть своего изумления.

— Алэ! Чтобы сделать Америку такой, какой вы ее видите, надо было научиться делать три вещи: автомобиль, дорогу и резину! Сейчас мы отправимся в «Ферстун бильдинг». Тогда вы поймете, что такое *резина!*

Мы отправились смотреть резину, которая сделала автомобиль «американским». Подковообразное помещение напоминало амфитеатр, но без сидений. Посетители сплошным потоком двигались вдоль поставленных друг за другом машин.

Джентльмен в белом халате закладывал в первую машину кускообразное сырье. Там оно превращалось в толстую и широкую ленту. Эта лента, последовательно проходя ряд машин, развальцовывалась, уплотнялась, склеивалась, и в конце-концов из нее выдавливалась прабабушка будущей покрышки. И перед нами в строгой очередности стали проходить следующие покрышечные поколения. Наконец внутрь резинового круга, уже напоминавшего покрышку, вложили автомобильную камеру. Вместе с ней будущая покрышка поступила в пресс, где камеру наполнили воздухом, и... перед нами предстала готовая покрышка! Но нет! Она еще не вполне готова... Сейчас она вместе с заложенной в нее надутой камерой поступит в герметический сосуд для термической обработки. Последняя операция. Джентльмен вынимает из готовой покрышки камеру. Покрышка поступает в автоматическую упаковочную машину, выходя оттуда аккуратно обмотанная бумажной лентой, заклеенная и даже со штемпелем, удостоверяющим, какого числа на глазах у посетителей Нью-Йоркской всемирной выставки она изготовлена.

Мы вышли из павильона.

— Резина в сельском хозяйстве!

Мной завладели покрышки — огромные для тракторов или фургонов, специальные для косилок, жнеек или других сельскохозяйственных машин, крохотные для умилившей меня тачки.

— О, вы еще не знаете, что такое американская покрышка! Вы еще ничего не знаете, дорогой Алэк! Самое интересное еще впереди! — И мистер Бронкс поднял палец:

«Гудрич компани бильдинг».

Через павильон мы промчались стрелой. Я едва успел заметить выставленные там покрышки, одна из которых, огромная и волшебная, магическим способом, без чьей-либо помощи, каталась из угла в угол. Мельком я успел заметить еще и другие применения резины — до дамских вечерних платьев включительно.

— Начинается, начинается! — с азартом шептал Бронкс.

Невольно и я заразился волнением своего гида. Нам еще посчастливилось занять места на трибуне. Приди мы на минуту позже, пришлось бы стоять.

Прямо перед нами был автомобильный трэк. Завернувшись у трибун, дорожка уходила в противоположный конец, где поворот был уже не в горизонтальной плоскости, а на наклонной горке, делавшей угол с землей чуть ли не в шестьдесят градусов.

Без дорожки прямо на публику мчалось нечто вроде танкетки. Приближалось оно со страшной быстротой... Кажется, что вот сейчас с ревом врежется дикая машина в человеческие ряды. Но веселье водителя и не думают сворачивать. Последняя возможность, поворота упущена... Раздается женский визг. Машина у трибун. Сильное желание сорваться с места... Раздалось «тррр»... Непостижимым способом танкетка повернулась вокруг вертикальной оси и помчалась в прямо противоположном направлении.

— Здорово! — невольно произнес я, вытирая пот с лица.

— Резиновые гусеницы фирмы «Гудрич»! — радостно шепнул мне Бронкс.

Взбесившаяся танкетка волчком кру-

жилась по полю. Перед трибунами появился клоун. Он скакал из стороны в сторону, поворачивался и извивался. а настигавшая его танкетка в точности копировала его заячьи движения.

Седой солидный джентльмен, стоявший на возвышении, что-то возвестил в микрофон. Репродукторы усилили его голос. В толпе зашептались.

— Он назвал имя знаменитого драйвера! — сказал Бронкс.

От ряда стоявших на поле машин отделилась одна. Сделав крутой поворот, она, набирая скорость, помчалась на трибуны. Вертящая танкетка несколько раз пересекла ей дорогу, едва избежав столкновения. Драйвер (шофер) с «американской скоростью» гнал на трибуны... И этот так же? Но ведь он же без резиновых гусениц! Но зато на американских покрышках!!! Хэлло! Раздается визг... Но это не дамы, а тормоза!.. Знаменитый драйвер совместил поворот с экстремным торможением. Это уже за пределом возможного. Аплодисменты и восторженные свистки неслись ему вслед.

— Американцы очень любят крутой вираж... — сказал мистер Бронкс, ерзая на своем месте.

Автомобиль мчался на горку, но, достигнув наибольшей крутизны, вдруг остановился... Я не верил глазам... Автомобиль не скользит вниз! Возможно ли? Да! Он стоял на наклонной плоскости, словно прилипнув.

Драйвер опять мчался на трибуны. У зрителей захватило дух. Теперь совершенно ясно: повернуть с такого хода невозможно. Я приготовился ко всему. Автомобиль не повернет! Однако он умудрился затормозить. «Знаменитый драйвер» стоял рядом с уцелевшим автомобилем и, улыбаясь, раскланивался. Публика редела от восхищения.

Молодой человек снова занял место в своей сверхъестественной машине на сказочных шинах и помчался по трэку. Пока он делал круг, какие-то люди выскочили на дорожку и поставили довольно высокий трамплин.

Машина, спускаясь с горки, мчалась на трамплин. Со снайперской точностью драйвер направил одно колесо на пре-

пятствие. Автомобиль жутко накренился... Мгновение... Подскачив высоко вверх двумя колесами, машина тяжело ухнула на землю. Возможно ли, чтобы ничего не сломалось?

Со всего размаха остановив свой чудный автомобиль, драйвер, соскочив на ходу, раскланялся, как балерина. Американцы повскакивали с мест и выли.

Автомобиль снова неся по трэку. Люди готовили для него двойной по высоте трамплин. Я отчетливо видел, как мелькнули в воздухе колеса. Корпус подпрыгнул... Перевернулся... Но нет! Вот он мчится опять на публику. Снова кланяется драйвер.

Теперь уже два автомобиля один за другим несутся по трэку. Им поставлены два трамплина. С поразительной точностью, ни на один сантиметр не вырвавшись вперед, оба автомобиля подпрыгивают на трамплинах, накрениваются и, как ни в чем не бывало, опускаются на землю...

— Ковбой, ковбой! Это автомобильные ковбой, мистер Кэзэнтсэв!

Драйверы уехали. На трэке теперь появился новый автомобиль. Его появлению предшествовало широковещательное объявление о том, что публика увидит сейчас «автомобиль завтрашнего дня». Но по трэку ехал старомоднейший автомобиль с плоским радиатором. Верхом на этом допотопном радиаторе сидел клоун и держал в руках старые веревочные поводья. И странно... диковинный автомобиль во всем повиновался его веревочкам. Американцы закатывались, словно их щекотали. Клоун соскочил со своего коня. Но конь у него был с норовом. Как ни тянул за поводья всадник, взбесившийся автомобиль задним ходом убежал с трэка.

На дорожку снова выехал ковбойский автомобиль. Он был встречен гробовым молчанием. Зрители что-то знали! По полю ехал грузовик. Он приближался к приготовленному за время выступления клоуна огромному трамплину и остановился в нескольких метрах от него. Служители, торопясь, откидывали бор-

Знаменитый драйвер промчался мимо заканчивающих приготовления людей и по обыкновению круто повернул перед публикой. Все сосредоточенно молчали... Я огляделся. Две бойких американочки, забравшись на скамейки, судорожно пудрили носики... Сосед-толстяк с кряхтением стаскивал пиджак, оставаясь в подтяжках. Такой костюм его нисколько не смущал. В Америке так принято. Сидевшая поодаль парочка, воспользовавшись случаем, отчаянно целовалась! Драйвер во весь опор гнал свой автомобиль на трамплин и стоявший сзади него грузовик.

Все длилось какую-то долю секунды. Автомобиль взлетел, как птица, и, пролетев по воздуху несколько метров, очутился на кузове грузовика, снова повис в воздухе и опустился на землю, подпрыгнув на пружинах. Еще несколько секунд — и он затормозил перед трибунами, словно вкопавшись в землю. Машина сделала глубокий реверанс, раскланявась вместе с драйвером, снимавшим с головы защитный шлем, который предохранял его от удара.

— Вот, мистер Кэзэнтсэв! Как это называется у вас по-русски?

— Джигитовка.

— Джи-ги-тов-ка... — с трудом выговорил мистер Бронкс.

ПАРОВОЗЫ

Когда мы с мистером Бронксом в третий раз ехали на выставку, я спросил его, женат ли он. Мой вопрос Бронкса совсем не обрадовал.

— Вы видите меня способным улыбаться, Алэк, только потому, что я не женат.

— Разве семейная жизнь навсегда лишает счастливого супруга способности улыбаться?

— Не шутите, Алэк... Вы не знаете Америки. Вот уже несколько лет я люблю одну очень хорошую девушку... Мы не можем пожениться, пока я не получу более или менее постоянного места.

— Кто же она, Джим?

— Очень одаренная девушка... музыкантша... Пишет неплохие фортепьянные вещи и могла бы давать концерты.

— Могла бы? Так почему же она их не дает?

Бронкс горько усмехнулся.

— Моя невеста была в Советском павильоне восемнадцать раз.

Я весь превратился в сдержанное удивление.

— Она приходит туда, садится и смотрит, смотрит... Она видит себя в той стране, где бы она могла давать концерты и сочинять музыку...

— А здесь?

— А здесь ей наконец удалось устроиться продавщицей сувениров на Нью-Йоркской выставке.

Дальше мы шли молча. Бронкс пришел в свое обычное состояние и хлопнул меня по затылку, чем искренно меня обрадовал. Я успел полюбить этого непосредственного и жизнерадостного американца.

— Сегодня мы посвящаем себя железной дороге. Вы увидите, как технический гений превращал страну лихих ковбоев и переселенцев в страну автомобиля.

Напротив железнодорожного павильона стояла формалистическая, но чрезвычайно динамичная скульптура. «Бык, похищающий Европу». Вероятно, это олицетворяло собой один из видов первобытного транспорта, давшего начало современной железной дороге. Спрашивать об этом Бронкса я не стал. Мы вошли в павильон.

— Конечно, вы, Альк, не имеете ни малейшего представления о том, кто изобрел паровоз?

Я промычал что-то насчет Стефенсона. Мистер Бронкс иронически захохотал, схватил меня за рукав и повлек за собой. Мы перенеслись с ним на 260 лет назад—в год 1680-й.

Перед нами стояла реактивная паровая телега, сделанная по идее Ньютона. С чувством почтительности, смешанной с суевренным страхом, прикоснулся я к древнейшей прабабушке всех современных «пацификов», «плимутов» и «форд»... Это был подлинный первобытный самодвижущийся экипаж.

— Где только они его достали? — прошептал я восхищенно.

Мистер Бронкс выглядел победителем.

Еще один скачок во времени — и мы оказались в году 1769-м.

— Первая паровая телега «Кюньо», — провозгласил Бронкс.

С наименьшей почтительностью я осмотрел этот первый, еще безрельсовый паровоз.

Затем мистер Бронкс продемонстрировал мне подлинный шагающий паровоз 1813 года.

На это чудовище, имевшее две специальные ноги со ступнями, которыми оно отталкивалось от земли, передвигая тем всю телегу, я смотрел со скрытым чувством страха — так оно было ужасно.

— Это брентоновская паровая лошадь, — сказал Бронкс.

Еще один год вперед, и я увидел паровоз с уаттовской паровой машиной и шестеренной передачей на ведущую ось.

— Блюхер! 1814-й год! А вот первый паровоз на рельсах! Джонсон — 1831-й год! Хотя, — тут же поправился мистер Бронкс, — паровозы на рельсах ходили уже и в 1829 году. Это Том Тумб, Рокет, Стурбридж! Чувствуете, сколько? А вот и знаменитый «Джон Буль» — патент Стефенсона! Просуществовал, все время находясь в эксплуатации, с 1831-го по 1865-й год! Вот почему считают изобретателем паровоза Стефенсона. Он дал практически пригодную модель. Но вот смотрите, тут же рядом модели, относящиеся к тому же времени. «Меркурий» — 1830-й год! Напоминает Стефенсона? Вот вам «Темис» с вертикальным коническим котлом и наклонной двухцилиндровой паровой машиной. Построен в 1831-м году. На паровозе «Балтимор сен», тоже с вертикальным котлом, ездили уже в 1830-м году.

Я молча ходил за мистером Бронксом и глядел на многочисленных музейных предков современного паровоза.

— Ни одно изобретение не делается одним человеком, — назидательно говорил Бронкс. — Идея паровоза в тридцатых годах прошлого столетия была подобна инфекции. Она заразила много конструкторов. Конкуренция же между

ними создала локомотив. О! Конкуренция — это наш бог прогресса! «Дженераль Моторс» заставляет конкурировать между собой даже дочерние фирмы. Бюик и Шевроле засекречивают друг от друга производство. Их инженеры под видом простых рабочих проникают друг к другу на заводы, изучая технологический процесс. Обединение следит только за тем, чтобы они не перегрызли друг другу горло. Так и живем мы в капиталистическом лесу, где инженер инженеру волк!

Но у нас и автомобиль паровозу — волк. Конкуренция, создавшая локомотив, хочет теперь погубить его. По нашим бетонным путям несутся ураганные пассажирские «басы» и гороподобные грузовики. Они отнимают у железных дорог пассажиров и грузы. Их перевозки дешевле. Они стараются обогнать паровозы, столкнуть их с рельсов.

Разговаривая, мы перешли в другой зал. Мы обошли по специальной дорожке огромную искусственную горку, увидев весь процесс изготовления паровозов и вагонов, начиная от добычания руды и кончая формированием составов.

На выставке не рассказывают, что ждет завтра зажатого в тиски экономической непроглядности американца, но с охотой развлекают демонстрацией производства отдельных машин.

— Недаром Америку считают страной техники. Америка достигла такого успеха именно потому, что технику знает и любит каждый американец. Вагн страна, Алэк, становится технической. Ваши дети станут техниками, не выходя из детского возраста, если уже не стали ими.

— Вы угадали, Джим, правда, они интересуются и многим другим! — воскликнул я и в американской манере хлопнул Бронкса по затылку.

Мистер Бронкс поперхнулся, изумленно посмотрел на меня, расхохотался и заявил:

— Я же говорил, что американцы и русские — это одинаковые люди!

— Только в разных условиях, — тихо добавил я.

Между тем мы подробно рассматривали модели цехов паровозо- и вагоностроительных заводов. Доменная печь, мартеновская... Металл поступает в нагревательные колодцы. Затем его раскатывают на огромных автоматических листопркатных станах. Вот оно, котельное железо (вернее, великолепная сталь)! Эго оно дает возможность создавать современные паровозы на десятки атмосфер давления. Вот прессовые цеха. Здесь листы и стальные профили принимают нужные формы и для котлов, и для рам. Американцы везде предпочитают пресс. Они даже заклепки на рамах в автомобилях предпочитают расклепывать специальными гидравлическими (масляными) прессиками на 300 атмосфер давления.

— Мы обладаем замечательной техникой, — сказал Бронкс, — но наша техника специфична. Этого многие не понимают. Я слышал русскую поговорку о том, что русский подковал блоху. Вот подковать блоху американец никак не сможет. В Америке такое необычное задание, несомненно, осилили бы, если бы появился массовый спрос на сотни миллионов кованых блох! Тогда американские инженеры разработали бы замечательные приспособления, сконструировали бы блохоподковные машины, проектировали бы безукоризненный технологический процесс, обязательно поставили бы блох на конвейер и разбили бы всю операциюковки на элементарные движения. И только эти элементарные движения поручили бы американским рабочим.

Американские рабочие часто разочаровывают иностранцев на так называемой свободной работе, не упрощенной, где нужна инициатива. Здесь американец, годами приспособленный к простейшей, другими продуманной операции или вовсе отвыкший что-либо делать за годы безработицы, — бессилен... Он будет очень долго думать и сделает недостаточно хорошо. Это не стандарт. Америка — страна стандарта. Вот почему американец, в отличие от русского, не умеет подковывать блох.

Я привык верить в американскую технику и в американцев, поэтому слова Бронкса были для меня совершенно неожиданны.

— Теперь, Алэк, мы осмотрим с вами модель американской железнодорожной станции.

С интересом наблюдал я за движениями маленьких электрифицированных поездов, которые проделывали сложные манёвры: прицепляли и отцепляли вагоны, становились под погрузку и разгрузку, проходили по стрелкам, подъезжали к перронам и отправлялись на следующую станцию.

— Смотрите, всеми этими сложными движениями поездов управляет вот тот джентльмен. — Мистер Бронкс показал мне на диспетчера этой маленькой станции, нажимающего какие-то кнопки.

— Не правда ли, замечательно? — спросил Бронкс. — Ведь у вас в России нет таких прекрасных моделей?

— Таких нет. Но я знаю аналогичную модель, где поезда проделывают все те же операции, что и здесь, но без участия человека.

— Как так? — воскликнул Бронкс.

— Все полностью автоматизировано, — спокойно ответил я. — Эта модель была сделана в Ленинграде. Сейчас она в Московском доме техники железнодорожника.

— Прекрасно! Я не ожидал, что автоматика у вас развита больше, чем показывается на выставке «Мир завтра». — Бронкс покачал головой, вздохнул и сказал: — А теперь я покажу вам американскую оперу. Вы удивлены? Вы привыкли думать, что американцы не имеют своего искусства и сдают в аренду свои театры для европейских гастролей? Так позвольте вас переубедить. Мы покажем вам, мистер Кэзэнтсэв, оперу, которую создала страна техники для выставки техники будущего.

Представление называлось «Железнодорожный парад».

Мы оказались на трибунах, напоминающих устройство стадиона, или, еще лучше, ипподрома. Внизу перед нами виднелась сцена. Собственно говоря, представляла она собой три опромнейшие сцены, расположенные на разных

уровнях и соединенные между собой широкими ступенями.

Действие начиналось. На сцену вышли двое. Леди и джентльмен. Она — с длинным шлейфом, он — в причудливом цилиндре. Они заняли две трибуны по обе стороны первой сцены. Там они, используя прекрасную радиоаппаратуру, принялись по очереди читать стихи и петь арии, что в точности совпадало с транслируемой через репродукторы музыкой. Потом вдали показался корабль.

— 1825-й год. Нью-Йорк! — прошептал мистер Бронкс.

Перед кораблем появились моряки, которые распевали песни, исполняя замысловатые морские танцы. После того как эти американцы столетней давности пропели и отплясали все им положенное, сцена опустела, а через некоторое время на рельсовом пути переднего плана показалась... пара быков!

Быки везли... некое сооружение на четырех колесах — вертикальный котел, напоминающий станционный самовар. Кроме всего прочего, на этом допотопном паровозе была паровая машина и два спокойных американца, управлявших бычьей двигательной силой их паровоза.

— 1826-й год! — наклонился ко мне мистер Бронкс.

— Бедные быки! — прошептал я.

Быков отцепили, и актеры американской оперы лениво удалились под звуки боевой музыки.

Потом вокруг вытасченного быками «паровозавра» происходили танцы. Затем паровозавр запыхтел, медленно сдвинулся с места и... поехал. Этот подвиг всех умилил.

На этом закончился первый акт. Без перерыва начался второй.

Перед нами проходила история Америки, рассказанная паровозом. Иллюстрируемая массовым пением, танцем, колоритным костюмом тех времен, проходила она из года в год, и, как вехи исторического пути, на рельсах гигантских сцен показывались паровозы.

Смешно пыхтя, они вытаскивали за собой следом причудливые вагоны, по-

хожие то на кареты, то на венецианские гондолы, то на колыбели. В них сидели дамы в кринолинах. А взапуски с этими поездами бегали мальчишки.

Медленно со скрипом проехали по сценам крытые фургоны времен колонизации. Пронеслись на диких конях родоначальники ковбойского племени.

Сцена опустела, и по ней в коляске проехал живой Авраам Линкольн. Патриотичные американцы встретили его аплодисментами. Мистеру Линкольну подали вагон, уже похожий на современный. Вагон этот был запряжен «Джон Булем», который и повлек его за собой во славу и президента, и Стефенсона. По рельсам шли благодарные негры и приветственно махали руками стоявшему на задней площадке президенту-освободителю.

Паровозы, вагоны, поезда сменяли друг друга под несмолкавшую оперную музыку с необыкновенной быстротой. Они были подлинными актерами этого представления, точно так же, как и индейцы на бешеных мустангах, пронесившиеся по воображаемым прериям в предчувствии появления локомотива.

И еще одна дата.

С песней сближаются друг с другом две строительные партии. Справа — белые, слева — китайцы. Рабочие разных групп в соблюдении традиций спорятся между собой. Но вот уложен последний рельс. Смыкаются два железнодорожных пути, идущих с двух берегов континента. Джигит в цилиндре в такт музыке забивает последний костыль, а с обеих сторон к нему подходят два паровоза — с востока и с запада! Америка празднует еще одну победу: закончена трансконтинентальная железная дорога.

Наступает финал. Завтрашний день.

Следом за отрядом фантастически одетых леди на средней сцене, друг другу навстречу, появляются два паровозных прародителя, а на передней сцене по могучему рельсовому пути медленно движутся закованные в обтекаемые кожуха гигантские паровозы завтрашнего дня.

Гремит музыка, вторит ей хор, и загудели паровозы, отделенные друг от

друга целым веком развития техники. Люди повскакивали с мест.

Парад паровозов — парад всей американской истории в изложении Нью-Йоркской выставки — закончен.

МАШИНКИ

Нью-Йоркская выставка знаменита не только своими павильонами. С большим мастерством и богатством выдумки сделаны аллеи выставки. Запоминается главная аллея, ведущая от трилона и перисферы к памятнику Вашингтону и дальше — к «Лагуне наций». Посреди нее идут непрерывные фонтаны, каскады, выступающие из воды статуи. С обеих сторон этой своеобразной реки фонтанов растут большие, пересаженные сюда деревья.

Вдоль аллеи, лавируя между пешеходами, проносились электрические такси, обгоняя «высокообразованных» рикш, изнемогающих под лучами жаркого нью-йоркского солнца. Издалека приближался простенький музыкальный мотив. Пешеходы отошли в сторону. По аллее ехал целый поезд. Открытые вагончики с удобными креслами. В них сидят обезжающие выставку. Водитель, сидящий в переднем вагончике, непрерывно дает свой сигнал «ля-ля-ля-ля». Это один из тех мотивов, которые никак не выгонишь из памяти. Все прохожие идут и насвистывают его. Его насвистывают в лифтах лифтеры, девушки в модных магазинах, продавцы кока-колы. Насвистываю его и я. Это как бы гимн выставки «Мир завтра».

— Итак, Алэк, теперь мы посвятим себя сервису. Вы, конечно, вдоволь слышались о нем? О нас рассказывают много сказок. Об Америке принято говорить только необыкновенное, и все человеческие черты американцев приобретают чудовищные размеры, словно мы больны слоновой болезнью. А мы вовсе не так деловиты, практичны или аккуратны, как принято думать. После времен кризиса и зстоя мы привыкли опаздывать на деловые свидания, не выполнять обещаний и никак не можем устроить свои личные дела, хотя и мечтаем разбогатеть.

Мистер Бронкс повел меня в павильон фирмы «Ундервуд». Мы очутились в просторном зале, заполненном разнообразными пишущими и счетными машинами, за которыми сидели изящные мисс.

Мистер Бронкс обратил мое внимание на то, что рядом с машинкой, на которой печатала мисс, стоит другая машинка. За этой второй машинкой сидел не кто иной, как сам «уэльсовский невидимка»... Он прозорно щелкал невидимыми пальцами по клавишам, а на валике появлялись аккуратные строчки.

Мисс мелодичным голосом что-то спросила меня. Я понял, что она спрашивает мой адрес, и немедленно ответил ей. Прежде чем мистер Бронкс успел удержать меня от этого необдуманного шага: «Кэй-эй-зи-эй-эн-ти-зи-и-ви», — по американскому обычаю по буквам продиктовал я свою фамилию. Пальцы мисс отщелкали нужные буквы по клавишам, и, к своему удивлению, я заметил, что вторая машинка, за которой сидел мистер «Невидимка», также напечатала мой адрес и фамилию.

Я определенно был этим взволнован, в то время как мистер Бронкс был взволнован чем-то другим.

Он стал горячо объяснять очаровательной мисс, что я вовсе не предполагаю похупать эти спаренные машинки и что их вовсе не следует присылать мне на дом по записанному ею адресу. Мистер Бронкс спас меня от непрактичного расхода, лишив тем самым мисс ее законного комиссионного процента. Мисс вздохнула и стала печатать на машинке.

— Будьте осторожны, Алэк, и не общайтесь всюду свой адрес. В Америке любят сбывать товар...

— Прекрасные машинки! — сказал я виновато-восторженным тоном. — Но ведь можно пойти еще дальше. Скажем, печатать по телефону...

Мистер Бронкс усмехнулся и протянул вперед руку.

Я увидел высокий и изящный деревянный ящик. Нижняя часть его имела стеклянное окно, и там виднелась обыкновенная машинка, клавиши которой

щелкали с лихорадочной поспешностью. Непрерывная лента бумаги поднималась от нее вверх.

— Вот, мистер Кэзэнтсэв, пишущая машинка, связанная с другой такой же без всякого провода. Оригинал находится на острове Манхэттн, в Нью-Йорке, в радиостудии.

Мистер Бронкс подвел меня еще к одной машинке, лениво пощелкивавшей клавишами оттого, что их слегка задевали гусиные перья, а потом еще к одной мисс. Велико было мое изумление, когда мистер Бронкс продиктовал ей мою фамилию!.. Не успел я опомниться, как мисс вынула из машинки картонную карточку и вручила ее мне. Я смог разглядеть на ней только несколько беспорядочно расположенных дырок.

— Теперь на специальной машине, с помощью этой картонки, ваша фамилия, мистер Кэзэнтсэв, может быть отпечатана в любом количестве экземпляров, — с пафосом возвестил Бронкс.

— А мне не пришлют на дом эту типографскую машину? — робко спросил я.

Оказалось, что фирмы, выпускающие пишущие и счетные машины, изготавливают также и электрические бритвы. Об электрических бритвах я много слышал и не мыслил приехать домой без этой новинки.

— Электрическая бритва? — вскричал Бронкс. — За мной!

Мы оказались в оригинальной парикмахерской с несметным количеством небольших зеркал. Перед некоторыми из них сидели джентльмены — посетители выставки. Около них сустились джентльмены — служащие павильона.

Один из таких молодых людей стоял уже перед нами.

— Ах! Электрическая бритва. Ис, сэр. — Через секунду передо мной лежала раскрытая коробочка с великолепной электрической бритвой.

Молодой человек немедленно усадил меня на стул и прикоснулся жужжащей штучкой к моей ненамыленной щеке.

— Смотрите, как гладко бреет... — умилялся молодой человек. Его голос, его вид — все выражало предел восторга и восхищения.

Окончив бритье моей незадолго перед тем выбритой щеки, молодой человек осведомился, не желаю ли я взять бритву с собой или ее надо прислать мне на дом. Узнав, что это будет стоить 15 долларов, я употребил все свое искусство, чтобы не очень огорчить симпатичного молодого человека, и даже записал его фамилию, чтобы купить бритву только у него. Провожая нас до дверей павильона, молодой человек ласково нам улыбался, а на своих товарищей, могущих подсунуть нам бритвы, посматривал со свирепой ревностью.

ТЕЛЕФОН

— Теперь телефон, сэр! Телефон концентрирует жизнь и помогает бизнесу! Павильон «Бел-телефон-компани»! О кэй?

Вскоре перед нами были стены павильона, с которых смотрели семь систем телефонов компании, семь периодов развития американской техники, семь эр процветания Америки, опирающегося на телефон.

Я разглядывал стену зала, на которой было изображено круглое карикатурное лицо. Прямо под ним, над прибором, напоминавшим фисгармонию, сидела очень хорошенькая леди с распущенными локонами, а рядом с ней, перед микрофоном, стоял полный джентльмен в серой паре.

— Леди и джентльмены! — говорил он. — Инженерам нашей фирмы удалось установить, что английская речь состоит из 28 звуков. (Впрочем, я не ручаюсь за точность. Может быть, этот толстый джентльмен назвал и какую-нибудь другую, близкую, цифру.)

— Сейчас, — продолжал полный джентльмен, — мы вам продемонстрируем эти звуки, производимые не человеческим голосом и не воспроизводящие человеческого голоса. Они создаются нашей говорящей машиной из элементарных звучаний.

Мистер Бронкс больно толкнул меня в бок и подмигнул.

По знаку джентльмена в серой паре девушка стала нажимать клавиши на

пульте, а «машина» стала шипеть, свистеть, мычать, стонать, кряхтеть и наконец лаять, то-есть стала воспроизводить все те элементарные звучания, из которых состоит мелодичный английский язык.

Мистер Бронкс и я были в восхищении.

Покончив всю гамму звуков на скрежетании, машина перешла к воспроизведению отдельных букв английского алфавита. Особенно привело меня в восторг произношение созвучия «ти-эч». У машины это получалось куда лучше, чем у меня или нашей преподавательницы английского языка.

Дальше серый джентльмен задал машине вопрос, умеет ли она говорить, на что стена с возмущением ответила:

— Щур, — что означало «конечно».

Джентльмен попросил машину трижды произнести фразу «Она ждет меня» с разными оттенками.

Публика замерла в недоверчивом любопытстве.

— Она ждет меня, — произнесла машина с тем равнодушием, на которое в подобной фразе могла быть способна только машина.

— Она ждет меня!.. — Это прозвучало так взволнованно, что многие мисс, стоявшие подле нас, несомненно, покраснели.

— Она ждет меня!!! — Это был вопль страха и ужаса. Я был потрясен, а американцы вместе с мистером Бронксом безудержно смеялись.

Леди за пультом длинными, наклеенными ресницами прикрыла глаза. Уголки рта ее улыбались.

Полный джентльмен в сером обратился к публике с просьбой побеседовать с машиной.

— Как вы смотрите на свое будущее? — спросил кто-то из публики.

— О, несомненно, лучше, чем любой из моих слушателей! — нагло заявила машина под общий хохот присутствующих.

— Что такое любовь? — спросила моя хорошенькая соседка и покраснела.

— Где можно узнать свое будущее? — спросила со вкусом одетая негритянка.

— Наше будущее?.. В Советском павильоне! — четко выговорила машина.

Настало мгновение тишины. Мистер Бронкс разинул рот. Потом раздался общий взрыв рукоплесканий, свистков, криков одобрения и негодования.

Прелестная леди перестала улыбаться. Она наклонила голову к самому пульту.

Бронкс покачал головой и сказал тихо:

— Я боюсь, Алэк, что она будет сегодня же уволена...

Полный джентльмен быстро прекратил беседу, перестал улыбаться и перешел к элементарным звучаниям. Сеанс начался снова.

Из соседнего зала доносился отчаянный хохот. Войдя туда, я увидел карту Соединенных Штатов во всю стену огромного зала.

— Это зал *обнаженного телефона!* — торжественно возвестил мистер Бронкс и, видя мое изумление, принялся объяснять: — Эти светящиеся точки на карте — американские города. Наша страна — сплошной телефонный город с общей телефонной станцией! Каждый из нас может войти вон в ту стеклянную будочку и у всех на виду вызвать знакомого из Миами, Сан-Франциско или Сиэтла. Окружающие увидят, как будет протекать процесс междугороднего вызова, и даже услышат разговор.

Тут я заметил, что все весельчаки прижимали к уху прозрачные телефонные трубки. Между двумя стеклянными будочками за специальным стендом сидела восхитительно-хорошенькая телефонная барышня и у всех на виду совершала таинство соединения телефонных номеров коммутатора целой страны.

— Это очень интересно, но почему же все так смеются?

— О, Алэк! Принято думать, что телефонные разговоры подслушиваются, но ни один американец не подслушивал сам. В этом павильоне открываются все телефонные тайны! Наши парни веселят друг друга. Как-то раз одна леди решила отомстить за что-то своей

подруге и, вызвав ее из Питсбурга, убедил, что разговор идет на специальной аппаратуре, что подслушивание невозможно. Представляете, сколько было рассказано дамских секретов, как все подслушители смеялись!

Я с любопытством огляделся.

— Подождите, — шепнул Бронкс, — сейчас я насмешу всех, как никто другой. Я вызову Сан-Франциско! Берите трубку.

— Но ведь я ничего не пойму.

— Все поймете, сэр. Считать-то вы умеете?

Через полминуты Бронкс оказался в «обнаженной телефонной будочке».

Слева от карты стали зажигаться вертикальные столбики, состоящие из отдельных точек, соответствующих секунде.

— Сан-Франциско!

Быстро мелькнули руки *впервые видимой* телефонной барышни. Побежали вверх секунды первого столбика. Одновременно на карте змейкой поползла огненная линия, проходя через все пункты, по мере их включения, через которые пролегал телефонный провод. Назван номер сан-францисской городской сети. Все присутствующие приготовились услышать никому не известный голос с «того берега».

Мне было интересно, что выкинет мой Бронкс.

Зажегся последний столбик. Вызов закончен.

В трубке, которую я прижимал к уху, что-то зашумело. Потом послышался до слез монотонный голос, который замомгильно произнес:

— Три часа и сорок две минуты после полудня.

Что-то опять щелкнуло, и все смолкло.

Грянул взрыв хохота. Публика аплодировала.

Сияющий Бронкс вышел из будочки и направился ко мне.

— Каково? Я ведь вызвал *автомат!* И узнал с побережья Тихого океана, который сейчас час! Для нас не существует расстояний! Но смотрите, как довольны эти ребята! Они жда-

ли пикантностей! Ха-ха-ха! Как вам понравился автомат?

— Я в Москве этим способом проверяю часы.

— Как? У вас в России есть такая штука?

— Есть, — ответил я, улыбаясь.

Мистер Бронкс почесал затылок.

В следующем зале, вдали, перед толпой, виднелась сцена. Там в удобных креслах сидели две леди и четыре джентльмена. Стоявший там же стэндист оживленно беседовал с ними.

Мистер Бронкс указал глазами на толпящихся у стены людей. Там стоял телефонный аппарат, к нему, выстроившись в очередь, подходили посетители и набирали номер. Если номер совпадал с тем, который задумала и поставила у себя сидевшая у телефона высохшая мисс, аппарат давал соответствующий сигнал, и счастливцев проходил за барьер, чтобы подняться на сцену.

— Какой театр вы предпочитаете? — спрашивал стэндист у счастливцев этой своеобразной телефонной лотереи.

Весьма толстая и старая леди с модной прической ответила:

— Цирк.

— Прекрасно! — воскликнул стэндист. — А вы, сэр, присутствовали у нас на выставке во время конкурса на типичную американскую девушку?

— Нет, сэр. Но сожалею. Говорят, там были очаровательные мисс.

— О! Конечно! Американские девушки не могут быть иными! Скажите, джентльмены, кого бы вы хотели видеть победителем в матче на первенство мира: негра Джо Люиса или итальянца Коленто — «Круглого Тони»?

— Конечно, белого!!! — хором ответили все джентльмены.

— А кто победит?

— Джо Люис...

— Леди и джентльмены! Чего вы больше всего на свете боитесь?

Первая леди ответила, что мышей. Из остальных пятерых двое больше всего боялись войны, а трое — «потерять работу»...

— Были ли вы в Советском павильоне?

— О, да!!! Щур!!! Прекрасный павильон! Очень дорогое здание! Это дворец! Очень красиво! Восхитительно!

— А что вы скажете о красной звезде, которую так высоко держит рабочий?

— Я считаю это возмутительным, — сказал суровый толстяк. — Недопустимо, чтобы все американские национальные флаги были ниже этой большевистской звезды!

Кто-то хотел возразить, но проворный стэндист прервал сеанс и вскричал:

— Совершенно верно! Вот мнение истинного американца! Теперь, леди и джентльмены, уступим наши места машинам.

Все встали, но два американца остались сидеть. Один был старик, а другой — средних лет. Старик сказал:

— Красная звезда — это наша звезда. Пусть будет еще выше!

— Ок-ки доки!!! — сказал другой, и оба они встали и сошли следом за всеми.

Раздался легкий шорох, и сцена поползла вправо. На ее место выехала другая сцена, где стояли такие же кресла, как и на первой. В этих креслах сидели манекены, вроде тех, что стоят обычно в витринах магазинов.

Потом манекены заговорили. Собственно, они не говорили, а молча сидели, как и подобает истуканам, но с их стороны слышались те самые голоса, которые минуту назад раздавались на этом месте. Мы еще раз прослушали весь диалог между стэндистом и счастливцами телефонной лотереи. Однако две последние дополнительные реплики не прозвучали. Умная американская капиталистическая машина немедленно сломалась или автоматически выключилась.

— «Ок-ки доки» — это искаженное «о кэй», вроде вашего «на ять», — объяснял мне мистер Бронкс.

Мы прошли в следующий зал, где имели возможность услышать в телефонной трубке собственный голос, кото-

рый секунду спустя повторял сказанную вами фразу.

— Красная звезда — это наша звезда, — сказал Бронкс, а, услышав это в своей трубке, воскликнул:

— Ок-ки доки!!! — и подмигнул мне.

НОЧНАЯ СИМФОНИЯ

На территории выставки уже стемнело. Первое, что я увидел, выйдя из павильона «Бель-телефон-компани», были трилон и перисфера. Но это были совсем другие трилон и перисфера. Я не верил глазам. Гигантский шар повис в воздухе, излучая приятный голубой свет. И вся перисфера медленно-медленно поворачивалась... Проплывали смутные очертания материков. Это вращался земной шар! Но нет... Шар стоял неподвижно. Это по его поверхности плыли облака. Стремящаяся в черное небо игла трилона светилась зеленым светом.

Оглядевшись вокруг, я не узнал места. По всем правилам выставочной магии нас перенесли в другое незнакомое место.

Мы пошли с мистером Бронксом по аллее, то-и-дело оглядываясь на трилон и перисферу. Гигантский голубой шар казался фантастическим мыльным пузырем, тончайшая оболочка которого, прозрачная и колеблющаяся, каждое мгновение могла разорваться, лопнуть...

Все здания выглядели по-новому. Ночное освещение преобразило их. Стены отодвинулись куда-то вглубь. Появились портики, выступы, невидимые прежде. Барельефы стали подчеркнуты выпуклыми. При этом здания вовсе не казались освещенными — они светились сами!

— Да, да, Алэк! Американцы умеют освещать здания, они заставляют их светиться! Посмотрите вон на ту аллею. Кажется ли вам странным ее освещение?

— Да, правда, Джим! Какой-то непривычный свет!

— Ведь это же самый настоящий дневной свет! Стопроцентный солнечный спектр!

— Дневной спектр... А ведь и прав-

да! До чего же непривычно видеть ночью солнечный свет!

— Это флуоресцирующие ртутные лампы. Стенки стеклянных трубок покрыты особым веществом, начинающим светиться под действием света ртутных паров. Спектр этих ламп близок к солнечному. Начиная с этой выставки, флуоресцирующие лампы найдут себе широкое применение. Появятся новые области искусственного освещения. Здесь выстроен знаменитый павильон шедевров, в котором собрана редчайшая коллекция картин Рубенса, Рембрандта, Леонардо да Винчи... В этом павильоне нет ни одного окна. Только искусственный солнечный свет! Осветительные лампы можно расположить самым выгодным образом.

Я невольно остановился около «реки фонтанов».

С одного конца в нее лились широкие струи воды, которые внезапно окрасились в желтый цвет, превратившись в расплавленный металл. Вдоль всего бассейна реки шли ряды фонтанчиков и распылителей. И вот вылившийся в бассейн расплавленный металл побежал ярко-желтым пятном по полосам тумана. Высовывавшиеся из воды статуи оживали, окрашиваясь в раскаленные цвета. Тем временем падавшие в бассейн струи стали синими. Теперь, догоняя уплывшие расплавленные пятна, двигались голубоватые полосы, а падавший в бассейн поток снова стал горяще-желтым.

— Вдоль всего бассейна двойной ряд подводных синих и желтых ламп элементарным приемом бегущего огня достигается весь этот замечательный эффект.

Я согласился с Джимом — американцы умеют пользоваться светом.

— Свет — душа рекламы, а реклама — мать выгоды. Американцы должны быть хорошими светотехниками. Но если вы хотите, Алэк, видеть подлинное *светопредставление*, в буквальном смысле слова, то я вам это сейчас покажу.

Мистер Бронкс повлек меня вдоль аллеи к «Лагуне наций». По дороге я обратил внимание на фантастический

вид деревьев. Освещенные снизу скрытыми в земле прожекторами, они становились воздушными, отделялись от земли.

«Лагуна наций» оказалась большим водоемом. Вокруг стояла ожидавшая толпа. Джентльмены в щеголеватых костюмах, дамы в изящных платьях сидели, тесно прижавшись друг к другу, прямо на газонах.

Посреди «Лагуны наций» действовал ряд низеньких фонтанов, напоминающих лес подстриженных деревьев. Черное небо пересекалось яркими белыми полосами невидимых прожекторов. Где-то очень высоко они соединялись ажурными стропилами, образуя над «Лагуной наций» фантастический световой купол.

Неожиданно раздался мощный органной аккорд, и в тот же момент из воды «Лагуны наций» взвились три группы прозрачно-зеленых фонтанов. Это было величественно.

Аккорд перешел в первую часть органной симфонии. Откуда-то из воды полились глубокие медленные звуки... Но эти звуки не только неслись по воздуху, навевая картины горного озера, звуки сами поднимались из воды динамичными струями, меняя свою окраску, форму, движение...

Музыка нарастала. Выше вздымались теперь оранжевые фонтаны. Загремели сильные, полные удары, и яркокрасной струей крови взвился из середины водяного леса семидесятиметровый фонтан... Вверху он блеснул красными рубинами и упал вниз. Он замер вместе с аккордом... И это, действительно, был не фонтан, не луч света, не струя воды... Это был подлинный аккорд. Заколыхались вместе с музыкой, то припадая, то вздымаясь, танцующие струи. Но снова грянуло «форте». Фонтаны взвились чашами, расцвели вверху сиреневыми цветами и загорелись ослепительно-белыми столбами. А среди этих звенящих водяных стволов пылал огонь. Языки пламени лизали водяные деревья, они дрожали в такт вибрирующим звукам, они бросались вверх вместе с неожиданным пассажем, они зловеще просвечивали сквозь воды, странненькие, невозможные, волшебные...

Ударил гром... Ухнул, покатился его раскат... Разлетелись водяные столбы, а из воды взвились метеоры. Они взорвались под черным сводом, и вместе с рассыпавшейся барабанной дробью помчались вниз мириады бисерных искр...

Общий вздох прокатился в толпе.

И, снова нарастая, загудели басы, задрожали барабаны, грянули фанфары, и понесся вверх разливающийся аккорд, а вместе с ним в небо помчались огненные стрелы, оставляя за собой спящий след. Снова гордо вырос теперь уже белый семидесятиметровый фонтан. Вокруг него летали кометы. С шипением рвались вверх фиолетовые струи, оттеняя собой чистоту главного фонтана, как оттеняли собой басы высокую ноту заключительного аккорда.

Еще раз глубоко вздохнул орган, последним ливнем рассыпались в небе вылетевшие из воды звезды, и вместе с замирающим звуком пал на «Лагуну наций» неожиданный мрак.

Первые секунды толпа молчала. Потом задрожало все вокруг от аплодисментов. Публика кричала.

А из воды плыли медленные, успокаивающие звуки, и вместе с ними поднимались ровные, спокойные, голубые струи. Мистер Бронкс молча смотрел на меня.

— Музыка, огонь, вода, свет, ракета и мрак... Вот это настоящая симфония! — сказал я.

— О, да, мистер Кэзэнтсэв! Насос, газ, электричество, радио, пиротехника и автоматическая синхронизация! Вот это настоящая симфония.

КОМФОРТ

— Многие судят об американском сервисе по обслуживанию автомобилей, — говорил мне Бронкс, когда в следующий раз мы с ним встретились на выставке. — Это действительно поставлено у нас хорошо, в противном случае в стране не нашли бы себе сбыта десятки миллионов автомобилей, которые приобретаются людьми, не могущими исполнять черную автомобильную работу. Вообще же, американцы любят обслуживать себя сами. И вот в Америке

делается все, чтобы людям было удобно обслуживать самих себя. Возьмите наши кафетерии... И, кстати, выпьем чашку кофе!

Мистер Бронкс повлек меня к прозрачной двери, за которой виднелась длинная стойка и толпящиеся около нее люди. Я протянул руку, чтобы открыть дверь, но она оказалась максимально предупредительной и открылась сама... словно для этого достаточно было одной моей мысли.

— Фотоэлемент! При вашем приближении меняется его освещенность, дается сигнал исполнительному механизму, открывающему дверь.

Я улыбнулся объяснению Бронкса.

— У нас, в СССР, подобные фотоэлементы управляют подачей болванки к блюмингу.

— Неужели, Алэк, это серьезно?.. В России блюминг работает без участия человека?

Я рассказал Бронксу об автоматизации производственных процессов, так широко у нас применяющейся.

— Мы строим новые отрасли промышленности. Естественно, что мы применяем и самое совершенное техническое вооружение.

— Это верно... Я не подумал об этом... — сказал Бронкс.

Взяв деревянные подносы, мы покатали их по некоторому подобию рельсового пути, который шел вдоль длинной стойки. Проезжая мимо всевозможных яств, мы могли ими нагружать наши подносы. На конечной станции этой своеобразной железной дороги нам сообщили, сколько следует заплатить, вручив чек на эту сумму. Дальше предстояло «проехать» кассиршу. Я хотел заплатить, но мистер Бронкс остановил меня:

— Нет, нет, Алэк! В Америке платит тот, кто пригласил.

Я пробовал протестовать, зная, что мой друг без работы, но мистер Бронкс оказался настойчивым, и пришлось ему уступить. Бронкс отдал долларовую бумажку, девушка нажала кнопку, и сдача, сама отсчитавшись, выскочила прямо к Бронксу на поднос.

После кафетерия Бронкс подвел меня

к стеклянному круглому зданию, к которому примыкал стеклянный же коридор. Вдоль всего коридора стояли... коровы. Они остановились перед своеобразными турникетами. Когда мы подошли вплотную, «коровий турникет» открылся, и сытая, довольная своей судьбой корова отправилась вперед по коридору, пока через несколько шагов не остановилась перед следующим турникетом. Оказывается, так и двигался этот своеобразный «коровий конвейер».

— Я же говорил вам, Алэк, что американцы любят все ставить на конвейер.

Двигаясь вместе с конвейерными коровами, мы приблизились к круглой части здания. Там нам представлен был полностью автоматизированный процесс механической дойки. Переходя от одного аппарата к другому, коровы мылись, скреблись и подготавливались к дойке. Затем к вымени прикреплялся электрический отсосник, и «безусловно свежее молоко» стекало для дальнейшей переработки. Можно было видеть, как в сепараторах отделялись сливки, в маслобойных машинах приготавливалось масло, или молоко шло на переработку в другие продукты. Тут же можно было зайти в молочную, и все эти приготовленные при вас продукты испробовать. К сожалению, я уже побывал в кафетерии, и качество «конвейерного молока» должен был принять на веру.

Облегченные коровы удалились в свои блистательные хлевы, но мы с Джимом сбились с «коровьего конвейера» и отправились в другую сторону.

— Сегодня мы должны уяснить себе, что такое комфорт! Газ! Могущественный конкурент электричества! Вы видите этот горящий факел? Это павильон газа!

Факел горел, а от него во все четыре стороны шли высокие, ни с чем не связанные стены.

В павильонах «Дженераль Электрик» всех посетителей талантливо убеждали, что будущее принадлежит электричеству, что кухня должна целиком перейти во власть проводов, что нет на свете ничего удобнее, чище и экономичнее, чем электрическая кухня! Здесь, в павильоне газа, было уже другое государство, где,

вероятно, за высказывание подобных «электроеретических» мыслей виновные приговаривались к мучительной смерти на медленном огне самой усовершенствованной газовой горелки. Посетители газового павильона, несомненно, выходили оттуда в полной уверенности, что «Мир завтра» будет спокойным и счастливым только потому, что существует еще на свете светильный газ, удобные и экономичные газовые плиты, газовые колонки, газовые лампы «Диадема»; газовые каминь (верх аристократического комфорта!), газовые печи, газовые calorиферы и даже... холодильники.

Стоявший около аппарата стэндист что-то горячо объяснял здоровенному и загорелому американцу без пиджака и в подтяжках. Американец хмыкал и недоверчиво поглядывал то на аппарат, то на стэндиста. Наконец он повернул к нам красное добродушное лицо и сказал:

— Хэлло! Джентльмены! Где же это видано, чтобы для замораживания надо было подогревать? Чтобы огонь делал холод? А? — И он неуверенно засмеялся.

Признаться, я и сам был не прочь присоединиться к его неверию.

— Да, Алэк, — сказал Бронкс, — чтобы сохранить продукты, зажгите только газовую горелку, и все будет «о кэй». Электротехники хотели погубить газ рефрижератором. Но не тут-то было! Конкуренция может сделать все! Газовые инженеры хорошо знали термодинамику. Чтобы понизить температуру, надо затратить энергию, а ее можно получить, сжигая газ. Значит, принципиально это возможно!

Американец открыл рефрижератор и залез внутрь, чтобы убедиться, действительно ли там холодно. Потом он тщательно обследовал, не подходят ли к этому «газовому рефрижератору» электрические провода и не загружается ли он попросту льдом. Словом, человек он был дотошный и доверием не баловал. Стэндист только успевал отвинчивать гайки. Американец встал на четвереньки и просунул под рефрижератор руку, потом он поднялся, смущенно почесал затылок, охватил рефрижератор, представ-

лявший узкий длинный шкаф, и попробовал его поднять, чтобы прикинуть «на вес».

Наконец он полностью убедился, что его не обманывают, и в знак такого своего решения стал безжалостно колотить стэндиста по спине и плечам. Стэндист вежливо увертывался, с мольбой глядя на нас с Бронксом. Чтобы спасти стэндиста, Бронкс заговорил с американцем. Нам удалось увлечь его в ледяной грот, откуда мы вышли в кафе, где все приготавливалось, подогревалось и замораживалось только при помощи одного всемогущего светильного газа.

Нашего нового знакомого звали мистер Малыген.

— Может быть, Малыгин? Вы не русский?

Наш новый знакомый немедленно заявил, что он ирландец и что его фамилия состоит из вдвое большего количества букв, чем выговаривается. Кроме того, он сообщил нам, что его зовут Биль, что мы славные парни и что если мы ничего не имеем против, то дальше он отправится вместе с нами.

Узнав, что я русский, мистер Малыген спросил, удалось ли мне убежать от большевиков или они меня из России выгнали. Сообщение о том, что я в Америку приехал по доброй воле и скоро предполагаю вернуться, повергло Биля в непередаваемое изумление. Мне даже показалось, что он хочет обследовать меня, как рефрижератор, и даже попробовать «на вес».

Потом он оживился, заявил, что он не трусливого десятка, и стал безбоязненно задавать мне вопросы.

— Скажите, парень, правда, что там у вас в России голод? Сильная ли у вас авиация? Выходят ли у вас женщины замуж? Сколько у вас получает рабочий? Остались ли у вас фермеры? Приедет ли президент Калинин на выставку? Будет ли в Европе война? Ездят ли у вас на автомобилях? Что такое пятилетка?

Мистер Бронкс слушал с улыбкой, а Биль удивлялся, как ребенок, узнавая, что у нас, в СССР, давно отменена карточная система, что у нас сильнейшая авиация, что мы высоко чтим советскую

семью, что рабочий имеет возможность каждую неделю ходить в театр и что мы не только ездим в автомобилях, но в результате наших пятилеток даже сами строим их.

К последнему мистер Малыген отнесся явно скептически, и труд убеждавшего его Бронкса пропал даром.

Тем временем мы продолжали осмотр американского комфорта. Мистер Бронкс с присущей ему стремительностью переводил нас из павильона в павильон, и перед нами проносилось американское счастье.

— Великолепные радиаторы! Наивыгоднейшей формы! Экономичные! Красивые! Непременная составная часть комфорта!

Мистер Малыген ощупывал радиаторы руками, заглядывал внутрь, узнавал цену за штуку и при оптовой покупке пробовал «на вес»,—и мы отправлялись дальше.

— Каминь! Прекрасные электрические каминь! Они располагают к отдыху, чтению и к мыслям, как наилучшим образом устроить свои дела! Грейтесь около электрических каминь! Они украшают ваш дом, создают уют и комфорт!

Наш Биль самолично включал и выключал камин, пробовал от него закуривать, обжигал о решетку руку, пытался согреть свои огромные ноги и возмущался, что не может потушить в павильоне электричество, чтобы узнать, можно ли читать при одном каминном освещении.

— Антрацит! Жгите антрацит в ваших домах! К вашим услугам великолепные автоматические печи для центрального отопления. Они саморегулирующиеся. Никогда не надо заботиться о подаче в них топлива. Топливо подается архимедовым винтом, который вращается со скоростью, зависящей от температуры воды в отопительной системе. В вашем доме будет гарантированная температура и влажность.

Наш Биль немедленно брал в работу стэндистов. Он записывал в свою записную книжку, величиной с добрый альбом, сколько стоит печь каждого типа. Интересовался, какие возможны скидки, льготы и другие условия по-

ставки, чем не только стэндистов, но и меня привел к убеждению, что он самым серьезным образом намеревается жить в полном комфорте.

— Ваннь! Дивные ваннь, в которых купаются лучшие кинозвезды Америки! Приняв ванну, вы приведете свое тело в состоянии блаженства, а ум к самому холодному и острому мышлению, что, несомненно, поможет вам устроить свою жизнь еще лучше, еще комфортабельнее.

— Если вы хотите удовлетвориться только душем, который принимает в Америке каждая красивая женщина, каждый знаменитый спортсмен, то нет ничего лучше душа с пневматическим катарактом. Один раз нажав кнопку, вы позволите вылиться на вас строго определенному количеству воды, экономя тем ее расход и избавляя себя от необходимости заботиться о закрытии крана. Прекрасные комфортабельные души в стене, за ширмой, в туалетной комнате, над ванной. Душ вселит бодрость в тело и освежит утомленную голову!

Мистер Малыген вымерял ваннь и в большинстве случаев убеждался, что они созданы не для его роста. Тогда он проявил внимание к ваннам для сидения и долго приценивался к некоторым из них.

Мы обходили павильон «домашнего уюта». Перед нашими глазами предстал весь «Мир завтра» среднего американца. Мы узнавали, что в Америке есть такие фирмы, которые чуть ли не в течение только одного дня выстроят вам чудеснейшие коттеджи. А здесь, в павильоне, можно было осмотреть и выбрать такое расположение комнат, которое устраивает ваш притязательный вкус, и такую наилучшую и красивейшую обстановку, которую предпочитаете вы иметь в своем будущем доме.

Биль заставил нас вместе с ним осмотреть и «столовые» из прекрасного дуба, и «гостиные» с непременной радиолой и электрическим каминь и, наконец, солидно-уютные спальни с непомерно широкими «дубльбед».

Наконец мы попали в царство пылесоса. Пылесос — это главный бог, Перун, Зевс, Юпитер, американского до-

машнего уют! С помощью этого самого пылесоса американцы добиваются в своем доме блистательной чистоты, прямо противоположной тому беспорядку, какой оставляют они в любом общественном месте, где побывают. Американец «свободен», и эту «свободу» он распространяет на целый ряд «европейских условностей». Простота и никакие ограничения — вот американская свобода. Поэтому американец задирает везде ноги, ходит в подтяжках, работает в жилете. Поэтому он в любом месте в бильдинге или на улице бросит на пол газету, плюнет, насорит. В Нью-Йорке это свободолюбие приняло угрожающие размеры, особенно в сабвее (подземке), где гришлось вывесить убедительное объявление: «Всякий, плюнувший на пол в вагоне, подвергается штрафу в 500 долларов (!) или пяти месяцам тюрьмы (!), или тому и другому вместе (!!!)». Теперь нью-йоркский сабвей — единственное место, где на пол не плюют, но газеты бросают попрежнему, доставляя тем не меньший доход, чем от штрафов за плевки.

Итак, пылесос—это то, что делает личный дом американца непохожим на общественное место. Пылесосы встречаются всех родов и размеров — от крошечного, доступного для рук миниатюрных мисс, до гигантских, раз'езжающих по улицам и проглатывающих тонны валяющейся там бумаги.

На пылесосе закончилось и наше кругосветное путешествие по уютным странам американского комфорта. Биль испещрил свою книжку заметками и ценами.

— Вот это все я обязательно куплю, парень, когда разбогатею, — сказал он без тени иронии в голосе.

Я попробовал разобраться во всем виденном, и мне показалось, что мы совершили путешествие по бесчисленным витринам магазинов. Может быть, на эту мысль меня навел Биль...

Мы осматривали один из павильонов, рекламирующих новые виды печенья, консервов и всяческих иных питательных продуктов, каковые посетителям надлежит покупать в «Мире завтра». Пришлось и мне попробовать сложный

вкусовой гибрид перца, уксуса, кипятка, мороженого и жевательной резинки, после чего, опомнившись, я сказал:

— Мне кажется, будь я американец, — я уже точно знал бы, что следует мне покупать «завтра».

— О кэй,—сказал мистер Бронкс.— Американская выставка «Мир завтра» — это, прежде всего, грандиозная реклама изготовленных сегодня товаров, которые «завтра» следует купить. Ваше убеждение, к которому вы пришли, стоит вложенных в выставку затрат!

— О кэй! — подтвердил Биль. — Я непременно куплю все это, когда разбогатею. — И он стал перечислять длинный список, кончившийся собственным домом. — Ведь это же будет «завтра»... — добавил он, как-то робко взглянув на нас.

«МИР ЗАВТРА»

Мистер Бронкс торжественно поднял вверх палец и сказал по-английски:

— А теперь, товарищи (слово «товарищи» он произнес по-русски, но тем не менее Биль его понял), а теперь, товарищи, мы отправляемся осматривать русский павильон!

Павильон стоял на берегу реки, вытекавшей из «Лагуны наций». В воде отражалась стоявшая на высоте двадцатипятиэтажного дома статуя рабочего и красная звезда в его руке. Биль запрокинул голову. Он все спрашивал Бронкса: неужели эта статуя стальная? как же ее поднимали? сколько футов до красной звезды и сколько это могло стоить?

Высоко вверх уносил эту сверкавшую на солнце статую красномраморный пилон, а по обе стороны его возвышались желтовато-розовые мраморные стены, соединенные между собой широчайшими ступенями. По ним сплошным потоком поднимались люди. Они казались крохотными пигмеями по сравнению с дворцом, в который входили. Мраморные утесы не зажимали лестницы, они были естественно связаны с ней, придавая ей торжественность и значительность.

Мистер Малыген стоял, стоял, смотрел, смотрел, а потом, виновато улыбаясь, стал натягивать пиджак.

— Вот это бильдинг! Вот это бильдинг! О! Джентльмены, в него не войдешь не в парадной форме! Эх, где бы почистить ботинки?

Мистер Бронкс молчал, но старательно смахивал пыль с рукава.

— Это Ленин, а вот это Сталин, — сказал он мистеру Малыгену, показывая на барельефы, выступавшие на монолитах.

Биль как-то странно посмотрел на Джима.

— Эх, парень! А я бы не догадался, — покачал он головой.

Мы долго смотрели на простую и величественную гармонию трех монументов мраморного дворца, и что-то родное, близкое, где-то виденное и в то же время новое и сложное было в этой законченной простоте.

— Смотрите, Биль! — сказал Бронкс. — У монументов вы видите группы. Это люди, которые трудятся и владеют страной.

— Трудятся и владеют страной... — повторил Биль. — Да, да... Я верю, что это люди... Русские как-то странно делают статуи. Они у них похожи на людей! А у нас непременно загнули бы им головы и вывернули руки.

Бронкс улыбнулся и направился к лестнице. Биль шел следом, поправляя галстук. Взойдя на первую ступень, он постучал крепко каблуком, попробовал мрамор «на звук». Потом подошел к стене и стал ее гладить, пощелкивая языком.

— И это все привезли из России? — спросил он.

— Да, на советских пароходах, — подтвердил Бронкс.

— И повезут после выставки обратно? — почти с ужасом спросил Биль. Бронкс пожал плечами и посмотрел на меня.

— Это, несомненно, случится, если у наших правителей нехватит здравого смысла, деловитости и практичности.

— О-о! Я стал бы голосовать за то,

чтобы купить этот бильдинг. Сколько он может стоить?

— У нас, в Америке, давно уже не строят мраморных зданий, — рассказывал Бронкс. — Здесь даже вывелись специалисты по полировке. При постройке этого павильона были большие затруднения с рабочей силой. Это в Америке-то! Ездили по всей стране, чтобы найти 200 мраморщиков.

Мы остановились вместе со многими американцами перед пилоном. На нем был изображен герб СССР и написана 1-я статья Конституции:

«Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян».

Мы повернули направо, чтобы пройти в павильон. Перед нами за строгой колоннадой была сплошная стеклянная стена; там мы видели плотную толпу людей, стоявших к нам спиной. Над головами высились статуи: Ленин и Сталин. На полированный мрамор, к подножью кто-то положил живые цветы. Из противоположного зала по широкому мраморным ступеням навстречу вошедшим в зал спускались еще люди. Мне показалось, что я вижу знакомые лица. Но полно, кого я мог знать в Америке?

Вместе со всеми мы вошли во «вводный зал». Теперь я понял свою ошибку: это было огромное портретное панно! Радостные люди шли с этого панно навстречу американцам.

— Эх, парень! Вот это картина! И люди, как люди. Веселые.

Около панно стояла невысокая, плотная девушка с выразительными глазами. Она присматривалась к нам.

— Послушайте, мистер русский, а что это за люди?

Я уже хотел ответить Билю, так как узнал многих, но девушка неожиданно вступила в наш разговор:

— Это знатные люди нашей страны, которых знает и любит наш народ.

— Знатные люди? — протянул разочарованно Биль. — А я думал, что вы выгнали всех аристократов!

— Нет, нет! — улыбнулась девушка. — Знатными у нас становятся рабочие, колхозники, инженеры, ученые, летчи-

ки, — словом, все, кто своей работой оказывает величайшие услуги стране.

— Вот как? — Биль почесал затылок. — Скажите мне, леди, что сделал вот этот человек в белом костюме?

— Это Папанин! Он вместе со своими товарищами зимовал в Арктике, проплыв на дрейфующей льдине от Северного полюса к Гренландии.

— А у нас, — сказал раздраженно Бронкс, — первые зимовщики на севере под командованием лейтенанта Грили были брошены на произвол судьбы. В течение трех лет из двадцати четырех человек семнадцать умерло с голоду. А семеро вернувшихся на родину были всеми забыты.

— А эта молодая леди в красном платье?

— Это наша стахановка Виноградова. Она, работая на ткацких фабриках, сумела внести в производство такие методы, которые увеличили производительность в десятки раз.

— Это называется у них стахановское движение, — сказал Бронкс.

— Эх, парни! Хотелось бы мне, чтобы мой портрет Америка выставила на Лондонской выставке за то, что я буду заворачивать вдвое большее количество гаек на своем конвейере... — Биль комично хлопнул себя по щеке.

— Завтра, — сказал неопределенно мистер Бронкс, — может быть...

— Скажите, леди, почему вас советское правительство прислало сюда? Вы жена комиссара или агитатор?

Девушка улыбнулась.

— Я училась в школе ФЗУ и стала слесарем. Потом, работая, я поступила в институт иностранных языков. Научилась говорить на шести языках, вот меня и прислали.

Биль уставился на нее и долго рассматривал с удивлением. Бронкс потянул его за рукав и подвел к карте СССР.

Карта была сделана из самоцветных камней. Биль категорически отказался этому верить.

— Не может быть, — говорил он упрямо. — Вот драгоценные камни я видел в английском павильоне. Ими были украшены там короны! Так ведь то же

короны! У нас драгоценности носят богатые леди. Неужели Россия богаче Англии и Америки?

— Дело не в этом, сэр, — сказала девушка, которую звали Марусей. — В нашей стране не осталось корон, наши девушки не носят драгоценных камней — они их не любят. Мы вполне можем себе позволить делать наши экспонаты на всемирной выставке яркими и красочными. Богатый павильон должен быть насыщен богато. Не правда ли?

— О кэй! — закричал Биль. — Это вы здорово сказали, леди! Когда я вспоминаю о наружном виде вашего бильдинга, то готов поверить, что даже пол его выложен из драгоценных камней! — Биль вытащил свой записной альбом и стал подробно записывать, из какого количества и каких именно камней сделана карта СССР. Он обязательно хотел представить все в долларах. Маруся помогала ему. От усердия Биль даже вспотел. Бронкс все спрашивал, не собираются ли он приобрести эту карту или хотя бы какую-нибудь автономную республику, если не весь Советский Союз. Биль отмахивался. Наконец он вытер платком лоб.

— Ну вот... Может быть, в вашей стране и не имеют таких меню, как на «Нормандии», но кто же поверит, что у вас голод, если вы позволяете себе строить мраморные дворцы для шестимесячной выставки, а целые стены делать из драгоценных камней, которые подстать английским коронам!

Маруся проводила нас до мраморной лестницы, ведущей в другой зал. Биль и Бронкс яростно трясли ей руки. Биль справлялся, замужем ли она. Бронкс уговаривал отправиться вместе на воскресную прогулку. Маруся помахала нам рукой.

Мы вошли в зал социалистического труда и народного хозяйства и остановились перед киноэкраном, сделанным в форме красного знамени. Его древко светило красивым рубиновым светом. Перед американцами в багровом зареве знамени проходили сцены взятия Зимнего... Они видели, как русские рабочие и крестьяне в серых солдатских шинелях и черных матросках вырвали власть

у буржуазных министров, чтобы изменить жизнь страны. По обеим сторонам экрана медленно загорались и гасли цифры, говорящие о том, как исчезли помещики, капиталисты и кулаки, как выросла промышленность и возросло количество рабочих, как крестьянство превратилось в социалистический коллектив. Биль аккуратно записал эти цифры.

Соседний стэнд. Трактор, кабинет ученого, токарный станок, линкор. Вот подходят люди к избирательным урнам. Они выбирают своих делегатов — людей, работающих на тракторе, за профессорской кафедрой, на токарном станке, на линкоре. Вспыхнула вся стена, и появились миллионы людей, избравших свой Верховный Совет.

— Да, — сказал Бронкс, — русские умеют выбирать для управления государством трактористку, матроса, ученого и токаря. Мы очень демократичны, но, как это ни странно, выбираем всегда политиков-профессионалов. Даже здесь сказывается специализация. И бизнесмен, и конгрессмен — оба стоят у конвейера американского благополучия, притом рядом...

Биль уже смотрел другой киноэкран, где проходили одно за другим новые возникшие в СССР производства.

Измумлению Биля не было конца.

— Подождите! — кричал он. — Ну, я допускаю, что у вас сильная авиация. Но кто заставит меня поверить, что аэропланы вы делаете сами! До сих пор я слышал, что вы их заказываете в других странах. А разве вы не пользуетесь больше американскими автомобилями? Что же врут наши газеты? Пусть я буду последним негром, если не прекращу подписки на эту лгущую бумагу! Подождите! Вы и резиновые покрышки сами делаете? Металлургия? Оставьте, парень! Самые лучшие заводы — это американские!

Перед нами была огромная панорама, подобная многогранному сверкающему камню. В синем сумраке неба вырисовывались ослепительно яркие серебряные силуэты доменных печей и кауперов. Сделанные с поразительной тщательностью, высились металлургические агрега-

ты. Тончайшие переплеты ферм, блестящие змейки газопроводов, стрелки труб, крыши мартеновских и прокатных цехов, — все это горело блеском металла, сверкало алюминием, заставляя забыть всю условность изображения и окраски. Там, за доменными печами, где виднелась эстакада с поездом руды, алюминивый блеск отдавал багровым отсветом плавки, а крохотные чугунные и шлаковые ковши казались наполненными расплавленной массой.

— Это Магнитогорский металлургический завод, — с жаром объясняла миниатюрная девушка в таком же платье, как и Маруся. — Он один выплавляет больше металла, чем вся металлургическая промышленность царской России.

— А скажите, леди... Вот вы... Неужели вас действительно интересует этот чугун? Вы рассказываете о заводе, словно читаете стихи!

Девушка вспыхнула. Вокруг нее уже образовался маленький кружок.

— Вы правы, сэр. Я говорю с тем самым увлечением, с каким еще недавно мы все это строили.

— Bravo! — восхитился Биль.

— Увлечение! — иронизировал кто-то из толпы. — Говорят, у вас, в России, все построено на этом. А что будет, когда у вас пройдет увлечение производственными успехами?

— Сэр, — вмешался Бронкс. — Я склонен провести границу между понятиями. Мы, американцы, увлекаемся чемпионами бокса, детективами и кроссвордами, русские же увлекаются строительством тракторных заводов. Вернее сказать, они строят их с энтузиазмом!

— Правильно! — заметили в толпе.

— Мы не успеваем опомниться, как с энтузиазмом построенный русский завод начинает выпускать тракторов больше, чем наши заводы.

— А скажите, мисс, — продолжал все тот же ехидный джентльмен, — вот там я вижу цифры, которые говорят, что в целом ряде промышленных производств вы стоите на первом и на втором месте в мире. Так отчего же нам пишут, что у вас трудно достать себе

костюм, ботинки? Почему вы одеваетесь хуже нас?

— У нас 170 миллионов населения, — начала девушка. — Большинство этого населения ходило прежде в армяках и плело себе лапти (обувь из древесной коры). И вот представьте себе, что больше ста миллионов этого населения вдруг желает одеваться по-городскому. Им нужны модные костюмы и туфли. Их благополучие, связанное с коллективным ведением хозяйства, позволило предъявить эти требования. Наша страна в короткий срок смогла дать своим гражданам возможность предъявить такие требования, но полностью удовлетворить их она не успела. Вообразите себе, что вдруг с завтрашнего дня все население Соединенных Штатов пожелало бы ходить в рыцарских доспехах. В какой срок могла бы промышленность Америки удовлетворить такую неожиданную потребность?

— Не так-то скоро! — засмеялись в толпе. Биль хлопнул девушку по плечу.

— Не смейтесь, сэр! В царской России, увидев американцев в рыцарских латах, изумились бы гораздо меньше, чем при виде мужиков в галстуках или баб на высоких каблукках...

Все смеялись, а девушка Зоя серьезно продолжала:

— В докладе на XVIII с'езде коммунистической партии товарищ Сталин говорил, что мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства и темпов развития промышленности... Но этого мало... Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления. Товарищ Сталин поставил задачу перегнать капиталистические страны и достичь изобилия предметов потребления.

— И они это сделают! — заявил мистер Бронкс.

Ехидный джентльмен больше не являлся.

Мистер Бронкс указал мне на панораму Магнитогорска.

— Смотрите, Алэк, я говорил же вам,

что русские умеют подковывать блох. На этих прекрасных моделях выведена каждая заклепочка. А разве так выглядят наши американские панорамы? После этой не хочется их смотреть. Ведь у нас нет массового производства панорам, — добавил он извиняющимся тоном.

Наш Биль все еще был около девушки-стэндистки. Рядом с ним я заметил еврейского раввина. Остальные разошлись.

— Как рад я, — сказал раввин, — видеть среди присланных из России девушку-еврейку. Но скажите мне, дитя мое, правда ли, что в вас нет больше огня веры?

— Нет, погас! — сказала девушка Зоя.

Раввин ужасно огорчился.

— Прискорбно видеть такое забвение, хотя я и ожидал его встретить. Позвольте же приложить усилие, чтобы вернуть вас...

Зоя посмотрела на нас умоляюще.

— Хэлло, сэр! — кричал Бронкс, хватая за рукав раввина. — Знаете ли вы, как надо подковывать блох? Так я вам покажу!

Оторопевший раввин испуганно смотрел на ажурные переплеты доменных печей. Стэндисткой же тотчас завладел Биль. Он немедленно справился, замужем ли она и как попала в Америку. Была ли у нее протекция или ее специально к этому готовили?

— Нет, — ответила девушка робко: — мне просто очень захотелось поехать в Америку. Я пришла и предложила свои услуги. Меня и послали... Только вот с работы меня никак не отпускали...

— Так просто взяли и послали? — восторженно удивлялся Биль. — А нам говорят... — И Биль махнул рукой. Эту руку на лету подхватил мистер Бронкс и, не отпуская раввина, повлек обоих к следующему стэнду.

— Хэлло, джентльмены! Русские награждают своих людей за производственные успехи, за хорошие стихи, за научные открытия, за новые конструкции, за искусство играть на сцене или в

шахматы. — Он показал на огромные модели орденов СССР.

— Сэр, вы верите в чудеса? — неожиданно спросил он раввина.

— История моего народа... Моисей...

— Так смотрите, джентльмены! — И снова, как в американских павильонах, Бронкс с видом мага и волшебника протянул руку.

Небольшая панорама. На пригорке, освещенная луной, раскинулась грязная бедная деревенька. Вдали виднелись традиционные колонны помещичьего дома, высилась церковь.

— Внимание, внимание! — шептал Бронкс: — Жила бедная и убогая Русь...

Потом произошло нечто совершенно непонятное. Поневоле не поверишь глазам. Я старался не моргать, но тем не менее ничего не понял. Пригорок, речка, холм, улица, вдоль которой стояли хибарки... Все оставалось на месте... Однако у нас на глазах, при полном освещении, покрытые соломой грязные избы превратились в хорошенькие, залитые солнцем домики, непролазная улица мгновенно вымостилась, река преградилась плотиной, рядом выросла гидростанция. Невольно я взглянул на дом с колоннами. Он стоял на месте, а на нем была вывеска: «Школа».

— Селение коллективных фермеров. Колхоз. Сегодняшняя Россия.

По шоссе ехал автомобиль. Вдали стоял трактор.

— Здорово! — резюмировал Биль. — Но что же такое колхоз? Как это коллективно работают фермеры?

Бронкс оглянулся и увидел смотрящую на него, немного улыбающуюся стэндистку.

— Хэлло! — закричал Бронкс. — Мисс Софа!

— Здравствуйте! — сказала Софа, пожимая ему руку.

— Вот этот джентльмен интересуется, как это в ваших колхозах осуществляется раздел доходов.

В руках у Софы была указательная палочка. Она взмахнула ею, стала в позу, и мгновенно вокруг нее образовался кружок.

— По социалистическому признаку,

джентльмены! Если оценивать всякую выполняемую работу в трудовых днях, к концу года будет известно, сколько затрачено труда всеми и каждым в отдельности. Общий годовой доход делят на общее число трудодней, и каждый получает столько, сколько трудовых дней он выработал.

— Интересно! — Биль занес это в книжицу. — Это значит, сдельная работа. А у нас в Америке профсоюзы добились, чтобы работа проходила в ряде случаев только поденно.

— Ваш рабочий заинтересован больше работать, — сказала Софа.

— Верно! — встали из толпы.

— Наши рабочие заинтересованы больше сделать.

— Хорошо так делать у вас, — сказал высокий джентльмен с горбатым носом, — говорят, у вас каждый может работать.

— Да, да, леди, — попросили из толпы, — как это может быть, чтобы все могли работать?

— Развитие отраслей промышленности и регулирование их производства не наугад, а на основании зрелого расчета, дает возможность втянуть в работу всех способных к труду. Даже еще нехватает.

— Значит, все работают? А если кого-нибудь уволят за провинность?

— Он поступит на другое место, но не будет пользоваться теми льготами и уважением, которыми окружены у нас хорошие производственники. У нас труд воспитывает людей.

— А если у вас прогорит предприятие?

— Наши предприятия принадлежат только государству. Они не могут прогореть, если даже и работают временно убыточно.

— Эх, парень! Вот страна! Нам бы такое «завтра»!

— Это наше «сегодня», — сказала спокойно Софа.

Мы стояли перед огромной панорамой. Вдаль на десятки километров раскинулись поля. А на них росла настоящая золотистая рожь. Ширина горизонта и его удаленность были сделаны с поразительной естественностью. Бронкс

подробно расспрашивал Софу о каждом видневшемся вдали комбайне, где и на каком заводе такие делаются, о каждой группе домов, оказывавшейся машинно-тракторной станцией или молочной фермой.

Биль же молчаливо стоял и размышлял. Может быть, на тему: что такое «завтра» и что такое «сегодня»? Он уже не восхищался больше тем, что на соседней панораме лошадь и соха превращались в трактор.

Тем временем Софа подвела нас к «стенду науки» и рассказывала волшебные вещи о том, что пшеница ученого Цицина растет, как сорная трава, и если даже захочешь, так от нее не избавишься, все будет ежегодно приносить зерно; рассказывала про чудеса Мичурина, «конструировавшего» и изготовлявшего фрукты, как какие-нибудь детали машины, про другого преобразователя природы, молодого академика Лысенко. Говорила она остро и убедительно. Аудитория кочевала за ней. Наш Биль по пути увлекся челябинским трактором, выставленным в зале, и вскоре оказался под ним.

Мы распрощались с Софой, а с трудом вылезший из-под трактора Биль, задержав ее руку в своей, спросил, удержишь ли она и как она проводит воскресенье. Определенно наш Биль запутался в своих симпатиях к русским девушкам. Узнав, что Софа преподает в высшем учебном заведении, он страшно смутился и сообщил на ухо мистеру Бронксу, что его новая знакомая профессор!

Мы перешли в зал транспорта и энергетики. Нас заинтересовала карта Советского Союза, сделанная из дюралюминия. На ней возникали железно-дорожные, водные и воздушные пути, существовавшие прежде и появившиеся теперь. Особенно убедительной стала разница, когда вся карта загорелась разноцветными линиями неона-аргоновых огней. По обе стороны карты через каждые несколько секунд сменялись огромные фотомонтажи, рассказывая о жизни, труде и быте наших транспортников.

— Живут и не думают о том, что потеряют работу... И это у них «сегодня». — Биль помрачнел. Однако снова обрел хорошее настроение, когда увидел две грандиозные панорамы, занимавшие всю противоположную стену.

— С водой! — закричал он восторженно. — С настоящей водой? — И он стал бесцеремонно протискиваться к барьеру. — Что это такое? Что? — спрашивал он стэндиста-инженера, об'яснявшего панорамы Днепровской и Куйбышевской гидростанций.

— Так вот оно как выгядит! — волновался Биль. — Значит, вы это построили? А здорово, парень! И вы там сами были? И оно именно так выгядит? 750 000 киловатт? А рядом та, Куйбышевская? Три миллиона! Нигде в мире? И вы ее строите? Сами? Без американцев?

— Иес, сэр! — отвечал инженер-стэндист. — Куйбышевский гидроузел только часть работ по реконструкции Волги. Ее воды уже доведены до Москвы.

Он показал Билю оригинальную карту водных путей СССР. На ее серебристой поверхности были видны синие ленты рек и узоры морей.

«Так было прежде» — говорила надпись в левом нижнем углу карты. Вдруг что-то щелкнуло, надпись переменялась. Ленты рек завились по-иному, расширились. Появились голубые пятна новых озер, водохранилищ, Балтийское море соединилось синим путем с Белым морем, широкая Волга разлилась весенним разливом, превратившись в длинное море, а приток этого нового моря повернул к яркой рубиновой звездочке — Москве.

«Так стало теперь».

— Здорово, парень! Как это вы ловко показываете!

— Что же здесь ловкого? — раздалось сзади. — Если бы это было автоматизировано. Мы-то ведь знаем, что в России нет своих реле!

— Так что же заставляет карту меняться? — обиделся стэндист.

— Вероятно, такой же, как и вы, молодой человек, которому платят деньги за его автоматическую работу.

— Нет, сэр, — вмешался Бронкс: — Россия очень широко применяет автоматизацию.

Красивый джентльмен с седыми висками улыбнулся и очень вежливо сказал:

— В этом меня не могут убедить даже слова моего соотечественника.

— Прошу вас, сэр! — сказал покрасневший инженер-стэндист. — Не угодно ли вам пройти со мной и посмотреть?

— Прекрасно! — уверенно воскликнул Бронкс.

Джентльмен смешался, но стоявшие сзади начали недвусмысленно улыбаться. Пришлось джентльмену с деланным спокойствием пожать плечами и отправиться следом за стэндистом. Они скрылись за служёбной дверью. Присутствующие не расходились.

Мистер Бронкс изучал водные пути старой России, которые вновь появились. Биль что-то записывал в свою книгу.

Наконец мы увидели неверующего джентльмена. Он с независимым видом прошел мимо.

— Да, действительно, там, у них, применена собственная автоматика.

Толпа загоготала.

— Ага,—закричал вслед ему Биль,— вот такие, как вы, засорили нам мозги враньем о Советской России!

Мы перешли к стэнду авиации. На киноэкране мои американцы увидели подлинные советские самолеты. Биль качал головой.

— Эх, и врет же этот мистер Линдберг! Сидели они, сидели где-то там, в Европе, и научились сами машины строить!

Потом он запрокинул голову и стал рассматривать портреты героев-летчиков.

— Ага... мистер Громов, мистер Чкалов, мистер Коккинаки... Хорошие парни... И машины у них были хорошие!

— Вот это-то и удивительно, — вмешался в разговор пожилой, несколько тучный человек. — Я уехал из России тридцать пять лет назад. Это была голая, нищая страна! У меня не было охоты слушать о ней! Теперь бываю здесь,

смотрю и понимаю, что вот моя родина... Верите, джентльмены, я здесь уже восьмой раз... И я горжусь! Ведь это же моя Россия! Страна, где я родился! Честное слово, я плакал! Стоял вот около русской барышни и плакал... Дочкой моей она мне казалась... дочкой!

— Не одни только русские американцы ходят по восемь раз в Советский павильон, — сказал мистер Бронкс.

Мы перешли в зал «Культуры и отдыха».

— О-о! — воскликнул Биль и уставился на скульптуру «Футболисты».

Два футболиста боролись за мяч. Но что за положения были у них!.. Один почти падал на пол, другой застыл в прыжке... Их зафиксировали в одну пятисотую секунды!

— Пойдите, парни! — закричал Биль после того, как он ощупал диковинную скульптуру. — Значит, у вас, в России, играют даже в футбол?

— И даже очень неплохо,—ответил я. — Вот здорово! А я ведь до сих пор играю голкипером!

Я осмотрел внушительную фигуру Билья и почувствовал спокойствие за охраняемые им ворота.

Прямо перед скульптурой, сливаясь с небом, синело море, на зелени горного склона рассыпались белые пятна домов.

— Ух, ты, как красиво! — Биль даже крикнул.

Вокруг стояло много женщин. Они на все лады восхищались панорамой. Девушка Фаня с пушистыми, откинутыми назад волосами рассказывала им про Боровое, Сочи, Кисловодск.

Биль внимательно слушал.

— И у вас каждый рабочий имеет отпуск? Он ничего не делает, а ему платят деньги? Чудеса! Как же у вас не прогорают заводы? А если он захворает, ему тоже платят? Значит, не надо оставлять себе денег на черный день?

— У нас нет черных дней,—просто ответила Фаня.

— Потеряешь работу, сразу тебе дадут другую... А я три года ждал, когда мне подвернется работа... Теперь хоть работаю, но захвораю, — и все мои сбь-

режения уйдут на докторов, а на мое место у конвейера возьмут другого.

— А вот у меня сплошной отпуск, — горько усмехнулся мистер Бронкс, — только без сохранения содержания.

К Бронксу обратилась изящно одетая дама.

— Мы видим здесь подлинно красивое, бильдинг превосходит все показанное на выставке, но рассказывают нам еще более удивительные вещи... О каком-то утопическом людском обществе. Неужели это правда?

— Пропаганда! — презрительно фыркнула другая дама.

Биль угрожающе обернулся, а Бронкс улыбнулся.

— Леди! То, что мы видим и слышим, поразительно стройно и красиво... как самая сокровенная наша мечта.

— Да, да... Но неужели это правда?

— Пропаганда, — криво усмехнулась вторая дама.

— Леди, разве найдется на земле такой гений, который может так стройно, увлекательно и красиво соврать? Разве это в силах человека?

Дама рассмеялась.

— О кэй! Ничто не убедило бы меня так, как ваши слова, сэр! — воскликнула она.

— Мы никого не агитируем, — сказала Фаня, — мы рассказываем, как живет наша страна! Разве рассказ о действительности — пропаганда?

— Эх, парни! Я хотел бы, чтобы у нас было так завтра, как у них сегодня. — Биль комично хлопнул себя по ще.

— Америка естественным путем приведет нас к этому завтра! — убежденно сказал мистер Бронкс.

— Эх, парень! Держи карман шире!

Фаня показала нам на дневном киноэкране физкультурный парад в Москве. При виде стройно шагающих девушек мистер Бронкс закричал:

— Смотрите, смотрите! Ведь это же дамы! Как дивно они идут! Они маршируют лучше, чем солдаты!

— Какие здоровые и веселые леди! — сказал Биль сокрушенно. Вероятно, в

душе он огорчался, что не может спросить у каждой из них, замужем ли она и как она намерена провести свой выходной день.

На соседнем стэнде американцы увидели, какой заботой окружены в СССР мать и дитя.

Биль перестал записывать. Бронкс замкнулся в себе. Мы прошли мимо панорамы Артека, где за стеклом под южным солнцем бежали волны прибоя. Перед стеклом, взявшись за руки, кружились бронзовые статуэтки детей.

Биль с восторгом рассматривал модели, сделанные детскими руками.

— Даже бензиновый моторчик сделали! — восхищался он.

— Вы были правы, Алэк, когда говорили, что ваши дети уже стали техниками.

Подошли к стэнду народного образования.

— Подумайте! — говорил все тот же седой тучный человек, который встретился с нами у стэнда авиации. — Сейчас в России каждый обязан, понимаете, обязан учиться! И в университет может каждый поступить, ему за это деньги платят.

— Как так платят? — рассердился Биль. — Я всему верю, что здесь показывают, но нельзя же рассказывать небывальщину.

— Да нет! Уверю вас! Им платят за то, что они учатся. Это называется у них стипендией! А за учение студенты ничего не платят!

Биль обратился ко мне за подтверждением. Я сказал, что это действительно так. Моя жена кончает «на инженера» и получает стипендию.

— Женщина-инженер! — пожал плечами Биль. — Люди зарабатывают себе деньги тем, что ходят в школу! И это у них «сегодня».

— Да, да. А ведь еще вчера я жил в России, а грамоте учился здесь, в Америке... Мой брат остался в России и сейчас доктор! Честное слово, доктор, а я маляр!.. — Седой человек махнул рукой.

— Эх, парень! Вы маляр! Нам с вами надо перекрасить наше сегодня. А? Как вы думаете, гарни?

— Америка — великая страна! Она всегда будет впереди! — воскликнул Бронкс. — Нас приведут к этому «завтра».

— Только это «завтра» показывают не в американских павильонах, — буркнул Биль.

— В американских павильонах показывают прекрасную технику, машины...

— То-то, машины, парень... А здесь человеческую жизнь! А нам надоели машины и их будущее. Мы люди...

— Может быть, вы правы... — пожал плечами Бронкс.

Мы поднимались по лестнице. Обойдя все подковообразное здание павильона, мы оказались теперь в колоссально высоком зале, заключенном в монолитном утесе, который видели с улицы.

Во всю высоту зала стояла ослепительно белая модель величайшего в мире здания — памятника социалистической эпохи.

— Неужели выше даже Импайер-стейт бильдинга? Тогда Америке надо спешно начинать строить что-нибудь еще повыше! — заволновался Биль.

Мистер Бронкс усмехнулся.

— Повыше? Дорогой мой Биль, разве вы не знаете, что и сейчас половина Импайер-стейт бильдинга пустует? Пытались сдать помещения, не требуя платы за первые годы! Ничего не помогает, пустуют...

— Да, — сокрушенно заметил Биль, — а у них не будет пустовать! Здание-то какое! И статуя! Какой же она величины? — И он с присущей ему дотошностью набросился на стоявшего около модели стэндиста. Узнав, что модель сделана из 170 тысяч кварцевых кирпичиков, он стал ощупывать их руками и хотел залезть головой в главный зал.

Потом Бронкс и Биль долго смотрели на статую, для которой величайшее здание мира будет служить пьедесталом.

— Ленин! — сказали они оба.

Потом мы прошли в дверь под большой буквой «М».

— Что это? — спросил мистер Малген, оглядываясь. — Это какой-нибудь

парадный зал во Дворце Советов?

— Нет, сэр! Вы ошибаетесь! Это — Московский сабвей! Подземная железная дорога!

— Станция «Площадь Маяковского!» — воскликнул я вне себя от изумления.

Мистер Бронкс, улыбаясь, подвел Биля к краю платформы и показал уходящие вдаль рельсы.

Мы были на подземной станции метро, выполненной в натуральную величину. Вверх поднимались такие знакомые мне стальные колонны. А там, наверху, словно из окошка светлого мира, смотрела на нас радостная мозаика. Целый пролет мраморной станции был привезен из СССР, а сплошные зеркальные стены удлинляли его на сотни метров, создавая полное впечатление, что мы в Москве, на подлинной станции метро.

От этого мне стало одновременно и радостно, и грустно. Как далеко почувствовал я себя от родины!.. Через секунду я стряхнул с себя навеянное чудесным кусочком родины настроение. Неверно! Здесь я дома, у себя! Я в нашем радостном «сегодня», среди простых и замечательных советских людей!

Мы вышли с волшебной станции, и на нашем настоящем, московском, эскалаторе поднялись в зал искусства.

— Какой фирме заказываете вы эскалаторы? — спросил мистер Бронкс, когда они с Билем перестали восхищаться нашим метро, вспоминая унылые, серые стены мрачного Нью-Йоркского сабвея.

Я удивленно посмотрел на мистера Бронкса.

— Джим! — сказал я с укоризной. — Мы проектировали и делали наши эскалаторы сами. Разве вы все еще не поняли?

— Простите, Алэк... Но эскалаторы... Хотя это смешной, правда, непосредственный вопрос... Надо не только понять, но и привыкнуть...

Американцы оглядывались по сторонам.

— Какие картины! — говорил мистер Бронкс. — Я думал, что не люблю и не понимаю живописи, но это следует отнести к французской школе, которой

мы подражаем. Ваши русские картины, понятные народу, волнуют меня, Алэк...

— Кто этот седой джентльмен, который стоит за этим роскошно убранным столом? — спросил Биль.

— Это — Станиславский, — ответил я, — великий артист, создатель нашего лучшего театра художественного реализма.

— О-о! Я видел ваш Художественный театр, когда он приезжал в Америку. Тогда один из наших крупнейших актеров вышел на сцену, схватил себя за волосы и спросил: «Как... как вы это делаете?». С тех пор я не люблю ходить на наши спектакли, где актеры ходят в ногу и декламируют хором.

Появился Биль, куда-то исчезающий. — Как он здорово рисует, ваш художник. Я узнал, что это как-раз тот парень, который нарисовал ту большую картину, похожую на зеркало!

Биль уже побеседовал со стэндисткой. Мы подошли к театральным макетам. Я, как умел, рассказывал своим спутникам, как наши театры ставят свои пьесы. Бронкс переводил. Неожиданно я заметил, что окружен толпой американцев. Невольно я превратился в стэндиста. Я смутился, но увидел веселый, ободряющий взгляд высокой русской женщины. Я улыбнулся в ответ и продолжал. Однако, попав в стэндисты, я должен был по-настоящему побывать в их шкуре.

— Спросите этого джентльмена, — обратился к Бронксу худой и желчный человек, — почему в русских театрах идут только просоветские пьесы? Не было поставлено ни одной, направленной против советского строя, в то время как русские говорят о свободе слова.

Я видел, что высокая стэндистка хочет притти мне на помощь, но я кивнул ей головой, как старой знакомой, и ответил сам:

— Передайте этому джентльмену, Бронкс, что каждый советский гражданин может обсуждать вместе со своим правительством те или иные мероприятия, законопроекты, но также вместе со своим правительством советский гражданин никогда не позволит своему люби-

мому театру стать трибуной врага! Против врагов мы боремся с помощью нашей демократии, но не превращаем демократию в его оружие. Врагу мы не дадим ни театра, ни книги, ни кафедры, как не дадим ему своей винтовки. Борьбы с ним мы не ослабим ни на минуту!

Бронкс перевел. А стэндистка подошла ко мне и спросила, давно ли я из СССР. И столько было грусти в этом вопросе, что я сам спросил:

— Вы по ком-то скучаете?

— У меня там дочка, — сказала она, улыбаясь.

Меж тем американцы живо обсуждали мой ответ.

— У нас пишут против Рузвельта! У нас демократия! — кричал один.

— Вот потому вы и проваливаете все мероприятия, направленные на помощь трудящимся и безработным! Вот потому вы и клеветаете на Советский Союз в своих лживых газетах! К чорту, парень! Прикрываясь демократией, мы разоружаемся, тем вооружая наших врагов! Мы кичимся тем, что позволяем всякой продажной гнуси открыто вредить народному благополучию. Потому у нас и живут гангстеры и бандитские объединения!

Биль разошелся. На помощь ему пришел еще и Бронкс:

— У русских слово свободно! У них свободно всякое слово, которое приносит пользу трудящимся и их дальнейшей судьбе! Но тех, кто хотел вести назад, хотел вредить и уничтожать достижения, уже заставили замолчать. Им не дадут оружия, как не подставят бандиту спину. Советские люди крепко стоят за себя. Потому они и сильные!

— Правильно, парень!

Разговаривая, мы вышли на внешний амфитеатр, охватывавший двор павильона. Здесь люди сидели, слушая русскую музыку. Я часто слышал потом, как насистывают американцы «Если завтра война».

Здесь же стояли наши замечательные автомобили «ЗИС-101а» и «ЗИС-102». Биль не удивлялся, глядя на них. Он любовно похлопал их полированные поверхности и по-хозяйски сказал:

— Вот они! Вот они, советские машины! Посмотрите-ка, парни!

Толпа окружила автомобили, а Биль стал объяснять, что такое Советская Россия и почему она умеет делать такие машины.

Бронкс шепнул Билю:

— Вы скажите им, что если они хотят посмотреть советский аэроплан, тот самый аэроплан, который перелетел через Северный полюс, то пусть они пройдут к Советскому павильону Арктики. Там все подлинное оборудование экспедиции на Северный полюс!

— О кэй! — сказал Биль и отстал от нас, превратившись в стэндиста Советского павильона.

Мы были в зале печати. Мы с Бронксом снова остались одни. Он долго и внимательно рассматривал советские книги. Я рассказывал ему о советской литературе.

Смотря на статую молодого Горького, Бронкс сказал:

— Я люблю этого писателя. Он умел писать красиво и непримиримо, он звал вперед, как зовет и сейчас вся ваша литература!

Он обернулся к статуе сидящего Ленина и тихо сказал:

— Завтра... наше завтра... Завтра нашей славной Америки... нашего мира капитализма... А у вас уже сегодня!

Незаметно мы перешли с ним в огромный подковообразный зал. Мы увидели даль, настоящую, покрытую дымкой расстояния, даль. Там виднелись горы, леса, степи, города. Мы видели

огромнейшую панораму наших советских просторов, преобразенных трудом и энтузиазмом миллионов.

А на переднем плане шли люди. Радостные люди всех наших национальностей, которые создают свою счастливую жизнь собственными руками, которые не думают о черном дне, всегда найдут, где приложить свои силы в увлекательной работе, которых ждет отдых после каждого года труда, братская помощь в болезни и старости. Счастливые люди!

Мистер Бронкс крепко сжал мне руку.

Вдали был виден огромный город. К нему вела широкая магистраль. А над ним стояла статуя вождя, указавшего человечеству путь...

— Как я хотел бы, Алэк, стоять вместе с вами среди этих людей, людей вашего «сегодня». На выставке много павильонов. Мы осмотрели только несколько главных. Везде машины. Их будущее. А здесь, Алэк...—Бронкс волновался. — А здесь, Алэк, я увидел человека и его будущее. На нашей американской выставке все-таки показан «мир завтра», и показан он здесь, у вас, в Советском павильоне! Ваше «сегодня» для нас счастливое «завтра». Теперь мы будем это знать!

Мы стояли и смотрели на престоры Страны социализма, которую ведет прямой дорогой к еще более радостному и счастливому времени коммунизма тот, кто нес вместе с Лениным знамя борьбы, тот, чье имя носит эпоха, эпоха Великого Сталина.

Народной армии Финляндии

Степан ЩИПАЧЕВ

☆

Здесь вся страна из камня и воды.
Бьет мокрый снег. Опять ненастье длится.
Твоих бойцов обветренные лица
открыты. Серые глаза тверды.

Рыбак над сетью думал о тебе,
в ночах морозных ждали лесорубы, —
и вот в руках их, от работы грубых,
оружие солдат... В твоей борьбе
свою судьбу решает край суровый...
Труби, горнист, веселый, белобровый!

СТАЛИН

★

Под бой часов кремлевских из ворот
Выходит он на праздник всенародный
И к мавзолею Ленина идет
В своей шинели боевой, походной.

Вся юность мира в радостном расцвете
Из будущего шлет ему привет,
А шесть десятков пролетевших лет —
В истории, как шесть тысячелетий.

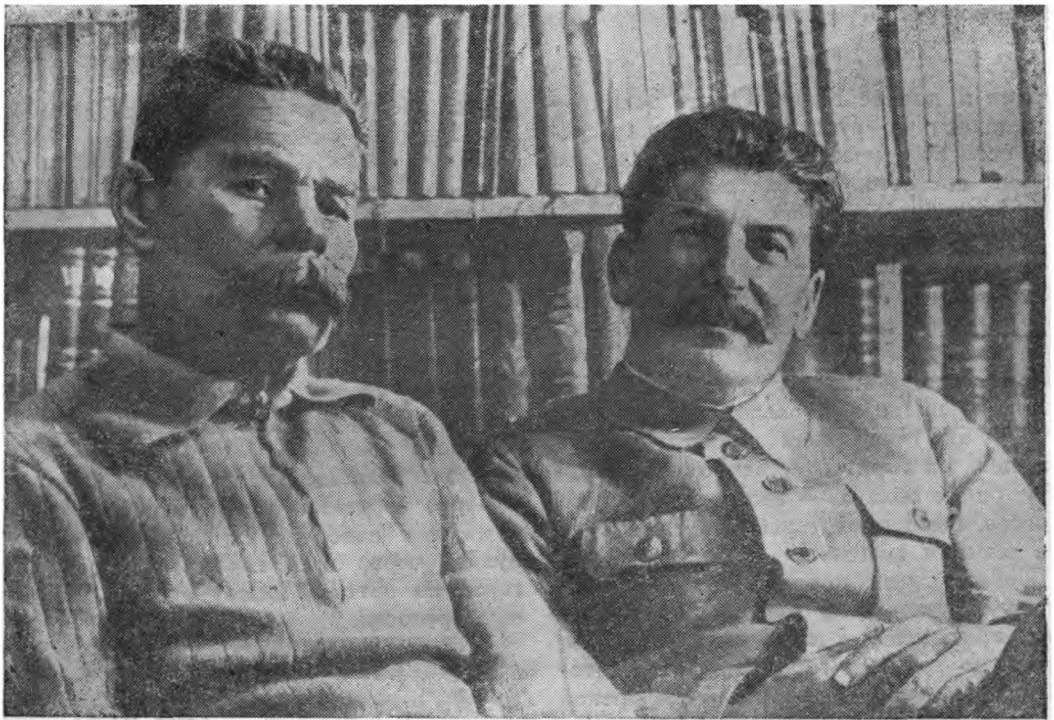
МИХ ЗЕНКЕВИЧ

★

Как рукопожатье друга в бою,
Немеркнущий в бурную ночь маяк,
Как знамя мира — в каждом краю
Слово С т а л и н на всех языках.

И шепчет сыну над зыбкою мать:
— Ты слышишь?.. Освобождая
народ,
Красная армия — грозная рать —
С именем С т а л и н а в бой идет...

С. ОБРАДОЗИЧ

М. Горький и И. Сталин.

Гори — Тбилиси

Ю. ЖУКОВ

★

«Грузинский народ многое дал не только своей стране, но и всему Советскому Союзу, занимающему почетное место в истории человечества. Достаточно сказать, что Грузия дала нам товарища *Сталина*».

В. Молотов.

Сорок восемь лет тому назад нижегородский цеховой Алексей Пешков пришел из Одессы в Тифлис. Был он оборван, худ, истощен, и в первый же день полиция упрятала его под замок, как человека весьма подозрительного. Но вскоре выяснилось, что у Пешкова в Тифлисе есть знакомые, они хлопотали за него, и Пешков определился на должность отметчика в железнодорожные мастерские. Жандармерия оставила его, однако, под своим наблюдением, и в Петербург полетело донесение:

«...Пешков имеет от роду 24 года, роста очень высокого, человек разви-

той, имеет прекрасный почерк, носит очки и длинные волосы...».

Человек, обладавший столь подозрительными приметами, вскоре оставил службу и отправился пешком по Закавказью. Он бродил по городам и селам, беседовал с людьми, узнавал их жизнь. Когда у него не было денег и хлеба, он брался за работу, не чураясь самого тяжелого труда.

13 февраля 1892 года Алексей Пешков забрел в город Гори. Четыре года спустя он так описал в «Нижегородском листке» свое первое впечатление от этого города:

«Гори — старинный грузинский го-

родок в долине Куры. Он не велик — с порядочную русскую деревеньку, среди него возвышается высокий холм, на холме крепость, по скатам холма и у его подножья разбросаны маленькие сакли и домики, почти все они из известняка. На всем городе лежит колорит какой-то обособленности и дикой оригинальности. Знойное небо над городом, буйные и мутные волны Куры около него, неподалеку горы, в них какие-то правильно расположенные дыры — это пещерный город, и еще дальше, на горизонте, вечно неподвижные белые облака — это горы главного хребта, осыпанные серебряным, никогда не тающим снегом.

Пейзаж этот непривычен и чужд глазу великоросса; и тон суров; зрение, привыкшее к широким горизонтам, сдавлено грядями гор, запиравших отовсюду котловину, разрезанную рекой и линией железной дороги, казавшейся неуместной среди этой простой и дикой красоты, бедной красками, богатой тяжелыми массами разнообразно исковерканной земли, вздымавшей свои хребты в синее знойное небо...».

И, резко обрывая это эпическое описание сурового и вместе с тем необыкновенно красивого горийского пейзажа, писатель с горечью написал:

«Центром пейзажа являлась толпа, собравшаяся вокруг виселицы. Выбрали праздник для того, чтобы повесить людей...».

Молодой автор с потрясающей реалистической силой изобразил в «Нижегородском листке» картину жестокой расправы над двумя грузинами — Сандро Хубулури и Тате Джиошвили. Со страниц старой газеты, как живые, глядят образы презирающих смерть людей, смеющихся перед казнью и перебрасывающихся шутками с толпой, в которой стоял 24-летний Пешков. И, — как знать? — быть может, в тот самый день рядом с ним стоял стройный подросток, уроженец Гори, Иосиф Джугашвили, которому было 12 лет...

Я невольно вспомнил этот рассказ, когда наша туристская группа после непродолжительной остановки в Тбилиси выехала на запад и неторопливый ме-

стный поезд доставил нас в долину, так красочно описанную молодым Горьким.

Пейзаж был тот же, каким видел его писатель полвека назад. И крепость была та же, и пещеры в скалах уцелели. Древний грузинский город сохранил свой мужественный колорит. И только разросшиеся сады несколько смягчили этот суровый пейзаж своими зелеными узорами.

Поезд замедлил ход и остановился у нового вокзала с легким решетчатым навесом. Пассажиры сошли на перрон, и через несколько минут вереница старомодных извозчиных пролеток потянулась через весь город к подножью горы, на которой лежат обломки древней крепости.

Домик в квартире Русис-Убани

Широкая асфальтированная улица Ленина обсажена ветвистыми деревьями. Журчат веселые ручейки. Мы едем мимо новых светлых домов, мимо большого театра, мимо новых школ. Словоохотливый возница показывает нам педагогический институт, кинотеатр, краеведческий музей, гостиницу, две новых больницы, новый мост через быструю реку Лиахву, сплетающуюся здесь с Курой, водопроводные колонки на улицах.

На ярко-зеленом берегу — стадион. Идет игра в футбол. В воздухе мгновение висит мяч, затем падает, встреченный звонкими детскими криками.

— Детский парк культуры и отдыха, — заявляет возница, тыкая кнутовищем в сторону стадиона, и гордо добавляет: — новый!

Но мы на этот раз с большим интересом рассматриваем не новые магистрали и не новые сады, а старые извилистые переулки Гори.

Вот знакомое по фотографиям древнее приземистое здание, похожее на казарму, — на нем висит памятная доска, напоминающая, что в этом угрюмом доме когда-то помещалось духовное училище.

Вот там внизу, вероятно, был район Квемо-Убани. Повыше — Земо-Убани. На площади Оконской церкви устраивались кулачные бои между жителями Квемо-Убани и Земо-Убани. Зрелище этих боев заменяло театр.

В верхней части города в прошлом веке находился Русис-Убани — русский квартал. Его назвали так потому, что поблизости помещались казармы русских солдат. В квартале Русис-Убани и стоял маленький домик, в котором 60 лет назад жил скромный сапожный мастер Виссарион Джугашвили.

У ограды толпится народ. Один за другим люди входят во двор, чтобы подняться по стертым ступеням на ветхую террасу старенького, подслеповатого домика. На лицах людей написано ощущение большого искреннего волнения, которое возникает, когда приходится видеть живой и вечно свежий след истории, оставленный на самых простых и будничных предметах.

Вот он стоит перед нами, этот маленький, нескладный, бедный домик с небольшим балконом, шаткие балаясины которого едва держатся в своих гнездах. Кое-как слепленные из кирпича, глины и дерева стены, быть может, давно развалились бы, если бы домик не был прикрыт высоким стеклянным навесом на строгих мраморных колоннах, обступивших его, словно почетный караул.

Смешавшись с толпой, мы поднялись по ступеням на балкон и заглянули в распахнутую дверь тесной комнаты. Небогатое убранство! На низкой тахте постлан маленький дешевый коврик. Стол накрыт клеенкой. На комодѣ стоит медный самовар. Дешевое зеркальце в круглой рамке, керосиновая лампа, кувшин с водой да вышитая туфля для часов на стене — вот и все богатство этого дома.

Вот здесь, у входа в сырой подвал, просиживал Виссарион Джугашвили за работой целые дни, не разгибая спины.

Вот здесь, вероятно, ставила свое корыто с бельем его жена Екатерина, зарабатывавшая стиркой и шитьем 50—60 копеек в день, чтобы как-нибудь свести концы с концами.

С утра до вечера работали муж и жена, мечтая когда-нибудь выбиться из нужды. Но расходы всегда были больше доходов, и мастера все чаще беспokoила одна и та же мысль, которую он пока упрямо гнал от себя: оставить мечту о самостоятельности, наняться рабочим к Адельханову, продать себя за кусок хлеба. Особенно тяжело было думать об этом, глядя на маленького сына. Какую судьбу он обеспечит ему?

Первые двое детей Джугашвили умерли, не прожив и месяца. В этом бедном переулке дети жили недолго. И, когда в хмурый декабрьский денек у Екатерины родился третий ребенок, ее сердце переполнило радость, смешанная с тревогой.

Мальчик, действительно, казался хрупким, но мать перенесла на него всю свою заботливость, все мечты и надежды. Сосо подрастал.

И вдруг в Гори вспыхнула эпидемия оспы. В те времена трудно было рассчитывать на медицинскую помощь. Люди умирали. У соседки Егнаташвили оспа в один день унесла троих сыновей. Говорили, что оспе наслали на город черные ангелы за грехи людей. Заболел и Сосо. Болезнь приняла тяжелую форму.

Но Кеке, так звали соседки Екатерину Джугашвили, твердо решила отстоять сына от смерти. Она дни и ночи дежурила у его постели. И мальчик выздоровел. Остались лишь незначительные следы оспы на его лице и на руках...

...Уже по нескольку раз осмотрен каждый уголок, каждый предмет. Но никто не уходит с тесной веранды, и только настойчивое напоминание о том, что следующая группа экскурсантов ждет очереди, заставляет людей покинуть домик.

Никто из нас не спешит на вокзал. Мы заходим в музей, бродим по улицам, подолгу сидим на берегу реки — там, где соединяются воды Куры и Лиахвы, слушаем рассказы местных жителей о той поре, когда в этом домике молодая Кеке нянчила Сосо.

Плохо, очень плохо жилось тогда бедным людям в Гори. И люди очень удивились, когда узнали, что Джугашвили собираются учить своего сына в:

школе. Другие на их месте начали бы учить его шить чуваки.

Но те, кто знал семью Джугашвили поближе, одобряли это решение. Мальчик был очень способный, и было бы грешно зарывать талант в землю.

О способностях Сосо узнали так. Из-за болезни он отстал от своих сверстников. Когда они уже ходили в школу, он не знал даже азбуки. Семья Джугашвили жила тогда на новой квартире — у священника Чарквиани. Оба сына Чарквиани учились в духовном училище. Старший, Котэ, помогал заниматься своему младшему брату Петре, который ленился и поэтому отставал. Котэ заставлял его читать вслух заданное на дом. Присутствовавший при этом Сосо внимательно слушал и потом повторял урок наизусть, слово в слово.

Екатерина попросила Котэ выучить сына читать. Дело быстро пошло на лад, и через несколько месяцев Сосо обогнал ленивого Петре. Он сразу поступил не в младшее, а в среднее приготовительное отделение.

Сосо был живой мальчик, любил играть в лапту, запевать звонкие песни, любил плавать через быструю Лиаву.

При всем этом он был примерным учеником, державшим первенство в училище с первого класса до последнего.

Он не раз ставил в неловкое положение иных педагогов, плохо подготовившихся к уроку. Однажды преподаватель математики Илуридзе, угрюмый и злой человек, щедро раздававший направо и налево единицы и нули, объясняя урок, начал решать задачу из учебника Малинина и Буренина. Итог не сошелся с ответом, помещенным в задачнике. Сконфуженный педагог начал снова и окончательно запутался. Стараясь как-то выпутаться, он сказал, что в учебнике опечатка. Вдруг с места поднялся Сосо. Он подошел к доске и в несколько минут решил задачу. Взбешенный Илуридзе прогнал мальчика на место. Но было уже поздно. Весь класс смеялся над незадачливым учителем.

Способный ученик, Сосо никогда не подсказывал своим товарищам, но в учебе он охотно помогал всем: показывал, как надо решать задачи, помогал чертить географические карты. Детей соседа, которые не в состоянии были посещать школу, обучал грамоте и русскому языку.

Однажды в школу поступил мальчик-мингрел. Он коверкал грузинские слова, говорил с сильным акцентом. Товарищи смеялись над ним. Сосо подошел к маленькому мингрелу и сказал ему:

— Я хотел бы учиться мингрельскому языку. Давай, я буду учиться у тебя мингрельскому, а ты у меня грузинскому.

...В музее мы увидели фотографию, снятую полвека назад. На ней изображен школьный хор Горийского духовного училища. В центре — учитель пения Симон Гогличидзе. В заднем ряду стоит ученик Сосо.

Учитель пения был мастером своего дела. И хор Симона Гогличидзе прекрасно исполнял даже произведения Чайковского и других русских композиторов.

Люди заслушивались пением школьников. И выше всех поднимался и звенел детский голос Сосо. Говорят, что Гогличидзе пророчил ему будущность певца. Но, когда школьник немного подрос, у него появились новые запросы, — он пристрастился к книгам.

В библиотеке духовного училища было мало интересных, душевных книг. Из школьников хотели воспитать верных царю служителей церкви, их всячески оберегали от влияний жизни. Но ученики старших классов ухитрялись доставать запрещенные книжки и зачитывались ими. К старшеклассникам пристал и Сосо.

Он быстро сблизился с учеником Ладо Кецховели, который был на 3—4 класса старше его. Кецховели добывал книги грузинских писателей Ильи Чавчавадзе, А. Казбека, Ниношвили, и дети с увлечением читали их.

Ладо и Сосо узнали дорогу в книжную лавку Арсена Каландадзе. В этой лавке можно было достать не только книги Пушкина и Гоголя, но и бро-

шюры анонимных авторов, чтение которых строго запрещалось. Сосо добрался до трудов Дарвина и вскоре понял, что попы дурачат народ и что никакого бога в природе нет. Об этом он не замедлил сообщить одному из своих товарищей. У Сосо нашлись единомышленники. Так под крышей духовного училища росли молодые безбожники...

Все это не мешало Сосо хорошо учиться и из года в год получать по всем предметам отличные отметки. Когда он переходил из второго класса в третий, ему за успехи в учебе была назначена даже стипендия — 3 рубля в месяц. Мать не могла нарадоваться успехам сына. Она попрежнему отдавала ему всю свою любовь, все свои силы. Как ни бедно жила семья, для сына всегда находились и сапоги, и вязаные рукавицы, и пальто.

...Уже близился вечер, когда мы в последний раз пришли к домику под стеклянным навесом. За оградой теперь никого не было. Мы снова обошли вокруг дома, еще раз оглядели скромную обстановку, уселись на каменных ступенях и долго сидели молча.

Начинало темнеть. И только на памятной доске, прикрепленной к стене маленького домика, еще светлели буквы:

«Здесь родился и жил со своими родителями Виссарионом Ивановичем и Екатериной Георгиевной Джугашвили любимый вождь и учитель народов СССР и международного пролетариата великий Сталин с 1879 по 1883 год».

Ученик Тифлисской семинарии

Вот уже несколько дней мы живем в Тбилиси. Наш друг Сандро, с которым мы познакомились в посзде, усердно помогает нам «узнать душу города», как он выражается. Нас водят повсюду приятели Сандро, которых у него великое множество, — он говорит, что все грузины знают друг друга.

Мы уже побывали везде — в музеях, в Ботаническом саду, в древнем соборе Сионе, на аэродроме и во многих других примечательных местах.

Но больше всего мы благодарны Сандро за то, что он познакомил нас с работниками замечательного учреждения, которое носит скромное название филиала института Маркса—Энгельса—Ленина. То, что показали нам эти работники, и то, что они нам рассказали, запомнится на всю жизнь.

Массивное здание филиала института Маркса—Энгельса—Ленина, с колоннадой во все пять этажей, высится в самом центре города, на проспекте Шота Руставели. Здесь трудятся люди, которым поручена интересная и ответственная работа.

Они тщательно собирают документы, записывают воспоминания участников революционного движения, изучают исторические материалы, многократно сверяют и проверяют полученные таким образом фактические данные и воссоздают шаг за шагом величественную картину исторических событий, происходивших в Закавказье много лет назад.

Работники института показывали нам, например, интересную карту города Тбилиси; на ней отмечены места, где работал, жил, выступал товарищ Сталин. Уже много десятков точек чернеет на карте.

Для того, чтобы нанести на карту каждую такую точку, необходимо проделать большую работу, — должен быть собран точнейший фактический материал, показывающий, какие события происходили в этом доме или на этой площади.

Объемистые рукописи, подготовленные работниками института, составляющими карту, носят лаконичные названия: «Плехановский проспект, дом № 110», «Улица Сабо Сулхана, дом № 3», «Улица Кропоткина, дом № 9».

— Я советую вам начать вот с этого, — сказал работник института, которого мы попросили помочь нам познакомиться с историческими местами Тбилиси. И он протянул нам рукопись, озаглавленную «Пушкинский сквер, бывшая духовная семинария». — Почитайте эти материалы, поработайте в нашей библиотеке, побывайте в сквере. У

вас составит представление о Тбилиси 90-х годов прошлого века.

Мы так и сделали. И вот что рассказала нам одна лишь маленькая точка, нанесенная на карту города.

...Пушкинский сквер. Большое здание с тяжелыми, неуклюжими колоннами. Здесь помещается гостиница. У подъезда, на асфальтированной мостовой, гудят автомобили. Тротуары заполнены оживленными толпами народа.

Откиньте сорок пять лет. Асфальт исчезает. По неровной булыжной мостовой трясутся смешные высокие фаэтоны. Тротуары безлюдны. Но неуклюжее здание с колоннами стоит на своем месте. В двери входит худощавый пятнадцатилетний подросток в суконной грубой куртке. На смуглом лице сияют темнокарие глаза. Темнокаштановые волосы откинута назад. Отлично окончивший Горийское духовное училище по первому разряду, с похвальным листом, сын крестьянина Иосиф Джугашвили сдал конкурсный экзамен, принят в духовную семинарию и приступает к учебе.

Тифлис — большой город. Но в нем нет университета. Все хлопоты интеллигенции Тифлиса не привели ни к чему. Министр внутренних дел категорически отказался разрешить открытие университета. Он заявил с раздражением:

— Кавказская молодежь поголовно революционна. Число кавказских студентов, принимающих участие в беспорядках в русских городах, очень велико. Если в Тифлисе откроется университет, тогда все революционеры соберутся там, и университет превратится в вечный вулкан.

Разумеется, богатый грузин мог устроиться и в столичный университет. Но куда пойти сыну деревенского сапожника? Он поступает в духовную семинарию. Министр внутренних дел и его помощники не подозревают, что скромный юноша из Гори и это учебное заведение превратит в «вечный вулкан», — они уверены в благонадежности духовной семинарии. Ведь попы и монахи сделали все, чтобы убить в учащихся всякий проблеск вольнодумства. Правила внутреннего распорядка ду-

ховной семинарии скорее напоминают устав тюрьмы, чем школьные законы. В семинарии строго воспрещается говорить и петь по-грузински, читать Толстого, Достоевского и Тургенева, знакомиться с научной литературой, посещать публичные лекции и ходить в библиотеки. Правда, это плохо удается. За год до поступления Иосифа Джугашвили в семинарию здесь разгоралась забастовка учащихся, организованная Ладом Кецохели, его старшим товарищем по Горийскому духовному училищу, будущим героем революции, отдавшим ей всю жизнь. Перепуганные монахи на месяц закрыли семинарию, выгнали 87 учащихся и удвоили строгости.

Но пятнадцатилетний пришелец из Гори не очень-то считается с запрещениями.

Он старательно изучает запрещенные науки — естествознание, астрономию, биологию, химию, геологию, социологию. Он ходит в библиотеку и читает Шекспира, Шиллера, Гете, Данте, Сервантеса, Бальзака, Байрона, Пушкина, Белинского, Достоевского, Руставели, Чавчавадзе, Ниношвили и многих других писателей. Когда не удается достать нужную книгу в библиотеке, он отправляется в букинистическую лавку и там украдкой просматривает том за томом. Он вступает в нелегальный литературно-образовательный кружок семинаристов.

Молодой семинарист экономно расходует свое время. Серьезно работая над собой, он не забывает головы той чепухой, которую преподают попы, и только по общеобразовательным предметам учится прилежно. Церковные же науки его не интересуют нисколько, и он к этим урокам не готовится. Только благодаря своей исключительной памяти он сдает экзамены по церковным дисциплинам. Для гражданской истории и логики Иосиф Джугашвили делает исключение — по этим предметам он получает пятерки.

Серьезные успехи делал Иосиф Джугашвили в области литературы.

Либерально настроенный педагог Альбов восхищается его классными сочинениями. Но мало кто знает, что,

кроме школьных упражнений, Иосиф Джугашвили пишет и печатает в журналах свои стихи.

Первое же его стихотворение взыскательный и требовательный писатель Илья Чавчавадзе поместил в свой журнал «Иверия». Оно называлось «Распутился бутон розы». Впоследствии это стихотворение пятнадцатилетнего ученика семинарии вошло в хрестоматию «Родное слово» и переиздавалось из года в год.

Потом в журнале «Иверия» и в газете «Квали» появились новые стихи того же автора: «Месяцу», «Когда на небе ясная луна», «Бродил по миру, словно странник», «Утро», «Старец Ниника». В 1899 году в книге М. Келенджеридзе «Теория грузинской словесности» два стихотворения Иосифа Джугашвили были приведены, как образец ясного, простого и сжатого стиля.

Однако автор этих стихов не думал о славе поэта. Литературное творчество было лишь одним из проявлений его талантливой, разносторонне одаренной натуры. Юноша умел недурно рисовать. Его товарищи по школьной скамье до сих пор вспоминают портрет Шота Руставели, сделанный Джугашвили. Ему не чуждо было и сценическое искусство, — приехав в Гори на каникулы после первого года учебы, он участвовал в постановке пьесы «Арц акет, арц икет».

Но не это было главным в его думах и помыслах. Он видел вокруг себя нищету, голод, разорение. Грузинские рабочие и крестьяне изнывали под бременем национального гнета, полицейского произвола, экономической эксплуатации. Сама жизнь толкала его на путь борьбы с угнетателями грузинского народа.

И Джугашвили связывается с нелегальной группой русских марксистов, высланных царским правительством в Тифлис. С этого времени он навсегда соединил свою судьбу с великим делом освобождения трудящихся.

Много лет спустя он сам сказал об этом знаменательном моменте так:

— В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я

связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе.

Теперь Джугашвили решительно потребовал изменить программу школьного кружка. В 1895 году по его предложению семинаристы сняли комнату у горы Давида за 5 рублей в месяц и там тайком собирались. Собрания устраивались 1—2 раза в неделю. Иосиф Джугашвили произвел тщательный отбор членов кружка, чтобы в него не затесались провокаторы.

В этом кружке семинаристы читали и обсуждали «Историю культуры» Липперта, «Воскресение» Толстого, книги Писарева, Чернышевского. Потом молодой пропагандист начал раз'яснять в кружке теорию Дарвина. К концу года дело дошло до политэкономии и «Капитала» Маркса.

В одной библиотеке он раздобыл первое русское издание I тома «Капитала». Это был единственный экземпляр в городе. Пришлось переписать его от руки. Джугашвили сначала сам основательно изучил списанный текст, а потом начал раз'яснять его членам своего подпольного кружка.

В 1896—1897 годах Иосиф Джугашвили познакомился с передовыми рабочими главных железнодорожных мастерских Тифлиса и депо. Он стал их частым и желанным гостем. А еще через год он вступил в социал-демократическую организацию «Месаме-даси», в которой сразу же занял четкую и непримиримую марксистскую позицию. В этом же году он начал руководить кружками рабочих.

Однажды утром семинаристы собрались в Пушкинском сквере. Шел горячий политический спор. Джугашвили резко критиковал Ноя Жордания, будущего горе-вождя грузинских меньшевиков. В это время раздался звонок. Обрывая разговор, Джугашвили сказал товарищам:

— Я читал Тулина. Вот это настоящий революционер.

И он добавил решительно:

— Я во что бы то ни стало должен увидеть его.

...Под псевдонимом Тулин скрывался Владимир Ильич Ульянов-Ленин...

Надзиратели, наконец, пронюхали, что учащийся Джугашвили нарушает правила внутреннего распорядка. Начались обыски, репрессии. Фамилия непокорного ученика мелькала все чаще и чаще в кондуите. Надзиратель доносил начальству:

— Джугашвили. Оказалось, имеет абонементный лист из «Дешевой библиотеки», книгами из которой он пользуется. Сегодня я конфисковал у него сочинение Виктора Гюго «Труженики моря», где нашел и названный лист.

Резолюция гласила:

«Наказать продолжительным карцером. Мною был уже предупрежден по поводу пользования посторонней книгой «Девяносто третий год» Виктора Гюго...».

Вскоре ревностный служака Абашидзе отыскал более существенное доказательство неблагонадежного поведения Джугашвили — его тетрадь со статьей для нелегального рукописного журнала. Этот журнал издавался два раза в месяц. Он представлял собой обемистую тетрадь. На страницах журнала писались от руки статьи, освещавшие вопросы, которые дебатировались на собраниях кружка.

Крамольный учащийся получил двойку по поведению, и его исключили из семинарии.

Это было 29 мая 1899 года...

Рассказы о былом

В один из вечеров в филиале института Маркса — Энгельса — Ленина собрались старые рабочие, которые сорок лет тому назад работали в подпольных кружках со Сталиным. Они должны были рассказать о маевках, проводившихся в те далекие годы.

...Высокий худой рабочий с морщинистым лицом надевает очки и приглаживает седеющие усы, готовясь начать речь.

«Николай Васильевич Выгорбин, — записывает работник института, — герой

труда, орденоносец, производственный стаж 48 лет».

— Так вот о наших маевках, — начинает Николай Васильевич. — Сначала надо сказать про маевку на Соленом озере, что была 23 апреля 1900 года, а потом про наш красный май 1901 года. Не так ли, ребята?..

Два ровесника Выгорбина — один степенный, усатый, другой удивительно живой, черноглазый, с седоватой бородкой, — кивают головами,

— Только для начала надо сказать, как мы познакомились с товарищем Сталиным, — говорит черноглазый старик.

— Правильно, Георгий Антонович, ваше слово, — говорит работник института и пишет: «Георгий Антонович Ни-нуа, литейщик-пенсионер, производственный стаж 48 лет».

— Меня в кружок вовлек рабочий Ваню Стурца в 1894 году. Выписывали мы грузинскую газету «Квали», читали разные книжки, собирались раз в неделю. Руководил нашей группой Сильвестр Джигладзе из марксистской группы «Месаме-даси». И вот в 1898 году приходит Сильвестр и с ним незнакомый молодой человек.

— Это будет ваш руководитель, — сказал Сильвестр.

Работник института молча протянул нам старый пожелтевший номер «Зари Востока» от 10 июня 1926 года. В газете был напечатан доклад И. В. Сталина, сделанный им в железнодорожных мастерских. Несколько строк кто-то отчеркнул красным карандашом. Мы прочли:

«Я вспоминаю 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских. Это было лет двадцать восемь тому назад. Я вспоминаю, как я на квартире у т. Стурца в присутствии Сильвестра Джигладзе (он был тогда тоже одним из моих учителей), Зако Чодришвили, Михо Бочоридзе и т. Ни-нуа и других передовых рабочих Тифлиса получил уроки практической работы... Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое революционное крещение... Как видите, моими первыми

учителями были тифлиские рабочие. Позвольте принести им теперь мою искреннюю товарищескую благодарность...».

Георгий Антонович продолжал рассказывать о том, как встретил кружок своего нового руководителя. Но тут же его перебил третий собеседник (его звали Лордкипанидзе).

— Подожди, я скажу, что он говорил. Я это лучше помню. Наш новый руководитель говорил о том, что мы видим один мир, но жизнь в нем двоякая, что существует два класса — угнетенные и эксплуататоры, что угнетенных большинство, эксплуататоров меньшинство. Он говорил, что раньше угнетенные не могли победить эксплуататоров потому, что у них не было организации, а сейчас мы вооружены научным учением Маркса — Энгельса, которые призывают нас: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И он сказал, что учение Маркса — Энгельса даст нам возможность победить врага.

Лордкипанидзе замолчал. Нинуа задумчиво сказал:

— Ну, ты, кацо, конечно, только приблизительно сказал то, что говорил наш учитель. Он говорил так, как мы с тобой не скажем. Важно вот что: с этого дня у нас работа пошла по-другому. Теперь мы не только читали книжки. Теперь мы начали бороться за свои права. В то время было у нас четыре кружка грузинских, четыре русских. Занимались мы в Дидубе и в Нахаловке — это наши рабочие районы. Собирались друг у друга на дому поздно вечером, когда станет темно. А по воскресным дням уходили за город группами по пять-десять человек...

Нинуа обстоятельно рассказывал о встречах рабочих со своим руководителем. Он говорил о том, как тщательно молодой пропагандист готовился к занятиям. Какая бы тема ни была, он всегда подразделял ее на отдельные вопросы. От одного к другому вопросу он не переходил до тех пор, пока не убеждался, что все слушатели поняли его. Когда он говорил, перед ним всегда лежала записная книжка или листки мелко исписанной бумаги.

— Он хорошо знал историю рабочего движения на Западе, хорошо знал теорию марксизма, — рассказывал Нинуа. — Вот почему каждая беседа так захватывала нас. Во время занятий он всегда спрашивал нас о том, как мы живем, просил нас рассказывать о том, как эксплуатирует нас администрация, хозяева. И примерами из нашей жизни подкреплял теорию. Всегда приводил примеры из научной и художественной литературы. На занятиях время летело совсем незаметно. И всегда мы ждали, когда придет этот день. Товарищ Сталин жил тогда в обсерватории, — его из семинарии уже уволили, — и я всегда провожал его на собрания кружков и обратно. Иногда он ночевал у нас на квартире, на Елизаветинской улице...

Нинуа помолчал и потом сказал:

— Он учил нас работать с рабочей массой. Сначала это были будто простые прогулки — по воскресениям он устраивал за городом собрания под видом пикников. Приходили туда с мячом, приходили и с бутылкой вина для виду. И тут же вели нужный разговор. А потом из этих разговоров уже выросла забастовка в наших мастерских.

Теперь в разговор вмешался Николай Васильевич Выгорбин:

— Совершенно верно. Про эту забастовку я сейчас расскажу. Дело было в декабре 1898 года. Готовились мы к ней серьезно. А перед самой забастовкой товарищ Сталин сам прошел по мастерским: проверить, все ли готово. Помню, работал я в токарном цехе и вдруг слышу — рабочие шепчут: «Сосо, Сосо!». Оглянулся и вижу: идет он по цеху, лицо башлыком закутано, чтобы мастера не заметили чужого человека. Приходил он к нашим передовым рабочим-организаторам, давал последние инструкции.

А уговор у нас был такой: забастовку начать ровно в 12 часов. Нам важно было дать сигнал всему городу. Значит, надо захватить в свои руки заводской гудок. А кочегарка была саженях в семи от нашего токарного цеха. И вот, без пяти минут двенадцать, самые сильные рабочие выбегают и, как

условились, строятся в две шеренги — от токарного цеха к кочегарке, так что ни одному жандарму туда никак не пролезть.

Наши ребята бросились к гудку. Заревел он на весь город, подает сигнал. А у нас тут же было заготовлено ведро мазута и кусок пакли. Пять минут гудок прогудел, рабочие открыли фланец, воткнули туда кусок пакли, намоченной мазутом. Пар со всей своей силой ткнул его в самую глотку гудка. Теперь он уже не мог гудеть, и назавтра администрация мастерских не сможет созвать рабочих.

Пока наши товарищи возились с гудком, в цехах уже все бросили работу. Потом мы выломали ворота, вошли в депо и уговорили рабочих депо и ремонтных мастерских присоединиться к нам.

Тут готовился к отъезду поезд на Батум. Паровоз в депо уже разводил пары. Надо и его остановить! Наши рабочие повернули поворотный круг, незаметно открыли регулятор у паровоза. Он сам тихонько покатился и свалился в круг.

Начальство вызвало роту солдат. Начали арестовывать передовых рабочих. Остальным командуют:

— Разойдись!

Но мы помним распоряжение нашего руководителя, не двигаемся с места и кричим:

— Освободите арестованных, тогда разойдемся!

Наших товарищей освободили, и мы разошлись по домам. А ночью начались аресты. Меня тогда посадили на три месяца...

— А мы ушли ночевать к товарищам, — перебил Выгорбина Нинуа. — Так нас тогда и не захватили жандармы.

— Прошло три месяца, выпускают меня, — продолжал Николай Васильевич. — Думают, угомонился. Я — к своим. Узнаю, что готовится большое открытое политическое выступление.

Началось с маленького. Помню, еще в 1899 году у нас была небольшая маевка в конце Лоткинской горы под видом гулянья. Играет гармонист, бара-

банщик барабанит. Вдруг нас окружают драгуны. Офицер требует, чтобы мы разошлись. А мы командуем: «Гармонист, играй». И уговариваем офицера, чтобы оставил нас в покое. Зачем, мол, разгонять мирное гулянье? Офицер заколебался было. Но какой-то провокатор выстрелил из револьвера, офицер скомандовал драгунам: «Ружья на руку!». Пришлось разойтись.

В 1900 году дело было организовано уже совсем по-другому. Эту маевку наш Сосо организовал строго секретно. Нам было сказано собираться за городом. А где будет маевка, неизвестно. Когда мы выходили за город, нас встречали пикеты. Шли группами по два-три человека.

Я пришел рано. Людей было мало. Но вот, смотрю, идут люди отовсюду — от Авлабара, от Сололак. Идут рабочие главных железнодорожных мастерских, мыловаренного, войлочного завода, табачной фабрики. Все празднично одеты — в широких шароварах, в серебряных поясах. В платочках закуска для виду.

Когда собралось человек пятьсот, мы увидели, идет к нам товарищ Сталин, а провожает его Сандро Мерабишвили, — партийная кличка его была «Курьер».

Пора было начинать маевку. Взяли две трости, связали, прикрепили к ним знамя. Сели на траву. Она еще влажная от росы. Разостлали платки — белые, красные, синие, — они, как цветы на траве. Каждый положил свое угощение.

Первым говорил Сталин. Потом выступали Ваню Стурца, Сергей Аллилуев, Закро Чодришвили, Михо Бочоридзе, один армянский интеллигент и многие другие. Говорить им никто не мешал — в этот раз митинг шел под надежной охраной. У нас был дозор, который следил, — не появятся ли стражники. Помнишь, Нинуа?..

Нинуа усмехнулся:

— Еще бы! Мы вдвоем с Георгием Марсаловым дежурили. У нас были бинокли. И вот мы замечаем — едет полевой об'ездчик. Что ты будешь делать? Он же может нас выдать! Ну,

мы тут же его остановили, сняли с лошади, угощаем: пей, ешь, кацо! Напоили его, уложили спать. Вот все и обошлось благополучно...

Выгорбин продолжал:

— Одним словом, все было в порядке. Митинг продолжался. Настроение у всех было боевое. И вот товарищ Сосо говорит:

— В нашем городе маевка пока еще проводится тайно, за городом, но впредь ее надо перенести в город, и наше красное знамя должно подняться над улицами и площадями для того, чтобы самодержавие хорошенько почувствовало нашу силу.

Тут все пятьсот участников маевки крикнули «ура» и говорят: «Мы пойдем сейчас». Но товарищ Сталин остановил не в меру разгорячившихся:

— Нет, я не для того сказал, чтобы нам сейчас итти, — говорит он. — Сейчас нас еще мало. Но вы дайте присягу, что каждый из вас к будущему 1901 году завербует не менее десяти человек. Тогда мы пойдем и будем открыто праздновать Первое мая...

Все согласились.

И вот подошел 1901 год. Клятва, которую мы дали, была выполнена. В августе 1900 года у нас в мастерских была новая забастовка. Мы проводили ее под руководством товарища Сталина и его соратников: М. И. Калинина, Виктора Курнатовского, Аллилуева, Алеши Джапаридзе, Закро Чодришвили, Михо Бочоридзе, которые тогда работали в Тифлисе. Десять дней бастовали наши мастерские. Странников у нас после этого стало еще больше, хотя жандармы усмиряли забастовку очень свирепо. Товарищи Калинин, Аллилуев, Курнатовский, Джапаридзе, Чодришвили, Бочоридзе были арестованы. Многим рабочим, в том числе мне и Лордкипанидзе, тоже пришлось опять посидеть в тюрьме. Но тюрьма нас и на этот раз не утихомирила ни сколько. Теперь за партией шли не сотни, а тысячи рабочих...

В разговор снова вмешался Лордкипанидзе:

— Когда мы в участке сидели, туда приходили рабочие с демонстрацией — требовали, чтобы нас освободили. Николая Васильевича после отсидки выставили из мастерских с волчьим билетом. Меня же в административном порядке выслали в деревню. Тут пришлось поработать с крестьянами. А в начале 1901 года мне разрешили вернуться в Тифлис, — так сказать, специально для участия в первомайской демонстрации...

Все рассмеялись. Выгорбин сказал:

— Мы к демонстрации готовились, но и жандармы тоже не спали! В марте они опять арестовали Виктора Курнатовского и с ним еще целую группу подпольных работников. 21 марта полиция явилась с обыском и к товарищу Сталину. Но его дома уже не застали. Он перешел на нелегальное положение.

Через месяц, 21 апреля, под руководством товарища Сталина в подполье состоялось последнее совещание, посвященное подготовке к проведению демонстрации. Здесь каждый из нас получил конкретное задание.

Собрались мы 22 апреля на Солдатском базаре. Был назначен срок: десять часов тридцать минут. Условленный сигнал — будут пущены в воздух игрушечные резиновые красные шарики — один на Солдатском базаре, где поднимут знамя, второй — возле семинарии, третий — около театра. Начали мы сходиться. Видим, в каждом дворе полным-полно солдат. Шныряют жандармы...

Мы этого ждали. Заранее на одной арбе привезли целую гору кизиловых палок. Решили: если дело дойдет до драки, возьмемся за палки...

Нинуа, улыбаясь, вставил реплику:

— У меня такая палка до сих пор дома лежит, как память!

Выгорбин продолжал:

— На арбу с этим «кизиловым вареньем» — так сказать, угощение для жандармов — посадили мать Сандро Мерабишвили. Старуха сидела на возу, как хозяйка, — будто привезла палки для продажи. Ее предупредили: «Смотри, никому не продавай. А если кто спросит, трейбуй пять рублей».

Тут подходит товарищ Сталин. Спрашивает старуху: «Хороша торговля? Как продается кизиловое варенье?». Старуха отвечает: «Покупателей нет». Он смеется: «Придет время, найдутся»...

Он повсюду попевал. Все шло замечательно: собралось тысяч шесть рабочих. И вот в десять часов тридцать минут к небу полетели красные шарики. Тут из цветочного магазина вынесли палку от щетки, привязали к ней знамя и высоко подняли...

— Это знамя у нас на конспиративной квартире готовили, — вставил Лордкипанидзе, — Мачарадзе умел рисовать. Он изобразил на знамени портреты Маркса и Энгельса и написал лозунги. А текст для лозунгов дал товарищ Сталин...

— Начинается демонстрация. Первая открытая первомайская демонстрация в Тифлисе! Тут начали кричать «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!», «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!». Михо Бочоридзе начал речь.

Жандармы, конечно, бросаются на нас. Из засады выскакивает рота солдат. Мы на них. Завязывается борьба. Пошло в ход «кизиловое варенье». Бабка Мерабишвили теперь уже не жаловалась на то, что нет покупателей. Она и сама вооружилась палкой и лупила жандармов изо всех сил. Силы были, понятно, неравные, но дрались мы жестоко, и жандармам здорово досталось. Около сорока пяти минут рабочие защищали знамя и шли вперед. Но в конце-концов нас все-таки оттеснили в Банковскую улицу, у Александровского сада.

Мы не сдаемся. Хватаем камни из мостовой и продолжаем борьбу. Тут жандармы совсем озверели. Помню, Лаврентия Мамаладзе схватили за ноги и поволокли по мостовой. Он бился головой о камни. Тут же избивали целую группу рабочих. Околоточный Ковалев приговаривал: «Хорошенько бей!».

Я не вытерпел, подошел и изо всей силы ударил околоточного по морде. Жандармы налетели на меня, свалили

и начали бить ногами. Подошел какой-то городской. Спрашивает: «Кого бьете?». Жандармы отвечают: «А кто его знает». Городской поднял мою голову за волосы, узнал и говорит: «А, бунтовщик из Нахаловки. Бей его». И начали бить меня еще сильнее. Выбили три зуба, изломали мне бока так, что я лишился чувств. Очнулся за решеткой. Вижу, кроме меня, еще сорок шесть человек. А всего в тот день было арестовано больше ста рабочих. Демонстрацию жандармы в конце-концов разогнали. Но ведь победили мы, а не они! Сорвать демонстрацию им не удалось...

Выгорбин замолчал. Ниноа задумчиво листал старый комплект ленинской «Искры». Тонкие листки бумаги еще хранили следы сгибов и отпечатки чьих-то рук. Какой долгий и трудный путь проделывал каждый из этих листов, пока попадал к своим читателям! «Искру» прятали в чемоданах с двойным дном, зашивали в одежду, провозили тайком через границу, и в конце-концов газета, напечатанная за тысячи верст от Тифлиса, проникала в низкие и темные цеха железнодорожных мастерских, в тесные хижинки рабочих, и горячие ленинские слова находили живой отклик у сталинских учеников.

— Нашел. Вот что писала «Искра» об этой маевке, — сказал он наконец. — «Событие, бывшее в воскресенье 22 апреля (ст. стиля) в Тифлисе, является историческим и знаменательным для всего Кавказа. С этого дня на Кавказе начинается открытое революционное движение...».

Ниноа добавил:

— А ведь организатору нашей демонстрации, Иосифу Джугашвили, не было и двадцати двух лет.

Старики долго вспоминали десятки знаменательных событий, из которых складывалась история большевистских организаций Закавказья. Они рассказывали о том, как через несколько месяцев после первомайской демонстрации, 11 ноября 1901 года, в доме № 9 по Кубинской улице собралось двадцать пять делегатов подпольных кружков на первую тифлисскую кон-

ференцию социал-демократических организаций. Здесь был избран Тифлисский комитет партии во главе со Сталиным. Потом они вспоминали, как вскоре после этой конференции тифлисские рабочие провожали своего учителя в Батум, как потом, в апреле 1902 года, пришла весть об аресте Иосифа Джугашвили и как обрадовались большевики Тифлиса в феврале 1904 года, когда увидели его вновь после побега из ссылки, как сразу же начался новый подъем революционного движения в Закавказье...

Несколько точек на карте города

Несколько дней бродили мы по городу, осматривая памятные места. Побывали в старых цехах железнодорожных мастерских, где так часто бывал молодой Сталин, организовавший здесь забастовки и подпольные кружки рабочих, где работал молодой Максим Горький, где трудился высланный царским правительством М. И. Калинин. У речушки Вера нам показали корпуса старой фабрики Бозарджянца — здесь Сталин руководил забастовками рабочих. На улице Мясникова мы увидели запыленные грязные здания, в которых когда-то помещалась обувная фабрика Адельханова, — та самая, где работал Виссарион Джугашвили и где его сын организовал подпольные кружки рабочих. Отсюда до главных железнодорожных мастерских шесть километров. И каждый раз, когда занимались кружки в мастерских и на фабрике Адельханова, их руководителю приходилось пересекать почти весь город, увертываясь от шпиков и полиции.

Над быстрой Курой, на высокой каменной скале, стоит угрюмый Метехский замок — страшная тюрьма, где царские палачи 17 августа 1903 года убили одного из лучших революционеров — Ладю Кецихели. Сейчас в стенах этого замка расположен музей грузинского искусства.

А еще выше, в одном из глухих переулков Авлабара, стоит маленький

невзрачный домик, за которым сохранилась боевая слава одного из самых надежных конспиративных мест. Это подпольная типография, организованная по прямому указанию товарища Сталина, которое он передал члену Кавказского комитета партии Михо Бочоридзе летом 1903 года из... кутаисской тюрьмы, откуда его отправляли в далекую ссылку в Сибирь.

У тифлисских революционеров уже был опыт организации нелегальных типографий. Еще в начале 1900 года по плану Иосифа Джугашвили было организовано в надежном месте печатание прокламаций. Для того, чтобы попасть в типографию, надо было войти во двор скромного домика за городом, пройти по балкону на кухню и через люк спуститься в подвал. Там при свете свечи на тискальном станке печатали по 600—700 прокламаций в день. Прокламации писал Сталин, а их корректуру правил Цулукидзе, его верный друг и соратник.

В начале 1901 года с помощью Тифлиского комитета партии была организована большая нелегальная типография в Баку. Оборудовал ее Ладю Кецихели. Здесь дело было поставлено более основательно: из-за границы доставили разобранную скоропечатную машину, и теперь Тифлисский комитет получил возможность издавать в подполье свою газету «Брдзола» («Борьба»). В этой газете печатались статьи товарища Сталина.

2 сентября 1902 года Ладю Кецихели арестовали. Но типографию жандармы не нашли, и во второй половине 1903 года она возобновила работу...

И вот, когда тифлисские большевики получили из кутаисской тюрьмы указание товарища Сталина, закипела работа.

Старый рабочий Давид Ростомашвили арендовал на окраине города в районе Авлабар клочок земли и выхлопотал разрешение на постройку дома из двух комнат. Строили этот дом проверенные и надежные люди. Никто из соседей Ростомашвили не подозревал, что творится на этой стройке. А здесь происходили любопытные дела.

Рядом с домом, в небольшом сарае, был вырыт колодезь, глубиной в 14 метров. Он ни у кого не мог вызвать подозрений: тысячи тифлиссских домовладельцев рыли такие колодцы. Но если бы кому-нибудь пришло в голову спуститься в него по канату, он увидел бы на высоте полутора метров над уровнем воды ход в туннель. Через этот туннель можно было проникнуть в другой колодезь, который вел в большую камеру. Здесь стояли скоропечатная машина, привезенная и спущенная под землю в разобранном виде, кассы со шрифтами; лежала бумага.

Пять газовых ламп освещали подземную типографию. Чтобы шум машины не проникал на поверхность земли, стены и потолок облицевали кирпичом и камнем. На одной из стен помещался электрический звонок, кнопка которого была скрыта под обоями у тахты «хозяйки» дома, жившей наверху. Один звонок означал приглашение рабочих типографии на обед, два звонка — тревожный сигнал, три звонка — знак, что тревога миновала.

Строительство домика закончилось к началу 1904 года. И 8 января 1904 года в два часа пятьдесят шесть минут пополуни жандармский полковник иркутского жандармского управления растерянно телеграфировал в департамент полиции: «Из Балаганского уезда скрылся поднадзорный Иосиф Джугашвили».

Из Петербурга во все концы полетело предписание отыскать бежавшего ссыльного, «задержат и телеграфировать департаменту полиции для получения дальнейших указаний».

Тем временем товарищ Сталин, переодетый в солдатскую форму, возвратился в Тифлис и приступил к революционной работе. В его распоряжение сразу поступила готовая полиграфическая база, и вскоре подземная типография заработала полным ходом.

В колодезь опустились один за другим четверо наборщиков и один печатник. Их рабочий день продолжался с 6 часов утра до 10 вечера. На поверхность земли они поднимались только для того, чтобы поесть и поспать.

Старик Ростомашвили для вида открыл торговлю фруктами. Будто для завертывания фруктов он покупал бумагу. Потом эту бумагу партиями, по 10—15 пудов, увозили на рессорной тачке, глухими переулками, в типографию. На этой же тачке отвозили в город уже напечатанную литературу. Потом ее отправляли поездами в Баку, Батум и во все города Закавказья.

Вот здесь, под этим скромным домиком, в течение ряда лет печатался орган Кавказского комитета партии «Борьба пролетариата» и «Листок борьбы пролетариата» на грузинском, армянском и русском языках. Отсюда вышли знаменитые брошюры Сталина «Вскользь о партийных разногласиях» и «Две схватки», брошюра Ленина «К деревенской бедноте», сталинские листовки «Обращение к организованным рабочим Тифлиса», «Воззвание к рабочим» и много других. Кроме того, здесь было издано много брошюр, статей и прокламаций, отредактированных Лениным и Сталиным.

Эта подпольная типография в настоящее время реставрирована. Удалось разыскать даже ту самую печатную машину, которая тридцать пять лет назад стояла в этом подземелье. Большевики, работавшие тогда в типографии, помогли восстановить всю ее обстановку. Многочисленные экскурсии с благоговением осматривают старую печатную машину «Аугсбург», ветхие наборные кассы, колодцы, по которым пробирались тайком рабочие, чтобы здесь печатать ленинские и сталинские труды...

Штаб-квартирой большевиков, где товарищ Сталин писал статьи, правил корректуру, собирал заседания Кавказского и Тифлисского комитетов партии и совещания партийных работников и пропагандистов, была в это горячее время скромная столярная мастерская большевика Михо Чодришвили.

Мастерская Чодришвили помещалась в низком подвале углового дома № 110 на Михайловском проспекте. Здесь было три комнаты. Помещение это партийные работники считали особенно

надежным потому, что на верхнем этаже, над мастерской, жили офицеры и жандармы. Какому жандарму придет в голову искать большевиков в доме, где живут его собратья? И вот, в течение трех лет, буквально под самым носом у полиции находился руководящий центр закавказской большевистской организации...

В ноябре 1904 года, когда меньшевики захватили большинство в Центральном Комитете РСДРП, в этой скромной столярной мастерской собралась под руководством Сталина конференция кавказских комитетов, поднявшая голос за созыв III партийного съезда и избравшая членов бюро комитетов большинства. Три месяца спустя, в феврале 1905 года, в этой же мастерской большевики выбирали новый Тифлисский комитет партии.

Столярная мастерская Михо Чодришвили изготовляла станки для подпольных типографий, чемоданы с двойным дном для перевозки нелегальной литературы. Здесь хранились партийные газеты, книги, журналы, листовки. Отсюда литературу рассылали во все города Закавказья.

В конце-концов до ушей охранки дошли слухи о том, что столярная мастерская Чодришвили занята далеко не безобидными делами. И вот 1 января 1906 года в 12 часов ночи к дому № 110 явился большой отряд солдат и юнкеров. Дом был оцеплен. Вдруг у большевистского штаба нашлись неожиданные защитники: из дома выскочили офицеры, жившие над мастерской Чодришвили, и подняли скандал: как может жандармское управление подозревать крамолу в доме, где живут офицеры его величества?

Товарищи Сталин, Чодришвили и Бочоридзе в это время стояли на балконе гостиницы «Ветцель», находившейся напротив, и с интересом слушали разгоревшийся спор. Дело кончилось тем, что оцепление было снято. Тогда Сталин, Чодришвили и Бочоридзе со спокойным сердцем вернулись в мастерскую, проверили, нет ли в ней ка-

ких-либо компрометирующих материалов, и легли спать.

Но жандармский офицер, который собирался произвести обыск, оказался хитрее и настойчивее, чем можно было ожидать. Не доверяя заверениям своих коллег, он в три часа ночи снова явился в мастерскую в сопровождении десяти солдат. Обыск не дал никаких результатов. Рьяный жандарм опросил гостей хозяина мастерской. Товарищу Сталин заявил, что его фамилия Гаприндашвили, а Бочоридзе назвался Вермицанашвили.

Офицер записал фамилии и куда-то ушел, оставив у дверей часового. Но в квартире было четыре выхода, и товарищи Сталин и Бочоридзе свободно ушли из мастерской.

После этого «мастерская» существовала еще около двух лет. В 1907 году здесь же происходили выборы делегатов в Лондон на V съезд партии. Делегатом был избран товарищ Сталин.

Но в конце 1907 года Михо Чодришвили был арестован, и Кавказскому комитету партии пришлось переместить свою главную квартиру...

★

...Мы возвращались на туристскую базу поздним вечером. Улицы все еще были заполнены народом. На проспекте Шота Руставели благоухали цветы. Сотни фонарей и лампионов заливали светом фасады новых величественных зданий, украсивших проспект в последние годы. Легкая и прозрачная, как небо Грузии, музыка пела над городом.

Долго бродили мы по шумному прекрасному Тбилиси, любясь его чудными проспектами, сердитой красавицей Курой, одетой в гранит набережных, густыми парками, фуникулером, — этой почти отвесной железной дорогой, издали похожей на ниточку, по которой ползет светлячок-вагончик.

И с волнением вспоминали мы старый мрачный Тифлис, город, в котором жил и работал великий человек нашего времени.

Река счастья

С. МСТИСЛАВСКИЙ

★

І. ПЯТЫЙ КЛИМАТ

«Ферганская страна лежит в пятом климате, на пределах обитаемого мира. На восток от нее находится Кашгар, на западе — Самарканд, на юг — горы, отделяющие ее от Бадахшана; что же касается севера, то, хотя прежде в этой стороне и существовали города.., однако в наши времена они разрушены монголами и узбеками, так что не осталось там никакой оседлости. Страна эта невелика. Хлебов и плодов в ней — обильно».

Так записал пять веков тому назад в знаменитых и увлекательных «Записках» своих султан Бабур. Полтысячи лет. Но и сейчас на этих страницах в описаниях отдельных районов Ферганской долины, цветущих ее городов—Андижана, Маргелана, Ходжента, Каннибадама (города миндаля) — узнаем мы образ сегодняшней «жемчужины Узбекистана», страны, дающей свыше половины всего собираемого на нашей родине хлопка, три четверти шелка, а по плодовым садам своим и бахчам стоящей также едва ли не на первом месте. «Едва ли не» потому, что плодоводство не поддается точному учету: львиная доля сбора идет на собственное потребление ферганцев. Как и во времена Бабура, «не в обычае здесь продавать дыни на бахчах, когда они созреют».

Изобилие это тем чудесней, что «климат», где лежит Фергана, — «пятый» из семи, на которые рассекла мир мусульманская география, — тяжек для жиз-

ни. Когда самолет берет курс на Урал, по-над Каспием, в направлении на далекий Памир и на Индию, — в долгие часы лёта, на сотни и тысячи километров открываются глазу пустыни. Желто-серые глинистые, польностью поросшие равнины Усть-Урта, испятнанные белыми солончаками, сменяются бугристыми грядовыми песками Приаралья. Окаймленная узкой полосой зарослей туранги, джунгила и камыша, — змеится узенькая лента Сыр-Дарьи, «жемчужной», как прозвали ее монголы, реки. К северу, насколько зрения хватит, голое плато пустыни Бед-Пак-Дала: галька и песок без конца и края. Сорок лет назад, продвигаясь здесь на конях в обгон неспешному верблюжьему караванному ходу, набрели мы на «кладбище богатырей», как поется о месте этом в казахской стародавней былине: из разветвленной, сухой, расщепленной земли торчали закаменелые кости доисторических чудищ: безрогих носорогов и мастодонтов. Что с этими костями сейчас?

Мимо. Наплывают под самолет бурягуновые такыры и саксауловые леса Муюн-Кумов. К югу — необозримо — мертвые пески Кзыл-Кум: барханные поля, перемеженные на сотни километров густым посевом камней, покрытых рыжим загаром. Еще дальше на юг, за изгибистой и петливой чертой Аму, холмы, обрывы, столовые горки, барханы Черных песков Кара-Кум. С востока уже надвигаются горы. Взблескивают на солнце ледяные пики, снежные водо-

пады далеко в небо взброшенных, морщинистых безлесных вершин. И в сплетении горных хребтов, причудливых, вздымающихся гребенчатыми спинами сказочных драконов, яркой зелено-желтой полосой садов и полей возникает на траверсе Ферганский оазис.

«Страна эта невелика». По советским статистическим данным — 69 956 кв. км. без Ходжентской горловины — порога Ферганской долины. 1 742 тысячи населения. 45 административных районов. Ее протяженность — от Уч-Кургана, стоящего уже на рубеже культурных земель, до Ленинабада, бывшего Ходжента, — всего около 300 километров.

II. БЕЗ ВОДЫ

Я не случайно вспомнил султана Бабуря: за пятьсот лет культурная площадь «жемчужины Узбекистана» не раздвинулась за тогдашние пределы. Даже в границах долины остались до сего дня пустынные, лишь редким саксаулом и солянками поросшие пространства, голые шоры, песчаные холмы. И с запада, клещами сжимая ворота в оазис, надвинулись щепчатые, безлюдные, выжженные солнцем степи. Может быть, культурной земли даже стало меньше за эти пять веков. Потому что раньше, когда со склонов гор, окаймлявших с трех сторон Фергану, не сошел еще лес, тысячелетие назад покрывавший густо все склоны (остатки его, у Андижана, помнят еще столетние старики) — многоводнее, чем сейчас, были реки и горные потоки. Самое слово «Дарья» в первые тюркские годы значило «море». Только потом оно снизилось до значения «большая река» или даже «большой проток». Воды стало меньше. Но в Средней Азии это значит всегда: меньше садов и посевов.

В древнейшей индийской хронике Паорана сказано: «В трех мирах—на небе, на земле и в преисподней — нет счастья без воды». И верно — нигде так не ощутима могучая жизненная сила воды, как именно здесь, в Средней Азии, в ее безграничных просторах. Мертвой кажется степь. За сутками сутки копыта

коней гулко стучат по желто-серой, как камень, твердой земле. Лишь кое-где жалкими серо-зелеными пучками торчат соляки, верблужья колючка, широкие метелки полыни. Изредка — стебельки реомюрии, с выпотом поваренной соли на узеньких листьях. Птиц не видно. Не видно звериного следа. Только ящерица, извилистая, — большеголовый геккон, — проскользнет, в обход бугорков; пробежит, мохнатясь противным рыжим телом на длинных паучьих ногах, фаланга; выглянет настороженным глазом из-за далекого холма серый, острозубый, крепкохвостый, когтистый, на дракона похожий варан. От них еще мертвенней кажется застылый, под ярким синим, без облачка, небом, простор.

Но если простор этот прорежет вода, — стеной встают на дороге высокие раскидистые, широколиственные деревья, вьются виноградные лозы, розовыми и желтыми цветами расцветают широкие квадраты хлопковых полей, бархатится яркая зелень риса. Тутовник роняет в пыль дороги темнокрасные, кровавые ягоды. Через гребни высоких дувалов перегибаются ветви персиковых деревьев и яблонь. А земля та же...

Местные жители говорят: если воткнуть в землю оглоблю и поливать, она расцветет и даст плоды, таково плодородие этой почвы.

И даже воздух становится здесь не таким, как в пустыне. И солнце не палит, не жжет, а ласкает лучами сквозь листву. Температура на 8 — 12 градусов ниже, влажность на 40 — 60 проц. выше. Ученые называют это сухим словом «агроклимат», климат, созданный человеком.

Только была бы вода! Обилию ее обязаны своим расцветом оазисы.

Но часто, по условиям геологическим, даже огромные реки отказываются питать собственные свои берега. Сыр-Дарья и Аму-Дарья, обе крупнейшие реки Средней Азии, как текли, так и текут по пустыням, без пользы сбрасывая свои воды в глухое Аральское море: девяносто миллиардов кубометров воды в год.

Лишь трудом и искусством человека могли ожить пустыни даже в ближайшей округе рек. И люди с незапамятных времен начали борьбу за овладенье водой, за отвод ее на свои поля. В основе истории культуры Средней Азии лежит история ее ирригации.

История эта, многовековая, богата, как всякая история, под'емами и падениями. Были эпохи, когда обузданная людской волей вода далеко вдвигала в пустыни цветущие клины полей и садов. Но на смену годам благоденствия приходили годы войн и погромов, когда по среднеазиатским равнинам прокатывались волны нашествий полудиких кочевых орд. Тогда рушились мудрые системы плотин и перепадов, высыхала и заливалась сеть каналов — арыков, глушились обвалами почвы заброшенные карызы — подземные ходы, по которым колодцами выводили грунтовую воду на поля. И тотчас меркла яркая зелень, пустыня вновь начинала вечное свое наступление: вчера еще богатые города и кишлаки обращались в кладбища. Сорок лет назад, в годы первых моих поездок в Среднюю Азию, подымаясь вверх по Зеравшану, в ледниковой пещере истока «золотоносной реки», я видел места былых огромных водохранилищ. Их уровень — высоко над котловиной долины — очерчен был четко, ровным кругом следов замков и поселений, стоявших когда-то у глади водного зеркала. Нынешние кишлаки на много ярусов ниже: они раскинулись у самого ложа реки. Им воды хватает еще. Но ниже по Зеравшану культурная площадь в 90-х годах снизилась по сравнению с прошлым на 50—75 проц.¹ В связи с этим и следа не осталось от поселений, которые были когда-то там, куда сейчас не доходят уже воды Зеравшана, ослабленного растратой впустую зимних вод.

Сказания говорят о громадных каналах, как Тютяртартар, воды которого шли будто бы через всю Голодную степь с юга на север, о сплошной культурной полосе, тянувшейся от Джизака до Чиназа, от Чиназа до Казалинска. Конеч-

но, в сказаниях этих больше мечты о том, что могло бы быть, чем действительности. Но факт известного оскудения культурных земель по сравнению с лучшими эпохами прошлого для недавнего времени был фактом едва ли оспоримым.

Фергана искони была в наилучших условиях: она держит головы рек и водных источников двух мощных горных хребтов. Она является хозяином Сыр-Дарьи, образуемой слиянием двух рек, прорезающих Ферганскую долину: Нарына и Кара-Дарьи. И потому она скорее других культурных районов оправлялась от потрясений и восстанавливала границы оазиса.

Восстанавливала. Но не ширила. Причины этому надо искать не в технических возможностях (ирригационная техника в Узбекистане была искони высока), а в социальном строе и определенном им водопользовании. По букве мусульманского закона вода — дар божий, и частной собственности на нее не может быть, потому что отнять право на воду значило бы отнять право на жизнь. Но закон законом, а на деле вода находилась в безраздельном владении ханов, беков, баев — господствующего класса. На дехканские поля доходило только то, что останется после полива господских полей: жалкие, тощие струйки, еле смачивающие сухие борозды карликовых крестьянских участков. И эти жалкие струйки дехканам приходилось рвать друг у друга, потому что даже и этой «голодной доли» на всех нехватало. Вражда из-за воды вошла в обиход кишлаков. Нередко она приводила к убийствам и крови. Впрочем, так было везде, во всех странах, где поля орошаются проведенной водой: на латинском языке слово *rivalis* — «соперник» значит буквально: «сосед по воде», «собе-режник».

В Средней Азии великий человек не мыслится без «покоренья воды». Тамерлан Великий, как чудесно сказал в беседе со мной древний самаркандский старик, должен быть хоть в сказке утолителем жажды.

Только в сказке оживала для народа пустыня. Но даже в сказках мечта о во-

¹ По исследованиям инж. Петровского.

де зачастую была отравлена. В «Фархад и Ширин» — народном сказанье, ставшем известным всему миру в поэмах великих поэтов Низами и Алишер Навои, — серебристая рябь канала, проложенного через пустыню, оказывается только игрой лунных бликов на десятках тысяч камышевых цыновок. Бесчестный шах Хусрау приказал уложить их широкой лентой по сухой бесплодной земле, чтобы обмануть Ширин, «сладкую царевну», обещавшую свою любовь тому, кто оживит Голодную степь. В ночь он показал с балкона дворца «живую воду» Ширин, — и она поверила: только утром, уже после брака, вскрылся обман. Обман жестокий вдвойне, потому что камыш еще жестче земли. Ширин любил каменотес Фархад, упорным трудом пробивавший воде путь в степь через горы (и посейчас еще стоят над Мирзачулем — Голодную степью — «Фархадские скалы»); узнав, что Ширин стала женой шаха, Фархад поклонился с собой, подставив голову под тяжелый кетмень¹, высоко подброшенный вверх богатырской рукой.

Велика жизненная правда символики этого сказания: в жизни так было сквозь века. Даже «действительные» каналы, проложенные властителями, оказывались для народа игрой лунного света на сухих камышевых цыновках — на поля дехкан не доходила вода. Строительство новых каналов несло только новые тяготы: тяжелый труд на подневольных земляных работах и новые поборы².

Народ плетями сгоняли копать землю; он же оплачивал плети: на содержание надсмотрщиков — ханской и байской челяди — устанавливался особый временный налог. Народ звал его «канпули», что значит «кровные деньги».

¹ Кетмень — сельскохозяйственное орудие, заменяющее в Узбекистане лопату и мотыгу.

² В высокой мере характерно, что в народных вариантах этой легенды последнего времени — в версии сказителя Фазыл Юлдашева, например, — сказание имеет другую, счастливую развязку:

«Фархад добился Ширин.
Трудом добился своей возлюбленной.
Признавательная за труд Фархада Ширин
Нашла его достойным себя».

Когда работа ведется под плетью, ясно, каково ее качество и каковы успехи труда. Проводка же каналов требует особенной, исключительной точности и «чистоты» работ: при небрежной, а тем более неверной выемке вода не пойдет по арыкам. В этом смысле в предание, в символ обращается история постройки канала Худояр-ханом, последним кокандским ханом, пытавшимся воскресить в Фергане былой блеск Тимуридов. Пять раз проходили под плетями его надсмотрщиков дехкане-рабочие трассу канала: четыре раза вода не пошла. Хан не уступал. Жесточе, от разу к разу, били плети по плечам дехкан. И на пятый они вбили воду в арык: но она прорвала рытый берег и, неукротенная, ушла снова на вольный простор, неся вместо плодородия размыв и гибель ханским полям. В бешенстве хан приказал завалить водную брешь живыми телами землекопов. Есть у узбеков имя, в переводе на русский значащее «остановись», — людьми этого имени прудили пролом: в заклятье и в наказание. Но дехкане не подчинились и мертвые: их скованные подвое, потрое группы вольно уплывали по волнам. Канал так и остался безводным.

Ханская неудача не могла быть итогом неумения строителей: ирригация во все времена располагала в Средней Азии кадрами искуснейших «знатоков воды». Каждый мираб, распределитель воды, смотритель арыков, превосходно знает воду и землю, по местному выражению. Знание это у многих не ниже технических знаний дипломированного инженера. Худояр, несомненно, призвал наиболее искусных. И если канал не принял воды, то потому только, что этого не захотел народ. А народ не захотел потому, что лучше безводье, чем вода, журчащая по арыкам богачей.

III. ВОДА ПОД ЦАРСКОЙ ВЛАСТЬЮ

В 1867 году с образованием туркестанского генерал-губернаторства на захваченных царизмом среднеазиатских землях — ханов и беков с их кушбегия-

ми, амлякдарами и прочими чиновниками сменили царские чиновники, прославленные щедринской сатирой «Господа ташкентцы». Новая власть прежде всего озаботилась созданием «русских гнезд» среди враждебного ей населения, опорных пунктов царского владычества. Тем самым выдвигался вопрос об ирригации: колонистам нужны были земли, а создать земельный фонд можно было только путем орошения. «Ташкентцы» приступили к этой «культурной деятельности» рьяно, не щадя казенных денег и рук местного населения, которое сгоняли на принудительные работы под видом натуральной повинности.

«Первый камень» колонизации положен был закладкой женского монастыря под Ташкентом: участок земли, определенный ему, оросили торжественно и успешно. Но, когда в начале 70-х годов стали прокладывать трассу по Голодной степи (район, «стратегически» особо важный с точки зрения внутренней политики), повторилась в несколько ином варианте история ханских предприятий: за пять лет канал провели с грехом пополам, не в полный проектный профиль, на двенадцать с половиной верст. На этом дело закончилось, так как, по официальному объяснению, «стало очевидно, что должен быть предел чисто географического характера, дальше которого нельзя выгонять рабочих». Другими словами, неофициальными: местное население отказалось выходить на удалившиеся от их кишлаков земляные работы, а русских рук было мало. Пустить же в ход по-худояровски плети было опасно: край не был еще «замирен», еще шли военные экспедиции, от Ферганы грозили кипчаки. Помимо того, у строителей сложилось уже к этому времени твердое убеждение, что вода все равно не пойдет.

Обескураженные неудачей, чиновники отступились от ирригации. Но «разрешение водного вопроса» принял под свою высокую руку великий князь Николай Константинович, высланный из столицы на жительство в Ташкент за какую-то аферу, слишком скандальную даже для императорского двора. Он «испросил высочайшее разрешение» за собственный

счет оросить землю для поселенцев, рассчитывая «патриотическим актом» заслужить милость императора и возвращение в Петербург. Первый канал, которым он начал выслуживаться, — «Бухар-арык», протяжением в двадцать пять верст, строился шесть полных лет и остался сухим. По следам Хусрау великий князь перенес оросительную энергию свою в Голодную степь. Десять лет трасса ползла с предельной скоростью 3,3 версты в год. Но все же к 1913-му доползла (уже с помощью государственных средств). На этот раз воду пустить удалось. Она оросила 5 553 десятины, из коих 234 — кишлачной земли. Остальное пошло на поселенцев, кадры которых подбирались, само собой разумеется, из особо надежных в политическом отношении элементов.

С 900-х годов на поддержку великокняжеских начинаний выступил «частный капитал». Быстрый рост текстильной промышленности, созданной охранительными пошлыми и всяческими привилегиями, выдвинул вопрос о хлопковых плантациях в среднеазиатской «колонии». Капиталисты заранее потирали руки, рассчитывая на почти даровой труд — обезземеленных «сартов» и кочевых, вымиравших от голодовок киргизов: в 1910-х годах 70 проц. дехкан не имели ни земли, ни скота и были неплатными должниками ростовщиков и баев. В 1910 году Государственная дума голосованием нового закона «об использовании излишних для кочевников государственных земель для общегосударственных нужд» расчистила «отечественному капиталу» путь к хищническим захватам. В кратчайший срок не только обнаружили «излишние для кочевников земли», но выяснилось, что и кочевники для государственных земель совершенно излишни. Началась форменная вакханалия. Как всегда, первой бросилась на жирный кус дворцовая клика: Следом двинулось московское купечество двумя эшелонами: один — претендовал получить миллион десятин в Мервском оазисе, другой — там же шесть миллионов. На эти плантации московских текстильщиков-фабрикантов пришлось бы израсходовать всю воду

Аму-Дарьи, обрекая земли по нижнему течению реки на полное безводие и тем самым людей — на смерть.

Правительство, само собой разумеется, пошло навстречу этим нуждам «отечественной промышленности». Совет туркестанского генерал-губернатора поддержал откровенно рабовладельческий проект организации «водопроводных компаний». Им предоставлялось право строить ирригационные сооружения и в дальнейшем монопольно эксплуатировать их, продавая воду местному населению. Вода передавалась, таким образом, в частную собственность капиталистам, а тем самым отдавалась им в кабалу вся орошаемая земля. Обладая правом устанавливать какие угодно цены на воду, «компания» получала возможность диктовать населению любые условия вплоть до требований выращивания тех или иных культур. Этим способом рассчитывали и земли дехкан обратить в купеческие хлопковые плантации.

IV. ПЕРЕЛОМ

Расчеты колонизаторов не осуществились. Октябрьская социалистическая революция смела и бумажные проекты, и черносотенные поселки, оправдавшие царские надежды: они выступили с оружием в руках против Советской власти. Разбиты были затворы байских арыков: вместе с землей дехкане получили и воду. Но упорядочить водопользование удалось не сразу. Затянувшаяся гражданская война, набеги басмачей привели в крайнее расстройство ирригационные системы. Ежегодные ремонты прекратились, арыки заилились, сооружения были разрушены, в том числе такие значительные, как Рават-Ходжинская плотина на Зеравшане, Ак-Кара-Дарьинский вододелитель, в Голодной степи—головное сооружение, в Фергане—голова Андижан-Шарихан-сая и т. д. На инженерных системах уничтожены были почти все головные сооружения. Поступление воды снизилось на 50 проц. Посевная площадь Ферганы, наиболее пострадавшей от басмачей, сократилась в 1922 году до 36,5 проц. по сравне-

нию с 1915 годом. Наибольшее разрушение пришлось на хлопковые районы. Хлопковый клин сжался до 4 проц.: хозяйство из промышленно-хлопкового стало зерновым. Немало потребовалось времени на восстановление разрушенного. Работы к тому же тормозились саботажем водной администрации, в большинстве оставшейся от старого режима. О крупном строительстве не приходилось ставить вопроса, тем более, что средств у государства на то не было. В годы непа к Узбекистану потянулись было руки иностранных концессионеров. Заявки на «хлопковые» концессии сыпались десятками. Из проектов этого времени особо примечателен проект орошения Голодной степи инженера Ризенкампа. Великолепный по оформлению, «американский» по размаху, рассчитанный на фермерскую, а не социалистическую систему хозяйства, он являлся попыткой восстановления «колонизации» и кулачества, но с ориентацией на заграницу. Советская власть эти концессионные проекты отвергла. Но собственные работы по ирригации не шли долгое время дальше восстановления разрушенных арыков и частичных улучшений ирригационных сетей. Впрочем, при единоличном хозяйстве организовать ирригационное строительство в сколько-нибудь крупном масштабе вообще невозможно. Шире, чем в других областях, развернулась восстановительная работа в Ферганской долине.

А дальше в истории Узбекистана задела черная полоса гнусных предательств прокравшейся к руководству шайки Икрамова и Ходжаева. В области ирригации предательство сказались с особой силой, поскольку основа жизни в Средней Азии—вода. Враги составляли грандиозные, но заведомо невыполнимые, вредительские по самому замыслу проекты; средства и труд заводились в безнадежный тупик. Строительство канала в Нарпае растянуто было на 5 лет и потребовало 13 миллионов рублей; ирригационное сооружение в Кум-Кургане, начатое в 1930 году, тоже растянули на несколько лет, истратив 11 миллионов рублей вместо четырех, ассигнованных по смете. В то же время вредители

сумели засолонить орошенные мирзачульские степи. Политика «монокультуры хлопка», проводимая за счет вытеснения хлопком других культур (за первую пятилетку прирост хлопкового клина: 51,7 тыс. га вновь орошенных земель и... 353,6 тыс. га от «вытеснения») и сопровождавшаяся варварским уничтожением тутовых и фруктовых насаждений, привела к совершенному расстройству народного хозяйства. Существовавшая ирригационная сеть не могла обеспечить достаточный полив хлопковых полей; отсутствие севооборота истощало почву и содействовало развитию вредителей хлопка, в первую очередь вилта, черного червя. Урожайность и качество волокна снизились. Сократились фуражные средства, что в свою очередь вызвало сокращение численности скота.

Разгром икрамовской банды восстановил нормальную экономическую жизнь Узбекистана. С этого момента и водный вопрос вступает в новую фазу, новую потому, что под новым, подлинно большевистским руководством узбекский народ почувствовал и осознал наконец, что он единственный и полный хозяин своей земли и своей жизни, что под знаменем сталинской национальной политики, Сталинской Конституции счастье народа зависит от него самого. Это вызвало небывалый в истории Узбекистана подъем народной инициативы.

V. УЧ-КУРГАН — ФЕРГАНА

Активность искони была одной из характернейших черт узбекского народа. Но в прошлом, когда дехкане были связаны по рукам и ногам феодально-байскими путами, она тратилась по мелочам и часто впустую. В борьбе за жизнь — и в первый черед за воду — сельчане и в прошлом дали немало примеров предельного напряжения мысли и труда, добывая воду в совершенно, казалось бы, невозможных условиях. Достаточно вспомнить подземные ходы, по которым — зачастую на огромное расстояние — выводилась «пойманная» в глубинах вода; или «висячие арыки» —

желоба, перекидывавшие воду через пропасти на головокружительной высоте... Но в более крупных размерах проявить себя не могли ни напряженные мысли, ни напряженные труды, пока на путях народа Узбекистана стояла царская и байская власть.

Только один был, уже на нашей памяти, случай: в 1895 году уч-курганские дехкане, доведенные до отчаяния безводьем, решили под водительством бедняка Салима построить своими силами, своими средствами собственный большой дехканский канал. Царские чиновники и бай следили за этой затеей, злорадствуя. Они были уверены, что голод, жара, камень обломают беднякам кетмени, и они вернутся к байским землям еще более покорными батраками. Несказанно тяжек был, в самом деле, труд голодных людей под неистовым солнцем. Спешаясь земля тупила, действительно, на каждом взмахе круглые, тяжелые лезвия кетменей. Но бедняки упорно продолжали работать. И в байские головы закралась тревога: «дойдут!» Работавших расхлестали нагайками казаки. Дехкане восстали. Восстание было подавлено. И вождь уч-курганцев Салим, спасшийся бегством в глухую далекую степь, кончил жизнь сумасшедшим, в канаве, которую продолжал копать слабейшими день ото дня руками: трагический символ еще раз убитой народной мечты.

Первым в борьбе за воду, за то, чтоб «заставить ее полностью служить социализму», поднялся безводный Папский район. Начало движению положил Сатымбай Манозоров из кишлака Грумсары, брошенного уже половиной населения из-за безводья: вода не доходила до кишлака, теряясь по дороге в песках. Сатымбай предложил построить арык и замостить его булыжником, чтобы закрыть воде уход в землю. Односельчане откликнулись. Грумсаринцам пришли помогать 15 колхозов соседних сельсоветов: братская помощь, в которой никогда узбек не откажет узбеку, когда речь идет о воде. В два месяца проложен был канал протяжением в девять километров. В январе 1939 года по «бетонированному» булыжником руслу помчалась кру-

тым уклоном вода, оживляя 600 гектаров мертвой до тех пор земли.

Почин был подхвачен. В дни XVIII съезда ВКП(б) — и в честь его! — Маргеланский район вышел на строительство всем ныне известного Ляганского канала. 32-километровый арык перебросил воду из многоводного Исфайрам-сая в менее обеспеченный водой Шахимардан-сай. Работу закончили в 17 дней! 14 тысяч колхозников (на помощь маргеланцам пришли кувинцы, ташлакцы) выгнули 293 377 кубометров земли. «Царский» арык, — если вспомнить «нормы» романовской стройки, — прополз бы расстояние это лет в восемь, не меньше.

Не передать волнения огромных народных толп, ждавших с оркестрами, со знаменами, пуска воды у Ходжа-Гаира, в 12 километрах от головы, в самом опасном и трудном месте работ: вопреки указаниям нивелира, подозрительный глаз кое-каких стариков видел здесь недопустимый, по правилам старых арыков, подъем. Губы слишком опасливых (или врагов?) нашептывали: «не пойдет».

Шопот рос, потому что медленно тянулись часы ожиданий. От головы канала, где собрались с утра на торжество пуска представители власти, не доходило ни звука. И только в четвертом часу, когда спалал уже жар, словно тронулась гулом даль. Настороженно дрогнули толпы. Глаза приковались неотрывно к серо-желтой пустой, в даль уходившей, ленте канала... Скачет кто-то... Снова дрогнула, рванулась на месте толпа... На полном скаку осадив каракового жеребца, всадник крикнул, выско взметнув руку:

— Идет!

Вода шла, действительно, медленным невысоким шуршащим накатом, крутясь в ямках неровного дна. Впереди, перед ней, отступая, словно заманивая ее вперед, в легкой неистово-радостной пляске, играя на солнце яркими переливами шелковых платьев, кружились девушки. А за ними, глубоко обнажив в развороте рубахи морщинистую грудь, широким плывущим шагом шел древний, но могучий старик, волоча за собой длинный посох. Посох, тяжелый, чер-

тил по дну глубокую борозду: по ней желтой змейкой струилась, обгоняя катившийся сзади поток, первая вода. Старик вел посохом воду.

Взгремевшие медью труб оркестры не заглушили радостного победного крика толп. Вода нарастала. По берегам, с ходом воды рядом, шли, бежали, колыша красные радостные, победные знамена.

— Идет!

Успех Лягана создал гигантский подъем по всей стране. Лозунг борьбы за воду стал лозунгом народа: Хорезм, Бухара, Самарканд, Ташкент — колхозники и горожане — взялись за кетмень. За одну нынешнюю весну они выгнули 2 568 246 кубометров земли, прокладывая дорогу воде на поля. Построено было 46 ирригационных сооружений, десятки каналов изауров, протяженностью 453,7 километра; расширено 29 километров, прорыта мелкая ирригационная сеть на 82,7 километра.

Но крепче всех взялись за кетмени колхозники Ферганы. Здесь, в долине, — 704 тыс. га орошенной земли и 508 тыс. га земли, еще ждущей полива. Общий сток ферганских рек (считая Нарын) в среднем в год дает 30 737 миллионов кубометров. При оросительной норме 10 тыс. кубометров на га можно оросить этой водой три миллиона гектаров.

На совещании передовиков сельского хозяйства выдвинут был проект создания силами колхозников (как был проведен Ляган) Большого Ферганского канала, дабы навсегда разрешить водный вопрос для Ферганской долины. Совещание постановило немедленно через ЦК КП(б) Узбекистана просить товарища Сталина утвердить эту стройку. 30 мая слет хлопкоробов-стахановцев получил из Москвы телеграмму от первого секретаря ЦК партии Узбекистана тов. Юсупова: Сталин разрешил. ЦК ВКП(б) и СНК Союза обещали материальную помощь: 20 миллионов рублей, 15 тысяч кубометров леса, 200 автомашин, трактора, бензин, цемент и железо.

В тот же день полным ходом начались подготовительные работы.

VI. ФЕРГАНСКИЙ ПРОЕКТ

Проект был грандиозен. По объему земляных работ Ферганский канал — не только первый в СССР, но один из крупнейших в мире.

Длина его определилась в 270 километров. Начинаясь за Уч-Курганом, он должен перебросить воду многоводной реки Нарын в Кара-Дарью; забрать кара-дарьинскую воду, подняв ее на 3,8 метра Куньяр-Ярской плотиной: пройти через всю Ферганскую долину к Каннибадаму, в пределы Таджикской республики; усилить по пути маловодные источники Исфайрам, Шахимардан, Сох и Исфару. Ширина канала колеблется, в зависимости от пропускной способности на головных участках, от 25 до 6 метров; по дну нормальная глубина от 5 до 2,2 метра. Между Нарыном и Кара-Дарьей канал будет пропускать 99 кубометров в секунду. Он должен дать Нарынской системе 70 кубометров воды; Кара-Дарьинской — 60; Сохской—30; Исфайрам-Шахимарданскую усилить на 8 кубометров; Кировскую — на 6; таджикские районы получают 4 кубометра.

Пересекая на большом протяжении разветвленную сеть существующих уже арыков (особенно в Сохском районе), канал требует большого числа гидротехнических сооружений.

Объем земляных работ был исчислен в 16 миллионов кубометров упрямой, непокорной, пустынной земли. Их надо было вынуть за 30—45 дней, в тот короткий срок, когда созревание хлопка дает хлопкоробам малую передышку, позволяя переключить большую часть кетменных бригад на другую работу. К уборке, к концу сентября, не позже, колхозники должны быть снова в колхозах, на месте.

Срок невероятно короткий. На канале Волга—Москва выемка грунта не превышала 4 миллионов кубометров в месяц. А по темпам старого времени, по «нормам» «Урочного положения», Большой Ферганский канал потребовал бы не менее 7—8 лет. Успеют ли?

На этот вопрос старики-мирабы, созванные Юсуповым, первым секретарем

ЦК КП(б) Узбекистана, на совещание, ответили кратко:

— Что канал будет построен в назначенный народом срок, мы не сомневаемся: это нас не беспокоит. Нас беспокоит, как мы будем праздновать окончание работ: где место найдется, на котором можно бы усадить — для совместного тоя¹ — две тысячи человек, что будут строить канал? Потому что — вместе работали, вместе надо и праздновать.

Юсупов рассказывал это, и глаза, карие, сощуренные улыбкой, радостно смеялись из-под скупых ресниц. Во всей его коренастой фигуре, в быстром и упругом шаге — та же уверенность: раз народ решил, неуспеха не может быть. Трудность? Да! Огромная, да. Он весь подбирается, как на удар.

Понятен поэтому высокий энтузиазм, с которым отдался он делу строительства Ферганского канала, уже в замысле самом названного народом «Сталинской стройкой».

Первым помощником Юсупова в этом деле стал человек такого же большевистского закала и той же школы, непосредственный руководитель строительства БФК, председатель Оргкомитета Верховного Совета по Ферганской области, Тишимбай Мирзаев. Он даже внешне похож на Юсупова: приземист, коренаст, с орденом Ленина на груди. Орден — за трудовые победы над хлопком. И рядом с ними в кругу тех же работ, на тех же совещаниях о стройке, многолюдных и дружных, с тем же блеском в светлых и добрых глазах, сидит Емцов, первый секретарь Ферганского областного комитета партии, назначенный помощником главного начальника строительства по политмассовой работе. Русский он, не узбек. Но так же вспыхивают глаза, и так же подбираются на удар — напрягаются мышцы, когда о трудностях стройки заходит речь.

И когда они трое говорят о стройке, веришь без колебаний, что канал *будет* построен, и канал *даст* стране полной мерой то, что он должен дать.

¹ Той — по-узбекски торжественное празднование.

Хлопок прежде всего. Хлопководство — одна из тех отраслей народного хозяйства СССР, в которой мы быстрее, быть может, чем в других, сможем выполнить Сталинский указ: догнать и перегнать в экономическом отношении главные капиталистические страны.

Предпосылки к выполнению задачи налицо: почва и климат, позволяющие выращивать самые высокие египетские сорта; высокая квалификация хлопководов; все шире внедряющиеся методы стахановского труда. Ибрагим Рахманов, впервые в истории хлопководства собравший 100 центнеров с гектара, увлек за собой тысячи: в нынешний год за 100-центнеровый сбор боролись уже свыше тысячи бригад и звеньев. Ташбаев, орденоносец, в прошлом году давший 143 центнера с га, в нынешнем обещал дать 150. Урожайность растет: за две Сталинских пятилетки Ферганская область повысила ее на 180 проц.: в 1929 году собирали в среднем 10,9 центнера с га, в 1938 — в среднем 16, по отдельным колхозам — до 40. Ташкентская область, отсталая раньше, крепко взявшись за дело, подняла за четыре года урожайность с 8 до 18. Нынешний год она вызвала на соревнование Ферганскую, до сих пор не знавшую соперников. Против предложенной ташкентцами цифры 20 ферганцы выдвинули высшую: 23 центнера с га; другими словами, обещали дать миллион тонн.

До сих пор для высоких урожаев не хватало земли и воды. Маловодье ограничивает полив, малоземелье исключает возможность перейти к севообороту, единственному надежному средству поднять до предела урожайность и ликвидировать опаснейшую болезнь хлопчатника — вилт, губящий ныне 6,4 проц. урожая, т.-е. до 60 тыс. тонн в год. Канал даст воду и землю: новые орошенные площади. Введение в севооборот люцерны в три года снизит зараженность хлопчатника вилтом на 80—90 проц. Количество хлопка в ближайшие 5—7 лет удвоится. В связи с этим возрастет число хлопкоочистительных и маслособойных заводов, усиливая ряды рабочих Узбекистана.

Не меньшую роль сыграет канал и в развитии животноводства. Сейчас это отсталая область хозяйства, и не только потому, что поголовье было ослаблено беспощадной басмаческой резней, но и потому, что пастбищных угодий для выпаса ничтожное количество: мало-мальски пригодная земля — под посевами. Скот в поливной зоне пасут на межниках. Проезжая по дорогам, то-и-дело наблюдаешь феокритовы идилии: на узенькой перемычке между хлопковыми полями, под тутовыми деревьями, женщины, ребята, старики пасут на веревочках коров, козлов и баранов. Введение люцерны в севооборот далеко расширит фуражную базу. Кроме того, водное обилие, которое принесет канал, позволит обратить часть имеющихся лугов на условно-поливные и поливные и засеять их кормовыми культурами. Таких земель по Ферганской долине тысяч 100—150 гектаров.

И, наконец, шелководство. Когда-то оно было славейшей отраслью Ферганской промышленности. «Господа ташкентцы» даже для герба Ферганской области выбрали символом бабочку шелкопряда. Вредители нанесли шелководству сильнейший удар: под лозунгом хлопковой монокультуры вырубили десятки тысяч тутовых деревьев, лишив шелкопрядов пищи. Сейчас производство в значительной мере восстановлено: по заготовке коконов Узбекистан дает 85 проц. всего среднеазиатского сбора. Канал даст возможность в ближайшие три года создать 30—40 тысяч гектаров тутовых плантаций. При эффективном и экономном использовании воды это вполне осуществимо хотя бы в Яз-Яванской долине, где есть подходящие земли. За пять лет канал должен дать удвоение продукции шелкопрядства.

В Фергане и сейчас уже 500 колхозов-миллионеров. Доходы отдельных колхозников достигают крупнейших сумм. В прошлом году колхоз им. Сталина, Исбаскентского района, поднял сбор хлопка до 29,1 центнера с га и заработал 8 200 000 рублей. Колхозник Касымов получил 34 тысячи, Маткулов — 33; по 20 тысяч получили

100—150 колхозников. И по другим колхозам многотысячные заработки не редкость: стоимость трудодня в передовых колхозах 30—40 рублей. Но в той же Ферганской долине есть колхозы, где получают не выше 8—9 рублей за трудодень при той же не худшей работе и той же по качеству почве. Неравенство создает — полив. Канал снимет это неравенство, даст возможность колхозам выравняться по таким, как, хотя бы, Сталинский колхоз Янги-Курганского района: он имеет клуб на тысячу человек, школу-семилетку, дома по 4—5 комнат, радио, патефоны, велосипеды почти в каждом дворе. В этом общем подеме народного благосостояния — великое значение канала.

Но его еще надо построить.

Построить — значит, прежде всего: организовать труд и быт двухсот тысяч строителей. Способность к организации — одна из характернейших и сильнейших сторон большевизма. Большевики Ферганы с первых же дней бросили все свои наличные силы на подготовку и организацию масс, готовившихся выйти на трассу. По колхозам шли под руководством партийцев собрания и беседы; около шести тысяч агитаторов раз'ехалось по районам, раз'ясняя великое значение «Сталинской стройки». Партийцы и комсомольцы деятельно участвовали в отборе «бойцов канала»: работа на трассе в глазах народа являлась великою честью — из сотен тысяч подавших заявления отбирали лучших, стахановцев хлопка в первую очередь. По улицам городов и колхозов, по стенам красных чайхан — чайных-клубов — давно уже висели плакаты и были выставлены витрины со справочным материалом по БФК. Местная пресса — областная и районные газеты — отводила целые столбцы теме канала.

План политработы на трассе наметил организацию 3 458 школ и кружков. Это значило, что из 160 тыс. «бойцов канала» будет учиться 103 790 человек. Я знал, что по многим районам крепок еще стародавний, застоялый быт. На майском слете передовиков и Мирзаев, и Рахи-

мов, и Власов, и другие говорили о председателях колхозов, которые не читали даже Устава сельскохозяйственных артелей и никогда не раскрывали газет; о том, что в иных местах выходят на хлопок только 30—40 проц. колхозников, а в Ленинском районе работают на полях исключительно женщины; что многие колхозники занимаются личным хозяйством в ущерб общественному; что почти всюду плохо организован труд.

«Старое» будет еще очень сильно на трассе. Тем труднее задачи организации масс. И тем выше ее значение: борьба за покорение воды будет и борьбой за нового человека.

VII. НА ГОЛОВНОМ ОСОБОМ

Исток «реки счастья» в Нарыне, за Уч-Курганом, на крайнем северо-востоке Ферганской долины. Здесь начало трассы. Отсюда она идет через земли Уч-Курганского района, пересекает Ленинский район Киргизской ССР и выходит опять в Узбекистан, в район Ислабаскента, — по косоугору сначала, используя русло существующего арыка, а с 29-го километра — по целине. Перед впадением нарынской воды в реку Кара-Дарья сооружается четырехметровый перепад. Затем вода по новому каналу направится в Ташшшен-сай и по нему сбросится в Кара-Дарью. Забор воды на этом участке достигает 75 кубометров в секунду.

Головной участок стройки — самый трудный. Особо трудный. Он так и назван: «Особый». И выделен на особое место, вне нумерации.

На него брошены поэтому лучшие живые силы стройки: до пяти тысяч комсомольцев из всех ферганских колхозов и андижанские бригады, прославившиеся, как мастера кетменя. Здесь же сосредоточены и главные силы экскаваторного парка, скреперы, тракторы.

Степь. Голая, раз'езженная в пыль колесами арб и грузовиков. Даже солянки, вездесущие, попадают редко; еще реже метнется в глаза тоже

вездесущий геккон или узкотелый, как змейка, на коротких ногах, гологлаз пустынный. Грузовики местами вязнут в пыли по ступицу. На кривых и глубоких ухабах стонут и лопаются рессоры легковых машин. Лесс. Ждущий только воды, чтобы ожить. Но дать ему воду — труд огромный, потому что под этим плодородным пластом залегают конгломераты, сцементированные в сплошную скалу, и булыжники моренного типа. Здесь каждый сантиметр надо брать с удара: доподлинно — с боя.

И трасса, действительно, похожа на поле сражения. Еще издали видно густое, туманом нависшее над равниной серо-желтое облако. Дым выстрелов? Пыль? В тумане этом тускло взблескивает сталь, слышны скрежещущие удары, колышутся очертания движущихся, сгибающихся, разгибающихся, перебегающих тел, ползут, гудя моторами, черные, приземистые, как танки, машины... Вот вырвались из хмары люди с носилками: пара, вторая, третья... Они отходят в затылок друг другу быстрым, но ровным, по-строевому почти шагом... А в нескольких шагах от них, в стороне, — в белом халатике, красный крест на рукаве, красный крест на белой, окутавшей голову, косынке, — медицинская сестра.

Скрежет и звонкие удары — громче и ближе. Сквозь желтую дымку взметнулась в воздух длинная, метров восемнадцать, железная шея: стрела эквадатора. Гремя цепью, заносится чугунный огромный зубатый ковш. Он раскачивается, скаля пасть, ворочается в воздухе, — и рушится, вгрызаясь со скрежетом в каменистый откос. Стонет цепь, медленно вверх взволакивается ковш, роняя из челюстей захваченный гравий и камни... Качнулась шея, отводя в сторону взятую ношу... Грохот камней, сыплющихся из опрокинутого, опростанного ковша.

И опять удар, скрежет, звон и визг цепей, грохот камня...

От пыли и жары дышать трудно. 47 градусов в тени, но слово «тень» звучит здесь издевкой. Где она, тень,

в этой на далекие километры открытой ударам солнца степи! Нет прохлады и от Нарына. Река здесь же, у самой трассы. Серо-желтая, может быть, только чуть-чуть темнее, чем брызжащая под кетменями земля, она мчится, как безумная. Именно на такой реке надо пробовать силу социалистического строительства. Именно такую реку радостно взнуздать, покорить, бросить в ровные, наукой расчисленные русла каналов.

Куйган-Яр по сравнению с этим участком — курорт. Там театр, сады, чайханы. Там горами лежат при дороге душистые дыни, виноград, персики, гранаты. На жаровнях повара перекладывают вертела с шашлыкком. Воздух чист и тих. Колхозные станы раскинулись у самой воды, в прохладе; иные настилы выдвигаются даже на сваях над мелкою рябью смиренной, робкой Кара-Дарьи. На площади, неподалеку от моста, каждый день звучат барабаны, по высоко заброшенному вверх косым восходящим наклоном канату подымаются канатоходцы, вновь воскресившие после революции «благословенное» искусство дарвазов. Исконная родина его здесь, в Ферганской долине: в Куве и в Ассаке. Дарвазы на канате — добрый знак. В народе есть стародавнее поверье: «раз приехали дарвазы, значит будут хорошие, спокойные времена, будут урожай».

Под канатом в антрактах, когда отдыхает дарваз, острят и обмениваются пощечинами, по цирковому ритуалу, шуты-маскаровозы.

Здесь, на Особом головном, — не то. Здесь нет ни винограда, ни дынь, ни персиков, ни канатоходцев, ни киосков с духами Тэжэ, ни устланных коврами чайхан, ни шашлычных. Здесь спят под заплатанными брезентами, натянутыми на кривые стволы саксаула, в балаганах из камышевых цыновок, тех самых, которыми обманул в легендарные времена Хусрау наивнейшую из мечтательниц царевну Ширин. От этого поэтического воспоминания ночлег не становится уютней.

Андижанцы устроились несколько лучше. Они домовитее и прибыли сюда

с полным обозом. Но комсомольская молодежь, пришедшая совсем налегке, — кетмень и одежда, — живет совсем по походному. Первая партия комсомольцев застала на месте пустую раскаленную землю и солнце на синем и пустом небе. И только воистину неумной энергией начальника участка, только что получившего инженерский диплом, т. Ложкина, и бригадиров добыты были брезенты, берданы, паласы, котлы, самовары, одеяла. Больше того, посреди комсомольского городка, неровной цепью походных жилищ протянувшегося вдоль трассы, у арька, расчищена волейбольная площадка, установлены турники. И каждое утро несколько сот обнаженных юношей, в трусах и без маек, проделывают физкультурную зарядку. «Комсомольск на Нарыне». Так зовет свой городок молодежь.

В этой суровости быта особо четка героика стройки. Московская молодежная бригада писателей, прожившая семь дней на Головном и затем прошедшая до Коканда всю трассу, с восторгом вспоминала именно его, Головной, самый радостный и подъемный. И по работе он был самым показательным, потому что здесь кетмень состязался с экскаватором, живая сила — с силой механизмов.

VIII. КЕТМЕНЬ, ЭКСКАВАТОР, АММОНАЛ

Эта встреча на общей работе живой силы с силой механической, их сотрудничество и взаимоподдержка были тем значимее, что одним из основных путей дальнейшего экономического и культурного подъема дехканства является внедрение механизации в сельское хозяйство Узбекистана.

На трассе представлялась возможность показать всю силу и все значение машин. Экскаватор «Ковровец» выбрасывает в день 900 кубометров: работа 400—450 человек. Такой наглядный урок должен неминуемо отозваться и на отношении к машинам в сельском хозяйстве.

И экскаваторный парк, действительно, произвел на колхозников в первый мо-

мент потрясающее впечатление. Когда на Головном первый экскаватор вышел на трассу, его встретили 60 колхозов с оркестрами, на 3 часа работа прекратилась: все сбегались смотреть на «Большой кетмень», на «Кетмень-богатырь», как прозвали его узбеки. То же было на Куйган-Яре. И на Каннибадамском участке, где работали мощные гусеничные тракторы, разрыхляя плугами и грейдерами твердый галечный грунт, который не брали ни кетмени, ни лопаты, впечатление механической силы было огромно: колхозники с песнями и смехом шли следом, выбрасывая шутя своими лопатами и кетменями поднятые и разбитые пласты.

Но впечатление было недолгим. Механизмы быстро вошли в обыденность. На экскаваторы перестали глядеть. Вопреки требованиям техники безопасности колхозники работали даже в районе действия ковша. Этим выражалось как будто некое пренебрежение к скрепляющей силе железа и пара.

Итог печальный, но всецело оправданный: механизмы показали себя на Головном с маловыгодной стороны. В этом вина в первую очередь самих механизмов.

Экскаваторный парк, двинутый на трассу, состоял из машин старых конструкций и большой изношенности: некоторые машины были взяты из консервации. Части были не в полном комплекте, заказы недостающих частей выполнялись медленно. Пример вопиющий: мастерская на Головном 14 дней провозилась с изготовлением шайбы. Монтаж шел медленно, причем допущена была путаница в частях, еще более затормозившая работу. Экскаваторы с огромным опозданием становились в забои. И, став, работали с перебоями, по временам даже вовсе выходя из строя: то сдавал механизм, то не подали вовремя воды, то отказывались всасывать воздух переполненные пылью воздухоочистители. В этом повинно было не только невысокое качество материальной части, — повинны были в определенной мере и люди, набранные трестом на месяц: среди них

были энтузиасты, но было немало приехавших за длинным рублем, а еще больше — «равнодушных».

Но равнодушие в работе в нашу эпоху равносильно вредительству.

Отдельные бригады вырывались вперед. Но общий темп, общий характер работ на Механизированном подучастке был медленным и тягучим, — темп «Урочного положения», казавшийся почти-что стоячим на фоне стремительных темпов ударной, скоростной кетменной работы. Это понимали и сами механизаторы. Они говорили:

«Колхозники нас кетменями закидают».

И поскольку на других участках (кроме Куйган-Яра и таджикских) с механизмами тоже было неважно, — плохо отремонтированные тракторы часто выходили из строя, мотовозы вообще не работали, так как были доставлены без цепей Галля, и т. д. (особо горячие головы обвиняли в газете «На Сталинской стройке» снабжающие организации в том, что они «отгружают на трассу барахло»), — «воспитательное» действие механизмов оказалось в сильнейшей мере ослабленным. Колхозники, верно оценивая потенциальную силу машин, расценивали низко действительную их работу.

В таком же положении, как драгеры, оказались первоначально и подрывники — или «взрывники», как они себя называли: первое название считали они порочащим, поскольку «подрывной деятельностью» занимались враги народа. Потому ли, что в составе команд, нанятых трестом, тоже попадались «люди длинного рубля», или потому, что нехватало умения работать в таком тяжелом грунте (а задача взрывников на Головном была в высшей мере ответственной и трудной — предстояло взорвать 80 000 кубометров земли за один удар 240 тонн аммонала), но работа не налаживалась. Сроки взрыва отодвигались несколько раз, а конца работ все не было видно. Терпенье андижанцев, на участке которых должен был произойти взрыв, истощилось. Они заявили, что срывать назначенный для открытия канала срок

не допустят и, если взрыв не будет произведен в ближайшие же дни, требуют расторжения договора с Взрывпромом, проводившим работу, и сами кетменями выбросят эти 80 000 кубометров в десять дней.

До этого не дошло. О «взрывном заторе» узнали в Таш-Кумырской угольной шахте, находящейся в горах, выше по Нарыну. Рабочие строительства шахты взяли шефство над взрывниками Особого. Они прислали им в помощь 30 проходчиков во главе с начальником участка Сапожниковым; в 2—3 дня «шефы» прошли 35 колодцев и минных камер (из 74, которые надлежало сделать). Взрыв состоялся. Специалисты определили опасную зону в два километра. Под угрозой быть забросанными землей и камнями оказались не только станы комсомольцев и андижанцев, но и поселок штаба участка, и бивак «ручников», работавших на Механизированном. Для полной безопасности решено было эвакуировать колхозников не на два, а на пять километров, в две стороны, чтобы избежать слишком большого скопления людей. Часть отвели вверх по Нарыну, часть — в направлении на Уч-Курган. И после того, как зону взрыва оцепили заставами, наряды милиции обошли покинутые станы, тщательно осматривая, не остался ли кто-нибудь случайно, не запрятался ли кто-нибудь посторонний: колхозники ушли налегке, оставив «дома» все свое имущество под брезентами и берданами. Осмотр был не напрасен. На Комсомольском участке, вороша свернутые одеяла, милицейские обнаружили в стеганых ватных свертках двух «любителей сильных ощущений», решивших рискнуть: посмотреть взрыв с ближнего расстояния. За пять километров много ль увидишь!

Действительно, в этот день степь была совершенно пуста, от края до края. Ни признака жизни вдоль глубоко взрытой, пересекающей равнину трассы: только сейчас на безлюдье заметно стало, насколько глубоко врылись в землю кетмени и кирки за месяц работ. И пустота котлованов, дамб.

и бугров, которые привык видеть клящими непрерывным движением людей, казалась от непривычности жуткой. Жутки были и пустые навесы берданых барачков, убогость которых без скрашивавших ее людей резала глаз. Намогильниками казались бесчисленные глиняные купола пекарных, низких печей, вытянувшихся вдоль безлюдных становищ. Небывало недвижно лежала в колеях, ухабах и рывинах вечно беспокойная, летучая пыль.

Поселок штаба был также пуст. Лишь на самой окраине, у полуразрушенного огромного здания консервного завода, вредительской рукой затеянного много лет назад на этом пустыре, — стоял шахтер, в стальном шлеме, с винтовкой, охраняя уходившие от этого здания в степь к минным камерам провода. Здесь, в развалинах этих, команда взрывников кончала последние приготовления.

Штаб Особого головного ждал взрыва на косогоре, километрах в двух с половиной от камер. Людей было немного. Мирзаев, Емцов, местные инженеры, милицеевское начальство, 2 — 3 корреспондента, фотографы. Киногруппа Эйзенштейна и Тиссэ уже поставила треноги своих аппаратов: объективы, как пулеметные дула, нацелены были прямою наводкой; штаб расположился прямо насупротив того километра, который должен был взлететь на воздух.

Ожиданье было долгим. Оно казалось тем тягучей, что со штабом взрывников не было телефонной связи — сносились вестовыми. Задержка шла за задержкой. В последний момент оказалось, что нехватает каких-то ничтожнейших метров провода; потом признали необходимым где-то проверить проводку; потом еще что-то. По степи замаячили черные фигуры конных милиционеров, использовавших приостановку, чтобы еще раз проверить местность: не забрел ли случайный человек? Шесть. Семь. Восемь часов.

Уже с'едены были все захваченные с собой дыни; уже стали затухать разговоры, и по пыльному склону десят-

ками валялись окурки. Воздух темнел. Темнели лица фотографов. Еще полчаса, даже меньше, и снимать станет невозможно: стугнутся сумерки.

Только в четверть девятого подошла наконец от штабного поселка машина. Рослый человек в спецовке и траншейном коричневом шлеме, не дав автомобилю вскарабкаться по крутому под'ему, соскочил в обгон ему на ходу. Приложив по-красноармейски руку к стальному обводу, он отрапортовал:

— К взрыву готовы!

Лица стали сосредоточенными. Все эти гражданские люди — инженеры, фотографы, корреспонденты, шоферы, столпившиеся вокруг начальника строительства, принимавшего рапорт, сразу подтянулись. И штаб стал похож на настоящий, военный. Один из милиционеров уже стоял у высокого флагштока из двух, друг на друга нарощенных шестов, держа в руке конец троса, на котором укреплено полотнище красного флага. Сигнал. Когда флаг взвывается, — там, в полуразрушенном здании, на краю штабного поселка, включают ток, — и в воздух, разметывая камни, взлетит восемьдесят тысяч кубометров.

Милиционер ждал команды. Но шахтер-вестовой переминался еще перед начальником с ноги на ногу. Он явно хотел еще что-то сказать.

— В чем дело?

Шахтер смущенно отвел глаза и сказал совсем другим, очень штатским и неслужебным голосом:

— На правом берегу, в зоне взрыва, верблюды.

В рядах засмеялись. Напряжение спало. Но начальник кивнул милиционеру, державшему трос, и на косогоре стало снова настороженно и тихо. Милиционер дернул веревку. Флаг поднялся до стыка шестов и застрял: трос заел.

Люди захопотали около флагштока. Эйзенштейн, хмурый, сердито дал приказанье убрать аппараты: солнце ушло уже за горизонт. С'емка сорвана.

С флагом дело не ладилось, может быть, именно потому, что все наперебой старались помочь. Злополучный трос трепали и дергали в десять рук.

Кто-то пробовал нагнуть глубоко вбитый шест, кто-то требовал топора. Усталый и длинный корреспондент с лейкой через плечо зловеще покачивал головой:

— Плохая примета.

Другой дал справку:

— Ерунда. Вы знаете, в Питере, в Октябре, перед штурмом Зимнего, совершенно так же случилось: в Петропавловской крепости заело веревку, на которой должны были поднять красный фонарь — сигнал штурма. Однако, как известно из мировой истории, все обошлось блестяще.

— Но там все-таки подняли... А здесь...

Здесь, действительно, флаг не давался.

Один из шоферов внес предложение:

— Дать сигнал сиреной.

Другой сейчас же дополнил:

— Всеми машинами сразу. Там поймут, о чем разговор.

Водители уже бежали, бегом, к машинам. Взрели, догоняя друг друга, два десятка автомобильных гудков. И тотчас же глухим рокотом ударил справа, далеко, к предгорьям, середь пустого поля желтый столб дыма и земли. Поняли: пробный взрыв. Их должно быть два. И только после них — «настоящий».

Второй позамедлил: лишь через несколько долгих, долгих минут взвился второй столб. Глаза приковались к трассе. Сейчас... Счет на секунды.

Но секунды шли. Минута... вторая... Опять что-то не ладится, очевидно...

Внезапно, прямо перед глазами, бесшумно и медленно-медленно — так показало — всползла вверх, колышась кругло-зубчатым краем, поднимаясь все выше, выше, заслоняя горы на горизонте, сплошная стена черно-синих деревьев со сказочной листвой. Земля под ногами дрогнула. Дошел глухой, тягучий удар. Из-под подножья стены вырвались черно-желтые тяжелые клубы и поволоклись волнами по затемнелому, сумеречному полю прямо на нас. За первой волной вздыбилась другая, выше, гуще, чернее... Третья... Стена оседала, словно опять уходя в землю...

Сквозь синюю чернь прорвалась желтизна... И все перед нами заволокло исчерна-желтым туманом, мешаясь с протемью вечера...

На косогоре зашевелились. Блеснули фары машин. Не сговариваясь, шоферы включили ток: черно-желтый, тяжелый, зловещий туман подползал все ближе и ближе... Казалось, он перейдет указанный инженерами двухкилометровый предел и докатится, обволокнет ядовитой и дымной пеленой.

Нет, не дошел. Теперь только выждать, пока он разойдется, и можно ехать на проверку: что дал взрыв?

... На ранней заре, еще раньше, чем протрубили под'ем карнай, мы были уже на трассе. Результат взрыва был истине блестящ: у инженеров, «сдававших» и «принимавших» работу, несмотря на их «техническую серьезность», прыгали губы. Где было вчера еще ровное, гулкое каменистое поле, — пролегалo готовое русло канала, — глубокий, прямой, очень ровный выем. Оставалось только вынуть грунт, — ссыпавшиеся вниз, с воздуха, когда оседал взрыв, последние черные водопады, — выровнять и отделать откосы... Задача эта предстояла андижанцам.

Их стан был единственным, который пострадал от взрыва. Он был заметан камнями и землей. Сорваны кровли с барakov. Рухнули все печи-пекарни.

Когда мы возвращались с раскрытой аммоналом трассы, — под навесами и палатками ключом кипела опять восстановленная жизнь. Чинили пробои, оттащивали на носилках камни, валявшиеся всюду на взрытой, словно вспаханной взрывом, земле. Гончары возились около печей, уже обмазанных раствором. На кухнях дымили очаги. старики пили чай на паласах, не дождавшись, пока натянут брезент над площадкой чайханы. И в бараке, отведенном артисткам Театра оперы и балета, уже сурмили брови, сводя их в черно-синюю, в две волны, дугу над переносьем, — три самые красивые женщины трассы.

Начальник милиции участка был тут же. Он сказал, широко и радостно улыбаясь:

— А верблюд жив оказался. И свињи. Там еще куры гуляли: наряд не заметил. Только они тоже живы остались.

Живы ли? Проходя, мы видели на берегу Нарына: повар ошпывал каких-то рябых кур.

Взрыв восстановил в глазах колхозников авторитет техники. О нем говорили с неистовым восторгом. Те, кто был полнейшей, вслух корили руководителей, что они заставляют копать, когда есть такое чудесное средство быстро готовить котлованы. На Комсомольском стану совсем молодой, начинающий поэт, — звеньевой стахановской кетменной бригады, — вдохновенно блестя глазами, рисовал мне, мешая русский язык с узбекским, как будет проложен следующий канал уже через настоящую большую пустыню — через Кара-Кумы, где нет на сотни километров ни воды, ни жилья. И канал будет не такой, как этот, а вдвое больше: пятьсот километров. А может быть, тысячу. На нем колхозных станом не будет, только палатки подрывников. Минута — и по всему протяжению, разом, встанут, как вчера было, черные деревья земли, и канал вскроется сразу на все пятьсот — тысячу километров. Тогда к нему двинут машины: караваны таких тракторов, что работают по левому берегу. Только они будут не ползать, а ходить быстро, и брать не по полукубометру земли, как сейчас «Сейчасные» (так он сказал), устанут очень быстро и отдыхают часто, а те будут работать, как стальные стахановцы. Они оттащат землю и камни, — и люди придут, когда по каналу будет уже играть вода... Тогда...

И бригадир, с кетменем на плече, сурово окликнул поэта: бригада спускалась в забой, где по колено в грунтовой, бурно проступившей, воде плескались, разметывая ударами брызги, кетменщички.

Столь же блестящ был материальный и моральный итог взрывных работ (несравнимо меньшего объема) на других участках: 1-м, 2-м, 3-м, 6-м, 18-м, где взрывы пробивали выемку в 2 метра глубины. 20 — ширины, 127 метров — длины. Взрывные работы велись в обе-

денное время и ночью, чтоб не мешать обычному распорядку работ, при широким участии самих же колхозников: пока проходчики в шлемах врубали колодцы и ходы, колхозники за отвалами толкли в порошок аммоний и селитру, подносили их к колодцам в мешках. И когда, после зарядки камер, после спуска электродетонаторов в черную, к взрыву готовую пасть, команды приступали к засыпке, — колхозные кетмени с особой осторожностью, почти нежно, подбрасывали в помощь техникам желтую мягкую землю.

Авторитет аммонала был непоколебим. Эскаваторы и тракторы не достигли такого эффекта. Они остались где-то там, далеко на заднем плане строительства, хотя по цифровым данным немалое было количество кубометров, вынутых эскаваторами. На ферганской стройке кетмень заслонил круглым блестящим своим лезвием гигантскую тень эскаватора. Надо сказать прямо: земляную работу — 16 миллионов кубометров — подняла на своих плечах живая сила. Не механизмы: колхозники. Запев в ту ночь на Куйган-Яре был верен:

«Кетменем пророем в степи канал,
И потечет река счастья...».

IX. ДЕНЬ НА ТРАССЕ

В стародавние времена народные певцы создали бы миф, героический и чудесный, о борьбе богатырей за «живую воду» против дивов, засекавших богатырскую дорогу самыми тяжкими препятствиями. Дивы останавливали их то плывучими песками, то обвалами, то огромными залежами в предвечные времена засыпанных песком камышей, обратившихся в вязкий торф, то стенами древних, никому до тех пор не известных городов и крепостей. Вода подымалась из земной глубины; подпочвенные потоки вырывались неожиданными ключами из откосов, затопляя дорогу... Какую волшебную ткань мифа можно выткать на этой совершенно реальной основе!.. Потому что все это на трассе было.

На трассе работали три киногруппы: Эйзенштейна, снимавшего «игровой

фильм» Павленки, Московской кинохроники, Узбекской кинохроники. Я не видел снятых кадров, но заранее можно сказать, что они не покажут подлинной стройки, не передадут того, что составляло существо и великий ее смысл: героика Ферганского канала не вмещается в объектив. Отдельный человек, звено или бригада, эпизод или отдельный участок, — хотя бы его и закрепить на пленке в самый напряженный момент, — не даст представления о действительности. «Киноки» писали когда-то в своем манифесте: «Я, машина, показываю вам мир таким, каким только я, киноглаз, гляд механический, смогу его увидеть». Перед таким «киноглазом» все участки трассы, от прорабства к прорабству, одинаковы: глубокий котлован, перегороженный валиками, разграничивающими делянки бригад и звеньев; посреди участка лесовой столб — «мера выемки» — с красным, выцветшим, истрепанным флажком наверху; по котловану, по квадратам делянок, рассыпались люди — в халатах, высоко подпоясанных или заправленных в штаны, в рубахах или с обнаженными мускулистыми торсами. Со дна — по бугристым, неровным откосам — тянутся вверх откосчики грунта с носилками, ящиками, мешками. Кое-где — арбы, кое-где — ишаки. Грунт сух или затоплен водой, люди в пыли или грязи, или по пояс в воде, но картина одна: взмахи кетменей, движенье носилок вверх — вниз, вверх — вниз.

Однообразная и будничная картина. Серая, как серы откосы насыпаемых дамб, серы лица и плечи кетменщиков, как сера пыль на халатах, ногах людей, поднимающих грунт. Но она вырастает до размеров гигантских, до «творимой легенды», до мифа! — когда кучки людей, что у вас перед глазами, смыкаясь с соседними кучками, с перемычки на перемычку, с километра на километр, вытягиваются сплошной живой, непрерывно движущейся лентой, от Нарына до Каннибадама, через всю Ферганскую долину, через площадь, равную Бельгии, Голландии и Люксембургу — трем европейским государствам, вместе взятым; когда вы видите одновременный взмах

ста тысяч кетменей, движенье десятков тысяч носилок, семидесяти тысяч коней и арб, тысяч машин... Потому что сила здесь не в одиночном взмахе кетменя, как бы могуч он ни был, а именно в этом одновременном, одной мыслью и одним стремлением поднятом взмахе трехсот тысяч рук. И только тогда в кажущемся однообразии движений вскрывается все поразительное богатство ритмов человеческого тела, живого, в красоте труда. Только тогда понятен и ярк становится высокий эпос этой «Сталинской стройки». Сталинской! Потому что просто и искренно сказал узбек — председатель колхоза, встречая таджиков, пришедших его колхозу на помощь:

«Мы дружны сталинским делом и мыслью».

Как каждый эпос, он прост. День одинаков во всех колхозных станах. Поутру, на рассвете, перед навесами стана, примкнутыми друг к другу, в один, без зазоров, непрерывный и тесный ряд, — запевают медными голосами длинные, в полтора человеческих роста, трубы-карнаи. Они рокочут тихо, шопотом словно, осторожно касаясь сонного слуха. На первый раз — только напоминанием, что трудовой день настает.

Пять-десять минут выжидания. Широкие медные рты опять поднимаются круто, отвесом почти, вверх, к небу. На этот раз они режут во всю силу металла и легких, — как сигнал тревоги, как призыв к атаке. В этот, второй раз им вторит короткими, резкими перекатами барабан.

Побудка. Уже дымит на окраине стана огромный самовар (их три с половиной тысячи на канале), на паласе пузатыми шеренгами расставлены чайники. От хлебопекарной печи несут высокими стойками лепешки, свежие, еще пышущие жаром накалиной глиняной стенки, с которой они сняты. Из колхозного склада, заваленного дынями, арбузами, фруктами, выносят виноград. Люди моются у ближней проточной воды, на речном берегу или на скосе арыка, меняют ночную одежду на рабочую: чи-

стые рубахи и халаты — на рваные штаны и бешметы. Спецовок здесь нет, а на земляную работу нельзя выходить в хорошей одежде. Особенно там, где работать приходится в проступившей грунтовой воде: от первого кетменного взмаха на лицо, на платье, на тело лжкаться тяжелые брызги, мгновенно сплкаясь на солнце в серые грязные растеки.

Завтрак несложен и быстр. Бригада снимается за бригадой. Люди идут гуськом и группами, пересмеиваясь, перебрасываясь шутками. В этом особенность трассы. За два месяца я не видел здесь смурого лица. Нередко над трассой, сгибая далеко повороты, проносится мощный и бодрый клич. Это значит: кто-то устал. И, чтобы ободрить себя, крикнул. Крик, сотнями голосов, подхватили бригады.

Рабочий день — от восхода до заката: только в самый жар, — от часу до пяти, — люди возвращаются «домой» на отдых. Час, данный на завтрак — с 9 до 10, обычно проводят у места работ, на дамбе. Лепешки и дыни берут с собой, а холодный кок-чай — яхна, любимый напиток, — на трассе не переводится.

К обеду возврат обязателен: к обеду колхозники снимают рабочее грязное платье, — за трапезой в чайхане (на каждом стане своя) не скажешь, что эти люди, сидящие на паласах, в чистых рубашках, за чашками душистой горячей шурпы, — землекопы. Питание обильно: одних лепешек выпекалось за сутки до миллиона. Плов был каждый день. Каждый день подгоняли баранов. И часто, бывая на станах, приходилось видеть перекинутые с шеста на шест, как гирлянды вымпелов на мачтовом корабле в праздник, ломти бараньего, круто и вкусно посоленного мяса, развешанного на просушку. Трудно поверить, но наманганцы, один из рабочих отрядов, особо внимательно отнесшихся к устройству своего быта на трассе (каждый день на участок подходил из Намангана продовольственный транспорт — одних дынь доставлялось в бригады две полные арбы), за время работы почти все поголовно... прибавились в весе!

Иные прибавили до шести килограммов. Этот факт вдвойне примечателен, поскольку взвешивание было проведено «тайком» от медицинского персонала, по собственной инициативе колхозников.

Наманганцы, конечно, на несколько особом счету: в тамошних колхозах выращивают дыни по 25 килограммов весом, арбузы догоняют до 40 килограммов. Но и другие колхозы в хозяйственном отношении обслуживались превосходно. Как на кетменную работу подбирали лучших работников, отличников хлопка, так и для пекарен и кухонь отбирали «лучших» (были пекарни, в которых 4 человека умудрялись выпечь за 8 часов 625 килограммов хлеба). Дневное «меню» установлено было специальной депешей штаба: хурда (рисовый молочный суп), шавля (рисовая каша), шурпа (суп с мясом), кима (нарезанное ломтиками жареное мясо) и, само собой, плов, по поводу которого т. Юсупов высказал, смеясь, в речи своей на весеннем писательском съезде, уверенность, что он станет блюдом интернациональным. В бытовом обслуживании сначала наблюдался даже перегиб: общее число «тыловых» на трассе достигло пятидесяти тысяч — на 160 тысяч «бойцов». Иные колхозы привезли с собой по 20 — 25 «неработающих». Руководству пришлось провести приказом резкое «сокращение штатов»: мера правильная, ибо, как всегда бывает в «тылах», среди этих штатных было немало празднующихся.

Обеденный перерыв заполняется не одной только трапезой и коротким послеобеденным сном. К этому времени приурочивается значительная часть культурной работы. Во время обеда обычно агитаторы читают газеты: последние политические известия, передовицу «Правды» или другую существенно важную для колхозников статью, сведения о ходе работ на участке и по всей трассе. Выступления, как правило, краткие, так как, помимо обеденного времени, читка проводится и в часовой перерыв, и за вечерней трапезой. В эти часы работает и значительная часть кружков. Их на трассе много, самых разнообразных,

от кружков МОПРа до ворошиловских стрелков: «за околицей» станов часто хлопают негромкие «учебные» выстрелы. И даже в самый жар по межам, под тутовниками, на ближних полях и по ухабинам еще не трамбованных, бесформенных дамб мелькают, будя знойную, недвижную тишину, фигуры бегущих людей с винтовками и в противогазях.

В пять часов опять трубят карнаи: третий срок рабочего времени. После четырех часов отдыха люди идут на работу со свежими силами. В воздухе уже чувствуется приближение вечера: легче взмываются тяжелые кетмени. Впереди отдых: с десяти до двенадцати время на трассе отдано людям искусства.

Х. ТРУД — ПРАЗДНИК

В этом одна из замечательных особенностей Ферганского строительства: руководство сумело доподлинно в праздник обратить эти дни напряженнейшего труда. В буквальном смысле слова *все* артистические силы Узбекистана брошены были на трассу. На участках работало 17 театров, 53 «художественные бригады» музыкантов, певцов, танцоров и танцовщиц, «ансамбль» дутористов Филармонии, ансамбли Тамары Ханум, знаменитейшей танцовщицы Узбекистана, и Халимы Насыровой, лучшей узбекской певицы.

Каждый вечер, когда темнота положит конец работам, и только самые крайние энтузиасты или самые отстающие, спасаясь от позора последнего места, продолжают еще работать в забоях, — на станах загораются факелы. На высоких шестах или проволоках, натянутых между столбов или деревьев, горят высоким, чадным, желто-красным огнем пропитанные керосином, круто скрученные тряпки и хлопья хлопка, бросая далеко на пестрые разостланные паласы и ковры пляшущие, причудливые блики и тени. В освещенный факелами круг выходят артисты. Дутор сменяет песню, песня сменяется пляской.

Нестареющей древностью, могучей вековой вольной силой веет от этих плясок. Во многих из них, как в пляске

«собирания хлопка», звучит и прямой отголосок стародавних «аграрных игр», от которых выводят иные историки искусств самое происхождение трагедии, стало быть, происхождение театра. В других — опять — таки древняя, как земля, связанная с праздниками плодородия и воды, напряженная и страстная эротика, — не в том исполенном смысле, в котором употребляет это слово обывательский, меццанский язык, а в подлинном звучании этого греческого слова. Эрос танца тем выше, что самый танец лишен бурных движений и жестов. Вся пластика танца, вся его выразительность — в руках, глазах, поворотах головы: ноги, связанные длинной, почти до земли, одеждой, служат только движению по кругу — то медлительному и плавному, то — в стремительном кружении тела, вихрящем вокруг головы, вокруг шелками шитой шапочки женщины черные, мелко и туго плетеные косы.

Ритмы этих пляшущих рук снимают грань между танцем и песнью. В их движении — живые, зримые, звуком передаваемые слова. Академику Марру здесь, под факелами колхозных станов, в ночи празднеств, надо было бы изучать «ручной язык», учение о котором является одной из величайших научных его заслуг. Он убедился бы, что язык этот несравнимо богаче, чем он предполагал, что язык этот способен передавать не только трудовые процессы, но и чувство. При этом в тех тончайших оттенках, которые передает только музыка.

Песня рук. Стянутых, наглухо, строго, у самой кисти, тесным шелком. Ислам закрыл для Востока красоту человеческого тела: даже собственное тело — от пояса до колен — не должен видеть обнаженным правоверный. Запрет, на века, накрепко вошел в быт. Только запястья и пальцы танцовщицы открыты глазам зрителей. И ступни мягко переступающих маленьких ног, у щиколотки так же наглухо стянутых окаемом шальвар. Руки, плечи, все тело спрятано в складки широкой одежды. Тем сильнее его — в пальцы одни, в наклон головы, в блеск глаз — перелитая манящая сила.

И от нее, на глазах, загорается тысячеголовый, тесный, многорядный круг, когда на паласы, под глухой, тугой бубен, глушащий мысль, повторяющий гулом упорных, неотступных коротких ударов, на десятки ладов все тот же, тот же тревожный, угрожающий звук — вступает стремительным, ладным, словно вплавь бросающимся шагом танцовщица, в вихре цветных шелков, черно-кошая, уже подымая для танца над головой тонкие, гибкие — говорящие, зовущие пальцы. Обгоняя переступ ее ног, по рядам, передовым, перекатываясь вглубь и вперед, идет по кругу волна: тела наклоняются вниз, к земле, головы — навстречу, руки развязывают, обрывая узлы, поясные, нарядные, шелковые платки, расстилают их на дороге... Ступи на мой платок, остановись на мгновенье! Спляши передо мной — для меня, так, чтобы я мог тебя видеть — не в мелькании «мимо» — обидное слово, непереносное для настоящего мужа! — а передо мною, один на один, как будто кругом не было тысяч глаз, рук, сердец.

— Остановись!

Голоса, в коротких и страстных восклицаниях, звучат вдогон и навстречу, глуша бубен... И вслед танцовщице катится вторая волна, бурей движений и криков... То там, то здесь вспыхивают короткие схватки. Кто-то, приподнявшись, спиной заслонил круг на минуту, кто-то сказал показавшееся обидным веселое слово зобатому парню-кокандцу с цветком за коричневым ухом. В переднем ряду сосед счастливица, на желтом, ярком платке которого задержалась, переступая, кружа тело, женщина в пестром шелку, с блестящими косами, обиженный предпочтением этим, схватывает за плечи «соперника на минуту». Узбеки вспыльчивы и быстры на обиду. О маргеланцах еще в XV веке писалось: «отличные кулачные бойцы и вообще народ задорный и беспокойный. В Мавераннагре они известны своей склонностью к драке». Задор в них жив и сейчас. Но ссора гаснет так же мгновенно, как вспыхнула. Ведь это же только — игра!

Нередко, закончив концерт, бригада артистов выходила на трассу и шла по

насыпи дамб, продолжая пляску, на соседний участок работ. Ее провожала толпа молодых и старых с факелами. И навстречу ей, слыша дуторы и бубен, поспешно зажигались факельные огни, расстилались к приему гостей паласы. Такой отдых свежит лучше всякого сна.

Я видал танцоров, за ночь проходивших такую пляской двенадцать-шестнадцать километров.

Артисты и днем появлялись на трассе, вызывая минутную хмурость десятников и прорабов, потому что в забоях бросали работу. Хмурость неосновательная, конечно, потому что концерты бывали всегда коротки, каких-нибудь десять-пятнадцать минут, а после них землекопы с удвоенной силой вносили свои кетмени, и вдвое быстрее подымались и опускались по крутым склонам носилки.

Тем более, что бригады артистов останавливались обычно на участках стахановских бригад или особо выдающихся мастеров кетменя.

— Мы даем концерт в твою честь.

И это была, действительно, честь.

Искусство на трассе подымало ритм жизни и тем самым ритм и успехи труда. Оно было подлинным искусством, потому что было целиком в жизни и для жизни. «Целиком» не потому, что артисты и музыканты жили эти месяцы общей жизнью с рабочими трассы; что многие из них работали днем с кетменями в руках и танцовщицы таскали носилки с мокрой глиной и тяжелым булыжником, вырабатывая иногда (как директор совхозно-колхозного театра) даже стахановские нормы. Сущность заслуги не в этом, а в той, только подлинному искусству присущей жизнотворческой силе, которую сумели воплотить в своих выступлениях артисты Узбекистана. Их концерты, спектакли, после которых, несмотря на поздний час ночи, зрители нередко отказывались расходиться, требуя повторения от начала и до конца, не были только «зрелищами». Мы, в городах, отвыкли от этого — в «безразличии» наших премьер, волнующих только театральных критиков, притом профессио-

нально-рецензионным волнением. Ферганские ночи (несмотря на то, что и здесь были, конечно, и срывы, и «тени» «богемного» быта и скверного профессионализма иных успехом избалованных «звезд») являются чудесным и ярким напоминанием всем о том, что такое подлинное искусство, и о том, что основа силы его — народность. Показательно выше меры, что *только народное* находило воистину широкий, волнующий, радостный отклик в тысячах. Люди часами могли слушать дутор, старинные и новые, на трассе только-что сложенные, песни. Но «злободневные» произведения, здесь же, на канале, наспех написанные профессионалами пера, принимались с холодным уважением к авторскому труду, не больше. Исключение составляют две оды в честь Сталина, написанные лучшими поэтами Узбекистана — Гафур Гулямом и Хамид Алимджаном: их оглашение на митингах воодушевленно приветствовал народ. Именно потому, что оды эти написаны в духе народном, и потому, что посвящены они Сталину, одного звука имени которого довольно, чтобы засветились радостью и любовью лица. Потому что, как поется в одной из популярнейших здешних колхозных песен, —

Любимое имя у всех на устах,
Любимое имя стучится в сердцах.

Для писателей всего Союза Ферганская трасса должна стать великим уроком значения *народности искусства*. На одном из привалов, на дальнем, глухом участке на окраине лессовой степи, восьмидесятилетний старик Мирахматов пел им самим сочиненные в первый раз в жизни стихи:

Мы пришли, чтобы строить канал,
Сколько сил есть, — все отдадим.
Мы построим, мы победим.
Вода на поля потечет,
Пустыня в садах зацветет,
Соловей о воде запоет,
К Сталину привет донесет.

Голос, не по-старчески твердый, звучал медлительно и торжественно. И простые, наивные слова песни врезались в память, как строки знаменитой надпи-

си вавилонского царя Гаммураби за 2 тысячи лет до нашей эры:

«Я вник в тайны рек... я превратил пустынные равнины в орошенные, сообщил им плодородие и изобилие и сделал их местопребыванием благополучия».

Так может сказать, так скажет сейчас каждый из 200 тысяч ферганских колхозников канала. И — не в пример царю Гаммураби — с полным подлинным правом.

Ломти нарезанной дыни лежали передо мной на развернутом листке газеты канала «На Сталинской стройке», № 15. В глаза бросились короткие рифмованные строчки:

Стихает под звездами ветер,
И птицы смолкают в садах,
Выходят бойцы на рассвете,
К тебе, дорогая вода.

Где плакали степи в печали,
Где беркут носился, как смерть,
Волне голубыми ночами
О радостный берег шуметь.

Я — писатель. Я — профессионал.
Мне стало стыдно.

ХІ. СТАРИКИ И МОЛОДЫЕ

Старик запомнился крепко. Они вообще были заметны на канале, старики. Хотя строило, по существу, молодое крепкое племя (участники стройки — все 200 тысяч — прошли предварительно медицинский осмотр), но старики занимали почетное место не только в колхозных чайханах, когда привозили из родного колхоза подарки или праздновали окончание работ, сидя чинным рядом, седобородые, строгие, в белых одеждах, — но и в котлованах, на труднейших участках работы. Значительная часть рекордов, подымавших по всей линии выработку, значительная часть стахановских приемов, увеличивавших производительность труда, принадлежит именно старикам. Замечательное движение «тысячников», т.е. работников, дававших 1000-процентную норму, организовано было «стариками» Особого головного участка. В этом примечательном факте ничего удивительного нет: стари-

ки знают кетмень и землю несравнимо лучше молодых, которым не приходилось десятилетиями надирать мышцы в непосильном труде, к тому же в работе физической едва ли не самое главное — мудрая экономия движений, скупость напряжения мышц, методичность работы, — качества, редко присущие молодежи, особенно в часы энтузиазма. Молодые на канале яро бросались на приступ конгломератов, били кетменями без отдыха, бегом вносили носилки на крутые откосы, отказываясь от всяких передышек... Они уставали и выдыхались скорее, чем люди старших поколений, работавшие размеренно и неторопливо. Да и в искусстве владения кетменем сноровка важнее, чем сила.

Всему Узбекистану стало известно имя Таджимата Хидырова из колхоза «Ленинизм» Ленинского района. В своем кишлаке он известен был под прозвищем «Большой конь», так как, будучи безлошадным, в молодые годы свои возил арбу на себе. С годами он нарастил огромный опыт земляных работ: к моменту отбора работников на канал числил за собой 60 лет кетменной работы. И за годы эти был случай, когда он, уже в советское время, один в девять дней, расцененных колхозом в сто восемьдесят трудодней, сбросил зауром затопившие поля силевые воды, работая по пояс в воде — с четвертого дня в жестокой лихорадке. Этим он окончательно утвердил за собой звание высокого мастера зауров.

Ему было 74 года. Таких стариков не брали. Пошли два его сына — честь участия в работах не обошла, таким образом, его дом. Он поворчал, но успокоился.

Младший из сыновей, Базарбай, вскоре вернулся обратно. Обе руки были забинтованы. Он работал без расчета, безрассудно горячо, до кровавых мозолей. К тому же он попал в сильное звено, не хотел отставать; непривычный труд изъязвил и изуродовал пальцы. Кожа ладоней потрескалась. Старик ни слова не сказал сыну, даже не спросил, почему Базарбай ушел со стройки. Иные говорят: на лице сына была радость, что он вернулся домой, избавился от

трудной работы. Так или иначе, Таджимат отвернулся, увидев сына. А на утро, завернув в платок лепешки, взял кетмень и знаменитую по старым годам борьбы с водою и силами огромную свою, шестнадцати килограммов весом, лопату и сказал жене коротко:

— Ухожу. Далеко.

Другие рассказчики добавляют:

— Он сказал еще: «То, что должны сделать Хидыровы, сделают Хидыровы».

Проверить, как было на самом деле, нельзя, хотя я дважды пил чай у Хидырова. Он никогда ни слова не говорит о себе, предоставляя это другим. И поступает мудро.

На утро следующего дня он был на канале, на участке своего колхоза. Став на работу, на отдельную — по его требованию — делянку, «чтобы виден был труд», он вынул 66 кубометров грунта — 12 норм. Такой выработки до него не давал никто. Успехом он был обязан особому приему подрубления грунта.

На премировании (был премирован домом) он встретился с Базарбаем. Сын вернулся через 4 дня, едва заживив пальцы. Он давал меньше, чем отец, но все же 43 — 45 кубометров.

В том же ряду «стариков» стоят Кенджибаев (которого тоже не пустили было на канал; он еле упросил взять его на обслуживание, на чистку моркови и лука, но тотчас же по прибытии «дезертировал» с кухни в котлован), Аллаяров и другие «тысячники». Да и сам Дусматов, именем которого названо стахановское движение на канале (массовое в отличие от рекордсменов-тысячников), тоже немолод. Его метод, по существу, не что иное, как рационализация очень давнего опыта «отцов» — тех еще времен, когда землю с работ относили в полах халатов. Дусматов был совершенно искренен, когда говорил: «Ничего нового я не выдвигаю. Мой способ слишком прост, чтобы о нем стоило говорить. Необходимо только так организовать рабочий день, чтобы ни одна минута не пропадала даром».

Он был прав в отношении «простоты»: вся тайна его успеха была, действительно, в том, что он заранее готовил свое «рабочее место»: прокладывал и выравнивал дорожку от делянки до места отгрузки вынутого грунта, кратчайшую, без крутых под'емов и спусков, убирая камни и комки глины, сбивая кетменем кочки. Затем, расстелив на земле полотнище из байкового обыкновенного одеяла в полтора квадратных метра, набрасывал в него 7 — 8 кетменей земли (носилки поднимают четыре). Забрав в левую руку три угла полотнища, он хватал правой рукой четвертый конец и с силой подтягивал его к левой руке, уплотняя груз. Уплотнив, обеими руками забрасывал на спину и уносил ровным шагом. Дойдя до места отгрузки, поворачивался в обратный путь, отпуская 2—3 угла полотнища: земля ссыпалась на ходу.

Простая рационализация относи к грузу без признаков механизации целиком основана на развитии сноровки: не случайно Дусматов вынул в первый день этим приемом только 14 кубометров, на второй день — 19, постепенно дойдя до 33, т.-е. дав около 1 000 процентов нормы. Огромное преимущество этого метода в том, что он не требует усовершенствованных инструментов, остается в пределах ручной техники. Именно поэтому он мог оказать великую пользу в условиях Ферганской стройки, где решающей силой была «живая» рабочая сила десятков тысяч людей. И в этом смысле Дусматов недооценивает сделанное им: в его методе, как и в работе Хидырова и «тысячников», опыт «отцов» дал «детям» выше и лучше, что могло «старое» дать «новому».

Но и в другом отношении большую пользу оказал опыт «отцов». На участках не хватало инженерно-технического персонала, хотя даже на очень ответственную работу ставили только что окончившую втузы молодежь, не имеющую практического опыта, или даже студентов. Так, например, на 34-м участке вместо «плановых» 13 человек было всего 4 инженера и 3 практиканта. Еще острее сказывался недостаток десяти-

ков: на некоторых участках (как на 21-м хотя бы) вместо 21 десятника имелось 3, вместо 41 старшего рабочего — 10. К тому же специфические особенности стройки, налагавшие на руководителей участков и техников ряд обязанностей организационного, хозяйственного и даже бытового порядка (на 1-м участке инженеру Дубровскому приходилось лично выдавать продукты 62 колхозам), значительно ослабляли технический надзор за работами, хотя инженеры и техники работали с совершенно исключительным энтузиазмом, без учета времени, целиком отдаваясь делу. Ясно, какое огромное значение в этих условиях приобретали колхозные бригадиры и звеньевые, являвшиеся нередко подлинными техническими руководителями работ на своих делянках. А если прибавить к этому, что на трассе нивелир был остро дефицитным инструментом (производители работ в буквальном смысле слова «похищали» его друг у друга) и даже рулетка сплошь и рядом заменялась шпагатом и метром, а плотники на Яз-Яванском перепаде мерили пальцами по допотопной мере «карыч», — вполне понятно, какую существенную помощь мог оказать в такой, мягко говоря, «полуинструментальной» работе наметанный глаз старых мирабов, знатоков воды и земли. Они без всяких инструментов, «по большому пальцу ноги» определяли должное направление арыка. Их помощь была велика и в самом трассировании, и в укатке дамб (где отсутствовавшие механические катки заменены были, по их предложению, обрубками карагача — твердого, как железо, дерева), и в смачивании дамб, и в ряде повседневных строительных «мелочей». Именно недосмотр этих «мелочей» вызвал необходимость переделок на ряде делянок, задержавших приемку их и отсрочивших момент «официального» окончания работ. И в скольких случаях причиной «недосмотра» бывало отсутствие опытного стариковского глаза!

Старики были очень полезны на трассе. И, поскольку в Узбекистане старость, вообще, пользуется заслуженным почетом, тем больший почет обеспечен был старикам, вышедшим работать на

трассу. И все же: «право первого кетменя», честь первого удара, открывшего работы, отдана была голосом народа молодому — 23-летнему Усману Садывалдыеву из колхоза им. Маркса.

В решении этом — большая, подлинно народная чуткость и мудрость. Усман — сын Чинбиби Бадалевой, участницы яз-яванского восстания 1916 года. Она была взята в плен беременной и родила сына в тюрьме. Тем самым Усман, рожденный в тюрьме, но от детских лет дышавший уже свободным, советским воздухом, не знавший ни ханской, ни царской неволи, — живой символ нового Узбекистана, тех молодых поколений, которые явились подлинными строителями канала. Ибо «лицо» строительства создал не опыт стариков, как ни была велика их помощь, а отношение к труду молодых поколений, составивших ядро строителей. Отношение, которое мы вправе характеризовать, как пример подлинного коммунистического труда.

Даже в Узбекистане я встречал «резвых» людей, которые улыбались на такое утверждение. Колхозники Узбекистана? Народ, всего несколько лет назад наполнявший мечети, века проведенный в темноте под ярмом? Да и сейчас — на той же трассе, на высоких лессовых перемычках между участками, под кумачевыми полотнищами с лозунгами социалистического соревнования — то здесь, то там видишь привязанного к столбику жирного барана или развешанные — приманкою — шелковые платки, халаты и платки, или даже — прибитые гвоздиками пять десятирублевков: премии за лучшую работу лучшему на сегодня звену. Причем тут коммунизм?

Ответ «резвым» не труден. Ленин писал: «Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достоящихся не работающим лично, и не их «ближним», а «дальним», т. е.

всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских Республик»¹.

И, сообразно с этим, черты коммунистического труда Ленин определял так: «...труд вне норм, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд, по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, — труд, как потребность здорового организма»².

Но именно такими чертами отмечен был труд на канале. История его характерна не отдельными трудовыми подвигами Дусматовых и Хидыровых, а массовым, доподлинно всеобщим превышением норм. Силы и умения людей были различны, — различны должны были быть результаты, несмотря на равное стремление. Цифры выработки в данном отношении не могут служить точной характеристикой, тем более, что при расчете норм не всегда достаточно точно учитывалась разница грунтов. Создавалась видимость отставания более передовых, по напряженности труда, бригад. Но все это нисколько не колеблет общего итога: массового перевыполнения норм. В этом отношении разительно отличие ферганских работ не только от ирригационных работ дореволюционного времени, но и от работ 1925 года, т. е. советского уже периода.

В 1925 году «нормальный процент невыхода на работы дежкан (по натуровинности) равнялся 30 — 70 проц., доходя до 100 проц. на работах по очистке магистралей общего пользования. Наибольший процент невыхода дает население верховьев систем, не заинтересованное в очистке всей магистрали... Отрицательные стороны усугубляются примитивными приемами работ... Все это приводит к ничтожной производительности труда — не выше 50 проц.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. XXIV, стр. 342, 2-е изд.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. XXV, стр. 151. 2-е изд.

соответствующей нормы Урочного положения»¹.

Ферганский канал опрокинул раз навсегда все нормы: не только «Урочного положения», но и капиталистической практики вообще. Даже «средняя» выработка колебалась в пределах почти вдвое большей «нормы» 1925 года — от 4 до 5,39 кубометра на человека в день; что же касается индивидуальных превышений, то они доходили до 2 000 процентов. Список стахановцев на канале огромен: на одном только 1-м участке дусматовским методом работало свыше 1 000 человек, из которых многие перекрыли дусматовскую норму; по сентябрьским, все еще не полным данным (стахановское число нарастало день ото дня), их было на трассе свыше 1 900. Люди не считались с расчисленными для работы часами: и в дневной жар — в часы завтрака, в обеденный перерыв — в котлованах можно было видеть продолжавших работать; и ночью из забоя доносились глухие удары кетменей. Имена этих энтузиастов неизвестны даже десятникам: героика незаметного их труда затеряна в цифрах, выработанных ими совсем не рекордных, а «средних» кубометров. Именно потому так и характерны для трассы эти ночные работники. Работа *всей массы* равнялась на предельную выработку, а не на установленную норму. Это и есть «труд вне норм», т.-е. коммунистический труд.

Вторым признаком коммунистического труда было массовое социалистическое соревнование. Смысл и значение соревнования с предельной ясностью сформулированы товарищем Сталиным:

«Соревнование есть коммунистический метод строительства социализма на основе максимальной активности миллионных масс трудящихся».

На «Сталинской стройке» Ферганского канала соревнованием была охвачена вся 200-тысячная масса сверху донизу: соревновались кетменщик с кетменщиком, относчик с относчиком, звено со звеном, бригада с бригадой, колхоз с колхозом, прорабство с прорабством,

участок с участком. И соревнование было действительным и действенным. Иначе и быть не могло уже по одному тому, что люди работали рядом, на виду друг у друга, зачастую локоть к локтю, — и, стало быть, взаимопроверка, взаимопоощрение и взаимоподдержка, составляющие сущность соревнования, проявлялись неослабно и неотступно, за шагом шаг. Не раз приходилось отмечать, как та или другая бригада, приостановив на короткий момент работу, приветственным кликом отмечала успех соседней, с ней соревнующейся бригады. В ответ на это соседи отвечали таким же радостным приветственным кликом. И обе стороны с удвоенной энергией брались за кетмени и носилки, возобновляя борьбу.

Борьба была исключительно напряженной, потому что активность соревнования (опять признак коммунистического труда!) была очень высока. Не только в смысле напряжения мышц, но и напряжения мысли. В широчайших размерах приходилось наблюдать ту самую «заботу рядовых рабочих об увеличении производительности труда», о которой писал Ленин. Агитаторы ежедневно оповещали все станы о новых способах рационализации труда, о достигнутых путем этой рационализации успехах. О том же писала специальная ежедневная газета «На Сталинской стройке», выходившая на трассе на русском и узбекском языках. Но едва ли я ошибусь, если скажу, что в редких случаях колхозники удовлетворялись только освоением «чужих» достижений. На участках искали *своих* способов рационализации. И это было правильно, потому что условия работы на различных участках были в достаточной мере различны и по качеству грунта, и по стоянию подпочвенных вод, и т. д. Бригадиры опытным порядком определяли численный состав звеньев, потому что от расстановки людей в ручной работе на три четверти зависит успех. В этом скоро убедились колхозы, начавшие работу неорганизованно, выходившие первоначально на отведенные им делянки толпой, не разделенной на бригады. Кроме сутолски и толкотни и даже случайных

¹ Бороздин. «Ирригация Средней Азии в 1925 г.», М.

ранений (кетмень — орудие страшное, оно требует свободного пространства вокруг), ничего не получалось: выработка не доходила даже до нормы. И в ближайшие же дни колхозы начинали переходить к все более и более строго организованному труду, утончая и уточняя расчет: каков при данных условиях грунта и положении делянок наилучший состав звеньев — двенадцать человек? десять? шесть? два?

Гибкости организации соответствовала и постепенно вырабатывавшаяся гибкость трудовых приемов. Они также менялись от делянки к делянке, в зависимости от места и людей, от грунта и подручных материалов. Местами люди работали конвейером: большое, в двенадцать человек, звено выстраивалось цепью по затопленной водою делянке, от дамбы до середины русла трассы. Вода доходила до колен. Передовой в цепи, зачерпнув, с удара, полный кетмень мокрой глины, передавал его соседу, принимая от него «свободный кетмень», и бил снова. В это время первый полный кетмень шел из рук в руки по цепи, неся глину, как на блюде (лезвие кетменя перпендикулярно к его рукоятке), заменяясь в каждой передававшей его руке встречным «свободным». Последний в ряду, у откоса, могучим размахом выбрасывал глину на дамбу. (Есть мастера, способные метнуть кетменем взятую глину на 15 — 20 метров.) И едва он успевал опустить руки, как в обмен на опустевший кетмень уже подходил по конвейеру второй, неся такую же горку мокрой глины.

На других делянках — сухих — применялся конвейер другой системы: кетменщики стояли строем. Мимо них бесконечную вереницей тянулись носилки: каждый кетменщик клал на носилки по одному кетменю. В иных колхозах на каждую пару носильщиков полагалась пара носилок: пока они относили одни носилки, вторые уже нагружены. Движение шло без остановки. Я видел вместо носилок арбы с откидными стенками, облегчавшими ссыпку грунта, ящики на спине носильщика, рукой закрывающего отверстие на дне: чтобы ссыпать землю, взобравшись на дамбу, достаточно от-

нять ладонь. Я видел «дусматовские» полотнища, мешки, тачки, корзины... все виды приспособлений, в зависимости от наличия тех или иных материалов, которые можно было использовать.

Мысль работала напряженно. Она сказывалась и в заблаговременной подготовке рабочего места, в поливке сухих участков с вечера, что увеличивало на 20 — 25 проц. производительность выемки. В этом смысле активность была высока. Но еще сильнее проявлялась она, когда на путях «нормальной» работы возникали неожиданные препятствия. Их было чрезвычайно много, так как гидротехнические и геологические предварительные обследования за отсутствием времени были произведены неполно. В итоге грунтовые воды выступали зачастую не на тех уровнях, где их ждали, и раньше, чем их ждали; совсем неожиданно начинали бить в котлованах ключи; при проходке люди натывались на мощные залежи торфа, плывуны, песок, который вымывали подземные воды, так что откосы начинали ползти и рушиться. Каждый раз на месте — и неотложно — надо было искать выхода, быстрого, чтоб не затормозилась работа, и действовать наличными средствами, потому что рассчитывать на скорую техническую помощь извне не приходилось.

И выход этот находили инициативой и активностью тех же рядовых рабочих-колхозников, «массовиков».

Бригада Бутаева, увлеченная личным его примером, по горло в воде грузила рогожные мешки с гравием, переминойкой сковывая воду, хлынувшую в котлован. На другом участке шофер Фокин, оставшись добровольцем в качестве «технорука» при неисправном насосе, откачивавшем воду с затопленного участка, ныряя, подвигивал ключами болты и гайки. Ганнибай Хадыров, отдыхая после обеда на берегу котлована и увидев, что вода с участка соседнего колхоза прорвала перемычку и бьет в клетку, осушенную для работы, бросился в котлован и грудью закрыл брешь. На установке козел в одном из котлованов Ташматов и Камбаров укрепляли сваи,

подолгу оставаясь под холодной грунтовой водой. На трассе за ними так и осталась клочка «водолазы». А сколько изобретательства и инициативы проявлено было, когда приходилось шпунтовать грозившие обвалом стенки дамб или трамбовать, не имея трамбовок, или забивать сваи, не имея необходимых приспособлений! Колхозник Алиев из «Коминтерна» придумал для этого подставную треногу.

Героика будней была тем примечательней (и в этом—опять ярко коммунистическая черта), что личная заинтересованность в труде отсутствовала. Особенность строительства в том, что оно само по себе еще не давало участникам никаких *прямых*, непосредственно *ощутимых* выгод: оно только открывало возможность дальнейшим *новым* трудом на полях, которые оросит будущий канал, повысить благосостояние колхозов, а тем самым и личное благосостояние. У каждого участника стройки «личной заинтересованности» было не больше, чем у бойца, идущего в бой в освободительную войну. Победа даст в будущем счастье народу, но совершенно открытым остается вопрос: достанется ли именно этому бойцу доля в добытом и его боевою заслугою счастье? Вот почему так смехотворны кивания «скептиков» на баранов и шелковые платки на перемычках. Как будто эта забава могла хоть в чем-нибудь определить отношение к труду десятков тысяч работников трассы!

Личная незаинтересованность строителей особо подчеркивалась еще и тем, что в работах участвовали — и притом в первых рядах — колхозы, которые непосредственно не приобретут никаких выгод от канала. Колхозы Папского района и другие «правобережники» не получают ни капли воды, — она вся пойдет на потребу левобережья. Эти колхозы могли руководиться (и руководились в большинстве) уверенностью, что на их помощь левый берег ответит тем же, когда на очередь станет вопрос об орошении земель за Сыром. Но у колхозов по сю сторону Дарьи, уже сейчас полностью обеспеченных водой (а таких в ряду строителей было нема-

ло), отсутствовало даже это мнимое «эгоистическое» побуждение. Они работали полностью и целиком на пользу «дальним», «обществу». Таковы ташлакцы, которые выдвинули Дусматова. «Ташлаку воды хватает, — писал в газете «На Сталинской стройке» Дусматов, — но всем дальним ферганцам воды не хватает. Я решил приложить свой труд и отблагодарить власть и партию за новую жизнь и стал рядом с другими... вышел на канал с одним желанием — помочь всем друзьям своим получить воду, чтобы вся наша Фергана стала цветущим садом». Работой своей Дусматов доказал, что слова его не цветистая «литературная» фраза.

Такова же была помощь двух тысяч таджиков, пришедших на Головной участок, или 2 136 колхозников Аштского района, сошедших с Чаткальского хребта на соревнование и помощь исфаринцам, хотя до этого они никогда не держали в руках кетменя; или горцев далекого кишлака Чаркисар, которому никогда не понадобится «водная помощь» равнинных. А помощь чаркисарцев, несмотря на немногочисленность их, была велика: они принесли с собой опыт борьбы с горными обвалами, выработавший у них особые приемы быстрой выемки грунта. Едва осмотревшись в новых условиях, они стали вынимать по 16 кубометров на человека, — почти столько, сколько «нормально» вынимает волокуша.

И только в условиях коммунистического труда мыслим тот переход по окончании *своей* работы, *своего* участка на помощь отстающим, который наблюдали мы на трассе, как *общее* правило (в договорах на сосоревнование это зачастую вменялось в обязанность победителю), и та «показательная работа» образцовых бригад на отстающих участках, которую широко применяли для «выравнивания фронта», ибо пример таких бригад действовал, как правило, безотказно.

Широкая взаимопомощь соревнующихся тем ярче бросалась в глаза, что самое соревнование протекало в чрезвычайно пылких и темпераментных—соответственно характеру узбеков — фор-

мах. Боролись не на шутку. Когда Сталинский район начал обгонять Багдатский достигнув 68,5 проц. плана против 66,3 проц. багдатцев, те вызвали из своих колхозов 1 300 человек «пополнения», на выручку. Отстававшие увеличивали свой рабочий день, выходили на ночную работу, хотя она была официально запрещена приказом (разрешалась особым постановлением руководства лишь при условии, что будет компенсирована дневным отдыхом). При подходе к финишу бригады зачастую не сходили с трассы ни днем, ни ночью. И рационализация, как я указал уже, стимулировалась именно соцсоревнованием.

В нем принимали участие не только подписавшие договор: в этом опять-таки особенность Ферганской стройки — особенность коммунистическая. Работа бригад крепилась воистину всей страной, выставшей на трассу лучших своих представителей: лучших партийных работников, депутатов Верховного Совета, работавших пропагандистами, агитаторами, организаторами; артистов, художников, две бригады которых пешком прошли трассу, зарисовывая эпизоды трудовой героики, портреты лучших стахановцев (выставка этих картин переходила с участка на участок); археологов, шаг за шагом обследовавших раскрытые трассой останки древних поселений и городищ. Звонком старых, века назад отчеканенных монет, черепками посуды, наконечниками бронзовых стрел подымалась из-под мертвых пластов живая история Ферганы. Народ жадно вслушивался в ее голос: народ любит свою историю. Надо было видеть, с каким тщанием колхозники подбирали каждый осколочек, взблеснувший из-под кетменя в отваленном пласте грунта, как жадно слушали они рассказы археологов о воскрешавших старину находках. Работа археологов, такая, казалась бы, далекая от «злобы дня», внесла свою долю в пафос труда. Они тоже были активными участниками соцсоревнования.

Включились в него и далекие от трассы колхозы: они вызывали на соревнование бригады, выдвигая, в обмен, свои обязательства по хлопку. Ушедшие на

канал не порвали с полями. О ходе полевых работ на участки строительства сообщалось так же регулярно, как в колхозы о ходе земляных работ на «Сталинской стройке». Связь была чрезвычайно интенсивна и хорошо организована: на 11 специальных посадочных площадках трассы ежедневно приземлялись специальные почтовые самолеты: сотни писмоносовцев принимали корреспонденцию; вдоль по трассе — по участкам и станам — их разносили по преимуществу пионеры, несшие «службу внутренней связи»; на каждом участке их было 15—20; общее число их доходило до 700. За один август на трассе через почтовые учреждения прошло 67 000 писем, 16 000 телеграмм, 1 200 посылок, 2 200 переводов.

Эта доподлинная всенародность движения — «активность миллионной массы трудящихся» — и есть то новое слово, которое сказал нам Большой Ферганский канал. Если в прошлом мы видели, как соцсоревнование масс шло от ударных бригад к ударным цехам и заводам, то в Фергане мы увидели новую, высшую ступень: ударный труд *народа*. И труд коммунистический.

И еще одна новая черта: труд — праздник. Коммунистический труд иным быть не может.

XII. ТЕМНЫЕ ПЯТНА

Конечно, утверждение это нельзя понимать в том смысле, что в жизни Ферганской трассы за два этих месяца не было темных «родимых пятен» старого. Их было немало. Даже соцсоревнование обертывалось на иных делянках оборотной своей стороной: в погоне за «кубиками», за количеством пренебрегали качеством; работа только казалась выполненной, на деле ее приходилось продельгивать сызнова. Так было, между прочим, с Ташлакским участком, уже 15 августа рапортовавшим об окончании работ: он был прославлен в речах и статьях, как вырвавший первенство. Когда же дело дошло до сдачи работ, оказалось, что принять их нельзя, так как выполнены они плохо; ширина и отметка дамб и дна не доведены до проект-

ных отметок, качество дамб неудовлетворительное. Ташлакцы опять появились в ведомостях и сводках, и в середине сентября — через месяц после победного их рапорта — за ними все еще числилась немалая кубометровая недоимка.

На 21-м участке один из колхозов дважды рапортовал об окончании работ, и оба раза их приходилось возобновлять.

Примеров снижения качества из-за спешки можно было бы привести достаточно, особенно по дамбам, дававшим зачастую значительную осадку при пробных замочках, так как в них валили торф, оставляли деревья или трамбовали небрежно. Все эти небрежности и «недоимки», несомненно, — «родимые пятна» старого, не изжитого еще до конца отношения к труду. Но злой воли в них нет, поскольку «виновные» в этих неполадках колхозы и бригады спешным окончанием работ на своем участке не ожидали себя от труда, а лишь открывали себе переход на помощь другим участкам. Во многих случаях вина, быть может, полностью ложится на недостаточность технического надзора...

Но были случаи, когда «старое» откровенно показывало клыки: иногда колхозы, переброшенные на новый участок работ с повышенными нормами выработки, протестовали против этих норм, требовали работы по старым, более низким и легким нормам, резко выделяясь тем самым из общего коммунистического стиля работы строителей. Были случаи намеренного затягивания работ, намеренного снижения выработки, чтобы избежать переброски на новый участок по окончании своего. По ряду колхозов наши лодырей, мотавшихся между колхозом и трассою, не работавших ни здесь, ни там. Были, наконец, случаи ухода с работ, не только одиночек, но и целых групп. И всегда в этих попытках саботажа, срыва, трудового дезертирства — попытках, по количеству в общем счете ничтожных, — открывалась при расследовании рука классового врага. Но то, что их было ничтожное количество, не должно ни в малой мере ослаблять нашей бдительности. Канал —

гигантская победа нового над старым. Но борьба далеко еще не закончена. Я сказал уже: сложен перекрест старого и нового в жизни Узбекистана.

В колхозных массах Узбекистана немало, конечно, еще затаилось врагов, байских сынков или даже самих бывших баев, мулл и казиев, байской челяди — людей, кормившихся от прошлого режима. Всенародность движения, мощь народного подъема заставила их молчать, усилить осторожность, потому что открытое выступление грозило разоблачением, немедленным и беспощадным. Но уже в период подготовки к каналу, когда по колхозам готовили арбы, кетмени, лопаты, носилки, заготавливали продовольствие, отводили огороды и бахчи на снабжение трассы, — кой-где по колхозным задворкам крался, перекидывался шопоток о том, что работа снизит доходы колхозников, что на хлопковый трудодень будут выдавать — из-за расходов на канал — не 20—30 рублей, как в прошлом году, а всего 5 или 6; что поэтому нет выгоды работать на хлопке, надо нажимать на коконы, на личное хозяйство; распускался слух и о том, что трасса неверно запроектирована, — вода не пойдет. Нить всех этих слухов неизменно приводила то к таинственному совещанию бывших мулл, то ко двору бывшего торговца и ростовщика, пристроившегося к магазину сельпо.

И на трассе люди таких категорий, конечно, не упускали случая сорвать тем или иным способом работу: несмотря на всю тщательность отбора, в 200-тысячной массе строителей были, конечно, и «чужие». Зорко следя за настроением колхозников, они нащепывали усталым вражьи речи или использовали неполадки, организационные и материальные, чтобы раздуть недовольство, подзудить на возвращение в колхоз. На 17-м участке они использовали столкновение начальника участка с его помощником и увели было около четырехсот человек. Случай дезертирства такого рода — и под таким влиянием — были даже на Комсомольском участке.

Их же работой был временно подорван в некоторой мере ход подписки на заем: в Уйчинском, Альтин-Арыкском,

Кагановичском и Молотовском районах она не дала, как на остальных, и 100-процентного охвата.

Характерно: следов религиозной пропаганды мы нигде не встречали, между тем как ислам нельзя еще отнести к преодоленным уже пережиткам. Только на Особом головном пришлое видеть: каждый день в 5 часов,—когда «ручники» Механизированного подучастка многотысячной толпой переходили помост головного сооружения,—на дамбу, внизу, на берегу Нарына, на самом юру, становился на молитву нестарый еще узбек, со впалыми и беспокоящими, как у фанатиков-дервишей, глазами. Он не расстилал молитвенного коврика, не подстлал поясного платка, как полагается рядом молитвы, — он опускался коленями в прибрежный лесс, демонстративно пятная лоб серыми пятнами пыли при каждом земном поклоне. Он молился истово и долго, подымая ладони к ушам и громко бормоча священные слова. Колхозники шли по дамбе, поблескивая кетменями. Сотни глаз скользили по молящемуся, но до последнего дня он оставался на берегу одиноким. Насмешек или бранных выкриков не было слышно: спокойны и равнодушны были лица колхозников. Умерла ли религия? Нет. На 392 антирелигиозных лекциях и 66 беседах, которые проводил на трассе союз воинствующих безбожников, выславший сюда 12 лекторов и 21 агитатора, перебывало 146 076 человек; 14 252 записались в члены союза. С трупом не борются. Ислам не умер еще. Но в атмосфере трассы исламисты не смели поднять голоса.

Сильнее всего сказалось их влияние на положении женщин на трассе: здесь им было на что опереться. Именно здесь сильнее и ярче всего разгорелась борьба старого с новым.

XIII. ЖЕНЩИНА НА ТРАССЕ

Иначе и быть не могло, потому что именно в отношении к женщине, к ее равноправию, сильнее всего сказывается и посейчас старое исламистское наследство. По существу, еще в полной силе

пункт шариата: «Женщина создана для того, чтобы жить для мужа».

Паранджа, предписанная кораном, не отжила еще свой век.

«Старое» крепко держится за паранджу. И опора этого старого не только в мужчинах, но и в самих женщинах. От снявших паранджу приходилось не раз слышать: «До чего это страшно — итти по улице с открытым лицом, открытыми глазами—не сквозь сетку—видеть улицы, площади, людей...». Чтобы сбросить чачван, женщине нужна не только огромная воля, но и ясное, жизненное основание. Одни отвлеченные пропагандистские слова о «раскрепощении», о «позорном обычае» не имеют достаточной силы, пока они не наполнятся конкретным, живым, жизненно-значимым содержанием. Тем более, что прошлые, вековые обычаи приучили считать «позорным» обратное: позорно открыть лицо. Потому что с открытыми лицами ходили только проститутки. Им законом был воспрещен чачван, чтобы люди не могли принять их за «честных» женщин.

Но многого удалось добиться: сотни женщин занимают руководящие посты, десятки стали депутатами, тысячи учатся. Огромную помощь в женской борьбе оказывает сталинское слово: «Женщина — великая сила в колхозах». Слово это в буквальном смысле не сходит с уст женщин: противники замолкают перед этим величайшим для каждого, и самого темного даже, узбека неоспоримым авторитетом. И все же каждый шаг женщинам приходится еще брать с бою. В нынешнем году, на майском совещании передовиков, колхозница Молотовского района Кабулова жаловалась, что не смогла дать 100 центнеров хлопка с га, дала только 32, потому что ей, как женщине, не доставляли достаточно воды на участок. Заявление это не вызвало никакой реакции собрания, как обыденное явление, в котором ничего удивительного нет. До последних дней были колхозы, в которых женский труд оплачивался ниже мужского (в Каракалпакском сельсовете, например) или даже не оплачивался вовсе. А сколько отголосков

«шариатского» отношения к женщине сохранилось в быту!

Оно перенеслось и на трассу. Число заявлений, поданных женщинами, о желании работать на канале было огромно: женщины по хлопковому опыту знали, что лучший путь к «признанию» — равная с мужчинами работа, а еще лучше — высшие показатели труда, чем у мужчин. Женщины — председательницы сельсоветов и председательницы колхозов, бригадиры и звеньевые — все пришли к избранию именно этим путем.

Из женских заявлений удовлетворено было, однако, только 10 тыс., причем подавляющее большинство женщин направили «по прямому их назначению» — на кухню. Часть выделена была в особые женские бригады; в более передовых колхозах женщины составили специальные звенья; и только в самых передовых работали попеременно с мужчинами. Но даже и в этих случаях они только работали вместе; когда карнаи оповещали о прекращении работ, о возвращении в стан, женщины тотчас накидывали на головы верхнее платье, закрывая отворотами лица, если при них не было паранджи.

Потому что часть женщин пришла на трассу под черным чачваном, агитаторам приходилось вести пропаганду. На участке Абдурахмановой, знатной текстильщицы, депутата Верховного Совета, двести женщин сняло паранджу за время работы. Сколько же их было всего, пришедших на коммунистическую, «Сталинскую стройку» в исламистской одежде?

На станах у женщин были, конечно, отдельные бараки, в отличие от мужских наглухо закрытые со всех сторон досками или камышевыми щитками и завешенные паласами. Подлинный женский двор — ичкари! И на тоях, праздниках по случаю окончания работ, или на приеме почетных гостей, я ни разу не видел женщин в общем ряду с мужчинами. Чаще их не было вовсе. Когда же бывали — сидели своею, особою кучкой, далеко в сторонке, в соседнем помещении, отделенные, по меньшей мере, порогом. И сидели, отворотясь: чтобы лиц не было видно.

И хуже: не один раз мне пришлось быть свидетелем, как при появлении женщин на трассе с открытыми лицами мужчины встречали их перекатами криков: «Аю!», «Позор!». Так кричат пьяному, совершившему непристойность. Крик вспыхивал, одиночный, как искра, едва женщина ступала на дамбу, над котлованом. Он подхватывался тотчас десятками голосов, рос, перекидываясь с делянки на делянку, на участки соседних колхозов: через две-три минуты сотни голосов настойчиво и озорно выкрикивали позорное слово.

Два раза слышали мы это слово даже на Комсомольском участке. Абдурахманова, агитатор и депутат, рассказывала мне, что даже ее, со значком Верховного Совета на груди, встречали такими криками довольно долгое время. Она добавила, смеясь всегдашним своим искренним смехом (она очень часто смеется, эта красивая, энергичная, быстрая женщина):

— Кричали, а все-таки слушались.

Именно так. Крик — озорной — был словесным протестом, заявкой о несочувствии. Делом женщинам не мешали работать, хотя и неохотно давали носилки, а тем более кетмени, ссылаясь на женское слабосилие. Отвод, само собой, несправедливый: на хлопке, орудия тем же кетменем, узбечки не только не отстают, но сплошь и рядом даже обгоняют мужчин; можно было заранее сказать, что и на канале женщины — по меньшей мере в пределах «нормальной» мужской работы — не отстанут. Они и в действительности не отстали, а многие совершенно так же, как на хлопке, обогнали мужчин. С Таибовой из Уч-Курганского колхоза мужицы отказывались работать вместе на носилках: они не попевали за ней. За день она сменяла до трех «напарников». Кучарова (из «Иттифака», на 5-м участке) сменяла за день по девяти. Гайша Усманова, на Головном, у исбакентцев, работала тоже в два-три раза быстрее мужчин, а когда ее попрекнули, в насмешку, что она выбрала себе работу полегче, перешла к работе ломом. Не перечислить женщин, нормы которых были выше мужских. Так, Мадумарова (на 38-м

участке) давала 24 куба при норме 4,66; 400 проц. давала комсомолка Карамат Ушанкулова; на 7-м—Хайтулова Мастурахон, Х. Раджабова подняли выработку до 500 проц.; 300—450 проц. давало комсомольское звено Зибихон Юлдашевой; звено Акбарово дало 573; то же—бригады на 12-м; на 29-м все женщины поголовно перевыполняли нормы и т. д. Байбабаева из колхоза им. Сталина поставила женский рекорд — 700 проц.

«Путь к признанию», на который вступили женщины, оправдался и здесь, как на хлопке. Шестидесяти пяти женщинам в звеньях колхозов Байналмилааского сельсовета Кувинского района первое время на трассе отказывались учитывать работу, хотя многие перевыполняли норму до 300 проц. Но уже во второй половине августа кувинцы говорили мне о почете, завоеванном этими женщинами: «Они даже чай пьют теперь с нами». И крики «аю» замирали постепенно, по мере вхождения женщин в работу.

Не всегда, конечно, дело кончалось так благополучно. Были девушки, которые не выдерживали насмешек и позорного крика «аю» и возвращались в колхозы. На Комсомольском участке был случай, когда одна из трех девушек-подруг, которых упорно встречали проницательным криком, раскроила камнем лоб навязчивому обидчику.

И опять — как в других резких проявлениях «старого» на трассе — причина всех этих инцидентов оказывалась та же: классовый враг. Три раза он прибежал даже к ножу.

Но наряду с этими отзвуками стародавнего отношения к женщине трасса дала ряд примеров крупнейшей авторитетности женщин в колхозной среде. В Намангане организатором выхода колхозников на трассу была женщина — депутат Верховного Совета СССР, Таджихон Аскарлова; переход ташлакцев на помощь 21-му участку прошел по призыву колхозницы Муминовой. Абдурахманова на 12-м участке заслонила постепенно всех прочих руководителей: колхозники обращались к ней со всеми запросами, вся работа проходила при ее постоянном и непосредственном участии.

«Душой» пашуканцев на трассе была 58-летняя Аим-биби. Но из всех возможных примеров наиболее трогательным было одно из звеньев колхоза «Иттифак» (Бешкапинского сельсовета). Звено это состояло из четырех могучих мужчин, — в колхозе к их именам так и прибавляли: палван (богатырь). А звеньевым, начальником богатырского этого звена была тоненькая, маленькая девушка Анахон Расулева. Почетным местом своим она обязана тем, что на хлопке, также будучи звеньевой, снимала 36 центнеров с га. Здесь, на трассе, ее звено неизменно давало 500 проц. нормы.

XIV. ШКОЛА НАРОДА

Женское движение на трассе, естественно, возглавляли партийки и комсомолки. То же надо сказать и о других областях жизни трассы. Большой Ферганский канал создан партией: она выступила организатором героики великого народного подвига.

Именно в условиях этой своеобразной, «скоростной, небюджетной», всенародной стройки, в которой успех решался не строгим расчетом исходного плана, а инициативой и активностью участков, проработ, делянок, где «на местах» приходилось решать и организационные вопросы, и вопросы снабжения, и даже технические вопросы, — определяющее значение имела не столько организация центрального штаба и участковых штабов, сколько организация всей массы строителей.

Эту организацию партия вынесла целиком на своих плечах. Она сделала больше: обратила строительство в доподлинную «школу народа». Двести тысяч колхозников вернулись домой не такими, какими выезжали сорок пять дней назад, — на разукрашенных цветах и знаменами арбах.

Партия бросила на трассу все партийные кадры области, усиленные частью самаркандских и ташкентских кадров. Я упоминал выше: задолго до выхода партийцы уже работали по колхозам. Часть осталась там продолжать работу по хлопку; на трассу вышло 1 788 коммуни-

стов, 18 293 комсомольца. На земляных работах они сохранили за собой ведущую роль по выработке. Халим Юлбарсов, комсомолец, вызвав на сталинской вахте на соревнование андижанского «тысячника» Аллаярова, дал 1 700 проц. нормы (против 1 450 андижанцев). На Особом комсомольцы отработали 96 тыс. трудодней, сэкономив благодаря превышению норм 20 тыс. дней. Звено кетменщика Ишанова (из колхоза им. Маркса) выработывало 300 проц., стоя по пояс в воде. На Куян-Яре комсомольское звено колхоза «Кзыл Трактор» (Андижанского района), окончив задание вдвое раньше срока, взяло второй участок, окончило его в 10 дней и перешло на Особый, где также успело выполнить двойное, по сравнению с остальными, задание. И т. д., и т. д.

Партийцы же были застрельщиками соревнований. И тот факт, что они показывали пример на физически трудной работе, подымал авторитет и политмассовой работы партии. Значение ее в практике канала сказывалось с поразительной четкостью: просматривая ведомости, безошибочно можно сказать, как на данном участке поставлена политработа. В этом смысле вывод, сделанный Ташимбаем Мирзаевым в одном из докладов: «Успех строительства определился успехом политмассовой работы», — отнюдь не преувеличен.

Особенность ее на трассе была в ее комплексности, если можно так выразиться: в одновременном действии всех видов пропаганды и агитации. Это был новый, до тех пор не применявшийся в Узбекистане способ. За время работ проведено было: лекций — 763, охвативших 315 273 слушателя; 9 330 бесед — с 45 675 участниками; 293 митинга — 1 649 557 участников; 549 киносеансов; 1 528 стенгазет; на 204 агитпунктах работало 2 741 агитатор и 177 пропагандистов; 1 686 школ ликбеза пропустили 50 252 ученика. Работало 78 радиоточек.

Не всё проходило удачно, потому что не всегда удачны были лекторы (помню 14-летнего мальчика, которого слушали с очень добрыми улыбками, но... не очень ему верили, и заезжего студента ИФЛИ, которого вовсе не слушали).

Не всегда отвечали запросам аудиторин темы лекций: программа — 17 тем — составлена была несколько «академично». Как правило, слабее посещались лекции на «теоретические» или далекие от современности темы. И, напротив, с огромным вниманием и при большом стечении колхозников слушались доклады о международном положении. Лекторов засыпали вопросами: о взаимоотношениях Англии, Франции, СССР; о положении на границах Монголии; о значении германского кредита СССР (тогда не было еще договора о дружбе); чем объясняется крутой поворот Германии к СССР; как должно измениться соотношение сил в связи с договором о ненападении.

Такою же популярностью пользовались доклады: «Как образовалась узбекская нация»; «Как образовался СССР».

Большую работу провели юридические консультации: на трассу командировано было 33 юриста. Перед ними прошло 53 192 «клиента» на беседах и консультациях. В частности, именно им, чаще, чем другим участникам политработы, приходилось касаться женского вопроса. И меньше всего — факт характернейший! — обращались к ним по вопросам чисто судебной практики: за все время пришлось написать 164 заявления.

Менее успешно работали стенные газеты. Число их было очень велико, каждый колхоз — за редкими исключениями — имел свою, и многие выходили достаточно регулярно. Но опытных редакторов и сотрудников, владеющих необходимым для стенгазеты острым пером, естественно, было немного среди кетменщиков и прорабов. Рисовальщиков же не было почти вовсе. И в этом опять сказался пережиток «старого»: изображение живых существ, как известно, было воспрещено правозверным. Но что за стенгазета без карикатуры?! В итоге, как правило, газеты были серы, иногда даже безграмотны. И робки. Случай на Особом, стоявший прямо на грани вредительства (вывод из строя на четыре дня мощного экскаватора, как бы по небрежности), в русской газете был смазан.

«Оборонники» были, само собой разумеется, желанными гостями в колхозных станах. Они охватили работой Осо-

авиахима до 100 000 колхозников, заложив 14 новых первичных организаций (1 088 чел.), провели 671 лекцию; на станах работало 220 красных уголков. Почти во всех чайханах можно было видеть плакаты о пулемете, винтовке, противогазе. Значкистов «ГТО» 1-й степени подготовлено было 3 505 (из них 1 202 допризывника), ворошиловских стрелков — 1 436 (допризывников — 732). Занятия с противогАЗами прошли 1 562 чел. В 35 «военных походах» участвовало 31 600 чел.

Общество Красного полумесяца завербовало около 10 000 новых членов на 18 собраниях, 434 беседах. 92 санпоста общества имели 93 000 посещений: цифра огромная, могущая навести на мысль о частых заболеваниях на трассе. На деле тайна этих многотысячных обращений проста. У колхозников есть маленькая слабость: любовь «полечиться». Даже совершенно здоровые норовят принять порошок — «дору», так сказать, впрок. Колхозник способен перенести на ногах самую тяжелую болезнь, работать кетменем с израненными ладонями. Один из именитейших стахановцев перегянул кушачком грыжу, отказался сойти с работы и до конца продолжал повышать поставленный им рекорд. Но, если такому колхознику по пути попадетсЯ врач или сестра с санитарной сумкой, он не упустит случая сглотнуть «дору» или помазать иодом пустячную ссадину. Медперсонал на трассе очень широко шел этим желаньям навстречу.

До выхода рабочих на трассу проведена была вакцинация их и на 80 проц. акрихинизация; обследовано водоснабжение — и на нездоровые источники наложен абсолютный запрет; малярийные местности подверглись нефтеванию и опылению; велось наблюдение за уборными и пр., и пр. Серьезных заболеваний было мало. За август на трассе отмечены всего 101 случай дизентерии и гемоколита, 5 — пищевых отравлений, 174 — малярии и ни одного случая брюшного или сыпного тифа.

В отношении методов труда суждения колхозников совершенно единодуш-

но. Привычка к организованному, точно распределенному и интенсивному труду за эти два месяца установилась прочно: колхозники на опыте, в высшей мере наглядном, убедились, что такая форма труда является наиболее производительной, т.е. наиболее выгодной, в конечном счете берегающей больше времени. Разве в других условиях у них было бы столько досуга, сколько оказалось на трассе? В итоге, самые отсталые колхозники, которые до приезда на трассу хвастались, что работают, когда им вздумается, поощряли лодырей и на оучку хлопка высылали одних женщин, — возвращаясь, заявили со всей искренностью: «Теперь мы и дома будем работать, как здесь. Иначе работать постыдно. Да мы и не сможем работать иначе».

Многие из них к тому же возвращаются с новой квалификацией. В условиях строительства, при нехватке квалифицированной силы, на ряде участков шла интенсивная подготовка необходимых специалистов из рядов самих же колхозников. Трасса дала, таким путем, колхозам бетонщиков, арматурщиков, плотников, столяров, монтажников. И «учившиеся на бетонщиков» в школе Пайтакского перепада дехкане колхоза им. Буденного мечтали уже во время учебы, как они будут ставить собственными руками — приобретенным умением — гидроэлектростанцию в родном своем колхозе.

И в смысле политического воспитания общественная жизнь, не замиравшая ни на час на трассе, — читка газет четыре раза в день! — возбудила новые интересы и запросы. Доклады и лекции, постепенно углублявшие эти интересы и втягивавшие в круг их все более и более широкие массы, исключили, конечно же, возможность руководить сельсоветами людям, не читающим газет, о которых всего за два месяца до трассы говорил Ташимбай Мирзаев. Дальнейшая политическая работа в колхозах получила широкую и могучую базу; авторитет партии в огромной мере возрос, что выразилось, в частности, в массовой подаче заявле-

ний о приеме в партию. В числе подавших — почти все крупнейшие стахановцы стройки. Вместе с тем за эти, жизнью до краев наполненные, месяцы вырос и укрепился перешедший на трассу широкий колхозный актив. Это скажется и на культурной жизни колхозов. Не раз уже, под колхозными навесами, когда стали готовиться к прощальным тоям и старики метелками старательно подчищали гладкие, словно полированные, откосы к сдаче подготовленных дамб, — приходилось слышать жаркие споры: что именно организовывать в колхозе по возвращении «из того, что было на трассе»?

Сдвинулся и самый быт — создались новые культурные навыки. Превосходная постановка медицинского обслуживания ввела в обиход гигиену. На станах появились мусорные ящики, за обеденными «скатертями» — дастарханами — ложки. Умывание мылом, пользование личным полотенцем для многих колхозников обратилось в привычку. После энергичной кампании медсестрам удалось «внедрить» мытье посуды, выколачивание ковров, смачивание полов. Женщины на трассе с громадным интересом слушали лекции о гигиене матери и ребенка. Они просили лекторш научить их шить детское белье. Профессор Дегтяр, застав колхозника пьющим воду с рисового поля, показал ему под микроскопом каплю этой воды — в обоснование запрета пить воду из подобных источников; че-

рез несколько минут весь стан был уже у микроскопа. А через час колхоз, по собственной инициативе, вынес решение: не пить иной воды, кроме кипяченой.

Таков — краткий и сухой — перечень фактов. Значение их поистине огромно.

Конечно, великое дело, что канал даст тысячи гектаров хлопка, даст шелк, подымет животноводство. Но «Сталинской стройкой» он достоин называться потому, что стал «школой народа».

Узбекский народ вырос на этой работе, поднялся на новую ступень, победно одолевая старое, вчера еще висевшее на его ногах тяжелым грузом! Для скольких людей был неожиданным этот великий подъем, в праздник обративший трехмесячный тяжелый труд!

Но строительство Ферганского канала — только начало нового этапа борьбы, начатой героиней Октября: на прошлых этапах центр тяжести был в лобовой атаке против эксплуататоров. Сейчас она направляется против природной стихии, за полное овладение землей и водой.

На очереди — Голодная степь, на очереди — поворот Аму на орошение 500-километровой пустыни: задачи, о которых даже в сказках не могли мечтать люди во времена ханов и царей. Их смело ставит — к исполнению — народ, ведомый партией Ленина — Сталина.

Но как?
 Я вспомнил Батуми —
 Мы были над самым морем,
 Сосед говорил о Сталине,
 О первых собраниях в горах.

Шли теплоходы на запад.
 И вдруг одуряющий, жаркий
 Запах бакинской нефти
 Пахнул с нефтевозов к нам.

Тогда от Зеленого мыса,
 В силе своей соревнуясь,
 Без ветра донесся запах
 Чайных плантаций и роз.

И, вняв незнакомым дыханьям
 Моря, земли и ветра,
 Сосед мой вдруг улыбнулся.
 — Это Сталин, — сказал он мне

Земля наша стала цветущей...
 Я тихо спросил поэта:
 — Не так ли писать о Сталине?
 — Да, товарищ, наверное, так

Шли бураны вдоль по Сибири
 От сурового океана.
 И с весны до первого снега
 Тучей плавала мошкара.

Он днем выходил на речку,
 Рыбачил дырявым бреднем,
 А ночью светила коптилка
 В ставни сквозь каждую щель.

Сквозь ветер, пургу и полночь
 Он видел рассвет над миром...
 — Не так ли писать о Сталине?
 — Да, товарищ, наверное, так.

— Так, — воскликнул узбек,
 подумав,

И лицо его посветлело
 Тихой трепетною улыбкой:
 — Каждый день я беседую с ним.

Я — Тылеу Алды Бергенов,
Член колхоза «Кзыл Аскèри».
Я чабан, о моих отарах
Пишут в книгах и песни поют.

Уводя овец от обвалов,
По стремнинам на пастбище полз я.
Говорил с ним в горных туманах,
И он отвечал:

— Хорошо!

В голубой безводной пустыне
Рыл канал я, пески смиряя,
Побеждая закон природы.
И он говорил:

— Хорошо!

И я знаю — в огромном мире
Мы за каждым движеньем жизни,
Как биение сердца, слышим
Слово, дело и мысль его.

★

Есть, товарищ Киров!

Эпизоды каспийской хроники времен гражданской войны

ЕВГЕНИЙ ЮНГА

АСТРАХАНСКАЯ НОЧЬ

К полночи моряки собрались в здании штаба XI армии на Московской улице. На лестнице вестибюля и в коридорах было полутемно: электрические лампочки давали тусклый свет. В кабинете члена Реввоенсовета фронта Сергея Мироновича Кирова — чуть посветлее. Впрочем, защитники советской Астрахани в апрельские дни 1919 года привыкли со многим мириться. Приходилось экономить топливо: остатки угля и нефти нужны были для кораблей военной флотилии и для предприятий, работающих на оборону.

Киров кутался в кожаную куртку, брошенную на плечи, и, ожидая, пока моряки войдут и рассядутся, с наслаждением вдыхал промозглый воздух, гонимый в форточку штормовым ветром с Каспия.

Крохотная фотография висела на стене кабинета — щурились теплые и лучистые глаза Ильича. Над опрятным письменным столом светлым пятном выделялась карта побережий Каспийского моря и волжской дельты.

Просторная комната едваместила гостей. На диване, на стульях, прислонясь к стене, сидели комиссары Астраханско-Каспийской военной флотилии: рейдовых буксирных пароходов, на скорую руку вооруженных полевыми орудиями и названных вспомогательными крейсерами; подводных лодок и миноносцев, пришедших, по настоянию Сталина, из

Кронштадта на помощь защитникам устья Волги.

— На тебя, товарищ Рябов, все старухи в обиде за колокольню! — Киров, смеясь, обменялся взглядом с длиннорылым седым комиссаром вспомогательного крейсера, боцманом Рябовым. Тот обнаружил на церковной колокольне шестого участка ловко замаскированный пулемет — след весеннего заговора астраханских попов и проникших в город английских и деникинских шпионов.

— Чортова божья лавочка? — насмешливо переспросил боцман. — И совершенно ни к чему обижаются старушки. Пулемет торчал там не вместо свечки.

Комиссары одобрительно засмеялись, но Киров, не дав разговору завязаться, погасил улыбку и встал. Моряки притихли.

— Страна стынет без топлива, — жестко проговорил он. — Поток нефти с Апшерона прекратился, Астрахань в кольце врагов. Баку и Красноводск под пятой английских интервентов, на острове Чечень, близ дельты, расположилась британская авиабаза, ее эскадрильи бомбардируют мирное население рыбацких сел. Петровск захвачен деникинцами. В Гурьеве хозяйничает колчаковец Толстов, белогвардейцы засели в форту Александровском. Разведчики, посланные нами за город, выяснили, что генералы затевают наступление.

— Встретим! — хмуро отозвались комиссары.

Киров повернулся к испещренной флажками карте Каспийского моря.

— Дело не только в том, чтобы достойно встретить противника и отразить его натиск, но, главное, предупредить и отвести удар от устья. Ключ к планам врага — форт Александровский.

Палец Кирова скользнул по карте и уперся в контуры полуострова Мангыш-лак на восточном берегу Каспия.

— Самая пора поплавать!

Комиссары обрадованно встрепенулись.

— Наконец-то!..

— Всю зиму на речном приколе торчим!..

— Душу моряна раз'ела!..

— Даешь форт Александровский!..

Эх, яблочко,

По Волге катится..

Эх, по Каспию тоской

Сердце тратится..

— непромко пропели в углу.

Киров поднял руку и, когда говор умолк, медленно сказал, отчеканивая каждое слово:

— Белые и англичане уверены в безопасности своих коммуникаций. Прочим, заставим считаться с нашей силой и на море. Снаряжайте корабли..

— Есть, товарищ Киров! — наперебой откликнулись моряки.

— ...Флотилия выйдет из дельты и овладеет закаспийской крепостью Деникина. Не теряйте времени.

Киров отпустил всех, кроме старого боцмана Рябова и председателя трибунала XI армии, балтийского матроса Ульянцева.

— Хочу угостить вас чайком и воблой, — радушно обратился он к ним и потянул к столу моряка в бушлате и бескозырке. — Смотайся-ка, товарищ предревтриб, за кипятком.

Моряк, кивнув, скрылся за дверью.

Рябов участливо разглядывал впалые щеки и темные круги под глазами члена Реввоенсовета. Не легко далось Кирову напряжение последних месяцев: заботы о сгорающих в тифу людях поглощали все время, не занятое фронтом. Сыпняк

и черная оспа, занесенные в Астрахань бойцами XI армии из калмыцких степей, были опаснее белых полчищ, окружавших дельту.

— Небось, спать охота, Сергей Мироныч? — отечески поинтересовался боцман.

— Еще как охота! — чистосердечно признался Киров. — Сам-то подолгу спишь?

— Да мне на стариковский паек много не требуется, — отшутился боцман, — а вот Ульянцев третью неделю глаз не кажет в кубрик.

— Не сплетничай, старина, — шутиво попенял председатель трибунала, внося жестяной чайник и кружки. — Не раскрыта моя койка в кубрике потому, драгоценный Матвей Силыч, что революционная вахта не на четыре часа рассчитана.

Кирову понравился ответ балтийца.

— Хорошо сказано, товарищ предревтриб. Пройдут годы, наше время станет главой истории, оценят люди суровое величие этих дней и вечно будут восхищаться моряками из Кронштадта. Не обижайся, старик, не забудутся и каспийцы. Дел впереди немало. Однако займемся текущими..

Он достал из ящика стола сушеные рыбины, ломоть хлеба и несколько кусков сахара.

Ульянцев налил кипяток в кружки,

— Ох, и осточертела, родимая, — вздохнул боцман, принимаясь за рыбу. — На завтрак она, в обед на нее похоже, на ужин тоже. Воблой питаемся, воблу в топки суем.

— А где взять топливо? — мрачно осведомился Ульянцев. Глаза его потемнели. — Нефти в береговых цистернах на донышке, у авиаотряда нет ни капли горючего, нет смазки у броневых машин.

— Проложить курс не на форт Александровский, а на Апшерон, и нагрянуть бы всей флотилией к бакинским причалам, — мечтательно протянул боцман.

— Флотилию посылать туда пока рано, — возразил Киров, — но выход есть.

Боцман перестал грызть рыбу.

— Выкладывай, Сергей Мироныч, что для нас надумал?.. Не чаевничать ведь зазвал!

— Одно другому не мешает, товарищ Рябов.

Киров испытующе глянул на него.

— Нет, старик, плавание предстоит серьезное. На рыбачьей лодке ты и Ульяновцев пойдете в Баку, свяжетесь с Кавказским комитетом и наладите рейсы с бензином и смазочными маслами. Будет горючее, будет перелом под Астраханью, а тогда на очереди освобождение Каспия.

— Есть, товарищ Киров! — Польщенный боцман молодое поднялся и подошел к давно знакомой ему карте. В памяти его встали бухты, расщелины, заливы, мысы и подводные камни, именуемые банками; песчаные гребни закаспийских пустынь, яркая листва субтропиков персидского побережья, нефтеносные косы Челекена, где величаво парили ослепительные лебеди, обильные рыбой ерики дельты, среди которых, казалось, вздымались из моря шпили ветхих колоколен и крыши рыбачьих хатенок; скучное мелководье устья Урала, гордо подпирающие небо лиловые отроги дагестанских гор, серебристые солончаки калмыцкой степи возникали под штрихами ломаных линий, нанесенных на полотняную карту. И в любом из этих мест, в каждом порту Каспия — от Гурьева до Энзели, от Петровска до Кара-Бугаза и Мангышлака — был знаком морякам, рыбачьим артелям и трузичикам седоусый боцман Матвей Силыч Рябов. Четверть века он отдал капризному Каспию и расстался с ним только после падения Бакинской коммуны, осенью восемнадцатого года. Юношеская отвага сочеталась в нем с хладнокровием, находчивостью и дисциплиной большевика.

Подстать ему был и балтийский матрос Ульяновцев. Его самоотверженную преданность делу советской власти хорошо знали защитники дельты. Он нес бессменную вахту в трибунале, беспощадно расправлялся с врагами и неутомимо водил десанты друзей — балтийцев — в контратаки против нападающих на город белых дивизий.

— Когда с якоря сниматься? — Лицо Ульяновцева, как всегда, было спокойно.

— На рассвете. Лодка готова. Товарищ Рябов превосходно знает Каспийское море, но мой совет: следуйте вдоль восточного побережья. Там, кроме форта Александровского, нет гаваней до Красноводска. Вероятность встреч с вражескими кораблями, безусловно, уменьшится. Условимся о пароле.

«Вот человек! — про себя подивился боцман. — Обо всем заранее позаботился. Лучшего пути и я не придумаю».

— «Бензин Ильичу на зажигалку». Это пароль, — предложил Ульяновцев. — Как подвезем горючее броневикам и авиаторам, так от нашей зажигалки посветлее на земле станет, Сергей Мироныч!

— Верно, — согласился Киров. — Заучите бакинские адреса. Письмо Кавказскому комитету и шифр для связи с нами зашей, товарищ Ульяновцев, в подкладку брюк...

Киров до зари наставлял посланцев, а когда распрощался с ними, спать было некогда. Ночь миновала.

Он распахнул окно. Свежий ветер ворвался в комнату. За рекой неумолчно тархатели пневматические сверла: третья смена котельщиков наряжала в броню буксирные пароходы и рейдовые баржи.

ТУРКМЕНКА ИДЕТ НА РЕЙД

1

На закате июньского дня 1919 года парусное судно типа туркменских лодок лавировало среди кораблей, стоящих на рейде Бакинского порта, направляясь в море. Седоусый шкипер в длинных сапогах, перехваченных выше колен ремешками, в непромокаемом плаще с низко надвинутым на лоб капюшоном управлял лодкой. Его загорелые жилистые руки, испещренные выцветшей татуировкой, властно держали медный обод штурвала.

С утра на портовой мачте раскачивался диск сигнала, оповещая судоводителей о близком шторме, известном на Каспии под названием «бешеного норда». Не было равных ему по силе, кроме

знаменитой черноморской боры, одинаково страшной зимой и летом. Почуяв его дуновение, — будто жесткой щеткой провели по лицу, — капитаны пароходов и шкиперы парусных лодок спешили укрыть свои суда в ближайших бухтах.

Рожденный в неприступных ущельях Дагестана, нордовый ветер, нервно тербя листья прибрежных кустов, водил невидимой кистью по морю: то в одном, то в другом месте изумрудной бухты возникали свинцовые мазки ряби. Пыль, застилая Баку, серым бархатом покрыла плоские крыши домов и оголенные склоны окрестных гор. Кроны деревьев на Приморском бульваре казались серебряными. Облака пыли вздымались до штормовых туч. Сладкий дурманящий запах нефти стоял над портом.

Невдалеке от шкипера пожилой кормщик с серьгой в левом ухе убирал внутрь судна лишние предметы, а все, что оставалось на палубе, наглухо привязывал к мачте и бортам; бородатый матрос катил перед собой бочку с пресной водой. У двери кубрика он выпрямился и, взвалив бочку на плечи, осторожно шагнул с ней вниз по крутому трапу.

Лодка поровнялась с пятнадцатой пристанью, расположенной в центре порта. От нее всеором разбегались по овалному побережью бухты нефтеналивные и пассажирские причалы. Пикеты колоннальных стрелков, гуркасов, виднелись на перекрестках ближайших улиц и у входа на пристань. Из-под брезентовых навесов пристани уставились на город и соседние причалы тупые рыльца пулеметов. Защищенный ими, спокойно пыла дымком пассажирский пароход «Президент Крюгера». В его каютах разместились штаб английских интервентов на Каспии.

Моряки, не прерывая работы, исподлобья наблюдали за пароходом и туркасами: белые чалмы солдат напоминали шляпки грибов.

— Практичные джентльмены, — тихо обронил шкипер. — Должно быть, на земле им ноги припекает, а на воде попрохладнее.

— Во-во, Силыч! — подхватил кормщик. — Чуть что, обрубят швартовы

и — вира назад, к чортовой бабушке, вместе с пулеметами, гуркасами и аэропланами!

— Дождутся!.. — мрачно посулил бородатый матрос.

— Шевелись, шевелись, ребятушки! Отдыхать и на том свете надоест! — прикрикнул шкипер.

Тень тревоги промелькнула по его лицу.

Пересекая путь паруснику, из-за борта «Президента Крюгера» вырвался сторожевой катер интервентов.

— Кто хозяин? Куда направляетесь? — окликнули с катера. Он вплотную подплыл к туркменке. Легкий толчок покачнул ее. Жалобно скрипнул деревянный корпус.

— Документы! — потребовал, спрыгнув на палубу парусника, портовый надзиратель. За ним спустился английский офицер в мундире лейтенанта королевского флота.

— Только-что проверяли нас у Шибавеской пристани, — ворчливо сказал шкипер. — Он передал штурвал кормщику и, пройдя в кубрик, тотчас же вынес оттуда судовой журнал.

— Пожалуйста, господин начальник. Безымянная за номером девять. Хозяин я — Матвей Рябов. Везем в Гурьев три тысячи пудов бензина.

Он протянул надзирателю судовой журнал и разрешение на рейс.

Минуту длилось молчание и шелестели бумаги.

Надзиратель перелистал журнал и подобострастно заговорил с англичанином.

Тот удивленно пожал плечами, заглянул в кубрик и, не обнаружив ничего подозрительного, прошептал непонятные слова.

— Почему не переждете шторм? А если утопите груз? — перевел надзиратель.

Шкипер обиделся.

— По своему, а не по чужому морю плаваем. С малолетства привычны, да и фрагт срочный.

Англичанин еще раз пожал плечами. Не тратя слов, он полез обратно на катер. Надзиратель услужливо посадил его и, подмигнув шкиперу, прошептал:

— Счастливого пути, Матвей Сильч...

— Следуйте по назначению! — сухо распорядился он, оставляя лодку. — Держитесь подальше от двенадцатифутового рейда, если не намерены попасть в лапы большевикам!..

Шкипер почтительно поблагодарил. Усмешка блеснула в его глазах: надзиратель утром виделся с седоусым посланцем Кирова на конспиративной квартире Кавказского комитета большевиков.

Катер, пыхнув ядовитым дымком, помчался к пристани, а лодка, лавируя, свернула к едва приметным скалам острова Наргена, где пути кораблей расходились: на юг — к Энзели, на восток — к выжженному зноем Краснодарску, на север — к Гурьеву и Астрахани.

— Пронесло! — выдохнул бородатый матрос. — Лишь бы Петровск проскочить, там всегда англичане с деникинцами шляются.

— Не в такую погоду, — весело возразил Рябов. — Они же укачиваются, как адмирал Нельсон. Проскочим.

Он осмотрелся.

Низкое небо висело над морем, как отражение вспененной бездны. Отары грязных туч стремительно плыли на юг.

От берега, обгоняя туркменку, затопились волны. Прошло четверть часа, и Каспий стал неузнаваем. Разбуженные ветром, набитые пеной до горизонта, его просторы были пустыни и грозны. Даже привычные птицы не кружили над ними. Только углый парусник, грузенный бензином для советской Астрахани, рискнул вступить в единоборство с природой. Потоки воды, обрушиваясь на лодку, оставляли над клокочущим морем мачту, готовый лопнуть от напряжения парус и приросшую к штурвалу фигуру старого боцмана. Удерживая судно на курсе, Рябов упрямо вел туркменку сквозь непогоду. Он знал это море лучше, чем землю, на которой увидел свет.

2

Вечером тринадцатого дня парус туркменки вынырнул за островом Кулалы у безлюдного восточного побережья.

Шторм утих. Каспий величаво катил на юг прозрачно-зеленые валы. Теплая июньская моряна подгоняла туркменку к двенадцатифутовому рейду, откуда было рукой подать до Астрахани. Легкий шорох моря, расступающегося перед лодкой, звучал нескончаемым напевом. Вторя ему, тоскливо тянул кормщик Игнат старинную матросскую песню:

...Вот уж неделя, как в море мотаемся.
Всюду в каютах вода.
В кубрике холодно, ветер врывается...
Экая, братцы, беда...

Рябов, беззвучно подпевая, стоял у штурвала.

Бородатый матрос аккомпанировал кормщику. Жалобно тренькали струны гитары:

...Помню товарища: осенью прошлою
С реи, бедняга, упал.
Подняли с палубы кровью залитого.
Мучился долго, страдал...
Эх, доля и жизнь моряка незавидная —
Так тяжела и горька!..

Любопытный тюлень плыл рядом с лодкой, удивленно уставив на нее блестящие глазки.

Боцман протяжно засвистал. Зверь, настороженно прислушиваясь, приблизился к борту, но Рябову было не до него.

— Полундра! — крикнул боцман в приоткрытый люк.

Кормщик и бородатый матрос стремглав выбежали на палубу.

— Что стряслось, Сильч?

Боцман ткнул пальцем вдаль. Там, где находился рейд, клубясь и расплываясь, чернили горизонт дымки. Из просторов Каспия выростали мачты, трубы и корпуса неизвестных судов. Они шли кильватерной колонной навстречу туркменке.

— Уводи, Сильч, от греха, — посоветовал кормщик.

— Не успеть. Парусок издалека приметен. А, может, наши.

Моряки с опасением и надеждой всматривались в силуэты кораблей. Расстояние между ними и туркменкой заметно сокращалось. Лучи заходящего солнца ослепительно сияли на обнаженных дулах орудий эскадры.

— Влипли! — пробормотал бородастый матрос. — Контрики! Видите вторую лайбу? Это «Геок-Тепе». Я же ее, как облупленную, знаю...

Он метнулся в кубрик и приволок оттуда сверток с гранатами.

— Живыми не сдаваться, товарищи!

— Не паникуй, Костя! — рассердился кормщик. — Нас не умирать посылали, а груз доставить. Надо уйти.

— Верно, дядя Игнат. — Руки боцмана судорожно стиснули точеные рожки штурвала. — До сумерек меньше часу. Пока разминемся, стемнеет. Документы выправлены точно — плывем в Гурьев. Попытают, говорите, что снесло штормсм. Дадут конвоиров на борт, стараемся отправить к рыбам. Но ни за что не убежать. Сами пойдем к ним.

Кормщик одобрительно кивнул:

— Действуй, Силыч.

— Провалишь! — вскинулся бородастый матрос.

Рябов вспылал:

— Спрячь свои догадки, чудило-мученик! И уж если не желаешь очутиться в контрразведке, убери подальше хлопущки.

Вражеская эскадра поровнялась с туркменкой.

— «Карс», — прочел кормщик надпись под полубаком флагманского корабля.

— Помашки им, дядя Игнат, — просил Рябов, — поприветствуй для близору.

— Пяток торпед бы нам! — мрачно буркнул, не сводя глаз с эскадры, бородач. — Тогда бы поприветствовали гадов!..

Кормщик нерешительно взмахнул фуражкой.

Флагманский корабль грузно проплыл мимо. На его поручнях повисли любопытные белогвардейцы. Бинокли офицеров были наведены на туркменку.

— Эй, шкипер! Куда путь держите?..

— Домой, в Гурьев! — отозвался кормщик и продолжал перечислять корабли: — «Ардаган», «Америка», «Австралия»... Пронеси, нелегкая...

— Должно быть, на рейде околачивались, — предположил Рябов. — Твоя калоша, Костя?

Он мигнул на крайнюю канонерку.

Бородач впился в нее ненавидящим взглядом.

— «Геок-Тепе», подлюка!.. — забормотал он сквозь зубы. — Мечтали мы увести ее в Астрахань, да англичане пронюхали. Половину братков за решетку упрятали, а мы сами на берег сошли, потому что лучше окурки на бульварах собирать, чем служить контрикам... Как правишь? — иступленно вскрикнул он и ринулся с кулаками к боцману.

Тот круто развернул лодку носом к «Геок-Тепе» и, отстранив матроса, гневно шепнул:

— Цыц, борода! Не мешай!..

Рядом с парусником возникла корма канонерки.

— Ослеп, что ли? — раздраженно спросили с нее.

Рябов молчал. Лодка, чуть не задев корму вражеского корабля, выплыла по ту сторону эскадры. Канонерка осталась правее.

Быстро темнело. Гулко вздыхал Каспий. Перед туркменкой простиралось пустынное море. Путь в дельту был свободен.

Как бы скользя по волнам перед взлетом, взвыла сирена. Моряки вздрогнули от ее резкого воя. То был сигнал остановиться.

— Сообразили, господа беляки, — желчно рассмеялся боцман.

Над полубаком канонерки взвилось облачко. Снаряд томительно просвистел над мачтой парусника и, взметнув водяной смерч, разорвался далеко впереди.

— Лавируй, Силыч! — торопил кормщик. — Уже двое гонятся! Неужто не выгребем...

Боцман, не отвечая, вертел штурвальное колесо. Лодка, отчаянно кренясь, прыгала из стороны в сторону, черпала бортами воду и, вновь выпрямляясь, скользила на север, к спасительным камышам дельты, где Белинская протока лениво несла волжские воды в Каспийское море. Лавировка сбивала с прицела вражеских артиллеристов. Деникинцы падали наугад. Снаряд за снарядом вздымали фонтаны всплесков. Ветер

дробил всплески и швырял соленые брызги в лица моряков.

— Уйдем, уйдем! Не на рейде я смерть себе заказывал! — отрывисто приговаривал боцман.

Ночь хлынула на море, окутала туркменку, скрыла ее от взоров преследователей. Высыпали звезды. Их отражения мерцали на невидных волнах, как огни неведомых маяков.

Два световых клинка одновременно вснзились в небо и рассекли мглу.

Лодка, лавируя, мчалась в тени между мертвенно-бледными реками прожекторных лучей.

— Нащупают, тогда амба!..

Кормщик не договорил. Луч, как молния, упал на туркменку.

— Долой с палубы! — не своим голосом заорал ослепленный боцман. — Или перещелкают, как бакланов!

Он прикрыл глаза ладонью, из-под нее взгляделся в ночь и, не меня курса, погнал лодку вдоль световой полосы. Маневр был прост: достичь границы луча, недостижимой для прожекторов, а тогда уйти в темноту, в близкие камыши мелководья, где встревоженно крикали дикие утки.

Эхо очередного выстрела слилось с треском раздираемого дерева. Крыша и стены кубрика взлетели над лодкой. Снаряд, превратив надстройку в груды щепок и раздробив штурвал, с визгом пронесся в камышевые заросли.

Воздушный вихрь опрокинул Рябова на палубу. Он попытался встать, но обломок доски, ударив его в переносицу, разбил в кровь лицо.

Боцман в изнеможении припал к палубе и, вытирая рукавом бегущую по усам кровь, пополз к штурвалу. Из-под обломков кубрика раздавались стоны придавленного бородача.

— Потерпи, Костя! — взмолился боцман. — Дядя Игнат, Игнатушка! — позвал он кормщика. Старик не откликнулся.

— Эх, беда!.. — простонал Рябов и, хватаясь за огрызок штурвала, что было сил, до отказа повернул руль. Туркменка подстреленной птицей легла на борт и стремительно рванулась вбок, в темноту, к чернеющей стене камышей.

Исчезновение ее было так внезапно, что враги растерялись. Скрещиваясь в беззвучном поединке, лучи прожекторов яростно заметались по морю.

Шурша склоненными головками, камыши сомкнулись за туркменкой.

Рябов разбросал щепы кубрика, помог выбраться помятому матросу и вынес наверх оглушенного кормщика.

— Повезло, — приводя его в чувство, радовался боцман. — Ловко проморгали беляки. Угоди их гостинец в трюм, вознеслись бы мы в небеса вместе с бензином.

...Наутро изуродованная лодка ошвартовалась к дебаркадеру зеленгинской брандвахты в Белинской протоке. Бензин был доставлен по назначению.

На резном шпиле дебаркадера алым парусом реял советский флаг.

ФОРТ АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

1

Звезды сыпались с неба. В панораме распаханного настезь иллюминатора штурманской рубки они казались нескончаемым потоком искр, летящих по движению корабля. Дым из трубы миномосца тяжело оседал на палубу. Комками спрессованной темноты высились над морем пустынные берега Мангышлака.

— Шуруют духи на совесть, — заметил, выглядывая из иллюминатора, штурман Карпенко. — Таким ходом раньше срока добежим. Вижу слева по борту вершины гор Кара-Тау.

На фоне иллюминатора вырос силуэт старшего помощника командира. Профиль его продолговатого лица заканчивался острой бородкой. Бородка согласно качнулась.

— На руле! — позвал помощник в переговорную трубку. — Возьмите градус правее.

Он дождался ответа и отодвинулся в глубь каюты. Темнота поглотила его.

— Благодарю покорно застрять здесь, — объяснил он перемену курса. — Если когда-нибудь существовал ад, то скорее всего на полуострове Мангышлак. Помните, что говорится в лоции: про-

странства северо-восточного Каспия есть зона полупустыни, солончаков и зыбучих песков. Бесплодные, бесполезные места.

В темноте послышался шорох. На узком и коротком диване рубки отдыхал после бессонных астраханских ночей Киров. Разговор разбудил его.

— Здешняя бесплодность только видимая, — не услышав шороха, горячо убеждал Карпенко. — Девять месяцев тому назад пассажирский пароход «Надежда», — я плывал на нем штурманским практикантом, — вез ученого, знающего каспийские побережья, как моряк свой корабль. Ученый рассказывал в каюткомпании о богатствах Мангышлака. Он называл медь, марганцевую руду, каменный уголь, нефть и фосфориты. По его словам, горы Кара-Тау — сплошные богатства.

— Кому нужны эти богатства, если здесь нет пресной воды, — пробормотал старший помощник. — Нет воды, нет жизни.

— Наступит день, — торжественным шопотом произнес штурман, — когда само государство даст воду Мангышлаку и возьмет у него дары природы!..

— Воду откуда будете доставлять? — иронически справился помощник. — За двести верст, из Астрахани?.. Я в вашем возрасте также любил помечтать. Пустыня останется пустыней.

Он задернул занавеску и включил переносную лампу, установленную в ящике, чтобы свет ее не был виден с моря.

Тени метнулись в углах рубки. Отбросив кожаную куртку и поправляя галстук, выбившийся из-под френча, Киров сел на диване.

— Где плывем, товарищи?

— До траверза Тюб-Караганского маяка десять миль! — отрапортовал помощник. — К рассвету прибудем.

— Пригласите командира и комиссара десантного отряда.

Штурман шагнул на палубу. Легкая моряна дула навстречу кораблю. Глухо гудящие винты отбрасывали прочь фосфоресцирующие струи. Там, где струи сливались с ночью, темнели расплывчатые силуэты подводных лодок, минонос-

цев, вспомогательных крейсеров, спешащих за флагманским кораблем.

Прорыв удался. Пасмурным днем флотилия покинула Астрахань и к вечеру достигла двенадцатифутового рейда. Извещенные шпионами, неприятельские корабли поджидали ее за отмелями. На помощь денкинцам вылетели с острова Чечень британские эскадрильи. Гул орудийных выстрелов смешался с грохотом взрывов воздушных бомб и рокотом аэропланов моторов. Не приняв боя, денкинцы ретировались в море. Едва флот противника растаял за горизонтом, а сумерки заволокли рейд, посыльное судно направилось к миноносцам, подлодкам и вспомогательным крейсерам. Командир его передал на корабли приказ Кирова: уходить на восток курсом на форт Александровский, путевых огней не зажигать, соблюдать полную тишину.

Карпенко спустился в каюткомпанию. За столами и на палубе, обняв винтовки, дремали моряки десантного отряда.

Натыкаясь на спящих, штурман разыскал командира и комиссара десантного отряда, проводил их до трапа и, проверяя вахту, обошел миноносцев.

Несколько матросов бодрствовали, привалясь к оружию.

...А я піду на край світа...
На чужий сторонці
Найду крашу, або згину,
Як той ліст на сонці...

Штурман узнал голос украинца Снитко. Матрос утверждал, что эти строки Шевченко сложил в тот год, когда отбывал ссылку рядовым мангышлакского гарнизона в форту Александровском.

— Что новенького, земля? — окликнул Снитко штурмана.

Тот протянул руку на восток. Там через ровные промежутки загорался и угасал зеленый луч.

— Тюб-Караганский маяк. Обогнем его и войдем в бухту.

— Значит, не доспят беляки.

— На том свете отоспятся, — пообещал штурман и вернулся на мостик.

Подставив лицо ветру, Киров вполголоса обсуждал с моряками план предстоящего десанта.

— Якорей не бросать до сигнала с берега, — наказывал он командиру корабля. — Весла обмотать тряпками. Приготовить пулеметы на шлюпках.

— Есть, товарищ член Реввоенсовета!..

Командир и комиссар отряда бесшумно исчезли.

На палубе засновали матросы. Скрипнули выводимые за борт шлюпбалки.

Полным ходом флотилия ворвалась в бухту и застопорила машины у берега. Небо светлело. Чуть розовели вдали вершины гор Ак-Тау и Кара-Тау. Над водой чернели строения форта, где-то брехали сонные псы. Поселок за фортом — саманные землянки рыбаков-зверобоев и рабочих соляных промыслов — еще спал. Рыбачьи баркасы дремотно застыли на прозрачной глади у песчаных отмелей.

В стороне от поселка желтел одинокий огонек.

— Радиостанция, — указал на него командир миноносца и приглушенно командовал:

— Шлюпки на воду!

Моряки молча заняли свои места.

Киров перегнулся через поручни мостика.

— Вперед, товарищи! — напутствовал он. — За советскую власть!..

2

Увязая в песке, штурман следовал за Кировым. Группа матросов, держа наготове гранаты, сопровождала члена Реввоенсовета... Горький запах полыни пронизывал воздух. С востока, из остывших за ночь пустынь, тянуло прохладой.

Киров спешил на огонек радиостанции.

— Окружайте радию! — приказывал он на бегу. — Важно отрезать ее от форта. Взять неповрежденной. Оставить генералов как можно дольше в неведении о судьбе крепости.

Моряки оцепили домик. Карпенко рванул дверь. Та не подалась.

— Сейчас! — донеслось изнутри. Шаркающие шаги приблизились к двери. Сонный радист отодвинул засов.

— Входите, — зевая, пригласил он и отпрянул, увидев наган в руке штурмана.

— Подними руки!

Радист повиновался.

— Успели известить? — Киров бросил на него быстрый взгляд.

— О чем?

— Что красные взяли форт.

Радист опустил руки и засмеялся.

— Не берите на пушку. Красные не сегодня-завтра сдадут Астрахань.

— Руки! — прервал его штурман. В дверь просунулись головы в бескозырках.

Радист, в ужасе выпучив глаза, вскинул руки.

Киров внимательно оглядел комнату.

— Вы, оказывается, спали на дежурстве, — едко сказал он. — С кем связь держите?

— Петровск начал передавать срочную шифровку для Гурьева, — пролепетал радист.

— Продолжайте принимать. За вражьи отвечаете головой.

— Товарищ член Реввоенсовета, — доложил командир десантного отряда. — Задание выполнено без потерь. Форт сдался, гарнизон обезоружен, поселок оцеплен. Деникинцы считают, что с ними сыграли шутку, грозят пожаловаться генералу и отказываются верить, что в гавани наша флотилия.

— Это их положения не меняет, — усмехнулся Киров. — Не верят, не надо.

Боцман ледокола «Каспий» выступил из-за спины командира.

— Господа офицеры, — отрапортовал он, — вели себя неприлично: выскочили на улицу в одних исподниках. Я послал братву собрать штаны по квартирам и раздать им.

Моряки приснули.

— Ох, уважил, Петрович! В старшие няньки к контрикам записался.

— Сигнальщик есть? — обратился к ним Киров. — Свяжитесь с кораблями, чтобы поислали радиста и шифровальщиков. Будем обмениваться любезностями с деникинцами и Толстовым, а попутно разгадывать их рубли.

Совсем рассвело. Из-за бугра за окнами, как лес копий, торчали мачтовые клоты флотилии. Никогда еще прозрачная бухта форта не видела такого скопления судов.

Киров, поглаживая небритые щеки, пытался разгадать шифр. У стола теснились моряки. Пленный радист забился в угол.

— За фортом собрался народ, — сообщил комиссар миноносца «Москвитянин». — Рыбачки слегка поцарапали двух поручиков. Негодяи насилиями занимались. Весь поселок на площади. Волнуются, будто Каспий в шторм. Крепко злы на белых: из-за них пропал тюлений промысел. Деникинцы никого не выпускали из гавани: боялись, что люди в Астрахань уплывут.

Киров вышел на площадь. Серые домики и мазанки поселка окружали форт. У поповского дома, где квартировал начальник деникинского гарнизона, зеленели два чахлых дерева. За фортом лежала пустыня. Исполинскими обломками вздымались из песков меловые горы. На западе сверкал под первыми лучами солнца золотой слиток Каспия, на рейде гавани кружились корабли. Над фортом и под гафелями кораблей, радуя глаз, трепетали алые флаги.

— Заснули при беляках, проснулись при большевиках. Чудеса! — развел руками старый рыбак. — А рыбалить, сынки, можно? Замучили окаянные беляки. До того довели: хоть в песках на ящерицу ставь сети.

— Погоди, отец, — утешил его Карпенко. — Вытурим контриков с Каспия, тогда плавай себе на здоровье, куда пожелаешь.

— Товарищи жители форта Александровского! — разнесся от края до края площади голос Кирова. Толпа смолкла. Моряки, опираясь на винтовки, сгруппировались у ящика, на котором стоял член Реввоенсовета, и любовно взирали на своего вождя.

— Лучшего командира нам и не требуется, — промолвил матрос позади штурмана. — Одеть бы еще Мироныча в морскую форму!..

— ...Привет вам от защитников советской Астрахани! — продолжал Ки-

ров. — Пока генералы зарятся на устье Волги, красные моряки взяли каспийскую крепость Деникина... Нелегко сражаться с врагом, которого опекают капиталисты всего мира, но разве пушек, броневиков и аэропланов буржуазии хватит, чтобы победить наш народ?..

Карпенко жадно ловил каждое слово. Не зря моряки сбегались со всех кораблей, когда Киров приезжал на флотилию. Остряки справедливо утверждали, что его речи прочищают мозги лучше всякой вентиляции и оставляют в них только желание победы. Балтийцы задушевно звали его Миронычем. Обаяние этого улыбчивого человека в потертом френче и вечно сдвинутой на затылок кожаной фуражке казалось сверхъестественным. Киров рассуждал о будущем так, словно оно уже было завоевано, словно страна не истекала кровью, раздираемая Деникиным, Колчаком, интервентами, словно кольцо врагов не сжимало голодную Астрахань.

— ...Во имя чего мы пришли к вам, товарищи закаспийцы?..

— ...В песках и солончаках Мангышлака, на мертвых сегодня пространствах, где бредут редкие караваны, завтра возникнут оазисы социалистических городов. Пройдет четверть века, и пустыни Закаспия станут неузнаваемы, как вся наша страна... Социализм есть не только раскрепощение народа от капиталистического ига, но и мобилизация всех сил природы на пользу освобожденному человечеству.

— Вот вам ответ насчет использования здешних мест, — сказал штурман старшему помощнику и протиснулся поближе к импровизированной трибуне.

3

Больше суток Киров бился над шифром, ибо суть овладения морской крепостью Деникина была в расшифровке планов противника. Разведки, посланные штабом XI армии, вернулись за день до похода в форт с известиями, что генералы готовят наступление. На правом берегу Волги, за Черным Яром, рыскала конница генерала Бабиева. У Енотаевска бродили банды калмыцких кулаков.

С юга, захватив Андыковку и рыбацьи села дельты, расположились напротив Астрахани дивизии генерала Драценко. Возле Владимировки ожидали сигнала конные полки генерала Улагая, а с востока стягивал к городу эскадроны уральских белогвардейцев генерал Толстов.

Тогда и родилась идея похода через Каспий к форту Александровскому. Форт находился в двухстах километрах от Астрахани и был звеном связи Деникина с Колчаком.

Киров сидел за столом рации. Пискливые звуки неслись из эфира. Флагманский радист, добросовестно принимая обычные депеши, передавал текст в Гурьев и Петровск, а шифровки молча клал на стол перед Кировым.

В полночь он торопливо сбросил наушники.

— Товарищ член Реввоенсовета! Гурьев вызывает начальника гарнизона!

Киров забарабанил пальцами по столу.

— Отвечайте: начальник гарнизона болен. Что передать ему?

Радист застучал ключом.

— Генерал Толстов, — передал он содержание ответа, — рекомендует усилить охрану форта, так как имеет сведения о готовящемся десанте красных. Малость опоздал генерал.

— Простучите спасибо за предупреждение, — невозмутимо сказал Киров и, взъерошив волосы, углубился в депеши.

Под утро он разбудил прикорнувшего в коридоре Карпенко и отправил его за командованием флагманского миноносца.

Моряки немедленно явились и по больному лицу члена Реввоенсовета поняли, что он нашел ключ к шифру.

— Не впустую пыли. — Киров прогнул им депешу. Под условными цифрами и названиями был записан текст, адресованный из штаба Деникина в форт Александровский:

«Паровом баркасе «Лейла» сопровождении сторожевого корабля выехал Петровска Гришин-Алмазов Примите меры быстрой доставке его через Гурьев ставку верховного правителя».

— Не иначе, как посол Деникина к сухопутному адмиралу пробирается, — предположил комиссар миноносца. — Крупный гусь!

— И этого гуся нам никак нельзя упустить, — заключил Киров. — Надо выяснить координаты «Лейлы» и задержать ее в море, пока деникинцы не пронюхали, что форт им не принадлежит.

— Действуй, браток, — разрешил комиссар радисту.

Загудело динамо.

— «Лейла!» «Лейла!» — выстукивал ключ.

— Отвечают!.. — Радист жестом потребовал абсолютной тишины. — Отвечает конвоир. На «Лейле» нет рации.

Он продолжал морзить. Моряки обступили его и напряженно вслушивались в отрывистые фразы:

— ...Миновал остров Чечень... предполагает... к полдню... войти... в гавань форта...

— Передайте... — Веселые искорки запрыгали в глазах Кирова. Он притронулся ладонью к плечу радиста. — Остерегайтесь красных кораблей у двенадцатифутового рейда. Держитесь ближе к востоку.

— Благодарим, — донеслось из эфира.

— Понятна задача? — спросил Киров командира и комиссара миноносца. — Не теряйте ни минуты. Желаю успеха.

— Есть, товарищ член Реввоенсовета!..

4

Матросы торопливо закрасили судовое имя.

Распластав длинное, готовое к прыжку тело, миноносец выскользнул из бухты. Струя истолченной винтами воды протянулась за ним, как серебряный хвост. Радужные буруны взвились у форштевня. Облицованный солнечными лучами стальной корпус слился с позолоченной ширью Каспия.

— Коптим до небес, — досадуя, проворчал комиссар.

Столб рыжего дыма, перемещаясь вместе с кораблем, не отрывался от узкой наклонной трубы.

Командир покосился на трубу и пошел к рулевому.

— Держите на дельту. Курс—норд-тень-вест.

— А вдруг неприятельские суда, пока мы ищем их здесь, — сказал он комиссару, — плывут прямым курсом в Гурьев?

— Товарищ штурман! — Командир подозвал Карпенко. — Полезайте наверх.

— Есть!

Карпенко вскарабкался на мачту и, достав бинокль, примостился за выступом наблюдательного поста. С марсовой площадки было удобно обозревать расплавленные солнцем морские просторы. Гавань форта и мачты флотилии скрылись за мысом. Истомленный зноем Каспий тяжело дышал: прибой, затихая, плескался у берегов Мангышлака. За кормой, уменьшаясь, таяла свечой башенка Тюб-Караганского маяка. По обе стороны его раскинулась безжизненная пустыня: вздымал недвижные гребни океан серо-желтых песков, дрожали в полуденном мареве розовые контуры далеких гор. У их подножья были разбросаны зеркальные осколки: то, сверкая, отсвечивали соляные озера. Белесый туман испарений закрывал даль на западе.

Туда, плавно переваливаясь на легкой зыби, мчался по заданию Кирова миноносец. Солнце почти достигло зенита, но Каспий попрежнему был пустынен.

Миновал долгий, как вечность, час. Моряки, устав всматриваться в горизонт, разбрелись по кораблю. Напряженные гасло. Дневальные, гремя посудой, выстраивались в очередь у дверей камбуза.

Однако обед пришлось отложить. Едва колокол на баке прозвонил полдень, с мачты послышался взволнованный голос:

— Слева по борту дымок! Двигается к форту!

Над горизонтом возникло черное облачко.

— Один? — удивился комиссар. — В шифровке указаны два. Куда провалился второй?

— Слева по носу дымок! Двигается к Петровску! — прокричал штурман.

— Неужели удирают?.. — Комиссар разочарованно взглянул на командира. Тот покачал головой.

— Вряд ли. Скорее всего считают ненужным конвоировать «Лейлу» дальше. Форт рядом, море полно их сторожевиков, чувствуют себя в безопасности. Что же, это облегчает нашу задачу.

— Возьмите курс на первый дымок, — сказал он рулевому и поманил к себе стоящего в углу мостика старшего помощника.

— Распорядитесь, товарищ старпом. Пусть боцман отыщет трехцветный флаг и поднимет его на кормовой шток.

Старший помощник медлил.

— Действуй, действуй, браток, — успокоил его комиссар.

Миноносец круто развернулся и, не уменьшая хода, понесся к дымку.

Командир перегнулся через поручни:

— По местам, товарищи!

Карпенко мигом спустился с мачты.

— Второй дымок исчез!

Командир улыбнулся:

— Тем лучше.

Моряки выкатили на палубу пулеметы. Старик боцман вынес из подшкиперской найденный среди ветоши запыленный матерчатый сверток и, брезгливо придерживая его пальцами, направился на корму.

— Что раздобыл, Петрович? — любопытствовали матросы.

Боцман охотно остановился.

— Комиссар велел контрикам салютовать.

Он развернул сверток и, показывая морякам трехцветный флаг, с ненавистью проговорил:

— Чуть гляну на эту пакость, не по себе становится. Мало нам под ней зубы драили драконы!..

— Та кинь ее за борт, — посоветовал Снитко.

— Я тебе кину! На эту ветошь контрики сейчас вроде как рыба клюнут.

Волоча за собой трехцветную тряпку, боцман зашагал на корму.

— Поднять сигнал: «застопорить машину!» — донеслось с мостика.

Пестрые флажки свода сигналов ползали вверх по фалам.

Неприятельский корабль уже находился на расстоянии выстрела. То был небольшой служебный пароход. На его мостике виднелся пулемет. Над кормовой палубой висел предохраняющий от зноя белоснежный тент.

— «Лей-ла»! — по складам прочел Снитко. — Чего ж они не тикают? Готовься, хлопцы: тарарам выйдет на все море!

Моряки следили за пароходом.

— С комфортом плывут офицеры...

— И не тревожатся...

— Топают, будто их не касается...

— А куда спешить? — им места в раю заказаны...

На пароходе словно не замечали сигнала. Люди на мостике не проявляли ни малейшего беспокойства. «Лейла» шла прежним курсом.

Миноносец догнал ее.

— Эй, на «Лейле»! — приставив к губам жестяной рупор, окликнул командир. — Почему не выполняете приказа?

— Они неграмотные, — пошутил комиссар. — Вот, кажись, и сам гусь.

Сопровождаемый горбоносым элегантным хорунжий, на мостик парохода взобрался и стал рядом с капитаном бритоголовый низенький офицер. На плечах его расстегнутого кителя ослепительно сияли генеральские погоны.

— Капитан выполняет только мои распоряжения! — сердито выкрикнул он, когда миноносец почти вплотную подплыл к пароходу. — Не имею времени для задержек в море.

Командир козырнул.

— Извините, ваше превосходительство, но по долгу крейсерской службы обязан проверить корабль и документы. С кем имею честь?

— Гришин-Алмазов, — сухо отрекомендовался бритоголовый. — Прошу до прихода в форт избавить от ненужных формальностей. Я тороплюсь.

— Разрешите прислать человека! — настаивал командир. — Имею сведения о прорыве красного корабля из дельты на рейд.

Генерал нервно пожал плечами.

— Ну, пожалуйста, поскорее.

Тая улыбку, командир послал Карпенку на палубу.

— Проследите за спуском гички. На «Лейлу» отправитесь вместе...

Командир указал глазами на комиссара.

— Гичку на воду! Первая вахта на весла! — сбегая по трапу, громогласно командовал штурман. — Живее, живее, товарищи!..

Он осекся, но было поздно. Неосторожное слово достигло ушей Гришина-Алмазова и его спутников. Офицеры свхвтались за револьверы. Генерал, с поразительной для его тучной фигуры стремительностью, прыгнул с мостика в просвет дверей машинного отделения. Горбоносый хорунжий метнулся к пулемету. Пули дробно щелкнули по надстройкам миноносца, дзинькая, раскололи стекла в штурманской рубке, раздробили пальцы рулевого.

— Эх, растяпа!.. — Комиссар гневно уставился на штурмана.

Карпенко виновато молчал.

«Лейла» рванулась в сторону. С нее неумолчно строчил пулемет.

— Не отвечать! Команде очистить палубу! — крикнул вниз комиссар. — Возьмем живыми!

Моряки укрылись за выступами бортов и за орудиями.

Миноносец, как гончая, преследующая зверя, перерезал путь пароходу.

— Прекратите стрельбу! — крикнул комиссар деникинцам. — Иначе потопим с потрохами.

С «Лейлы» раздался взрыв брани. Горбоносый хорунжий, закладывая новую ленту в пулемет, витиевато ругался.

— Их благородие иначе не умеют, как по-благородному выразаться, — трунил боцман, высывая голову из-за железной двери полубака. — Скули, скули, все равно не утекешь!

Он скачками ринулся на корму и сорвал ненавистный флаг.

Форштевень миноносца ткнулся в полубак парохода. Лязгнуло железо.

— Даешь, братва!..

Комиссар и боцман, увлекая за собой матросов, очутились на фальшборте вра-

жеского судна. Тотчас же, преграждая им путь, с мостика «Лейлы» истерично застрекотал пулемет. Боцман, выронив оружие, без стопа упал в море.

— Петрович! — в отчаянии воскликнул Снитко. — Бей, братва, золотопогонников!

Комиссар, припав на колено, прицелился. Один за другим прозвучали два выстрела.

Хорунжий мертвой хваткой стиснул ручки пулемета, навалился телом на ствол и конвульсивным движением повернул его в сторону открытого моря. Пули дождем зарыблили зеленую толщу Каспия.

Моряки штыками сбросили офицеров за борт.

Карпенко, потрясая револьвером, кинулся вслед за комиссаром в машинное отделение.

— Генерал! Где генерал?

— Только-что удрал через кочегарку,— сообщил перепуганный механик.— Совсем ополоумел. Стучит кулаками по котлу, обжигается, слюни текут, как у бешеной собаки. Сует деньги: «Озолочу, если взорвете!...».

— После, браток, доскажешь!.. — Комиссар потянул штурмана к выходу.

Моряки сгрудились у каюты капитана.

— Что там? — подбегая, спросил комиссар.

— Заперся, бритый чорт, и еще оскорбляет, — пожаловался Снитко. — Орет, как скаженный.

Поток нецензурной брани вновь хлынул из каюты.

— Ломайте дверь, — приказал комиссар и вышиб прикладом стекло иллюминатора.

— Ковыряй, хлопцы, заслонку!

Дружно застучали приклады. Треск разломанных досок слился с последним выстрелом денижкинского посла. Дверь рухнула внутрь.

Комиссар первым перешагнул порог каюты. За ним ворвались Снитко и штурман.

На диване, в предсмертном хрипе, корчился генерал. Пальцы его судорожно комкали письмо.

— Сберег, значит, пулю для себя...— Снитко сокрушенно сплюнул. — Нет тебе, золотопогонник, места в раю за самоубийство.

— Бог господам прощает, — весело отозвались матросы.

Комиссар вырвал письмо из скрюченных пальцев мертвеца и, бережно расправив листок, наспех прочел:

«...Неуспехи наши объясняются тем, что союзники не дают нам достаточной помощи... Англичане помогают нам снабжением... Даст бог, встретимся в Саратове и там решим вопрос о власти...».

— Бог даст все одно, что слепой побачит, — заключил Снитко.

— Это генеральское письмо пригодится для победы над врагами советской власти и для истории, — сказал комиссар, пряча листок в карман. — Народ будет знать, как контрики продавали нашу страну интервентам. Идемте, братки. Пора отплывать. Товарищ Киров ждет...

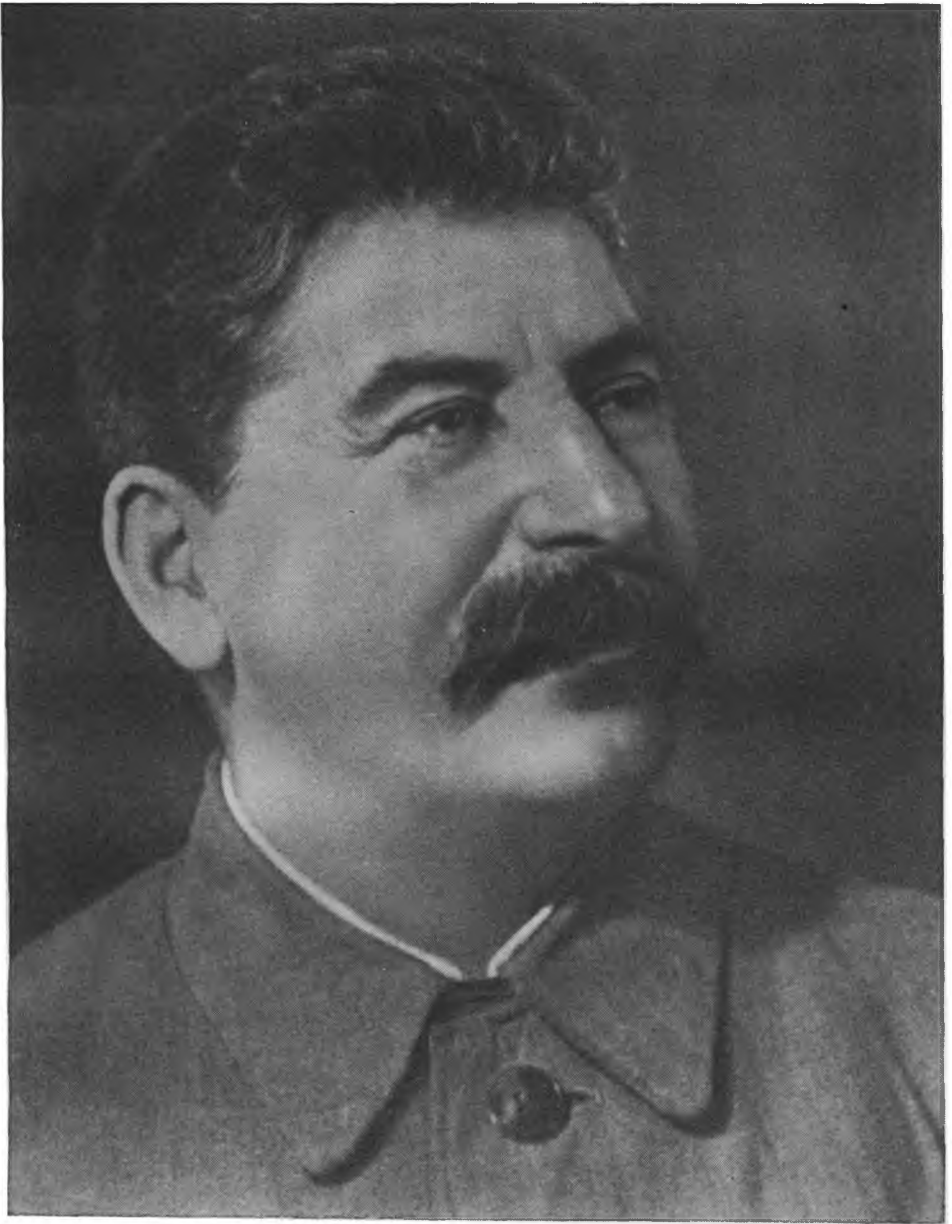
Миноносец взял на буксир «Лейлу» и тронулся к форту.

Вокруг спокойно и величаво дышало море.

5

Спустя неделю Киров докладывал пленуму городского совета Астрахани о взятии форта Александровского и цитировал перехваченное письмо Денижкина Колчаку о планах соединения белых армий в Саратове.

Вскоре письмо с планами лежало на рабочем столе Ильича.

РЕЧЬ ПО РАДИО

Председателя Совета Народных Комиссаров СССР

тов. В. М. МОЛОТОВА

29 ноября 1939 г.

Граждане и гражданки Советского Союза!

Враждебная в отношении нашей страны политика нынешнего правительства Финляндии вынуждает нас принять немедленные меры по обеспечению внешней государственной безопасности.

Вы знаете, что в течение двух последних месяцев Советское правительство терпеливо вело переговоры с финляндским правительством о предложениях, которые, в современной тревожной международной обстановке, оно считало минимальными для обеспечения безопасности страны и особенно для безопасности Ленинграда. Финляндское правительство заняло в этих переговорах непримиримо враждебную к нашей стране позицию. Вместо того, чтобы дружественным образом найти почву для соглашения, нынешние финляндские правители, в угоду иностранных империалистов — поджигателей вражды к Советскому Союзу, пошли по другому пути. Несмотря на все сделанные нами уступки, переговоры окончились безрезультатно.

Теперь известно, к чему это привело.

В последние дни на советско-финляндской границе начались возмутительные провокации финляндской военщины, вплоть до артиллерийского обстрела наших воинских частей под Ленинградом, приведшего к тяжелым жертвам в красноармейских частях. Попытки нашего правительства практическими предложениями, обращенными к финляндскому правительству, предупредить повторение этих провокаций, не только не встретили поддержки, но снова натолкнулись на враждебную политику правящих кругов Финляндии. На наши предложения, как вы знаете из вчерашней ноты Советского правительства, они ответили враждебным отказом и нахальным отрицанием фактов, издевательским отношением к понесенным нами жертвам, неприкрытым стремлением и впредь держать Ленинград под непосредственной угрозой своих войск.

Все это окончательно показало, что нынешнее финляндское правительство, запутавшееся в своих антисоветских связях с империалистами, не хочет поддерживать нормальных отношений с Советским Союзом. Оно продолжает занимать враждебную позицию в отношении нашей страны и не хочет считаться с требованиями заключенного между нашими странами пакта ненападения, желая держать наш славный Ленинград под военной угрозой. От такого правительства и его безрассудной военщины можно ждать теперь лишь новых наглых провокаций.

Поэтому Советское правительство вынуждено было вчера заявить, что отныне оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией и безответственно нарушаемого правительством Финляндии.

Ввиду новых фактов нападения финляндских воинских частей на советские войска у советско-финляндской границы, правительство вынуждено теперь принять новые решения.

Правительство не может больше терпеть создавшегося положения, ответственность за которое полностью ложится на правительство Финляндии.

Правительство пришло к выводу, что больше оно не может поддерживать нормальных отношений с правительством Финляндии и потому признало необходимым немедленно отозвать из Финляндии своих политических и хозяйственных представителей.

Правительство дало, вместе с тем, распоряжение Главному Командованию Красной Армии и Военно-Морского Флота—быть готовым ко всяким неожиданностям и немедленно пресекать возможные новые вылазки со стороны финляндской военщины.

Враждебная нам иностранная пресса утверждает, что принимаемые нами меры преследуют цели захвата или присоединения к СССР финляндской территории. Это — злостная клевета. Советское правительство не имело и не имеет таких намерений. Больше того. При наличии дружественной политики со стороны *самой* Финляндии в отношении Советского Союза, Советское правительство, всегда стремившееся к дружественным отношениям с Финляндией, было бы готово пойти ей навстречу по части территориальных уступок со стороны СССР. При этом условии Советское правительство было бы готово благоприятно обсудить даже такой вопрос, как вопрос о воссоединении карельского народа, населяющего основные районы нынешней Советской Карелии, с родственным ему финским народом в едином и независимом финляндском государстве. Для этого, однако, необходимо, чтобы правительство Финляндии занимало в отношении СССР не враждебную, а дружественную позицию, что соответствовало бы кровным интересам обоих государств.

Другие утверждают, что проводимые нами меры направлены против независимости Финляндии или на вмешательство в ее внутренние и внешние дела. Это — такая же злостная клевета. Мы считаем Финляндию, какой бы там режим не существовал, независимым и суверенным государ-

ством во всей ее внешней и внутренней политике. Мы стоим твердо за то, чтобы свои внутренние и внешние дела решал сам финляндский народ, как это он сам считает нужным. Народы Советского Союза сделали в свое время то, что нужно было для создания независимой Финляндии. Народы нашей страны готовы и впредь оказать помощь финляндскому народу в обеспечении его свободного и независимого развития.

Советский Союз не имеет также намерений ущемить в какой-либо мере интересы других государств в Финляндии. Вопросы взаимоотношений между Финляндией и другими государствами являются делом исключительно самой Финляндии, и Советский Союз не считает себя вправе вмешиваться в это дело.

Единственной целью наших мероприятий является — обеспечение безопасности Советского Союза и особенно Ленинграда с его трех-с половиной миллионным населением. В современной накаленной войною международной обстановке решение этой жизненной и неотложной задачи государства мы не можем поставить в зависимость от злой воли нынешних финляндских правителей. Эту задачу придется решить усилиями самого Советского Союза в дружественном сотрудничестве с финляндским народом.

Мы не сомневаемся, что благоприятное разрешение задачи обеспечения безопасности Ленинграда послужит основой нерушимой дружбы между СССР и Финляндией.

Обращение ЦК компартии Финляндии

(Радио-перехват. Перевод с финского)

+

К трудовому народу Финляндии.

Рабочие, крестьяне, работники умственного труда!

Нынешние правители Финляндии, всем известные Каяндер, Эркко, Таннер, Маннергейм и другие, довели нашу страну до преступной войны против Советского Союза.

Долго провоцировали они эту войну, так долго, что наконец настал предел терпению Советского Правительства. Они высокомерно отклоняли все предложения Советского Союза об обеспечении прочных добрососедских отношений, и Советскому Союзу больше не осталось другой возможности для обеспечения своей безопасности у финляндской границы, кроме уничтожения вооруженной силой созданного финской буржуазией очага войны.

Страна Советов никогда не угрожала и не тревожила Финляндию. Наоборот, сразу же после Великой Октябрьской революции Советская власть добровольно дала Финляндии полную независимость, чего ей никакая другая власть в России никогда не дала бы. Но финская буржуазия, вместо того, чтобы путем мирных отношений с великодушным советским народом укреплять самостоятельность Финляндии, систематически злоупотребляла положением Финляндии в ущерб интересам безопасности великой соседней страны, а тем самым и самой Финляндии.

Заправилы бело-Финляндии всей своей политикой показали, что они готовы продать интересы самостоятельности и безопасности Финляндии империалистам иностранных держав, готовы за приличную цену служить их антисоветским военным притязаниям. И если финские правители теперь лицемерно уверяют, что они всегда хотели лишь отстоять «самостоятельность» и «нейтральность» Финляндии, то этим лжецам следует ответить: с такой ложью вы далеко не уедете. Она разоблачена полностью известными всем фактами:

Первым фактом был поход на Олонецк, предпринятый финскими белогвардейцами весной 1919 года в сотрудничестве с империалистами Англии и Франции.

Второй факт — поход финской белогвардейской банды в Ингерманландию для организации там мятежа осенью 1919 года, при начале наступления Юденича, когда палач финских рабочих, Маннергейм, публично требовал посылки финляндской армии для «завоевания» Петрограда.

Третий факт — предпринятый в 1921—1922 г.г. новый поход в Карелию под командой офицеров финляндской армии, при поддержке английских империалистов.

Четвертый факт — также характерный для «нейтральности» финляндского правительства — реорганизация вооруженных сил Финляндии в 1924 — 1925 г.г. была произведена вызванной из Англии офицерской делегацией, под руководством генерала Кирке, того самого, который летом 1939 года снова посетил Финляндию для проверки военных приготовлений на Карельском перешейке.

Пятый факт — непрекращающаяся в Финляндии клеветническая травля Советского Союза и шовинистическая агитация за «Великую Финляндию», с сумасбродными бреднями о завоеваниях «вплоть до Урала».

Шестой факт — после поездок Маннергейма в Лондон правительство Финляндии угрожало — вопреки протесту Советского Союза — приступить вместе со Швецией к постройке укреплений на Аландских островах для использования их империалистами в антисоветской войне.

Седьмой факт — с той же целью в Финляндии было построено аэродромов в десять раз больше, чем необходимо для собственной авиации страны, построены новые военные химические заводы, и острова Финского залива подготовлялись для приема эскадр врагов СССР.

Целую серию подобных злодейских проделок имеют на своей совести капиталистические заправилы Финляндии.

Больше чем в течение 21 года наша страна была, подобно панской Польше, *гнездом антисоветских интриг*, где министры и штабные офицеры вместе со шведскими банкирами, империалистами великих держав и со всякими антисоветскими авантюристами стряпали военные козны против СССР. Стряпали их до тех пор, пока сами не запутались в своих сетях. А теперь, когда эти господа попали впросак, они требуют, чтобы весь финляндский народ воевал за них против могучей Красной Армии.

Но широкие массы финляндского народа не хотят жертвовать своей жизнью за маннергеймов и прочих провокаторов войны. Народные массы Финлян-

дии, которым дорога самостоятельность своей страны, знают, что *единственный путь обеспечения и укрепления этой самостоятельности состоит в дружном сотрудничестве с великим Советским Союзом.*

Почему правительство Финляндии не согласилось с предложенным Советским Правительством договором об урегулировании вопроса о безопасности мирным путем, соответствующим интересам обеих стран?

Только потому, что оно не хотело отказаться от враждебных действий в целях подрыва безопасности Советского Союза, действий, проводимых под диктовку империалистических врагов СССР и Финляндии.

Почему финляндское правительство не согласилось передвинуть границу на Карельском перешейке дальше от Ленинграда с тем, чтобы этот многомиллионный город не стоял под угрозой артиллерийского огня с территории Финляндии?

Только потому, чтобы маннергеймы и прочие агенты иностранных империалистов могли продолжать помышлять о «завоевании Ленинграда».

Ведь правительства Эстонии, Латвии и Литвы договорились с Советским Союзом о взаимном укреплении безопасности, и народы этих стран ни на иоту не потеряли своей независимости. Почему же правительство Финляндии не согласилось на более незначительные меры урегулирования взаимных отношений? Только потому, что оно является прислужником алчных финских банкиров и капиталистов экспортной промышленности, продавших за чечевичную похлебку самостоятельность нашей страны.

Такое правительство не может оберегать *национальные интересы Финляндии*. Это не национальное правительство, а *орудие иностранного капитала*, правительство капиталистов и помещиков.

Такое правительство не может защищать дело мира, ибо оно является *правительством поджигателей войны.*

Прогнать подобное правительство! Сбросить его с плеч народа!

Финляндия была до сих пор обетованной землей фабрикантов, директоров банков, бюрократов, лесопромышленников, помещиков. Те, кто работает, жили всегда в притеснении и нужде, но кровопийцы и всякие спекулянты обогащались. И каждый раз, когда рабочий класс нашей страны своей борьбой, при помощи своих организаций, добивался хоть малейшего облегчения своего бедственного положения, капиталисты подкарауливали удобный момент, нападали на рабочих, отнимали их мелкие достижения и наполняли свои карманы путем безудержной эксплуатации трудящихся. Так они поступили в 1918 году, так они поступили в 1930 году и так они поступают и теперь. Под предлогом «обороны страны» рабочий день уже удлиннен до 10 часов, заработная плата снижена, цены на предметы первой необходимости взвинчены высоко, и семьи мобилизованных рабочих и мелких земледельцев заброшены в нищету.

От нынешнего сейма нечего ждать. Он дает народу камни вместо хлеба. Он издает в последнее время одни лишь чрезвычайные законы для удушения всех гражданских прав. Реакция свирепствует всюду, хуже чем когда-либо раньше.

Предательские вожди финской социал-демократии совершенно потеряли стыд. Они открыто смыкались со злейшими поджигателями войны и лапуасскими мясниками. Социал-демократические министры и бонзы суетятся изо всех сил в качестве профессиональных лжецов и гончих собак буржуазной реакции, обслуживая пресловутую финляндскую охранку.

Бело-Финляндия является в настоящий момент самой черной страной в Европе. Неопишемое бедствие давит на рабочих и всех неимущих Финляндии. Однако, теперь пришел конец терпению нашего трудового народа.

Ни одно прежнее правительство не обманывало народ более бессовестно, чем теперешняя правительственная шайка Каллио, Каяндера, Эрикко и Таннера. Пусть это презренное правительство, которое делало все возможное для того, чтобы довести наш народ до гибели, бу-

дет *последним правительством капиталистов и помещиков Финляндии.*

Это правительство чувствует и само, что оно ненавистно и проклято в гущу финского народа. Оно боится правды, как чумы. Оно хорошо знает, что, если бы в течение последних недель народные массы имели хоть элементарную свободу слова, то десятки тысяч рабочих, хлебопашцев и мобилизованных солдат уже провозгласили бы во всеуслышание ту же истину, которую мы здесь провозглашаем, — бросили бы этим заправилам прямо в лицо:

Долой обанкротившуюся правительственную шайку! Долой палачей народа и их подручников!

Преступная война финляндских капиталистов против Социалистического Советского Союза должна быть превращена в решительную борьбу трудящегося народа против угнетателей народа.

Необходимо создать широкий *трудовой народный фронт*: весь рабочий класс, крестьянство, ремесленники, мелкие торговцы и трудовая интеллигенция, т. е. огромное большинство нашего народа нужно объединить в единый народный фронт для защиты своих интересов, а к власти необходимо выдвинуть опирающееся на этот фронт *правительство трудового народа*, т. е. *Народное Правительство.*

Некоторые товарищи думают, что надо требовать организации советской власти в Финляндии. Они ошибаются. Такой важный вопрос коренной перестройки всего социального режима не может быть разрешен одной партией или даже одним рабочим классом. Этот вопрос может быть разрешен лишь всем народом, всеми трудящимися классами. Во всяком случае без согласия крестьянства и без санкции сейма не может быть решен этот вопрос.

Другие думают, что Финляндия должна вступить в Советский Союз, как его составная часть, что присоединение Финляндии к СССР лучше всего может гарантировать Финляндию от опасностей со стороны империалистических держав. Эти товарищи также ошибаются. Во-первых, Финляндская Демокра-

тическая Республика как государство не советского типа не может входить в состав Советского Союза, представляющего государство советского типа. Вторых, Советский Союз, следуя своей национальной политике, не захочет, чтобы ему могли приписать желание расширить свои границы за счет Финляндского государства, ввиду чего Советский Союз, как известно, стоит за обеспечение существования отдельной и независимой Финляндии, связанной с СССР лишь пактом взаимопомощи. Что касается того, чтобы гарантировать Финляндию от опасностей со стороны империалистических держав, то пакт взаимопомощи между Финляндией и СССР будет являться вполне достаточным средством, обеспечивающим такую гарантию.

Вопрос о ближайшей программе нового правительства требует, разумеется, коллективного обсуждения между разными группами и представителями участников будущего народного фронта и правительства. Мы вносим следующие предложения для коллективного обсуждения:

Первой задачей народного правительства Финляндии должно быть окончание войны и заключение мира, установление демократических порядков в нашей стране, обеспечение независимости Финляндии путем улучшения отношений с Советским Союзом и заключения пакта взаимопомощи между Финляндской Демократической Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик, наконец, путем установления добрососедских отношений со всеми соседними странами.

Правительство Финляндской Демократической Республики должно обратиться к Правительству СССР с предложением удовлетворить вековую национальную надежду финского народа и воссоединить с Финляндией районы Советской Карелии, населенные в своем большинстве карелами. Мы имеем основание надеяться, что если установим с Советским Союзом дружественные отношения, Советский Союз удовлетворит такое предложение.

К ближайшим задачам Народного

Правительства Финляндии относятся также:

1) создание Народной армии Финляндии;

2) установление государственного контроля над крупными частными банками и крупными промышленными предприятиями и мероприятия по содействию средним и мелким предприятиям;

3) проведение мероприятий для полной ликвидации безработицы;

4) сокращение рабочего дня до 8 часов, обеспечение двухнедельного летнего отпуска рабочим и снижение квартирной платы для рабочих и служащих;

5) конфискация земель крупных помещиков-землевладельцев, не трогая земель и имущества крестьян, и передача конфискованных земель безземельным и малоземельным крестьянам;

6) освобождение крестьян от уплаты недоимок по налогам;

7) всемерная государственная помощь для поднятия хозяйства маломощных крестьян, в первую очередь путем отведения им добавочной земли, пастбища, а по возможности также и леса для домашних надобностей, из конфискованных у крупных помещиков земель;

8) демократизация государственного устройства, администрации и судебного дела;

9) увеличение государственных субсидий на культурные нужды и реорганизация школьного дела; обеспечение возможности посещения школ детьми рабочих и прочих малоимущих, а также всемерная забота о развитии народного образования, науки, литературы и искусства в прогрессивном духе.

Правительство финской буржуазии не имеет никакого выхода и командование финляндской армией не имеет никаких шансов на успех. Оно ниоткуда не получит действительной помощи. Иностранные империалисты охотно подстрекали глупеньких финляндских правителей на войну, но когда им это удалось, они предпочтут остаться в стороне.

Красная Армия — непобедимая армия, за которой стоит сила 183-миллионного гигантского народа. Смешно даже думать, что генералишки финляндской армии могли бы устоять перед

Красной Армией. Красная Армия обучена и снабжена лучше всех армий в мире. Прежде всего ее сила основана на том, что она является армией освобожденных от эксплуатации рабочих и крестьян. Ряды Красной Армии не разделяются пропастью классовых противоречий, которые в финляндской армии, как и во всех буржуазных армиях, отделяют офицеров и солдат друг от друга. Красная Армия монолитна, как гранитная скала. Ее дисциплина непоколебима, так как она основывается не на механическом принуждении, а на сознательности и героизме ее бойцов.

Каждый боец и командир Красной Армии, воодушевленный благородным чувством интернационализма, знает, что борется за справедливое дело. Красная Армия знает, что придет в Финляндию не как завоеватель, а как *освободитель нашего народа* от гнета капиталистических злодеев.

Великий Советский Союз не намерен ни малейшим образом ограничить право Финляндии на самоопределение и суверенитет. И в этом отношении политика Социалистического Советского Союза целиком отличается от политики всех капиталистических правительств. Советский Союз никогда и нигде не станет вести захватническую войну.

Это сознает полностью и Красная Армия. Она приходит в Финляндию как друг, а не как враг нашего народа. И Красная Армия со своей стороны знает, что имеет десятки тысяч друзей в рядах финляндской армии, а в тылу этой армии — сотни тысяч рабочих и крестьян, с радостным нетерпением ожидающих приближения Красной Армии.

Солдаты финской армии! Отдайте себе отчет о вашем положении и принимайте свое решение при первом случае. Остерегайтесь помогать безнадежной военной аванюре маннергеймов. Это все равно не поможет, — только вы сами погубите себя. Вы увидите, что сопротивлению финляндских генералишек будет скоро конец.

Не верьте, солдаты, официальной лжи о «защите отечества». Вас повели не на защиту отечества, а на защиту военной авантюры Эркко и Маннергей-

ма. Великий Социалистический Советский Союз отнюдь не намерен присвоить территорию маленькой Финляндии. Как только со стороны Финляндии будет положен конец политике вражды и подрыва безопасности СССР, Советское правительство обеспечит Финляндии не только мир, но и полную независимость и неприкосновенность ее территории.

Не верьте лжи о том, будто правительство Эркко — Маннергейма борется за «свободу народа». Это правительство само уничтожило свободу народа и теперь боится, что Красная Армия поможет трудовому народу Финляндии завоевать себе власть и свободу. Не за народ, а за угнетателей народа вас, солдаты, теперь отправили на фронт.

Члены и доверенные лица профсоюзов, члены кооперативных организаций и социал-демократической партии! Остерегайтесь связывать вашу судьбу с судьбой взбесившихся буржуа — поджигателей войны! Отворачивайтесь от шайки изменника Таннера! Оставляйте ее одной выть вместе с другими палачами — долго выть им не придется.

Мелкие земледельцы и все остальное крестьянское население! Не верьте лжи о том, будто вам теперь угрожает отнятие земель или коллективизация хозяйств! Никто не смеет трогать вашу землю. Никто не смеет заставить вас устраивать у себя колхозы! Наоборот, рабочий класс добивается того, чтобы отобрать земли у крупных землевладельцев и передать их крестьянам. Рабочий класс хочет жить в мире, в союзе, в сотрудничестве с широким крестьянским населением. И только в том случае, если эти два главных трудящихся класса находятся в прочном союзе друг с другом, считаясь с взаимными интересами, демократический государственный строй будет стоять на устойчивой основе.

Шведские рабочие в Финляндии, рыбаки и прочие трудящиеся! Присоединяйтесь к демократическому народному фронту, чтобы рука об руку с финскими рабочими отстаивать свои интересы и добиться гарантии того, что

всяческому национальному угнетению в Финляндии будет положен конец.

Работники умственного труда, трудовая интеллигенция! Поддерживайте наш трудовой фронт и боритесь за его победу, ибо только через такую победу откроется путь для под'ема действительной народной культуры Финляндии. Финляндия была до сих пор приютом для реакции и духовной тьмы. От этого страдали и хирели наука, искусство и литература. Победа трудового фронта даст широкий простор культурному прогрессу. Да превратится наша страна теперь в очаг просвещения и высокой национальной культуры! Инженерам и техникам откроются более широкие возможности для их деятельности. Агрономы, консультанты по земледелию и скотоводству, лесничие будут иметь возможность принять участие в деле широкого под'ема сельского хозяйства. Врачи и прочий медицинский персонал получают великую общественную задачу по поднятию здравоохранения народа. Важная же работа учителей будет цениться выше и освободится от цепей реакции.

★

Товарищи рабочие и работницы!

Второй раз в истории Финляндии финский рабочий класс начинает открытую борьбу против гнета плутократии. Первый опыт борьбы рабочих и торпарей в 1918 году окончился победой капиталистов и помещиков. На этот раз — очередь за трудовым народом, теперь должен победить трудовой народ!

На чем теперь основывается наша уверенность в победе и почему мы потерпели поражение в 1918 году?

Во-первых, потому, что рабочий класс Финляндии не имел тогда действительно революционной партии, коммунистической партии, которая умела бы правильно руководить борьбой рабочих и мелких земледельцев. Теперь он имеет коммунистическую партию, партию, которая в течение более двадцати лет ведет упорную борьбу за экономические и политические интересы рабочих и на-

училась учитывать в своей политике и интересы крестьянства и интеллигенции. Под непрерывными преследованиями она закалилась, набрала боевой опыт, научилась большевистскому искусству побеждать.

Во-вторых, потому, что в 1918 году иностранные империалисты посылали войска на помощь финским палачам — угнетателям, в то время, как Советское государство было еще слишком слабо, чтобы помешать империалистическому вмешательству в дела Финляндии. Теперь, наоборот, Советская страна — самая могучая держава мира. Она является великим союзником народа и демократии Финляндии. Данные ею гарантии безопасности являются достаточно вескими для того, чтобы помешать империалистам посылать свои войска для вмешательства в дела финского народа.

Страна победившего социализма доказывает на деле, что она является благородным другом и оплотом национального будущего малых народов. В то время как империалисты пытаются подчинить себе слабые народы, заковывая их в цепи, Социалистический Советский Союз подходит к соседним странам с искренней дружбой, чутко учитывая их нужды, интересы и национальные чаяния. Об этом убедительно говорит политика Советского Союза в отношении Литвы. Литовский народ долго надеялся на возвращение своей отнятой столицы Вильно и Виленской области. Но в мире не нашлось ни одной великой державы, которая бы согласилась удовлетворить это пожелание литовского народа. Только Советский Союз, верный своей благородной национальной политике, оказался в состоянии удовлетворить чаяния литовского народа. И литовское государство получило из рук Советского Союза свою столицу Вильно и Виленскую область. Финский народ, который в течение больше чем 200 лет мечтал о воссоединении карельского племени с финской нацией и с финским государством, может также с уверенностью рассчитывать на осуществление этой своей самой дорогой национальной надежды.

Такой национальной политики мировая история еще не знала. Это — национальная политика социалистического государства. И эта новая национальная политика дает также невиданные результаты. В то время как империалистические державы, благодаря своему национальному угнетению, пожинают плоды ненависти, вражды и отчуждения народов, Социалистический Советский Союз своим великодушием достигает сближения, любви и верного союза народов.

Прежде всего обращаемся к славной молодежи трудового народа. Наша молодежь знает, что без борьбы и жертв нельзя добиться свободы и освобождения

своей родины от гнета палачей. Теперь предстоит борьба за такую решающую победу, что за нее стоит рисковать и жертвовать.

Настал момент свержения правительства палачей!

Наступили дни освобождения нашего народа!

Да здравствует победа рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции Финляндии!

Да здравствует независимая Финляндская Демократическая Республика!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
ФИНЛЯНДИИ.

30 ноября 1939

Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой

*Президиум Верховного Совета СССР, с одной стороны, и
Правительство Финляндской Демократической Республики, с другой
стороны,*

убежденные, что теперь, когда героической борьбой финляндского народа и усилиями Красной Армии СССР ликвидируется опаснейший очаг войны, созданный у границ Советского Союза прежней плутократической властью в Финляндии в угоду империалистических держав, и финляндский народ образовал свою Демократическую Республику, всецело опирающуюся на поддержку народа, — пришло время установления прочных дружественных отношений между нашими странами и обеспечения совместными силами безопасности и неприкосновенности наших государств;

признавая, что наступило время для осуществления вековых чаяний финского народа о воссоединении карельского народа с родственным ему финским народом в едином финляндском государстве, а также имея в виду благоприятное и отвечающее интересам обеих Сторон урегулирование пограничных вопросов, особенно же обеспечение безопасности Ленинграда и южного побережья Финляндии;

в целях укрепления духа и основных положений Мирного Договора 23 октября 1920 года, основанного на взаимном признании государственной независимости и невмешательства во внутренние дела другой Стороны,

признали необходимым заключить между собою нижеследующий Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой и назначили для этой цели своими уполномоченными

Президиум Верховного Совета СССР:

*В. М. МОЛОТОВА, Председателя Совета Народных Комиссаров и
Народного Комиссара Иностранных Дел СССР*

Народное Правительство Финляндии:

*О. В. КУУСИНЕНА, Председателя Народного Правительства и
Министра Иностранных Дел Финляндии,*

каковые уполномоченные, по взаимном пред'явлении своих полномочий, найденных составленными в должной форме и надлежащем порядке, согласились о нижеследующем.

Статья I.

В знак дружбы и глубокого доверия Советского Союза к Финляндской Демократической Республике, идя навстречу национальным чаяниям финского народа о воссоединении карельского народа с финским народом в едином и независимом финляндском государстве, Советский Союз выражает согласие передать Финляндской Демократической Республике районы Советской Карелии с преобладающим карельским населением — всего в размере 70.000 квадратных километров, со включением этой территории в состав государственной территории Финляндской Демократической Республики и установлением границы между СССР и Финляндской Демократической Республикой, согласно приложенной карте.

В знак дружбы и глубокого доверия Финляндской Демократической Республики к СССР, идя навстречу пожеланиям Советского Союза об укреплении безопасности СССР, и особенно города Ленинграда, Финляндская Демократическая Республика выражает согласие на некоторую передвижку границы на Карельском перешейке в северном направлении от Ленинграда, с передачей Советскому Союзу территории в размере 3.970 квадратных километгов, причем СССР считает себя обязанным возместить Финляндии стоимость железно-дорожных участков на территории Карельского перешейка, переходящей к СССР, в размере 120 миллионов финских марок.

Статья II.

Финляндская Демократическая Республика, во взаимных интересах укрепления безопасности СССР и Финляндии, выражает согласие:

а) сдать Советскому Союзу в аренду сроком на 30 лет полуостров Ханко и морскую территорию вокруг него радиусом в пять миль к югу и востоку и в три мили к западу и к северу от него и ряд островов, примыкающих к нему с юга и с востока в соответствии с приложенной картой, — для создания там военно-морской базы, способной оборонять от агрессии вход в Финский залив в интересах обеспечения безопасности Финляндии и СССР, причем, в целях охраны морской базы Советскому Союзу предоставляется право держать там за свой счет строго ограниченное количество наземных и воздушных вооруженных сил, максимальная численность которых определяется особым соглашением;

б) продать Советскому Союзу в Финском заливе острова Суурсаари (Гогланд), Сейскари, Лавансаари, Тютерсаари (малый и большой), Койвисто (Бьерке), а также принадлежащие Финляндии часть полуостровов Рыбачьего и Среднего на побережье Северного Ледовитого океана за условленную сумму в размере 300 миллионов финских марок.

Статья III.

Советский Союз и Финляндская Демократическая Республика обязуются оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае нападения или угрозы нападения на Финляндию, а также в случае нападения или угрозы нападения через территорию Финляндии на Советский Союз со стороны любой европейской державы.

Статья IV.

Договаривающиеся Стороны обязуются не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон.

Статья V.

Договаривающиеся Стороны условились заключить в кратчайший срок торговый Договор и поднять годовой товарооборот между обеими странами значительно выше товарооборота 1927 года, когда он достигал максимальной цифры в 800 миллионов финских марок.

Статья VI.

Советский Союз обязуется оказывать Финляндской Народной Армии помощь на льготных условиях вооружением и прочими военными материалами.

Статья VII.

Срок действия настоящего Договора в части, касающейся обязательств взаимной помощи между СССР и Финляндской Демократической Республикой (ст. ст. III—V) — двадцать пять лет, причем, если за год до истечения указанного срока ни одна из Договаривающихся Сторон не будет считать необходимым денонсировать установленных на срок постановлений настоящего Договора, эти постановления автоматически сохраняют силу еще на следующие двадцать пять лет.

Статья VIII.

Настоящий Договор вступает в силу со дня его подписания и подлежит последующей ратификации. Обмен ратификационных актов будет произведен в возможно более короткий срок в столице Финляндии — городе Хельсинки.

Настоящий Договор составлен в двух оригиналах, на русском и финском языках, в городе Москве 2 декабря 1939 года.

В. МОЛОТОВ.

О. КУУСИНЕН.

Два романа

(«Цемент» и «Энергия» Федора Гладкова)

А. ВОЛОЖЕНИН

★

I

Писатель Федор Гладков закончил большой роман «Энергия». Десять лет ушло на создание этого произведения.

Первая часть «Энергии» вышла отдельной книгой еще в 1933 году. Роман ответил назревшей потребности читателя видеть в литературе отражение коренных перемен, происшедших в экономике СССР и в сознании людей за годы первой Сталинской пятилетки. «Энергия» явилась произведением, правдиво и ярко рисующим процесс индустриализации страны. Книга быстро завоевала широкую популярность.

Сейчас вышла отдельным изданием вторая книга «Энергии», завершающая роман. Переиздана и первая книга в переработанном виде. Произведение Гладкова, — словно здание, с которого только что убрали леса, — получив завершенность и цельность, выступило, как незаурядное художественное явление.

«Энергия» — большое событие в нашей литературе. Роман поражает широтой охвата действительности и богатством содержания. В «Энергии» показана жизнь нашей страны в период могучего и победного наступления социализма по всему фронту. То, что было мечтой, к чему устремлялись помыслы и чаяния миллионов людей, теперь стало реальностью. И писатель отразил это, как радостный и вели-

чественный итог, как торжество самых лучших и благороднейших идеалов человечества.

В «Энергии» автор с большой силой и убедительностью выразил идеи, волновавшие его и ранее и в какой-то степени отраженные в прежних произведениях. Это, конечно, не значит, что в новом романе повторены уже знакомые читателю темы и образы. Правда, здесь есть герои, хорошо известные еще по «Цементу»: Даша и Глеб Чумаловы. Но они действуют теперь в новой обстановке, в другом времени, для которого характерны уже иные черты. Многие коренные вопросы советской действительности, давно уже занимавшие художника, в романе получили наиболее полное творческое разрешение. В «Энергии» автор не только правдиво изобразил деяния и подвиги советских людей, но показал закономерности революции в гораздо более развитом виде, чем это было дано им в предыдущих произведениях.

Прошел год с тех пор, как дописаны и появились в печати последние главы «Энергии». Как и первая, вторая книга романа вызвала живейший интерес у читателей, породила массу откликов. Из разных уголков страны люди самых различных профессий и званий шлют автору письма, радуются его удаче. По героям «Энергии» люди проверяют себя и так же, как герои романа, напряженно и страстно бьются над разрешением больших вопросов своей личной

судьбы. Произведение Гладкова затронуло у читателя живую струну его души, заставило многих крепко задуматься, по-иному посмотреть на окружающий мир и на себя. Нередко люди, прочитав «Энергию», обращаются к автору с просьбой дать совет, как жить, как лучше построить отношения в семье и в коллективе. При этом они поверяют писателю сокровенные думы, интимные стороны своих биографий. Какая это прекрасная награда художнику, когда читатель видит в нем учителя жизни, идет к нему с открытым сердцем, доверяет, как самому близкому другу! Популярность «Энергии» и впечатляемость ее можно объяснить лишь одним — глубоким проникновением писателя в действительность, смелостью постановки в романе животрепещущих проблем современности.

Труд писателя достойно отмечен Советским правительством — Федор Гладков награжден высшей наградой в нашей стране — орденом Ленина.

Совершенно иначе реагирует на творчество Гладкова и новый его роман «Энергия» профессиональная критика. Она молчит, для нее как будто и не существует талантливейшего писателя, как будто результат его десятилетнего труда настолько мал, что о нем не стоит даже обмолвиться хотя бы одним словом. Так уже повелось в нашей критике, что она часто останавливает свое внимание на мелком, незначительном, не замечая в то же время крупного, решающего. Вокруг чего последнее время велись жаркие бои? Вокруг таких произведений, как пошлая повесть Глеба Алексина «Неуч», как посредственные рассказы Письменного и Юфит, как юридические скривления Платонова. Все это показывает, что значительная часть критики стоит где-то вдали от основного русла советской литературы, от больших ее явлений. Роль и уровень критики во многом еще принимаются мелочными интересами и лобочными соображениями. У нас еще не вытравлены до конца последствия вредительства в литературе и, в частности, в области критики, где особенно усердно подвизались авербаховцы и их приспешники.

От них осталось много вредных традиций, живущих и по сию пору. Авербаховцы ставили перед собой прямую цель: вывести из строя ряд видных советских художников.

Одной из форм вредительской деятельности авербаховской банды было замалчивание и игнорирование творчества неугодных писателей. По инерции это замалчивание профессиональной критикой некоторых советских художников, в том числе и Ф. Гладкова, продолжает существовать еще и сегодня.

«Энергия» Гладкова — несомненная победа социалистического реализма. Вместе с другими произведениями писателя она дает возможность наглядно видеть особенности и преимущества творческого метода советской литературы. У нас нередко при высокой (что вполне справедливо) оценке классического наследия забывается, что социалистическая культура — это новый шаг вперед в художественном развитии человечества. Спора нет, советским писателям много еще надо работать, чтоб достигнуть уровня мастерства классиков. Тут всякое зазнайство более чем вредно. Но нельзя впадать и в другую крайность и начисто отрицать успехи и сильные стороны нашей литературы, самой идейной, самой передовой во всем мире, обладающей не сравнимой ни с чем силой воздействия на читателя. Некоторые произведения советских художников смело можно назвать классическими.

Передовые писатели прошлого были критическими реалистами. Всю мощь своего художественного гения они отдавали разоблачению уродливых и темных сторон действительности. Они пламенели великой любовью к народу и боролись за его счастье, за духовное и физическое раскрепощение. Отрицая настоящее, подчас люто ненавидя современные им общественные порядки, передовые писатели прошлого рвались к свободе, страстно ждали прихода светлого будущего. Но подавляющее большинство их не видело истинных путей освобождения трудящегося человечества, не находило в обществе сил, способных

выполнить столь грандиозную историческую задачу. Именно поэтому критическим реалистам будущее представлялось в весьма неопределенном и расплывчатом виде. Их сознание опутывали всевозможные классовые предрассудки, во взглядах на мир царил кричащая противоречивость.

Социалистический реализм наследует все лучшее, что есть в классической литературе, и одновременно преодолевает ее исторически обусловленную ограниченность. Для представителей социалистического реализма искусство также сильнейшее орудие борьбы с социальным злом и несправедливостью. Главнейшую задачу своего творчества советские художники видят в беззаветном служении интересам народа, в показе правды жизни. Но социалистический реализм полнее и всестороннее охватывает действительность, его превосходство в том, что он знает, куда идет развитие общественных классов и что надо делать, чтоб навсегда покончить с насилием и рабством эксплуататорского общества. Писателя — социалистического реалиста — отличает глубина и цельность мировоззрения, устремленность в коммунистическое будущее; его произведения не только рождают и воспитывают в людях ненависть к угнетению, но и указывают единственно правильный путь к избавлению от него, они зовут читателя к самоотверженной и беззаветной борьбе за счастье и радость миллионов трудящихся.

В творчестве писателей — социалистических реалистов — первенствующее место занял положительный герой — строитель коммунизма. Литература, таким образом, стала не только средством художественного познания мира, но и сильнейшим орудием революционного его изменения.

Федор Гладков — один из зачинателей советской литературы — яркий представитель социалистического реализма.

Гладков одновременно и реалист, и романтик. Правда и вымысел у него слиты воедино, одно проникает в другое. Романтизм в творчестве писателя не

есть отвлечение в область иллюзий и воздушных замков, а вполне реальная мечта, лишь обгоняющая естественный ход событий, предвосхищающая то, что неминуемо должно свершиться, стать фактом жизни.

Еще в дореволюционные годы, в глущую пору царской реакции, Гладков навсегда связал свою судьбу с судьбой самого передового класса в мире — пролетариата. Октябрьская победа открыла широкую дорогу самобытному и оригинальному дарованию писателя. Все свое творчество художник обратил на служение народу, его великой освободительной борьбе.

Для произведений Гладкова характерна большевистская воинственность. Писателя невозможно представить человеком, стоящим в стороне от современности, спокойным и бесстрастным наблюдателем происходящего. Он весь и всегда в гуще жизни. Он в первых рядах борцов за светлый грядущий мир. Революция для Гладкова — кровное, повседневно творимое им самим дело. В ней он не случайно втянутый в движение элемент, а активный боец. Социализм для него не мертвая буква, не отвлеченный лозунг, а живая, конкретная практика. Всем своим существом — эмоционально и логически — писатель стоит на стороне новой жизни и беззаветно борется за ее установление. Оружием художественного слова он отстаивает и закрепляет завоевания революции. Каждое произведение Гладкова — мужественный призыв к действию, утверждение нового, созидаемого революционным народом.

Писатель чуток к жизни и всегда горячо, поистине с юношеским темпераментом откликается на ее требования. Он не боится ставить острые вопросы современности. Наоборот, они побуждают его ввязываться в борьбу. Ему дорог успех общенародного дела; смысл и цель своего творчества он видит в создании условий, обеспечивающих свободное гармоническое развитие людей и их способностей. Борьба масс за новый социальный строй, рождение нового общества, изменения, происходящие в хозяйстве, в культуре, в быту

людей, — вот что привлекает внимание писателя и служит объектом его творчества.

Являясь революционным романтиком, Гладков в то же время подходит необычайно трезво к действительности, отделяет в ней старое от нового. В этом и особенность Гладкова, художника-новатора, умеющего разглядеть молодые побеги социализма и изобличить негодное, то, что должно быть отброшено, как пережиток прошлого.

Чувство нового, непосредственное практическое участие в строительстве социализма дают возможность писателю глубоко проникнуть в существо революционных событий, понять их смысл и закономерность. Художник отчетливо видит и постигает процесс формирования новой человеческой личности, становление социалистических отношений. Ему ясно, кто отныне решает судьбы людей, какие силы двигают вперед общественное развитие. Эти силы — народные массы и их вождь — большевистская партия. Гладков понимает, что настоящий герой современности — пролетариат. На него история возложила великую миссию освобождения трудящихся, он самый сильный, самый смелый и самый прогрессивный класс. Он — открыватель путей в будущее, подлинная молодость человечества, лучшие его надежды. И именно поэтому главным героем своих произведений Гладков сделал пролетариат.

Все творчество Гладкова проникнуто глубочайшей большевистской партийностью. У него нет других целей и задач, как цели и задачи своей партии, своего класса. Писатель претворяет в своем творческом труде известные слова Ленина о том, что «ни один живой человек не может не становиться на сторону того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчаться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений».

Избрав основным объектом своего творчества пролетариат, Гладков после-

довательно запечатлевает на страницах своих произведений крупнейшие исторические события и поворотные моменты в жизни нашего народа и в строительстве социализма.

II

Свое особенное слово в литературе Федор Гладков сказал романом «Цемент». В этом первом и остающемся пока единственным произведении, отражающем восстановительный период, художник показал рабочий класс не только как разрушителя старого мира, но и как создателя нового общества. «Цемент» — сильная, исполненная большой мощи и вдохновения картина героического труда рабочих, восстанавливающих разрушенное войной хозяйство страны.

В «Цементе» изображены события, происходившие на исходе гражданской войны и в начале нэпа на юге. Герой романа, Глеб Чумалов, возвращается с фронта домой, в родное гнездо. Он идет по знакомым, не виденным три года местам, человек в шинели, с мешком за плечами, с выправкой солдата. Вдали показываются бремсберги, мосты, завод — целый город из куполов, башен, цилиндрических крыш. И Глебу чудится, что «и горы в развалинах каменоломен, и трубы, и рабочий поселок гремят глубоким подземным грохотом». Радостное чувство охватывает героя: «Хорошо. Опять — машины и труд. Новый труд — свободный труд, завоеванный борьбой — огнем и кровью. Хорошо». Глеб входит в поселок. И тут глазам его предстает картина страшного запустения. Улочки поросли бурьяном. Трехсаженные окна цеха, в котором когда-то работал Глеб, разбиты и зияют черной пустотой. Завод, словно вымерший, стоит пустынный, недвижимый.

Так, с первой же страницы Гладков вводит читателя и героя в обстановку послевоенной разрухи. В показе этого явления художник прибегает к приему, характерному, пожалуй, для всего его творчества. Стремясь как можно глубже вскрыть существо какого-либо особо значительного явления, писатель подхо-

дит к нему с разных сторон, изображает его в различных опосредствованиях. В тех случаях, когда требуется волю и энергию героя направить на определенную цель, побудить его выполнить чрезвычайно важную для общества задачу, автор ставит героя в такие жизненные положения и ситуации, что не только он, а любой читатель на его месте загорелся бы страстным желанием сделать это дело, достичь нужной цели. Глеб Чумалов наблюдает разруху и гибельные последствия ее не только с внешней стороны. Попав в семью старого приятеля Савчука, он видит в ней развал. Оторванный от производства, выбитый из привычной колеи, Савчук из работающего степенного человека превратился в пьянчугу, истязателя жены. Дети Савчуков померли от голода. Имуущество пошло на барахолку. В заводском управлении Глеб нашел целую толпу рабочих, которые, томясь бездельем, развлекались балаганщиной. Обходя цеха и поселок, герой сталкивается всюду с фактами разложения; рабочие делают эжжигалки, разводят кур, коз, свиней, превращаясь, таким образом, в мелких хозяйчиков. Глеб закипает негодованием, видя, как растаскивается по кусочкам завод. В душе его начинает говорить чувство хозяина государственного добра, ему до-нельзя больно оттого, что фабрики и заводы, за которые народ дрался, не щадя своей жизни, остаются втуне, бездействуют. Но еще обиднее то, что разруха, парализовав хозяйство, тем самым внесла дезорганизацию в ряды рабочих, породила у них мелкобуржуазную распущенность, жажду стяжательства, индивидуалистического накопления. С беспощадной смелостью и прямотой художник изобразил эту типичную для послевоенного времени картину деклассирования части пролетариата.

«...Разбросанные по своим домашним норам, забывшие завод — грохот, гарь, пыль и запах машин,—покрытые другой пылью — пылью горных ветров, люди завода, цехового артельного труда, с мешками на спинах, шайками вползали на горы. По загородным и степным дорогам и тропам шли в хутора и стани-

цы, как в эпоху натурального обмена, гонимые голодом и первобытной алчностью. Люди заводского труда, который будил их по утрам не криком петухов, а металлическим ревом гудка, узнали за эти годы сладость свиных и козьих закут и радость теплых куриных гнезд. И люди машин и цеховых утроб научились кричать вместе со свиньями и курами из-за свиней, из-за кур, из-за коз, из-за нарпитовской шрапнели, которую слопал по недогаду чужой поросенок. Потухло электричество на заводе, в казармах, задохнулись от пыли гудки, — тишина и бестружье заклохтало, захрюкало деревенской идиллией. И угрюмо замкнулись в домашних клетках рачительный муж и скопидомная баба».

В такой иронической и в то же время полной внутренней боли и горечи форме рисует автор явления распада в рабочем классе, происшедшие в результате хозяйственной разрухи. Везде, куда бы ни взглянул Чумалов, перед ним открывалась эта печальная картина. Погас завод, и поселок погрузился в тьму. Идиотизм деревенской жизни начал раз'едать бытовые, моральные и идейные устои пролетарского коллектива. Глеб все более убеждался, что после войны самый страшный враг — разруха и что все силы должны быть брошены на под'ем хозяйства. «Теперь надо бороться за восстановление хозяйства,—твердо заявляет Глеб. — Пушки уже замолчали. Люди идут по домам, к своему делу. Теперь в разгаре — дискуссия о профсоюзам и новой экономполитике». Чумалов — активный борец за линию партии, он чуток к ее решениям. Когда был назначен и начал осуществляться переход к нэпу, Глеб воспринял его, как единственно разумную и необходимую меру. Полный творческого воодушевления, Чумалов решает: пустить в ход машины, оживить завод. В этом — главная задача данного этапа революции. Победа над вооруженным врагом — еще не все. К социализму ведет путь не только кровавой, но и бескровной борьбы. После гражданских битв должны вернуться столь же упорные и жаркие бои и на трудовом фронте. И тут по-

требуется не меньше напряжения сил и средств. Заглядывая в будущее, с радостью думая о новом обществе, Глеб понимал, что оно, это общество, не может родиться из ничего, а его надо завоевать, создать, построить собственными руками. Беседуя с инженером Клейстом и призывая его стать техническим руководителем стройки, Глеб говорит:

«Громадная начинается борьба. Это будет потруднее кровавых боев. Не шутка — хозяйственный фронт. Вот смотрите: все эти великаны — дело вашего таланта и рук. Надо оживить это кладбище, товарищ технорук, — надо зажечь огнем. Пред нами открывается целый мир, который уже завоеван. Пройдут года, и он весь заблещет дворцами и невиданными машинами, человек будет уже не раб, а владыка, потому что основой жизни будет свободный и любимый труд».

Прекрасные, вдохновенные слова! Они дышат верой и убежденностью в победу социализма, в них заложена реальная, основанная на знании законов развития общества и на предвидении будущего, мечта. В том и сила героя, что, будучи по складу, по натуре своей человеком дела, он, однако, не впадает в делячество. Его характеру свойственны две черты: практицизм и мечтательство, деловитость и широкий размах. Глеб активно борется за то, что ясно видит в перспективе, неуклонно идет к отчетливо различаемой им, хотя и далеко отстоящей от него, цели.

Глеб Чумалов — душа романа, основная его фигура. По своим личным качествам он на голову выше всех остальных героев «Цемент». Он глубже понимает жизнь, схватывает в ней главное, решающее. Придя на завод, Чумалов буквально обшаривает все его закоулки, вникает в обстановку, подробно знакомится с настроениями людей, — словом, пылливо изучает все, вплоть до мелочей. Добравшись до корня, отыскав первопричину, источник всех зол и бед, он тогда намечает план действия. Чумалов умеет найти основное звено, ухватившись за которое и можно вытащить всю цепь. Никто из партийных работни-

ков, изображенных в «Цементе», — ни секретарь парткома Жидкий, ни председатель исполкома Бадьин, ни предчека Чибис, — не понимал до прихода Глеба того, что обстановка в стране изменилась и требуется делать крутой поворот, переходить от военного коммунизма к нэпу, от гражданской войны к мирному хозяйственному строительству.

Чумалов открыл им глаза, дал понять, что ключ к подъему жизни в поселке, к налаживанию дисциплины и организованности — в пуске завода.

Способность Чумалова быстро ориентироваться в обстановке и ухватываться за основное звено, соединение в нем русского революционного размаха с американской деловитостью типичны для политического деятеля нового, ленинского типа. Большевика, руководителя масс, характеризует прежде всего чуткость к жизни, знание путей ее развития, умение предугадать необходимость и время перехода на высший этап. Только такой руководитель, видящий далеко вперед, и может дать верный лозунг борьбы и направить деятельность людей на осуществление намеченных партией задач.

Особую обаятельность образу Чумалова придает его страстная влюбленность в труд. Он всем своим естеством отрицает праздность и лень. Он — враг безделья. Работа, горение на ней — вот его девиз. Трудовая деятельность для него — естественная потребность, она необходима ему, как воздух. Глеб знает, что революция, сделав народ свободным, открыла широчайшие возможности для применения его сил, для развертывания всех его творческих способностей. И своей целью Чумалов ставит — разбудить в людях дремлющие силы, зажечь массы пафосом созидательного труда. Эта целеустремленность героя выражена в эмоциональном, патетически приподнятом монологе.

«Вот оно — и горы, и море, и завод, и город, и дали, уходящие за горизонты, — вся Россия — мы... Все эти громады — и горы, и завод, и дали — поют в недрах своих о великом труде... Разве руки наши не дрожат от предчувствий упорной работы? Разве сердце не рвется от напора крови?.. Это—

рабочая Россия, это — мы, это — новая планета, о которой мечтало в веках человечество».

Глеб понимает великую силу примера. Чтоб увлечь за собой массы, зажечь их энтузиазмом, надо самому показать образец социалистического отношения к труду. И именно с этого начинает Глеб, когда становится партийным руководителем на заводе и принимается за искоренение царящей здесь мелкобуржуазной распушенности.

Сильным, темпераментным, рвущимся к строительной работе, человеком крепкой хватки, острого взгляда, смелой мысли — вот каким предстает пред читателем Глеб Чумалов. Он сразу же пробуждает к себе симпатии и интерес, увлекает своим живым, напористым характером. Сталкиваясь с жизнью, переделывая действительность, он сам меняется; заложенные в нем положительные качества раскрываются, становятся весомо-зримыми. И этот рост героя, происходящий в процессе борьбы и преодоления противоречий, настолько явственен и осязаем, что его замечает и сам Чумалов. Участвуя в восстановлении бремсберга, он, упоенный трудом, радостно восклицает: «Такие дни — редкие в жизни. Как все это огромно, какой размах и какая сила!.. Этим человек растет и делается непобедимым...».

Необычайную привлекательность облику героя сообщает еще одна преобладающая в нем черта — последовательность, неотступность в борьбе за построение нового общества. Трудности не только не останавливают Чумалова, но они словно подстегивают его, обостряют волю к движению вперед. Первоначально Глеб не находит поддержки у местных руководителей. Одни из них считают его проект делом далекого будущего, другие открыто саботируют. Натолкнувшись, казалось, на непреодолимые препятствия, Чумалов, однако, не опускает рук, не сдает. Он весь напряженивается, каждый мускул его становится упругим, как металл, мысль приобретает ясность и неотразимость. И он с такой силой обрушивается на преграды, с таким упорством и настойчивостью добивается осуществления своего замысла,

что в конце-концов одерживает победу. Чумалов обладает выдержкой, терпеливостью, он чужд паники. Когда бандиты разрушают восстановленный бремсберг — результат стольких усилий, труда и жертв, — это причиняет сильную боль Глебу, но не приводит его в замешательство. Он не только не падает духом, а, наоборот, с еще большим рвением и ожесточенностью продолжает начатую стройку.

Горячий, порывистый, экспансивный Чумалов тем не менее умеет владеть собой, направлять действия свои и окружающих людей в нужную сторону. Какие бы чувства ни охватывали его, он всегда сохраняет трезвый взгляд на действительность, не теряет перспективы. Это дает ему возможность правильно и быстро ориентироваться в обстановке и принимать верное решение.

Волевая мощь и сила Чумалова — в тесной связи с массами. Именно она, эта связь с коллективом, с которым Глеб представляет единое целое, и придает ему твердость и непоколебимость и делает его мужественным, самоотверженным борцом за дисциплину, организованность и строжайший порядок. Чумалов чутко прислушивается к голосу народа; разбивая и отбрасывая прочь отсталые мелкособственнические настроения, он в то же время впитывает в себя все здоровое, то, что идет на пользу делу, способствует росту и укреплению социалистического общества. Придя на завод, Чумалов беседует со старыми рабочими — Савчуком, Брынзой; они высказывают ему одну и ту же мысль: скорей бы снова встать к станку и приняться за привычную работу, иначе даром пропадают силы. Эта страстная тяга рабочих к производству, тоска по труду воспринимается Глебом, как решительная и властная команда: быстрее начать восстанавливать завод, чтоб люди вошли в колено нормальной жизни.

Чумалов потому и завоевывает большой авторитет среди рабочих, что он умеет связаться, сблизиться и в какой-то мере даже слиться с самыми широкими массами трудящихся. Он увлекает их за собой конкретной агитацией,

личным примером. Он втягивает массы в движение и добивается того, что они на собственном опыте убеждаются в правильности линии партии и таким путем поднимаются до осознания классовых интересов и конечных целей борьбы. Близкое, живое и непосредственное общение с рабочими, знание их дум и чаяний, умение разжечь в них энтузиазм — вот что обеспечивает Глебу успех и делает его подлинно народным вожаком.

В советской литературе Глеб Чумалов — один из самых ярких и наиболее удавшихся образов пролетария-большевика, политического руководителя масс, организатора борьбы за социализм. В этом образе художник сконцентрировал, слил все воедино то, что в той или иной степени присуще миллионам людей; в единичном, индивидуальном он раскрыл массовое, типическое. Ведь такие качества, как мужество, героизм, самопожертвование, беззаветная преданность революции, железная воля, ломающая все и всякие преграды, горячая вера в торжество коммунистических идей, — они свойственны всему нашему народу и особенно рабочему классу. В лице Чумалова читатель справедливо видит положительного героя нашего времени, его он берет за образец, по нему равняет свои действия. Как бы ни был Чумалов резок и порой грубоват, но в нем столько удивительной простоты, и он весь исполнен такой нежной любви к людям труда, что, читая роман, нельзя не восторгаться этим человеком, его могучим и цельным характером.

Кое-кто, может быть, возразит нам и скажет: какой же это положительный герой, когда он во взглядах на женщину и семью следует канонам буржуазной морали? Действительно, Глеб в начале романа относится к женщине по-собственнически. Отсюда и возникает у него конфликт, приводящий к разрыву с Дашей. Семейную драму Чумалов переживает мучительно и тяжело. Он питает к Даше искреннее и глубокое чувство, и любовь его не знает непостоянства. Конечно, Гладков мог и не делать Глеба носителем отсталых воззрений. Но тогда он изменил бы жизненной правде,

и от этого художественный образ вряд ли выиграл бы в своей убедительности. В том и сила художника, что он не боится показать Чумалова с теми «родимыми пятнами», какие он унаследовал от старого общества. И это нисколько не снижает и не обесценивает образа. Маркс и Энгельс писали, что «революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс только в революции может избавиться от всей старой мерзости и стать способным создать новое общество»¹.

Чумалов в ходе революции переделывает свое сознание и, постепенно освобождаясь от пережитков прошлого, становится человеком, действительно способным бороться за создание нового общества.

В романе рядом с Глебом выступает его жена Даша Чумалова. Это — интереснейший образ пролетарской женщины, пробужденной революцией к активной политической жизни.

В критике образ Даши возбудил наиболее разноречивые суждения. Одни высказывались о нем резко отрицательно, другие, наоборот, одобрительно, третьи — одобрительно, но с оговорками. К сожалению, истины из спора так и не родилось, и сущность образа Даши осталась нераскрытой.

Обычно все высказывания в конечном счете сводились к одному: Даша — это женщина, ищущая новых форм любви и семьи. Вот, например, рассуждения одного критика: «Даша, может быть, интереснее Глеба, глубже по своим психологическим переживаниям...», но «тут очень сложное противоречивое психологическое сплетение. Встает много вопросов. Много неясностей. Детали сплошь и рядом усложняют ряд всяких недоумений. И никак нельзя уже говорить о тщательности зарисовки»². После всего этого словесного тумана и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. IV, стр. 60.

² Валерьян Полянский (П. И. Лебедев). Вопросы современной критики. Госиздат, 1927 г., стр. 234.

оговорок критик решил все же изложить свою точку зрения более ясно и определенно. К сказанному он добавил, правда, не свою мысль, а позаимствованную у другого критика: «И в основном прав О. Брик, когда он, останавливаясь на Даше, пишет: «Гладков сочинил героическую женщину, которая решила раз и навсегда освободиться от мужского засилья, чтобы жить свободно и самостоятельно на благо коллектива, — она не признает ни ревности, ни постоянной любви. Захотелось — сошлись и разошлись. На один раз, между делом. В этом — строительство нового быта. Очень просто. В жизни это значительно сложнее». Конечно, когда нет собственного мнения, а сказать что-то все-таки хочется, то ничего не остается, как только присоединиться к предыдущему оратору. Так и сделал наш критик. Продолжая свои нудные сетования на автора, он пришел еще к одному сенсационному выводу: оказывается, в «Цементе» есть «две совершенно различные темы: восстание Глебом разрушенного во время гражданской войны завода и поиски Дашей новых семейных отношений, нового быта. Эти две темы объединены в романе искусственно, так что невольно раздражаешься. В другом разрезе, в другой постановке эта тема могла бы войти частью в основную тему, восстановление Глебом завода, и слиться с нею органически, но Ф. Гладков этого не сумел сделать». Выходит так, что Даша и все, связанное с ней, — это лишнее и ненужное в романе и что героиня, хотя и интереснее, и психологически глубже Глеба, не зарисована плохо. Вот и разберись, читатель, в такой критике, неясной, путанной, во всем вызывающей недоумение.

Почему критик обнаружил в романе только две темы? С таким же успехом можно назвать еще много других тем: например, о классовой бдительности, о борьбе с бюрократизмом, об интеллигенции, воспитании детей и т. п. Но уж если критику захотелось обязательно дробить роман на куски и кусочки и при этом заявлять, что они органически не связаны друг с другом, то пусть его тешит этим более чем неблагодарным

занятием. Читатель-то ему не поверит, ведь он знает хорошо, что «Цемент» — художественно цельное, стройное произведение. В нем нет ничего искусственного, надуманного, оно от начала до конца — правда жизни.

Изображение в романе в качестве одного из главных действующих лиц Даши Чумаловой — не недостаток, а достоинство произведения. Нелепо требовать от художника, чтоб он обязательно показывал жизнь только с «одного боку». Чем полнее и всестороннее он отразит ее во всем многообразии и богатстве ее проявлений, — тем лучше. Тем большее впечатление произведет книга на читателя, тем больший след оставит в его душе.

Толкование, данное критикой образу Даши, находится в кричащем противоречии с романом, с тем, как обрисована героиня. Ее поиски новой семьи, конфликт с Глебом, случайные связи — все это отнюдь не составляет главного в ее облике. Нельзя принимать явление за сущность, следствие за причину. Самое характерное и типичное в Даше — пробуждение интереса к общественной жизни, осознание себя, как гражданина, как участника великой освободительной борьбы. Революция вырывает Дашу из узкого, ограниченного мира, втягивает в движение масс, делает новой женщиной. У нее словно пелена спадает с глаз, она видит перед собой широкие горизонты, необъятные дали. Дома она знала только мелкие заботы, отупляющий труд, безропотное подчинение мужу. А тут — другая, бывшая ключом, полная глубокого смысла и значения жизнь. Гражданская война для Даши так же, как и для Глеба, явилась школой мужества, в революции закалился характер героини, она научилась понимать жизнь, различать друга и врага. Все порывы своей души, все помыслы, всю себя без остатка Даша посвятила служению революции. Из человека, жившего лишь интересами семьи и дома, Даша выросла в общественного деятеля, в партийного работника. И именно в этом красота ее облика, подлинная суть ее характера. Любовно, сердечно, тепло нарисована

Даша. От всей ее фигуры веет благородством и неподкупностью.

И только люди, которые хотели бы видеть в человеке все пошрое и мерзкое, могут чинить суд и расправу над Дашей, считать ее чуть ли не развратной женщиной и выносить приговор, подобный приведенному выше. Неправедный приговор!

Откуда и как возник у Даши разлад в семье? Почему она ее разрушает? Причина этому — стремление Глеба так или иначе ограничить стремления Даши к новой жизни, засадить ее под замок, превратить в прежнюю рабыню кухни и мужа. И когда перед ней встает вопрос: быть ли, как и раньше, хозяйкой дома и собственностью мужа или принимать живейшее участие в делах общества, в управлении страной, она выбирает последнее.

Даша уходит от Глеба вовсе не потому, что у нее остывает к нему чувство, и не в силу легкого отношения к браку. Нет. Она продолжает любить Глеба так же сильно, горячо и молодо, как и раньше. Но у нее над личной привязанностью берет верх сознание общественного долга. Можно, разумеется, не соглашаться с принятым Дашей решением, но одно бесспорно: оно продиктовано самыми благородными побуждениями. Верно, что Даша тоскует о новой семье. Уходя от Глеба, она сердечно и ласково говорит ему: «Надо как-то поновому устроить любовь. А как — я еще не знаю. Надо подумать. Надо развязать этот узел. Поразмыслим и договоримся. Одно важно: надо уважать друг друга и не накладывать цепей. А мы — еще в кандалах, Глеб. Я люблю тебя, Глеб, родной, но тебе надо перекалить себя — и все возвратится». Эти слова Даши критика и истолковала, как отрицание ею постоянной любви и прочной семьи. Но как можно так превратно понимать столь ясные вещи? Даша всем сердцем стоит за крепкую, нерушимую семейную связь, основанную на глубоком чувстве любви. Одного только не хочет она, — чтоб семья превращалась в каторгу для женщины. Даша всеми фибрами души восстает против той кабалы и рабства, какие были уделом

женщины в старой, дореволюционной семье. И героиня уже знает, какой должна быть новая семья, но построить ее она пока не может, для этого нужно и время, и муж, который бы, полюбив Дашу, смотрел на нее, как на равноправного человека.

Во имя беззаветного служения обществу, коллективу Даша идет еще на одну личную жертву: она отрывает от себя единственную горячо любимую дочь. Ребенок, обреченный на полугодную жизнь и лишенный материнской ласки, хиреет и гаснет. И Даша хорошо знает, какая немочь подтачивает его и ведет к могиле: «Не только молоко матери нужно малютке: малютка питается сердцем и нежностью матери. Коченеет и блекнет малютка, если не дышит мать на его голову, не греет ее своей кровью и не насыщает ее постельку своей душой и запахом.

Вина только на ней, на Даше, и этой вины не изжить никогда. И не в ней была эта вина. Это была необходимость — та сила жизни, во власти которой находилась она сама, Даша...».

Нельзя без грусти и боли читать страницы романа, повествующие о материнском горе Даши, о внутренней борьбе, происходящей в ее душе.

Даша любила своего ребенка, но уделять ему много внимания она не могла. Даше часто приходилось выезжать из города в ближайшие районы, и, естественно, она отрывалась от своей дочери.

В то тревожное и трудное время от передового пролетария требовалось очень многое. Город, где жила Даша, был в бандитском кольце, замаскировавшиеся враги подкарауливали советских работников на каждом шагу. И, чтоб отстоять, закрепить завоевания революции, рабочему классу, горстке большевиков, находившихся в городе, нужно было проявить величайший героизм и самопожертвование. И люди мужественно перенесли все тяготы. Ради торжества светлого грядущего, ради прихода радостной и счастливой жизни для всех трудящихся, ради этого Даша приносит в жертву себя и интересы своей семьи.

В образе Даши художник отразил тот глубочайший исторический перелом, какой произвела пролетарская революция в положении женщины. Революция раскрепостила работницу и крестьянку, находившихся на протяжении многих веков в двойном угнетении. Трудящаяся женщина стала полноправным членом общества. Приобщившись к новой жизни, она неудержимо потянулась к общественно полезной работе, к активному участию в строительстве социализма. Характер и весь облик Даши выражает непреклонную волю женщины — жить по-новому, без гнета в семье, на началах взаимного уважения и дружбы.

При всем различии индивидуальностей Даша и Глеб — родственные характеры, их объединяет много общих черт. Оба они — пролетарии-большевики, оба охвачены чувством неугасимой вражды к старому миру, оба беззаветно и мужественно борются за народное счастье, за новую, настоящую человеческую жизнь. В образах Даши и Глеба, в действиях этих героев, в их взглядах на мир выражена основная тема «Цемент», проходящая красной нитью через все произведение. Кстати сказать, никакой тематической раздвоенности в романе нет, она просто выдуманна досужими критиками. Тема «Цемент» — беспримерный героизм пролетариата, создающего новое, социалистическое общество. Идейное содержание романа состоит именно в показе высокой сознательности и волевой мощи рабочего класса, который, невзирая на голод, на тягчайшие лишения, на бандитизм, на усталость от войны, находит в себе силы взяться за ликвидацию разрухи, за восстановление хозяйства, за постройку фундамента социализма.

Гладков, проникновенный художник, верно отразил этот этап пролетарской революции, начало перехода от войны к мирному строительству, от подневольного труда к труду свободному. Писатель схватил самое типичное, самое главное, что было характерно для того времени, — невиданный подъем творческих сил пролетариата. В. И. Ленин, го-

рячо приветствуя коммунистические субботники и называя их великим почином, так оценивал тогда эту замечательную инициативу рабочих, их заботу о восстановлении хозяйства: «И вот эти голодные рабочие, окруженные злостной контр-революционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эс-эров, устраивают «коммунистические субботники», работают сверхурочно без всякой платы и достигают громадного повышения производительности труда, несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием. Разве это не величайший героизм? Разве это не начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение?»¹.

В «Цементе» и дана живая картина этого величайшего героизма, проявленного пролетариатом нашей страны, когда он, отразив вооруженный натиск врагов, взялся за хозяйственное строительство. Глеб и Даша Чумаловы — яркие реалистические образы, воплощающие в себе стойкость, непоколебимость, выдержку и поистине геркулесову силу рабочего класса. Герои забывают обо всем, что касается лично их, и в то же время, не щадя сил, не покладая рук, не зная отдыха, работают над поднятием жизненного уровня трудящихся, над охраной материальных ресурсов страны, над вовлечением масс в созидательный труд. Самопожертвование, пренебрежение всем ради общего дела — типичная и благороднейшая черта пролетариата. Это качество родилось и развилось в нем вместе с рождением его (пролетариата), как передового класса, как борца за освобождение всего трудящегося человечества. И оно — это качество рабочего класса — сыграло решающую роль у нас во все годы строительства социализма, когда после победы Октября пролетариат СССР выступил, как «класс для себя». Громадное значение имело самопожертвование в период борьбы с разрухой. Ленин с особой силой и настойчивостью указывал тогда, что геройский труд пролетариата — единственное средство сохранения

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. XXIV, стр. 341, 2-е изд.

советской власти. «Пусть рабочий класс организует производство, — говорил Ленин, — как организовал он Красную армию. Пусть каждый рабочий проникнется сознанием, что он правит страной. Чем меньше нас, тем больше от нас требуется. Надо, чтобы Россия превратилась в огромную армию труда с героическим сознанием самопожертвования всем для общего дела — освобождения трудящихся...

Рабочему классу предстоит самое великое испытание, когда каждому работнику, каждой работнице надо сделать еще большие чудеса, чем красноармейцы на фронте. Неизмеримо труднее самопожертвование в будничной грязной обстановке, но во сто раз ценнее, чем пожертвование жизнью»¹.

Призыв великого вождя народов нашел отклик в сердцах миллионов людей; революционный пролетариат уплотил его в жизнь. Нечеловеческими усилиями он поднял истерзанную страну из бездн обнищания, голода и разрухи и открыл ей путь к богатству и счастью. Этот беспрецедентный подвиг и занес на страницы своего романа Гладков. Его книга — художественная летопись героических дел рабочего класса. От нее веет горячим дыханием эпохи, она наполняет радостью и гордостью за человека — творца, гражданина, провозвестника грядущего.

В «Цементе» Гладков изобразил пролетариат, как вождя всего общества. Пролетариат ведет за собой весь трудовой народ, он его признанный руководитель. И когда Глеб заявляет, что «цемент это — мы, товарищи, рабочий класс», то слова эти полны глубокого смысла, и правильность их подтверждает каждая строчка романа.

«Цемент» — произведение новаторское, в нем художник впервые показал в литературе пролетариат, как создателя невиданных форм общественных отношений, как носителя прогресса, как творца новой, не виданной ранее производительности человеческого труда.

Переведенный на многие языки, роман Гладкова обошел почти весь свет

и всюду стал самой популярной и любимой книгой трудящихся. Его сила и неотразимость — в том, что он поднимает в людях бодрость и вселяет неистребимую веру в победу социализма. Вот как, например, отзывался о произведении Гладкова ныне покойный немецкий коммунист Макс Гельц: «Такой книги, как «Цемент», никогда еще до сих пор не писалось. Эта книга является всецело нашей книгой, т.-е. она — книга всех творящих, всех трудящихся, всех страдающих, всех угнетенных, всех надеющихся, всех борющихся и всех побеждающих. «Цемент» — это ненависть и любовь, кровь и железо, разрушение и строительство, прошлое, настоящее и будущее, жизнь без прикрас, без маски, в чистом виде... Это единственная мастерски написанная книга, в которой каждый рабочий видит самого себя, это — зеркало, которое с жестокой остротой покажет мучительный процесс рождения нового мира, обнаружит ту пропасть, через которую все мы должны пройти».

«Цемент» — произведение новаторское еще и в том смысле, что художник в нем вскрыл основную закономерность развития советского общества, получившую позднее такой мощный размах. Это — активное участие в строительстве социализма миллионов советских людей, сердца которых горят неугасимым огнем энтузиазма. Федор Гладков в «Цементе» сделал очень удачную попытку перевода на язык художественных образов пророческих слов В. И. Ленина, написанных им в апреле 1920 года:

«Строить новую дисциплину труда, строить новые формы общественной связи между людьми, строить новые формы и приемы привлечения людей к труду, это — работа многих лет и десятилетий.

Это — благодарнейшая и благороднейшая работа.

Счастье наше, что, низвергнув буржуазию и подавив ее сопротивление, мы могли завоевать себе почву, на которой такая работа стала возможной.

И мы возьмемся за эту работу со всей энергией. Выдержка, настойчивость, готовность, решимость и умение

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. XXV, стр. 157, 2-е изд.

сотни раз испробовать, сотни раз исправить и во что бы то ни стало добиться цели, — эти качества пролетариат вырабатывал себе 10, 15, 20 лет до Октябрьской революции, он вырабатывал их в течение двух лет после этой революции, перенося невиданные лишения, голод, разорение, бедствия. Эти качества пролетариата — поруча, что пролетариат победит»¹.

III

Новый роман Ф. Gladкова «Энергия» справедливо можно назвать продолжением «Цемент». В этом произведении, по существу, развивается та же тема, поставлены, но уже с гораздо большей остротой, те же проблемы. Но «Энергия» не просто продолжение «Цемент». Здесь мы видим такой рост писателя, такое движение вперед, что вправе сказать: Gladков, как художник, как мастер слова, поднялся на новый уровень, показал образец применения социалистического реализма, как метода творчества. Писатель охватывает теперь мир неизмеримо полнее, он проникает в самые дальние и, казалось, совсем незаметные его уголки.

В мастерстве Gladкова появились большая отчетливость в очертании даже мелких подробностей и равная доля внимания ко всем частям изображаемого. Не одни лишь главные герои романа, а и второстепенные, выписаны художником с большой тщательностью, для каждого лица найдены свои индивидуальные и в то же время типические черты.

Наблюдая действительность, Gladков не фотографирует мелькающие перед его глазами картины: невзирая на стремительный бег времени, на переходящий характер явления, он схватывает его во всей свежести и полноте, в переходах и переливах; от пытливого глаза художника не ускользают и мелкие детали, он зарисовывает предмет с разных сторон, представляя его необыкновенно выпукло и объемно. И когда читатель сживается с изображенным,

осваивается с обстановкой, знакомится с людьми, автор ведет его дальше, вместе с ним он поднимается на новую ступень, заглядывает в глубь вещей и человеческих отношений, проникает в их существо, находит связи, скрытые непосредственной видимостью. Он как бы острым скальпелем снимает внешний покров, оболочку, под которой обнаруживает необходимые закономерности и тенденции общественного развития. По мере нарастания действия в романе все более отчетливо выступает единичное, индивидуальное, и в то же время все яснее становятся отношения множества отдельных образов и событий. Детали и подробности, выписываемые с такой тщательностью автором, несколько не растягивают повествования, а, наоборот, входят в него составной частью, придают ему колорит, жизненность и оригинальность.

Художественные приемы писателя претерпели эволюцию. Особенно большие изменения произошли в языке. Gladков испытал на себе влияние символистов. На первом этапе творчества он стремился к новым, часто неоправданным, словообразованиям, к излишней метафористичности. Ныне художник решительно отказался от этих увлечений. В новом романе его уже нет былой импрессионистичности, он написан ясным, простым языком. Умелое и экономное распоряжение изобразительными средствами — вот что характерно теперь для письма художника. Но мастерство Gladкова — тема особой работы, и об этом подробно мы будем говорить в другой статье.

В «Энергии» Gladков отразил новый этап развития советского общества — этап социалистической индустриализации. Роман написан буквально по горячим следам действительности. В нем изображены события, в которых автор принимал непосредственное участие, был их свидетелем и творцом. «Энергия» — вдохновенная и страстная книга о годах великого перелома, о Сталинском плане решающего наступления социализма по всему фронту, о первых победах, одержанных в боях за этот план.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. XXV, стр. 151—152, 3-е изд.

В период восстановления народного хозяйства писательский интерес Гладкова, как мы видели, сосредоточивался на трудовом героизме рабочего класса. Художник горячо и проникновенно отобразил в своем творчестве невиданный подъем духовных сил пролетариата, рождение новой, социалистической дисциплины труда. И тогда же, предвосхищая будущее, он писал, что это лишь «начало, первый вздох перед первым ударом». Предвидение художника, его дерзновенная мечта воплотились в действительность.

После того, как в промышленности и сельском хозяйстве был достигнут довоенный уровень, со всей остротой встал вопрос: куда и как идти дальше, возможна ли, при затяжке революции на Западе, победа социализма в нашей стране? Партия, руководимая великим продолжателем Ленина, мудрым и прозорливым Сталиным, дала ясный и недвусмысленный ответ: у нас есть все необходимое для построения полного социалистического общества, и мы должны на всех парах устремиться вперед к социализму. Дальнейший путь борьбы партия четко определила в двух исторических лозунгах: индустриализации и коллективизации страны. Строительство новых социалистических предприятий с первоклассной техникой и, в первую очередь, тяжелой промышленности стало генеральной установкой советской власти. Эта установка нашла свое выражение в первом пятилетнем плане. «Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы создать в нашей стране такую индустрию, которая была бы способна перевооружить и реорганизовать не только промышленность в целом, но и транспорт, но и сельское хозяйство — на базе социализма»¹.

Для того, чтобы успешнее осуществить политику индустриализации, нужно было сделать ее достоянием широких народных масс. Только трудовой подъем рабочего класса мог обеспечить успех социалистического строительства. Товарищ Сталин указывал тогда, что рост

производительности народного труда в социалистическом секторе является «центральной идеей пятилетнего плана развития советского общества». И партия, беспощадно разгромив и отбросив прочь капитулянтов — троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, пытавшихся тащить страну назад к капитализму, призвала широкие массы трудящихся к активной борьбе за перевооружение народного хозяйства.

Рабочий класс горячо откликнулся на зов партии и с величайшим энтузиазмом начал создавать мощную социалистическую индустрию. «Громадный тракторный завод вырос за 11 месяцев в степи, в Сталинграде. На строительстве Днепрогэса и Сталинградского тракторного завода рабочие превысили мировые рекорды производительности труда.

История еще не знала такого гигантского размаха нового промышленного строительства, такого пафоса нового строительства, такого трудового героизма миллионных масс рабочего класса.

Это был подлинный трудовой подъем рабочего класса, развернувшийся на основе социалистического соревнования»¹.

В статье «Год великого перелома» товарищ Сталин писал:

«Едва ли можно сомневаться, что одним из самых важных фактов, если не самым важным фактом нашего строительства за последний год, является тот факт, что нам удалось добиться *решительного перелома* в области производительности труда. Перелом этот выразился в развертывании *творческой инициативы* и могучего *трудового подъема* миллионных масс рабочего класса на фронте социалистического строительства. В этом наше первое и основное *достижение* за истекший год...

А значение этого достижения поистине неоценимо, ибо только трудовой подъем и трудовой энтузиазм миллионных масс может обеспечить тот поступательный рост производительности труда, без которого немислима окончательно

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 485, изд. 10-е.

¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, стр. 284, изд. ЦК ВКП(б), «Правда», 1938 г.

ная победа социализма над капитализмом»¹.

Гигантский размах и пафос нового строительства, замечательное движение рабочих, выразившееся в соцсоревновании и ударничестве, захватывает и увлекает Гладкова. Он снова, как и в годы восстановительного периода, обращается к теме трудового героизма пролетариата. В 1928 г. он задумывает и начинает писать роман, которому дает лаконичное и вместе с тем на редкость выразительное название «Энергия». Писатель едет на крупнейшую стройку — Днепрогэс — и там в постоянном и живом общении с людьми, с действительностью изучает жизнь, накапливает и отбирает необходимый материал, постигает процесс рождения новых общественных отношений. Так создается произведение, которое по праву можно назвать эпопеей героического труда рабочего класса. «Энергия» — повесть о том, как волею большевиков была покорена могучая стихия красавца Днепра, как на пустынных берегах его родился и вырос огромный промышленный комбинат и социалистический город.

Творческое воображение художника при создании романа питалось, конечно, не только лично наблюденными явлениями и фактами, взятыми из жизни одной стройки. И самый роман нельзя рассматривать, как историческую хронику, биографию Днепрогэса. Подлинность событий сохранена в романе лишь относительно, в общих контурах, а в целом «Энергия» — книга больших художественных обобщений, широкое полотно, на котором сочной кистью и рукой зрелого мастера воспроизведена грандиозная панорама социалистического строительства в нашей стране, показаны наиболее существенные явления первой Сталинской пятилетки. Изображая стройку одного предприятия, художник сумел выразить в этом полноту явлений действительности, создать типы и картины, настолько убедительные, отличающиеся такой внутренней правдивостью, что можно, не преувеличивая, сказать: в

романе воспроизведены жизнь всего нашего народа, его дерзания, его подвиги, его творчество новых форм человеческого бытия.

В «Энергии» перед читателем предстает огромная масса людей, занятых на стройке гидростанции. Тут и руководители — инженеры, техники и члены партийного комитета, и рабочие, постоянные и сезонные, женщины и дети. Каждый человек в романе живет своей особенной жизнью. И, однако, все эти люди (за немногими исключениями) не разобщены, не отгорожены друг от друга непроницаемой стеной, а наоборот, они — единая семья, дружный, спаянный коллектив, в котором воля и мысль каждого направлены к одной цели. Подавляющее большинство рабочих и руководителей относится к производству и к средствам труда, как к самому дорогому, что есть в жизни; стройка для людей — вопрос личной чести и гордости. Они чувствуют себя хозяевами; общественное, государственное — предмет их постоянных, неусыпных забот. Люди проникнуты сознанием того, что личное благо немислимо без общественного. Охрана и приумножение социалистической собственности для них — священный долг. Это новое, рожденное революцией отношение к общественной собственности и к своему труду показано в романе необычайно красочно и убедительно.

На строительстве происходит пожар. Рабочие, как один, самоотверженно борются с огнем. Замечательный героизм проявляет молодежь, особенно бригадир Кольча. Чтобы не дать возможности перекинуться огню в другое здание, ребята становятся на подоконники и своими телами защищают помещение. На них горит одежда, они задыхаются от нестерпимой жары, но не уходят. И таких примеров в «Энергии» немало. Художник с большим реалистическим мастерством отразил эту прекрасную черту людей, их привязанность к стройке, кровную заинтересованность в успехе общего дела. Людей вдохновляет и поднимает на подвиг сознание того, что своим бескорыстным и преданным трудом, своей неустрашимостью и отвагой

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 288—289, изд. 10-е.

они приносят пользу обществу, укрепляют мощь, умножают богатства и славу своей родины. Для героев «Энергии» борьба за создание гиганта социалистической индустрии настолько близка и понятна, что они рассматривают ее, как прямую свою обязанность. Они отдают свои силы стройке без всякой рисовки, без позы, без громких фраз. На всех их делах лежит печать скромности и простоты. Подвиг совершается ими, как обычная, повседневная работа. Люди часто по своей инициативе, не принуждаемые никем, без малейшего страха и колебания идут на рискованные операции, сознавая лишь одно — это необходимо для строительства. Именно так поступают бригадиры Максюк и Катя Бычкова, когда решают спуститься в бадье к кипящему водосливу, чтоб прочистить пазы у бычков. Из-за халатности техника Максюк погибает.

Или еще один пример. В котловане работает тщедушный, болезненный мужичонка Никита. Труд в коллективе сделал его энтузиастом. Он так втянулся в работу, что, невзирая на плохое здоровье и слабые силы, стал ударником. Во время аварии вода затопила инструмент Никиты — лом. Потеря эта очень огорчила сезонника; он решил достать лом. Спокойно и хладнокровно он разделся, кинулся в воду и начал нырять. Потом, обессиленный, пошел ко дну. Никита — эпизодическая фигура в «Энергии». Его характер не развернут, а очерчен бегло, лишь несколькими штрихами. И однако, какой это живой человек! Он так и стоит перед глазами, его видишь, ощущаешь. Диалог Никиты сделан мастерски. Кажется, что речь его художник подслушал где-то в народе и передал во всей свежести и колоритности.

«Мужик метался, охал на самом краю перемычки и не знал, что делать. Проккоп тербел его за край прозодежды и убеждал с веселым негодованием:

— Да брось ты, борода! Теперь какую.

— Беда-то какая!.. Ведь лом... Вот он... тута-ка... в этом самом месте... ну, какая-нибудь сажень... Мырнуть — и взять его...

— Да, башка ты лохматая!.. Где ты его найдешь?.. Его песком занесло. А потом — ведь поднять его надо... Не перышко... И думать перестань...

— Эх, голова липовая!.. Как ты рассуждаешь глупо!.. Что мне тепереча без лома-то делать?.. Скажут, куда задевал?.. Ведь мне вверенный.

И он начал скидать рубаху. Проккоп уже беспокойно и испуганно тряс его за плечо:

— Да ты что, борода, с ума спятил?.. Куда ты лезешь?..

— Как это — куда? Мырну вот — и вытащу... А меня не трог... Я в беде — зверь... Не трог меня...

...Мужик запрыгал по лесенке и брякнул в воду. Заволновались круги, уплытая вдаль.

...Неожиданно голова мужика вынырнула из воды не в том месте, где его ждали... Он задыхался, захлебывался, но голос был бодр и заботлив:

— Кабы-ть, нащупал... и камень наш... в сторонке этак... лом-то должен лежать наискосок... я еще прислонил его к скале... к этому пупку, что взорвать должны...».

Эпизод с Никитой на первый взгляд может показаться анекдотичным, но в нем заложен глубокий смысл. Конечно, в поступке мужика много детского, наивного, идущего от крестьянской психологии. Однако самый факт правдив, он не вызывает сомнений. Никита ищет лом не потому, что боится ответственности за потерю его, он не может спокойно смотреть на то, как гибнет государственное добро, являющееся общественным добром. Только в нашей действительности можно встретить такое на редкость честное, заботливое отношение к общественной собственности. Тот же Никита никогда бы не стал рисковать жизнью, если бы он работал не на себя, не в социалистическом предприятии, а у капиталиста. Образ Никиты весьма примечателен. Он — красноречивое свидетельство умения автора метко характеризовать каждого своего героя, какое бы место он ни занимал в романе, выделять в нем особенное и типическое, показывать его подлинно живым человеком.

Герои «Энергии» — простые, не выделяющиеся ничем особенным люди. Но в облике этих людей столько привлекательных и поистине высоких черт, что они невольно располагают к себе, вызывают самые горячие симпатии. Сильные духом, полные энтузиазма, проникнутые волей к творческим дерзаниям, эти люди самоотверженно строят величайшее сооружение первой пятилетки. Воля и решимость их проистекают из того, что они знают — будущее принадлежит им. Многое и самое главное уже сделано. Но в экономическом отношении страна продолжает оставаться отсталой, а должна быть самой передовой и сильнейшей державой мира. Иначе — отсталых бьют. Чтоб совершить скачок от слабости к могуществу, нужно строить, воздвигать гиганты промышленности, проводить социалистические преобразования во всех областях жизни. И время не ждет. Перевооружение хозяйства надо производить как можно быстрее. Осознание этой великой исторической задачи и вызывает небывалый трудовой подъем рабочих, поразивший своей грандиозностью и врагов, и друзей Советской страны. «Энергия» — художественное отражение этого подъема. В романе дана наглядная картина переворота во взглядах людей на труд, возникновения таких новых форм общественных связей, как социалистическое соревнование, ударничество, встречные планы. Автор нарисовал в произведении типичную для тех бурных лет картину, изобразил массы в движении, показал первую пятилетку, как живую практическую деятельность людей.

Пятилетка несла с собой новую технику, вооружала человека машиной. Такой процесс происходил по всей стране. Массы, за отдельными исключениями, встречали технику, как лучшего друга и помощника. Люди понимали, что механизация преворачивает все, убыстряет бег страны к социализму, делает труд во много раз производительнее. Отсюда и родилась тяга рабочих к овладению техникой, к ломке старых норм.

На стройку приходит молодой рабочий, воспитанник трудкоммуны Вакир.

Его ставят на ответственный участок — сборку трансформаторов. Монтаж электростанции производили американцы. Они очень ревниво относились к своему оборудованию и не подпускали к нему советских рабочих. В бригаде, куда попал Вакир, процветали недисциплинированность и хулиганство. «Люди уже привыкли к безделью, а мелкая работа, которую поручали им американцы, — прибрать вещи, подмести пол, подать провода, протянуть и выправить кабель и т. д., — казалась им бессмысленной и обидной». Попав в такую обстановку, Вакир не сробел, не поплыл по течению. Он решил воевать. «А воевать можно было тогда, когда под ногами твердая почва и рядом — верные люди. Вакир старательно и точно выполнял то, что ему поручали: держал в чистоте место около трансформатора, быстро обслуживал монтера-американца и не отказывался от самой грязной и обидной работы. Трех хулиганских парнишек пришлось изгнать из бригады». Но главное, к чему потянулся всем своим существом Вакир, что стало его заветной мечтой, — это понять технику, разобраться в сложнейшем лабиринте проводов и механизмов, освоить искусство монтажа. Ему неудержимо захотелось поспорить с теми, кто смотрел на него свысока и считал ни на что не способным.

Вакир организует в бригаде учебу, садится за изучение чертежей. Не сразу даются знание и навык. Но упрямый парень не отступает. Он недаром прошел суровую школу жизни, воспитавшую в нем такие замечательные качества, как терпение, настойчивость, упорство. Словно заряженный энергией высокого напряжения, Вакир берется за учебу, за книгу. Он неотступно следует за американцами до тех пор, пока не усваивает их опыт и систему работы. Шаг за шагом продвигаясь вперед, он, наконец, одолевает высоты техники. Вот тогда начинается соревнование с иностранцами, из которого молодой рабочий выходит победителем.

Вакир из социально опасного человека превращается в честного, преданного работника, завоевывающего себе по-

чет и уважение в коллективе. В этом образе художник отразил характерную особенность социалистического строя. Советское государство перевоспитывает правонарушителей, делает их полноценными членами общества. Эта перделка производится путем вовлечения людей в трудовой процесс. Труд — вот могучее средство оздоровления искалеченной психики индивидуума, возвращения его к нормальной человеческой жизни. «Пролетариату человек дорог. Даже тогда, когда человек обнаружил социально вредные наклонности и некоторое время действовал, как социально опасный, — его не держат в развращающем безделье тюрьмы, а перевоспитывают в квалифицированного рабочего, в полезного члена общества. В этом твердо установленном отношении к «преступнику» сказывается активный гуманизм пролетариата, гуманизм, которого никогда, нигде не было и не может быть в обществе, где «человек человеку — волк»¹.

Но, пожалуй, самый симпатичный представитель рабочей молодежи в романе — Катя Бычкова. Она дочь пролетария. Отец ее занят на строительстве гидростанции. Катя выросла в советское время. С детства она привыкла уважать и ценить труд, видеть в нем основу жизни, естественную и необходимую потребность человека. Ее душевный мир постепенно наполнялся заботами, радостями и горем взрослых. И так же, как взрослые, Катя всей душой привязывается к стройке. В этот суровый и прекрасный мир устремляются ее мечтания и юношеские порывы.

Вместе с подругами Катя приходит на плотину и настойчиво требует, чтобы ее поставили на работу. Намерение ее принять активное участие в стройке — не дань романтике, не чудачество, подобное тому, какое мы видим в действиях музыканта Константина, работающего табельщиком. Нет, это обычный путь рабочего-подростка. Чувствуется, что свой шаг (а ведь это вступление в жизнь!) Катя обдумала, отне-

слась к нему со всей серьезностью. Хотя девушка и выглядит ребенком (правда, ей 16 лет), но она не желает, чтобы ей делали какие-либо скидки. Она взрослый человек, и пусть ей дают такую же работу, как и всем. На первых порах Катю, однако, постигает неудача: на плотину ее не берут. Тогда она идет чернорабочим на объекты. Но мысли о том, чтобы попасть на самый боевой участок стройки, не оставляет. В конце-концов Катя добивается своего. Бригаду девчат ставят на бетонировку, где работают только мужчины. Восприимчивая, напористая, Катя горячо берется за дело. Обстановка на строительстве благоприятствовала ее работе. Взаимные отношения людей на стройке характеризовались, как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников. К девушкам, правда, вначале отнеслись недоверчиво, думая, что они не выдержат. Особенно трунили над ними парни из соседней бригады Максюка, но в насмешках их никакой злобы и неприязни не было, и колкости эти не столько обижали молодых работниц, сколько разжигали в них задор, желание померяться силами.

Усталость нередко валела Катюшу с ног, тяжелый труд выматывал силы, доводил до изнеможения; после смены девушка «приходила домой измученная, с изнурительной дрожью в ногах и руках». К тому же, будучи впечатлительной и нервной, «Катюша больно переживала всякие большие и маленькие невзгоды. Она падала духом и опять бунтовала, билась, как птица в клетке, и опять уверенно и вызывающе поднимала голову». Несмотря на физическую утомляемость, Катюша получала от работы удовлетворение. Труд доставлял ей радость, он поднимал ее, делал более значительной в глазах окружающих. Кате было приятно знать, что каждый ее успех находил одобрительный отклик; ей дорого было внимание людей, тот почет и уважение, какое оказывали ей, девчонке, старые и молодые рабочие. Она чувствовала себя выросшей. И хотя многое в девушке оставалось еще от

¹ М. Горький. О литературе, стр. 421. Изд-во «Советский писатель», 1937 г.

детства, но производство все более накладывало свой отпечаток на ее характер, труд формировал ее сознание и эмоции, определял ее поступки. Здесь мы видим две стороны свободного социалистического труда: он создает человеческую личность и одновременно делает ее самое живой, созидательной силой. Труд Катю облагораживал, он был для нее не повинностью, не бременем, а творчеством, средством проявления себя, как человека. Он развивал в ней чувство общности с коллективом, она день ото дня становилась все более заинтересованной не только в результатах своей работы, но и окружающих. Катя видела, что люди, соревнуясь друг с другом, борются за перевыполнение планов, лучшие ударники прославляются, как герои труда. И девушка загорается страстным желанием добиться таких же показателей, каких достигли ее товарищи, а если удастся, то и лучших. Так Катя становится ударницей и ведет за собой бригаду. Увлеченные, подбадриваемые ее примером, подруги также показывают образцы ударного труда. Лишь одну бригаду Максюка, с которой девушки соревновались, им никак не удавалось обогнать. Катя страдала. Шустрая, живая, как ртуть, она злилась на себя за то, что первенство остается не за ней. И вот тут-то она задумывается над тем, что же мешает ее бригаде побить Максюка и выполнить встречный план. Работали девушки споро, в энергии и проворстве как будто не уступали никому. Так в чем же дело? А дело, оказывается, в том, что у них много времени пропадало впустую: очень медленно подавался бетон. Лица девушек «бледнели от негодования на кранового машиниста, который работал неровно: то медлил и останавливал машину, то бешено пускал вскачь, а потом любовался на бадью, которая кружилась на стальных канатиках. Бетонщицы орали на такелажника, молчаливого парня с свинцовыми глазами и скучающим лицом: — Рохля ты!.. Болван чортов!.. Что ты там с машинистом карусель устраиваешь? Бадью не можешь подать без помехи...».

Катя все чаще и чаще обращала свой взгляд в сторону крана: «не успевал их обслуживать кран. Бадья не подчинялась ее воле, бадья господствовала над нею и сама зависела от той механики, которой управлял машинист. Тросы крутились под тяжестью бадьи, как веревки, и каждую минуту должны были лопнуть, обглоданные друг другом, — вот так, как на третьем блоке».

Уяснив, почему бригада не работала с полной загрузкой времени, Катя начинает думать над тем, как бы подчинить себе капризную технику, заставить злополучную бадью двигаться быстрее. Главное — надо устранить скручивание тросов. А как это сделать? В свободные часы, преодолевая усталость, недосыпая ночей, Катя пылливо, неотступно изучает механизм крана и приходит к мысли: нужно переконструировать подающую стрелу. Девушка мчится в управление строительства, ее там не слушают, от нее отмахиваются, как от назойливой мухи, но она упорно добивается своего: изобретение ее, наконец, реализуют. Происходит чудо: производительность труда бетонщиц увеличивается в три раза, и они перекрывают мировой рекорд. Тогда переделяют все краны, и остальные бригады на плотине также дают резкий скачок в кладке бетона. Катюша испытывает чувство гордости за свой успех.

Любовно и ласково нарисован автором образ Кати Бычковой. Юная, только что вступающая в жизнь, она растет на глазах у читателей. И какая это прекрасная девушка, как трогает ее простота, как много светлого и радостного таит в себе ее душевный мир! Приятно думать и сознавать, что Катюша — не фантазия размахтавшегося художника, а героиня наших дней, одна из миллионов таких же девушек, живущих на счастливой советской земле. Ни ужасов безработицы, ни гнета семьи и общества, ни тяжести подневольного труда — ничего этого Катюша не видела и не знает. Она родилась свободным человеком и, подойдя к порогу совершеннолетия, она выбрала себе дело, которое больше всего пришлось ей по сердцу.

Никто ее не принуждал идти на стройку, семья отца жила в достатке. Никто не требовал, чтобы она обязательно становилась ударницей. Но разве можно в нашей стране, где труд стал «делом чести, делом славы, делом доблести и героизма», оставаться праздною?!

Счастье в труде, и только в нем человек обретает настоящую, наполненную большими страстями и деяниями жизнь — вот мысль, которую художник убедительно раскрывает в чудесном образе скромной, бесконечно милой и простой девушки Кати Бычковой.

В образах Вакира, Бычковой, Кольчи, Максюка и многих других персонажей романа и в массовых сценах строительства Гладков показал невиданный трудовой героизм рабочего класса, рождение нового отношения к труду и к производству. Художник изобразил человеческий труд в его новом качестве, — как пафос созидания и как источник радости и вдохновения. Свободный труд дает возможность людям проявить свои способности и обратить их на пользу обществу; в то же время труд — могучий фактор формирования характера и сознания человека. Гладков дает труд в опозитизированном виде, в том его высоком значении, какое он приобрел в нашей стране. Обобщая настоящее, Гладков одновременно заглядывает и в будущее, показывает путь, по которому должно пойти развитие трудовой деятельности советского народа. «Энергия» неудержимо влечет читателя вперед, вооружает волей к творчеству, к смелым экспериментам, к дерзновенным исканиям. В годы первой пятилетки случаи превышения в несколько раз норм выработки были редким явлением. Тогда еще только шел процесс освоения техники. Люди не оседлали ее еще как следует и потому не могли погнать вперед так, как это сделали впоследствии, когда развернулось стахановское движение. Но тем и ценно произведение художника, что он отразил в нем истинно новое, то, что, находясь в зародыше, должно было неминуемо развиться и стать всеобъемлющим. Ведь именно так и пошло развитие трудовой инициативы рабоче-

го класса, как это мы видим в «Энергии». Овладев техникой, научившись дорожить каждой секундой времени, люди опрокинули старые нормы и дали производительность труда, невиданную ранее в нашей стране и за рубежом. Стахановцы явились новаторами в промышленности, и своим движением они открыли путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между умственным и трудом физическим.

IV

Главное действующее лицо «Энергии» — секретарь парткома стройки Мирон Ватагин. У него много общего с Глебом Чумаловым и в характере, и в личной судьбе. Но при несомненном и очевидном сходстве они — разные люди. Если Глеб в «Цементе» пробуждал самое теплое чувство к себе, то совсем иное отношение создается к Мирону. Что-то неприязненное, какой-то холодок, антипатия возникают временами к нему. Наряду с преобладающими в герое положительными чертами есть в нем и такие, которые никак не могут быть приемлемы, и они-то и отталкивают. Что же хорошего и что плохого в этом человеке, в чем противоречивость его характера?

Мирон — преданный сын партии, она для него самое святое в жизни. Он большевик по убеждению, в партию его привело классовое сознание, чувство горячей ненависти к угнетателям и страстное желание переделать мир, очистить его от всей грязи и накипи прошлого. Борьба в авангарде рабочего класса, беззаветно и мужественно служить революции. — вот в чем видит свое призвание Мирон и что является высшим и непреложным законом его бытия. Куда бы ни послала его партия, что бы она ни поручала ему сделать, он с радостью выполняет любую работу, вкладывая в нее всю свою душу. В гражданскую войну Ватагин сражался на

фронтах, был командиром Красной армии. Потом стал партийным работником. На строительстве гидроэлектростанции Мирон — основная движущая пружина, деятельность его здесь развернута во всех направлениях. Он охватывает и организует весь процесс стройки, отдавая себя целиком этому делу. «Мирон жил только своей работой... Горел он одним: как бы создать твердую систему труда, как бы бригадную ударность и соревнование превратить в инстинкт, в естественный массовый порыв, чтобы он был потребностью, творческим хотением, чтобы без этого бессмысленно было иное существование. Он собирал актив, выступал перед молодежью, подхлестывал газеты и стеннухи и, когда приходил домой, долго не спал от переутомления и недорешенных вопросов. Каждую ночь шел на плотину и работал в своем штабе вместе с Гудимом и Васяем; если работы проходили бесперебойно, просматривал сводки, диаграммы, графики, устраивал летучки для обсуждения текущих вопросов; если же были затруднения в темпах, оставался до утра: звонил по телефону, вызывал секретарей ячеек, бригадиров, десятников, давал строжайшие директивы, спрашивал и требовал объяснений спокойно, почти добродушно, но все чувствовали, что в этом его добродушии и спокойствии — угроза и непреклонность в минуты боя».

Мирон — решительный, волевой человек. Он умеет найти выход из самых трудных положений. Там, где многие теряются и, считая себя бессильными что-либо сделать, отступают, там Мирон, наоборот, непреклонен, как в бою. Трудности борьбы не размагничивают его, не порождают в нем уныния и пессимизма, а, напротив, еще больше придают сил, укрепляют в нем настойчивость, волю и упорство.

Первая серьезная трудность, которую встречает перед собой герой «Энергии», — это отлив рабочей силы со строительства плотины. В котловане почти полностью замирает жизнь. Эту катастрофу Мирон переживает тяжело, но она не приводит его в смятение. Мирон остается спокойным и хладнокровным. Он тут же принимает ре-

шение: действовать, действовать и еще раз действовать! Созвав экстренное заседание бюро, он «переключил всю партийную работу на плотину, на самый ответственный и опасный участок — на котлован и бетон». С других объектов были мобилизованы рабочие. Люди, откликаясь на призыв парторганизации, добровольно приходили на плотину и работали ночью. Все способное к труду население стройки было втянуто в ликвидацию прорыва. Одновременно развернулась вербовка сезонников в колхозах. Начали готовить кадры машинистов, такелажников, десятников и т. д. Но главное, что предпринял Мирон, это — подъем на небывалую высоту социалистического соревнования. Брошенный в массы лозунг — уложить до зимы 600 тысяч кубометров бетона и закончить сооружение плотины к годовщине Октябрьской революции — стал программой борьбы.

Вот как ответил на трудности с рабочей силой большевик Мирон Ватагин!

Вторая, еще более серьезная и опасная трудность, с которой сталкиваются партийные и непартийные большевики, герои «Энергии», — это вредительство, диверсионно-подрывная работа врагов. На стройке, почти вплоть до ее завершения, орудовала подлая шайка шпионов и вредителей. Дорога черной измены и предательства свела воедино и провокатора, и троцкиста, и старого инженера, оставшегося верным холопом буржуазных хозяев. С суровой, беспощадной правдивостью Гладков показывает глубину падения этих людей, их звериную, зоологическую ненависть к советскому народу. Ничего человеческого в них не осталось. Они гниющие, смрадные отбросы общества. Гладков вскрывает методы подрывной деятельности предателей, способы их маскировки. Перед читателем проходят: провокатор Хабло, разыгрывающий грубого, свойского парня, фамильярничавшего со всеми; Бубликов, подкупом вербующий своих сторонников; лойяльный специалист Стрижевский, тонко и хитро осуществляющий вредительство; секретарь управления Самородов, хамелеон, втирающийся в доверие начальства;

троцкист Ситный, мастер взрывов с человеческими жертвами, и другие. Как омерзительны и чудовищно низки эти субъекты, сделавшие своей профессией предательство, шпионаж, диверсию, террор!

При чтении «Энергии» невольно возникают вопросы: почему троцкистские и иные бандиты могли на протяжении многих лет безнаказанно пакостить советской власти на крупнейшей всесоюзной стройке? почему после разоблачения Бубликова и Хабло осталось невыкорчеванным еще целое гнездо предателей? почему таинственное совещание, происходившее на квартире у Ситного, о котором знали в парткоме, не стало предметом тщательного расследования? почему Ватагин и Чумалов проходили так равнодушно мимо тревожных сигналов Репея? Ведь даже после покушения на него, после того, как он разоблачил Хабло, к его сигналам попржевались ни Мирон, ни Глеб не прислушивались. Хулиган Перебойченко убивает ударника. Его не только не изолируют, но дают полную свободу разгуливать по всей стройке. А когда Репей сообщает об этом Чумалову и говорит, что у Перебойченко есть какая-то подозрительная связь с Самородовым, то Глеб грубо обрывает Репея, называя его скomorохом¹.

Ни Ватагин, ни Чумалов, ни остальные члены парткома не придавали большого значения борьбе с вредительством. Они страдали идиотской болезнью беспечности, политической слепоты. Когда на головы руководителей стройки внезапно свалилась трудность с рабочей силой, Мирон был вынужден признать, что они ее «проглядели» потому, что «жили спокойно», ибо «все три года календарные планы выполнялись хорошо». То же самое можно сказать и о трудностях классово-борьбы: их здесь проглядели. Все внимание было приковано к производственным делам, а успехи на фронте хозяйственного строительства рождали самодовольство и

притупляли бдительность. Люди забывали о том, что существует капиталистическое окружение, и не замечали того, что троцкизм из политического течения в рабочем классе превратился в безыдейную банду вредителей. Беспечность Мирона Ватагина — явление, типичное для тех лет, какие отражены в романе. Болезнь эта, как известно, была вскрыта товарищем Сталиным, давшим исчерпывающую характеристику ее причин.

«Откуда взялись все эти забывчивость, слепота, беспечность, благодушие?»

Не есть ли это органический порок в работе наших людей?

Нет, это не органический порок. Это — временное явление, которое может быть быстро ликвидировано при наличии некоторых усилий со стороны наших людей.

В чем же тогда дело?

Дело в том, что наши партийные товарищи за последние годы были всецело поглощены хозяйственной работой, они были до крайности увлечены хозяйственными успехами и, будучи увлечены всем этим делом, — забыли обо всем другом, забросили все остальное.

Дело в том, что, будучи увлечены хозяйственными успехами, они стали видеть в этом деле начало и конец всего. а на такие дела, как международное положение Советского Союза, капиталистическое окружение, усиление политической работы партии, борьба с вредительством и т. п. — не стали просто обращать внимания, полагая, что все эти вопросы представляют второстепенное или даже третьестепенное дело»¹.

Мирон Ватагин — типичный представитель этой так метко охарактеризованной товарищем Сталиным категории партийных работников. Гладков, пронизательный, тонкий и честный художник, не остановился перед тем, чтобы выставить своего героя напоказ со всеми его недостатками. Художник не пошел против правды жизни, не стал лакировать, приглаживать действитель-

¹ Нам, к слову сказать, кажется неоправданным то, что автор сделал Глеба в «Энергии» менее чутким к массам, чем в «Цементе».

¹ И. Сталин. «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Партиздат ЦК ВКП(б), 1938 г., стр. 17.

ность. И от этого произведение его не только не пострадало, а, наоборот, неизмеримо выиграло. «Энергия» зовет к непримиримой борьбе с предателями и изменниками делу рабочего класса, она воспитывает в людях политическую бдительность, зоркость и чуткость к прощам врага.

В дневнике одного из героев «Энергии», вдумчивого и наблюдательного Цезаря — культпропа парткома, мы находим такую запись:

«Мирон Ватагин и Глеб Чумалов — два человека, которые давно интересуют меня. В их личной судьбе есть много общего: оба лишены «семейного счастья». Они живут врозь с своими женами. Жена Глеба оторвалась от него много лет назад, а у Ватагина — года три, но в действительности тоже давно. У Чумаловых умерла девочка, которую они очень любили. У Ватагиных бесследно исчез мальчик. Это их драма. Глеб говорит, что он не понял своей жены, не продумал и не оценил в ней тех перемен, которые совершились за три года ее самостоятельной жизни. Да и теперь недостаточно ее понимает. Его спасает живой и бурный темперамент. Работе он отдается весь — горит и насыщает ее своей страстью. Ватагин же сдержан, о себе ничего не сообщает. В нем есть что-то недоброе по отношению к себе. И к людям он равнодушен. Возможно, что я ошибаюсь. Но он ни разу не поговорил со мною по душам. Уверен, что не говорил и с Гудимом, и с Пашей. С Балевым у него жесткие отношения. Долгое время они были врагами».

Здесь сжато сказано об очень многом, касающемся Мирона. «В нем есть что-то недоброе по отношению к себе. И к людям он равнодушен» — в этих фразах схвачено то существенное, что составляет драму Мирона и является его отрицательной чертой.

Когда-то Мирон имел семью, жену, сына. Читатель застаёт его уже одиноким. Сын Кирюшка, не видевший ни ласки, ни простого человеческого внимания к себе со стороны родителей, особенно отца, ушел на улицу и пропал бесследно. Жена Ольга, хотя и про-

должала сохранять с Миромом связь, но, когда он уехал на строительство, она не последовала за ним. Читатель в романе видит разрыв отношений этих двух когда-то любивших и преданных друг другу людей. Что же привело их к конфликту, какая ржавчина раз'ела и превратила в пыль, в труху их чувство? Автором тут многое недосказано, о многом приходится лишь догадываться, но одно ясно: причина семейной драмы Мирона и Ольги та же самая, что была и у Глеба с Дашей. Мирон нес в себе то живучее, стойкое, старое отношение к жене, как к домашней рабыне. Признавая на словах равноправность женщин, Мирон, однако, в Ольге не уважал человеческого достоинства, он хотел ее видеть не другом и товарищем в борьбе, а подчиненной себе, пленницей кухни и дома, так, как это было до революции.

Приехав в командировку в Москву, Мирон приходит к Ольге. Старое, когда-то близкое, родное гнездо вызывает у него грустные воспоминания. Он думает о своей жизни, о причинах, какие неумолимо привели к развалу его семьи.

«Противно и мерзко жил он тогда: думал одно — делал другое, перед людьми слыл за героя, выступал перед массами велеречиво, вдохновенно, размашисто; а в семье держал себя, как самодур. И хотя по характеру самодуром не был, но постоянные обиды, неприютность в квартире, обособленность Ольги, погруженной в дела фабрики, вызывали в нем мстительный протест. И он яростно наслаждался, когда ссорился с нею — оскорблял ее, сваливал на нее вину за разрушение своего гнезда, за капризы и замкнутость Кирюшки, за его безнадзорность».

Таким образом, разлад в семье Ватагиных происходит из-за того, что Ольга, поднятая революцией на уровень сознательной жизни, так же, как и Даша, решительно восстала против старых отношений в семье, принижавших ее, и властно заявила о своем равноправии и независимости. Освободившись от кухонного домашнего плена,

она всей своей жизнедеятельной натурой устремилась к управлению страной, к служению обществу. Она стала активным борцом за новый мир, за тот мир, в котором она впервые ощутила себя человеком, политическим деятелем. Творческий, созидательный труд целиком поглотил Ольгу. Вот это-то и не понравилось Миرونу и вызвало в нем бурную реакцию.

«Когда-то он очень убежденно говорил: «Уважая в женщине человека, всегда о ней суди по себе. А если ты подлинный революционер и большевик, разрушай все бытовые преграды, чтобы превратить жену в активного борца за дело партии и рабочего класса». А теперь вот неожиданно-негаданно почувствовал в себе другого человека. По ночам не раз у них были размолвки, и она жестоко обличала его в том, что он не уважает женщины, не ценит в ней самого важного и дорогого — товарища и соратника. Она загружена делами и общественными обязанностями не меньше его, она имеет такое же право на отдых, как и он, поэтому она вовсе не обязана ухаживать за ним и быть его домашней работницей».

Мирон порой думает, что он уже сбросил с себя одежду ветхого Адама и отрешился от старых привычек и взглядов. Но это не что иное, как самообман, иллюзии, утешение себя ложной мыслью. Что это именно так — наглядно подтверждают отношения Мирона к Паше Бочке. Связь Мирона с Пашей возникает отнюдь не на почве глубокой взаимной любви, Мирон просто удовлетворяет свою похоть, никакого чувства у него к Паше нет. И к тому же он идет на эту связь, продолжая еще жить с Ольгой. Разве это не говорит об его моральной нечистоплотности?! Этот поступок Мирона — доказательство того, что он все еще продолжает смотреть на женщину, лишь как на объект половых вожделений и не больше. Он не уважает в ней человеческого достоинства, иными словами, хочет, чтобы она оставалась, как и прежде, на положении приниженном, зависимом, рабском.

Но не только в отношениях к жен-

щине Мирон находится в плену буржуазных предрассудков. Он вообще не чуток, или, как сказал Цезарь, равнодушен к людям. В романе дана любопытная сюжетная коллизия. Тихий, скромный Цезарь мучительно переживает один свой поступок, скрытый им от партии. Однажды на гражданской войне ему было поручено выполнить очень важную операцию — взорвать мост. Когда Цезарь и его товарищ, красноармеец, подготовили все к взрыву, их захватили в плен. Чтобы не быть узнанным и во что бы то ни стало выполнить задание, Цезарь прикинулся белым офицером и решился даже собственноручно застрелить красноармейца. Ночью мост взлетел на воздух. За этот подвиг Цезарь был награжден орденом Красного Знамени. Сообщить сразу же об убийстве товарища Цезарь не смог, — он был контужен, и лишь после выздоровления происшедшие события всплыли в его памяти. Цезаря стала мучить мысль, что он не сообщил обо всех обстоятельствах, при каких ему удалось выполнить боевое задание.

Не раз Цезарь порывался чистосердечно рассказать партийным товарищам на стройке о своем поступке, но холодность и отчужденность Мирона его отталкивали. Он, наконец, написал письмо в ЦКК. Ватагин, узнав об этом, пришел в бешенство. Он громогласно заявил, что Цезаря за его проступок «надо арестовать, а не только гнать из партии».

Грозная реплика Мирона по адресу Цезаря была произнесена в пылу полемики, когда он находился в состоянии запальчивости. Но в этом истерическом выкрике сказался весь человек, выразилось его отношение к людям, к товарищам. О таком отношении мало сказать, что оно бездушно. Обвиняя Цезаря в неискренности перед партией, Мирон на поверку сам оказался коммунистом, скрывающим кой-какие свои грехи. Он, например, хотя и осознал свою вину в том, что сын его ушел в беспризорничество в результате нечуткого отношения к нему отца, но об этом факте Мирон не сообщил пар-

тальной организации. Он считал, что это его личное дело. «Мои ошибки и неблагополучие не имеют отношения к партии... Это мое личное дело».

Вот эти черты Мирона и вызывают к нему неприязненное чувство.

Перед нами далеко не цельный человек, а большевик с изъяном, рассматривающий свою личную жизнь, как частное, не имеющее отношения к партии, дело. Ватагин не переплавил свою психику в горне революции. Он несет на себе большой груз пережитков эксплуататорского общества, где господствовал волчий закон: человек человеку—волк. Ватагин не вытравил из себя всей той мерзости и капиталистической скверны, какая была унаследована им от прошлого. В старом обществе человек был вещью, им мало кто дорожил. Буржуазия «...оставила между людьми только одну связь — голый интерес, бессердечный «чистоган». Она утопила в ледяной воде эгоистического расчета священный порыв набожной мечтательности, рыцарского воодушевления, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных, скрепленных грамотами и благоприобретенных свобод одну бессловесную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила открытой, бесстыдной, прямой, сухой эксплуатацией.

Буржуазия лишила ореола святости все роды деятельности, которые считались до сих пор почетными и на которые до сих пор смотрели с благоговейным трепетом. Она превратила врача, юриста, священника, поэта, человека науки в своих платных наемных работников»¹.

И вот это буржуазное отношение к человеку, к его личному достоинству, как к предмету купли и продажи, осталось и в какой-то форме продолжает существовать и в наше время, давая

себя чувствовать в отношениях советских людей. В этом корень того бездушия, неуважения к товарищу, холодного безразличия к его судьбе, какое мы часто, к сожалению, наблюдаем еще в нашей действительности. И надо сказать, что пережиток в сознании Ватагина, вскрытый с такой смелостью и прямотой Гладковым, самый живучий и наиболее распространенный в советском обществе. Однако этот пережиток не является органическим пороком, болезнью, против которой нет никаких средств. Он вполне устраним, нужны только усилия как со стороны всего общества, так и отдельных его членов. Сейчас наша страна подошла к периоду, когда проблема воспитания масс в коммунистическом духе, преодоления всяких пережитков в сознании людей и экономике стала главнейшей задачей. Книга Гладкова бьет в эту цель; она безжалостно и беспощадно развенчивает пережитки прошлого, чуждые природе социалистического общества и мешающие его росту.

В «Энергии» есть глава, которая стоит целого произведения. Это—сцена приема руководителей стройки Балеева и Ватагина наркомом Серго Орджоникидзе. Художник с большой проникновенностью и сердечной теплотой воссоздал образ выдающегося руководителя и организатора побед социалистической индустрии—незабвенного Серго. Какой могучий человек встает со страниц книги! Сколько в облике его величавой простоты, задушевности и обаяния! Гладков показал Орджоникидзе таким, каким его знала партия и весь наш народ: бесстрашным и пламенным борцом за социализм, настойчивым и неотступным в достижении цели, скромным и простым, родным и близким миллионам советских людей. Образ Серго обрисован так мастерски, что кажется, будто видишь перед собой этого человека, его мужественное лицо, его богатырскую фигуру. Он живет в книге и таким остается в памяти. Вот облик Серго, оживший под пером художника: «Его глаза, пристальные и проникновенные, сразу приковывали к себе, и

¹ К. Маркс. Избранные произведения, т. I, стр. 154—155. Партиздат, 1933 г.

каждый чувствовал, что от этих глаз, душевных, испытующих, нельзя утаить своих мыслей. С этим человеком, который как будто открывал свои объятия, нельзя было фальшивить и кривить душой. Чувствовалось в нем какое-то неугасимое горение и зоркая устремленность. У него, должно быть, никогда не было спокойного сна и холодных мыслей. Доступный и простой, он дышал мудрой скромностью богатого опытом, много пережившего, передумавшего человека. Казалось, что он весь светился и от него неудержимо излучалась сердечная доброта, но в то же время чувствовалось, что есть какое-то волнующее расстояние, которое и возвышало, и заставляло пристально проверять себя и следить за собою».

Изображая беседу наркома с руководителями стройки, Гладков ярко вскрывает в Серго самую типичную для него черту: теснейшую связь с массами, чуткое, бережное, заботливое отношение к людям. Какими пристыженными чувствуют себя Балеев и Ватагин, когда Серго выясняет, что они плохо знают своих лучших ударников. О замечательных делах Кати Бычковой они узнают от наркома. Серго рассказывает о своих встречах с рабочими. С отеческой лаской и строгой добротой он учит искусству большевистского руководства. Он говорит о том, что большевики приобретают силу лишь тогда, когда они держат связь с массами, знают их нужды и запросы, уважают и ценят людей труда.

Глава «У наркома» — ключ к пониманию многих событий, изображенных в «Энергии». Здесь автор наиболее полно раскрывает идейное содержание романа и дает возможность уяснить, в чем слабость Ватагина, как политического руководителя. Увлечшись хозяйственными делами, Мирон забыл о том, что его опора, его сила в массах. Он создавал технику, видел только ее перед собой и ею дорожил. А вот люди, творцы этой техники, оставались вне поля его зрения. Он не знал их, не изучал их опыта, не интересовался их ростом. Он не понимал того, что «из всех ценных капиталов, имеющих в мире, са-

мым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры» (Сталин).

Так автор «Энергии» всем ходом событий, отраженных в романе, и всей системой образов подводит читателя к осознанию высокой гуманистической идеи нашего времени: человек — вот величайшая ценность из всего, что существует на земле. Читатель убеждается в этом, когда видит прекрасных людей, энтузиастов стройки, наблюдает их изумительно дерзкую борьбу с природой. И как не дорожить такими людьми, как не беречь и не делеять их, когда они создают новый, сказочный мир, когда их труд, ставший искусством, обращен на пользу всего народа!

V

Гладкова на протяжении его творческого пути всегда неизменно привлекала к себе интеллигенция. Душевный мир этих людей, психический уклад их жизни, отношение к революции на разных ее этапах писатель отразил в правдивых, реалистических образах. Он показал интеллигенцию дооктябрьской поры, когда она, находясь на службе у господствующих классов, в силу зависимого положения не была способна в основной своей массе бороться за интересы народа. Многие честные ее представители, не растерявшие до конца совести и чести, уходили в область прекрасного мечтательства. Таков Никифор Павлович в пьесе «Бурелом», написанной в 1918 году. Интеллигенция того времени мнила себя солью земли, вершительницей судеб мира, а на самом деле была послушным орудием в руках господ предпринимателей. Никифор Павлович — безвольный, дряблый, дрожащий за свое личное благополучие человек. В его лице художник отразил всю бездейственность и инертность большей части старой интеллигенции, неспособность ее к революционной борьбе, к самостоятельному руководству движением масс. Только слияние с рабочим классом, приобретение его закалки и выдержки дают возможность интеллигенту приобщиться к революционной борьбе. Другого пути не дано. К тако-

му выводу приводит читателей и зрителей автор «Буредома».

Пролетарская революция коренным образом изменила положение старой интеллигенции, произвела разлом в ее рядах. Наиболее влиятельная и квалифицированная часть ее сразу же после Октябрьской победы начала борьбу с советской властью, встала на путь саботажа и вредительства. Менее квалифицированная часть заняла выжидательную позицию, но потом, решив ужиться с советской властью, пришла к ней на службу. Остальная часть — вся рядовая масса — присоединилась к народу и вместе с ним взялась за строительство нового общества. Эти процессы дифференциации старой интеллигенции и нашли отражение в творчестве Гладкова. В «Цементе» художник дал несколько типичных фигур старых интеллигентов, мучительно ищущих свое место в жизни. Одни из них, увлеченные романтикой гражданской войны, приходят к большевикам (Мехова), но на крутом повороте к энпу не выдерживают и скатываются в болото оппозиции. Другие (Ивагин) честно и самоотверженно служат пролетариату, преодолевая свою бесхарактерность и мягкотелость. Третьи (Клейст) пытаются сначала отсидеться, переждать революцию, но потом, махнув рукой, идут к ней на службу. Наконец, четвертые (Шрамм) ловко перекрашивают фасад, проникают в партию и организуют саботаж, пытаются задушить советскую власть костлявой рукой разрухи и голода. В образах этих людей Гладков показал, с каким трудом перedelывала себя интеллигенция и насколько различно было отношение отдельных ее представителей к революции.

Художник вскрыл в «Цементе» наиболее характерную черту психики старой интеллигенции — индивидуализм. До революции инженер Клейст жил обособленной, замкнутой жизнью. Он знал только чертежи, проекты, здания, которые строил; все остальное ему было чуждо. Он считал себя творцом, а до остальной массы людей, кроме своих хозяев, ему не было никакого дела. Революцию Клейст воспринял, как бунт дикарей, безжалостно раздавивших его будущее,

как трагедию разрушения. Верный слуга своих господ, он в годы гражданской войны помогал им расстреливать рабочих, подавлять их восстание. Он намеревался эмигрировать за границу, но не мог этого сделать, «не разрушив своих сооружений». А потом, озлобленный, ненавидящий все, Клейст заперся наглухо в своем кабинете. Ему казалось, что он больше никому не нужен. Он потерял всякую перспективу в жизни. Таким его нашел Чумалов. Любовь к творческому, созидательному труду взяла у Клейста верх над политической отчужденностью и враждебностью к новой власти. Клейст стал техническим руководителем стройки. И это было началом медленного, мучительного его расставания с индивидуализмом и приобщения к пролетарскому коллективу. Индивидуалистичность старой интеллигенции порождалась всеми условиями ее жизни и работы. Люди были разобщены, кастово замкнуты, работали в одиночку, и это служило непреодолимым препятствием к широкому объединению сил.

В новом романе Гладков снова дал ряд образов интеллигентов. Это и понятно. Трудно изобразить жизнь советского общества, не показав при этом интеллигенции, которая играет исключительно большую роль во всех областях строительства. Никогда еще во всей человеческой истории люди умственного труда не занимали такого выдающегося положения, как в нашей стране. Интеллигенция у нас теперь действительно стала солью земли. Советский Союз — страна техники, прогресса, науки, культуры, страна, где поставлена и уже практически решается задача поднятия всей массы людей до уровня работников инженерно-технического труда.

На строительстве гидроэлектростанции работают десятки интеллигентов. Часть из них — старые специалисты, другие — молодежь, пришедшая из советского вуза. Наиболее интересная фигура старого интеллигента в романе — начальник управления, крупный инженер, свропейская известность, Балеев. Еще в мрачную пору царизма он пришел к

пролетариату, поняв его историческую роль. Балеев даже состоял в большевистской партии, но после революции механически выбыл. Он решил, что теперь для него наступила пора заниматься не партийной работой, а только строительством. Как будто одно могло помешать другому!

Еще в старое время у Балеева родилась мечта: покорить могучий и своеправный Днепр, извлечь и обратить на пользу общества тающиеся в нем неисчерпаемые запасы энергии. Лишь в годы революции Балеев, привлеченный Лениным к выполнению плана электрификации страны, создал проект грандиозного сооружения, удививший весь мир смелостью и простотой. И вот теперь Балеев осуществляет свою мечту.

В облике этого талантливого человека, истого поборника технического прогресса Советской страны, много еще черт, типичных для старой интеллигенции. Балеев хотя и был в партии, работал пропагандистом, но с массами, с народом так и не сблизился. Индивидуалистическая закваска привела его к попытке уйти в чистый профессионализм, замкнуться в своей специальности. Но если в старое время инженер стоял в стороне от масс и капиталисты делали все возможное, чтоб обособить его, сделать одиночкой в своем труде (это диктовалось интересами конкуренции), то совершенно по-другому сложились условия работы после революции. Теперь, наоборот, инженер неизбежно — хочет он этого или нет — втягивается в жизнь коллектива. Стена кастовой отчужденности рухнула, интеллигент стал работником, заинтересованным не в прибылях частного хозяина, а в развитии и процветании социалистического производства. А в этом заинтересован и весь коллектив.

В начале романа читатель видит Балеева молчаливым, неразговорчивым, сухим и официальным в обращении с людьми. Он признает лишь свою инженерскую среду, но и здесь нет ни теплоты, ни товарищеской близости в отношениях. Находясь на стройке, где работало несколько тысяч человек, Балеев, однако, чувствовал себя одиноким. Ему

казалось, что тесная связь инженера с массами совсем не нужна. Ведь он строитель, его задача дать мысль, проект сооружения. Он был весь поглощен техникой и не видел того, что техника без людей мертва. Он не придавал значения тому, что только коллективными усилиями людей разных видов труда и может воплотиться в жизнь тот или иной технический замысел. Балеев не замечал перемен, происшедших в отношениях людей после революции. Жизнь показала ему, как глубоко он заблуждался. Оказывается, не он один был заинтересован в осуществлении своего проекта, а вся рабочая масса горела таким же желанием, и она, как художник, вдохновенно творила то произведение, какое родилось в голове Балеева и заполняло все его существо.

Два события показали Балееву силу коллектива и роль партии, как величайшего двигателя технического прогресса. Со стройки уходят неудовлетворенные условиями труда сезонники. Работы приостанавливаются. Балеев чувствует себя бессильным, потерянным. Когда он приходит в котлован, его охватывает чувство заброшенности и ненужности. «Балеев остановился, озираясь на глыбы утесов, на пустынную заброшенность котлована, и вдруг услышал, что в этой душевой ямине его шаги стонут эхом. Вот он здесь один, а людей нет, и, надо признаться, ему немного страшно. Он — строитель, организатор — совсем ничтожен и покинут... Еще никогда он не чувствовал себя таким беспомощным и ненужным... Ему не на кого опереться. Его инженеры, его технологи-спецы — инертная сила: они приходят в движение только в процессах совершающихся работ, как колеса сложного механизма. Но в этот момент они сами в агонии. Что он может сделать сейчас, в этот миг торжества мертвой стихии?.. И в своей ущемленной гордости он почувствовал, что все-таки сейчас самый близкий ему человек, с которым он мог бы говорить откровенно, не стесняясь, это — Ватагин. В глубине души он знал, что этот парень рабочего облика не посмеется над ним, не прищурит глаз, не солжет ему, не будет скрыто

злорадствовать, как все эти благородные и воспитанные спецы».

С такими мыслями, разбитый, одинокий, ходил по опустевшему котловану старый инженер, начальник управления Балеев. Он не знал, что предпринять; ему не на кого было опереться. Жизнь разрушила его строительные планы. Он не мог продолжать дальше воздвигать сооружение, которое стало его страстью, его любовью, его целью в жизни. И тут-то произошло совершенно непостижимое явление: коллектив стройки, мобилизованный парторганизацией, жертвуя отдыхом, приходит на плотину, работает по ночам и настолько убыстряет темпы, что наверстывает упущенное. Мало того, он выдвигает встречный план, который инженерам кажется несбыточной фантазией. Но воля людей побеждает. Балеев тогда воочию видит, что он строит не только плотину, а нечто гораздо большее — новые отношения людей. Так на место отчужденности у Балеева приходило сознание общности с массами. Суровость и нелюдимость Балеева вовсе не были чем-то врожденным, органически присущим его характеру. В действительности он, как видно из отношений его к Шепелю, Анечке, Ольге, — человек с мягким, ласковым и добрым сердцем. Только отзывчивость и доброту к людям он заглушал в себе, стремясь изолировать душевный мир свой от всего окружающего.

Такой же путь от индивидуализма к слиянию с коллективом проделывает и другой герой «Энергии», старый интеллигент Кряжич. Он также пытается отгородиться от всего в жизни — от политики, от людей, знать лишь одно свое профессиональное дело. Он любит процесс строительства, только как личное творчество, а не как выполнение задачи, связанной с интересами общества. Инженерное искусство для него не потребность служения народу, а средство проявления себя, как творческой индивидуальности.

К работе Кряжич относится ревниво, боится за нее душой, вкладывает в нее все свои знания и опыт. Когда на инженерно-техническом совете, где обсуждался встречный план, в реальность ко-

торого многие не верили, в том числе и Кряжич, его попросили высказать свое мнение, он обидчиво ответил:

«Мне нечего мобилизоваться. Я уже давно мобилизован. Я работаю честно, не покладая рук, и эту работу считаю делом чести. Мало этого, я, позволяете вам заметить, страдаю одной слабостью: я живу этой работой, я — ее пленник... И как бы я ни желал освободиться от этого плена — я не в состоянии этого сделать. От этого меня могут оторвать только какие-нибудь внешние силы, которые от меня не зависят».

Кряжич пришел на службу к советской власти без злобы на нее, не тая за пазухой камня. Но он и не задумывался над тем, ради каких идеалов и целей происходит революция. Когда его однажды спросили, во имя чего он отдает силы стройке, горит на работе, недосыпает ночей, он ответил: «Хотя бы во имя своей профессиональной чести». Вредители пытались завербовать его в шпионско-диверсионную организацию. Предложили деньги. Кряжич выгнал заговорщика и долго не мог отделаться от охватившего его чувства омерзения. Он не мог «позволить себе разрушать собственное произведение». Резко, с ненавистью отвернувшись от вредительствующих коллег, Кряжич, однако, сделал это опять-таки не с целью охраны интересов народа и пролетарского государства, а лишь затем, чтобы не поступиться своей профессиональной честью. Он по натуре, по своему существу глубоко честный и неподкупный человек. Но человек без ясного мировоззрения, общественно индифферентный, не представляющий хотя бы даже смутно, куда идет развитие общества. После ухода вредителя Бубликова Кряжич, оскорбленный, взбешенный, не спал всю ночь. И, сколько ни думал он о себе, вывод был один:

«До сих пор он жил в такой же вот тьме, как за окном, и так же трепетал, как этот шелкопряд, бесконечно одинокий, и так же рвался куда-то к смутному свету сквозь непроницаемую прозрачную среду. Было ощущение, что он в мире всем чужой, обреченный на бес-

смысленное существование. Как проклятый, он принужден был проводить работы, связанные с его профессией. Он знал и видел только процессы труда, корпел над чертежами, формулами, гнался за выполнением планов и заданий и жил только календарем совершающихся работ. Он впервые в жизни возводил эти никогда не виданные громады и не мог не жить ими, как художник, как мастер своего дела. И думал о счастье. О каком счастье? Он не ответил бы на этот вопрос, но ему казалось, что счастье его — не здесь и не в настоящем, а где-то в прошлом и в безвестных дальях».

Бесперспективность, духовная растерянность, отсутствие общественных интересов порождали у старых интеллигентов рефлексию. Человек раздваивался: с одной стороны, он что-то делал, создавал, творил, а с другой — скептически смотрел на свою работу, подвергал сомнению ее необходимость и полезность и тщетно искал счастья. А счастье было под руками. Но люди, блуждая в потемках, не видели его и не могли взять. Кряжич — типичный представитель такого слоя интеллигентов, страдающих рефлексией. Старый интеллигент мнил, что он утвердил свою личность в жизни и она является воплощением гордости, достоинства и благородства. Но в действительности все это было иллюзией. Личность интеллигента в буржуазном обществе растапывалась на каждом шагу, и от высоких ее черт не оставалось и следа. Кряжич, в конце концов, понял, что он никогда не умел отстоять себя, как человека, а был лишь игрушкой в руках других. «Верно, — думал Кряжич, — он страдает не потому, что кто-то украл у него личность, а потому, что эту свою драгоценную личность он сам не умеет утверждать. В сущности он очень слаб и безличен — и к этому безличию привык с ранних лет. Он всегда был пленником, потому что некие силы играли на его гордости, а гордости, собственно, не было: была только поза, корпоративная маска».

В советское время Кряжич жил не настоящим, а прошлым. Вот почему ему

казалось, что в отношениях людей не произошло никаких перемен. Он просто их не видел и не хотел видеть. И когда ему Мирон заметил, что «человеческое достоинство поднялось теперь на небывалую высоту», Кряжич с озлоблением крикнул: «Это же газетная демагогия!». Жизнь неумолимо и властно вывела Кряжича из состояния политической инертности, подрубила всякие корни его индивидуализма. Расставание Кряжича с прошлым, освобождение его от индивидуалистических черт показано в романе менее полно. Но и то, что есть, дышит правдой, убедительно раскрывает процесс перехода человека из старого в новый мир. Вот, например, сцена субботника, в котором участвует весь инженерно-технический руководящий персонал стройки. Кряжич берется за лом неохотно, с брезгливой grimасой. Он считает черную работу чем-то унижающим его достоинство. Субботник проходит оживленно. Люди работают спорно, добродушно трут друг над другом, постепенно исчезает обычная натянутость, сухость в отношениях. На место этого возникает что-то подлинно дружеское. Коллективный труд как-то незаметно захватывает Кряжича, и он уже с увлечением вороочает камни. Ему «казалось, что организм его до сих пор был как будто безнадежно отравлен, а сейчас вот будто влили в его жилы свежую, здоровую кровь, и тело и мозг зажили по-другому — бодро и радостно».

Но особенно сильное воздействие на душевный мир Кряжича производит столкновение его с вредителями. Тут-то ему становится ясно, что, продолжая оставаться на межумочных позициях, вечно быть недовольным всем, он очень легко может сделаться игрушкой в руках низких и преступных людей. Кряжич понял, что политика и экономика неотделимы друг от друга.

«Привычные истины лежали в голове надежно, твердо, неоспоримо, как кирпичи в здании, как математические аксиомы. Между ними и политикой не было никакого сродства, — так думал он, Кряжич, так думали и многие из его соратников. А когда Бубликов нагло

предложил ему произвольно изменить формулу и дал ему понять в тот кошмарный вечер, что бычки испорчены при его, Бубликова, участии, Кряжич впервые испытал настоящее потрясение: незыблемая истина может быть превращена в орудие злодейства, математическая формула в руках вредителя может служить разрушительной силой».

Социалистические отношения, складывающиеся на стройке, героический труд людей, созидающих новую жизнь, общность интересов, дух коллективизма, творческое соревнование, постоянное общение с партийными и непартийными большевиками — все это вносит коренную ломку в сознание Кряжича.

Кряжич — типичная фигура того периода, когда старая техническая интеллигенция, относившаяся ранее сочувственно к вредителям, решительно порвала с ними и повернула в сторону советской власти. Процесс этот был мучительным и трудным для многих людей, но благотворность его неоспорима. Интеллигенты, подобные Кряжичу, лишь в годы великого перелома утвердили себя в жизни, стали активными строителями социализма. Вот когда в них действительно восторжествовал человек мужественный, благородный, с высоко поднятым личным достоинством.

Рядом с представителями старой технической интеллигенции в романе действует молодежь, та новая советская интеллигенция, которая представляет собой плоть от плоти и кость от кости рабочего класса и крестьянства. По своему социально-политическому облику она в корне отличается от старой интеллигенции. Она уже не знает индивидуалистической замкнутости, разобщенности с массами, а, наоборот, тесно связана с народом и служит ему верой и правдой. Для этих людей характерно единство мыслей и действия. Они менее всего подвержены рефлексии. Они знают, за что идет борьба, к какой цели устремлен советский народ. Эти люди — глубокие оптимисты, их мозг не отравлен ядом скептицизма. Беззаветное служение родине, работа для ее счастья и процветания — вот руководящий принцип их жизни; с величайшей радостью

они отдают все свои силы строительству социализма.

Яркие представители новой народной социалистической интеллигенции — Феня Отдушина и Татьяна Братцева. Правда, во второй книге «Энергии» автор почему-то мало уделил внимания развитию сюжетной линии, связанной с Феней. Образ ее остался в известной степени незавершенным, не получил всестороннего освещения. А между тем в первой книге эта героиня — одна из самых удачных и привлекательных фигур романа.

В Фене много молодости, она непоседлива, порой наивна, как ребенок. Мир для нее полон радости и чарующей прелести. Она видит его в широких даях, чувствует горячее биение его пульса. Солнце, степь, река, величавая панорама стройки захватывают и волнуют ее своей первозданностью и неповторимой красотой. В этой худенькой и тщедушной девушке столько жизнерадостности, человечности, она так глубоко привязана ко всему земному, с такой любовью и преданностью относится к своему труду, что читатель ни на минуту не остается безучастным к ней.

Феня — гидротехник, работает на плетине. Здесь сосредоточены ее жизненные интересы. Она вся захвачена пафосом стройки, горячо, самоотверженно, с увлечением и страстью выполняет свою работу. Она проникнута сознанием ответственности перед страной за порученное ей дело. Характеру Фени присуща эта особенно ценная черта — развитое в ней чувство ответственности — подлинно социалистическое чувство. Стиль работы Отдушиной — проверять все до мелочей, контролировать, никогда не успокаиваться на достигнутом. Феня живет стройкой, она чувствует себя на ней хозяйном.

На строительстве происходит авария. Вода прорывает перемышку и затопляет котлован. На плетину прибегает Феня. Она пытается спасти положение, но уже поздно. Девушка готова заплакать от обиды. Несчастье на стройке она переживает, как личное тяжелое горе. Почему? Ведь она ни в какой степени не по-

винна в аварии. Наоборот, Феня даже сигнализировала начальнику гидротехнических работ о грозящей опасности. Все дело в том, что она сроднилась со стройкой и чувствует себя ответственной за все происходящее здесь. Ведь она — одна из тех, кто стоит во главе рабочего коллектива, организует его труд. От нее зависит в той или иной мере успех стройки. Ведь за стройкой следит вся страна, весь народ, и как же не чувствовать тут величайшую ответственность!

Инженер Татьяна Братцева — подруга Фени. Она также работает на плотине. Образ ее нарисован художником тепло и сердечно. У Тани более сильный и многогранный характер. И если Феня — пример живости, непосредственности в выражении своих чувств, то Тания, наоборот, хладнокровна, рассудительна. Она умеет сдерживать свои порывы, спокойно и трезво подходить к действительности. Бывшая беспризорница, она много хлебнула нужды, горя и обид, рано научилась понимать жизнь, видеть ее с разных сторон. Суровое, безотрадное детство наложило отпечаток на весь ее облик, — она малоразговорчива, к людям относится настороженно, не доверяет поверхностным впечатлениям. Она обладает способностью обобщать разрозненные факты и события и делать из них широкие выводы. Наблюдательность, аналитический подход к жизни позволяют Тане увидеть и открыть в действительности то, чего многие не замечают и чему не придают значения. Она, например, первая разгадывает Бубликова — человека в маске. Ее принципиальность помогает раскрыть вредительскую организацию на стройке. Так в характере Тани художник выявляет необычайно ценную черту — бдительность, непримиримость к подлым, предающим интересы советского народа людям.

Наряду с этим в Тане есть и другая, делающая ее особенно привлекательной, черта: глубокая человечность. За внешней холодностью у Тани кроется самое отзывчивое сердце, чуткое отношение к товарищам. Во время аварии на плотине Кряжич обрушивается на честного, ра-

ботающего прораба Вихляева. Тания тут же вступает за него и указывает Кряжичу на несправедливость его обращения с человеком. Или вот другой пример: Чумалов грубо отталкивает от себя Репея, разоблачавшего вредителей; присутствующая при этом Тания, возмущенная, гневно говорит: «Какого вы верного товарища отшвырнули, Глеб Иванович!». Горячо пожав руку Репею, Тания ободряет его дружескими словами: «Вы человек хороший... честный и чуткий». Такими, казалось бы, незначительными штрихами художник раскрывает в человеке красоту, благородство и гуманность его характера.

Прямота и проникновенность Тани, чуткое и бережное отношение к людям, сочетающиеся с деловитостью и целеустремленностью, создают ей большой авторитет в массах. Уважение и симпатию к ней питают одинаково и рабочие, и инженеры, и члены парткома. Эти чувства ярко проявляются в момент провокационного ареста Братцевой угрозиском. Товарищи Тани приходят ей на помощь. Первая откликается Катя Бычкова. Вообразив, что Таню арестовали по обвинению в гибели бригадира Максюка (он утонул во время ее дежурства), она спешит доказать ее невиновность. Ведь Тания запретила ей и Максюку опускаться к водосливу, а они сделали это самовольно. Со всем жаром и пылом юной души Катя помогает реабилитации Братцевой.

Активная ненависть к врагу, ко всем, кто несет людям несчастье и страдания, и одновременно искренняя любовь к человеку труда, уважение его достоинства и чести — вот самое существенное и главное в облике Тани Братцевой. Образ Тани в какой-то степени романтизирован автором, в нем выражены те лучшие и благородные черты, какие все более становятся доминирующими в характере советских людей.

От старых интеллигентов Татьяну Братцеву выгодно отличает еще одно присущее ей в избытке драгоценное качество. Это чувство нового, способность видеть и различать в жизни отмирание старого и нарождение молодого, растущего, крепнущего. Тания не тер-

пит костности, рутины и застоя. Она враг самоуспокоенности и самодовольства. Она страстно, мужественно и смело борется за все прогрессивное и передовое. В дни, когда рабочие на стройке выдвинули встречный план, Таня была одной из горячих его поборниц. Она резко выступила на собрании коллектива против консерватизма старых инженеров, пытавшихся сорвать инициативу масс и потушить их энтузиазм.

«Она говорила о том, что навстречу идут такие дни, когда все неизбежно должны действовать верно, метко, наступательно и согласованно. Напомнила, что когда-то строительство начато было буквально голыми руками. Кто тогда был главной действующей силой? Грабарь-землекоп с его лопатой и лошадейкой, каменолом с киркой и ломиком, бурильщик с молотом и стальным стержнем, плотник с пилой и топориком. А в центральных мастерских — слесарь-кустари. А транспорт? — телеги, вагонетки, площадки. Протяжение под'ездных путей — ничтожное. Темпы были неторопливы, отношение к труду первобытно. Да и людей было мало — каких-нибудь две-три тысячи. Правда, делали поправку на механизмы, которые еще лежали на складах Нью-Йорка, но эти поправки не вызвали тревожных вопросов о неизбежности переворотов в методах труда. И рабочие, и инженерно-технический персонал несли в себе многолетние навыки, выработанные в условиях капиталистического хозяйства. Вот чем определялись те нормы и те темпы, которые господствовали в продолжение трех лет. И вот откуда вышли те идеологи умеренности и аккуратности, теоретики малых масштабов и узких мирных технических возможностей, которые теперь кажутся смешными и нелепыми метафизиками. За это время стройка пережила большую революцию в технике: труд механизировался до высоких пределов, и этот труд стал новым и по содержанию, и по форме: он количественно и качественно стал иным. Габариты вытеснены экскаваторами, каменоломы — сандерсонами и кранами, площадки — думпкарами, плотники уже в деревообделочных мастерских. И теперь

на базе этой высокой техники создаются новые кадры рабочих и инженеров, которые уже задыхаются в узких клетках старых норм. Они стремятся разорвать эти ржавые путы.

— А вы, уважаемые метафизики, — крикнула она, — вы отстали от жизни, вы не видите реальной действительности и живых творческих сил... (Эти ее слова встретили бурные аплодисменты и крики.) Массы идут впереди вас, а вы не только топчетесь на месте, но пятитесь назад. Вы тормозите движение, вы препятствуете, мешаєте развитию трудовой, сознательной инициативы, вы стараетесь потушить энтузиазм и пафос тех, кто восстал против ваших метафизических норм и изношенных понятий».

Таня Братцева, как и Феня Отдушина, неотделима от народа. Они живут его помыслами и чаяниями, они беззаветно преданы своей родине. Работать на ее благо — для них высшее счастье в жизни. В Братцевой и Отдушиной читатель узнает нашу чудесную молодежь, которая, овладев высотами науки и техники, понесла свои знания в массы и выделила из своей среды замечательных командиров производства.

Гладков, вдумчивый и чуткий к жизни художник, верно понял и воспроизвел процессы, происходившие в годы первой пятилетки в рядах технической интеллигенции. Он увидел не только поворот старых ее кадров в сторону советской власти, ломку их сознания, но и то знаменательное явление, которое отчетливо и ясно обозначилось лишь в последнее время, — это зарождение новой, подлинно народной, социалистической интеллигенции.

VI

С большой тревогой и остротой Гладков поставил в новом романе вопросы семьи, брака и воспитания детей при социализме. Он и здесь не пошел по проторенной дорожке, а смело и безбоязненно высказал суждения, которых мы не находили ранее в литературе. Но это-то и привело в смятение и испуг кое-каких потомков учителя Беликова.

Мыслимо ли, чтоб писатель говорил о вещах, никем не сказанных, чтобы он вскрывал подноготную действительности, показывал изнанку семьи! Нет, этого нельзя допустить, «как бы чего не вышло». И вот с этакой ядовитой улыбочкой критик З. Кедрина пишет и печатает «проблемную» статью «Женщина», направленную в конечном счете к одному: к публичной казни Gladkova. Такую статью мы прочли в недавно вышедшем 7—8 номере журнала «Октябрь»¹.

Сей ученый труд для вящей убедительности начинается с экскурса в историю. Критик бросает взгляд в век минувший. С восторгом и умилением он останавливается перед пушкинской Татьяной Лариной. Отвесив ей низкий поклон, критик, однако, на этом и заканчивает свои исторические «изыски». Его зоркое око устремляется в век XX, точнее — в два революционных десятилетия. Но тут... на челе его не отразилось ничего. Оказывается, в советской литературе нет хоть сколько-нибудь заслуживающих внимания, достойных своих прототипов женских образов. Оказывается, героини романов Gladkova — это не советские и даже не русские женщины, а амазонки. Так вот для чего понадобилась критику Татьяна Ларина — для посрамления Gladkova и ряда других советских писателей.

Разжалование gladkovских героинь и превращение их в воительниц древнего мира Кедрина начинает прежде всего с Даши Чумаловой. «Мы не можем сказать, например, — сокрушается критик, — что характер Даши из «Цемент» Gladkova может назваться положительным характером советской героини на сегодня». В чем дело? Что за метаморфоза произошла с Дашей? Была положительной героиней, а теперь вот, извольте, грозный критик из «Октября» даже на порог ее не пускает. А все потому, что «Gladkov

зафиксировал лишь реальность данного исторического момента, не разглядев общей исторической перспективы». А что сие значит? Извольте, все раз'яснено. Gladkov наделил Дашу такой чертой, как самопожертвование во имя интересов революции. А эта черта будто бы была характерна для большевика только времен Октябрьского восстания и гражданской войны. После этого большевику уже не требовалось проявлять самопожертвования, и оно перестало быть неотъемлемым качеством его характера. Критик так и пишет: «Мы знаем, что бывают периоды, и были они в дни революции и гражданской войны, когда интерес общественный требует отказа от интереса личного... Неизбежный на определенном историческом этапе, отказ от личных интересов не является основным содержанием характера большевика, и его нельзя изображать, как неизменный на все и всякие времена принцип коммунистического поведения».

Вот почему образ Даши, по утверждению критика, на сегодня не может считаться положительным. Художник, видите ли, «не разглядел общей исторической перспективы», и лишь дальновидному критику из «Октября» посчастливилось разглядеть эту перспективу.

По критику, выходит так, что после гражданской войны большевик ничем не стал жертвовать во имя общественного дела. Необходимость в этом будто бы совершенно отпала, и самопожертвование, как черта, исчезло из характера большевика. Трудно придумать более вздорную и нелепую мысль. Наоборот, самопожертвование, эта прекраснейшая, благороднейшая черта большевика, не только не отмерло, а еще более укрепилось, и у нас есть все основания утверждать, что оно и впредь останется неизблемым принципом коммунистического поведения. Разве в годы восстановительного периода партия, Ленин не призывали коммунистов и весь рабочий класс к величайшему самопожертвованию?! Разве в годы индустриализации большевики и миллионы советских людей не отказывались от многих личных удобств и не терпели некоторых мате-

¹ Этот первый отклик на «Энергию» появился в печати, когда настоящая статья была уже написана. Выступление З. Кедринной мы не могли оставить без ответа и поэтому, останавливаясь здесь на нем, естественно, вынуждены в некоторой части повторить сказанное выше.

риальных лишений?! Разве, наконец, сейчас большевики и все трудящиеся нашей страны не полны готовности пойти на новые жертвы во имя счастья и процветания родины, и если потребуется, то отдать даже жизнь свою за победу коммунизма?! К тому же большевики и весь советский народ никогда не забывают о своих интернациональных обязанностях по отношению к своим зарубежным братьям, ко всему передовому и прогрессивному человечеству. Они помнят великую Сталинскую клятву, гласящую, «что мы не пощадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира». Когда сейчас советский человек на фронте самоотверженно и храбро сражается за свою отчизну, разве это не самопожертвование?! Партия всячески культивирует и воспитывает во всем народе сознание того, что общественные обязанности всегда должны стоять выше личных интересов. Эта благородная черта трудящихся нашей страны нашла замечательное выражение в советском патриотизме. Советские люди готовы пойти на любой подвиг, на любые жертвы во имя своей родины, партии и народа.

И вот в такое грозное время, какое переживаем мы сейчас, находятся люди, которые, издеваясь над самыми святыми чувствами советских людей, щебечут и высмеивают писателя за то, что он якобы совершил страшный грех—представил «большевика, как вечного носителя принципов жертвенности». Произошло это, видите ли, потому, что он «не разглядел общей исторической перспективы». Хорошую перспективу вы разглядели, уважаемый критик из «Октября»! Только не наша это, а мещанская перспектива. И напрасно вы поспешили свои уродливые представления о действительности выдавать за непреложную истину. Достоинно удивления, как это такие обывательские, политически вредные идеи имеют еще хождение в наших критических кругах.

Образ Даши Чумаловой — положительный и на сегодня, и на завтра. Характер этой героини, беззаветного мужественного борца, готового отдать, если нужно, и свою жизнь за револю-

цию, — такой характер воспитывают и закаляют в себе миллионы советских людей. Даша является живым примером того, как надо любить партию, народ, быть им преданным и самоотверженно, не щадя ничего, драться за победу великого дела — построение коммунизма.

Расправившись с Дашей, наша храбрая амазонка, т.-е., простите, критик Кедрин, принимается за героинь «Энергии». Тут уж никаких оговорок. Суд вершится скорый. Агаша в романе изображена, как организатор общественного движения жен. Ну, ясно, это схема. Катя Бычкова — ударница, работает на плотине. Ну, конечно, это иллюстрация лозунга: комсомол на производство! «Вредительство? — Пожалуйста: экс-супруга Кряжича, Гита». Критик не дает даже себе труда правильно называть героев романа: Рита у него превратилась в Гиту, Викентий Балеев — в Викентьева. Куда уж тут! Разве до имен, когда идет такой жаркий бой и надо успеть снести всем головы. Итак, женские образы «Энергии» — схемы, иллюстрации к политическим лозунгам. Так безапелляционно, бездоказательно, с поразительной легкостью и поспешностью выносятся приговор, уничтожающий, сплевывающий героев, а вместе с ними и произведение художника. Лишь развенчивая Ольгу, критик попытался это аргументировать. Образ Ольги, по его мнению, не реалистичен, в силу того, что в нашей жизни нет уже больше семейных драм, происходящих на почве неизжитых старых отношений, когда мужчина смотрел на женщину, как на существо низшее, обязанное быть подвластным мужу. «В 1937 — 1938 годах, — пишет критик, — «героическая» борьба гладковских героинь за свою независимость от «угнетателей-мужчин» выглядит так же нелепо, как яростные удары кулака по воздуху перед открытой дверью».

Вот онс в чем дело: значит, с пержитками в сознании людей уже все кончено. Не о чем больше беспокоиться. От буржуазных предрассудков в отношениях к женщине уже не осталось и следа. Радостное открытие! Только оно опять-таки, мягко говоря, не соот-

ветствует действительности, а является очередной выдумкой критика. К сожалению, у нас все еще остается проявляющееся в самых различных формах, порой в мелочах, отношение к женщине, как к собственности. «В Союзе Советов, — писал Горький, — женщина совершенно равноправна мужчине и работает во всех областях жизни, как будто не хуже мужчины... однако, мне кажется, что и в советских условиях отношение к женщине по существу своему часто не особенно четко и резко отличается от отношения, установленного мещанами Европы»¹. Вот как остро ставил вопрос Горький. Борьбу с пережитками буржуазных взглядов на женщину он считал одной из самых важных, трудных и далеко еще не решенных нами задач.

Не всегда, конечно, дело доходит до таких драматических конфликтов, как это отражено в романе Гладкова. Но сколько у нас еще таких семей, где жизнь систематически отравляется именно пережитками прошлого. И тот, кто пытается, закрыв глаза на действительность, утверждать, что у нас все люди уже перевоспитаны и буржуазных предрассудков нет и в помине, тот по меньшей мере безответственный болтун. О таких людях хорошо сказал товарищ Жданов:

«Эти люди забывают, что вся наша работа по строительству социализма, вся наша воспитательная работа направлена к переделке сознания людей. На то и существует наша партия, на то мы и добились побед социализма, на то мы и ставим задачи коммунистического строительства, чтобы переделывать людей, их сознание. Если некоторые думают, что переделка сознания людей не касается членов партии, что коммунисты от рождения свободны от всяких предрассудков и абсолютно не нуждаются ни в каком перевоспитании, то это не что иное, как идеалистический, схематический взгляд на людей. Такой подход к человеку, когда о нем судят абстрактно, по заранее заготовленной мерке, и не изучают его во всех связях и опосредство-

ваниях, — обрекает на пассивность, на пессимистическую оценку людей. Такой пессимистический подход обращен к прошлому. Такой подход к оценке людей ничего общего с большевизмом не имеет. По своей методологии он глубоко враждебен большевизму»¹.

Страстная, темпераментная борьба Гладкова с пережитками капитализма в сознании людей и особенно со свинским отношением к женщине не может не вызывать самого горячего одобрения. Читателю понятен тот протест, принявший столь драматическую форму, какой выражает Ольга Ватагина, восставая против попыток мужа сделать ее домашней рабыней. Пролетарский гуманизм, которым проникнуты и все более проникаются отношения советских людей, требует самой беспощадной и решительной борьбы против частнособственного, эксплуататорского взгляда на женщину. Советская женщина — равноправный и свободный член общества, и к ней должно быть установлено истинно человеческое отношение. Маркс писал: «Отношение мужчины к женщине есть *естественнейшее* отношение человека к человеку. Следовательно, в нем обнаруживается, насколько *естественное* поведение человека стало *человеческим* или насколько *человеческая* сущность стала для него *естественной* сущностью, насколько его *человеческая природа* стала для него *природой*»². Гладков в «Энергии» со всей силой утверждает отношение мужчины к женщине, как человека к человеку. Он поднимает человеческое достоинство женщины и в уважении его видит залог прочности семьи.

Критик из «Октября», стремясь во что бы то ни стало опорочить автора «Энергии», прибегает к совершенно недопустимому приему: отождествлению его взглядов со взглядами героев. В романе действует Паша Бочка. Она женщина, лишенная внешней привлекательности. В ней сильно говорит чувство материнства. Она хочет иметь ребенка. Однако она не встречает чело-

¹ А. Жданов. «Изменения в уставе ВКП(б)». Доклад на XVIII съезде ВКП(б), стр. 23.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 621.

¹ М. Горький. О литературе, стр. 102, изд. 3-е, 1937 г.

века, который бы ее полюбил. У Паши вспыхивает страсть к Мирону. Но он, хотя и вступает с ней в связь, не любит ее настолько глубоко и сильно, чтоб Паша могла создать с ним крепкую семью. И она отказывается жить с ним вместе. Это решение героини критик и рассматривает, как взгляд автора на семью. Дескать, смотрите, Gladkov только «отдал дань крепкой советской семье», а в действительности отстаивает обратное. Чудовищное утверждение! Надо просто умудриться ничего не понять в романе, чтобы приписывать автору такие вещи. На самом деле, Gladkov в «Энергии» горячо отстаивает и защищает крепкую семью, основанную на глубоком чувстве любви. И такая семья и возникает в романе Кряжича и Братцевой. Единственно, в чем можно упрекнуть художника, так только в том, что он не показал эту новую семью, где отношения супругов являют собой пример дружбы, взаимопомощения, совместной работы по строительству нового общества. Но нельзя же на этом основании изображать Gladkova, как противника прочных семейных отношений. Надо думать, что писатель в своих новых произведениях покажет счастливую советскую семью, не знающую тех мучительных конфликтов, какие отражены в «Энергии».

Достаточно критику найти в романе героиню, неправильно решающую вопросы семьи, как тут же начинаются злорадствования над автором. Даша Чумалова не хочет быть матерью. С ее доводами, конечно, нельзя согласиться. Однако думать, как заявляет критик, что взгляды Даши являются также взглядами автора, по меньшей мере неразумно. Так можно приписать художнику все, что высказывают положительные и отрицательные персонажи романа. Такой метод критики проистекает, видимо, не столько от здравого рассудка, сколько от нарочитого желания какими угодно способами скомпрометировать автора романа.

В недавно опубликованных письмах В. И. Ленина к Инессе Арманд с предельной четкостью и ясностью выражен марксистский взгляд на семью и брак.

Старая буржуазная семья была коммерческой сделкой, она возникала на почве «чистогана». Самое интимное чувство человека затапывалось здесь в грязь, становилось предметом публичного торга. Новая пролетарская семья зиждется не на экономических выгодах, а на глубоком чувстве любви. Требование Ленина «противопоставить мелкобуржуазно-интеллигентски-крестьянский... пошлый и грязный брак — пролетарскому гражданскому браку с любовью...» теперь воплощено и воплощается в жизнь. И это брак, основанный на любви, и утверждает автор «Энергии».

Особый критический зуд у Кедриной вызвала героиня «Энергии» Татьяна Братцева. Как это можно допустить, чтоб художник изображал современную советскую девушку без единого недостатка? Если в человеке нет никакой грязи, он чист и непорочен,—то это схема, образ явно не жизненный, не реалистический,—так рассуждает умудренный житейским опытом критик из «Октября». «Татьяна, — ехидничает Кедрина, — согласно этике 1937 г., абсолютно и принципиально добродетельна (даже беспризорничая и кочуя по воровским притонам, она кинжалом охраняет свою девственность), она энергична, умна, хороший работник, к тому же у нее сложные душевные переживания». Итак, Татьяна — «кодекс современной добродетели», «мертвый картонный трафарет». Сколько сердитых слов, какая непримиримость и беспощадность к героине и к художнику! Только вся эта трескотня — копейная мудрость, и уверовать в нее может разве лишь одна... З. Кедрина. С каких это пор и кем установлено, что писатель должен обязательно изображать человека с червоточинкой, в чем-нибудь замаранным? Боже упаси, если он даст героя лишенным недостатков,—ведь тогда критик из «Октября» обрушит на голову этого художника громы и молнии.

Но, к счастью, подобные законодательские упражнения в области художественного творчества уже давно и настолько основательно разбиты, что их ценность равна нулю. М. Горький

указывал, что советский писатель должен изображать человека не только таким, каков он есть сегодня, но и таким, каков он должен быть и будет завтра. «Это не значит, — писал Алексей Максимович, — что я советую «выдумывать» человека, а значит только, что я признаю за литератором право и даже считаю его обязанностью «домысливать» человека», т.-е. домысливать реально уже существующие и развивающиеся его черты. Горький требовал создания образа будущего человека, «просветленного и очищенного от тех посрамлений, которые наложили на нем века подъяремной неволи». Образ Тани Братцевой в «Энергии» — творческое предвидение такого человека, подлинного пролетарского гуманиста, энергичного, умного, хорошего работника, со сложными душевными переживаниями.

Предметом своих издевательских нападок на Gladкова критик из «Октября» избрал также тему материнства, выраженную с огромной силой в «Энергии». Писателю он поставил в вину, как самый тяжкий грех, то, что женщины у него «в романе выступают, в основном, как жены, матери...». А что в этом плохого? Воспитание детей — это одна из важнейших общественных функций родителей. Они несут ответственность за свое потомство, и никто не может заменить детям материнских и отцовских забот.

Ленин в беседе с Кларой Цеткин говорил: «... в любви участвует двое и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу». Об этом долге родителей и напоминает автор «Энергии». Ватагины оставили своего ребенка безнадзорным. Занятые общественно-полезным трудом, они бросили его на произвол судьбы. Разве такие факты, когда родители не уделяют должного внимания детям, не принимают живейшего участия в их воспитании, представляют что-то исключительное? Такие случаи у нас нередки. И надо быть благодарным художнику за то, что он так остро ставит проблему воспитания в семье и

ответственности отцов и матерей за свое потомство.

Статья З. Кедриной «Женщина» — образец недобросовестной, тенденциозной, предвзятой критики. Она ни в какой степени не помогает читателю разобраться в существе романа Gladкова. Конечно, в его произведениях наряду с правдивыми образами есть и такие, которые автору не удалось. На наш взгляд, например, фигура Цезаря в «Энергии» надуманна, она бледна и не жизненна. Автор показывает героя с одной только стороны, как человека, ведущего дневник и философствующего в нем наедине с собой. Цезарь статичен, характер его не движется, не развивается. Точно так же нам кажется неорганичным в романе и образ Байкалова. На эти неудачи, понятно, следует указывать художнику. Но нельзя их раздувать настолько, чтобы они заслоняли собой то положительное и ценное, что преобладает в творчестве Gladкова. Нельзя критиковать его произведения по принципу: «Эх раззудись, плечо, размахнись, рука...». А ведь именно так и поступила З. Кедрина. Ее статья может произвести единственное действие — унижить художника, оскорбить его достоинство. Но еще Горький писал, что «ковырять и сокращать человеческое достоинство, это — вовсе не задача критика, а публичная демонстрация одного из мещанских качеств, демонстрация отношения ко всякому человеку как к существу низшего — в сравнении с критиком — типа, демонстрация скуки, лени, неумения читать или раздражения на собственную бездарность»¹.

★

Велика роль идей в общественном развитии. Революционная, преобразующая деятельность масс зависит от того, в какой мере они освободились от буржуазного сознания, в какой мере передовые идеи овладели головами миллионов.

¹ М. Горький. О литературе, стр. 372, изд. 3-е, 1937 г.

Коммунистическая сознательность возникает не в порядке стихийного процесса, а путем упорной и длительной борьбы, терпеливой и настойчивой воспитательной работы. Теперь, когда СССР вступил в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму, «решающее значение приобретает дело коммунистического воспитания трудящихся, преодоление пережитков капитализма в сознании людей — строителей коммунизма»¹.

XVIII съезд ВКП(б) поставил перед страной грандиознейшие задачи. Успешное их решение зависит прежде всего от полного охвата всей массы трудящихся коммунистическим воспитанием, от превращения всех советских людей в активных строителей бесклассового общества. Нужно преодоление старых привычек, навыков, предрассудков. Нужно изменение сознания людей, приучение их к соблюдению правил социалистического общежития. Нужно, чтобы эти правила вошли в плоть и кровь всех трудящихся. Нужно, чтобы каждый человек нашей страны отдавал всего себя, всю свою энергию, всю свою жизнь строительству коммунизма, подчинял свои личные интересы общественным.

Советская художественная литература — могучее средство воспитания людей в духе коммунизма. Она воздействует на сознание масс, формирует их взгляды и эмоции, показывает человека во всех его связях и опосредствованиях. Литература тем самым помогает людям видеть положительные и отрицательные стороны своего характера и окружающей действительности.

Творчество Гладкова — пример беззаветного служения художника этой

благородной цели: воспитанию в массах нового, коммунистического поведения. Писатель горячо и убежденно, правдивыми и яркими образами вносит в сознание людей передовые идеи, направленные к утверждению в человеческой личности самых лучших и светлых качеств, к повышению ее достоинства. Своим творчеством художник способствует формированию коммунистической психологии советского человека. Он воспитывает в людях самоотверженное отношение к труду, как к высокой общественной обязанности, как к делу чести и славы. Смело обнажая буржуазные пережитки, писатель борется за новые отношения людей, пробникнутые гуманностью и человечностью.

«Социалистический реализм, — говорил Горький, — утверждает бытие, как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю, как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью».

Утверждение бытия, как деяния, — вот характерная особенность и лейтмотив всего творчества Гладкова. Писатель видит и отражает жизнь во всем богатстве ее проявлений. Он показывает, как рождаются, растут и крепнут новые, социалистические отношения в нашей действительности. Его герой — мужественный и непоколебимый борец за счастье и радость народа, благородный и самоотверженный строитель коммунистического общества. Произведения Гладкова будят в читателе решимость и волю к творчеству, к дерзаниям, к подвигам во славу нашей прекрасной социалистической родины.

¹ «Резолюция XVIII съезда ВКП(б)». Стр. 11, Госполитиздат, 1939 г.

„История русской литературы“ М. Горького

М. ЮНОВИЧ

★

В архиве Алексея Максимовича Горького хранится рукопись его крупнейшей историко-литературной работы, посвященной русской литературе XVIII и XIX веков. Рукопись — черновая и сохранилась не во всем своем первоначальном объеме: нехватает страниц, начала или конца глав и даже целых глав; в цепи историко-литературного развития, которое изучает Горький, как бы выпали некоторые звенья. В рукописи много исправлений, отдельные места являются сокращенными заметками «для себя», для дальнейшей работы; их подлинный смысл выясняется при сопоставлении со всем идейным строем труда. Этот труд не закончен, обрывается творческим портретом Льва Толстого. Между тем, из писем Алексея Максимовича тех лет можно заключить, что он шел в своей работе дальше — к современной ему литературе. Несмотря на пробелы, которые мы по сей день бесильны были заполнить, потому что не разысканы затерянные листы рукописи, несмотря на особенности, присущие ей, как всякой начерно написанной и незаконченной работе, она дает связанное изложение почти всех важных событий литературы двух веков, в ней явственно выступают принципы построения Горьким истории литературы. Работа представляет выдающийся интерес.

Горький шел в своем исследовании по историческим путям, пройденным родной страной. Большая часть труда посвящена истории в прямом смысле этого понятия; изучение литературных

направлений, школ, отдельных писателей включалось в широкий охват исторического процесса, и Горький стремился вскрыть закономерность этого процесса — закономерность возникновения идейно-художественных форм, их «практическое», как говорил писатель, их общественное значение, их развитие и умирание и смену другими идейно-художественными формами.

Труд Горького дошел до нас как неотделанное, отчасти разрушенное, но величавое строение. Его мощный фундамент — изучение истории русского общества, архитектура отдельных частей, расположение и связь их — все говорит о замысле писателя — *создать историю русской литературы*. Горький решительно отвергал подмену истории литературы собранием «пестрых глав» — портретов писателей. Их великое наследство нужно изучать в неразрывной связи с менее известной, порою незаметной, но плодотворной, исторически-необходимой работой, которую делали второстепенные писатели — большие и небольшие таланты. Это — один из важнейших принципов всей научно-литературной деятельности Горького. «По необходимости, объясняемой недостатком времени, — писал он в своей работе, — я... останавливаюсь на крупных именах. Прием этот вы не должны признавать правильным: он рисует дело так, как будто... Фонвизины, Жуковские, Пушкины и другие величины русской литературы выросли вдруг, являясь какими-то холмами на гладкой равнине.

Этот взгляд — неприемлем... До Фон-визина прошел ряд людей, начиная с А. Кантемира, ...частью отмеченных литературой, частью же забытых ею, ...все эти люди были, так сказать, последовательными возвышениями в деле организации накопленного историей опыта... В 1935 г., много лет спустя после работы над рукописью, Горький в заметках на присланный ему на отзыв учебник литературы XIX века писал с явным осуждением: «...это скорее сборник статей о русских литераторах XIX века, но не о литературе, как отражении социальных явлений и как мастерстве создания характеров, типов». Далее мы убедимся в том, что в «Истории русской литературы» Горького искусство слова действительно предстает, как «отражение социальных явлений и как мастерство создания характеров, типов».

В ноябре 1907 года Горький писал К. П. Пятницкому: «...если Вам попадутся у букинистов или у знакомых книги по фольклору — напр., сборники Барсова, Сахарова, Афанасьева, Данилова — давайте их мне! Купите! Ибо, летом, я и Луначарский, вероятно, примемся за историю литературы для народа и все эти вещи нужны». В феврале 1908 года Горький настойчиво повторяет свою просьбу: «...Очень прошу прислать книг по литературе, кончив повесть, я немедленно займусь подготовкой к работе по истории литературы вместе с Луначарским. Время дорого и дело важно...».

Из документов этих явствует, что замысел создания истории литературы восходит к концу 1907 года; в 1908 году Горький со всей «горячностью», как он сам говорил, занялся подготовкой к работе. Интересна в этом отношении переписка с К. П. Пятницким и С. П. Боголюбовым. В каждом письме,—а их много,— Горький просит, требует у своих корреспондентов присылки книг по истории западноевропейской, восточной, русской литературы. Он посылает списки книг; многие из списков не найдены, но и по сохранившимся можно судить о широте охвата, систематичности подбора Горьким исторических и историко-литературных трудов: им указаны едва

ли не все основные труды, например, — Корша и Кирпичникова, Александра Веселовского, Покровского, Потемни, Лободы, Буслаева, Жданова, Перетца, Лансона, Гюйо, указаны основные исследования по истории культуры, искусства возрождения, по истории мирового фольклора и редкие, редчайшие издания и специальные исследования по фольклору. Характер требований, постоянная к ним приписка: «очень прошу», «очень нужно», «очень необходимо для работы, которую пишу», да и все содержание переписки говорит о том, что Горький не просто собирал библиотеку, — он изучал присылаемые книги, работал, по собственному признанию, до того, что «спину ломит», «глаза слепнут».

В эти годы был заложен фундамент обширнейших познаний в области истории мировой культуры, которые так отличали Горького.

«Сейчас глотаю историю литературы» — писал он Пятницкому (май 1908 года).— «Эх, если б кто-нибудь написал сравнительный очерк по литературным направлениям в первые годы XIX столетия и в наше время. Что за убийственная параллель! И что за удар по твердыням мещанского индивидуализма, который вырождается не век от века, но десятилетиями». Немного времени спустя Горький сам в работе, о которой идет речь, провел параллель между немецким реакционным романтизмом начала прошлого века и русской мистико-порнографической литературой начала века нынешнего.

Изучая переписку 1908—1909 годов, сопоставляя списки книг, которые просил Горький прислать, с его заметками в этих книгах, сохранившихся в его личной библиотеке, сравнивая, наконец, статьи тех лет с рукописью, приходишь к выводу: работа была осуществлением — частичным, незаконченным — замысла написать «историю литературы для народа».

Этот вывод подтверждает в частности сопоставление рукописи с известной статьей Горького «Разрушение личности», написанной в 1908 году. Сравнение обнаруживает глубокое идейное

единство, совпадение основных положений. «Разрушение личности» — законченная, отделанная работа; рукопись «Истории литературы» — черновой автограф, работа неоконченная, неотделанная. Можно предположить, что некоторые ее основные идеи или начерно написанные главы были переработаны в статью «Разрушение личности». Когда же была организована каприйская школа, Горький использовал в ней свой ранее задуманный, ранее начатый, в некоторой части уже осуществленный труд. Мы далее убедимся в том, что горьковская «История русской литературы» чужда философскому направлению каприйской школы, что богдановщина, кое-где отразившаяся в работе, сказалась более в терминологии, в неудачных, путаных формулировках, в единичных неверных оценках, но не затронула существа работы.

Замысел создания истории литературы — это характерно горьковский, любимый, вызревший в сознании писателя замысел.

Как идеальный читатель художественной литературы, одаренный чудесной памятью, изведавший до глубины литературные потоки, Горький был знатоком литературы. Его критическая и рецензентская деятельность началась почти одновременно с творческой; к 1907 году, стало быть, накоплен был большой опыт этого вида литературной работы. Участие в идейной и революционной борьбе рабочего класса давало общетеоретическую закалку. По скромности Горький считал себя неподготовленным к писанию истории литературы и настойчиво предлагал специалистам заняться этим «важным делом». Но мысль написать «историю литературы для народа» принадлежит Горькому, она сродни всей его творческой, публицистической деятельности, она настоятельно диктовалась его общественными, революционными стремлениями и заданиями, — и Горький сам принял за работу.

Он охватил громадный материал литературного развития двух столетий — от Фонвизина до Льва Толстого включительно. Изложение работы от-

крывается теоретическим вступлением, в котором автор определяет сущность литературы — искусства слова, сопоставляя его с наукой, философией, выделяя черты различия между этими двумя видами идеологии; писатель говорит о значении художественного слова в общественной борьбе и определяет в русском историческом процессе XIX века два главных русла литературного развития.

«Литература, — пишет Горький, — образное выражение идеологий — чувств, мнений, намерений и надежд общественных классов и групп. Она является наиболее чутким и верным отображением междуклассовых отношений...».

Это — исходное положение Горького, это — руководящая идея исследования. Работа Горького представляет выдающийся интерес прежде всего потому, что является первым в истории русской литературной науки опытом — объяснить двухвековое развитие литературы, как отражение процесса классовой борьбы. По охвату материала это был первый опыт применения марксистского метода к изучению художественного развития русского общества. В данном случае охват материала — двухвековой истории общественной мысли и литературы — имел не только количественное, но и качественное значение.

Итак, по мысли Горького, литература — отражение социальной действительности. Отражение это не произвольно. Оно определено общественно-экономическими отношениями, но не механично, в нем присутствует момент субъективности и, следовательно, активности.

«...Знание истории учит нас, — пишет Горький в своей работе, — что, при современных общественных отношениях, люди не могут объединиться для дружной борьбы с природой, что классовая рознь создает ряд противоречий, что эти противоречия, развиваясь при сознательном нашем вмешательстве в их игру — пожрут, наконец, сами себя, и человек освободится от экономического и политического рабства.

С этой точки зрения, все — а равно и рост знаний наших, развитие науки, как орудия нашей самозащиты, все

стоит в зависимости от общественно-экономических отношений, кои и должны быть изменены прежде всего». Так Горький сформулировал свои воззрения на жизнь общества; это — воззрения исторического материализма. Они легли в основу работы Горького, они определили его подход ко всем конкретным событиям истории и явлениям литературы. В формулировании конкретных оценок Горький не всегда достигал точности, теоретической определенности. Но нельзя забывать, что мы имеем дело с черновой рукописью, с незаконченной и забытой редакцией труда. В такой редакции естественны неточности, описки, путанные в сокращенных записях «для себя» формулировки.

Эта внешняя неупорядоченность не может, не должна затмить внутреннего содержания — богатства верных наблюдений, плодотворных обобщений и выводов, к которым приходил автор, следуя в своей работе принципам исторического материализма.

Руководящей философской идеей исследования является: литература — вид общественного сознания — отражает действительность и играет громадную роль в общественной жизни.

«Надо ускорить, — писал Горький, — процесс совершенствования жизни путем активного вмешательства человеческого сознания во все дела жизни». Это — не рационализм, как может показаться на первый взгляд; подлинный смысл пропаганды активности человеческого сознания прояснится, когда мы возьмем его в сопоставлении с основной философской идеей работы: «литература — живое, трепетное зеркало бытия». Горький подчеркивал роль общественного сознания в истории человечества. Отсюда — оценка роли художественного слова в классовой борьбе.

«Насыщая идеи плотью и кровью, — писал Горький, — она (литература) дает им большую наглядность, большую убедительность... Будучи более читаемой и вследствие живости своей убедительной, чем философия, литература этим самым является и наиболее распространенным, удобным, простым и победоносным спо-

собом пропаганды классовых тенденций».

Вскрывая классовую природу искусства, Горький тут же выделяет замечательную особенность многих лучших, подлинно художественных произведений, например, романов Бальзака, Льва Толстого: их содержание шире тенденций автора, т.-е. определенных классовых тенденций, проводимых в этих же романах, их содержание часто противоречит воззрениям автора, опровергает их.

«Роман, — писал Горький, — являясь могучим и в высшей степени убедительным средством пропаганды классовых тенденций — в то же время заставляет писателя, вопреки его намерениям, отмечать попутно тенденции и факты, чуждые и враждебные тем, кои проповедует он сам, как идейный представитель той или иной общественной группы».

Горький разумел, конечно, не все романы: достаточно хорошо известно отношение писателя к «охранительной» литературе 60-х — 70-х годов прошлого века: к романам Ключникова, Крестьянского, Маркевича и прочих; достаточно хорошо известна борьба, которую вел Горький как-раз в те годы, когда писал свою «Историю литературы», с мистико-мракобесной, порнографически-реакционной литературой, махрово расцветавшей после поражения революции 1905 года, представленной романами Арцыбашева, Федора Сологуба, Винниченко и прочих.

Горький имел в виду, конечно, определенный — очень значительный — разряд произведений критического реализма: не случайно он называет для примера имена великих представителей критического реализма — Бальзака, Толстого.

Но почему же он говорит о романе «вообще»?

Горький выделяет роман, как жанр художественного творчества, который широко охватывает жизнь, дает широкую картину мира. В таких произведениях явно выступают противоречия, присущие многим выдающимся реалистическим произведениям прошлого. Для Горького, который из собственной творческой практики знал особенности

романа, этот жанр был художественной формой, способной вобрать обилие жизненных впечатлений писателя. А, по мысли Горького, художник силен именно богатством жизненных впечатлений, «обилием опыта». Горький в данном случае правильно, не по-богодановски, толкует понятие «опыт», как результат разнообразной практики человека. Но «богатый опытом писатель... противоречив»: он противоречив именно потому, что стремления собственнических классов враждебны разностороннему познанию и отражению мира.

Чем шире, и глубже, и разносторонней это познание, что всегда подготовлено ходом общественного, идейного развития и всегда соответствует новым назревшим историческим потребностям, с одной стороны, и силе природного дарования, ума и таланта художника — с другой, тем явственней образы и идеи произведения опровергают ложные, узкие, устаревшие тенденции автора. Вот вывод, к которому мы приходим, вникая в смысл тех страниц работы Горького, где он ставит один из самых сложных вопросов литературной науки: как объяснить сочетание ложных тенденций и реализма в крупнейших произведениях прошлого века. Горький указал на яркие примеры подобного противоречия—романы Бальзака, Толстого. Не случайны совпадения: Энгельс в своем известном письме к мисс Гаркнес — в этом маленьком трактате о реализме — ссылается на Бальзака и говорит: «то, что Бальзак был принужден идти против своих собственных классовых симпатий и политических предрассудков, то, что он видел неизбежность падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи... это я считаю одной из величайших побед реализма, одной из величайших особенностей старика Бальзака».

Известны статьи Ленина о Толстом, в которых Ленин вскрывает и объясняет противоречия в творчестве Толстого: «С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей,

какие только есть на свете, именно: религии...».

Горький не ограничивается Бальзаком и Толстым. Он называет имена Диккенса, Золя и, обобщая свои наблюдения, пишет, имея в виду русскую литературу XIX столетия: «У каждого русского писателя вы найдете излишек фактов, избыток мыслей, остающихся за пределами его тенденции и противоречащих ей по существу». Горький конкретно, с той или иной степенью полноты, охарактеризовал это явление в творчестве Пушкина, у писателей демократов-шестидесятников, у Глеба Успенского и Льва Толстого. Перед марксистской наукой о литературе стоит задача продолжить работу Горького—вскрыть смысл и значение противоречий, присущих художественному творчеству в классовом обществе так, как это сделал Ленин в статьях своих о Толстом.

Горький вскрыл толстовские противоречия. Всматриваясь в структуру его романа «Воскресение», Горький писал:

«Возьмем опять Толстого: задача — найти для дворянина достойное его место в жизни. Попутно автору пришлось коснуться всех сторон жизни, впасть в очевидные для нас и поучительные противоречия с основной своей идеей, много раз нарушать ее цельность, наконец, ему, проповеднику пассивного отношения к жизни, пришлось признать и почти оправдать в «Воскресении» активную борьбу».

Горький правильно подметил коренную черту идейно-художественной композиции произведения: в пути исканий автор все шире и шире охватывает жизнь, вместе с героем своим он идет из богатой помещицкой усадьбы в нищую, вымирающую деревню, из роскошных особняков дворянской знати в трущобы, в подвалы бедняков, следует за каторжанами по этапу, знакомится с революционерами. И так как Толстой обладал способностью смотреть правде в глаза, так как способность эту укрепляло стремление «дойти до корня», у него накапливался такой материал наблюдений, который приводил к единственно правильному выводу о порочности основ царского строя, о необ-

ходимости борьбы с ним. Честные наблюдения, обобщенные в образы мощной наглядности, соединенные простым, неотразимо убедительным приемом контрастного сопоставления, и явились содержанием и силой толстовских произведений. Сила образов, созданных художником, уничтожала его выводы, агитировала против него с такой очевидностью, что порой колебала его излюбленную «идею» в его же сознании. Нехлюдов рассуждает: «говорят ужасны Пугачевы, Разины. Эти (т-е. господа жизни царской России) в тысячу раз ужаснее...». Вот подобные рассуждения имел в виду Горький, когда писал: «ему (Толстому) — проповеднику пассивного отношения к жизни пришлось признать и почти оправдать в «Воскресении» активную борьбу». «60 лет ходил по России князь Нехлюдов, заглядывая всюду: в деревню и сельскую школу, в Вяземскую лавру и за границу, в тюрьмы, этапы, в кабинеты министров, в канцелярии губернаторов, в избы, на постоялые дворы и в гостиные аристократических дам.

60 лет звучал суровый и правдивый голос, обличавший всех и все, он рассказал нам о русской жизни почти столько же, как вся остальная наша литература».

Так Горький по достоинству оценил «историческое», как он говорил, значение гигантской работы Льва Толстого на путях его исканий. «... Книжки его (Толстого) — документальное изложение всех исканий, которые предприняла в XIX веке личность сильная, в целях найти себе в истории России место и дело». В известных воспоминаниях своих о Толстом Горький рисовал гениального художника «бесприютным странником», ищущим «всеобъемлющей правды». Горький же показал, что «всеобъемлющей правды» Толстой не нашел. Но путь исканий, анализа, критики окружающего и самокритики, путь познания был плодотворней, истинней, содержательней, богаче, чем конечные выводы познания, — таков поучительный смысл наблюдений Горького над творчеством Толстого. Поучительный потому, что плодотворность пути познания действительности и ничтожество положи-

тельных конечных выводов отличает не только русского гения критического реализма, но и других величайших представителей мировой реалистической литературы прошлого века.

«Нам, в интересах наших, — писал Горький, — очень важно отметить этот часто невольный, бессознательный объективизм писателя-художника, нам нужно знать, что в любом романе и рассказе, при внимательном чтении мы всегда можем найти, несмотря на внешнюю убедительность фактов и характеров, — внутреннее, непримиримое противоречие, оправдывающее нашу точку зрения на взаимные отношения общества и личности, мужчины и женщины, на все вопросы внутренней жизни и экономического быта. Но зная это, мы, однако, должны помнить, что враг наш — хитер и часто бывает, что его объективизм, ценный для нас — является только ловким прикрытием классовой тенденции.

Форты покрыты дерном — ах, как красив пригорок!».

Это — одно из замечательных наблюдений Горького, это — в то же время и философский принцип его работы. Попробуем его проверить, следуя указаниям писателя, попробуем проследить его конкретное применение.

Обратимся снова к Толстому.

Объективность, с которой написаны крестьяне в «Утре помещика», в «Анне Карениной» и «Воскресении», бесстрашная правда, с которой показаны взаимоотношения крепостного и барина, безземельного крестьянина, батрака и помещика, разве не оправдывают нашу точку зрения на непримиримость интересов эксплуататоров, какими бы добрыми намерениями они ни были одушевлены, и эксплуатируемых, «добрых» хозяев и батраков?

Разве беспощадное обнажение сокровенной душевной жизни Нехлюдова, который грешит и кается, трусит, колеблется, идет назад и снова будто бы «воскресает», — разве этот образ Нехлюдова не оправдывает нашей точки зрения на нехлюдовского бога, а вместе с тем на толстовскую идею нравственного совершенствования?

Совершенно очевидно, что «Крестьянин и крестьянский труд», «Власть земли» Глеба Успенского оправдывают нашу точку зрения на положение пореформенной русской деревни, на крестьянство в капиталистическом обществе, как на массу мелких товаропроизводителей, мелких собственников. И, таким образом, произведения Глеба Успенского сохраняют свою актуальную поучительность по сей день.

Совершенно очевидно, что сила Успенского — в честности, в правде творчества, а не в поэтически раскрашенной теории «власти земли»; теория эта никнет, теряет свою «поэзию» перед образами и картинками, исполненными жизненной правды, о чем и говорил Горький в главе, посвященной беллетристам-демократам шестидесятых годов: «Роль беллетристов-народников до сего дня остается неоцененной в истории русского общества; я уже не раз говорил о том, что беллетристические произведения народников мало имеют общего с теорией народничества, с политическими и культурными задачами этого учения.

Беллетристы-народолюбцы дали огромный материал к познанию экономического быта и истории нашей страны, психических особенностей ее народа, изобразили его нравы, обычаи, его настроения и желания. Народники-теоретики, руководясь этим материалом, взяли из него то, что могло подтвердить их выводы, и отбросили, забыли все, что противоречило им, а последнего было больше и оно — ценнее для нас.

Говоря кратко, наблюдения беллетристов все сводятся к одному: Россия необходимо должна европеизироваться; народ ее дик, груб и страшно подавлен духовно, у него нет веры в свои силы, нет уважения к себе, — но он, по натуре, очень способен, быстро схватывать все, что ему необходимо для правильного развития жизни и, будучи поставлен на путь европейской культуры, может в идейном отношении быстро догнать организованную капитализмом демократию запада».

Сейчас нет возможности, да и необходимости нет увеличивать количество примеров, подтверждающих мысль Горь-

кого, мысль самого большого значения: он выделил объективно-познавательную ценность искусства слова и указал на то, что объективно-истинное и подлинно-художественное в литературе, созданной под гнетом классового общества, противоречит ложным, отжившим, умирающим классовым тенденциям и сохраняет свое значение для нас или, что то же, оправдывает нашу точку зрения на «все вопросы внутренней жизни и экономического быта».

Горький нашел нужное слово для определения того замечательного явления, которое мы и поколения, нам предшествовавшие, много раз констатировали говоря о великом познавательном, эстетическом, воспитательном значении литературы прошлого. На собственном опыте, из своей суровой жизненной практики Горький узнал о великом значении правдивого художественного образа. И когда он всерьез занялся историей литературы, он не прошел мимо этого явления, не ограничился, как мы увидим далее, красивыми фразами — он поставил в своей работе один из самых сложных вопросов литературоведения, наметив его решение.

Теоретические положения, изложенные Горьким во вступительной главе, обобщают данные исторически-конкретного анализа литературы, посвященного в большей части XIX столетию.

Горький писал о Пушкине: «...он обладает способностью широких обобщений. Онегин, как тип, слагался только что в 20-х годах, но поэт тотчас же усмотрел эту психику, изучил ее, понял и написал первый русский реалистический роман, роман, который помимо неувядаемой его красоты имеет для нас цену исторического документа, более точно и правдиво рисующего эпоху, чем до сего дня воспроизводят десятки толстых книг».

О Щедрине: «Значение его сатиры огромно как по правдивости ее, так и по тому чувству почти пророческого предвидения тех путей, по коим должно было идти и шло русское общество...».

Совершенно очевидно, что приведенные характеристики и основные философские идеи работы Горького в корне чужды философскому направлению ка-

прийский школы, т.-е. богдановщине с ее отрицанием объективной реальности, объективной истины.

Какое содержание вкладывал Горький в понятие «нашей точки зрения»? Ее главное определение следующее: «...только пролетариат способен воспитать в себе интернациональную душу, познать самого себя, как владыку мира, и построить жизнь на реальных началах братской борьбы с природой за власть над силами ее». Понимание исторической роли пролетариата и составляет содержание «нашей», как говорил Алексей Максимович, точки зрения. С высоты этого сознания Горький рассматривает развитие литературы в России в связи с мировым общественным и литературным развитием, вскрывает закономерность возникновения и умирания, господства и смены литературных направлений, художественных форм. Понимание исторической миссии пролетариата в процессе многовековой классовой борьбы— это вершина, с которой Горький рассматривает писателей, как сынов своего времени и как участников всемирно-исторического движения к освобождению. Далее, когда мы перейдем к горьковским характеристикам западноевропейской буржуазной литературы в пору ее расцвета, к характеристикам Пушкина, Лермонтова, Белинского, Герцена, писателей и критиков-демократов шестидесятых и семидесятых годов,—мы убедимся в том, что Горький умел выделить в литературе то передовое для своего времени содержание, которое и оказывалось объективно-истинным, художественно-совершенным, сохраняющим силу и значение для нас, для рабочего класса — наследника всех достижений человечества. В творчестве великих художников Горький умел выделить то содержание, которое характеризовало их, как участников исторического движения к освобождению, но не как «общечеловеческих», внеисторических, «надклассовых» гениев.

Напротив, по мысли Горького, литература — оружие общественной борьбы. В борьбе собственных классов зачастую это оружие тем опаснее, чем ме-

нее открыто действует—«форты покрыты дерном—ах, как красив пригорок!».

Великой заслугой Горького является то, что он указал на эту маскировку классовых интересов средствами искусства. Замечательно, что, выделив в литературе прошлого объективно-истинное бессмертное содержание, Горький здесь же указал на эту маскировку.

Когда Тургенев, взявшись за изображение глубоко ему враждебной революционной борьбы крестьянских демократов, показал их людьми честными, мужественными, но фанатиками, тупоумными слепцами, чуждыми народу и не знающими реальной обстановки,—он скрыл свое намерение развенчать, уничтожить в глазах общества революционно-демократическое движение. Он незначущими черточками объективности, внешним правдоподобием скрыл искажение существенных сторон. Вот как сам Тургенев объяснял свой прием:

«Молодое поколение было до сих пор представлено в нашей литературе либо, как сброд жуликов и мошенников — что, во-первых, несправедливо, — а во-вторых, могло только оскорбить читателей — юношей, как клевета и ложь; либо это поколение было, по мере возможности, возведено в идеал, что опять несправедливо — и сверх того вредно. Я решился выбрать среднюю дорогу — стать ближе к правде: — взять молодых людей, большей частью хороших и честных, и показать, что несмотря на их честность, самое дело их так ложно, нежизненно, что не может не привести их к полному фиаско. Во всяком случае молодые люди не могут сказать, что за изображении их взялся враг. Они, напротив, должны чувствовать ту симпатию, которая живет во мне, если не к их целям, то к их личностям. И только таким образом может роман, написанный для них и о них, принести им пользу». Роман, следовательно, рассчитан, по собственному признанию автора, на то, чтобы унижить «самое дело», т.-е. революционную общественную борьбу, роман также рассчитан на то, чтобы «молодые люди» не распознали в авторе прстивника, вообще, не поняли направления романа. Поэтому-то Тургенев ри-

сует революционеров «не как сброд жуликов и мошенников», а как «хороших и честных людей».

Взявшись за изображение «молодого поколения» шестидесятых годов, Тургенев написал «умницу», «героя» Базарова. Этот «умница», несмотря на весь свой нигилизм, направленный против господ дворян Кирсановых, заявляет, что ему «все равно», в какой избе будет жить мужик, и обнаруживает полное свое равнодушие к судьбам крестьянства, к его борьбе. Тургенев в обаятельном образе Базарова некоторыми объективными, искусно, тонко отобранными чертами скрыл искажение сущности молодого поколения — беззаветную его преданность делу освобождения народа от крепостнического гнета, скрыл, тем самым, и свою классовую тенденцию — развенчать в глазах общества деятельность, борьбу крестьянских демократов.

В главе, посвященной Писареву, Горький вскрывает ошибочность суждений знаменитого критика о Базарове. Горький указывает, что Герцен несравненно более прав в своей оценке тургеневского героя, чем Писарев, что последний, отходя от позиций и Герцена, и Чернышевского, поднимает на щит Базарова. Горький отмечает, что в деятельности Базарова отсутствует идея настоящего демократизма, которая могла бы этого «нового» человека объединить с его непосредственными предшественниками, в частности, с «пожилым Герценом».

«Писарев... — говорит Горький, — не усмотрев западни, поставленной Тургеневым, попал в нее обеими ногами...». Поклонники тургеневского таланта могут возразить: какая же это «западня» Базаров, если автор любил свое детище, любовно, по его признанию, рисовал его и постоянно горячо защищал: «Базаров... на которого я потратил все находящиеся в моем распоряжении краски, Базаров — этот умница, этот герой — карикатура?» — оправдывался Тургенев.

Нет никаких оснований не верить писателю, и герой его не карикатура. Однако лучшие краски, которые потратил на Базарова Тургенев, взятые из жиз-

ни, из действительности, — что и сообщает образу известную силу художественного создания, — краски эти скрывают искажение существа наиболее исторически и общественно значимых сторон деятельности «молодого поколения».

Некрасов писал о нем: «Доля народа — счастье его».

Этого нет в Базарове — «умнице» и «герое»; и потому образ этот — «западня» (хотел или не хотел того автор, в данном случае безразлично), и потому прав Горький, говоря, что Писарев попал в западню. Интересно отметить, что тонким искусством «Нови» обольщен был Лавров, давший высокую оценку этому роману. Зато Салтыков-Щедрин «раскусил» его. Но дело не в отзывах Писарева, Лаврова, Щедрина. Дело в том, что Базаров — все же художественный образ, а «Новь» — не бездарный «охранительный» роман, каких было множество в 70-х годах прошлого века.

Оба произведения сильны политической и социальной актуальностью, правдивым изображением крепостнического дворянства, что свидетельствует об относительно передовых общественных стремлениях Тургенева, сильны превосходным изображением умирания патриархального барства, сознанием, что на смену его должны притти новые люди, новые деятели. В «Нови» глубоко содержательны страницы, отданные Нежданову — «лишнему человеку», и в обоих романах чудесно мастерство описаний природы, и тонка разработка психологии человека. Но кроме этих высоких достижений, есть в этих произведениях также то, что не позволило художнику открыто и грубо исказить жизнь. Принужденный скрыть ограниченное содержание своих, относительно передовых, классовых стремлений, Тургенев реально и трезво оценил своего врага, его сильные и слабые стороны и односторонне-реалистической зарисовкой некоторых сторон затушевал, приглушил искажение тех сторон, которые были для него — идеолога определенного общественного направления — наиболее опасны.

Ленин, Сталин учат, что все классы общества, кроме пролетариата, «вынуждены», по слову Маркса, «скрыть» от самих себя и всего общества ограниченное содержание своей борьбы. Это осуществляется во всех видах идеологии, в том числе и в литературе, на что так ясно, прямо указал Горький, и что ни в малейшей степени не противоречит его же высоким оценкам великих достижений литературы, созданной под гнетом классового общества.

Большой интерес для понимания историко-литературной концепции Горького представляет глава, посвященная романтизму — широкому литературному движению, захватившему в начале прошлого века западноевропейские страны и Россию.

На основе изучения романтиков начала прошлого века и модернистов-мистиков начала века нынешнего Горький обосновывает разделение романтизма на противоположные направления. Есть романтизм реакционный, воинствующе-идеалистический или пассивно-реакционный (это разделение внутри вида) и есть романтизм революционный, активный, рождающийся, по словам писателя, «на почве сознания человеком его связи с миром и ощущения своей творческой силы, вызванной этим сознанием».

Горький считал активную романтику присущей литературе пролетариата. Этот класс, «строгий реалист», по мысли и слову писателя, закономерно приходит в литературе своей к активной романтике; приходит потому, что является «проводником социалистической идеи освобождения всего человечества из плена капитализма». Романтика пролетариата рождается, как образ, как форма утверждения победоносной освободительной силы, как предвидение осуществления исторически подготовленных чаяний, тех общественных интересов и стремлений, которым суждено победить.

Известно, какое значение придавал Горький «выдумке» — ее роли в художественной, да и во всей деятельности

человека. Способность «выдумки» — это способность творящего сознания, которое, отражая мир, обобщает главное, массовидное, миллионы раз повторяющееся в практике человека. Такое понимание художественных характеров, типов, образов проведено во всех оценках работы Горького. Он с восхищением говорит о великой способности человека видеть в хаосе повседневности, в смутных, еще неустановившихся очертаниях текущего дня зреющие силы будущего, новые формы жизни. Художественное предвидение Горький полушутя называл «ошибкой» в сторону той правды, которая неизбежно осуществится». В понятие такой «ошибки» — романтического преувеличения, например, — Горький вкладывал то же содержание, что Энгельс в понятие «рациональной фантастики», Ленин — в слова «надо мечтать!». Страницы рукописи, где Горький, определяя пролетарский романтизм, пишет: «Да не смущает вас применение термина романтизм к психологии пролетариата — термином этим, за неимением другого, я определяю только повышенное боевое настроение пролетария, вытекающее из сознания им своих сил, из все более усваиваемого им взгляда на себя как на хозяина мира и на освободителя человечества», — эти страницы едины по смыслу и значению с известными страницами «Что делать?», где Лениным утверждается способность мечтать, т.-е. представлять «в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться...».

Много лет спустя в одной забытой и затерянной статье Горький писал, развывая идеи своей старой работы:

«Сатирик в отношении к прошлому, беспощадный реалист в настоящем и революционный романтик в оценке, в предвидении будущего — вот каким, на мой взгляд, должен быть литератор — выдвигателем рабочего класса».

Только на основе понимания того, что общественное сознание не механически, не мертво отражает социальную действительность, могло возникнуть это глубоко верное, диалекти-

чески гибкое определение единства реализма и романтизма в литературе пролетариата. Оно возникло, как вывод конкретного изучения, в основу которого была положена руководящая идея, выраженная крылатым горьковским словом: «литература — живое, трепетное зеркало бытия».

★

Как изучал Горький бытие?

Он изучал экономику страны, он внимательно выделил поворотные моменты в экономическом развитии России — 40-е и 60-е годы. Далее Горький пишет широкую картину классовых отношений и борьбы, определяя этапы, стремясь показать место и роль всех участников жизни, роль и значение общественных теорий, идей. Работа насыщена фактами: Горький останавливается на важнейших событиях внутри страны, попутно касаясь событий мировой истории. Достаточно обстоятельно рассказывает писатель о политике царизма, потому что мероприятия власти не могли не сказаться в жизни общества. Проследившая в некоторых, наиболее разработанных главах шаг за шагом ход истории, Горький показывает борьбу внутри господствующего класса — дворянства, процессы его экономического, социального и морального разложения и мучительное рождение в тяжких российских условиях новых общественных сил. Так написана, например, глава, посвященная 40-м годам. Большое внимание Горький уделяет взаимоотношению массива классов с их интеллигенцией, с их идеологами, и тут же рассказывает о революционном движении, о никогда не умирающих попытках освободительной борьбы, которые то вырастают, сливаются в революционное движение, то остаются на уровне разрозненных заговоров и бунтов. Но даже эти разрозненные заговоры и бунты внимательно отмечены Горьким, например, в главе о 30-х годах. Известно, что история общественной борьбы в это «ужасающее десятилетие» по сей день мало изучена.

Самое большое внимание Горький уде-

ляет положению народа и его борьбе. Можно сказать, что нет ни одного сколько-нибудь значительного литературного события, социального явления, раскрывая смысл которого Горький не коснулся бы отношения его к народной массе. Определяя задание своего труда, Горький писал: «Наша тема — русская литература, русская интеллигенция в их отношении к народу». Так и построена работа: автор доказал, что ни один крупный писатель прошлого не проходил мимо народа, что пред деятелями литературы, общественной мысли, культуры, пред интеллигенцией всех классов неизменно стоял вопрос отношения к народной массе. Этот поворот исследования, оправданный всем ходом исторического развития — мирового и русского, ходом общественной борьбы и развития культуры, — является замечательной чертой работы Горького. По мысли его, народ — «строительная сила», сила эта не обнаруживает тенденции оставаться покорной господствующему классу. Напротив, крестьянство восставало даже в «ужасающее десятилетие» — 30-е годы, когда, казалось, Николай Палкин задушил возможность какого бы то ни было сопротивления деспотизму царя и насильно помещиков. Работа Горького — первая среди исторических трудов — поставила вопрос о влиянии крестьянских восстаний на формирование декабристского движения. Линия народного — в XIX веке крестьянского — движения отчетливо проходит через всю «Историю русской литературы».

Подводя итог первому ее периоду и переходя ко второму — к пореформенной литературе, Горький приводит статистику крестьянских восстаний; он доказывает, что непрекращающаяся народная борьба была основной причиной и главным побудителем перемен как в области политической и социальной жизни страны, так и в литературе — в сфере идеологической.

«Русский народ, — писал Горький, — как строительная сила, создал три типа государственного бытия... Этот народ

несколько раз поднимался против Москвы, добиваясь свободы — Разин, Булавин, Пугачев были, как никак, выразителями его тенденций.

Он, народ этот, — без помощи государства захватил и присоединил Москве огромную Сибирь руками Ермака и понизовой вольницы, беглой от бояр.

Он в лице Дежнева, Крашенинникова, Хабарова и массы других землепроходцев, открывал новые места, проливы — на свой счет и за свой страх... Этим народом сделано много дела, у него есть большая история...».

Рассуждения Горького сводятся к тому, что народ — эта всеосидающая, грозная, хотя и скованная, сила — настолько явственно заявляла о себе в сфере материальной жизни в те моменты, когда решались судьбы общества и государств, что вне ее воздействия не остались ни революционные организации, ни радикально настроенные группы, ни господствующий класс. Господствующее общество не могло не формировать в сфере идеологической своего отношения к народу. Горький последовательно проводит эту мысль в своей работе, вскрывая реальное содержание и «практическое» значение различных форм «народности», будь то романсы крепостнического дворянства, теории славянофилов или теории народников, или крестьянская гематика в литературе мелкобуржуазной интеллигенции. И уж если господствующие классы не могли не ввести в свой идеологический обиход народ, то все передовые направления общественной борьбы и мысли не могли не ставить вопроса о положении крестьянства; более того, не могли не соотносить свои стремления с интересами народа. Горький проследил формы этой связи. В его задачу входило: отделить демагогию от тех стремлений, которые, будучи исторически передовыми, смыкались в той или иной степени с интересами народа.

Горький сформулировал главную тему своего труда, исходя из наблюдений над литературой двух столетий. В изучении этом большую роль играла работа над фольклором, которой Горький и был усердно занят в годы писания

истории литературы. Но не меньшее значение имела работа над буржуазной литературой. Можно сказать, что правильная оценка роли буржуазии в истории — в освободительной борьбе и духовном производстве общества — была предпосылкой к постановке писателем задачи: «русская интеллигенция, русская литература в их отношении к народу».

Вот что Горький писал о буржуазной литературе: «она помогла сменить мир чуждых буржуазии XVIII века — рыцарей, принцесс, героев и чудовищ, поставив на их место близкую и родную новому читателю обстановку его семьи, его общества, окружив его его же тетками и дядьями, братьями, сестрами, друзьями и приятелями, словом — всей родней его и всем миром реальной повседневной будничной жизни. Читатель был поражен этой близостью книги к жизни, реалист в своей деятельности, он читал с удовольствием и огромной пользой: книга помогала ему понимать сложные отношения людей, помогала строить ту систему отношений к ближним, кою мы называем буржуазной нравственностью, литература, наконец, помогала ему создавать идеологию индивидуализма, — систему самозащиты буржуа от напора на него социальных демократических требований».

Помимо близости к жизни, новая литература принесла с собою читателю новую эстетику, новую красоту: это была красота слова, языка — его точность, музыкальность, его умение формулировать тончайшую игру психики — это была красота действительности, с которой никогда не сравнится фантазия, это была красота будничного дня, наполненного живой творческой работой юного, здорового общества, наслаждавшегося созерцанием своих строительных усилий и явными для всех результатами их».

А наряду с этой характеристикой достижений буржуазного реализма в ту пору, когда молодая буржуазия направляла свои силы на разрушение феодального строя и феодальной же идеологии, Горький определяет те основы социальной практики буржуазии, кото-

рые подчинили собственническим интересам всю ее деятельность.

«Торопливость обобщений, — пишет автор, — необходимо вытекающая из стремления буржуазии идеологически оправдать свою власть, делает эти поспешные обобщения неустойчивыми — все равно носят ли они характер материалистический или идеалистический».

Строя свои теории, буржуа — философ и ученый — не может пользоваться всею массой общечеловеческого опыта... Он не смеет сказать — «я этого не знаю», ибо такое сознание понизило бы его авторитет, он говорит — «это никем не познано и никогда не будет познано».

Его идеалы немедленно превращаются в его идолов, по натуре своей он раб и на идею смотрит не как на орудие познания, но как на средство духовного порабощения классов, экономически подчиненных ему.

Поэтому можно безошибочно предсказать, что в годы борьбы за власть — буржуа будет мыслить материалистически и не откажется от исследования, в годы же укрепления власти своей — он будет идеалистом и догматиком: и поэтому именно буржуазная мысль принуждена то-и-дело возвращаться к пережитому ею, повторять саму себя».

Это определение ограниченности духовного производства последнего эксплуататорского класса тем более значительно, что дано в единой, цельной характеристике этого класса. Горький указал, что с момента рождения буржуазии в ее социальной практике заложены те начала, которые подавят, искажут ее дальнейшую духовную деятельность.

И тогда вставал пред Горьким вопрос, какая историческая сила оплодотворяла мысль великих художников прошлого — отщепенцев господствующих классов, «блудных детей» буржуазии? Горький отвечал: народ, трудящиеся массы, борющиеся, поразному в различных исторических условиях, за освобождение от экономического, социального и духовного рабства. Этот ответ Горький дал в настоящей работе — в «Истории русской литературы» — и в статьях, писавшихся одно-

временно с ней, прежде всего — в «Разрушении личности». В этой последней читаем:

«Народ не только — сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры».

Сверкающей вершиной возвышается в истории мировой культуры искусство Возрождения. Горький объясняет это явление близостью художников Возрождения к народу: «...когда творчество итальянского народа глубоко коснулось всех сторон духа, охватило пламенем своим всю широту строительства жизни, создало столь великое искусство, вызвав к жизни изумительное количество великих мастеров слова, кисти и резца».

Сверкающей вершиной возвышается в истории мировой литературы русская литература XIX столетия. «Я не увеличу правды, сказав, что ни одна из литератур Запада не возникала к жизни с такой силой и быстротой, в таком могучем, ослепительном блеске таланта» — писал Горький. Он объясняет это блистательное развитие тем, что русские писатели прошлого века, «правдиво и честно освещая понятное, пережитое ими, говорят: храм русского искусства строен нами при молчаливой помощи народа, народ вдохновлял нас, любите его!».

Но недостаточно указать на близость художников и народа в эпоху Возрождения, недостаточно сказать о том, что народ притягивал к себе думы лучших русских писателей прошлого века. Эта, сама по себе верная, констатация фактов — еще не объяснение. Горький же искал объяснения, искал его в исторических условиях. Мы убедимся далее в том, что Горький не упрощал сложнейшего из сложных вопросов истории литературы — вопроса о связи великих художников господствовавших классов с народной угнетенной массой. Горький не прямо и просто связывал Пушкина, Щедрина, Шевченко с народом, он по-

разному говорил об их народности, он стремился понять исторически-конкретную степень, меру совпадения или соответствия чаяний лучших писателей классового общества чаяниям народа. Недаром же Горький провозгласил Шевченко «первым и воистину народным поэтом, не искажавшим субъективными добавлениями народных дум и чувств».

Горький ставит вопрос об историческом содержании и смысле направления «народности» в публицистике и литературе.

Он объясняет интерес писателей молодой европейской буржуазии к истории, в частности к старине народной: «новый хозяин пожелал рассмотреть свое наследство — всю массу опыта, накопленного до него народами... дабы извлечь из старины материал для исторического самопознания и для лучшего укрепления завоеванной им позиции». С другой стороны, писатели побежденного дворянства «должны были, по мысли Горького, напомнить самим себе и новому классу о своих политических и культурных заслугах в прошлом». Таковы различные истоки и направления, по которым развивалась литература, как будто бы единая по интересу к народу. Горький отмечает плодотворность первого, т.-е. буржуазного направления, деятели которого, изучая и собирая народные сказки, легенды, предания, познакомили новое общество с внутренним миром народа, с его воззрениями на социальные отношения, на природу и, таким образом, положили начало серьезному изучению народа.

Переходя к России, Горький выделяет войну 1812 года, как событие, которое выдвинуло крестьянство перед правительством и обществом. «С этого момента, у нас начинается... то... отношение к народу, которое все еще недостаточно освещено с его траги-комической и постыдной для дворянства стороны» — пишет Горький. Большой его заслугой является то, что он осветил это «постыдное» отношение, воплощенное в лженародном творчестве, в форме которого закреплялось и проповедывалось крепостничество, но которое в то же время отражало жизнен-

ную необходимость ввести народ в идеологический обиход господствующего общества: «любовались мужиком, поролли его и создавали, не торопясь и без особенных усилий, государственную идею «народности». Наблюдения Горького сводятся к следующему.

Восстания Степана Разина, Пугачева, бесчисленные крестьянские «бунты», убийства помещиков, волнения среди старообрядцев — все эти весьма немаловажные для дворянства явления выключались из литературных тем. Еще свежа была грозная память Пугачева, а поэты крепостнического дворянства писали идиллические пасторали о мирных, счастливых поселаянах и сочиняли песни на манер известной «Стонет сизый голубочек». События на Западе, т.-е. французская революция, наполеоновские войны, 1812 год в России дали могучий толчок росту национального самосознания русского общества, а вместе с ним «меньшинство» принялось исподтишка наблюдать и изучать жизнь крестьянства.

Однако в первое 20-летие XIX в. какие-либо серьезные труды по изучению крестьянской жизни были невозможны.

И верно, в первые десятилетия XIX века заметно усилился интерес к «народному элементу», к старине народной, увеличилось количество произведений подобной тематики, но разработка ее в додекабристской, допушкинской литературе осталась той же, что и в поэзии XVIII века.

Попрежнему воспевались «румяные пастушки», «добрые поселаяне», «крестьянские добродушные лица». Горький перечисляет авторов лженародных повестей и песен-романсов: Дмитриев, Жуковский, Карамзин, Нелединский-Мелецкий, Языков, Ростопчина. Алексей Максимович не без иронии замечает, что Дмитриев и Нелединский-Мелецкий — поэты-министры, а «знание народа было настолько серьезно, что даже романс Жуковского «Кольцо души-девицы» считался простонародной песней».

В чем же смысл этой литературы, этого «интереса» к народу, каково его

реальное значение и назначение? «Му-жик изображался,—отвечает Горький,—кротким, любвеобильным христианином, с невероятно развитой способностью прощать и забывать все обиды. Это представление о нем имело практический смысл, оно успокаивало общество, встревоженное народным движением во Франции, оно как бы оправдывало и крепостное право: ведь не все ли равно истинному христианину быть свободным или рабом, его царство — не от мира сего». Эта литература крепостнического класса подготовила, по мнению Горького, почву, на которой разрослась государственная теория официальной «народности». Теоретики-министры, подобные Уварову—одному из убийц Пушкина, вкупе с поэтами-министрами, проповедывали абсолютную монархию, народное благочестие, полное доверие народа к властям.

Это—более откровенное выражение политики крепостников, которая скрыта в «невиннейших» романах и стихах.

Из государственной теории мысль о самобытности развития России, ничем будто бы не похожей на западноевропейские страны, а также известные три кита — православие, самодержавие и народность — перешли в школу славянофилов.

Такова последовательность, которую устанавливает Горький в полном соответствии с исторической действительностью: реакционная теория «народности» была впервые сформулирована правительством. «Было приказано,—пишет Горький,—проповедывать «народность»:

Кто ...русской глупости не хочет бить челом,
Он враг отечества, он сеятель разврата!

Горький с полным сочувствием приводит эти слова юного Пушкина.

Помогало же правительству, по мысли Горького, крепостническое общество, его литература. Вывод из убедительных наблюдений автора один: интерес к «народному элементу», шедший с Запада, в условиях феодальной страны—России начала XIX в. — стал модой, вполне приставшей к лицу российского помещика-крепостника. Небольшой

очерк, посвященный развитию лже-народных, реакционных художественных направлений и теорий, является образцом исторической точности и раскрытия практического — это замечательный термин Горького — смысла идеологических форм классовой борьбы.

О Пушкине Горький говорит, как о первом русском поэте, который «почувствовал, что литература — национальное дело первостепенной важности... Он — первый поднял звание литератора на высоту до него недостижимую: в его глазах поэт — выразитель всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни».

Как же подошел Горький к определению народности Пушкина? Глава о поэте идет вслед за главой о романтизме и лженародной дворянской литературе. Проницательное разоблачение Горьким этой литературы едино по методу изучения с определением им пушкинской народности.

Горький отмечает связь Пушкина с декабристами, его социальную и политическую активность, показывает, как поэт отзывался на все сколько-нибудь важные события в жизни родной страны и в жизни мира. Горький подчеркивает внимание Пушкина к народу, к его судьбам, к его творчеству. Пушкин ввел это творчество в литературу, «не искажая его в угоду государственной идее «народности» и лицемерным тенденциям придворных поэтов. Он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными их смысл и силу».

Пушкин осветил исторические судьбы народа, провозгласил Степана Разина «единственным поэтическим лицом русской истории». Суровой правды исполнено изображение деревни в «Истории села Горюхина», в стихотворении «Румяный критик мой, насмешник толстопузый», написанном, по слову Горького, «как будто Некрасовым». Пушкин — поэт-реалист; это определение — самое важное. Горький указывает на громадное благотворное воздействие Пушкина на Гоголя. Пушкин, в оценке Горького, — основоположник реализма в рус-

ской литературе, «родоначальник великой русской литературы».

Вот характерные черты творческого портрета Пушкина. Горький нашел эти черты, написал портрет, охватив изучением едва ли не все важные стороны многогранного гения поэта: Пушкин и дворянство, Пушкин и светское общество, самокритика Пушкина, Пушкин и народ — эти вопросы поставлены в «Истории русской литературы».

Отношение поэта к светскому обществу достаточно ясно выступает в «Евгении Онегине» — замечает Горький; он убедительно доказывает, что Пушкин под чернью разумел «светское столичное общество».

Более сложным представляется вопрос об отношении поэта к дворянству, как классу в целом. Известно, Пушкин гордился древностью своего рода. Но, разобрав его ответ Булгарину, который упрекал поэта в том, что предок его Ганнибал был куплен Петром за бутылку водки, — Горький приходит к выводу: в ответе звучит «нечто новое по тем временам... звучит уверенность человека в его праве «читать самого себя» не только по заслугам предков, но за свои личные заслуги пред обществом». «Пушкин вкладывал, — говорит Горький, — в понятие дворянства чувство собственного достоинства, сознание своей человеческой ценности и внутренней свободы». Так Горький правильно определил содержание и смысл пушкинской гордости древностью своего имени. Гордость эта, воспитанная дворянской средой, оказывается формой, в которой Пушкин защищал личное достоинство перед дворянским же обществом, перед знатью.

Самокритика Пушкина — один из наиболее сложных вопросов истории литературы; чтобы понять его решение, необходимо разобраться в главе, тему которой Горький определил так: «посмотрим, как он (дворянин) относился к себе самому, насколько глубока была дворянская самокритика и каким образом дети крепостников дошли до поклонения рабам отцов своих и своим: одним словом, посмотрим, как барин изображал сам себя

в литературе». Самая формулировка темы — этот неожиданный поворот исследования — самая постановка вопроса, захватывающая, как мы далее увидим, выдающиеся явления литературы, возбуждает глубокий интерес. Горький анализирует типы Онегина, Печорина, Рудина, Бельтова, под тем же углом зрения он берет и юного Иртеньева, Оленина, Нехлюдова.

Все эти образы — олицетворения самокритики. Горький нашел необходимое слово — определение важнейшего литературного явления.

В самом деле, чем, как не самокритикой был тип Онегина, которого судит автор романа, будучи его «добрым приятелем». Горький отмечает сходство некоторых воззрений самого Пушкина с записями в дневнике Онегина. Это, конечно, не означает тождества автора и героя, и дело не в совпадении их воззрений, хотя их «приятельские» отношения — характерная черточка самокритической сущности Онегина. Толща помещичьего класса и светская придворная знать предстали в сатирическом изображении под пером Пушкина. Это — ряд известнейших образов и картин критического реализма. Онегин — также тип критического реализма, вернее большей его разновидности — самокритического реализма, Онегин — тип интеллигенции дворянской, которая, хотя и понимала в какой-то степени мерзость крепостнической действительности, мерзость «барства дикого», но была с ним связана многочисленными нитями классового родства и не способна была порвать с этой средой, бороться с нею. Потому и была «лишней», проводила дни в «тоскующей лени», благо «наследье богатых отцов освободило от малых трудов», или, подобно Печорину, растрчивала силы в «действии пустом», или бездействовала «под бременем познания и сомнения».

Чем, как не самокритикой, был тип Печорина, о котором автор писал: «Это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии». «Дума», идейно самым тесным образом связанная с романом, — очевидная форма самокритики: «Печально я

гляжу на наше поколение» — писал Лермонтов. «Наше поколение» для Лермонтова — это, конечно, не «высший» свет и не крепостническое барство.

А вместе с тем, «Дума» и «Герой нашего времени» связаны внутренней необходимой связью с реалистическими, жестоко-правдивыми сценами «Маскарада», «Сашки».

В главе о дворянской самокритике Горький показывает, как исторически изменялись формы, содержание, смысл и значение самокритики от Онегина к Печорину, от Печорина к Рудину, к Бельтову. Сопоставляя Тургенева и Герцена, Горький показывает, насколько шире и общественно-актуальней был критический охват Герцена, насколько глубже и правильней было его самопознание. Горький вскрывает драму русского барства, драму «умной ненужности», ссылаясь на свидетельства Герцена, и вместе с тем высоко поднимает идею раскрепощения личности, которую проповедывала дворянская литература, но с особенным блеском и глубиной Герцен.

Вернемся теперь к Пушкину. Горький рассказывает, как Пушкин подошел к народу — через изучение его творчества, а творчество народа — это его история. Здесь, в этой наиболее близкой поэту области, он глубоко коснулся духа народа. Горький сравнивает Пушкина с Леонардо-да-Винчи. «Пушкин для русской литературы такая же величина, как Леонардо для европейского искусства». Вспомним суждение Энгельса о деятелях Возрождения, «которые были чем угодно, но только не буржуазно-ограниченными», стало быть, близкими к народной, демократической массе.

Лермонтов, — в оценке Горького, — преемник Пушкина, обещавший стать «первоклассным народным поэтом». Доказательство тому Горький видит в «Песне про купца Калашникова». Доказательство тому и в закономерной последовательности «Думы», «Героя нашего времени», «Родины», в которой поэт с любовью и надеждой обратил свой взор к родине народной, крестьянской, к России «печальных деревень».

Толстой — гений критического реализма и самокритики, проводимой им с величайшей беспощадностью, начиная с юного Иртеньева, кончая Нехлюдовым «Воскресения». И в пути исканий Толстой пришел к народу. «Толстой глубоко национален, он с изумительной полнотой воплощает в своей душе все особенности сложной русской психики: в нем есть буйное озорство Васьки Буслаева и кроткая вдумчивость Нестора Летописца, в нем горит фанатизм Аввакума, он — скептик, как Чаадаев, поэт не менее, чем Пушкин, и умен, как Герцен — Толстой это целый мир».

Самокритика — наивысшее выражение критического реализма; подготовленная широким охватом критики окружающего, она направлена на то образованное меньшинство, на ту лучшую часть интеллигенции, которая силою мысли, «познания добра и зла» восходила и к пониманию окружающей действительности и к пониманию своего места в ней, своего общественного положения. Художественные образы самокритики принадлежат поэтому к самым глубоким по содержанию созданиям мировой литературы. Вне самокритики — самопознания — нет литературы. В одной забытой статье Горького читаем: «Литература — сердце мира, окрыленное всеми радостями и всем горем его, мечтами и надеждами людей, отчаянием и гневом их, умилением человека пред красотю природы, страхом пред ее тайнами, это сердце неутомно и бессмертно бьется жаждой самопознания».

Внутренняя необходимая связь самокритики писателя господствующего класса с его отношением к народу — связь этих двух коренных проблем в работе Горького подтверждается следующими замечательными его словами: .

«Возможно также, что пред новым поколением встанет вопрос о народе — что такое русский народ изнутри? До сей поры он изучался, как среда, которую надобно пересмотреть, реорганизовать, но мы мало знаем его, как среду, которая создала нас таковыми, каковы мы есть: мы плохо знаем процесс возникновения, развития и изменения его

верований, его отношений к миру — процесс образования его души.

Что бы ни говорили смертельно умные люди из лагеря индивидуалистов, но нельзя «познать самого себя», не зная своего народа, и нет другого пути к самопознанию, как от народа и сквозь его историю».

Если путь к народу, в силу ограниченности критики и самокритики, не открывался, писатель был обречен вращаться в замкнутом кругу индивидуализма. Теперь мы подходим к пониманию горьковских определений народности таких художников слова, как Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой, и к пониманию глубокого смысла определения: «индивидуализм, превращаясь в эгоцентризм, создает «лишних людей». Неоднократно говорилось, что лучшим, наиболее искусно и убедительно разработанным героем европейской литературы XIX столетия является тип «лишнего человека». Это — положение из доклада Горького на первом всесоюзном съезде писателей. Доклад так связан по основным идеям и принципам с «Историей русской литературы», что есть все основания обращаться к нему для выяснения некоторых вопросов. Интересно отметить: Горький в то время, когда работал над докладом, забыл о существовании своей старой историко-литературной работы, а между тем, в ней и в работе, написанной четверть века спустя, он проводит одни принципы, иногда почти с дословными текстуальными совпадениями.

Из «Истории русской литературы» так же, как из доклада на съезде писателей, явствует, что и критический реализм и самокритику Горький брал исторически конкретно. Он писал: «Основную суть его (критического реализма) можно свести к борьбе против консерватизма феодалов, возрожденного крупной буржуазией, к борьбе посредством организации демократии — т.е. мелкой буржуазии — на почве либеральных и гуманитарных идей, причем организация демократии многими авторами и большинством читателей понималась, как необходимость защиты и против крупной буржуазии и против все более сильно-

го натиска со стороны пролетариата». Это — точное социально-историческое определение буржуазного реализма, из него следует: писатели, ограниченные в своей критике и самокритике, не соединяющие своих обличительных тенденций с положительными стремлениями трудящихся масс, рабочего класса, обречены повторять образ «лишнего человека» — индивидуалиста, то сильного, то жалкого, сознающего трагизм своего бытия и не находящего себе места в жизни.

Необходимо остановиться на недостатках работы Горького. Она писалась более 30 лет тому назад. В ней сказалась, естественно, уровень исторических знаний того времени: некоторые характеристики и оценки отстают от суждений современной советской науки, в том числе от суждений самого Алексея Максимовича, высказанных им в советскую эпоху.

Он писал настоящий свой труд в годы реакции, когда русскую общественную мысль грозил захлестнуть мутный поток всяческого идеализма и мистики, когда либерально-буржуазные теории воспринимались, как «верх» свободомыслия, и влияние их было особенно сильным и особенно вредным. Горький ставил себе целью всемерно бороться с буржуазной идеологией. Но борясь с нею, он в некоторых единичных оценках нарушил им самим правильно определенную перспективу. Он предъявил, например, Радищеву и декабристам требования, которым они, по условиям своего времени, не могли удовлетворить. Провергая буржуазные легенды о Радищеве и декабристах, Горький недооценил историческое значение деятелей первого дворянского поколения революционеров в России.

Правильно указывая на ошибочность воззрений Чернышевского на общину, Горький преувеличил значение этого момента в общей деятельности великого демократа. Он дал одностороннюю, а потому неверную характеристику Рахметова, героя романа «Что делать», дал одностороннюю, а потому неверную характеристику Гоголя.

Совершенно очевидно, что эти единичные ошибочные суждения не выражают ни в какой степени существа взглядов Горького. Напротив, Горький сам же их опровергает всем содержанием своей работы, в которой он твердо проводит мысль о значении культурного наследства, оставленного поколениями революционеров, деятелей литературы и науки для рабочего класса, для его революционной борьбы.

★

Маркс писал: «...Всегда необходимо строго различать материальную перемену в условиях производства, которая должна быть естественно-научно констатирована, и перемену в юридических, политических, религиозных, художественных и философских, словом—идеологических формах, в которых мысль о столкновении проникает в человеческое сознание и в которых скрытым образом из-за него происходит борьба».

Горький следовал этому руководящему принципу марксистского изучения истории человеческого общества.

Его «История русской литературы» — драгоценный вклад в советскую литературную науку. Громадный материал двухвековой истории общественной

жизни и борьбы, общественной мысли и литературы, быта и культуры России собран с глубокой добросовестностью, охвачен животворящим пламенем революционной мысли.

Работа Горького пронизана революционной целеустремленностью, она вооружает такими знаниями в области литературы, которые не только объясняют мир, но и помогают изменить его.

От работы Горького веет духом классовой борьбы пролетариата.

В лице великого пролетарского писателя мы имеем выдающегося деятеля литературной науки, ее горячего пропагандиста, ученого, который соединил великое знание жизни со знанием любимой им книги — мировой культуры, который соединил способность «повеять» «алгеброй гармонию» с горячей любовью к делу литературной науки.

А «любить дело это, — по мысли Горького,—значит чувствовать его необходимость для жизни».

Настоящая статья входит в состав «Горьковских чтений» за 1938 и 1939 гг., подготовленных к печати Институтом Мировой Литературы им. А. М. Горького.

Рукопись «История русской литературы» выходит в свет отдельным изданием.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАНДА ВАСИЛЕВСКАЯ: «ОБЛИК ДНЯ». Гослитиздат. 1935 г., стр. 223, ц. 3 р.
«РОДИНА». Гослитиздат. 1936 г., стр. 263, ц. 4 р. **«ЗЕМЛЯ В ЯРМЕ».** Гослитиздат.
1939 г., стр. 280, ц. 1 р. 75 к.

★

Когда перед всем миром раскрылась несостоятельность созданного после Версальского договора государства шляхетской Польши, особый интерес представляют художественные произведения, рисующие недавнее прошлое этой страны

На наших глазах в течение первой половины сентября 1939 г., в результате войны Польши с Германией, а затем короткого удара по Польше со стороны Красной армии, произошел распад панской Польши — государства с крайне неустойчивым, насквозь прогнившим строем, который держался только силой штыка. В этой связи стоит обратиться к свидетельским показаниям польской художественной литературы, лучшие произведения которой — вольно или невольно для их авторов — отразили обреченность этого осужденного теперь историей режима.

Примечательно в этом отношении вышедшие в последние годы один за другим три романа молодой писательницы Ванды Василевской, рисующей объективно верную картину жизни польского народа в недавнем прошлом.

Эти книги — о нищенской, бесправной, беспросветной жизни рабочих, городской бедноты, батраков и крестьян в районах коренной Польши (находившихся в несравненно лучшем положении, чем трудящиеся Западной Украины и Западной Белоруссии) — представляют собой наглядную картину ужасных условий жизни, на которые был обречен народ господствующей кликой пилсудчиков.

Все три книги Ванды Василевской — «Облик дня», «Родина», «Земля в ярме» — написаны, по существу, на одну и ту же тему. Мы видим в художественных образах и в материале этих книг мучительную безысходную нужду в Польше, систему издевательств, утонченных и грубых, которым подвергался народ со стороны властей, помещиков и церкви. Писательница рассказывает об отчаянных попытках рабочих и крестьян Польши добиться сысной жизни, о стихийных массовых выступлениях, которые на протяжении всего двадцатилетнего периода ее существования потрясали бывшее польское государство. Тема произведений Ванды Василевской — разочарование, постигшее трудящихся, которые поверили демагогическим обещаниям пилсудчиков и надеялись, что со-

здание независимой Польши улучшит положение народных масс.

Романы Ванды Василевской выскательному читателю покажутся примитивными. Не ставя целью рисовать крупные полотна, не делая широких социальных обобщений, Ванда Василевская, однако, сумела простыми художественными средствами показать типичную судьбу рядовых людей города и деревни в бывшей панской Польше. Но именно в этих безыскусственных зарисовках жизни и быта людей из народа — сильная сторона произведений Василевской, жуткая сила правды. Вот почему эти книги, не лишенные художественных и идейных недостатков, имеют значение подлинных документов.

Первая книга Ванды Василевской «Облик дня» названа автором повестью-репортажем, чтобы, повидимому, оправдать сюжетную неслаженность романа.

Роман написан в форме художественных очерков-зарисовок отдельных эпизодов из жизни городской бедноты. Ванда Василевская знает среду, о которой рассказывает в книге. Она воспроизводит печальную картину действительности, ужасающую эксплуатацию и нищенскую жизнь польских пролетариев и ремесленников, не выданную ни в какой другой стране капиталистической Европы.

На текстильной фабрике, кирпичном заводе рабочие и работницы познают такие, например, горькие истины: «Тюрьма и больница построены для всех. Никто от них не застрахован». Или: «Все больше стирается грань между безработными и работающими. Со дня на день становится меньше разница между ними».

С печальной иронией рабочий убеждает своего товарища: «Кирпич можно продать, а тебя кто купит? Рук для работы всегда хватает. Люди размножаются, будто кролики, богу на славу, хозяину на пользу. Кирпич — всегда кирпич. А ты что представляешь собой? Ничто».

Но наступает предел терпению, в рабочей среде выдвигаются энергичные бойцы. Так выковывается фигура сознательного молодого строителя Анатолия и его подруги, работницы сигарной фабрики Наталики, сплачивающих трудовой народ на борьбу против режима эксплуатации и угнетения.

Проходят собрания, вспыхивает всеобщая забастовка. Рабочие на баррикадах с твердой решимостью провозглашают: «Мы строим мир свободных людей!». И если Ванда Василевская в этих книгах и не совсем четко представляет себе конкретные пути революционной борьбы, если под'ем революционной энергии польских рабочих освещен, вопреки характерной для нее реалистической манере письма, в абстрактно-символических тонах,— все же «Облик дня» неплохо показывает процесс формирования нового сознания рабочего класса, почувствовавшего свою организующую силу.

В лице Анатоля нарисован польский рабочий, понимающий, что надо разрушить до основания режим, созданный шляхтой. Анатолий мыслит образами, которые подсказала ему профессия строителя. Он думает о том, что разрушение надо продумать основательно: «как подготовляется выемка земли для постройки: чтобы ничто не мешало кладке фундамента — ни застрявшие в земле осколки камней, ни зыбкий, сыпучий песок, на котором ничто не держится, ни лужи заплесневелой, зеленой воды».

И Анатоль уверен, что недалеко то время, когда польский рабочий осуществит свою мечту. «Сильны руки трудящегося человека. Рабочие сумеют уложить тяжелые кирпичи. Сумеют вывести постройку вверх. Этаж за этажом. Сумеют связать углы. Они умеют скреплять известью и цементом. Умеют покрывать стены радостной сияющей белизной. Зорки у строителей глаза... Решительны, упорны их сердца: постройка будет доведена до самого верха».

Второй роман, «Родину», Ванда Василевская посвящает более отсталому, еще более беспорядочному отряду польских рабочих — батракам в помещичьем имении.

Автор начинает свое повествование издали — еще с тех времен, когда батраки мирно жили с тем фактом, что невелика разница между обстановкой густо населенного барака, где живут рабочие, и хлевом для скота.

Но и здесь зреет мысль о том, что наступит конец барской власти, что переменится судьба батрака.

«Родина» — это роман о сложном и длительном пути, пережитом польскими батраками, которые впервые в своей жизни забастовали в 1905 г., добиваясь элементарных условий человеческого существования. В годы первой русской революции в Польше, среди батраков стала прививаться идея «мужицкой родины», в возможность которой нескорю поверил много лет проработавший в помещичьем имении батрак Кржисьяк. Но, поверив в эту идею, он ждал, когда придет свобода и справедливость, когда принадлежащие господам поле, речка, лес станут «мужицкими».

В своем романе Ванда Василевская показывает, как крестьяне и батраки в годы мировой империалистической войны готовились к борьбе за новую родину трудящихся. Они собирали оружие, брошенное русскими и австрийскими армиями, и зарывали его в землю. Кржисьяк думал, что в этой земле — «ростки бу-

дущей родины». В начале 1919 г. было «провозглашено» образование «Польской народной республики», и крестьянам была демагогически обещана земля, но Кржисьяку вскоре пришлось убедиться, что он «для чужого дяди таскал голыми руками картошку из огня».

В деревне начались жандармские экзекуции, по батрацкой спине загуляла нагайка, помещики стали еще сильнее издеваться над народом. Пресловутые вожде, идеологи «независимой национальной Польши», — партия пепеэсовцев — сумели дезориентировать рабочих и крестьянские массы, и паны осмелели, увидев, что «цепы не опускаются на их головы, вилы не вонзаются им в брюхо».

Кржисьяк почувствовал, что в батрацкой жизни, по существу, ничего не изменилось, осталось все, как было в прошлом. «Родина была нескончаемым барачным днем, окриками управляющего. Плесенью, растекавшейся по стенам барака, кривыми ногами и прыщавыми шеями барачных детей. Картофельной шелухой, из которой люди варили похлебку. Нарями, на которых шуршала гнилая солома».

И батрак, подводя итоги тридцатилетнему периоду своей жизни в помещичьем имении, задает сам себе вопрос: не обманулся ли он сам, не проглядел ли подходящую минуту, когда надо было по-иному братья за дело?

Но годы революционного под'ема не могли, конечно, пройти бесследно. «Между господским домом и бараками тлеи неугасимые искры ненависти». Деревенские пролетарии и крестьяне-бедняки, «одним горем и нуждой повитые», выступали теперь против общего врага — помещика.

Об ожесточенной внутренней войне, которая в Польше непрестанно велась между крестьянством и помещиками, рассказывает Ванда Василевская в третьей своей книге, носящей красочное название «Земля в ярме», точно определяющее содержание романа. Автор показал в романе типичный для Польши район, в котором, как в крепостнические времена, властвует помещик, распоряжающийся жизнью и имуществом крестьян.

Граф Острженский, «спрут, протягивающий свои щупальцы» на всю округу, присвоил себе все блага природы — лучшую, более плодородную землю, пастбища и леса. Больше того, крестьяне лишены права ловить рыбу в деревенском пруду, собирать ягоды в лесу и даже пользоваться удобной дорогой, так как все это принадлежит помещику, а дорога проходит по господскому лесу.

В романе Василевской нарисована жуткая картина помещичьего произвола. Графские лесники затравили собаками и убили молодого крестьянина Стефана, осмелившегося выкупаться в помещичьем пруду. Крестьянин Радзюк, которого голод заставил заняться охотой в лесу, получил двести ударов и, окровавленный, на четвереньках еле дополз домой.

Когда помещик предложил Радзюку самому выбрать — суд или «наказание на месте», крестьянин предпочел подвергнуться унижительному наказанию, прекрасно понимая, что в панской Польше обращение к «правосудию» могло

бы привести к еще худшим последствиям.

Дикое убийство крестьянина Стефана осталось безнаказанным. Да и на повседневном своем горьком опыте крестьяне убеждались, что в Польше власти всегда становились на сторону помещика, что от властей можно ожидать одного только зла. «И зло приходило... по деревням бродили судебные исполнители, приходили повестки с требованием уплаты налогов, с вызовом в суд, с наложением взысканий. Старушка Лисина... напрасно клялась, что удалитла уже все, что полагалось. Она не сохранила расписок, не умела подсчитать,— была неграмотна. И так странно все складывалось, что неграмотный платил больше, чем полагалось по закону». А в то же время крестьяне знали, что граф Острженский фактически налогов не платит.

Ваида Василевская рисует потрясающую картину культурного одичания деревни панской Польши. В небольшой комнате деревенской школы, в грязной избе кузнеца, учитель в одно и то же время занимается с тремя группами ребят. По закону он обязан штрафовать родителей, не посылающих детей в школу, но учитель понимает, почему не приходит большая часть школьников. Дети заняты на полевых работах, на пастбище, а зимой не имеют одежды и обуви. Учитель доволен этим: иначе ему пришлось бы заниматься в несколько смен и работать двенадцать-пятнадцать часов в день.

В летние каникулы учитель, чувствующий свое бессилие изменить что-нибудь в деревенской жизни, вспоминает своих несчастных питомцев: «Юзека и Антека с кровотокающими изъеденными цыной деснами; Леоську, у которой постоянно текло из ушей; Владека с золотушной сыпью. Дети с искривленными от рахита ногами, с раздутыми животами, с колтунами — жуткий паноптикум деревни, с незапамятных времен хиреющей от голода».

Интересны страницы романа, посвященные различным способам борьбы, которые применяли польские крестьяне против графа. В деревне с постепенно нарастающей силой накапливалась ненависть к помещику, и эта ненависть вызывала целый ряд активных действий. Ванда Василевская рассказывает о том, что крестьяне неоднократно поджигали графский лес, рубили садовые деревья, выпускали через шлюзы рыбу из помещичьего пруда.

Борьба между графским дворцом и деревней становилась все более обостренной. Граф «не умел уже хладнокровно принимать удары, сыпавшиеся на него из мужицких рук. В бессонные ночи он изобретал способы, обдумывал приемы, которые могли бы обессилить мужиков, заставить их признать себя побежденными. Но, когда наступал день, граф видел ясно, что бывал побежден Ян, Константин, Казимир, но не деревня».

Озлобленный против крестьян помещик решил лишить крестьян воды, а власти услужливо предоставляли ему в аренду пруд и озеро в деревне. Это переполнило чашу терпения: крестьяне стихийно выступили против помещика и подожгли его усадьбу.

Недаром граф за несколько дней до этого события с тревогой думал о том, что наступает конец панской власти.

«Неужели наступает ваше время, а мое вместе со мной сходит в могилу? — безмолвно вопрошал граф серые, низко припавшие к земле деревни, видневшиеся из дворцового окна».

История вынесла свой приговор панской Польше.

Паны подчиняли себе не только миллионы трудящихся поляков, но и народы Западной Белоруссии и Западной Украины, освобожденные нашей победоносной Красной армией.

Прочитав книги передовых польских писателей, правдиво освещающих положение рабочих и крестьян, страдавших в течение двух десятилетий под игом панов, легко дать себе отчет, почему буржуазно-помещичья Польша рассыпалась в первые дни военного столкновения, понятно, почему народ отказался защищать эту страну.

Известно, что решение советского правительства о переходе Красной армией бывшей польской границы — для того, чтобы освободить наших единокровных братьев западных белоруссов и западных украинцев и чтобы вызвать польский народ из войны, — было с огромной радостью и энтузиазмом одобрено всем советским народом.

Наши братья — украинцы и белоруссы, живущие в районах, которые совсем недавно были колониальными владениями польской шляхты, освобожденные Красной армией, пошли теперь быстрыми шагами по пути хозяйственного и культурного подъема.

М. Маркушевич.

★

Э. БУРДЖАЛОВ—«26 БАКИНСКИХ КОМИССАРОВ».

«Госполитиздат», 1938 г. Стр. 112. Тираж 150.000. Ц. 2 р. 50 к.

★

Прошел двадцать один год со дня героической смерти 26 бакинских комиссаров, погибших за великое дело коммунизма.

В ноябре 1917 г. пролетариат Баку установил советскую власть. Был образован Бакинский Совет народных комиссаров во главе со Степаном Шаумяном.

Эсеры, дашнаки и меньшевики, потеряв доверие рабочих масс, начали агитацию за свержение советской власти и для этого вошли в контакт с английскими интервентами. Они спекулировали на голоде, на приближении турок, и им удалось провести в совете эсеровскую резолюцию о приглашении англичан.

Руководители Бакинского Совнаркома вели героическую борьбу против контрреволюции, и справедливость требует отметить, что обстановка, в которой пришлось вести свою работу бакинским большевикам, была исключительно напряженной и тяжелой.

Вокруг советского Баку все ту же стягивалось вражеское кольцо. Баку, поистине, был город на вулкане. С запада наступали турецкие полчища и муссаватские банды, с севера — дагестанские контрреволюционные отряды, в самом Баку вели предательскую деятельность дашнаки, эсеры и меньшевики, призвавшие английских интервентов. И все же советская власть в Баку за четыре месяца своего существования проделала в этой неимоверно тяжелой обстановке огромную работу как в отношении революционной обороны города, так и в области социалистических преобразований.

Когда власть перешла к меньшевистско-эсеровской диктатуре, вершителем судеб стал центральный комитет Каспийской флотилии, так называемый «Центрокаспий», являвшийся агентурой английского капитала.

Эта реакционная власть немедленно призвала английских империалистов. Она лакейски сообщила в Персию генералу Денстервилю, что путь на Баку открыт. 4 августа 1918 г. Баку был оккупирован британскими войсками, которых торжественно встретили предатели.

Занятие Баку было крупнейшим шагом в развитии интервенции против Советской России. «Мурман на севере, чехо-словацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке — мы видим, что почти все звенья кольца, скowanego англо-французским империализмом, соединены между собой», — писал Ленин об оккупации Баку англичанами¹.

После ухода большевиков эсеро-меньшевистская и дашнажская печать повела гнусную, клеветническую кампанию, обвиняя руководителей Коммуны в «государственной измене» и т. п.

С риском для жизни комиссары Коммуны сделали попытку отплыть в Астрахань, но после двухдневного пути, задержанные штормом, были обстреляны посланной вдогонку вооруженной бандой правительства «Центрокаспия».

26 августа газеты сообщили о разоружении задержанных пароходов и об аресте комиссаров по указанию «Центрокаспия».

Еще до ареста социал-предатели не раз обсуждали вопрос о расправе с ненавистными им большевиками. Слишком высок был авторитет советской власти. Слишком популярны были имена Степана Шаумяна, Прокофия Джапаридзе, Азизбекова, Фиолетова и других среди основной массы бакинского пролетариата, и это, совершенно ясно, не могло не беспокоить гнусных соглашателей, опасавшихся, что их господство может быть слишком кратковременным.

Положение на фронте ухудшалось с каждым днем. Голодные, измученные, обманутые рабо-

чие, убедившись в предательстве соглашателей, не могли собственными силами держать фронт против регулярных турецких войск.

«Правительство Центрокаспия» начало срочно эвакуироваться. Было достаточно времени, чтобы подумать об арестованных комиссарах, но ныне надо считать безусловно доказанным, что заправили «Центрокаспия» намеренно оставили комиссаров на расправу муссаватским бандам.

Однако усилиями нескольких оставшихся на свободе коммунистов, в частности товарища Микояна, арестованных комиссаров удалось освободить из тюрьмы. Они успели сесть на последний отходивший пароход «Туркмен». Но точас выяснилось, что из-за недостатка топлива пароход пойти на Астрахань не сможет, и коммунары вынуждены были направиться в Красноводск, который тогда уже находился под властью англичан и «временного правительственного комитета» Закаспийской области, возглавлявшегося эсером Фунтиковым. В Красноводске комиссары были арестованы. По отношению к арестованным придерживались тактики, выработанной в Баку. Им было предъявлено обвинение в сдаче Баку туркам.

В Ашхабаде эсер Фунтиков отдал распоряжение составить экстренный поезд из одного паровоза, одного красного вагона и одного арестантского. По его же приказанию была подобрана «надежная» бригада.

Члены «закаспийского правительства» прибыли в Красноводск. Здесь было устроено секретное совещание, в результате которого в ночь с 19 на 20 сентября в камеру тюрьмы явились палачи, вывели арестованных комиссаров на вокзал и экстренным поездом отправили по направлению к Ашхабаду. В классном вагоне разместились члены «закаспийского правительства» и представители английского командования.

Между станциями Ахча — Куйма, на 207-й версте, поезд был остановлен. Находившиеся в поезде бакинские комиссары были группами выведены из вагона и зверски перебиты.

В этом убийстве члены «закаспийского правительства» и эсеры принимали непосредственное участие. Кроме них, лично присутствовал английский офицер, начальник штаба английских войск Закаспия, капитан Тиг Джонс.

Таким образом, арест и убийство произведены под прямым руководством и при участии английского командования, в полном согласии с «закаспийским правительством».

По предварительному соглашению факт расстрела должен был быть скрыт. Предполагалось объявить, что бакинские комиссары увезены в Индию.

Бакинские предатели начали, закаспийские — завершили это кровавое и позорное преступление.

«В «цивилизованных» странах принято говорить о терроре и ужасах большевиков, — писал в 1919 г., в связи с расстрелом 26 бакинских комиссаров, товарищ Сталин. — Причем англо-французских империалистов избра-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. XXIII, стр. 156.

жают обычно, как врагов террора и расстрелов. Но разве не ясно, что никогда еще советская власть не расправлялась со своими противниками так низко и подло, как «цивилизованные» и «гуманные» англичане, что только империалистские людоеды, насквозь прогнившие и потерявшие всякую моральную силу, могут нуждаться в ночных убийствах и разбойничьих нападениях на безоружных политических работников противоположного лагеря?..

Приглашая англичан в Баку и предавая большевиков, бакинские меньшевики и эсеры думали «использовать» английских «гостей» как силу, причем предполагалось, что хозяевами в стране останутся меньшевики и эсеры, «гости» же уедут во-свои. На деле получилось обратное: «гости» стали неограниченными хозяевами, эсеры и меньшевики превратились в неприменных участников злодейского и низкого убийства 26 комиссаров¹.

Суд истории уже давно совершился и над Фунтиковым, и над всеми убийцами двадцати шести.

Бакинский пролетариат хранит заветы своих вождей, погибших за дело революции, давших великий пример ленинско-сталинской стойкости и непоколебимости в борьбе с врагами большевизма, великий пример самоотверженности и беззаветной преданности делу пролетариата.

Дело, за которое боролись славные большевики Шаумян и Джапаридзе, борцы и герои Бакинской Коммуны, не погибло. Ныне в созвездии 11 советских социалистических республик яркой звездой сияет возрожденный Советский Азербайджан.

¹ И. В. Сталин. «К расстрелу 26 бакинских товарищей агентами английского империализма», «Известия ВЦИК» от 23/IV 1919 г.

Выход в свет книги Бурджалова надо только приветствовать. Книга — очень ценный вклад в нашу историко-революционную литературу, которая знает мало работ, посвященных жизни и борьбе 26 бакинских комиссаров.

В рецензируемой книге обстоятельно прослежены все стадии борьбы, раскрыты пышные, бездарные адвокатские фразы эсеро-меньшевистской слякоти, вроде Саакяна, Айолло, Садовского, поддерживаемых английским империализмом.

Подробному освещению деятельности молодой советской власти посвящено несколько разделов книги.

Наиболее ценное в книге — это то, что она в совокупности дает превосходное представление об исключительно сложной обстановке, в которой мужественным борцам приходилось держать красное знамя Советов.

В книге приведено много высказываний Ленина и Сталина, имевших самую непосредственную связь с Баку. Эти высказывания проливают яркий свет на подлинные события. Многие документы публикуются впервые.

О гибели славных бакинских комиссаров рассказано в последнем разделе книги. Эти страницы дают представление, на какие величайшие жертвы во имя коммунизма способны большевики.

Хорошо, что книге предшествует исторический очерк о революционной работе бакинской большевистской организации в 1903—1917 гг.

Приходится пожалеть, что к книге не приложен малоизвестный «Дневник Фунтикова», написанный этим матерым эсером для какого-то бело-эсеровского влиятельного лица. «Дневник» дает исключительно яркую картину эсеровского и английского хозяйничанья в Закаспии и устанавливает тесную связь эсеров и англичан.

Эдв. Шолок.

Редколлегия: Ф. В. Гладков
Л. М. Леонов

А. Г. Малышкин

В. П. Ставский
М. А. Шолохов

Ответственный редактор В. П. Ставский

Редакция: Москва 6, Пушкинская площадь, 5
Издательство: «Известия Советов Депутатов трудящихся СССР».

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА „НОВЫЙ МИР“ ЗА 1939 г.

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ.

- В. Биаль-Белоцерковский.** Пять долларов, рассказ. VII—88.
- В. Бредель.** Комиссар Рейнской армии. Пер. с нем. VIII—121.
- Б. Вадецкий.** Возвращение, повесть. IV—133, V—145.
- Ван-Си,** капитан. Крылья Китая, очерк. II—113, III—121. *
- С. Голубов.** Страдиварий на оброке, повесть. VII—100.
- А. М. Горький.** Праздник шиитов, очерк. VI—241.
- С. Диковский.** Рассказы. XII—51.
- А. Дроздов.** Утро, роман. I—55, II—79, III—84.
- Ю. Жуков.** Гори—Тбилиси, очерк. XII—141.
- С. Заречная.** Братство, очерк. I—113.
- А. Казанцев.** «Мир будущего», очерк. XII—99.
- А. Каплер и Т. Златогорова.** Ленин, кино-сценарий. I—13.
- Н. Костарев.** Плен, рассказ. VIII—108.
- В. Костылев.** Козьма Минин. VI—41.
- А. Корнейчук.** Богдан Хмельницкий, пьеса. VII—51.
- В. Кудашев.** Суровый характер, рассказ. IV—126.
- К. Левин.** Рассказы о военных топографах. IX—147.
- Л. Леонов.** Волк (Бегство Сандукова), пьеса. V—17.
- В. Лидин.** Два рассказа. IV—117. Дело №. VIII—108. Степная дорога. X—XI—212.
- Ф. Малов.** Пламенная Хохлома. VIII—169.
- С. Мстиславский.** Река счастья, очерк. XII—156.
- Н. Незлобин.** Неузнаваемая страна, очерк. IX—180.
- П. Низовой.** В полярном море, рассказ. I—136.
- И. Новиков.** Краледворская рукопись. IV—49.
- Д. Петровский.** Повесть о полках Богунском и Таращанском (главы) X—XI—68.
- М. Пришвин.** Лисичкин хлеб, рассказы. V—97.
- Э. Самуйленок.** Будущность, роман. Перев. с белорус. С. Родова. VII—5, VIII—66, IX—69.
- П. Северов.** Доверие, повесть. VIII—10.
- С. Скляренок.** Два рассказа. Пер. с укр. В. Раковской. III—75.
- В. Солнцева.** Первый орден, повесть. VI—15.
- В. Соловьев.** 1812-й год, трагедия в стихах. X—XI—3.
- В. Ставский.** Рассказы о героях. X—XI—216.
- В. Стариков.** Доктор, повесть. X—XI—143.

- А. Толстой.** Путь к победе, пьеса. IX—5.
- Г. Фэш.** Вредная черепашка и теленомус. VIII—144.
- В. Федорович.** Вино, рассказ. IX—58.
- Н. Чертова.** Разрыв-трава, роман. III—13, IV—75, V—59.
- М. Чумандрин.** Бикин впадает в Уссури, пьеса. VI—131.
- А. Шахов.** Рассказы. VI—174.
- Ю. Шер, А. Соловьев.** Танкисты, рассказы. VII—131.
- Эль-Регистан.** Жемчужная Фергана. X—XI—188.
- Е. Юнга.** Наше море, рассказы. V—122. Есть, товарищ Киров! XII—195.
- А. Яковлев.** Преступление Володи Грибова. IX—196.

СТИХИ И ПОЭМЫ.

- М. Алигер.** Прощание. II—111. Киев. III—74.
- П. Антокольский.** На смерть героя. I—146. Франция. VII—96.
- Арго.** Вальпургиева ночь сегодня. VII—126.
- Н. Асанов.** Простые строки. XII—192.
- В. Афанасьев.** Утро. V—176.
- М. Бажан.** День, повесть о товарище Кирове, пер. с укр. Б. Турганова. X—XI—135.
- С. Головановский.** Доля поэта, пер. с укр. Н. Брауна. II—41.
- Л. Длигач.** Январская песенка. I—112.
- Е. Долматовский.** Два стихотвор. VIII—65.
- А. Жучков.** Счастье. VI—109.
- В. Звягинцева.** Ярославна. III—73.
- М. Зенкевич.** Два стихотв. VI—40, XII—140.
- Из чешских поэтов.** Перев. с чешск. В. Нейштадта. V—95.
- А. Исаакян.** Мгер из Сасуна. Перев. с арм. IX—47.
- Д. Кедрин.** Кровь. V—175. Песня про Алену Старицу. VII—142.
- А. Кошштейн.** Стихотв. II—109.
- А. Коц.** Париж. VII—98.
- М. Кочнев.** Два стихотв. I—110.
- Я. Купала.** Стихотв. XII—50.
- М. Липович.** Дуб. IV—115.
- С. Липкин.** Кавказ. V—58.
- В. Луговской.** Лирич. стихи. III—148.
- Н. Незлобин.** Письмо. I—54. Баргузинский соболь. II—133. Односельчанину-большевику. III—10.
- С. Обрадович.** Стихотв. XII—140.
- Л. Озеров.** Кавказ. IV—132.
- Л. Ошанин.** Две песни о Ленине. I—51.
- А. Ойслендер.** Десятое марта. III—11.
- Н. Панов.** Ленин в Швейцарии. I—52.
- Э. Потье.** 18 марта 1871 г. Перев. с франц. А. Коц. III—12.
- А. Пришелед.** Голуби. VII—50.

- М. Рыльский.** Стихотв. XII—50.
В. Саянов. Ива. V—140.
Н. Сидоренко. Музыка. VIII—143.
К. Симонов. Дорожные стихи. IV—159.
В. Сосюра. На могиле Шевченко. Перев. с укр. Б. Турганова. III—72.
А. Сурков. Рядовой линейного б-на и др. стихотв. III—81.
Е. Тараховская. Германия. IV—125.
Н. Ушаков. Два стихотворения. IV—124.
Ф. Федоров. Дальний Восток. II—112.
И. Фефер. Баллада о пожаре. Перев. с еврейск. Н. Ушакова. III—119.
К. Хетагуров. Стихотворения. Пер. В. Аврущенко, А. Гулуева, Б. Иринина, С. Олендера, П. Панченко, П. Семьинова. X—XI—181.
Л. Черноморцев. Детство в Порт-Артуре. VI—38.
С. Чиковани. Воспоминание детства. IX—146.
Т. Шевченко. Сон, поэма. Перев. с укр. Державина. I—125. Пять стихов, перев. А. Безыменского и Н. Ушакова. I—132. Стихотв., перев. Л. Длигача. В. Звягинцевой. II—77. «Заповит». III—71.
С. Щипачев. В Ливадию. II—134. Летчицы. V—178. Спор. VI—14. Седина. VIII—142. На западной Украине. Мысли по дороге. X—XI—167. Народной армии Финляндии XII—139.

СТАТЬИ И ДОКУМЕНТЫ:

- В. Аврущенко.** Коста Хетагуров. X—XI—358.
Н. Бельчиков. «Невольничья поэзия». III—195.
Е. Бертельс. Литература народов Средней Азии. VI—210, VII—246, IX—264.
Е. Болтин. Пролетарский полководец Михаил Васильевич Фрунзе. IV—161.
Восемнадцатый съезд ВКП(б) — передовая. II—35, III—5.
Л. Варшавский. Шевченко-художник. III—226.
Великий съезд победившего социализма — передовая IV—36.
В. Визе. Последний путь Г. Я. Седова. III—159.
Вымпел славы — передовая VII—3.
А. Волков. Горький и современники. VII—222.
Б. Вальбе. О творчестве К. А. Тренева. IX—230.
А. Воложенин. Два романа — «Цемент» и «Энергия» Ф. Г. Гладкова. XII—222.
А. Герасимов. Красная армия и художники. II—249.
А. Гурштейн. Шолом-Алейхем. III—258.
И. Груздев. Об очерке А. М. Горького «Праздник шитов». VI—240.
А. Гольцев. Симон Чиковани. IX—216.
А. Греков. Древнейшие судьбы Западной Украины. X—XI—248.
Ш. Н. Дадзиани (к 45-летию юбилею). II—248.
А. Дерман. А. П. Чехов, биография. I—210, V—241, VI—247, VII—266.
К. Державин. Литература французской буржуазной революции. VII—202.
Декларация Народного Собрания Западной Украины о вхождении Западной Украины в

- состав УССР. Закон о включении Западной Украины в состав СССР с воссоединением ее с УССР.** X—XI.
Декларация Народного Собрания Западной Белоруссии о вхождении Западной Белоруссии в состав БССР. Закон о включении Западной Белоруссии в состав СССР с воссоединением ее с БССР. X—XI.
Т. Джатиев и Д. Стонов. Живой Коста. X—XI—365.
Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой. XII—209.
А. Евгеньев и Б. Рунин. Эдуард Багрицкий. II—253.
А. Еголин. Н. В. Гоголь. IV—200.
В. Зускин. Мой Шолом-Алейхем. IV—263.
Д. Иванов. Контр-удар по Колчаку. I—158.
Изменения в Уставе ВКП(б). Тезисы доклада тов. А. Жданова на XVIII Съезде ВКП(б), одобренные в основном Политбюро ЦК ВКП(б). II—23.
М. И. Калинин. Об овладении марксизмом-ленинизмом работниками искусств. VI—5. К шестидесятилетию со дня рождения товарища Сталина. XII—3.
Михаилу Ивановичу Калинин (приветствие). III—9.
В. Коккинаки. Курс на Восток. II—135.
К сведению всех организаций ВКП(б). II—3.
А. Кузнецов. Ювелиры. II—202.
В. Катаяня. Маяковский за границей. III—237. IV—213.
В. Комаров. XVIII съезд ВКП(б) и задачи советской науки. V—3.
В. Кирпотин. Борей против реакции. V—210. Политические мотивы в творчестве Лермонтова. X—XI—306.
Х. Коштыяну. Подвиг смелости и самоотвержения. V—270.
Командир-большевик. II—39.
Б. Кузнецов. Коммунизм и техника будущего. VIII—200.
В. И. Ленин. Памяти председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета тов. Я. М. Свердлова. IV—46.
Г. Ленобль. Пути молодых. I—255 Три статьи Е. Усиевич. VIII—261.
С. Люм. На родине Шолом-Алейхема. IV—271.
И. Лупол. Интеллигенция и революция. VII—172. А. М. Горький и мировая литература. VIII—244.
В. М. Молотов. О внешней политике Советского Союза. X—XI.
П. Марков. Б. В. Щукин. X, XI—369.
В. Молоков. Через всю Арктику. IV—170.
Н. Мещеряков. Великий сатирик. V—186.
М. Нейман. Ленин и Сталин в народном изобразительном искусстве. III—249.
И. Нефтерев. Героическая оборона Петрограда. VI—200.
А. Ниалло. Мирза Фатали Ахундов. I—204.
П. Новицкий. Н. П. Хмельев. I—234.
И. Нович. Н. Г. Чернышевский. VIII—213, IX—242, X—XI—263.

О Дне Военно-Морского флота Союза ССР. VII—3.

Обращение ЦК компартии Финляндии (Радио-перехват. Перевод с финского).

И. Орбели. О поэме «Мгер из Сасуна». IX—45. Давид Сасунский. IX—210.

Отчетный доклад товарища Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). IV—5.

И. Попов. Отечественная война китайского народа. I—148.

По пути Ленина. I—5.

Приветствие товарища Сталина бойцам и руководителям 1 Конной Армии. X—XI.

Речь тов. В. М. Молотова при открытии Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. VIII—5.

Речь по радио Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. В. М. Молотова 17/IX 1939 г. IX—3.

Речь по радио Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. В. М. Молотова 29 ноября 1939 г.

А. Сегеди. Бомбардировочная авиация и противовоздушная оборона глубокого тыла. III—167.

Д. Соминский и С. Теверовский. Химическое оружие и противохимическая защита. V—179.

И. В. Сталин. О Ленине. I—7.

И. В. Сталин. О Я. М. Свердлове. IV—47.

Сообщение от ЦК ВКП(б) и СНК СССР и от Президиума Верховного Совета СССР (жизненный путь Надежды Константиновны). III—153.

И. Судаков, И. Попов. О пьесе Л. Леонова «Волк». V—225.

В. Соболев. Индустрия социализма и ее художественное отражение. VII—273.

Д. Стогов. Узбекистан на выставке. X—XI—169.

П. Скосырев. Пламенный Коста. X—XI—355.

А. Толстой. К молодым писателям. II—243. Об учебнике «История литературы народов СССР». VI—209.

Е. Тарле. Жан-Поль Марат, друг народа. VII—183.

И. Трайнин. Национальное и социальное освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии. X—XI—224.

Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938 — 1942 гг.). Тезисы доклада тов. В. Молотова на XVIII Съезде ВКП(б), одобренные в основном Политбюро ЦК ВКП(б). II—4.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении советских писателей. II—32.

И. Фролов. Пути-дороги, записки геолога. VII—144.

А. Ферсман. Выдающийся ученый и общественный деятель. К 70-летию президента Академии наук СССР В. Л. Комарова). X—XI—257.

Х. Херсонский. Образ Ленина в кино. I—184. Е. Вахтаглов. V—232.

А. Ходорковский. Представители революционной демократии и Шевченко. III—213.

М. Шагинян. Эстетика Тараса Шевченко. III—179. Надежда Константиновна. III—156. Шевченковский пленум. VII—238. Мои встречи. VIII—258. Декада армянского искусства. X—XI—374.

Л. Шапиро. Горный поход. II—182.

М. Юнович. «История русской литературы» М. Горького. XII—261.

Б. Яглинг. Военная тайна. I—171.

БИБЛИОГРАФИЯ

М. Беккер. В. Лебедев-Кумач. Лирика, сагира, фельстон. VIII—283.

А. Воложенин. В. Гроссман — Степан Кольчугин. I—278. А. Виноградов — Стендаль и его время. III—282. В. Иванов — Пархоменко. IV—279. Н. Бобров — Чудесные крылья. А. Шиуков — Война в воздухе. С. Беляев — Истребитель «2-Z». VII—282.

Б. В—кий. К. Паустовский — Тарас Шевченко. II—279.

В. Гурвич. Л. Фейхтвангер. Изгнание. VI—283.

Ю. Калашников. Б. А. Бялик — Горький в борьбе с театральной реакцией. V—278.

Г. Колесникова. М. Раскова — Записки штурмана. VI—274. К. Паустовский — Северные рассказы. IX—282.

Л. Колосков. Э. Багрицкий, как поэт и гражданин. VIII—280.

Б. Козьмин. Илья Груздев, Горький и его время. II—276.

Н. Маркушевич. Три романа Ванды Василевской. XII—282.

Н. Николаев-Бергин. И. А. Гончаров — статьи и письма. I—284.

М. Полякова. Г. Чулков — Как работал Достоевский. IX—284.

В. Раковская. М. Сергеенко — Дорогой Щорса. II—281.

И. Розанов. Н. Сидоренко — Заре навстречу. I—282.

И. Розанов. Ю. М. Соколов — Русский фольклор. V—280.

В. С. М. Водопьянов — Дважды на полюсе. I—276. Б. Ньюмен — Английский шпион в Германии. Ринтель — Секретная война, записки немецкого шпиона. II—283. Г. Байдуков — О Чкалове. VI—272.

Е. Сикар. Т. Жарков — Золотая степь. V—282.

В. Соболев и В. Игнатиус. На Белорусском фронте. X—XI—383.

Х. Херсонский. К. С. Станиславский — Творческие беседы мастеров театра. II—268. Письма М. Н. Ермоловой. VI—278.

М. Шагинян. В. Ильенков — Личность. VI—277.

Л. Шейнкерман. О курсе истории древней русской литературы. III—270.

Э. Шолок. Э. Бурджалов — «26 Бакинских комиссаров».

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ВКЛАДКИ: Ленин и Сталин в Горках в 1922 г. (с кар. худ. Сварога). И. В. Сталин. 1920 г. Рис. Н. Аввакумова. И. В. Сталин (фото).	
М. И. КАЛИНИН — К шестидесятилетию со дня рождения товарища СТАЛИНА	3
М. РЫЛЬСКИЙ — Стихотворение.	50
Я. КУПАЛА — Стихотворение.	50
С. ДИКОВСКИЙ — Рассказы.	51
А. КАЗАНЦЕВ — «Мир будущего», очерк.	99
С. ЩИПАЧЕВ — Народной армии Финляндии, стихотворение.	139
М. ЗЕНКЕВИЧ — Стихотворение.	140
С. ОБРАДОВИЧ — Стихотворение.	140
Ю. ЖУКОВ — Гори — Тбилиси, очерк.	141
С. МСТИСЛАВСКИЙ — Река счастья, очерк.	156
Н. АСАНОВ — Простые строки, стихотворение.	192
Е. ЮНГА — Есть, товарищ Киров! Рассказы.	195
<hr/>	
РЕЧЬ ПО РАДИО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР тов. В. М. МОЛОТОВА 29 НОЯБРЯ 1939 г.	209
ОБРАЩЕНИЕ ЦК КОМПАРТИИ ФИНЛЯНДИИ (Радио-пе- рехват. Перевод с финского).	212
ДОГОВОР О ВЗАИМОПОМОЩИ И ДРУЖБЕ МЕЖДУ СО- ВЕТСКИМ СОЮЗОМ И ФИНЛЯНДСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕ- СКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ.	219
<hr/>	
ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО	
А. ВОЛОЖЕНИН — Два романа.	222
М. ЮНОВИЧ — «История русской литературы» М. Горького.	261
<hr/>	
БИБЛИОГРАФИЯ	
Н. МАРКУШЕВИЧ — Ванда Василевская: «Облик дня» «Родина», «Земля в ярме».	280
Э. ШОЛОК. Э. Бурджалов — «26 бакинских комиссаров»	282
Содержание журнала «Новый мир» за 1939 год.	285

